

ISSN 2409-0875 (Online)
ISSN 2308-1856 (Print)

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова

Золотоордынская цивилизация

Golden Horde Civilization

№ 9. 2016

Посвящается памяти

ЭДУАРДА САЛЬМАНОВИЧА КУЛЬПИНА-ГУБАЙДУЛЛИНА

Казань – 2016

Научный ежегодник «**Золотоордынская цивилизация**». 2016. №. 9. 356 с.+24 с. цв. вкл.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГБУ «Институт истории имени
Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А.Усманова

Ежегодник основан в феврале 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–56244 от 28 ноября 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Выходит 1 раз в год

Научный редактор издания
И.М. Миргалеев

Ответственный редактор
Э.Г. Сайфетдинова

Редактор английских текстов
Роман Хаутала

Редакционная коллегия:

Р.С. Хакимов (председатель),
М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург),
И.В. Зайцев (Москва), В.В. Трепавлов (Москва),
Юлай Шамилоглу (Висконсин, США),
Э.С. Кульпин-Губайдуллин (Москва),
Тасин Джемиль (Бухарест, Румыния),
А.К. Муминов (Астана, Казахстан),
И.Л. Измайлов (Казань), Э.Д. Зиливинская
(Москва), В.А. Иванов (Уфа), Чжао Чжу-ченг
(Тайбей, Тайвань), Н.Д. Руссев (Кишинев, Молдо-
ва), Хироюки Нагамине (Саппоро, Япония),
Ц. Энхчимэг (Улан-Батор, Монголия),
Виктор Спинеи (Яссы, Румыния),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция)

Технический редактор
Л.С. Гиниятуллина

Адрес редакции:
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19

E-mail: zolotayaorda.centri@mail.ru
www.civil.goldhorde.ru

Research Annual “**Golden Horde Civilization**”. 2016. №. 9. 356 p. + 24 p. of colored inserts

FOUNDER

State Budgetary Institution “Shigabutdin Marjani
Institute of History of Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan”

Usmanov Center for Research
on the Golden Horde and Tatar Khanates

Annual was founded in February 2008

Certificate of registration of the mass media
ПИ № ФС77–56244 given by Roskomnadzor
on November 28, 2013

Published once a year

Academic editor of publication
I.M. Mirgaleev

Executive editor
E.G. Sayfedinova

English texts editor
Roman Hautala

Editorial board:

R.S. Khakimov (chairman),
M.G. Kramarovsky (Sankt-Peterburg), I.V. Zaytsev
(Moscow), V.V. Trepavlov (Moscow),
Yulai Shamiloglu (USA),
E.S. Kulpin-Gubaydullin (Moscow),
Tasin Jamil (Bucharest, Romania),
A.K. Muminov (Astana, Kazakhstan),
I.L. Izmaylov (Kazan), E.D. Zilivinskaya (Moscow),
V.A. Ivanov (Ufa), Zhao Zhu-cheng (Taipei,
Taiwan), N.D. Russev (Kishinev, Moldova),
Hiroyuki Nagamine (Sapporo, Yaponia),
C. Enhchimeg (Ulan-Batar, Mongolia),
Victor Spinei (Iasi, Romania)
Il'yas Kemaloglu (Istanbul, Turkey).

Technical editor
L.S. Giniyatullina

Editorial Office Address:
420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 00 19

E-mail: zolotayaorda.centri@mail.ru
www.civil.goldhorde.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора (Миргалеев И.М.).....	7
Павлова (Кульпина) Ю.Э. In memoriam. Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин (1939–2015)	9
Курбатов В.А. «Татарские» топонимы в Японии	12
Хасенова Б.М. Художественный металл кимаков: символы гендерной идентичности	16
Кожушко А.В. Представления о Монголии начала XIII в. в арабской историко-энциклопедической традиции XIII–XV вв.	24
Roman Nautala. Information of the Latin Sources about Relations between the Kingdom of Hungary and Cumans on the Eve of the Invasion of Batu in 1241	29
Тимохин Д.М. Участие Джучи-хана в военной кампании против Хорезмийской державы (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	44
Лушников О.В. Проблема источников по этнополитическим процессам в Волго-Уралье в период создания и распада Монгольской империи и Улуса Джучи	56
Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды	63
Шагавиев Д.А. Источники богословских глав сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара	69
Шамсимухаметова М.Р. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми: источниковедческий анализ	75
Хамидова Ч.И. Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Аbru	79
Хрипунов Н.В. Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде	84
Хайдаров Т.Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде	96
Зайончковский Ю.В. Джучидский хан Таш-Тимур и его монеты	102
Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в поздней Золотой Орде глазами западных современников	113
Селезнёв Ю.В. Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса	123
Нуриева Ф.Ш. Предметно-бытовая лексика в золотоордынских литературных памятниках	131
Камбарбекова Г.А., Сабитов Ж.М. Сведения Хондемира об истории восточной части Улуса Джучи в 1460-х годах	135
Кушкумбаев А.К. «Алтыннан сокқан ақ ордан...»: о термине «Ақ Орда» в героическом эпосе «Ер Едіге»	144
Сайфетдинова Э.Г. Источниковая база сочинения Мурада ар-Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» (золотоордынский период)	153
Акерев Т.А. Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди	158
Непомнящий А.А. Крымоведение и крымоведы в научной судьбе академика А.Н. Самойловича	163
Белецкая О.В. Маяк в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья)	186
Пилипчук Я.В. Вопрос Северо-Западного Причерноморья в истории Золотой Орды	197
Рахимзянов Б.Р. Контакты Гиреев с Москвой в 1470-х – начале 1490-х гг.: аспект выезда к «неверным»	210
Абибуллаева Э.Э. К истории Судебных реестров Крымского ханства	214

Попельницкая Е.А. Конский шлем XIV – начала XV вв. из собрания Национального музея истории Украины	221
Крамаровский М.Г. Каменное изваяние из Крыма (предварительное сообщение)	239
Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму	247
Болдырева Е.М. Торговые связи провинциального золотоордынского города (по материалам городища Самосделка)	259
Сейдалиев Э.И. К вопросу о «Мечети Менгли Гирея» в Салачике: источники, перспективы исследования и реставрации	266
Зиливинская Э.Д., Калменов М.Д., Сдыков М.Н. Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане	271
Валеева-Сулейманова Г.Ф. К вопросу о назначении здания Черной Палаты в городе Болгаре	279
Нарожный Е.И., Соков П.В. Колодцы и остатки оросительной системы поселения «Железнодорожное–1»	290
Волков В.Г. К вопросу о миграциях и прародине кыпчаков. Генетический аспект	298
Думин С.В., Волков В.Г., Сабитов Ж.М. Этногенетические связи литовских татар: исторические корни литовско-татарского дворянства	309
Схаляхо Р.А., Чухряева М.И., Агджоян А.Т. и др. Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы)	326
Сабитов Ж.М. Популяционно-генетические исследования тюркских народов на современном этапе	334
Хайдаров Т.Ф. Книжная новинка: <i>Непомнящий А.А.</i> История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945) (Серии: «Библиография крымоведения», вып. 25; «Крым в истории и экономике России». Симферополь: ООО «Антика», 2015. 936 с.)	351
Список научных работ Э.С. Кульпина-Губайдуллина по проблемам истории Золотой Орды	353

CONTENTS

Word from editor (Mirgaleev I.M.)	7
Pavlova (Kulpina) Yu.E. In memoriam of E.S. Kulpin-Gubaydullin (1939–2015)	9
Kurbatov V.A. The “Tatar” Toponyms in Japan	12
Khasenova B.M. The Art Metalwork of the Kimaks: Symbols of Gender Identity	16
Kozhushko A.V. Perception of the early 13 th century’s Mongolia in Arab Historical and Encyclopedic Tradition of the 13 th –15 th centuries	24
Roman Hautala. Information of the Latin Sources about Relations between the Kingdom of Hungary and Cumans on the Eve of the Invasion of Batu in 1241	29
Timokhin D.M. Participation of Khan Jochi in the Military Campaign against the Kwarezmian State (1219–1221) according to the Arab-Persian Sources	44
Lushnikov O.V. The Problem of Sources on the Ethno-Political Processes in the Volga-Ural Region during the Period of Creation and Dissolution of the Mongol Empire and the Ulus of Jochi	56
Mirgaleev I.M. The Writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi Aksaray-i as a Source on the Golden Horde History	63
Shagaviev D.A. Sources for Theological Chapters of Abu Bakr Qalandar’s “Qalandar-name”	69
Shamsimukhametova M.R. The Writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi: The Source Study Analysis	75
Khamidova Ch. I. Juchids’ Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru	79
Khripunov N.V. Garments with Folding Sleeves in the Golden Horde	84
Khaydarov T.F. Russian Chronicles as the Source on the Plague Epidemic in the Golden Horde	96
Zayonchkovskiy Yu.V. Jochid Khan Tash-Timur and His Coins	102
Pochekaev R.Yu. Legal Situation in the Late Golden Horde through the Eyes of Western Contemporaries	113
Selezneev Yu.V. Galician-Volhynian Chronicle as a Source on the Ulus of Jochi’s History	123
Nurieva F.Sh. The Object-Household Lexicon in the Golden Horde Literary Monuments	131
Kambarbekova G.A., Sabitov Zh.M. Information of Khondemir on the History of the Eastern Part of the Ulus of Jochi in the 1460s	135
Kushkumbayev A.K. “Altynnan Sokkan ak ordan...”: about the Term “Ak Horde” in the Heroic Epic “Er Edige”	144
Sayfetdinova E.G. Source Base for Murad al-Ramzi’s Writing “Talfik al-ahbar va talkih al-asar fi vakai Kazan va Bulgar vamulukat-tatar” (Golden Horde Period)	153
Akerov T. A. The Golden Horde in the Legendary Work “Majmu al-Tawarikh” by S. Akhsikendi	158
Nepomnyashchiy A.A. Crimean Regional Studies and Crimean Historians in Scientific Fate of Academician A.N. Samoylovich	163
Beletskaya O.V. Mayak in the 14 th –16 th centuries (materials for study of the historical geography of Podolia and the Northern Black Sea region)	186
Pilipchuk Ya.V. Question of the Northwestern Black Sea Region in the Golden Horde History	197
Rakhimzyanov B.R. Contacts of the Crimean Gireys with Muscovy in the 1470s – early 1490s: An Aspect of the Departure to the “Infidels”	210
Abibullaeva E.E. To the History of the Judicial Registers in the Crimean Khanate	214
Popelnitskaya E.A. A Horse Helmet of the 14 th – early 15 th centuries from Collection of the National Museum of Ukrainian History	221
Kramarovskiy M.G. A Stone Sculpture from the Crimea (preliminary report)	239

Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the Question of Individualization of the Golden Horde Period in the History of Mangup Ancient Settlement in the Southwestern Crimea	247
Boldyreva E.M. Trade Relations of One Provincial Golden Horde City (according to the materials of Samosdelka site)	259
Seydaliev E.I. To the Question of the “Mosque of Mengli Geray” in Salachik: Sources, Perspectives of Study and Restoration	266
Zilivinskaya E.D., Kalmenov M.D., Sdykov M.N. Cult Complex of the 14 th century on Zhaiyk Site in the Western Kazakhstan	271
Valeeva-Suleymanova G.F. To the Question of Purpose of So-Called Black Chamber in Bolghar City	279
Narozhny E.I., Sokov P.V. Wells and Remains of Irrigation System in the Settlement “Zheleznodorozhnoe-1”	290
Volkov V.G. On the Question of the Migrations and Homeland of Kypchaks. Genetic Aspect	298
Dumin S.V., Volkov V.G., Sabitov Zh.M. Ethnogenetic Relations of the Lithuanian Tatars: Historical Roots of the Lithuanian-Russian Nobility	309
Skhalyakho R.A., Chukhryaeva M.I., Agzhoyan A.T. et al. Nogay Gene Pools in the Context of the Population of Eurasian Steppe Belt (based on the markers of Y-chromosome)	326
Sabitov Zh.M. Population-Genetic Studies of the Turkic Peoples at the Present Stage	334
Khaydarov T.F. New Book: <i>Nepomnyashchiy A.A.</i> History and Ethnography of the Crimean Peoples: Bibliography and Archives (1921–1945) (Series: “Bibliography of the Crimean Studies”, Iss. 25; “Crimea in the Russian History and Economics”. Simferopol: OOO “Antica”, 2015. 936 p.)	351
List of Works by E.S. Kulpin-Gubaydullin on the Golden Horde History	353

Слово редактора

Уважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагаем очередной выпуск научного ежегодника «Золотоордынская цивилизация». В этом выпуске мы публикуем часть докладов, прозвучавших на конференции «Источниковедение истории Золотой Орды: традиции и новации», которая прошла 17–18 марта 2015 года в Казани в рамках IV Международного Золотоордынского Форума «История Золотой Орды и постзолотоордынского пространства»¹.

В рамках форума прошли четыре конференции:

1. Международная научная конференция «Источниковедение истории Золотой Орды: традиции и новации».
2. Международная научная конференция «Монетное дело и денежное обращение в Золотой Орде и в тюрко-татарских ханствах в свете источниковедческих исследований»².
3. Международная научная конференция «Крымское ханство в международной дипломатии».
4. Круглый стол: «Генофонд тюркских популяций как исторический источник».

Организаторами этих конференций выступили:

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, также в качестве соорганизаторов выступили: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институт нумизматики Центральной Азии (CANI) (Кембридж), Крымский научный Центр Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

Всего участвовало (было заявлен 91 доклад) 97 человек, из многих российских научных центров (Казань, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск, Волгоград, Уфа, Курган, Краснодар, Ростов-на-Дону, Рязань, Томск, Саратов, Воронеж, Болгар, Ульяновск, Дзержинск, Пермь, из Марий Эл), и 11 стран (Россия, Украина, Турция, Польша, Великобритания, Финляндия, Казахстан, Сербия, Болгария, Нидерланды, США).

Отрадно отметить участие крымских коллег как в качестве соорганизаторов одной конференции (Международная научная конференция «Крымское ханство в международной дипломатии»), так и в качестве участников (из Симферополя и Бахчисарая).

Напоминаем, что Международный золотоордынский форум (МЗФ) проходит раз в два года в Казани (2009, 2011, 2013, 2015). МЗФ является главной площадкой для исследователей ордынцев со всего мира. Материалы первых двух Форумов печатались в специальном издании «Золотоордынское наследие». С третьего форума начали издаваться в ежегодниках «Золотоордынская цивилизация» и «Нумизматика Золотой Орды». Также в поддержку данной площадки выступает журнал «Золотоордынское обозрение».

Этот выпуск мы решили посвятить безвременно ушедшему в мир иной Эдуарду Сальмановичу Кульпин-Губайдуллину. Мы благодарим Юлию Эдуардовну за написание для нашего ежегодника его краткую биографию. Эдуард Сальманович всегда поддерживал нас, он был среди тех, кто поверил нам и отдал свою статью в первый выпуск нашего ежегодника. Также он входил в редакционную коллегия ежегодника «Золотоордынская цивилизация». Он всегда интересовался нашими изданиями. Помню, он несколько раз похвалил нас за данный ежегодник и говорил, что мы задали хороший уровень и что он собирается специально писать для нашего издания. Вместе с тем он переживал, сможем ли мы набирать хорошие материалы для последующих выпусков. Но когда мы начали издавать журнал «Золотоордынское обозрение» он сказал, что теперь спокоен за нас.

Незадолго до его кончины мы с ним встречались в Саратове на конференции, посвященной золотоордынскому городу Укеку и договорились, что он будет участвовать в нашем проекте «Золотая Орда в мировой истории». У него должно было быть три параграфа в этой коллективной монографии. Он попросил «карт-бланш», так как у него накопилась много нового материала и новых идей о кризисе в поздней Золотой Орде. Детали его параграфов мы с ним далее продолжали обсуждать уже по электронной почте, вплоть до 20-х чисел июня, а 23 июня его не стало...

¹ Остальная часть докладов, прошедших отбор, публикуется в журнале «Золотоордынское обозрение». <http://goldhorde.ru>

² Материалы нумизматической конференции публикуются в научном ежегоднике «Нумизматика Золотой Орды». <http://nzo.goldhorde.ru>

Уход из жизни Эдуарда Сальмановича большая утрата для его семьи и науки. Внук знаменитого татарского историка Г.С.Губайдуллина, расстрелянного в 1937 году сталинским режимом, Эдуард Сальманович всегда гордился своим дедом и родителями, в наших разговорах он всегда упоминал своего знаменитого деда.

Сегодня ордынведение развивается хорошими темпами. В тему приходят много новых специалистов. К сожалению, есть и потери. Увы, такова сущность человека, мы все имеем «привычку» когда-то покидать этот мир... Но старшие коллеги, которые уже покинули нас, продолжают находиться среди нас через свои работы. Их исследования продолжают жить в новых исследованиях, с ними продолжают дискутировать или подтверждать их выводы. Благо, по нашей тематике есть продолжатели дел великих предшественников.

И.М. Миргалеев

к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

УДК 929:930:902

In memoriam
Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин
(1939–2015)

Ю.Э. Павлова (Кульпина)
(Московский музей современного искусства)

23 июня 2015 года безвременно ушел из жизни российский историк, экономист, философ, востоковед, основатель школы социоестественной истории (СЕИ) Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин. Кандидат экономических (1975) и доктор философских (1992) наук. Член Научного совета Президиума РАН по цивилизациям. Член Высшего экологического совета ГД РФ. Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Профессор Международного эколого-политологического университета. Заведующий кафедрой Московского физико-технического института. Академик РАЕН (1998). Главный редактор журнала «История и современность» (с 2005 года). Организатор ежегодной международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» (с 1992 года). Издатель серии научно-методических работ «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России» (с 1993 г.), которая содержит результаты научных изысканий, координируемых Научным советом по проблемам социоестественной истории Института востоковедения РАН. Автор более 300 научных работ, включая 11 монографий и курсов лекций, научный редактор более 40 сборников статей и материалов конференций.

Центральной темой научных изысканий Э.С. Кульпина-Губайдуллина являлись проблемы истории природы и общества, интерес ученого к ним можно назвать наследственным. Его родители были биологами, дед – выпускник Казанского императорского университета, первый профессор из татар, писатель и ученый-востоковед. В процессе поиска своего места в науке Эдуард Сальманович стремился к синтезу семейных научных традиций.

Из книг, посвященных данной тематике, наибольшей известностью пользуется научная монография «Золотая Орда». В 2009 г. вышло ее четвертое издание. В своей монографии автор заключает, что основное пространство будущей Российской империи и населяющие ее этносы впервые сложились в период существования Золотой Орды.

Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин родился в 1939 году в Баку в семье студентов биологического факультета Азербайджанского государственного университета Елизаветы Иосифовны Кульпиной и Сальмана Газизовича Губайдуллина. Благодаря различному происхождению своих родителей, принадлежавших двум российским этносам – тюркскому и славянскому, он стал носителем двух культур, значимость которых была для него паритетна.

Его мама Елизавета Иосифовна, происходила из русской крестьянской семьи. Отец Сальман Газизович был потомком двух крупных родов казанских татар, Казаковых и Губайдуллиных, меценатов, покровителей культуры, просвещения и науки.

За два года до его рождения был арестован и расстрелян его дед – Газиз Салихович Губайдуллин. Эдуард Сальманович всегда чтит его память, считая для себя необходимым быть его достойным продолжателем в науке. Он высоко ценил научную деятельность Газиза Губайдуллина, трагически прерванную в 1937 году. В одной из своих работ, посвященных деду, он подробно сравнивает жизненный путь Газиза Губайдуллина с жизнью французского историка Марка Блока, в частности отмечая не только сходство некоторых ключевых моментов в их судьбах, но и общность в широте их научных интересов, а также некоторые используемые ими методологические принципы.

Родители Эдуарда Сальмановича были почвоведом. Все свое детство он провел в экспедициях, до 1956 года постоянно путешествуя с родителями по России. В 1963 г он окончил Московский полиграфический институт. Во время учебы был внештатным корреспондентом «Комсомольской правды». С 1963 по 1965 работал младшим научным сотрудником лаборатории соединения металла с керамикой Государственного электрокерамического института. С 1965 по 1970 г. был старшим инженером, руководителем группы в Миннефтехимпроме СССР. По его признанию,

эта работа позволила ему увидеть ряд производств: машиностроительных, металлургических, химических и позволила заглянуть в мастерскую этих профессий.

В 1970 г. поступил в очную аспирантуру Института международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР, и после сдачи государственных и кандидатских экзаменов на экономическом факультете МГУ защитил диссертацию на соискание ученого звания кандидата экономических наук (1975). По ее результатам он опубликовал свою первую книгу «Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая» (1975).

С 1973 работал младшим, с 1975 г. – старшим научным сотрудником ИМРД АН СССР. В последующие годы он изучал историю и современность Китая и ездил с лекциями по стране.

С начала 1980-х Э.С. Кульпин-Губайдуллин работает над проблемами взаимоотношений человека и природы. В 1990 г. он публикует вторую свою монографию «Человек и природа в Китае». В 1991 г. поступил на работу в Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН).

С начала 1990 г. является руководителем и участником ряда многолетних коллективных проектов РФФИ, РГНФ и Института востоковедения РАН. Проекты основывались на совместной работе более трех десятков специалистов гуманитариев (историков, психологов, социологов, экономистов) и естественников (климатологов, биологов).

В 1991 Э.С. Кульпин-Губайдуллин создал Центр социоестественных исследований (Центр СЕИ) в Российском открытом университете. В 1992 г. Центр СЕИ вошел в состав Академии городской Среды (АГС).

В 1992-м защитил докторскую диссертацию «Социоестественная история: предмет, метод, концепции», благодаря чему утвердился официальный научный статус нового научного направления на стыке гуманитарных и естественных наук – социоестественной истории (СЕИ), комплексно изучающей триединство *природа–хозяйство–ментальность*. С того же года он проводил ежегодную международную конференцию «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». В сентябре нынешнего 2015 года состоялась подготовленная им 25 конференция, посвященная памяти своего основателя и руководителя.

С 1993 г. Э.С. Кульпин-Губайдуллин стал выпускать серию научно-методических книг «Социоестественная история». В 1995 г. под председательством Кульпина-Губайдуллина Э.С. был создан Научный совет по проблемам социоестественной истории. В 2005 он стал главным редактором независимого научно-теоретического журнала «История и современность», объединяющего как гуманитариев (историков, философов, социологов и представителей других общественных дисциплин), так и естественников, проявляющих интерес к проблемам общества. Журнал поддерживает развитие междисциплинарных исследований и их методологию, он ориентирован на комплексный анализ исторических и современных проблем и поиск адекватных ответов на вызовы нового тысячелетия.

Научную и научно-организационную деятельность Кульпин-Губайдуллин сочетал с педагогической. В 1990–2007 гг. он читал по разработанным и утвержденным программам спецкурсы и курсы Госстандарта в ряде вузов Москвы, Крыма, а также Польши: «Концепции современного естествознания», «Стратегический менеджмент», «История России», «Социоестественная история», «Эволюция российской ментальности». Им читались спецкурсы в Институте стран Азии и Африки МГУ («История Китая», «История взаимоотношений человека и природы»), в Университете по землеустройству («Концепции современного естествознания – разработка и постановка курса»), в Московском архитектурном институте («Природа и общество»), Крымском республиканском колледже управления («Стратегический менеджмент – разработка и постановка курса»), в Международном эколого-политологическом университете («История взаимоотношений человека и природы», «История России»), в Университете культуры («Концепции современного естествознания», «Социоестественная история»), в Московском физико-техническом институте («История отечества»).

В 2009 г. Э.С. Кульпин-Губайдуллин был награжден Советом муфтиев России медалью «За духовное единение». В 2011 году он стал лауреатом Международной премии им. Бекира Чобанзаде в номинации «За лучшее исследование в области истории, этнографии и искусствоведения Крыма» за монографию «Золотая Орда: Судьбы поколений».

Его уход из жизни был неожиданным: до последнего дня он не оставлял активной научной деятельности, его рабочий график был плотно расписан на много лет вперед.

Сведения об авторе: Юлия Эдуардовна Павлова (Кульпина) – старший научный сотрудник Московского музея современного искусства (103031, ул. Петровка, д. 25, стр. 1, Москва, Российская Федерация); research@mmoma.ru

In memoriam of E.S. Kulpin-Gubaydullin (1939–2015)

Yu.E. Pavlova (Kulpina)
(Moscow Museum of Modern Art)

June 23, 2015 the Russian historian, economist, philosopher, orientalist, founder of the school of the Socio-Natural History (SNH) Eduard Sal'manovich Kulpin-Gubaydullin prematurely passed away. Candidate of Economics (1975) and Doctor of Philosophy (1992). Member of the Scientific Council of the RAS Presidium on civilizations. Member of the Supreme Environmental Council of the State Duma. Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies (RAS). Professor of International Environmental and Politological University. Head of the Department of the Moscow Institute of Physics and Technology. Academician of RANS (1998). Chief editor of the journal "History and Modernity" (since 2005). Organizer of the annual international conference "Man and Nature. Problems of the Socio-Natural History" (since 1992). Publisher of a series of scientific and methodical works "Socio-Natural History. Genesis of the crises of nature and society in Russia" (since 1993), which contains the results of scientific research coordinated by the Scientific Council on the problems of the Socio-Natural History of the Institute of Oriental Studies (RAS). Author of more than 300 scientific papers including 11 monographs and lecture courses, scientific editor of more than 40 collections of articles and conference proceedings.

About the author: Juliya Eduardovna Pavlova (Kulpina) – Senior Research Fellow, Moscow Museum of Modern Art (103031, Petrovka st., 25, stroyeniye 1, Moscow, Russian Federation); research@mmoma.ru

«Татар»ские топонимы в Японии

В.А. Курбатов

(Российская академия естественных наук)

На островах Хонсю и Кюсю обнаружены топонимы с основами «татар» и «казан», относящиеся к природным объектам и селениям. С аналогичными названиями в Приамурье, на Сахалине и Корейском полуострове они формируют единую картину. С привлечением археологических и этнографических сведений этот факт позволяет сделать вывод о переселении в Японию ранних тюрков. Проникновение пришельцев в культуру древнего японского общества было весьма глубоким. При этом можно добавить, что оно оставило следы и в топонимиконе. Основная масса топонимов является природными объектами. Это связано с тем, что, тюрки – кочевники селений не создавали, а проживали в стойбищах, находящихся около рек, болот, гор. Длилось это достаточно долго, поэтому окружение придавало объектам имена «постояльцев», «татар» и «казан»цев. Одни из них уходили, – другие растворялись, а названия оставались на карте. В данной статье реконструирован детальный маршрут миграции и выполнены хронологические оценки этого события. Эти сведения существенно дополняют картину миграций и наряду с северо – африканскими маршрутами свидетельствуют о широте экспансии. В её основе лежит пассионарный взрыв, возникший на Алтае, природу которого предстоит ещё выяснить и описать в дальнейших научных исследованиях.

Ключевые слова: тюрки, татар, казан, топоним, миграции, Япония.

О распространении топооснов «татар» и «казан» по России, Западной Европе, Азии и даже Африке мы уже писали [5, с.196]. Это является свидетельством миграций тюркских народов. В этой небольшой статье хотелось бы остановиться на распространении этих топонимов в Японии.

В северной низменной части о. Хонсю между городами Аоморе и Хатинохе расположены горы **Tatara** уама (гора, яп.) и **Tatarasan** (по отношению к людям эта частица означает уважительное обращение. В данном случае может отражать отношение к горе как одушевленному существу или духу горы) (Карта №1). К северу от Токио (префектура Тиба) есть островок **Tataranuma** (болото, яп., очевидно, заболоченный), принадлежащий неизвестному гидрониму. На южной оконечности острова севернее г. Убе примостилось озеро **Tatarasaki**. Заканчивается эта серия своеобразным трио в западной части о. Рюкю, двумя островами и горой **Tatarashima** (остров, яп.), а также рекой **Tatara gawa** (река, яп.).

Топонимов «казан» имеется всего три: селение **Kazanishi** на полуострове Ното и холмистая местность **Kazany** мыса Сата. В составе архипелага Нампо, находящемся в островной системе Рюкю в Восточно-Китайском море имеется группа островков **Kazanretto**.

На основании этого можно сделать предположение, что древние тюрки посетили Японию. Оно представляется весьма необычным и поэтому требует подтверждений. Если это событие имело место, то должны быть следы также топонимические. Где их искать? Переправиться в Японию удобнее всего было через о. Сахалин или полуостров Корея. На южной оконечности Сахалина обнаружены гора **Казан** и р. **Татарка**. Им предшествуют в долине Амура посёлок **Татарстан** и различные **Казанские**, а Сахалин и материк разделяет **Татарский** пролив. На юго-восточном побережье Кореи имеется поселение **Kazan-gi** (маленький посёлок, кор.), а у границы с Россией **Kazan**.

Полученная картина позволяет утверждать, что носители «казан» и «татар» топонимов переправились с Приамурья на Сахалин, а затем в Японию. Причём, по всей видимости, остров Хоккайдо обошли с востока или запада. Высадка произошла в низменной северной части о. Хонсю в местности Нобедзи около оз. Огавара. Отсюда побережьем или по долине реки Китаками прошли до р. Тоне. Дальнейшие следы обнаруживаются уже на западной стороне острова, которой достигли, сначала поднявшись по реке Кисо и её притоку, между оз. Бива и хребтом Хида. Шествие топонимов «татар» остановилось на о. Кюсю, его покинули только носители «казан», прошедшие Корейский полуостров до р. Амноккан. Здесь движение остановилось. Из залива *Kazan* японские лоцманы перенесли это название на южные острова и к берегам Китая.

При всей убедительности полученной картины не будем забывать главного методологического принципа, что пионерские находки должны иметь подтверждение данными других наук. В

истории Японии существует один малоизвестный факт [2, с. 185]. В начале нашей эры японские князьки, вдруг, садятся на коней и начинают осуществлять захоронения родичей в курганах. Такая быстрая смена устоев жизни и образа поведения должны были иметь свои причины. Д. Киддер сделал предположение, что в этот период на острова вторглась группа тюркских кочевников. При этом надо добавить, что не просто вторглась и передала вместе с лошадьми кавалерийские навыки, но и существенно изменила религиозную философию добуддийских японцев, в частности, их представления в области эсхатологии. Это выразилось в изменении характера погребения.

Не только на Сахалине, но и в других областях России есть гидронимы *Татарка*. Мы привыкли считать, что это форма женского рода с русифицированным окончанием «ка». На самом деле это не окончание, а тюркский корень, означающий «старший родственник, брат». То же самое относится к топонимам *Казанка*. Оказывается, он имеется и в сино – корейском языке как «kha». Откуда такое совпадение? Ответ нам даёт топонимика. Тюрки переселились из Японии в Корею и оставили свои следы в языке.

Недавно этнографическая экспедиция Института истории им. Ш.Марджани АН РТ в префектуре Симанэ обнаружила технологию выплавки высококачественного металла под названием «tataru». Согласно существующим представлениям она попала в Японию из Кореи в 7 в и исторически связана с древними татарами [3, с. 9–12].

Таким образом, проникновение пришельцев в культуру древнего японского общества было весьма глубоким. При этом можно добавить, что оно оставило следы и в топонимиконе. Основная масса топонимов является природными объектами. И это понятно, тюрки – кочевники селений не создавали, а проживали в стойбищах, находящихся около рек, болот, гор. Длилось это достаточно долго, поэтому окружение придавало объектам имена «постояльцев», «татар» и «казанцев». Одни из них уходили, – другие растворялись, а названия оставались на карте.

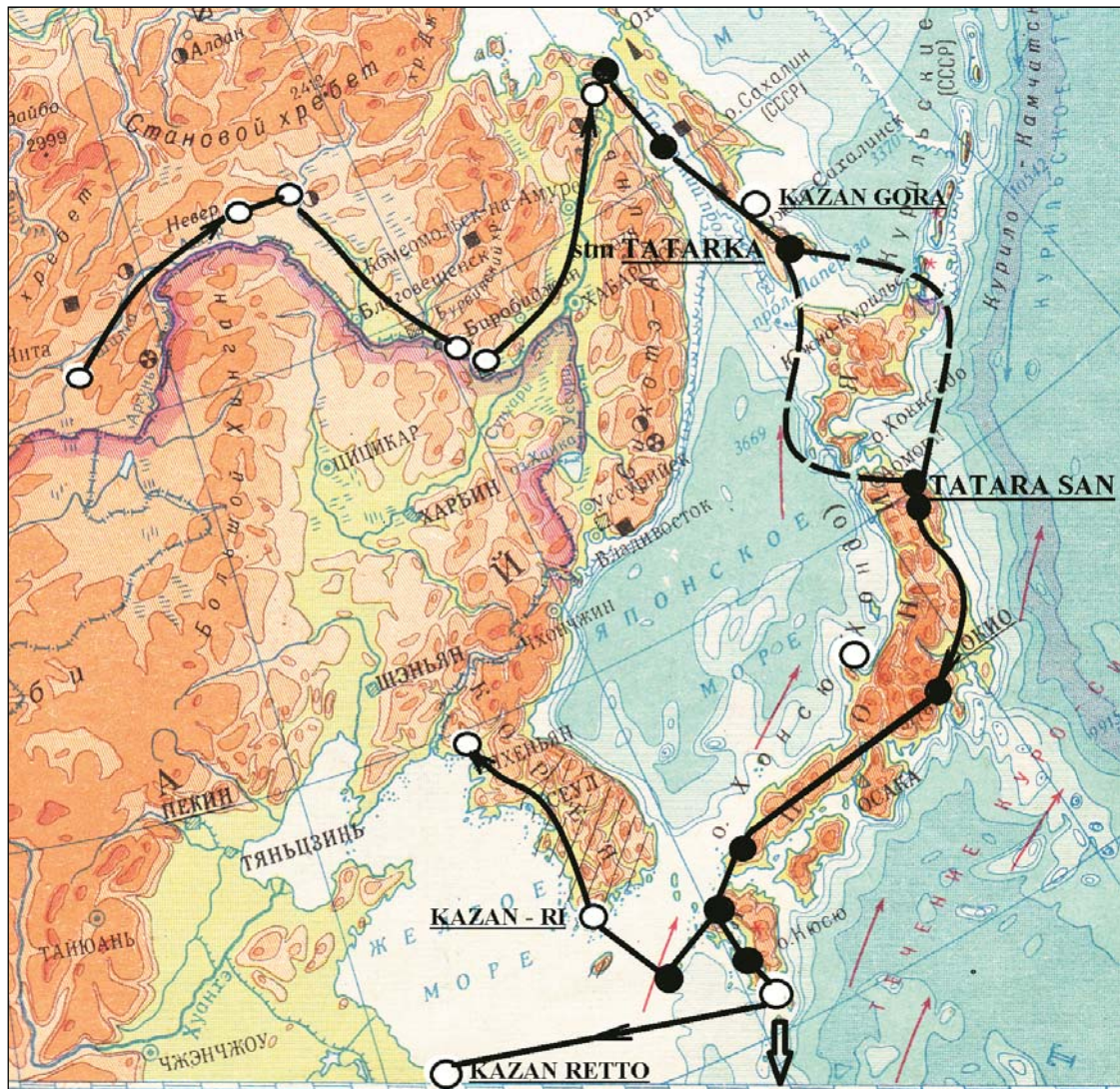
Основываясь на количественных подходах, изложенных в [4, с. 360], можно приблизительно рассчитать время переселения с Амура, которое составило не менее 200–250 лет.

На первый взгляд имеется противоречие между направлениями миграции и передачи технологии «tataru» из Кореи. Это объясняется тем, что появившиеся тюрки уже имели примитивную технологию изготовления железа и распространили её в странах «восходящего солнца» и «утренней свежести». В конечной точке своего путешествия они усовершенствовали свои технологии, и нашли способ производства многослойной стали, которую заимствовали самураи для изготовления мечей катана.

Это были не совсем обычные тюрки. Наряду с отмеченными проявлениями обнаружены находки в скифском зверином стиле. Курганы имели специфику в том, что они выполнялись в виде пирамиды. О точно таких же курганах в Средней Азии, оставленных «андроновцами» сообщает Е.Е. Кузьмина [3, с. 50]. Курганы не являлись тюркской традицией и, в крайнем случае, использовались для подзахоронения. В таком случае приходится делать вывод, что это были группы тюрок, подвергшихся сильному индоевропейскому влиянию. Можно оценить, что исхода с Алтая произошёл не ранее середины первого тысячелетия до н.э. [4, с. 360]. Это соответствует хронологии Тагарской и Пазырыкской археологических культур, характеризующихся появлением в индоевропейском антропологическом материале монголоидной компоненты, предположительно хунну [6]. Но на этом дело не заканчивается. Архетипический индоевропейский сюжет борьбы бога – громовника со змеем присутствует и в японской мифологии. «Бог ветра и воды Сусаноо (функции сходные с индийским атмосферным богом Индрой) победил змея Ямато» [8, с. 148]. Его отголоски мы встречаем в эпосе огузов. Казан Салор отрубает голову змею, спустившемуся с небес. «Видел ли кто таких богатырей и беков как Казан» [1, с. 64].

Кузницей тюрок считается Алтай. Если исход на восток был предпринят, как мы уже отметили, во второй половине первого тысячелетия до нашей эры, то железо ими было изобретено почти одновременно с кельтами (культура Латен, 5 – 1 вв до н.э.). Причём тюрки не могли его заимствовать у индоевропейцев – «андроновцев», являвшихся носителями культуры бронзы.

Мы встретились с примером глубокого проникновения тюрок на восток. Эти сведения существенно дополняют картину миграций и наряду с северо – африканскими маршрутами свидетельствуют о широте экспансии. В её основе лежит пассионарный взрыв, возникший на Алтае, природу которого предстоит ещё выяснить.

Карта №1. Топонимия «казан» ○ – «татар» ● на Дальнем Востоке и в Японии

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кёр Оглы Х. Огузский эпос // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. 328 с.
2. Киддер Д. Япония до буддизма. М.: Центрполиграф, 2003. 286 с.
3. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.-СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.
4. Курбатов В.А. Россия до Руси. По следам индоевропейцев. М.: Буки веда, 2013. 520 с.
5. Курбатов В.А. Тайные маршруты славян (Славянские континенты). М.: Алгоритм книга Эксмо, 2009. 380 с.
6. Тагарская культура, Пазырыкская культура. <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
7. Хакимов Р.С. По следам «tatar» // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 9–12.
8. Черницкий А.М. История исчезнувших цивилизаций. Ростов на Дону: Феникс, 2007. 429 с.

Сведения об авторе: Владимир Анатольевич Курбатов – профессор, академик Российской академии естественных наук, доктор технических наук (117105, Варшавское шоссе, 8, Москва, Российская Федерация); kurbatov_va@mail.ru

The “Tatar” Toponyms in Japan

V.A. Kurbatov

(Russian Academy of Natural Sciences)

Toponyms with the basics of “Tatar” and “Kazan” related to natural objects and settlements have been found on the islands of Honshu and Kyushu. They form a unified picture with similar names in the Amur region, Sakhalin and the Korean Peninsula. Involving archaeological and ethnographic information, this fact allows to make a conclusion about the migration to Japan of the early Turks. Penetration into the alien culture of the ancient Japanese society was very deep. It is possible to add that it left traces in toponimics. The bulk of toponyms refers to natural objects. This is related to the fact that the Turkic nomads did not found settlements, but preferred to live in nomadic camps located near rivers, swamps, mountains. It lasted long enough to ensure that the environment gave to objects the names of “guests”, “Tatar”s and “Kazan”inans. Some of them departed, others were assimilated, but the names remained on the map. This article has reconstructed the detailed migration route and provided the chronological assessment of this event. This information is essential to complete the picture of migration and indicate the breadth of expansion along with Northern African routes. It is based on a passionary explosion incurred in the Altai. The nature of this explosion still needs to be clarified and described in further research.

Keywords: Turks, Tatar, Kazan, toponym, migration, Japan.

REFERENCES

1. Ker Ogly Kh. Oguzskiy epos [Oghuz Epic]. *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the National Epic]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 328 p.
2. Kidder D. *Yaponiya do buddizma* [Japan before the Buddhism]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 286 p.
3. Kuz'mina E.E. *Arii – put' na yug* [Aryans: Way to the South]. Moscow–St. Peterburg.: Letniy sad Publ., 2008. 558 p.
4. Kurbatov V.A. *Rossiya do Rusi. Po sledam indoevropeytsev* [Russia before Rus'. In the Footsteps of the Indo-Europeans]. Moscow: Buki vedi Publ., 2013, 520 p.
5. Kurbatov V.A. *Taynye marshruty slavyan (Slavyanskije kontinenty)* [Secret Routes of the Slavs (the Slavic continents)]. Moscow: Algoritm kniga Eksmo Publ., 2009. 380 p.
6. *Tagarskaya kul'tura, Pazyrykskaya kul'tura* [The Taghar Culture, the Pazyryk Culture]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
7. Khakimov R.S. Po sledam «tatara» [On the Trail of “Tatara” (information on the travel in Shimane Prefecture, Japan)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2015, no 8, pp. 9–12.
8. Chernitskiy A.M. *Istoriya ischeznuvshikh tsivilizatsiy* [History of the Lost Civilizations]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2007, 429 p.

About the author: Vladimir Anatolievich. Kurbatov – Professor, member of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sci. (Technical Sciences) (117105, Varshavskoe shosse, Moscow, Russian Federation); kurbatov_va@mail.ru

Художественный металл кимаков: символы гендерной идентичности

Б.М. Хасенова

(Национальный музей Республики Казахстан)

Ярким и показательным явлением культуры населения Кимакского каганата по праву является торевтика. С одной стороны, торевтика демонстрирует поразительное единство всех государственных объединений степной Евразии. В свою очередь, для каждого из вариантов степной торевтики характерно и своеобразие, обусловленное условиями формирования (местные традиции, ремесленная база, приоритет во внешней политике и соответственно контакты с определенными оседлоземледельческими центрами). В эпоху раннего и развитого средневековья на территории степей Евразии, по мнению исследователей, также получили распространение тюркская, кыргызская, хазарская, аварская, венгерская, огузская торевтика.

Художественная обработка металла использовалась в оформлении пояса, конской упряжи, предметов вооружения, украшений, бытовых предметов. Древние мастера фиксировали таким образом приоритеты данного общества, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер.

Наиболее распространенными элементами в кимакской торевтике являются растительные элементы. Представлены различные варианты пальметт, растительных побегов, образующих в подавляющем большинстве сердцевидные фигуры, цветочных розеток. Некоторые из них натуралистичны: изображаются побеги и гроздья винограда, плоды граната.

Манера передачи образа зооморфных персонажей разнообразна. Натуралистично выполнены образы как реально существующих животных: собаки, рыбы, птицы (водоплавающие, голубь), травоядные (олень, лань, лошадь), хищники (лев, тигр) так и фантастических: феникс, дракон, кошачий хищник, Сенмурв. Стилизация характерна, прежде всего, при проработке образов птиц и рыб. В группе «антропоморфные изображения» выделяются различные варианты проработки образа. Мужские персонажи изображены идущим, верхом на лошади или как участники эпического пира.

Культурное своеобразие кимакской торевтики отобразилось, прежде всего, при оформлении женского костюма. Мужской костюм кимаков – явление своего времени. Его элементы (пояс, серьги) оформлялись схожим образом практически у всех степных племен данного хронологического периода. Образы, используемые при оформлении мужского костюма, также имеют широкий круг аналогий.

Ключевые слова: торевтика, растительные элементы, зооморфные персонажи, антропоморфные изображения, стилизация, образы, мужской и женский кимакский костюм.

Окончание раннего средневековья на территории евразийских степей ознаменовалось появлением целой плеяды степных государств, созданных зачастую в одних и тех же битвах и военных походах племенами, имеющих родственное происхождение, одинаковые системы хозяйствования и мировоззрения. Одним из таких государств стал Кимакский каганат, стремя в стремя проживший свою историю вместе с Кыргызским каганатом, государствами огузов, Караханидов, карлуков. История каганата непродолжительна, он просуществовал в период с IX по XI вв., и весьма сдержанно описывается в дошедших до наших дней источниках.

Ярким и показательным явлением культуры населения Кимакского каганата по праву является торевтика. С одной стороны, торевтика демонстрирует поразительное единство всех государственных объединений степной Евразии. Это единство, обусловленное общностью исторических судеб, на уровне художественного металла нашло отражение в формировании особого орнаментального стиля эпохи. Господство растительной орнаментации, сходство форм, технологических приемов, общий репертуар изделий, оформленных с помощью художественного металла, все это составляющие стиля. В свою очередь, для каждого из вариантов степной торевтики характерно и своеобразие, обусловленное условиями формирования (местные традиции, ремесленная база, приоритет во внешней политике и соответственно контакты с определенными оседлоземледельческими центрами). В эпоху раннего и развитого средневековья на территории степей Евразии, по мнению исследователей, также получили распространение тюркская, кыргызская, хазарская, аварская, венгерская, огузская торевтика.

Художественная обработка металла использовалась в оформлении пояса, конской упряжи, предметов вооружения, украшений, бытовых предметов. Древние мастера фиксировали таким образом приоритеты данного общества, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер.

При изготовлении предметов тюркскими средневековыми мастерами обыгрывались такие средства художественной выразительности:

1. Определение формы – небольшие размеры, отсутствие крупных элементов, определенное количество используемых форм (сердцевидные, округлые, розетки, прямоугольные и т. д.).

2. Определение цвета – дополнительное покрытие поверхности предметов с помощью позолоты или лужения (покрытия оловом). При этом, судя по результатам металлографического изучения предметов конской гарнитуры из погребений сроскинской культуры из лесостепного Алтая, проведенного Т.Г. Горбуновой, лужение использовалось как на предметах с первоначальным красным цветом поверхности, где оно уместно, так и на предметах с желтоватым или золотистым цветом. В результате предметы обретали серебристо-белый цвет [4, с.157]. Последний факт, с преобразованием желтоватой или золотистой поверхности в серебристо-белый является не вполне логичным, так как именно этот цвет достигался также целенаправленно с использованием другого технологического приема (позолоты). Видимо, такое обыгрывание цвета поверхности представлялось важным.

3. Оформление поверхности – стремление выразить фактурность предмета, она передается с помощью растительных и других изображений, плотно покрывающих всю внешнюю поверхность.

Наиболее распространенными элементами в кимакской тюркской тюркике являются растительные элементы. Представлены различные варианты пальметт, растительных побегов, образующих в подавляющем большинстве сердцевидные фигуры, цветочных розеток (рис. 1)*. Некоторые из них натуралистичны: изображаются побеги и гроздья винограда, плоды граната.

Манера передачи образа зооморфных персонажей разнообразна. Натуралистично выполнены образы как реально существующих животных: собаки, рыбы, птицы (водоплавающие, голубь), травоядные (олень, лань, лошадь), хищники (лев, тигр) так и фантастических: феникс, дракон, кошачий крылатый хищник, Сенмурв. Стилизация характерна, прежде всего, при проработке образов птиц и рыб. При передаче образа птицы использован принцип «часть вместо целого», например, исходя из данного принципа, выполнены подвески, лопасти которых выполнены в виде распахнутых крыльев. Также могут быть показаны наиболее характерные особенности образа (силуэт, оперение). Необходимо отметить, что силуэт птицы в ряде случаев выполнен таким образом, что напоминает тело змеи (навершия головных уборов, булавки, птицы на поверхности обойм ножен меча).

Своеобразна работа по стилизации образа рыбы. Он использован при оформлении подвесок к поясам, состоящих из двух половинок, на каждой из которых изображено по две рыбы. На реалистично выполненных образцах фигурки рыб, соприкасающихся друг с другом брюшками, показаны отчетливо. На некоторых изображениях никаких границ между силуэтами рыб не прослеживается, мастерами обыгрывается идея слитости, назначение которой не понятно. На поверхности рыб зачастую нанесен богатый растительный орнамент.

В группе «антропоморфные изображения» выделяются различные варианты проработки образа. Мужские персонажи изображены идущим, верхом на лошади или как участники эпического пира. Для этих полнофигурных изображений характерна реалистичность, зачастую детально проработаны элементы одежды, боевой экипировки. Личины отличаются стремлением передать инаковость образа: чрезмерно увеличены глаза, рот, выполняется стилизация с наделением черт животного.

Археологические материалы эпохи средневековья, происходящие с территории Обь-Иртышского междуречья, фиксируют значительное разнообразие погребального обряда населения данного региона. Большая протяженность распространения культуры и контактность зоны ее формирования (степная, лесостепная и лесотаежная природные зоны, тюркский и финно-угорский миры) обусловили синхронное существование таких форм погребальной обрядности (причем, каждая из форм имеет значительный разброс в вариантах), как земляные или каменные насыпи, ог-

* Рис. 1–7 к статье см. на цв. вклейке.

рады из камня, земли и сырцового кирпича, каменные или деревянные различные внутримогильные конструкции, ямы простые, с подбоем, приступками, трупоположение в сопровождении одного или нескольких коней, шкуры коня, трупосожжение. Определенные закономерности были выявлены при анализе погребального инвентаря из кимакских погребений Обь-Иртышского междуречья IX–XI вв., который показал, что:

1) мужские погребения характеризуются наличием поясной гарнитуры, холодного клинкового оружия, топоров, копий. Умерших сопровождают одна или несколько лошадей с богато оформленным снаряжением. Мужской костюм отличается незначительным количеством украшений, к ним относятся перстни, подвески и серьги.

2) женские погребения характеризуются гораздо более представительным составом украшений (серьги, подвески, застежки-подвески, перстни, бусы, навершия головных уборов, булавки). Оформление костюма, совпадая по количеству выделяемых зон с мужским, отличается значительным составом в каждой из них. Также женщины погребались в сопровождении лошадей с предметами гарнитуры. Среди предметов вооружения наиболее частой находкой являются колчаны со стрелами.

3) детские погребения отличаются незначительным количеством сопроводительного инвентаря. В его составе часто встречаются сосуды. Обособленно выделяется группа погребений с богатым инвентарем (в составе инвентаря встречаются такие социально значимые предметы, как пояс, сабля).

Таким образом, в качестве маркирующих определенную социальную группу могут выступать некоторые детали костюма (пояса, застежки-подвески, булавки, зеркала и их обломки), вооружения (сабли, топоры, копья). Таким качеством не обладают предметы конской гарнитуры, некоторые украшения (перстни, бусины, подвески), колчаны со стрелами, луки.

Гендерная информация становится более развернутой при анализе предметов торевтики, обнаруженных в мужских и женских погребениях. Общим для мужского и женского костюма является использование зооморфных, растительных, геометрических изображений. В свою очередь, в оформлении облика мужчины использованы антропоморфные, зоо-антропоморфные фигуры, зачастую воспроизводится мотив охоты. Для женского костюма характерна орнитоморфная символика, встречаются изображения собак, рыб.

Приведем некоторые примеры. На поверхности наконечников ремней, входящих в состав конского снаряжения знатного воина из кургана №254 Зевакинского могильника нанесен так называемый «гон зверей», где двое хищников «ведут» оленя, размещенного между ними (рис. 2). Изображение дано в профиль, животные движутся в направлении слева-направо. Фигуры хищников идентичны друг другу. Фиксируются такие детали: крупные голова и глаз, ухо треугольной формы, открытая пасть, грива с закругленными очертаниями, тело с мощной грудной клеткой, круп немного приподнят, длинный хвост с заостренной кисточкой, поднятый вверх и концом соприкасающийся с гривой, ноги короткие. Изображаемые видовые особенности позволяют предположить в фигурах хищников львов. Об этом свидетельствуют такие детали: крупная голова, грива, хвост с кисточкой.

Необходимо обратить внимание, что львы двигаются иноходью. Олень изображен бегущим, голова при этом немного запрокинута, передние ноги находятся в воздухе. Фигура оленя показана таким образом: голова с вытянутой заостренной мордочкой, крупный глаз, треугольное ухо, крупные рога состоят из четырех отростков, тело продолговатое, хвост в виде треугольника. Крайний отросток рога соприкасается с верхушкой хвоста.

В погребении кургана №145 Зевакинского могильника, содержавшем три пояса, богатое конское снаряжение, также была обнаружена сабля с уникальным оформлением ножен и рукояти. На поверхности наконечников ножен и рукояти изображены два персонажа, один танцует, второй играет на музыкальном инструменте (рис. 3). На поверхности парных обоев – человек сидит между птицами (рис. 4). Факт отсутствия специально показанных признаков пола, позволяет предположить в человеческих фигурах именно мужчин.

Мужчины, изображенные на наконечниках ножен и рукояти, размещены в фас, при этом они немного наклонили голову друг к другу. Изображения реалистичные. Играющий на музыкальном инструменте персонаж стоит слева. Показана крупная голова, на ней маленький округлый головной убор. Детали лица невозможно разобрать, с левой стороны видна дугообразная фигура (ухо? часть прически?).

Мужчина держит на уровне груди лютню, ориентированную грифом налево. Форма инструмента не поддается определению, можно только сказать, что резонатор округлой формы. Имеется продольная полоса в области грифа. Правая рука находится на уровне резонатора, левая – в верхней части грифа. Ноги широко расставлены, пятками внутрь. На мужчине кафтан (?) длиной до колена, он опоясан кушаком, длинные концы которого симметрично свисают вниз. Судя по контуру изображения, рукава нормальной длины.

Танцующий персонаж характеризуется большим количеством деталей, нежели «музыкант». Показаны очень крупные глаза и нос, который сливается с нечеткой линией бровей. Справа лицо окаймляют волосы (?). Руки согнуты в локтях, ноги также широко расставлены. Видны такие детали одежды: отвороты на кафтане, длинные рукава, кушак, концы которого также свисают вниз. Характерное размещение отворотов позволяет предположить левосторонний запах. Фигуры размещены в довольно ограниченном пространстве, головами они соприкасаются с рамкой, ограничивающей изобразительное поле, ноги – чуть выше ее уровня.

Видимо, мужчины являются участниками эпического пира. В качестве возможного источника появления данного сюжета, может выступать искусство Восточного Туркестана. Эта тематика хорошо представлена в терракоте, росписях, имеются изображения как отдельных музыкантов и танцоров, так и инструментально-танцевальных коллективов. При этом, дуэты численно преобладают, «обычно танец сопровождается игрой на инструменте» [3, с. 513].

Судя по этим изображениям, музыкант на сабле из кимакского погребения играет на лютне. Ее изображение также часто встречается в терракоте и росписях Восточного Туркестана. Обнаруживает аналогии и манера держания музыкального инструмента – высоко у груди, корпусом лютни повернута влево [3, с. 399–400]. Персонажи одеты в короткие распашные кафтаны. У одного из них левосторонний запах, по праву определяемый исследователями как важнейший индикатор тюркской костюмной традиции [9, с. 184; 2, с. 43–44].

На поверхности обойм ножен имеются изображения мужчины, окруженного с обеих сторон птицами. Он сидит с поджатыми под себя ногами – «калачиком», перед собой обеими руками держит сосуд в форме высокого кубка. Руки размещены на уровне живота. На голове персонажа остроконечный головной убор, закругленный по краям, он покрывает верхнюю часть головы. Лицо показано детально: округлые глаза, длинный крупный нос, соединяющийся с прямой линией бровей, круглые щеки и небольшой рот. С обеих сторон лица показаны волосы, которые облегают голову. Какие-либо детали одежды трудноразличимы, видно лишь, что она без ворота. Также показаны края рукавов. Фигура человека расположена чуть выше края рамки, очерчивающей край изделия.

Птица, расположенная слева, показана с небольшой головой, длинным изогнутым клювом, длинной немного изогнутой шеей, узким крылом и туловищем, а также длинным раздвоенным хвостом, опущенным вниз. Глаз крупный, овальной формы. На голове – треугольный выступ (холок?). Тело покрыто поперечными продолговатыми бороздками, видимо, с их помощью показано оперение. Они нанесены в области шеи и верхней половины тела. Ноги прямые. При этом птица упирается ногами в рамку.

У птицы, расположенной справа, округлая голова, на которой показан глаз, длинная прямая шея. Над продолговатым узким туловищем нанесено крыло каплевидной формы. Длинный хвост в форме лопасти опущен также вниз. Ноги показаны полусогнутыми, они также заканчиваются на уровне рамки. Необходимо отметить, что фигуры человека и птиц выполнены в различной манере: изображение человека довольно реалистично, в свою очередь, птицы подверглись стилизации, их образы даны условно. Возможно, мастер хотел выделить видовые особенности.

Следует отметить, что черты лица оформлены в манере, характерной для скульптур кыпчакского облика [5, табл. 4.8]. С другой стороны, сосуд в форме кубка, который держит в обеих руках персонаж, является элементом оформления древнетюркских изваяний [5, табл. 6, 7].

В период этнографической современности у некоторых народов еще сохранились признаки существования особой пиршественной позы, она входила в состав правил поведения. Так, в процессе принятия гостей тувинский церемониал включал и определенные позы. Поза баскактыыр предписывалась для мужчин, особенно пожилых и наиболее уважаемых, с подогнутыми под себя скрещенными ногами. Остальные сидели в позе сөгедектээр, то есть подогнув под себя левую ногу, а правую, согнутую в колене, ставили перед собой, при этом, она была ориентирована ко входу [10, с. 68].

По мнению ряда исследователей, чаша являлась символом эпического пира [11, с. 130]. В русле этих представлений, видимо, был сформирован обычай, распространившийся в эпоху ранних кочевников и, особенно, средневековья, помещать сосуды в целом или фрагментированном состоянии возле оградок и изваяний [8, с. 27]. Исходя из данных этнографии, находит объяснение и своеобразная форма сосудов – в виде кубка, активно используемая в тюркской монументальной традиции. Так, Е.М. Пещерева приводит сведения о распространении именно такого рода «керамических кубков, использующихся у народов Средней Азии в качестве парадной посуды для подачи воды, айрана, кумыса, сливок и сиропов» [по: 11, с. 131].

Подробно проанализировав героический эпос тюркоязычных и монгольязычных народов, Л.Н. Ермоленко, предложила еще один акцент в расшифровке смысла данной композиции: «в героическом эпосе проявляется и специфическое батальное значение чаши (пиршественного напитка), заключающееся в ее связи с доблестью» [6, с.27]. Выделенные исследовательницей батально-пиршественные элементы, «отображены в иконографии скифских и древне-тюркских изваяний воинов, запечатленных в «пиршественной позе», в комбинации пира (возлияния) и битвы (обкладка ритона из Карагодеуахша, кобяковская гривна, суттуу-булакские пластины), в украшении драгоценных (пиршественных) сосудов батальными сценами и сценами героической охоты (сосуды из Косики и Надь-Сент-Миклош, ковш из Коцкого городка)» [6, с. 28].

На поверхности поясных бляшек, обнаруженных в погребении кургана №6 Бобровского могильника оформлена сцена охоты человека на кошачьего хищника. Изображение дано в профиль. На голове всадника остроконечный головной убор, лопасти которого спускаются до уровня плеч. Мужчина пригнулся, подавшись всем телом вперед. Необходимо также отметить, что фигура человека непропорционально крупная по сравнению с фигурами животных.

В правой руке он держит копьё, которым поражает животное. Судя по тому, как изображен хвост – длинным и прямым, можно предположить в фигуре этого животного тигра. Оба животных запечатлены в прыжке. Своеобразно изображение хвоста лошади – в форме короткой и широкой лопасти. По краю бляшки нанесены крупные бугорки, выполненные с небольшими промежутками.

В женском костюме использование художественной обработки поверхности металла характерно практически для всех категорий украшений. Маркируемыми зонами являются область висков, грудь (причем, здесь сосредоточено наибольшее количество деталей), область пояса.

В оформлении костюма женщины прорабатывался, прежде всего, образ птицы. Разнообразны репертуар и ассортимент предметов: фениксы, грифоны, водоплавающие, голуби (?) на поверхности подвесок, наверший головных уборов, булавок, застежек-подвесок. Характерную группу представляют профильные фигурки птиц, являющиеся навершиями головных уборов (рис. 5). В коллекции имеется два экземпляра (погр. 2, объект №23, Карашат I; курган в черте г. Семипалатинск, раскопки И.А. Армстронга). Фиксируется целый ряд параллелей в их оформлении, которые позволяют предположить, что в данном случае изображена одна и та же птица: мощный загнутый вниз клюв, размещенный вертикально хохолок, длинная шея, мощная грудная клетка, продолговатое туловище, длинный узкий хвост. При этом, что, несомненно, характерно, шея и туловище имеют одинаковую толщину, также не проработана отдельно голова.

Особенности использования – в качестве фигуры для навершия, обусловили и единый принцип оформления ног. Они не проработаны детально и выполнены как конус подставки или перемычка, соединяющая фигуру птицы и подставку. Силуэт тяготеет к замкнутости. Все части тела размещены в пределах условной окружности. Этот эффект подчеркнут также тем, что высокий, длинный хвост, закругляясь, практически достигает уровня головы. Изображаемый образ также характеризует статичность, она четко отображена в манере передачи всех частей тела.

Интереснейшим образцом передачи образа птицы являются еще один вариант навершия головного убора (к. №145а, Зевакинский могильник, случайная находка из окрестностей г. Усть-Каменогорска) (рис. 6).

Фигура состоит из трех ответвлений, тоже в свою очередь разделяющихся. Боковые ответвления (крылья?) отходят симметрично в стороны от центрального. В верхней части на разной высоте они разделены на два отростка, расходящиеся в разные стороны. Таким образом, видимо, показано оперение птицы. Окончания отростков заостренные, они размещены изогнутыми. Центральная часть представляет собой короткий отросток. Его заостренная верхняя часть немного изогнута. Все ответвления имеют неширокий бортик по краю. Подставка овальной в сечении формы, на ней имеются два округлых отверстия.

Также специфичным аксессуаром именно женского костюма выступают подвески, состоящие из двух половинок с изображением сдвоенных рыб и крепившиеся, возможно, к матерчатому поясу. Коллекция насчитывает три экземпляра (к. №3, Трофимовский могильник; к. №146, Зевакинский могильник; к. у с. Выдриха). В основе образа лежат такие характерные черты прототипа: продолговатое удлинненное тело, расширенное в верхней части, голова умеренно-выпуклая, прямой расширяющийся к окончанию хвост (рис. 7).

Изображение собаки встречено в качестве наверший двух булавок (погр. 3, объект №9, мог. Когалы). Изображения, в целом, аналогичны друг другу, различаются лишь некоторые детали. Схематичная фигура животного размещена в стоячем положении, в профиль. Морда удлиненная, подтреугольной формы. Уши подняты вверх. Туловище длинное, узкое. Крупный продолговатый хвост поднят вверх и загибается в сторону головы. Передние ноги короче задних, соответственно, круп получается приподнятым. Фигура расположена на небольшой горизонтальной подставке, ноги упираются в ее поверхность. Подставка в свою очередь соединяется с прутом булавки.

Представленный широкий спектр бытовавших в кимакской среде элементов и образов свидетельствует об активных взаимоотношениях Кимакского каганата с окружающим миром. В эпоху средневековья происходит формирование нового «орнаментального стиля» эпохи, на смену звериного стиля приходят растительные элементы при незначительном количестве геометрических, зооморфных, антропоморфных изображений.

Определенную группу в средневековой тюркитике занимают изображения животных. Необходимо отметить, что ничего сверх репертуара звериного стиля эпохи ранних кочевников, в данное время не появилось. Тем не менее, фиксируются разнообразные варианты проработки этих образов. Разворачивание сюжета происходит также в рамках традиций предшествующего времени: одиночные изображения, противостояние (размещение фигур напротив друг друга, в частности, по принципу зеркальной симметрии), линейно-развернутые изображения.

Продолжает свое развитие с эпохи ранних кочевников и образ всадника, запечатленный на поверхности различных материалов, в различной технике, но, тем не менее, обнаруживающий одинаковую проработку на значительной территории.

Интересно, что в эпоху ранних кочевников мотив противостояния решался преимущественно на уровне собственно животного мира (хищники и травоядные, хищники и хищники), в эпоху средневековья важнейшим участником противостояния становится человек (мотив охоты).

Отбор и переработка инокультурных элементов становились одной из причин формирования своеобразия, характерного для каждого из центров средневекового художественного металла. В частности, данное наблюдение засвидетельствовано по материалам золотоордынской, кыргызской тюркитики. Образы птиц, хищников, фантастических животных, травоядных, всадников, и этим списком вовсе не исчерпывается репертуар искусства оседлоземледельческих центров, тем не менее, именно они вновь и вновь воспроизводились в среде различных групп степного населения в разные периоды истории. «В каждом регионе происходили довольно жесткий отбор чужеземных прототипов орнаментальных мотивов, их обязательная переработка, быстро появлялось много местных вариантов каждого мотива, распространявшихся в определенных географических пределах» [7, с. 96].

Культурное своеобразие в кимакской тюркитике отобразилось, прежде всего, при оформлении женского костюма. Необходимо отметить разнообразие в способах подачи образа птицы, их варианты представлены на поверхности различных аксессуаров женского костюма. Изображения рыб, не редкость, например, в кыргызской тюркитике, но авторским для кимакского варианта является нанесение пышного растительного орнамента на поверхности в виде ярусов, требует своего дальнейшего изучения идея слитости, соединенности, фиксируемая при анализе данной группы изображений. Более унифицированной является информация, которую нес в себе мужской костюм. На поверхности металлических аксессуаров воспроизводятся широко распространенные сюжеты охоты, пира – это важнейшие элементы социализации человека в традиционном обществе, соответственно, получившие распространение во всей степной Евразии. Имеющиеся образы хищных животных, используемые для оформления воинского, конского снаряжения, призванные наделять своего владельца необходимыми качествами, обеспечить защитой, их схожая проработка также характерна для значительной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. 405 с.
2. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков. Тюркологический сборник. М., 1966. С. 177–187.
3. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 2000. 583 с.
4. Горбунова Т.Г. Лужение как способ декорирования украшений конского снаряжения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Материалы конференции. Вып. XVI. Барнаул, 2007. С. 156–158.
5. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004. 120 с.
6. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии). Автореферат дис. ... д.и.н. Кемерово, 2006. 34 с.
7. Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №1. С. 94–100.
8. Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Новосибирск-Горно-Алтайск, 1997. 183 с.
9. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 340 с.
10. Тюркские народы Восточной Сибири. М., 2008. 422 с.
11. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966. 137 с.

Сведения об авторе: Бахыт Мулдашевна Хасенова – научный сотрудник Национального музея Республики Казахстан (010000, ул. Д.Кунаева, д.8, блок Б, Астана, Казахстан); ulttyk_muzei@mail.ru

The Art Metalwork of the Kimaks: Symbols of Gender Identity

B.M. Khasenova

(National Museum of the Republic of Kazakhstan)

Toreutics are rightfully considered as a vivid and revealing phenomenon of culture of the Kimek Khanate's population. On the one hand, toreutics demonstrate a striking unity of all State formations of Eurasian steppe. In turn, each of the variants of steppe toreutics is characterized by originality due to the conditions of formation process (local traditions, handicraft base, priority in foreign policy and, therefore, contacts with certain centers of settled culture). According to researchers, during the early and developed Middle Ages Turkic, Kyrgyz, Khazar, Avar, Hungarian, Oghuz toreutics was widespread in the territory of the Eurasian steppes.

Metal art processing was used for decorating belt, horse harness, armaments, jewelry and household items. Ancient masters fixed priorities of that society in a way that aimed at demonstrating the valor and strength of implementing protective measures.

The most common elements in Kimak toreutics are floral elements. The article presents different variants of palmettes, plant shoots that form the vast majority of heart-shaped figures. Some of them are naturalistic: they contain shoots and bunches of grapes, pomegranates.

The manner of showing images of zoomorphic characters is varied. Animal images are shown as really existing animals: dogs, fishes, birds (waterfowl, dove), herbivores (deer, fallow deer, horse), predators (lion, tiger); and fantastic: phoenix, dragon, feline predator, Simurgh. The stylization is common, above all, in processing the images of birds and fish. Various options for study of the images are identified in the group of "anthropomorphic images". Male characters are depicted as if they are going, riding horses or as participants of an epic feast.

Cultural identity of Kimak toreutics was displayed, first of all, when decorating female costumes. The Kimak male costumes was the phenomenon of its time. Its elements (belt, earrings) were decorated in a similar way among practically all the steppe tribes of this chronological period. The images used on that male suit have a wide range of analogies as well.

Keywords: toreutics, floral items, zoomorphic figures, anthropomorphic images, stylization, images, Kimak male and female suits.

REFERENCES

1. Arslanova F.H. *Oчерki srednevekovoj arheologii Verhnego Priirtysh'ja* [Sketches on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Area]. Astana, 2013. 405 p.
2. Vajnshtejn S.I., Krjukov M.V. Ob oblike drevnih tjurkov [On the Personal Appearance of the Ancient Turks]. *Tjurkologicheskij sbornik* [Turkological Collection]. Moscow, 1966, pp. 177–187.
3. *Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Eastern Turkestan in the Ancient Times and the Early Middle Ages]. Pod red. B.A. Litvinskogo. Moscow: Vostochnaja literature Publ, 2000. 583 p.
4. Gorbunova T.G. Luzhenie kak sposob dekorirovanija ukrashenij konskogo snarjazhenija [Tin-planting as a Way of Decorating Ornaments of the Horse Equipment]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altaja. Materialy konferencii* [Preservation and Study of Altai Cultural Legacy: Proceedings of the conference]. Barnaul, 2007, vol. XVI, pp. 156–158.
5. Ermolenko L.N. *Srednevekovye kamennye izvajanija kazhastanskih stepej* [Medieval Stone Sculptures of the Kazakh Steppes]. Novosibirsk, 2004. 120 p.
6. Ermolenko L.N. *Izobrazitel'nye pamjatniki i jepicheskaja tradicija (po materialam kul'tury drevnih i srednevekovyh kochevnikov Evrazii)* [Fine Art Monuments and Epic Tradition (based on the culture of ancient and medieval nomads of Eurasia)]. *Avtoreferat diss. ... d.i.n.* [Abstract of PhD thesis ...]. Kemerovo, 2006. 34 p.
7. Kon'kova L.V., Korol' G.G. Formirovanie i razvitie tradicij v obrabotke hudozhestvennogo metalla v stepnoj Evrazii jepohi srednevekov'ja [Formation and Development of Metal Working Traditions in the Steppe of Eurasia during the Middle Ages]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001, no 1, pp. 94–100.
8. Kubarev V.G. *Kamennye izvajanija Altaja* [Altai Stone Sculptures]. Novosibirsk-Gorno-Altajsk, 1997. 183 p.
9. Kubarev G.V. *Kul'tura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov)* [Culture of the Ancient Altai Turks (based on burial sites)]. Novosibirsk, 2005. 340 p.
10. *Tjurkskie narody Vostochnoj Sibiri* [Turkic Peoples of Eastern Siberia]. Moscow, 2008. 422 p.
11. Sher Ja.A. *Kamennye izvajanija Semirech'ja* [Jetysu Stone Sculptures]. Moscow-Leningrad, 1966. 137 p.

About the author: Bakhyt Muldashevna Khasenova – Research Fellow, National Museum of the Republic of Kazakhstan (010000, Kunaev st., 8D, Block B, Astana, Kazakhstan); ulttyk_muzei@mail.ru

Представления о Монголии начала XIII в. в арабской историко-энциклопедической традиции XIII–XV вв.

А.В. Кожушко

(Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко)

В статье представлен текстологический анализ сведений арабских историков и энциклопедистов XIII–XV вв. о Монголии начала XIII в. Автор акцентирует внимание на то обстоятельство, что в историографии проблема выяснения первоначального ареала обитания монгольских племен решалась, на основе привлечения данных из китайских, монгольских и персидских источников. В связи с этим, автор привлек данные из сочинений арабских историков и энциклопедистов XIII–XV вв. – современников монгольских завоеваний XIII в. – Ибн ал-Асира, Йакута и ан-Насави, а также арабских историографов (начиная с середины XIII в.) – поздних арабских историков: Ибн Васила, аз-Захаби, Абу-л-Фиды, Ибн Касира, Ибн Халдуна, ал-Макризи, Ибн ‘Арабшаха, Ибн Тагриберди, ас-Суйути и энциклопедистов, в числе которых сочинения ан-Нувайри, ал-‘Умари и ал-Калкашанди, с целью выяснить, как представляли себе арабские ученые указанного периода Монголию – прародину монгольских племен, до момента их вторжения в исламский мир в начале XIII в. Помимо этого, в процессе изучения данной проблемы, были привлечены сведения из сочинений арабских географов XIII–XIV вв., в частности, Закарии ал-Казвини, Ибн Са‘ида и ал-Бакуви, а также исторические хроники персидских авторов того же времени – Джузджани и Рашид ад-дина. Результаты показали, что средневековые арабские ученые, ввиду объективных причин, не располагали такими конкретными сведениями, которые можно обнаружить в китайских, монгольских и персидских источниках, поэтому в своих сочинениях приводили лишь те сведения о прародине монголов, которые были им известны.

Ключевые слова: монголы, Монголия, Чингиз-хан, источники, историография, арабские источники.

Среди всего многообразия дошедших до наших дней письменных источников о монголах, особого внимания заслуживает арабская историко-энциклопедическая традиция XIII–XV вв.

Изучение исторического прошлого монголов уходит своими корнями еще в XVII в. [11, с. 232]. С того времени и по нынешний день мировая историография обогатилась сотнями общих и специализированных исследований, в которых нашли отражение различные вопросы монгольской истории. За последнее время учеными, на основе привлечения письменных и археологических источников, была проделана масштабная работа в изучении важнейшего вопроса – местонахождения прародины монгольских племен [см.: 1; 3; 5–8; 12; 15; 18; 19].

Характерно, что исследуя проблему первичного ареала расселения и обитания монголов, авторы указанных работ, основывались, главным образом, на сведениях китайских, монгольских и персидских источников, в которых содержится наибольшее количество сведений о монголах XII–XIII вв. (к примеру, «Сокровенное сказание монголов» или «Тайная история монголов» (1240 г.) [9], летопись персидского историка Рашид ад-дина (1247–1318 гг.) [13]), уже достаточно изучены. В связи с этим, значимым становится привлечение данных о монголах из новых письменных источников, среди которых выделяются арабские – сочинения арабских историков и энциклопедистов XIII–XV вв., в особенности – начиная с середины XIII в.

Наиболее ранние сведения арабских ученых – историков Ибн ал-Асира (1160–1234 гг.), ан-Насави (ум. в 1249 г.) и географа-энциклопедиста Йакута (между 1178 и 1180–1229 гг.) о монголах относятся к началу XIII в., что было обусловлено началом монголо-хорезмийской войны, ее ходом и последствиями.

Первые арабоязычные авторы, писавшие о монголах, уделяли внимание в своих сочинениях, главным образом, завоевательным походам монголов в начале XIII в. и сведения Ибн ал-Асира тому наглядный пример [25, с. 399–423].

Однако, следуя логике изложения исторических событий, Ибн ал-Асир попытался объяснить, где находились территории обитания монголов? Арабский автор пишет, что в 1220 г. в «странах ислама появились татары... Местами их обитания [являются] горы Тамгаджа, [расположенные] около Китая. Между их (монголов. – А.К.) [страной] и странами ислама расстояние, превышаю-

щее шесть месяцев [пути]» [25, с. 399]. В другом месте своего рассказа арабский историк утверждает, что «этот народ (монголы. – А.К.) вышел из окраин Китая» [25, с. 399].

Подобные сведения обнаруживаем и у другого современника монгольских завоеваний начала XIII в. – Йакута ал-Хамави, который пишет, что «пришли они (монголы. – А.К.) из земель Китая, который населен ими...» [31, с. 179].

Историк Мухаммад ан-Насави считал, что монголы – «жители пустынь. Местности их обитания называются Аргун» [22, с. 39].

Анализ сведений, которые содержатся в сочинениях арабских историков и энциклопедистов начиная с середины XIII в. показывает, что поздние арабские авторы, которые писали о монголах и монгольских завоеваниях начала XIII в., строили свои рассказы на основе данных предшественников, главным образом – Ибн ал-Асира и ан-Насави.

Так, Ибн Васил (1208–1298 гг.), который полностью построил свой рассказ о монголах времени Чингиз-хана на информации из летописи Ибн ал-Асира, по-видимому, поставил под сомнение сведения последнего о местах обитания монголов, указав только, что «... услышал из рассказа, будто бы эти люди (монголы. – А.К.) вышли из окраин Востока, из пустынь...» [27, с. 36].

Историки и энциклопедисты конца XIII – XV вв. – аз-Захаби, ан-Нувайри, Ибн Касир, Ибн Халдун и ал-Макризи оказались менее критичными, поэтому они повторяют рассказ Ибн ал-Асира [10, с. 15].

Определенным исключением из этого перечня составляют только данные ан-Нувайри (1279–1331 гг.), который пишет, что «в большом количестве татары вышли из своей страны, которая граничит с Китаем, и направились в страну Туркестан» [23, с. 156].

Ибн ‘Арабшах (1392–1450 гг.) уточняет эти данные, утверждая, что «на границе с Китаем расположено государство монголов и каракитаев» [26, с. 29]. Сходные данные приводит и Ибн Тагриберди (1409–1470 гг.) [24, с. 689].

Некоторые арабские историографы исследуемого хронологического периода, в числе которых – Абу-л-Фида’, вышеупомянутый аз-Захаби и ас-Суйути, заимствовали сообщения ан-Насави [10, с. 15].

Сведения арабских историков, в частности, Ибн ал-Асира и ан-Насави, а также историографов, ссылавшихся на их данные, о прародине монголов требуют более тщательного рассмотрения.

Что касается информации арабских авторов о «горах Тамгадж», то, вероятно, наиболее раннее упоминание о них в арабской исторической традиции содержится в сочинении ал-Мас‘уди (ум. в 956 г.) [16, р. 306].

О Тамгадже писали арабские авторы XIII–XIV вв. В статье под названием «Табарак» географической энциклопедии Йакута сказано, что Тамгадж расположен «... в стороне Фарса хорезмийского и его твердыни» [32, с. 16]. Однако приведенная Йакутом локализация Тамгаджа является неверной. Согласно Рашид ад-дину Табарак – это крепость, расположенная в северной части иранского города Рея [14, с. 100 (прим. 4)], поэтому к монголам данный объект не имеет никакого отношения. Упомянутый ан-Насави описал Тамгадж как город, который находился в «середине Китая» [22, с. 39]. Арабские географы XIII–XIV вв. также называют Тамгадж городом [2, с. 76; 24, с. 411; 28, с. 48]. Фактически сходные сведения мы обнаруживаем и в сочинениях арабских энциклопедистов XIV – начала XV вв. – ал-‘Умари (1301–1349 гг.) и ал-Калкашанди (1353–1419 гг.) [20, с. 307, 483; 21, с. 146]. Ан-Нувайри и Ибн Халдун (1332–1446 гг.) сообщают о том, что Чингиз-хан, после завоевания в начале XIII в. Северного Китая, овладел городом Тамгадж [23, с. 166; 30, с. 576]. Персидский историк Джузджани (род. в 1193 г.) пишет о Тамгадже как государстве (стране) [17, II, р. 956, 960–961].

Итак, «Тамгадж» фигурирует в сочинениях арабских историков и энциклопедистов XIII–XV вв. в двух основных значениях – горы и город. Отождествление оронима «горы Тамгадж», встречающегося у Ибн ал-Асира и его последователей, является затруднительным. Возможно, что этот арабский историк и его последователи подразумевали под данным названием местность, которая, по выражению Н.В. Абаева, являлась «легендарной» страной Эргунэ-кун, представлявшей собою горную котловину, окруженную горными хребтами, расположенными в форме круга [1, с. 170].

Что касается понятия «город Тамгадж» в сочинениях арабоязычных авторов, то, вероятнее всего, речь идет о Пекине, который, вследствие монголо-чжурчжэньской войны начала XIII в., был захвачен монголами и впоследствии стал резиденцией монгольских каганов [10, с. 18].

Топоним «местность Аргун», который впервые встречается у ан-Насави, помимо сделанным нами ранее заключениям [22, с. 39], следует также отождествлять с местностью под названием Эргунэ-кун, о которой Рашид ад-дин пишет: «... все племена монголов происходят из рода [насл.] тех двух лиц (то есть предков, по генеалогии, Чингиз-хана. – А.К.), которые некогда ушли в Эргунэ-кун» [14, с. 9]. Данное сравнение сходится с точкой зрения современных исследователей относительно проблемы прародины монголов [6, с. 28–33; 7, с. 128–131; 8, с. 48].

Таким образом, арабские историки и энциклопедисты XIII–XV вв. представляли себе прародину монголов – Монголию начала XIII в. как местность, страну или государство, изначально находившуюся вблизи Китая (или же в самом Китае). Разумеется, средневековые арабские ученые, ввиду объективных причин, не располагали такими конкретными сведениями, которые можно обнаружить в китайских, монгольских и персидских источниках, поэтому в своих сочинениях приводили лишь те сведения о прародине монголов, которые были им известны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев Н.В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 169–185.
2. ‘Абдар-Рашидал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва ‘аджа‘ибал-малик ал-каххар («Сокращение [книги] о “памятниках” и чудеса царя могучего») / Изд. текста, пер., примеч. и указат. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1971. 158, 189 с.
3. Асеев И.В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в байкальском регионе и Монголии в средние века // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8. Вып. 5. С. 190–198.
4. Дробышев Ю.И. Дочингисовы монголы и окружающая среда // Восток (Oriens). 2011. № 1. С. 5–21.
5. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. 278 с.
6. Зориктуев Б.Р. К вопросу о местонахождении Эргунэ-куна (по результатам работы международной экспедиции «Эргунэ-кун») // Монгольский мир: новый век – новые вызовы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2011. С. 27–33.
7. Зориктуев Б.Р. О происхождении и семантике этнического названия монгол // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 125–131.
8. Зориктуев Б.Р. Реконструкция начального этапа ранней истории монголов // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 41–57.
9. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuša tobšiyun* – Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. 619 с.
10. Кожушко А.В. Дані арабомовних авторів XIII–XV ст. про батьківщину монголо-татар // Сходознавство. 2013. № 62–63. С. 13–21.
11. Кривошеев Ю.В. Степные бури: монголы эпохи Чингис-хана глазами отечественных ученых // Чингис-хан / сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Изд-во «Лань», 1998. С. 231–249.
12. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.
13. Рашид ад-дин. Сборник летописей: В 3-х т., 4-х кн. / пер. с перс. А.А. Хетагурова, О.И. Смирновой, Ю.П. Верховенского, А.К. Арндса. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1960.
14. Рашид ад-дин. Сборник летописей: В 3-х т., 4-х кн. Т. 1, кн. 2 / пер. с перс. О.И. Смирновой, примеч. Б.И. Панкратова, О.И. Смирновой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
15. Чагдуров С.Ш. Прародина монголов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1999. 138 с.
16. Maçoudi. Les Prairies d’or. Texte et traduction: IX Tomes / par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Tome I. Paris: L’imprimerie impériale, 1861. XII, 408 p.
17. Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-‘Umar-i-‘Usman: In II Vols. / transl. from pers. by H.G. Raverty. Calcutta: Book Publishing, 1881.
18. Vidaković N. Rani Mongoli – etnopolitička povijest do 13 stoljeta // Migracijske etničke teme. 2015. No. 31/1. S. 65–114.
19. Weiers M. von. Herkunft und Einigung der mongolischen Stämme: Türken und Mongolen // Die Mongolen in Asien und Europa, 1997. S. 27–39.
20. ал-Калкашанди. Китаб субх ал-‘аша. Дж. 1. Каир, 1914. 508 с.
21. ал-‘Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар. Дж. 27. Бейрут, 2011. 382 с.
22. ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкубирти. Каир, 1953. 426 с.

23. ан-Нувайри. Нихайат ал-'араб фи фунун ал-адаб. Дж. 27. Бейрут, 2003. 303 с.
24. Закарийа'-л-Казвини. 'Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад. Бейрут, [б. г.]. 667 с.
25. Ибн ал-Асир. ал-Камил фи-т-та'рих. Дж. 10. Бейрут, 2003. 519 с.
26. Ибн 'Арабшах 'Аджа'иб ал-макдур фи ахбар Тимур. Доступно: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=70>
27. Ибн Васил. Китаб муфарридж ал-куруб фи ахбар бани Аййуб. Дж. 4. Каир, 1972. 382 с.
28. Ибн Са'ид. ал-Джуграфийа. Доступно: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=311>
29. Ибн Тагриберди. ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира. Доступно: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=159>
30. Ибн Халдун. Та'рих. Дж. 5. Бейрут, 2000. 668 с.
31. Йакут. Му'джем ал-булдан. Дж. 1. Бейрут, 1977. 540 с.
32. Йакут. Му'джем ал-булдан. Дж. 4. Бейрут, 1988. 501 с.

Сведения об авторе: Андрей Валерьевич Кожушко – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного университета им. Тараса Шевченко (ул. Оборонная, 2, Луганск, Украина); valeric.09@mail.ru

Perception of the early 13th century's Mongolia in Arab Historical and Encyclopedic Tradition of the 13th–15th centuries

A.V. Kozhushko

(Lugansk Taras Shevchenko State University)

The article contains a textual analysis of information of Arab historians and encyclopedists of the 13th–15th centuries about the early 13th century's Mongolia. The author emphasizes the fact that historiography basically solved the problem of finding the original habitat of the Mongol tribes based on information of Chinese, Mongol and Persian sources. In this connection, the author used the works of Arab historians and encyclopedists of the 13th–15th centuries: of the contemporaries of the Mongol conquests of the 13th century – Ibn al-Athir, Yakut, al-Nasawi as well as the Arab historiographers (since the mid-13th century); and later Arab historians – Ibn Wasil, al-Dhahabi, Abu-l-Fida', Ibn Kathir, Ibn Khaldun, al-Makrizi, Ibn 'Arabshah, Ibn Tagri Bardi, al-Suyuti and Arab encyclopedists of the 14th – beginning of the 15th centuries; all this in order to determine how the Arab scholars of this period imagined Mongolia – the ancestral home of the Mongol tribes – before their invasion of the Islamic world in the early 13th century. In the writing-process author also studied the Arab geographers of the 13th–15th centuries, in particular Zakariya al-Qazwini, Ibn Sa'id, al-Bakuwi, as well as historical chronicles of Persian authors of the same time of Juzjani and Rashid al-Din. The results showed that in view of the objective reasons medieval Arab scholars did not have such specific information that can be found in Chinese, Mongol and Persian sources. Therefore, their works contain only that information on the ancestral home of the Mongols, which had been known to them.

Keywords: Mongols, Mongolia, Chinggis Khan, sources, historiography, Arab sources.

REFERENCES

1. Abaev N.V. O prarodine vseh turkov i mongolov: «Ergenekon», «Ergune-hun» ili Tannu-Uranhai? [About Ancestral Homeland of All the Turks and Mongols: «Ergenekon», «Ergune-khun» or Tannu-Uryankhaay?]. *Novye issledovaniya Tuvi – The New Research of Tuva*, 2011. No. 1, pp. 169–185.
2. 'Abd al-Rashid al-Bakuwi. *Kitab talhis al-athar wa 'adja'ib al-malik al-kahhar («Sokrashchenie [knigi] o "pamatnikah" i chudesah tsarya moguchego»)* ["Shortening [of the book of] "Memorials" and Miracles of the Mighty King"]. Izd. texta, per., primech. i ukazat. Z.M. Biniyatova. Moscow, Science, 1971. 158, 189 p.
3. Aseev I.V. Nekotorye aspekty isoricheskikh i arheologicheskikh materialov kak svidetel'stva rasseleniya mongoloyazichnyh plemen v baykal'skom regione i Mongolii v srednie veka [Some Aspects of Historical and Archaeological Materials as an Evidence of the Mongol Tribes' Settlement in the Baikal Region and Mongolia in the Middle Ages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Novosibirsk State University*, 2009. T. 8. No. 5, pp. 190–198.
4. Drobyshev Yu.I. Dochingsidovy mongoly i okruzhayushchaya sreda [The Pre-Chinggisid Mongols and Environment]. *Vostok (Oriens) – Orient*, 2011. No. 5, pp. 5–21.
5. Zoriltuev B.R. *Aktual'nye problemy istorii mongolov i buryat* [Actual Problems of the History of the Mongols and Buryats]. Moscow, «East literature» of RAS Publ. House, 2011. 278 p.

6. Zoriltuev B.R. K voprosu o mestonahozhdenii Ergune-kuna (po rezultatam paboty mezhhdunarodnoy ekspeditsii «Ergune-kun») [To the Question of Localization of Ergune-kun (according to the work results of international expedition "Ergune-kun")]. *Mongol'skiy mir: novy vek – novye vyzovy. Materialy Vserossiyskoy prakticheskoy konferentsii* [The Mongol World: New Century – New Challenges. Proceedings of All-Russian scientific-practical conference], 2011, pp. 27–33.

7. Zoriltuev B.R. O proishozhdenii i semantike etnicheskogo nazvaniya mongol [On the Origin and Semantics of the Ethnic Name of the Mongols]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2009. No. 10, pp. 125–131.

8. Zoriltuev B.R. Rekonstruktsiya nachal'nogo etapa ranney istorii mongolov [Reconstruction of the Initial Period of the Early Mongol History]. *Voprosy istorii – Questions of History*, 2003. No. 5, pp. 41–57.

9. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. pod nazvaniem Mongyol-un niyuča tobčiyān – Yuan' chao bi shi. Mongol'skiy obydeniy sbornik* [The Secret History. The Mongol Chronicle of 1240 Entitled Mongyol-un niyuča tobčiyān – Yuan chao bi shi. The Mongol Daily Miscellany]. Moscow: AS USSR Publ., 1941. T. 1. Vvedenie v izuchenie pamyatnika, perevod, teksty, glossariy. 619 p.

10. Kozhushko A.V. Dani arabomovnykh avtoriv XIII–XV st. pro bat'kivshchinu mongolo-tatar [Information of the Arab Authors of the 13th–14th centuries about the Homeland of the Mongol-Tatar Tribes]. *Shodoznavstvo – Oriental Studies*, 2013. No. 62–63, pp. 13–21.

11. Krivosheev Yu.V. Stepnye buri: mongoly epohi Chingis-hana glazami otechestvennykh uchenykh [The Storms of the Steppes: The Mongols of the Chinggis Khan's Epoch through the Eyes of Domestic Scholars]. *Chingis-han* [Chinggis Khan]. sost. Yu.A. Sandulov. St. Petersburg, «Lan'» Publ., 1998, pp. 231–249.

12. Kychanov E.I. *Nomadic States from the Hunns to Manchus*. Moscow, «East literature» of RAS Publ. House, 1997. 319 p.

13. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]: V 3-h t., 4-h kn. Per. s pers. A.A. Hetaurova, O.I. Smirnovoy, Yu.P. Verhovenskogo, A.K. Arends. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1948–1960.

14. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]: V 3-h t., 4-h kn. T. 1, kn. 2. Per. s pers. O.I. Smirnovoy, primech. B.I. Pankratova, O.I. Smirnovoy. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1952. 315 p.

15. Chagdurov S.Sh. *Prarodina mongolov* [The Mongols' Ancestral Homeland]. Ulan-Ude, Buryat book publ., 1999. 138 p.

16. Maçoudi. *Les Prairies d'or*. Texte et traduction: IX Tomes. Par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Tome I. Paris: L'imprimerie impériale, 1861. XII, 408 p.

17. *Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-'Umar-i-'Usman*: In II Vols. Transl. from pers. by H.G. Raverty. Calcutta: Book Publishing, 1881.

18. Vidaković N. Rani Mongoli – etnopolitička povijest do 13 stoljeta. *Migracijske etničke teme* [Topics of Ethnical Migrations], 2015. No. 31/1, pp. 65–114.

19. Weiers M. von. Herkunft und Einigung der mongolischen Stämme: Türken und Mongolen. *Die Mongolen in Asien und Europa*, 1997, pp. 27–39.

20. al-Kalkashandi. *Kitab subh al-'asha*. Dj. 1. Cairo, 1914. 508 p.

21. al-'Umari. *Masalik al-absar fi mamalik al-amsar*. Dj. 27. Beirut, 2011. 382 p.

22. al-Nasawi. *Sirat al-sultan Djalal al-din Mankubirti*. Cairo, 1953. 426 p.

23. al-Nuwayri. *Nihayat al-'arab fi funun al-adab*. Dj. 27. Beirut, 2003. 303 p.

24. Zakariya al-Qazwini. *'Athar al-bilad wa akhbar al-'ibad*. Beirut, [n. y.]. 667 p.

25. Ibn al-Athir. *al-Kamil fi-l-ta'rikh*. Dj. 10. Beirut, 2003. 519 p.

26. Ibn 'Arabshah. *'Adja'ib al-makdur fi akhbar Timur*. Available at: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=70>

27. Ibn Wasil. *Mufarridj al-kurub fi akhbar bani Ayyub*. Dj. 4. Cairo, 1972. 382 p.

28. Ibn Sa'id. *al-Djugrafiya*. Available at: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=311>

29. Ibn Tagriberdi. *al-nudjum al-zahira fi muluk Misr wa-l-Kahira*. Available at: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=159>

30. Ibn Khaldun. *Ta'rikh*. Dj. 5. Beirut, 2000. 668 p.

31. Yakut. *Mu'djam al-buldan*. Dj. 1. Beirut, 1977. 540 p.

32. Yakut. *Mu'djam al-buldan*. Dj. 4. Beirut, 1988. 501 p.

About the author: Andrey Valerievich Kozhushko – Post-graduate student, Department of World History and International Relations, Lugansk Taras Shevchenko State University (Oboronnaya st., 2, Lugansk, Ukraina); valeric09@mail.ru

Information of the Latin Sources about Relations between the Kingdom of Hungary and Cumans on the Eve of the Invasion of Batu in 1241

Roman Hautala

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

In the first part of this article, the author analyzes the content of Papal letters to Hungary concerning the issues of the Teutonic Knights' stay in Transylvania from 1211 to 1225. Analysis of the information contained in these letters shows that the Hungarian king Andrew II invited the Teutonic brethren in the Burzenland (located on the southeastern tip of Transylvania, in close proximity to the territory controlled by the Cumans) with the apparent aim to organize an effective defense of Transylvania against the frequent Cuman raids. Based on information from historical documents, the author concludes that the Cumans regularly invaded Transylvania precisely through the Burzenland and that these nomadic raids showed the ineffectiveness of the former defensive system of the region, thereby influencing the Andrew II's decision to entrust the defense of Burzenland to the Teutonic Order, which possessed a significant military capability.

A series of military successes of the Teutonic Knights evidenced by synchronous sources contributed to the expansion of the Hungarian possessions beyond the Carpathians at the expense of territories that was previously under the nomads' control. Despite the fact that initially the Cumans were the aggressors, since about 1222, they were forced to defend their possessions against the increasing pressure of Teutonic brothers.

In the second part of the article, the author examines the activities of Cuman Bishopric founded in the southeastern dominions of the Árpád dynasty after the expulsion of the Teutonic Knights from Transylvania in 1225. All the available synchronous sources emphasize the central role of the Hungarian Dominicans in the creation of a new Catholic diocese founded in the newly acquired areas of the Hungarian kingdom as a result of the successful proselytizing activities of the Friars Preachers.

In conclusion, the author pays attention to the consideration of the reasons that prompted the Cumans to convert to Christianity. The author criticizes the established view that the Cuman conversion to Catholicism should be seen as a political act that had nothing to do with actual religious sympathies of the nomads. According to the author of this article, the Cuman conversion had a specific political background, which, however, did not exclude the personal sympathies of nomads towards Catholicism. The Cuman communion with Christianity might well have been a simultaneous consequence both of political awareness of the benefits arising out of religious conversion and of the refined Dominican missionary rhetoric capable of persuading the nomads in perfection of Catholic faith.

Keywords: relations of the Latin world with the nomads in the Middle Ages, Kingdom of Hungary, Transylvania, Cumans, Teutonic Order, Dominican missionary activities.

Information about the first stable contact between the Hungarian kingdom and Cumans in the first quarter of the 13th century have been preserved, for the most part, in the papal letters concerning the issues of the Teutonic knights' stay in Transylvania from 1211 to 1225. Teutonic brothers were invited to Hungary by King Andrew II with the apparent aim to organize an effective defense of Transylvania against the frequent Cuman raids and they were settled in the Burzenland, located on the southeastern tip of Transylvania and, therefore, in close proximity to the territory controlled by nomads [67, p. 28; 60, p. 29; 4, p. 12]. In his initial charter granted to the Teutonic brethren in 1211 [72, no. I (= UB no. 19), p. 162–163; 73, no. 19, p. 11–12; 18, no. XLI, p. 56–58; 65, no. CLXIX, p. 94–96; 58, p. 214–217; 23, III/1, p. 106–108], Andrew II points both to the need for protection of the region against Cuman raids and to possible extension of the royal estates, most likely, at the expense of the neighboring territories of nomads. However, more meaningful information is contained in subsequent letters of Pope Gregory IX [72, no. XXV, XXVII, XXVIII, XXX (= UB no. 59, 61, 65, 68), p. 198–199, 201–204, 206–207] who report that before the Knights' arrival, the Cumans regularly invaded Transylvania precisely through the Burzenland causing, according to Pope, "great confusion" in the Hungarian kingdom. Consequently, the content of the papal letters suggests that the Andrew II's decision was prompted by frequent Cuman raids and that the main aspiration of the Hungarian monarch was to prevent the nomadic attacks by establish-

ment of a firm control over the Burzenland, which belonged to the Hungarian kingdom only nominally until the Teutonic knights' arrival [31, p. 157; 8, p. 22].

Thus, the papal letters (containing the most accurate copies of the royal charters, which originals have been lost) indicate noticeable increase in the Cuman military activity in Transylvania in the early 13th century. Regular Cuman invasions of the Burzenland showed the ineffectiveness of the former defensive system of the region envisaged to repel the sporadic attacks of numerically small nomadic detachments. The defense of Burzenland was based on the protection of areas close to seven Carpathian passes, through which the nomads could penetrate into the region, and previously it had been entrusted to the Pecheneg guard squads, which forces had proved insufficient to deter the increased Cuman pressure [31, p. 157; 8, p. 33; 44, p. 182]. Therefore, the Hungarian king decided to entrust the defense of Burzenland to the Teutonic Order that had a much greater military potential.

The Hungarian monarch clearly defined the direction of possible territorial expansion of the Knights pointing in his charter that he sent them "in the land called the Burzenland, located behind the forest, in the direction of the Cumans" and implying thereby that the potential expansion of the Kingdom should be carried out by the conquest of Transcarpathian territories that were called in the Hungarian sources by the term of "Cumania" (among the documents relating to the Teutonic knights' stay in Transylvania, this name appears for the first time in a letter of Pope Gregory IX on 26th April, 1231 [72, no. XXV (= UB no. 59), p. 198–199; 64, no. 50, p. 50–51]). In this context, the term "Cumania" differed from the generalizing Latin name of Desht-i-Kipchak and designated the dwelling area of the western Cumans, which was located both in southern Moldavia and northeastern Wallachia [7, p. 164, nota 2; 62, p. 145; 61, p. 422, 426, 437; 79, p. 28–29; 60, p. 28]. It should be noted that the question of who were those Cumans, whose invasions of Transylvania prompted the Hungarian king to settle the Teutonic knights in the Burzenland, still remains unexplained. It is quite possible that the assumption of some researchers that the Cumania was controlled by the Danubian Cumans who migrated in the Carpathian region in the summer months and returned in the fall to the Lower Danube region [83, p. 124; 90, p. 44], should be revised based on the contents of the next royal charter of 1212.

In his second charter [72, no. II (= UB no. 22), p. 164–165; 18, no. XLII, p. 58–59; 65, no. CLXIX, p. 95–96; 58, p. 217–219; 23, III/1, p. 116–118], Andrew II reports that the Teutonic knights "underwent constant Cuman attacks without being afraid to expose themselves to every day mortal danger". An indication of the continuous nomadic attacks shows that the Cumans invaded the Burzenland not only in the summer months, as it had to do the Danubian Cumans, according to the assumption of aforementioned researchers. The Hungarian monarch rather had in mind year-round raids of nomads who dwelled in the regions that bordered with the south-eastern Transylvania. Obviously, the Cumans increased their raids trying to prevent the Teutonic knights to gain a foothold in the Burzenland.

Next royal charter promulgated approximately in 1215, bestowed on the Teutonic Knights the possession of "recently built fortress of Kreuzburg" [72, no. IV (= UB no. 22add), p. 166; 58, p. 220]. This document shows that the brothers began to expand their landholdings. Despite the fact that the localization of this castle is still unclear, we can assume with some confidence that Kreuzburg was situated outside the territory, which Andrew II had granted to the Teutonic knights in 1211 [72, p. 39; 31, p. 157–158; 60, p. 51; 27, p. 35; 4, p. 14; 39, p. 352]¹. Thus, this royal charter indicates that approximately by 1215, the brothers established a strong control over the Burzenland and began territorial expansion.

The last charter of Andrew II granted to the Knights in 1222 and sealed with a golden royal bull [72, no. VI (= UB no. 31), p. 169–172; 73, no. 31, p. 18–24; 18, no. LIV, p. 74–76; 59, p. 195–200; 19, p. 102–104], is the most informative document among all the sources relating to the Teutonic brethren stay in Transylvania. This document provides valuable information on the territorial expansion of the brethren. In his charter, the Hungarian monarch grants the rulers of Burzenland new territories stretched "up to the limits of the Brodniks"², that is to the southern Moldova, as well as to the Danube in the northeastern Wallachia.

¹ We should also mention an alternative assumption that Kreuzburg was located beyond the Carpathian Mountains, a few kilometers to the south from the Tatar mountain pass [72, p. 75; 61, p. 417; 90, p. 41; 32, p. 133].

² Researchers have put forward a number of assumptions about the ethnic origin of the Brodniks, among which the most convincing hypothesis is that of Victor Spinei who considered the Brodniks as the people of Turkic origin, akin to the Cumans [80, p. 71, nota 25; 60, p. 106–109; 90, p. 42]. The Brodniks' land was located in southern Moldova, where they settled in the late 12th century [62, p. 141; 61, p. 417, nota 19, 426; 60, p. 28–29, 106–109].

This decree reflects the scale of the Knights' conquests in Cumania. This information about the military successes of the Teutonic Knights is complemented by interesting information contained in subsequent letters of Pope Gregory IX. In his letter to the Hungarian prince on 26th April, 1231 [72, no. XXV (= UB no. 59), p. 198–199; 64, no. 50, p. 50–51], as well as in subsequent three letters addressed, respectively, to Andrew II, to Jakob, the Papal legate in Hungary, and to the Patriarch of Aquileia, Berthold von Andechs-Merania [72, no. XXVII, XXVIII, XXX (= UB no. 61, 65, 68), p. 201–204, 206–207], the pontiff reports that the brothers built in Transylvania five strong castles “through hard work and the shedding of their own blood”. In addition to the already mentioned castle of Kreuzburg, Gregory IX certainly has in mind here the castle of Marienburg (place of residence of the Transylvanian komtur), Schwarzburg, and Rosenau. But concerning the fifth castle, researchers give different interpretations identifying it with either Heldenburg or with Kronstadt, or with Törzburg [72, p. 40–41; 40, p. 190–191; 27, p. 35]. Even more interesting is the Papal indication of the fact that Teutonic Knights built a certain “thoroughly fortified castle” located in Cumania and apparently erected shortly before the expulsion of the brothers from Transylvania [72, p. 40, 75; 61, p. 418; 60, p. 52; 39, p. 352]. According to Gregory IX, the Cumans were greatly concerned about the appearance in the lands under their control of a powerful Teutonic outpost, which prevented their penetration in Transylvania. Therefore, after had brought together “countless multitude of warriors”, they tried to capture the castle but were defeated. Papal letters also reported that some of the Cumans “reached the baptismal grace” after they had suffered the defeat. Although the pontiff makes it clear that baptism of the nomads “along with their wives and children” took place after their captivity, this reference can be seen as the first documentary evidence of the Catholic proselytic success in the territory of Cumania.

The letters of Pope Honorius III and his successor, Gregory IX, are the only sources describing the circumstances of the Teutonic knights' expulsion from Transylvania in 1225. The pontiffs clearly pointed to the real cause that, in their opinion, prompted the King to make this decision. So, in his letter to Andrew II on 12th June, 1225 [72, no. XVII (= UB no. 45), p. 186–188; 64, no. 32, p. 32–34], Honorius III emphasized that the decision of the Hungarian king was taken by the cause of “someone's malicious incitements” and because of “perverse insinuations of envious persons” who could not accept the “flourishing state” of the Knights' estates. And later, Gregory IX stated in his letters to the Cardinal Bishop of Palestrina and Patriarch of Aquileia [72, no. XXVIII, XXX (= UB no. 65, 68), p. 202–204, 206–207] that the Hungarian monarch inexorably refused to restore fairness to the brothers fearing to “displease his children and barons”. Thus, the pontiffs claimed that Andrew II made the decision not on his own will but under the pressure of internal political opposition, both hostile towards the Teutonic brothers and led by the eldest son of the King, the Prince Bela.

In one of his letters addressed to the Prince Bela on 26th April, 1231 [72, no. XXV (= UB no. 59), p. 198–199; 64, no. 50, p. 50–51] and contained a requirement to allow the Teutonic knights to return in Transylvania, the Pope Gregory IX pointed to the fact that the territories, which were formerly under the control of the Knights, became part of the Bela's estate. This pontiff's statement suggested that Bela endowed by Andrew II with the title of Duke of Transylvania in 1224 or 1225, was not only awarded with the Burzenland in southeastern Transylvania but also with more recent territorial acquisitions of the Knights beyond the Carpathians. Thus, Bela should head the further Hungarian expansion into Cumania after the expulsion of the Teutonic Knights from Transylvania in 1225 and might have succeeded in expanding the domains of Árpád monarchy [84]. However, Papal documents, extremely useful for the study of the previous activity of the Teutonic Knights, provide very little information about the alleged Bela's military successes.

Apparently, a temporary reduction in the interest of the Roman Curia in relation to the Transcarpathian expansion of the Kingdom of Hungary was caused both by the consideration that, in contrast to the Teutonic Order, Bela did not need the patronage of the Holy See and the judgment of the pontiffs who believed that the Transylvanian Duke captured the former Knights' territories illegally. However, despite the absence in sources of detailed information about the expansion of the Hungarian Crown in Cumania, the Papal letters and synchronous Western chronicles abound with alternative information on the deployment of missionary activity among the nomads suggesting thereby further development of relations between the Kingdom of Hungary and Cumans.

All available sources emphasize the merit of the Order of Preachers in the Cumans' communion with the Catholic creed. Obviously, the deployment of Cuman apostolate became possible only after the establishment of the Dominican Province of Hungary in 1221 and founding in the Kingdom of the first

convents (in Győr and later in Szekesfehervar [61, p. 420; 25, XII, p. 970; 50, p. 25–26]) of new religious Order aimed at preaching of Christian doctrine both to the Catholic population of the Latin world and among representatives of alternative religions³.

The first missions to the Cumans are described only in the later Dominican writings and are not mentioned in synchronous sources, possibly, due to the fact that the initial attempts of preaching the Gospel among the Cumans did not bring any success. Hungarian Dominicans organized the first Cuman missions during the late period of the Teutonic Knights' stay in Transylvania. However, according to the Hungarian writings compiled in 1259 by a certain Peter or Svipert of Porroch, the first Dominicans who appeared in Cumania in 1223 or 1224, were "rejected by the Gentiles", while two members of the next mission, which reached the Dnieper, were killed by local "infidels" [47, VI, i, p. 305–307; 61, p. 422; 80, p. 70, nota 19; 16, p. 227, nota 6; 50, p. 77].

The substantial letter of Pope Gregory IX addressed to the Archbishop of Esztergom on 31st July, 1227 provides the first actual evidence of proselytizing success among the Cumans [3, p. 206–207; 5, XX, a. 1227, no. 50, p. 540; 12, no. XI, p. 22]. In his letter, the pontiff reproduces the text of the previous report sent to the Roman Curia by Robert, the Archbishop of Esztergom, and containing a gratifying news of the desire of a Cuman leader named Bortz⁴ to receive baptism from the hands of the Hungarian prelate. And according to later information of Alberic de Trois-Fontaines and Emo of Wittewierum, Robert did not fail to fulfill the Bortz's wish [14, p. 920; 34, p. 508–509; 20, p. 454–455].

The pontiff's letter implies that the Bortz's intention was the result of a preliminary proselytizing activity of the Friars Preachers in Cumania. However, the Cuman leader (being the "fourth among the powerful Cuman rulers", according to later remark of Emo of Wittewierum [20, p. 454–455]) insisted on participating in the ritual of baptism of authoritative Hungarian prelate whose presence was to stress the significance of his decision. The Archbishop of Esztergom wrote in his report to Gregory IX that he had baptized several Cuman "noblemen" as the Bortz's son who, according to later report of Alberic de Trois-Fontaines [14, p. 920], was converted to Christianity after he had personally told the Hungarian prelate of the intention of his father. Thus, the Cuman "nobles" preferred to be baptized by primate of the Hungarian church apparently questioning status of the Friars Preachers, which, in turn, explains the failure of first missions of the Dominicans who turned therefore for support of the Archbishop of Esztergom. Obviously for this reason Gregory IX stated in his letter that "the high title was always used to be perceived with great reverence in Cumania" providing the Archbishop of Esztergom with additional powers of the Apostolic legate in his future mission beyond the Carpathians.

The letter of Gregory IX in 1227 reflects an explicit benevolence of the pontiff towards the Cumans. According to him, the Cumans expressed "pious wishes" to adhere to the Catholic faith indicating obvious changes in the relationship between the nomads and the Kingdom of Hungary that occurred in a short time after the expulsion of Teutonic Knights from Transylvania. According to the Pope, the Cuman "nobles" began to cross the Carpathians to visit the Archbishop of Esztergom and the Hungarian prelate did not fail to pay a return visit (together with the Bishops of Pécs, Veszprém and Transylvania, if we take for granted the assertion of Alberic de Trois-Fontaines [14, p. 920]). So, in his letter addressed to Bela on 21st March, 1228, Gregory IX expressed his gratitude for the support of Transylvanian Duke, which he rendered to the Archbishop of Esztergom by visiting with him the "Cuman lands" accompanied by his military entourage [18, no. LXXXIII, p. 108; 23, III/2, p. 151–152; 61, p. 426–427].

According to the pontiff, a consequence of this visit was the conversion of "considerable plurality of Cumans", also confirmed by a parallel letter of Gregory IX to Archbishop of Esztergom [3, no. 159, p. 208; 50, no. 35, p. 182–183; 18, no. LXXXVI, p. 111; 12, no. 24, p. 27]. However, the exact number of baptized nomads remains unclear and a "considerable plurality" of the converted Cumans could also include those nomads who adhered to the Christian faith before the Archbishop's visit in Cumania and

³ In turn, the Franciscans settled in Hungary only in 1228 or 1229 and founded their own province in the Kingdom in 1234 [9, p. 277; 25, XII, p. 972; 48, p. 166–167]. Possibly, they took part in missionary work among the Cumans in the pre-Mongol period. However, the only evidence about the Minorites' success in the Cuman apostolate is contained only in the "Itinerarium" of Guillaume de Rubruck written in the second half of the 13th century [30, xx, 4, p. 100–101; 56, p. 233; 82, p. 6; 9, p. 270; 29, p. 219; 53, p. 26].

⁴ In variant readings of this letter the name of Bortz is read as Boriz or Bort and in later sources the name of this Cuman ruler is transmitted as Boricius, Burg, Brut, Bribrot, Bribrech [20, p. 511; 47, VI, i, p. 305–307; 2, XXVII, p. 318, 321–323; 61, p. 424; 82, p. 4; 8, p. 217, nota 137; 9, p. 424–425; 88, p. 143; 3, p. 207, nota 2; 12, no. XI, p. 22, nota 2].

after his return to Hungary. In any case, the figures given in the later reports of Western chroniclers seem to be excessively exaggerated and apparently contradicting the assertion of Svipert of Porroch that the Bortz's example was followed by only a few members from his clan [47, VI, i, p. 305–307; 61, p. 424].

More important is the first mention of foundation of the Cuman Bishopric contained in a letter sent by Gregory IX to the Archbishop of Esztergom on 21st March, 1228 [3, no. 159, p. 208; 50, no. 35, p. 182–183; 18, no. LXXXVI, p. 111; 12, no. 24, p. 27]. In his letter, the pontiff expressed his full approval of the Hungarian prelate's decision to use his authority of the Apostolic legate in order to appoint as the head of new diocese the Dominican named Theodoric who contributed, according to the Pope, to efficient spread of Christianity among the nomads. The actual boundaries of the Cuman Bishop's jurisdiction remain the subject of lively debate among researchers since the synchronous sources do not provide specific information on this subject [62, p. 154–156; 17, p. 25; 61, p. 437; 80, p. 72–73, nota 35; 16, p. 228; 1, p. 158; 54, p. 25; 79, p. 27; 60, p. 52–53; 84]. However, it seems quite reasonable the assumption that initially the Cuman Bishopric was founded in the same area, which was previously under the control of Teutonic knights. Apparently, his jurisdiction extended later through territories in both the southern Moldavia and Transylvania. Therefore, the assertion of Richard de Morins (simultaneous author of the "Dunstable Annals" [6, III, p. 112]) that the nomads within the Cuman Bishopric were distributed to parishes "led by bishops and presbyters", obviously did not correspond to reality. Designation of the Cuman Diocese reflected the direction of further proselytizing activities but did not necessarily mean that the Cumans constituted the majority among subjects of the Cuman Bishop jurisdiction.

In a separate letter addressed to Prior of the Order of Preachers in Hungary on 21st March, 1228 [18, no. LXXXII, p. 107; 23, III/2, p. 154–155; 12, no. XXIII, p. 26], Gregory IX emphasized the priority of the new direction of proselytizing activities among the nomads and encouraged the Dominican Prior to facilitate the departure of new missionaries to Cumania. The contents of this letter indirectly indicated some doubt that fueled the Dominican Prior in relation to the prospects of missionary work among the Cumans, despite manifestation of the increased enthusiasm that was observed among Hungarian Friars Preachers on this occasion. Obviously, the potential success of Cuman apostolate was directly dependent on the effective organization of proselytizing activities by Hungarian Dominicans. However, organization of the Cuman apostolate demanded the overcoming of certain difficulties invariably associated with missionary work among the nomads and mentioned in the letter of Gregory IX, which he addressed to the Archbishop of Esztergom on 21st March, 1228 [3, no. 159, p. 208; 50, no. 35, p. 182–183; 18, no. LXXXVI, p. 111; 12, no. 24, p. 27; 61, p. 429]. In his letter, the pontiff reproduced the statement of the Hungarian prelate that the Cumans manifested a clearly expressed desire to change their lifestyle and become sedentary inhabitants. Obviously, this statement of the Archbishop of Esztergom was imbued with exaggerated optimism. But at the same time, it helps to clarify the central problem of missionary work among the Cumans. Nomadic way of life of the Cumans obviously did not contribute to the rooting of Christianity in the steppe. In addition to Christian prejudices attributing to the nomads inconstancy in the faith (indirectly expressed in the pontiff's letter), the Cuman inclination to seasonal movements across the steppe made it difficult to conduct year round worship services. Probably therefore, taking into account the existence of such a significant problem, Gregory IX yielded to the request of the Archbishop of Esztergom providing him with authority of distribution of the indulgences that should have contribute to the construction of churches at all points of seasonal movement of the Cumans. However, the consequences of this Papal ordinance remain unclear and only the writing of Svipert of Porroch [47, VI, i, p. 305–307; 2, XXVII, p. 318, 321–323] contains a clear reference to the construction of "Chapel of the Virgin" in the territory of Cuman habitat, unfortunately, without specifying its location.

Undoubtedly, the Cuman ruler's baptism entailed political implications mentioned in the same epistle of Gregory IX. Yielding to the request of the Archbishop of Esztergom, the Pope provided Robert with authority of the distribution of more tangible indulgences aimed at organizing of a crusade against the "sultan of Iconium". In this context, under the Sultan of Iconium it had to be borne in mind Ala ad-Din Kayqubad I (1219/20–1236/37) [38, p. 262, nota 26; 91, p. 29]. However, the pontiff did not mention a possible object of the Crusade, which undoubtedly was known to both Gregory IX and the Archbishop of Esztergom on whose initiative and under whose leadership the military campaign was to be organized.

Jean Richard suggested that the military expedition mentioned in this letter could be designed to provide military assistance to the kingdom of Georgia against the aggression of the Seljuks [55, p. 261; 54, p. 23, 54]. However, at the time of writing of Gregory IX's letters, the kingdom of Georgia had quite friendly relations with the Sultanate of Iconium and its main foreign policy problem was represented by

devastating raids by the Khwarezmian Sultan Jalal al-Din Mankubirni [49, p. 138; 89, p. 182; 74, p. 165; 33, p. 484]. In addition, the Richard's hypothesis does not take into account the fact that the projected Crusade was a consequence of the initiative of the Archbishop of Esztergom slightly interested in changing of the political situation in Transcaucasia.

A more plausible appears an identification of the object of this projected campaign with important port city of Sudak in the southern Crimea conquered in this period by the Seljuks during their prolonged military conflict with the Empire of Trebizond [61, p. 430; 38, p. 262–263]. It should be noted that the date of the Seljuk conquest of Sudak remains the subject of lively debate. However, neither the researchers inclined to date this conquest by 1221 or 1222 nor their colleagues suggesting that the Seljuk landing in the Crimea took place in 1230, did not take into account the information contained in this letter [87, p. 248; 78, p. 47; 81, p. 99; 91, p. 56, 59; 75, p. clxxvi].

Therefore, it would be quite reasonable to assume here that Gregory IX provided the Archbishop of Esztergom with power to distribute indulgences in connection with the projected military expedition aimed at liberating of Sudak, that is, of the former "Christian land" belonged to the Empire of Trebizond before the Seljuk conquest. And if this assumption is correct, then the Seljuk landing in the Crimea should be dated by 1227, a few months before the departure of this letter, since the references to aggression of the "Sultan of Iconium" are not found in other Hungarian documents or Papal letters, compiled either before or after the date of this document.

Probably, this Papal decree displayed the reaction of Hungarian kingdom to the news of Seljuk conquest of Sudak, although subsequent sources do not contain any information on the implementation of such a military expedition. At the same time, the reference contained in the Papal letter to the attempts to organize this local crusade indirectly points to the existence of close relations between the Árpád monarchy and Crimea during the pre-Mongol period, partially clarifying the motives, which prompted later the Hungarian king Bela IV to try to prevent the Mongol conquest of the Crimea in 1239 [14, p. 946; 34, p. 862; 54, p. 23; 63, p. 5–6].

It is also evident that the Bortz's conversion to Christianity contributed to the strengthening of secular influence of the Hungarian Crown in Cumania. In his letter addressed to Bela on 21st March, 1228 [18, no. LXXXIII, p. 108; 23, III/2, p. 151–152], Gregory IX clearly pointed to the participation of Hungarian prince in the ritual of baptism of the Cuman ruler. And the subsequent pontiff's appeal to contribute to the further spread of Christianity among the nomads "with all his might" suggested the presence of Bela's military forces in Cumania aimed at protecting missionaries against potential attacks of the nomads. However, the only concrete evidence of the Cuman subordination to the Hungarian crown is contained in a later letter of Gregory IX, addressed "to the Cuman leaders and their people" on 1st October, 1229 [23, III/2, p. 216–217; 50, no. 44, p. 191–192], where the pontiff mentioned a not preserved royal charter sealed with a golden bull and granted by Andrew II to the Cumans as a guarantee of compliance with a number of their privileges and inalienable rights for their property in exchange for recognition of their alleged feudal dependence on the Árpád dynasty.

In turn, the letter of Cuman Bishop Theodoric addressed in 1228 to the deans of Székelys⁵, displayed considerable difficulties faced by the Dominican prelate in his attempts to organize the functioning of new diocese [18, no. LXXXIV, p. 108–109; 50, no. 36, p. 183; 64, no. 42, p. 45; 23, III/2, p. 151; 34, p. 529]. Content of the Theodoric's letter shows that the Cuman Bishop perceived the new diocese as the most solid foundation for uniting multiethnic population of the region into a new Christian nation within the Kingdom of Hungary. Theodoric represented the Székelys' subordination to the Dominican prelate's jurisdiction (mentioned in the same letter) as an integral part of the appearance of a new nation in the south-eastern regions of the Árpád monarchy. On the other hand, the Theodoric's letter indicates substantial resistance to the ambitious plan of the head of Cuman Bishopric from the part of the deans of Székelys who did not want to recognize their subordination to the jurisdiction of the same diocese, to which also belonged the Cumans.

⁵ Hungarian chronicles of the 13th century argued that the Székelys were descendants of the Huns of Attila. In fact, they were the nomads of Turkic origin (apparently, descendants of the Khazar Kabars) who joined in the 9th century to the Hungarians during their migration to the west and who took part in the Hungarian conquest of Pannonia and Transylvania. Saint Stephen I settled the Székelys in Transylvania in 1008 to protect the region against the attacks of the Byzantines, Bulgarians, and nomads [7, p. 108–109; 62, p. 73; 67, p. 28; 44, p. 178–179; 11, p. 155; 42, p. 17; 28, p. 247].

Theodoric was faced with equally significant challenges in his relations with the Vlachs who were also subjected to the jurisdiction of Cuman Bishop, according to the same letter of the Dominican prelate and a later letter of Pope Gregory IX addressed to the co-ruler of Hungary, Bela, on 14th November, 1234 [73, no. 69, p. 60–61; 3, no. 209, p. 284–286; 23, III/2, p. 399–401; 51, I, p. 240; 5, XXI, a. 1234, no. 38–39, p. 102]. In the latter case, the pontiff's letter apparently was directed to Bela in connection with complaints of the Cuman Bishop related to the reluctance of the local Vlachs⁶ to recognize the displacement by the new canonical administration of Theodoric of the traditional church administration of local Orthodox parishes. In this context, particular interest represents an indication of Gregory IX that the local Orthodox parishes contributed to the integration of German and Hungarian settlers in southern Moldova with the local Vlach population. But from the pontiff's point of view, the existence of this phenomenon significantly impeded the functioning of Cuman Bishopric.

Likewise, the nomads' subordination to the Cuman Bishop jurisdiction probably was the object of Papal constant concern related to the frequent Cuman attacks on Dominican priests mentioned in a letter of Pope Gregory IX addressed to Theodoric on 13th September, 1229 [3, no. 163, p. 215; 23, III/2, p. 203–204; 13, no. CCVII, p. 8]. In turn, the Cuman Bishop relations with the Hungarian prelates were largely determined by patronage, which the Archbishop of Esztergom granted to the head of new diocese. However, the patronage of the Hungarian church primate was not sufficient to protect the Dominican prelate against the claims of Transylvanian Bishop who expressed an obvious dissatisfaction with the expansion of the Theodoric's jurisdiction in Transylvania. Apparently for this reason, the Pope decided to subdue the Cuman Bishopric to the direct jurisdiction of the Apostolic See trying to protect Theodoric against the encroachments of the Transylvanian prelate [17, p. 26, nota 67; 60, p. 53].

On the other hand, the Papal decision obviously did not restrict the influence of the Archbishop of Esztergom in Cuman Bishopric who continued to perform there the duties of the Apostolic legate and obtained confirmation of the prolongation of his power in 1231 as evidenced by the letter of Gregory IX addressed to the Archbishop Robert on 27th February, 1231 [65, no. CLXVII, p. 93]. This pontiff's letter reproduced previous bull of Gregory IX by July 31, 1227 [3, no. 158, p. 206–207; 5, XX, a. 1227, no. 50, p. 540; 12, no. XI, p. 22], but contained several important adjustments. Firstly, the Pope recognized the merit of the Hungarian prelate in conversion to the Christian faith not only of "some Cuman rulers and other dignitaries" but also of "all their subordinates", indicating thereby some progress obtained in the Cuman apostolate and discovering the strategy of the Catholic proselytizing activities among the nomads. Obviously, the missionaries sought to convert primarily the Cuman "nobility" reasonably assuming that ordinary nomads would follow its example in the future. Secondly, Gregory IX completely absolved the Hungarian prelate from his obligation of fulfilling a vow of pilgrimage to the Holy Land indicating thereby the need for the presence of Archbishop of Esztergom in the Kingdom of Hungary for the execution of more urgent duties of Apostolic legate both "in the Cuman and neighboring provinces of the Brodniks".

It is quite possible that from the point of view of the Roman Curia, the Archbishop's presence in Hungary was necessary to settle relations between the Cuman Bishop and secular power of the Árpáds, which had extremely complex character. On the one hand, the Papal letters clearly emphasize the importance of Bela's military support both for the unimpeded deployment of missionary activity in Cumania [18, no. LXXXIII, p. 108; 23, III/2, p. 151–152; 61, p. 426–427] as well as for compelling of local residents to accept the Cuman Bishop jurisdiction [73, no. 69, p. 60–61; 3, no. 209, p. 284–286; 23, III/2, p. 399–401; 51, I, p. 240; 5, XXI, a. 1234, no. 38–39, p. 102]. In addition, the letter of Gregory IX addressed to Bela on 25th October, 1234, clarifies the value of the potential financial support of the Transylvanian Duke for a capable functioning of the Cuman Bishopric [3, no. 208, p. 283–284; 65, no. CCXXIV, p. 130–131; 18, no. CIV, p. 131; 61, p. 433–435]. On the other hand, the Cuman Bishop soon became aware of the fact that the Árpád monarchy pursued in Cumania the goals that did not always coincide with the interests of the Dominican prelate. So, the letter of Gregory IX addressed to the "Cuman dukes and their people" on October 1, 1229 and written in response to the probable complaint of Cuman Bishop mentioned the attempt of the Hungarian secular power to encroach upon the Cuman possessions after their conversion to the Christian faith and against the assurances granted to them by the previous

⁶ Probably, this Papal letter concerned a separate group of the Vlachs, formally under the jurisdiction of the Cuman Bishopric, which dwelt in the foothill areas of the southern tip of the Eastern Carpathians [62, p. 142; 17, p. 86; 61, p. 426–427; 1, p. 164; 79, p. 28–29; 60, p. 53–54, 58, 80, 139; 90, p. 50; 84; 27, p. 42].

royal bull [23, III/2, p. 216–217; 50, no. 44, p. 191–192; 38, p. 261; 80, p. 57, 71, nota 27; 8, p. 214; 90, p. 48; 84].

It should be noted that the need for the presence of the Archbishop of Esztergom in Hungary was also dictated by the sharp deterioration in relations between the local clergy and King Andrew II as evidenced by a letter of Gregory IX addressed to the primate of the Hungarian Church on 3rd March, 1231 [3, no. 164, p. 216–217; 65, no. CLXVIII, p. 93–94; 23, III/2, p. 241–244]. According to the pontiff's letter written in response to a complaint of the Archbishop of Esztergom, the Hungarian monarch permitted himself to violate a number of decisions of the IV Lateran Council both by appointing to public fiscal offices the local Muslim and Jewish residents⁷ and encroaching upon traditional incomes of the Hungarian church. Obviously, the Archbishop's charges were brought against another attempt of the Hungarian monarch to introduce in his domain of the fiscal and administrative reform that radically changed the structure of land holdings of the Kingdom and financial system of the Royal Treasury.

Apparently, the provision of the main part of the royal possessions in perpetual use of a narrow group of the Hungarian aristocrats was supposed to contribute, in plans of Andrew II, to the creation of a cohesive group of the most influential nobles of the Kingdom, firmly loyal to the Hungarian crown [36, p. 75–76; 21, p. 91; 43, p. 23; 25, IV, p. 8; 24, p. 43]. It is also quite possible that one of the purposes of the administrative reform of the Hungarian monarch was to create a solid material foundation for an effective heavy cavalry, which showed its tactical superiority in Western Europe but also required a significant amount of material costs [26, p. 328; 22, p. 43–44; 7, p. xlvi; 21, p. 93].

Andrew II's administrative reform led to the inevitable impoverishment of medium aristocratic strata of Hungary as well as to formation of the irreconcilable opposition openly opposing the State reforms of Andrew II and forcing the Hungarian monarch to make a number of concessions in 1222 in connection with promulgation of the "Golden Bull", in which the King solemnly assured the members of the opposition to observe hereinafter their former rights and privileges [76, p. 158; 7, p. xlvi; 22, p. 44; 36, p. 76–77; 8, p. 21–22; 43, p. 24–25; 24, p. 44; 41, p. 53, 56–57; 4, p. 11]. However, in the future, the Hungarian monarch returned to his previous policy by focusing inter alia on the fiscal reforms that were supposed to completely change the character of the royal revenues. So, observing the reduction of royal incomes from the land funds granted in unlimited possession to the royal adherents, Andrew II reoriented his fiscal system on the procuration of immediate cash resources through the provision of fiscal functions to the tax-farmers who received the right to collect taxes in the Kingdom in exchange for cash [8, p. 120–121; 43, p. 24; 4, p. 10].

First of all, the reform of the Kingdom's fiscal system affected the interests of the Hungarian prelates who lost a number of traditional fiscal revenues and, above all, a monopoly on the salt trade taxation, which generated the bulk of the annual profit for Hungarian church [8, p. 128, 153, 155–159; 41, p. 57]. Therefore, the complaint of Archbishop of Esztergom addressed to the Roman Curia together with the charges of the Hungarian monarch both in assault on the Church freedom and complicity of the spread of Islam [23, III/2, p. 311–314; 46, no. 327, p. 281–283; 5, XXI, a. 1232, no. 19–22, p. 55–56; 51, I, p. 235–237; 34, p. 635–640; 8, p. 86], had a specific material motivation. Of course, providing of extensive liberties to non-Christians within the borders of the Catholic Kingdom contradicted the resolution of the IV Lateran Council [8, p. 76, 152–153, 161; 69, p. 128; 52, p. 442–443; 3, no. 164, p. 218, nota 3]. However, the Archbishop of Esztergom turned his close attention to the practices of granting public offices to "infidels" and Christian slave trade (which were, in fact, of very limited character [8, p. 111, 152–153]) only when the Andrew II's reforms significantly affected the interests of the Hungarian Church.

Thus, the Archbishop's fears that the Kingdom was on the verge of becoming a Muslim State justifying the declaration of interdict in Hungary in February 1232 [46, p. 283], were grossly exaggerated [8, p. 86] and had to emphasize the damage the Andrew II's administrative reform caused to the Hungarian church. On the other hand, three documents containing information about the confrontation between Andrew II and Hungarian clergy [3, no. 164, p. 216–217; 23, III/2, p. 311–314, 366–370] indicate an interesting fact of the existence of Cuman slaves' trade probably practiced in southern Transylvania. Despite the fact that the Archbishop of Esztergom admitted obvious exaggeration in his assertion that the Muslim

⁷ Hungarian monarchs of the 13th century repeatedly resorted to the employment of Muslims and Jews as tenants of the treasury revenues by providing them with the right to collect royal taxes in exchange for immediate cash withdrawals. This practice inevitably led to conflicts between ordinary taxpayers and tax collectors who practiced a non-Christian religion [22, p. 51, nota 17; 8, p. 120–121, 124, 160–161; 41, p. 56].

slave trade was the main obstacle for the Cumans' adherence to the Christian religion, these documents contain noteworthy references to the limited Islamic proselytism among the Hungarian nomads.

At the same time, all the three mentioned documents serve as evidence of tangible weakening of the Cuman apostolate efficiency. Obviously, missionary successes of the Friars Preachers did not meet those optimistic expectations that appeared in Dominican circles immediately after the Bortz's baptism. So, the letter of Pope Gregory IX addressed to the Dominicans in Cumania on 24th January, 1237 [65, no. CCLXVII, p. 150; 70, II, no. 27, p. 58], leaves the impression that the Friars Preachers had to undertake a repeated attempt of the Cumans' re-Christianization ten years after the Bortz's conversion. In his letter, the pontiff represents the Cumans as ardent admirers of paganism and enemies of the Catholic religion. But at the same time, the Pope expresses his genuine joy in connection with the fresh news of the nomadic aspiration to adhere to the Christian religion.

Probably, the beginning of Mongol Western campaign headed by Batu had a certain influence on the new proselytizing successes of Dominicans among the Cumans. It is quite possible that since the second half of 1236, the nomads of Cumania began to display concern about the brewing offensive of the Mongols and tried to enlist the support of the Hungarian kingdom in the event of their potential aggression. Adherence to the Christian faith appeared the most effective way for the rapprochement between the Kingdom of Hungary and Cumans. In turn, this explains the activation of Cuman apostolate observed since the end of 1236. A later letter of brother Benedict addressed to Master of the Order of Preachers around 1238 [47, VI, ii, p. 309], testifies tangible progress achieved by the Dominicans in their missionary activities among the nomads. According to Benedict, the baptized Cumans manifested commendable devotion both "in their abstention from food during the Lents as well as in other Christian rituals", and, in general, the letter of Dominican brother reflected the nomads' desire to "follow the Catholic faith by all means". It is quite possible that the Cumans' conversion was based on their sincere desire to adhere to the Christian faith. But we should not disregard the following indication of Benedict of the obvious Cumans' concern about the approach of the Mongols and their fears that the Mongols intend to attack them in the near future.

In conclusion, we should pay attention to the consideration of the reasons that prompted the Cumans to convert to Christianity. A number of researchers tried to present the Bortz's baptism as a political act that had nothing to do with actual religious sympathies of the nomads. Stressing the obvious benefits of the historian able to reveal the truth behind the events in the past, hidden for their eyewitnesses [9, p. 265], the researchers pointed to the need to take into account the fundamental changes in the steppe that should have affect the relationship between the Cumans and Kingdom of Hungary. By the researchers' assumption, already a full-scale campaign launched by Khwarezm in 1208 against the Kipchaks inhabiting the steppes of present-day Kazakhstan, had a direct impact both on the Cumans' rapprochement with the Árpád monarchy and consequent nomadic communion with the Christian religion [62, p. 148, 151; 8, p. 216; 9, p. 265]. Even more important was the Polovtsian defeat at the Battle of Kalka that considerably weakened the military potential of the nomads. According to researchers, after 1223 the number of Polovtsian invasions into neighboring countries fell sharply since the nomads began to seek the support of sedentary states in the event of another attack of the Mongols. Therefore, the missionary successes of the Dominicans culminated in the Bortz's baptism in 1227, were the result of the Cumans' desire to enlist military assistance of the Hungarian kingdom [83, p. 124–125; 31, p. 162; 61, p. 418; 80, p. 68, nota 12; 38, p. 260; 82, p. 4; 77, p. 67; 8, p. 216; 9, p. 265; 54, p. 23; 60, p. 52, 97–98].

As noted above, the beginning of Mongol Western campaign could have the effect on conversion of the numerous Cumans to Catholicism. However, the assertions about an earlier impact of the Khwarezmian or Mongol expansions on the change in religious sympathies of the Cumans raise some doubts. First of all, with respect to the aggression of Khwarezmian Sultan Muhammad II against the Kipchaks started in 1208, it should be noted here the complete absence of both information about the Kipchak migration from the east of the Volga to southern Moldova or any specific information on the impact of military campaigns of Khwarezmshah on the nomads of Cumania.

Even if we assume the possibility of migration of a significant group of the Kipchaks from the contemporary Kazakh steppes to the south-eastern border of the Kingdom of Hungary (which might explain the increased military activity of the nomads observed during this period), the Cumans of the beginning of the 13th century did not show desire for rapprochement with the Árpád monarchy since their regular raids into Transylvania compelled the Hungarian king Andrew II to settle in the Burzenland the Teutonic

Knights for establishing an effective defense of the Kingdom against their invasions [72, no. I (= UB no. 19), p. 162–163; 31, p. 157; 8, p. 22].

Undoubtedly, the Polovtsians suffered heavy damage in the Battle of Kalka, which, however, did not prevent them in the future to carry out several invasions in South-Western Rus'. Already in 1225 and 1227, khan Kotian acted as an ally of Vladimir Ryurikovich, the Prince of Kiev, and between 1228 and 1235 the Polovtsians invaded five times the South-Western Rus' providing their alternating support to Vladimir Ryurikovich, Michael of Chernigov, and Daniil Romanovich [83, p. 126–128; 86, p. 63; 37, p. 390; 85, p. 208, 211, 214–216]. Of course, the Kotian's participation in princely feuds could be interpreted as a desire to establish closer contact with neighboring countries. But it should be noted that in each of the Polovtsian invasion the Kotian's potential seemed to exceed the military forces of his allies.

It should also be noted a complete absence of information on participation in the Battle of Kalka of those Cumans who lived in areas bordering with the kingdom of Hungary and who were subsequently subordinated to the Cuman Bishop jurisdiction. Even if the nomads of Cumania were concerned about the possibility of the repeated Mongol invasion, they did not show any intention to get closer to the Teutonic Knights immediately after the Polovtsian defeat on the Kalka River. The first Dominican missionaries were met by the Cumans with hostility [47, VI, i, p. 305–307; 80, p. 70, nota 19; 50, p. 77]. In turn, the Bortz's baptism took place in 1227 and could not be directly related to the outcome of the Battle of Kalka.

Thus, changes in the relationship between the Árpád monarchy and Cumans were not necessarily related to the Mongol threat but could be a consequence of the expansion of the kingdom of Hungary. A series of military successes of the Teutonic Knights evidenced by the previously mentioned sources [72, no. IV, VI, XXV, XXVII, XXVIII, XXX (= UB no. 22add, 31, 59, 61, 65, 68), p. 166, 169–172, 198–199, 201–204, 206–207], contributed to the expansion of the Hungarian possessions beyond the Carpathians at the expense of territories that was previously under the nomads' control. Despite the fact that initially the Cumans were the aggressors, since about 1222, they were forced to defend their possessions against the increasing pressure of Teutonic brothers. However, the only attempt of proselytism among the Cumans mentioned in the letter of Pope Gregory IX [72, no. XXV (= UB no. 59), p. 198–199], shows that the Teutonic Knights preferred to spread Christianity among the nomads by force. Missionary methods of the Teutonic brothers explain both the absence of any signs of rapprochement between the Cumans and the Kingdom of Hungary as well as the failure of the first Dominican missions in Cumania.

In turn, after expulsion of the Teutonic brothers from Transylvania and in connection with the submission of their former possessions to the Transylvanian Duke Bela, relations between the kingdom of Hungary and Cumans obviously undergone some changes. Apparently, Bela not only continued to increase military pressure on the nomads but began to combine military actions with the direct support of peaceful preaching of the Archbishop of Esztergom and Dominican missionaries (as evidenced by the content of the letter of Gregory IX by March 21, 1228 [18, no. LXXXIII, p. 108; 23, III/2, p. 151–152]), in full compliance with current proselytizing strategy advocated by the Roman Curia and Catholic missionary theorists who stressed the need to combine the violent conquest of new territories with the ideological subjugation of the local population [66, p. 306; 68, p. 23–24; 57, p. 132; 71, p. 157; 10, p. 26, 43, nota 42; 45, p. 153; 15, p. 230, 232, 237; 35, p. 143]. More flexible policy of Bela enabled the Cumans to settle their relations with the Hungarian Crown by their voluntary conversion to Christianity and through provision of appropriate protection of neophytes on the part of Archbishop of Esztergom.

Thus, the subsequent baptism of Bortz had a specific political background, which, however, did not exclude the personal sympathies of nomads towards Catholicism. The Cuman communion with Christianity might well have been a simultaneous consequence both of political awareness of the benefits arising out of religious conversion and of the refined Dominican missionary rhetoric capable of persuading the nomads in perfection of Catholic faith. However, the reasons for further alienation of the Cumans from Christianity observed around 1231, remain unclear. Although the reference contained in the Papal letter of October 1, 1229 [23, III/2, p. 216–217; 50, no. 44, p. 191–192], to encroachments of the Hungarian Crown on the Cuman possession under the pretext of their recent conversion to Christianity (and corresponding recognition of feudal dependence on the Árpád dynasty), may reflect the main reason of the Cumans' dissatisfaction. Apparently, Gregory IX was not able to maintain the integrity of the Cumans possessions as well as he was not able to force Andrew II to compensate the damage suffered by the Hungarian church after the loss of its traditional incomes [8, p. 157–160].

REFERENCES

1. Achim V. Ecclesiastic Structures and Denominational Policies in the Balkan-Carpathian Space in the Thirteenth Century. *Quaderni della Casa Romana di Venezia*. Vol. 3. *Studi di storia, di critica e di teoria letteraria raccolti e pubblicati da Ioan-Aurel Pop e Cristian Luca*. Bucarest, Casa Editrice dell'Istituto Culturale Romeno, 2004, pp. 151–176.
2. Acta ampliora quae F. Theodoricus de Appoldia, suppar Ordinis Praedicatorum scriptor, ex variis antiquioribus monumentis collegit. *Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur*. Vol. XXXV. *Augusti tomus primus*. Sollerius J.B., Pinus J., Cuperus G., Boschius P., Carnandet J. (eds.). Parisiis et Romae, apud Victorem Palme, bibliopolam, 1867, pp. 558–628.
3. *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) e registis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Tăutu A.L. (ed.). *Fontes Pontificiae commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*. Series III. Vol. III. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1950. 400 p.
4. Adriányi G. Zur Geschichte des Deutschen Ritterorden in Siebenbürgen. *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapress*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971, pp. 9–22.
5. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. 37 Vols. Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis, L. Guerin, 1864–1883.
6. *Annales monastici*. Vol. III. *Annales de Prioratus Dunstaplia (1–1297); Annales monasterii de Bermundseia (1042–1432)*. Luard H.R. (ed.). London, Longman, Roberts, and Green, 1866. 492 p.
7. *Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. Budapest; New York, Central European University Press, 2010. 268 p.
8. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and “Pagans” in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press, 2001. 340 p.
9. Berend N. The Mendicant Orders and the Conversion of Pagans in Hungary. *Alle frontiere della cristianità: i frati mendicanti e l'evangelizzazione tra '200 e '300: Atti del XXVIII Convegno internazionale, Assisi, 12–14 ottobre 2000*. Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2001, pp. 253–280.
10. Bird J.L. Crusade and Conversion after the Fourth Lateran Council (1215): Oliver of Paderborn and James of Vitry's Missions to Muslims Reconsidered. *Essays in Medieval Studies*. Vol. 21/1. Chicago, Illinois Medieval Association; Morgantown, WV: West Virginia University Press, 2005, pp. 23–47.
11. Bóna I. The Hungarian-Slav Period (895–1172). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 107–177.
12. *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Vol. I. *Ab Anno 1215 ad 1280*. Ripoll Th., Brémond A. (eds.). Romae, typis & sumtibus H. Mainardus, 1729. 614 p.
13. *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Vol. VII. *Supplementa complectens ab Anno 1210 ad 1739*. Ripoll Th., Brémond A. (eds.). Romae, typis & sumtibus H. Mainardus, 1739. 566 p.
14. *Chronica Albrici monachi Trium Fontium, a monaco Novi Monasterii Hoiensis interpolata*. Scheffer-Boichorst P. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXIII. Hannover, Bey den Brüdern Hahn, 1874, pp. 631–950.
15. Delacroix-Besnier C. Les Ordres mendiants et l'expansion de l'Église latine dans les Balkans. *Alle frontiere della cristianità: i frati mendicanti e l'evangelizzazione tra '200 e '300: Atti del XXVIII Convegno internazionale, Assisi, 12–14 ottobre 2000*. Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2001, pp. 217–252.
16. Dobre C.F. Mendicants' Mission in an Orthodox Land: A Case Study of Moldavia in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. *Annual of Medieval Studies at the Central European University*. Vol. 9. Budapest, Central European University, Dept. of Medieval Studies, 2003, pp. 225–248.
17. Dobre C.F. *Mendicants in Moldavia: Mission in an Orthodox Land (Thirteenth to Fifteenth Century)*. Daun/Eifel, AUREL Verlag und Handel, 2009. 112 p.
18. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. *1199–1345*. Hurmuzaki E., Densușianu N. (eds.). București, Ed. Academiei Române, 1887. 701 p.
19. Dreger F. von, Löper S.G., Oelrichs J.C.C. *Codex Pomeraniae vicinarumque terrarum diplomaticus: oder Urkunden, so die Pommersch-, Rügianisch- u. Caminschen, auch die benachbarten Länder Brandenburg, Mecklenburg, Preussen und Pohlen angehen ... mit Anmerkungen erläutert*. Vol. I. *Bis auf das Jahr 1269 incl.: nebst einem Anhang, welcher die Bildnisse der Pomerellischen Hertzoge ... und ein vierfaches Register enthält*. Berlin, Haude, 1768. 560 p.
20. Emonis Chronicon. Weiland L. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXIII. Hannover, Bey den Brüdern Hahn, 1874, pp. 454–523.
21. Engel P. *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526*. Pálosfalvi T., Ayton A. (eds.). London, New York, I.B. Tauris; New York, Distributed in the USA by Palgrave Macmillan, 2001. 452 p.
22. Fara A. *La formazione di un'economia di frontiera. La Transilvania tra XII e XIV secolo*. Napoli, Editoriale Scientifica, 2010. 424 p.

23. Fejér Gy. *Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae*. 11 Vols. Budae, Typis typogr. Regiae Universitatis Vngaricae, 1829–1844.
24. Fügedi E. *Castle and Society in Medieval Hungary (1000–1437)*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1986. 162 p.
25. Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles, and Burghers in Medieval Hungary*. Bak Já.M. (ed.). London, Variorum Reprints, 1986. 346 p.
26. Fügedi E., Bak Já.M. Foreign Knights and Clerks in Early Medieval Hungary. *The Expansion of Central Europe in the Middle Ages*. Berend N. (ed.). Burlington, VT, Ashgate Publishing, 2012, pp. 319–332.
27. Glassl H. Der deutsche Orden im Burzenland und in Kumanien (1211–1225). *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971, pp. 22–49.
28. Golden P.B. The Peoples of the Russian Forest Belt. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Sinor D. (ed.). Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1990, pp. 229–255.
29. Golden P.B. Religion among the Qipčaq of Medieval Eurasia. *Central Asiatic Journal*. Vol. 42/2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1998, pp. 180–237.
30. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)*. Chiesa P. (ed.). Torino, Arnoldo Mondadori Editore, 2011. 530 p.
31. Hunyadi Z. The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): New Re-considerations. *L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture = Der Deutsche Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begegnungen und Konfrontationen zwischen Religionen, Völker[n] und Kulturen. Atti del Convegno internazionale (Bari–Lecce–Brindisi, 14–16 settembre 2006)*. Houben H., Toomaspoeg K. (eds.). Galatina, Congedo Editore, 2008, pp. 151–162.
32. Iorga N. *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale*. Volume III. *Les fondateurs d'Etat*. Bucarest, Imprimerie de l'état, 1937. 424 p.
33. Juvaini 'Ata Malik. *Gengis Khan il conquistatore del mondo*. Scarcia G.R. (tr.). Milano, Arnoldo Mondadori Editore, 1991. 827 p.
34. Katona I. *Historia Critica Regum Hungariae: Ex Fide Domesticorum et Exterorum Scriptorum Concinnata*. Vol. V. *Complectens Res Gestas Andreae II. et Belae IV. ad Cladem usque Tartaricam*. Pestini, Weingand et Koepf, 1783. 1079 p.
35. Kedar B.Z. *Crusade and Mission: European Approaches toward the Muslims*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1984. 246 p.
36. Kontler L. *A History of Hungary: Millennium in Central Europe*. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.
37. Korobeinikov D. A Broken Mirror: The Kıpçak World in the thirteenth century. *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publishers, 2008, pp. 379–412.
38. Kovács S. Bortz, a Cuman Chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. Vol. 58/3. Budapest, Academia Scientiarum Hungarica, 2005, pp. 255–266.
39. Lăzărescu E.C. Notă despre documentele Țării Bârsei și Cavalerii Teutoni. *Țara Bârsei*. Vol. VI/4. Braşov, 1934, pp. 336–356.
40. Lotan Sh. Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary: The Teutonic Military Order Status and Rule in the Poles of Christianity. *Mirabilia: Revista Eletrônica de Antiguidade e Idade Média*. Vol. 10. Barcelona, Institut d'Estudis Medievals, 2010, pp. 184–195.
41. Makkai L. The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526). *A History of Hungary*. Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest, Corvina Press, 1973, pp. 29–118.
42. Makkai L. The Foundation of the Hungarian State, 950–1196. *A History of Hungary*. Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.) London, I.B. Tauris, 1990, pp. 15–22.
43. Makkai L. Transformation into a Western-Type State, 1196–1301. *A History of Hungary*. Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.) London, I.B. Tauris, 1990, pp. 23–33.
44. Makkai L. The Emergence of the Estates (1172–1526). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 178–244.
45. Mastnak T. *Crusading Peace: Christendom, the Muslim World, and Western Political Order*. Berkeley, University of California Press, 2002. 406 p.
46. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. Vol. 1. *Ab a. 979 ad a. 1273*. Knauz N. (ed.). Strigonii, Typis descripsit Aegydius Horák, 1874. 688 p.
47. *Monumenta ordinis fratrum praedicatorum historica*. Vol. I. *Fratris Gerardi de Fracheto O.P. Vitae Fratrum Ordinis Praedicatorum: necnon Cronica Ordinis ab anno MCCIII usque ad MCCLIV*. Reichert B.M. (ed.). Lovanii, Typis E. Charpentier & J. Schoonjans, 1896. 362 p.
48. Moorman J. *A History of the Franciscan Order: From Its Origins to the Year 1517*. Oxford, Oxford University Press, 1968. 641 p.

49. Peacock A.C.S. Georgia and the Anatolian Turks in the 12th and 13th centuries. *Anatolian Studies*. Vol. 56. London, British Institute of Archaeology at Ankara, 2006, pp. 127–146.
50. Pfeiffer N. *Die ungarische Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenwüstung 1241–1242*. Zürich, Verlag von A.-G. Gebr. Leemann, 1913. 240 p.
51. Pray G. *Specimen hierarchiae Hvngaricae complectens seriem chronologicam archiepiscoporum et episcoporum Hvngariae cum rvdī dioecesium delineatione adjectis, si quae sunt peculiares, praerogativis, vt plvrimvm ex diplomatibvs congestvm*. 2 Vols. Posenii et Cassoviae, Sumptibus Joannis Michaelis Landerer, typographi et biblioplae, 1776–1779.
52. *Readings in Medieval History*. Geary P.J. (ed.). Peterborough, Ont., Broadview Press, 1997. 801 p.
53. Richard J. La croisade: l'évolution des conceptions et des stratégies. *From Clermont to Jerusalem. The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500. Selected Proceedings of the International Medieval Congress, University of Leeds, 10–13 July 1995*. Murray A.V. (ed.). Turnhout, Belgium, Brepols Publishers, 1998, pp. 3–25.
54. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. 331 p.
55. Richard J. *Au-delà de la Perse et de l'Arménie. L'Orient latin et la découverte de l'Asie intérieure. Quelques textes inégalement connus aux origines de l'alliance entre Francs et Mongols, 1145–1262*. Turnhout, Belgium, Brepols Publishers, 2005. 218 p.
56. Les missions au nord de la mer Noire (XIIIe–XVe siècles). *Il Codice cumanico e il suo mondo: Atti del Colloquio internazionale, Venezia, 6–7 dicembre 2002*. Schmieder F., Schreiner P. (eds.). Roma, Edizioni di storia e letteratura, 2005, pp. 231–246.
57. Rist R. *Papacy and Crusading in Europe, 1198–1245*. London, Continuum International Publishing, 2009. 272 p.
58. Schüller J.K. *Archiv für die Kenntnis von Siebenbürgens Vorzeit und Gegenwart*. Vol. I. Hermannstadt, Martin Edlen von Hochmeisterische Buchhandlung, 1841. 376 p.
59. *Siebenbürgische Quartalschrift*. Vol. III. Hermannstadt, Martin Hochmeister, 1793. 370 p.
60. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th centuries*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
61. Spinei V. The Cuman Bishopric: Genesis and Evolution. *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publishers, 2008, pp. 413–456.
62. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publishers, 2009. 545 p.
63. Strakosch-Grassmann G. *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242: mit fünf Karten, einem Sachregister und Einem Quellenregister*. Innsbruck, Wagner (libr.), 1893. 277 p.
64. Teutsch G.D., Firnhaber F. *Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens*. Vol. I. *Urkunden und Regesten bis zum Ausgang des arpadischen Mannsstammes (1301)*. Wien, Kaiserlich-Königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1857. 264 p.
65. Theiner A. *Vetera monumenta historica Hungariam sacram*. Vol I. *Ab Honorio PP. III. usque ad Clementem PP. VI, 1216–1352*. Romae, Typis vaticanis, 1859. 837 p.
66. Tsougarakis N.I. *The Latin Religious Orders in Medieval Greece, 1204–1500*. Turnhout, Belgium, Brepols Publishers, 2012. 391 p.
67. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2005. 230 p.
68. Vose R. *Dominicans, Muslims and Jews in the Medieval Crown of Aragon*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press, 2009. 294 p.
69. Watt J.A. The Papacy. *The New Cambridge Medieval History*. Vol. V. *c.1198–c.1300*. Abulafia D. (ed.). Cambridge, England, Cambridge University Press, 1999, pp. 107–163.
70. Wenzel G. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus = Árpádkori új okmánytár*. 12 Vols. Pest, Eggenberger Ferdinánd Akadémiai, 1860–1874.
71. Whalen B.E. *Dominion of God: Christendom and Apocalypse in the Middle Ages*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2009. 328 p.
72. Zimmermann H. *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung*. Köln, Böhlau Verlag, 2011. 246 p.
73. Zimmermann F., Werner C. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*. Vol. I. *1191 bis 1342*. Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Verlag, 2007. 620 p.
74. An-Nasawi Shihab al-Din Muhammad. *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny)* [Biography of Sultan Jalal al-Din Mankuburni]. Bunyatov Z.M. (per.). Moskva, Izdatel'stvo "Vostochnaya literatura", 1996. 804 p.
75. Vasil'evskiy V.G. *Trudy V.G. Vasil'evskogo* [Works of V.G. Vasilievsky]. Tom 3. Bezobrazov N.V. (red.). Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1915. 416 p.

76. Voloshchuk M.M. Russkie yobagiony na sluzhbe vengerskikh Arpadov i Anzhu v XIII–XIV vv. [Russian jobagions in the Service of the Hungarian Arpads and Anjou in the 13th–14th centuries]. *Rossica Antiqua*. № 2(b). Sankt-Peterburg, Istoricheskiy fakul'tet SPbGU, 2012, pp. 134–166.
77. Golovko O. Polovets'kiy faktor u politichnomu rozvitku Pivdenno-Zakhidnoï Rusi (ostannya tretina XII – persha polovina XIII st.) [The Polovtsian Factor in the Political Development of the South-Western Rus' (the last third of the 12th – the first half of the 13th centuries)]. *Skhidny Svit* [The World of Orient]. № 1. Kiïv, Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krims'kogo Natsional'noï akademii nauk Ukraïni, 2004, pp. 60–72.
78. Dzhanov A.V. Pokhody sel'dzhukskikh voysk na Sugdak i v Kilikiyu v pravlenie Ala ad-Dina Kaykubada I [Campaigns of Seljuk Armies on Sugdak and in Cilicia during the Reign of Ala al-Din Kayqubad I]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdak Collection]. Vypusk 3. Kiev–Sudak, Natsional'nyy zapovednik “Sofiya Kievskaya”, 2008, pp. 46–78.
79. Knyaz'kiy I.O. Polovtsy v Dnestrovsko-Karpatykh zemlyakh i Nizhnem Podunav'e v kontse XII – pervykh desyatiletyakh XIII v. [The Polovtsy in the Dniester-Carpathian Lands and Lower Danube Region at the end of the 12th – the first decades of the 13th century]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Moldavii perioda feodalizma* [Socio-economic and Political History of the Feudal Period of Moldova]. Kishinev, “Shtiintsia”, 1988, pp. 22–32.
80. Kovács S. Ekspansiya zapadnogo khristianstva: missiya dominikantsev sredi polovtsev (kumanov) [Expansion of the Western Christianity: Dominican Mission to the Polovtsy (Cumans)]. *Byulleten' (Newsletter)*. 12. Hungaro – Russica II. *Istoriya i kul'tura Evraziyskoy stepi. 2-y Sbornik statey Rossiyskikh i vengerskikh vostokovedov* [Newsletter. 12. Hungaro – Russica II. History and Culture of the Eurasian Steppe. Second Collection of Articles of the Russian and Hungarian Orientalists]. Moscow, IV RAN Publ., 2005, pp. 52–73.
81. Mavrina O.S. Sel'dzhuki v Krimu (do pitannya pro dostovirnist' svitchen' musul'mans'kikh avtoriv) [Seljuks in the Crimea (the question of the reliability of Muslim authors' evidence)]. *Skhidny Svit* [The World of Orient]. № 2. Kiïv, Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krims'kogo Natsional'noï akademii nauk Ukraïni, 2008, pp. 98–103.
82. Osipyanyan O. Poshirenniya khristianstva sered polovtsev u XI–XIV st. [The Spread of Christianity among the Polovtsians in the 11th–14th centuries]. *Kiïvs'ka starovina* [The Kievan Antiquities]. № 1. Kiïv, Kiïvs'kiy slavistichnyi universitet, 2005, pp. 3–28.
83. Osipyanyan A.L. Migratsiya, adaptatsiya i integratsiya kochevnikov v osedlom obshchestve: sravnitel'nyy analiz perekhoda kochevnikov k osedlomu obrazu zhizni v Galitskoy Rusi i Vengerskom korolevstve v XIII–XV vv. [Migration, Adaptation, and Integration of Nomads in a Settled Society: A Comparative Analysis of the Nomads' Transition to a Sedentary Lifestyle in the Galician Rus and Kingdom of Hungary in the 13th–15th centuries]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...)* [The Turkic Nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Cumans ...)]. Kazan', Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2013, pp. 102–122.
84. Paraska P.F. *Politika Vengerskogo korolevstva v Vostochnom Prikar-pat'e i obrazovanie Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva* [Policy of the Hungarian Kingdom in the Eastern Carpathians and Moldavian Feudal State]. Historylib.org, 1975. Available at: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnie-veka/4
85. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the History of Galicia-Volyn Rus']. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1950. 333 p.
86. Pilipchuk Ya.V. Katolitsizm u kypchakov [Catholicism among the Kipchaks]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy perspektive* [The Worldview of Population in Southern Siberia and Central Asia in Historical Perspective]. Vyp. VI. Barnaul, “Azbuka” Publ., 2013, pp. 62–71.
87. Pilipchuk Ya.V. Istorichni fantomi na beregakh Meotidi ta Pontu (XII–XIII st.) [Historical Phantoms on the Shores of Meotide and Pontus (12th–13th centuries)]. *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [The Princely Era: The History and Culture]. № 8. L'viv, Institut Ukraïnoznavstva im. I. Krip'yakevicha NAN Ukraïni, 2014, pp. 243–248.
88. Pletneva S.A. *Polovtsy* [The Polovtsians]. Rybakov B.A. (red.). Moscow, Izdatel'stvo “Nauka”, 1990. 208 p.
89. Shukurov R.M., Korobeynikov D.A. Velikie Komniny, Sinop i Rum v 1223–1230 gg. (zagadka teksta Ioanna Lazaropula) [The Great Komnenos, Sinop, and Rum in 1223–1230 (the mystery of John Lazaropoulos text)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea region in the Middle Ages]. Vyp. 3. Karpov S.P. (red.). St. Petersburg, Izdatel'stvo “Aleteyya”, Izdanie Moskovskogo univeristeta, 1998, pp. 178–200.
90. Shusharin V.P. Svidetel'stva pis'mennykh pamyatnikov korolevstva Vengrii ob etnicheskoy sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII veka [Evidence of the Written Monuments of Kingdom of Hungary on the Ethnic Composition of the East Precarpathian Population in the first half of the 13th century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. № 2. Moscow, Institut istorii AN SSSR Publ., 1978, pp. 38–53.
91. Yakubovskiy A.Yu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [Relation of Ibn al-Bibi about the Campaign of the Turks of Asia Minor against Sudak, the Polovtsians, and Russians at the beginning of the 13th century]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantium Annals]. Tom 25. Moscow, 1927, pp. 53–76.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); Researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland), Ph.D. (History); virisequisque@hotmail.com

Сведения латинских источников о взаимоотношениях королевства Венгрии с куманами накануне инвазии Бату 1241 года

Роман Хаутала
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В первой части настоящей статьи автор анализирует содержание папских писем в Венгрию по поводу вопросов, касавшихся пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании с 1211 по 1225 год. Анализ информации, содержащейся в этих письмах, показывает, что венгерский король Андрей II пригласил тевтонских братьев в землю Бырса с очевидной целью организовать эффективную защиту Трансильвании от участвовавших набегов куманов. Основываясь на сведениях исторических документов, автор приходит к выводу, что куманы регулярно вторгались в Трансильванию именно через землю Бырса и что эти набеги кочевников показали неэффективность прежней оборонительной системы региона, повлияв тем самым на решение Андрея II поручить оборону Бырсы ордену тевтонцев, обладавшему значительным военным потенциалом.

Серия военных успехов тевтонских рыцарей, засвидетельствованных синхронными источниками, способствовала расширению владений венгерской короны за Карпатами за счет территорий, находившихся до этого под контролем кочевников. Несмотря на то, что изначально куманы были агрессорами, начиная примерно с 1222 года, они были вынуждены защищать свои владения от нарастающего давления со стороны тевтонских братьев.

Во второй части статьи автор рассматривает деятельность Куманской епархии, основанной в юго-восточных владениях династии Арпадов после изгнания тевтонских рыцарей из Трансильвании в 1225 году. Все имеющиеся синхронные источники подчеркивают центральную роль венгерских доминиканцев в создании новой католической епархии, основанной в недавно приобретенных областях венгерского королевства в результате успешной прозелитической деятельности братьев проповедников.

В заключение, автор уделяет внимание рассмотрению вопроса о причинах обращения куманов в христианство, подвергая критике устоявшееся мнение о том, что обращение куманов в католичество следует рассматривать как политический акт, не имевший ничего общего с действительными религиозными симпатиями кочевников. По мнению автора настоящей статьи, крещение куманов имело конкретную политическую подоплеку; что, однако, не исключало наличия личных симпатий кочевников по отношению к католицизму. Приобщение куманов к христианству вполне могло быть одновременным следствием как осознания политических выгод, вытекавших из религиозного обращения, так и утонченной миссионерской риторики доминиканцев, способных убедить кочевников в совершенстве католической веры.

Ключевые слова: взаимоотношения Латинского мира с кочевниками в средневековье, королевство Венгрии, Трансильвания, куманы, Тевтонский орден, доминиканская миссионерская деятельность.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия), Ph.D. (история); virisequisque@hotmail.com

Участие Джучи-хана в военной кампании против Хорезмийской державы (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам¹

Д.М. Тимохин
(Институт востоковедения
Российской Академии наук)

Данная статья является попыткой на основании сведений из арабо-персидских исторических сочинений выстроить картину участия Джучи-хана в монгольском завоевании Центральной Азии и Ирана, а точнее в войне с государством хорезмшахов-Ануштегинидов (1219–1221 гг.). Основными арабо-персидскими источниками в этой статье следует признать труды Ибн ал-Асира, ан-Насави, Джузджани, Джувейни, Рашид ад-Дина, Мирхонда и Хондемира. Автор указывает, какой объем информации те или иные арабо-персидские сочинения предлагают относительно участия Джучи-хана войне с государством Хорезмшахов, подчеркивает противоречия между памятниками и особенности приводимых ими сведений. В этой статье большое внимание уделяется и описанию биографии Джучи-хана накануне войны с Хорезмом, в частности речь идет о битве на Тургайской равнине. В ходе монголо-хорезмийской войны наиболее подробно описывается участие Джучи-хана в завоевании таких городов, как Сыгнак, Дженд и Янгикент, а также в осаде и взятии столицы Хорезмийской державы – Гурганджа. В целом проблема освещения деятельности Джучи-хана в ходе монголо-хорезмийской войны по арабо-персидским источникам требует дополнительного изучения и привлечения информации из всего корпуса памятников.

Ключевые слова: Джучи-хан, Хорезм, Ала ад-Дин Мухаммад, арабо-персидские источники, монголы, Джалал ад-Дин Манкбурны, Чингиз-хан.

В представленной статье будет предпринята попытка на основании сведений из арабо-персидских исторических сочинений выстроить картину участия Джучи-хана в монгольском завоевании Центральной Азии и Ирана, а точнее в войне с государством хорезмшахов-Ануштегинидов (1219–1221 гг.). В первую очередь, хотелось бы отметить, что данная научная проблема до сих пор не являлась предметом специального изучения в рамках отечественной и зарубежной историографии. Исследователи монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана, начиная с классического труда В.В. Бартольда [3], предпочитали не рассматривать отдельно действия тех или иных монгольских военачальников, а анализировать указанную кампанию целиком. В ряде случаев при описании монголо-хорезмийской войны отдельные исследователи и вовсе уделяли роли Джучи-хана в этом конфликте минимум внимания: «Джучи хан, будучи отправлен командующим для осады Ходжента, повернул после Янгикента обратно в Кипчакские степи» [17, S.35]. Однако изучение деятельности отдельных предводителей монгольского войска позволяет не только подчеркнуть их заслуги и военные достижения, но и лучше уяснить то место, которое они занимали в монгольской военной системе. Кроме того, анализ участия Джучи-хана в монгольском завоевании Центральной Азии и Ирана будет способствовать пониманию, как самой этой исторической личности, так и его деятельности в указанный исторический период.

В рамках представленной статьи нами будет подробно проанализирована военная деятельность Джучи-хана, начиная с битвы на Тургайской равнине и вплоть до окончания боевых действий на территории хорезмийского государства в 1221 году. Кроме того, большое внимание будет уделяться изучению того, какая информация и в каком объеме относительно участия Джучи-хана в монгольском завоевании Центральной Азии и Ирана содержится в арабо-персидских исторических сочинениях. Анализ объема и содержания сведений о Джучи-хане позволит нам говорить о значимости данной личности и ее деятельности в глазах средневековых арабо-персидских историков. Кроме того, такого рода анализ позволит выделить группу наиболее информативных исторических памятников относительно жизни и деятельности Джучи-хана в период завоевания монголами хорезмийского государства.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-01-00020.

Необходимо кратко охарактеризовать те арабо-персидские источники, которые легли в основу данного исследования. Нами не ставилось в качестве задачи привлечь здесь абсолютно все арабо-персидские сочинения, в которых хоть в какой-либо мере содержатся описания монголо-хорезмийской войны 1219–1221 года, поскольку, прежде всего, это привело к увеличению данной статьи до размеров отдельной монографии, чего мы в данном случае позволить себе не можем. Безусловно, изучение эволюции описания участия Джучи-хана в монголо-хорезмийской войне на базе абсолютно всех арабо-персидских исторических сочинений является задачей, которую в перспективе предстоит решить отечественным и зарубежным востоковедам, однако в рамках данного исследования мы очертили круг использованных источников наиболее ранними и наиболее информативными по данному вопросу. К таким памятникам следует отнести «Полный свод истории» Ибн ал-Асира [12; 7], «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» [1; 23] Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави и «Насировы разряды» [6; 16] Джузджани. Кроме того, в этом исследовании была привлечена информация из труда Джувейни «История Миропокорителя» [5; 15], «Сборника летописей» Рашид ад-Дина [9], «Сада чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» [21; 22] Мирхонда и «Друга жизнеописаний» Хондемира [20]. Безусловно, в случае дальнейших исследований по данной проблематике список арабо-персидских источников необходимо значительно расширить, прежде всего, за счет поздних памятников.

Прежде всего, хотелось бы отметить участие Джучи-хана в военном столкновении с войсками хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада еще до начала непосредственно монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.), то есть в сражении на Тургайской равнине. Несколько забегаая вперед, отметим здесь, что именно сражение на Тургайской равнине стало наиболее подробно освещенным эпизодом из биографии Джучи-хана в сравнении с событиями монголо-хорезмийской войны. Арабо-персидские авторы уделили гораздо больше внимание этому сражению, в то время как военные действия монгольских отрядов под командованием Джучи-хана с 1219 по 1221 год описаны с гораздо меньшими подробностями. С нашей точки зрения, исследователям следует обратить внимание на данный факт, и к этому мы еще раз вернемся ниже. Кроме того, нельзя не отметить того факта, что относительно датировки сражения на Тургайской равнине в отечественной науке существует дискуссия в связи с тем, что целый ряд авторов, начиная с В.В. Бартольда, относит первое столкновение монголов и хорезмийцев к 1216 году. Основным источником в данном случае признается труд ан-Насави, где, однако, не только присутствует разная датировка этого события, но и указывается на прямую связь между уничтожением Кушлу-хана и меркитов, и битвой на Тургайской равнине. Следует признать, что данный факт так же продолжает требовать от отечественных востоковедов пристального внимания [см.: 2, с. 326–335; 3, с. 436; 4, с. 134; 10, с. 136; 11, с. 326–334].

Не пытаясь дать окончательный ответ на указанный выше дискуссионный вопрос, отметим лишь еще раз, что в сочинении ан-Насави действительно присутствует двойная датировка одного и того же события, что заметно осложняет работу исследователя. Так, он предлагает следующее название главы: «Рассказ о гибели Кушлу-хана от руки Души-хана, сына Чингиз-хана в 612 г.² (Ибн ал-Асир ошибочно отнес это к 616 г.³)» [1, с.52]. При внимательном чтении памятника можно отметить, что автор в предшествующей главе пишет о походе Ала ад-Дина Мухаммада против Кушлу-хана, которое завершилось, согласно его тексту, сражением на Тургайской равнине. «Наступил шестьсот шестнадцатый год. Этот год, который народ назвал несчастливым... Когда хорошее отношение сменилось жесткостью, султан отобрал шестьдесят тысяч всадников из своего войска, чтобы выступить против Кушлу-хана, свергнуть его и отнять у него хана ханов⁴. (Это случилось) после того, как (султан) направил против него несколько отрядов, которые сошлись с ним в различных сражениях в Кашгаре и других (местах). Большая часть сражений завершилась поражением Кушлу-хана» [1, с.52]. Нельзя не отметить, что это не единственный случай, когда ан-Насави приводит разные датировки одного и того же события в своем тексте: достаточно вспомнить приведенное им описание битвы при Исфакханах 1227 года [1, с.181–185]. Подобное можно объяснить и тем, что автор составлял заголовки к главам и сами главы в разное время, и тем, что пользовался разными источниками информации, а сам написанный текст, возможно, просто не редактировал.

² 612 г.х. – 2.05.1215 – 19.04.1216 г.

³ 616 г.х. – 1217–1218 гг.

⁴ Имеется ввиду Гур-хан Джулху, которого Кушлу-хан держал в заточении. – *Прим. авт.*

Возвращаясь непосредственно к описанию в арабо-персидских источниках самого сражения на Тургайской равнине и участия в нем Джучи-хана, прежде всего, отметим, что все средневековые авторы подчеркивают, что сражение произошло исключительно из-за настойчивости и агрессии самого Ала ад-Дина Мухаммада. Ряд средневековых авторов, вслед за ан-Насави, указывает на то, что первоначально главной целью для хорезмшаха был Кушлу-хан и именно против него и затевался сам поход, однако обнаружение монгольского корпуса привело к сражению на Тургайской равнине. «В то же самое время на Кушлу-хана со своей стороны двигался султан с шестидесятитысячным войском. И когда султан подошел к водам Иргиза, то застал реку замерзшей, и переправа через нее стала для него невозможной. Тогда он расположился у места причала, ожидая удобного момента для переправы. Когда это стало возможно, он переправился [на другой берег] и начал поспешно двигаться в поисках следов Кушлу-хана. Когда он на протяжении нескольких дней находился в походе, к нему прибыл один из его передовых отрядов и сообщил о приближении какой-то конницы» [1, с.53].

В свою очередь, Джувейни и Рашид ад-Дин в своих исторических сочинениях пишут о том, что Ала ад-Дин Мухаммад и его армия наткнулись на поле битвы между меркитами, которыми командовал Тугта-хан, и монголами, и там после допроса раненного меркита стало понятно, что противник вторгся в этот регион с востока и было принято решение его преследовать. В результате, в этих источниках Джучи-хан преследует уже меркитские военные соединения, а не остатки отрядов Кушлу-хана. «Он шел по их следам и между двумя реками – Кайлы и Каймиш вышел на поле битвы, где увидел горы мертвых тел и свежую кровь. Среди павших был найден и допрошен раненный. Удостоверившись, что победителями были монголы и что они покинули то место в тот самый день, султан, повернул лицо к дороге и поспешил вслед за ними» [5, с.260]. У Мирхонда эта ситуация выглядит несколько иначе: хорезмшах получает сообщение о том, что вслед за меркитами движется монгольский отряд и решается на его преследование. «И по дороге ему (Ала ад-Дину Мухаммаду – прим. автора) сообщили, что многочисленный отряд из войск Чингиз-хана под командованием его сына Джучи вслед за ними (то есть меркитами – прим. авт.) движется» [21, s.75].

Несколько более подробно и с любопытными деталями описывает эту ситуацию Хондемир: у него Ала ад-Дин Мухаммад сам направляется в поход против Тугта-хана, который, в свою очередь представляет собой угрозу для тюркского племенного объединения канглы. Лишь во время похода против Тугта-хана, хорезмшах узнает о том, что вслед за меркитами движется монгольское войско Джучи-хана, но вместо того, чтобы не вмешиваться в этот конфликт Ала ад-Дин Мухаммад набирает дополнительные силы в Самарканде и вновь выдвигается в поход – на этот раз уже против монгольской армии. «(В это время его достигло известие), что один из военачальников Туркестана именуемый Тугта-хан движется в направлении канглы, которые проживали в округе Дженда. На основании этого (известия) полки храбрецов, сопровождавших его, собрал и отправился к Дженду. И во время этого пути он получал постоянно известия о том, что Джучи-хан сын падишаха Чингиз-хана с многочисленным войском вслед за Тугта-ханом на небольшом расстоянии движется. Тогда, соблюдая осторожность, он вернулся в Самарканд и к уже имеющимся у себя силам присоединил оставшиеся (там) войска, после чего снова в сторону Дженда направился. И обезопасив себя, благополучно достиг Дженда, а когда прошел ту землю, то увидел большое количество мертвых тел разбросанных по земле. Между ними был найден один полуживой (воин), которого допросили и он рассказал, что войска падишаха Чингиз-хана разбили войско Тугта-хана и большинство из них убили, а теперь возвращаются в свою Орду. После этого султан без остановки двигался в направлении (ушедших войск) Чингиз-хана, на другой день настиг их и увидел перед собой большое, подготовленное к битве войско» [20, s. 649].

Так или иначе, несмотря на некоторые различия в сведениях из арабо-персидских источников, можно констатировать тот факт, что именно хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад решил преследовать монгольский отряд под командованием Джучи-хана, что, в итоге, и привело к битве на Тургайской равнине.

Все арабо-персидские авторы подчеркивают тот факт, что Джучи-хан всеми силами старался избежать сражения с хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом, мотивируя это тем, что между монгольской державой и хорезмийской формально не было войны и приказа вести боевые действия с хорезмийской стороной у Джучи не было. «Джучи-хан и знать, военачальники Чингиз-хана, сказали (хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду – прим. авт.): «мы от падишаха (т.е. Чингиз-хана)

не имеем разрешения воевать с хорезмшахом и если султан изначально желал сражения, то теперь ясна причина, по которой сражение между нами невозможно...» [21, s. 76]. Джувейни приводит еще более подробный рассказ о том, как Джучи-хан настаивал на том, что сражение между двумя военными отрядами, монгольским и хорезмийским, видится ему невозможным и даже предлагает некий дар. «Монгольское войско не возложило руку на полу войны, а сдержалось, сказав: «У нас нет приказа Чингиз-хана сражаться с вами. Мы шли по другому делу, преследуя добычу, которая вырвалась из наших сетей. Однако если султан сделает первый шаг и решит простереть руку к войне, тогда у нас не останется выбора, и мы не сможем отвернуть свое лицо, но должны будем стоять на своем. Но если он воздержится, и не станет зря навлекать на себя огонь бедствия, но взвесит зловещие последствия ссоры, окончанием которой станет лишь раскаяние, и прислушается к этому совету ухом мудрости и не будет трогать за хвост гадюку и не ранит дух мира копьём гнева, но воспользуется предложенным ему даром и не станет упорствовать, это будет ближе к интересам его страны, а он останется дальше от беды, вызванной несговорчивостью, и бесславия грядущего упадка» [5, с. 261].

Со своей стороны, Ала ад-Дин Мухаммад, несмотря на дипломатические и торговые связи, которые существовали у хорезмийской державы с монгольским государством, продолжает упорствовать в желании начать боевые действия. Если у Джувейни монгольская сторона предлагает хорезмшаху «дар» в случае мирного исхода столкновения, то у ан-Насави мы находим указание на то, что Джучи-хан собирался поделиться с Ала ад-Дином Мухаммадом военной добычей, что должно было, с его точки зрения, уладить все возможные недоразумения. «Что касается добычи, которую он везет с собой, то вот она вся перед султаном, пусть он распоряжается ею как хочет и, если найдет нужным, жалует [ею] тех, кто [за нее] сражался, а в противном случае, [передал Души-хан], пусть он направит ко мне тех, кто ее примет и доставит в его лагерь. И наконец, он упомянул, что его отец приказал ему вести себя благопристойно, если он встретит в этой стороне какую-нибудь часть султанских войск, и предостерег его от проявления чего-либо такого, что сорвало бы покрывало приличия и противоречило бы принципу уважения» [1, с. 52].

Несмотря на все это, хорезмийский правитель решился начать сражения с монгольским войском, мотивируя это, согласно ан-Насави, религиозными соображениями. «Если Чингиз-хан и не велел тебе биться со мною, то Аллах Всевышний велит мне сразиться с тобою и за эту битву обещает мне благо. И для меня нет разницы между тобой и Гур-ханом и Кушлу-ханом, ибо все вы – сотоварищи в идолопоклонстве. Итак – война, в которой мечи будут ломаться на куски, а копья разбиваться вдребезги» [1, с. 53–54]. Конечно, такая аргументация начала боевых действий плохо вяжется с личностью Ала ад-Дина Мухаммада, который никогда до этого сражения не выступал в качестве защитника ислама и мусульман, однако иной версии арабо-персидские источники нам не предоставляют, заставляя гадать, что же на самом деле подтолкнуло хорезмшаха к столь необдуманному поступку.

Само же сражение на Тургайской равнине развивалось совсем не по тому сценарию, который, возможно, представлял себе Ала ад-Дин Мухаммад: его войско едва не было разгромлено монгольскими воинами, а сам он едва не погиб. Мирхонд указывает в своем сочинении на то, что судьба хорезмшаха висела на волоске, и лишь своевременная помощь сына хорезмшаха, Джалал ад-Дина Манкбурны, спасла Ала ад-Дина Мухаммада. «Центр хорезмийского войска попятился и враг был так близко к самому Ала ад-Дину Мухаммаду, что достаточно было протянуть руку, чтобы решить судьбу престола падишаха. Его сына, Джалал ад-Дина Манкбурны, взволновало такое положение отца и, увидев с правого фланга, где он стоял, отступление мусульманского войска, атаковал монголов и не останавливался до тех пор, пока слабый и шатающийся от ударов противник не открыл путь к войскам ислама. К вечеру стало ясно, что стараниями Джалал ад-Дина и его отряда пламя битвы не погасло» [21, s. 76].

В более ранних памятниках, например у ан-Насави, роль Джалал ад-Дина в этом сражении не столь яркая, как мы видим в труде Мирхонда. «Тогда Души-хан понял, что если он не примет сражения, то его надежды окажутся ложными и настанет его конец. И он прибег к сражению и искал выхода в битве. И когда встретились оба противника и сошлись [в битве] оба ряда, Души-хан лично атаковал левый фланг султана, разбил [этот фланг] наголову и заставил обратиться в бегство в беспорядке в разных направлениях. Султан был близок к разгрому, если бы наступательное движение его правого фланга против левого фланга проклятого не восстановило [поло-

жения]. Так была предотвращена беда, был уплачен долг и была утолена жажда мести, и никто не знал, где победитель, а где побежденный, кто грабитель, а кто ограбленный» [1, с. 54].

Отсутствие в труде ан-Насави упоминаний о деятельности Джалал ад-Дина Манкбурны spolна компенсируется в более поздних источниках, которые, начиная с Джувейни, формируют «героический образ» этой исторической личности. «Они (хорезмийцы – прим. автора) дрогнули и едва не обратились в бегство, но тут на помощь пришел Джалал ад-Дин, который находился на правом фланге с несколькими всадниками. Он держался твердо и отразил удар» [5, с. 262]. Можно отметить, что и в современной отечественной и зарубежной историографии эта тенденция находит свое отражение в полной мере. «Монголы сражались отчаянно смело. Даже был момент, когда хорезмшах чуть не угодил в плен, и лишь смелый бросок его отважного сына Джалал ад-дина, отразившего нападение, спас султана от верной гибели» [10, с. 136].

Даже фигура Джучи-хана некоторыми арабо-персидскими историками используется для формирования указанного «образа» Джалал ад-Дина Манкбурны. Так, Джузджани указывает на то, что именно об отваге сына хорезмшаха Джучи доложил Чингиз-хану, когда вернулся к нему с остатками своей армии после сражения на Тургайской равнине. Остается лишь предполагать, откуда такие сведения мог получить Джузджани и приходится, по всей видимости, признать тот факт, что подобное упоминание было сделано лишь с целью еще раз подчеркнуть «подвиги» Джалал ад-Дина Манкбурны. «На четвертую ночь Джучи увел свои войска, прибыл в ставку Чингиз-хана и сообщил ему о состоянии войск Хорезма и личной отваге Джалал ад-Дина Манкбурны» [16, р. 269–270].

При этом, несмотря на все возможные героические поступки своего старшего сына, Ала ад-Дин Мухаммад был крайне поражен тем, как сражались монгольские воины, а едва не случившийся разгром его армии до крайности напугал хорезмийского правителя. «Душой султана завладели страх и убеждение в их храбрости, и, как говорят, он сказал своим приближенным, что не видел никого, кто мог бы сравниться с этими людьми мужеством, стойкостью перед тяготами войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом» [1, с. 54]. Сходное описание мы находим и в сочинении Мирхонда: «когда он (Мухаммад – прим. авт.) увидел от столь небольшого войска такую ловкость, сомнения и несравнимый ни с чем страх поселились в его разуме» [21, s. 77]. Действительно, с учетом того, что хорезмийская армия в два раза превосходила по численности монгольский отряд [1, с. 53–54], едва не случившаяся катастрофа на Тургайской равнине должна была заставить Ала ад-дина Мухаммада не только испугаться мощи монгольской военной машины, но и задуматься о положении дел в собственной армии.

Завершая анализ участия Джучи-хана в сражении на Тургайской равнине, отметим, что арабо-персидские источники описывают его действия после окончания битвы, в целом, достаточно сходным образом. В частности, ан-Насави пишет по этому поводу следующее. «Обе стороны оторвались друг от друга в этот день для того, чтобы еще раз утром возобновить битву утром следующего дня. Безбожники ночью развели множество огней, показывая, будто они твердо стоят [на своих позициях] и проводят ночь с намерением сразиться, а [тем временем] они, подгоняя коней, под покровом ночи проделали за эту ночь расстояние двух дней пути» [1, с. 54]. Джувейни предлагает похожий рассказ, заменяя в нем лишь «множество огней» на «множество факелов». «Битва продолжалась до времени между вечерней молитвой и наступлением ночи; ни одна из стороны не жалела сил, и никто не показал спину, бежав с поля боя, до тех пор пока они подобрали полы своей одежды и удалились с поля боя, встав лагерем друг напротив друга. Затем каждый воин монгольского войска зажег факел, и они умчались на своих быстрых конях, бросив пыль в глаза судьбы» [5, с. 262].

Что касается непосредственного участия Джучи-хана в кампании против хорезмийской державы, то в отличие от сражения на Тургайской равнине арабо-персидские источники не могут похвастаться столь же скрупулезным описанием всех его действий и подробным рассказом о его военных действиях. В частности, Ибн ал-Асир, хоть и описывает подробно монгольское завоевание земель, которыми владел хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад, не предлагает никакой персонификации. Он пишет лишь о действиях самого Чингиз-хана, о действиях его сыновей в целом, а так же тех или иных военных действиях конкретных сыновей монгольского хана, но, не указывая при этом имен. По всей видимости, арабский историк был просто слабо осведомлен в данном вопросе и не мог указать, какие же конкретно сыновья Чингиз-хана участвовали, например, во взятии Гурганджа. «Он (Чингиз-хан – прим. авт.) снарядил большое войско во главе с одним из своих сыно-

вей, и направил его в Хорезм. Отправил он и другое войско, которое переправилось через Джейхун [и пошло] в Хорасан» [7, с. 360].

Ибн ал-Асир в принципе практически не указывает имен военачальников, кроме непосредственно Чингиз-хана, принимавших участие в монголо-хорезмийской войне на стороне монголов. «Что касается Чингиз-хана, то после того, как он отправил этот отряд за бежавшим из Хорасана хорезмшахом, он разделил своих людей на несколько групп. Одну из них он направил в страну Фергану, дабы захватить ее. Другую – в Термез, и третью – на Куляб, а это укрепленная крепость на берегу Джайхуна, принадлежащая к числу нерушимых и защищенных крепостей» [7, с. 360]. Справедливости ради следует отметить, что, и, описывая битву на Тургайской равнине, этот арабский историк не упоминает имени Джучи-хана, а лишь констатирует, что монгольским войском управлял один из сыновей Чингиз-хана. «Обе стороны приложили все свои силы и мужество в этом бою, а вся эта битва велась с сыном Чингиз-хана. Отец его не был в сражении и даже не знал о нем» [7, с. 351].

Другой историк, очевидец монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии, ан-Насави предлагает нам относительно действий Джучи-хана в ходе монголо-хорезмийской войны несколько больше сведений. Если при описании событий до 1219 года действия Джучи-хан в сочинении этого историка подробно описываются в связи с гибелью Кушлу-хана и разгрома государства кара-китаев [1, с. 52–55], а также в связи с битвой на Тургайской равнине, о чем говорилось выше, то после 1219 года таких упоминаний всего два. Одно касается письма, якобы полученного Джалал ад-Дином Манкбурны от своей сестры Хан-султан, которая была женой Джучи-хана, во время осады Хилата в 1229 году. «И произошло еще такое: Хан-султан – старшая из дочерей султана Ала ад-Дина Мухаммада – была взята в плен татарами вместе с Теркен-хатун. Ее взял себе Души-хан, и она родила от него детей. Затем Души-хан умер, и она сообщила своему брату – султану [Джалал ад-Дину] сведения о татарах, о новостях у них и об их положении. Она прислала султану, который осаждал Хилат, один из перстней их отца, украшенный бирюзой, с выгравированным на нем именем султана Мухаммада» [1, с. 232].

А вот второе упоминание связано с интересующими нас событиями монголо-хорезмийской войны 1219–1221 года: речь идет о разорении области Хорезм и взятии столицы государства хорезмшахов, Гурганджа. Ан-Насави прежде всего указывает, что монгольские полководцы подошли к столице не одновременно: сначала со своим войском прибыл Угэдэй, затем к нему присоединился Чагатай, а лишь после этого пришли Джучи-хан и его воины [23, s. 129]. Историк указывает, что в отличие от других монгольских полководцев, Джучи-хан старался сохранить город и область от разрушений и разорения. «Немного спустя в Мавераннахр явился Души (Джочи)-хан со своими воинами. Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пощаду, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерб и чтобы его не достигла рука уничтожения» [1, с. 137; 23, s. 129–130].

Однако отчаянное сопротивление защитников столицы и их нежелание долгое время идти на переговоры привело, согласно ан-Насави, к тому, что когда такие переговоры все-таки начались, именно Джучи-хан отдал приказ об уничтожении пленных и разорении Гурганджа, а точнее того, что осталось от города после длительной осады. «По его приказу стали выводить людей одного за другим, поодиночке и группами. Было объявлено, чтобы ремесленники отделились и отошли в сторону. Те, кто так поступил, спаслись, а иные считали, что ремесленники будут угнаны в их (татар) страну, а остальные будут оставлены на своей родине и будут жить в своих жилищах, в родных домах, – и не отделились. Затем мечи, а также секиры и стрелы обрушились на них, пока не повергли их на землю и не собрали их во владениях смерти» [1, с.138; 23, s.130–131]. При этом ан-Насави подчеркивает, что подобные действия Джучи-хана были продиктованы исключительно тем, что защитники Гурганджа оказывали слишком долгое и ожесточенное сопротивление, после которого помиловать их было невозможно. «Когда 'Ала' ад-Дин предстал [перед ханом], то среди прочего, упомянутого им, он сказал: «Мы уже увидели, как страшен хан, теперь настало время нам стать свидетелями его милосердия». Услышав это, проклятый воспылал гневом и воскликнул: «Что страшного они видели во мне? Ведь они сами губили моих воинов и затянули сражение! Это

я видел их грозный облик! А вот теперь я покажу, [каков должен быть] страх передо мной!» [1, с. 138;23, s.130].

Так же особое внимание деятельности Джучи-хана в ходе монголо-хорезмийской войны уделяет и персидский историк Джузджани, у которого, помимо краткой биографии этого правителя и полководца, мы находим описание его участие во взятии Гурганджа. При этом его рассказ об этом событии изобилует еще более жестокими подробностями по сравнению с текстом ан-Насави. «В то время как султан Мухаммед бежал с берегов Джейхуна, из окрестностей Балха, Чингиз-хан отправил Туши с Чагатаем и огромным войском в Хорезм. Войско монголов прибыло к воротам Хорезма и начался бой. В продолжение 4 месяцев жители Хорезма сражались с ними (монголами) и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения, за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчека и 2) гробницы султана Мухаммеда Текеша. Некоторые рассказывают, что когда город Хорезм взяли, и народ из города вывели в степь, то он (Туши) приказал отделить женщин от мужчин и удержать всех тех женщин, которые им (монголам) понравятся, остальным же сказать, чтобы они составили два отряда, раздеть их догола и расставить вокруг них тюрков-монголов с обнаженными мечами. Затем он сказал обоим отрядам: “В вашем городе хорошо дерутся на кулаках, так приказывается женщинам обоих отрядов вступить между собою в кулачный бой». Те мусульманские женщины с таким позором дрались между собою на кулаках и часть дня избивали друг друга. Наконец (монголы) накинулись на них с мечами и всех умертвили, – да будет доволен ими (убитыми женщинами) бог. Туши и Чагатай, управившись с делами хорезмскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заполонили одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все (эти) племена своей власти» [6, с. 95–97].

Гораздо более подробно участие Джучи-хана в военных действиях против Хорезма описано в арабо-персидских трудах более поздних историков, представителей придворной монгольской историографии. В качестве примера здесь хотелось бы привести сочинения Джувеини и Рашид ад-Дина, информацию из которых можно сравнить со сведениями более ранних памятников. В частности, у Джувеини и Рашид ад-Дина есть информация относительно деятельности Джучи-хана до осады Гурганджа. «Армия окружила крепость (речь идет об Отраре – прим. авт.), образовав несколько колец; и когда все войска собрались там, Чингиз-хан направил всех полководцев в разные стороны. Своего старшего сына он послал в Дженд и Барджлык-Кент с несколькими туманами храбрых и энергичных воинов; а нескольких своих военачальников он отправил к Ходженту и Фанакату» [5, с. 55]. Та же информация содержится и у Рашид ад-Дина: «Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угедю с несколькими туманами войска осадить город, Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Янгикент, а группе эмиров – в сторону Ходжента Бенакета. Таким же образом он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Тулуй-ханом отправился на Бухару» [9, с. 198]. В результате, войска под командованием Джучи-хана должны были захватить все крупные города вниз по течению Сырдарьи вплоть до Аральского моря, после чего двинуться южнее против столицы хорезмийского государства – Гурганджа. Таким образом, войска под командованием самого Чингиз-хана двигались вглубь территорий хорезмийского государства, а его старший сын должен был прикрывать правый фланг наступающей армии, уничтожая хорезмийское сопротивление на Сырдарье.

Разница в описании действий Джучи-хана у Джувеини и Рашид ад-Дина заключается в том, что у первого из историков роль Джучи-хана в завоевании городов и земель хорезмийского государства в некотором смысле преуменьшается, особенно при описании взятия Гурганджа, о котором мы скажем чуть ниже. В то же время Джувеини подробно описывает личное участие Джучи-хана во взятии Сыгнака и затем Дженда, причем с мельчайшими подробностями, именуя его при этом Улуш-иди [об имени Улуш-иди или Улус-иди см.:8, с.351–362; 14, р. 148–152; 18, vol. 55 (1–3) р. 143–151]. Любопытно, что при описании тех или иных действий Джучи-хана Джувеини называет его, то просто старшим сыном [5, с. 55], то Улуш-иди [5, с. 58], а описывая события предшествующие разгрому Гурганджа – Тоши [5, с. 84]. Приведем здесь небольшую цитату из подробнейшего описания взятия Сыгнака у Джувеини. «Когда Улуш-иди получил это известие, он повернул свои знамена против Сугнака и, воспламененный огнем гнева, бился без отдыха от рассвета до заката. Семь дней сражались они под его началом и взяли город штурмом, закрыв двери прощения и милосердия, и, мстя за жизнь одного единственного человека, вычеркнули из книги жизни почти всех его жителей» [5, с. 58]. Любопытно и то, что после взятия городов Сыгнака,

Дженда, Янгикента и ряда других населенных пунктов отряды Джучи-хана, согласно Джувейни, на какое-то время словно бы прекращают вести активные боевые действия: «А что до Улуш-иди, то он отправился в Каракум» [5, с.60]. Из этой цитаты и текста Джувейни в целом непонятно, с какой целью Джучи-хан меняет направление движения своих войск, следует ли он приказу Чингиз-хана или же это некое самовольное деяние. Сразу после приведенной выше фразы, Джувейни пишет о восстании отряда «туркменских кочевников численностью около десяти тысяч человек во главе с Тайнал-нойоном», которым «было приказано двигаться к Хорезму» [5, с.60].

В свою очередь в сочинении Рашид ад-Дина мы так же можем наблюдать то, как в главе «Рассказ о походе царевича Джочи на Дженд и Янгикент и об их завоевании» [9, с. 199] Джучи-хан именуется и Джочи, и Улус-иди [9, с. 200]. Однако в этом памятнике мы находим, и пояснение действиям Джучи-хана после взятия упомянутых выше городов и описание данное Джувейни становится более понятным. «Затем они назначили на управление [Дженда] Али-Ходжу, который был из низов Бухары и еще перед выступлением [Чингиз-хана] попал к нему на службу, и ушли к Янгикенту. Завоевав его, они посадили там [своего] правителя [шихнэ]. Оттуда Улус-иди двинулся в поход на Каракум [что в Дешт-и Кипчаке]⁵. Из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах, было назначено десяти тысячам человек отправиться к хорезмийскому войску⁶. Во главе их был Баниал-нойон. Когда они прошли несколько остановок [манзил], злосчастье их судьбы побудило их убить одного монгола, которого Баниал имел во главе их своим заместителем, и восстать. [Сам же] Баниал шел в передовом отряде. Когда он услышал об этом, он повернул назад и перебил большинство этого народа, часть же их спаслась бегством, и они ушли с другим отрядом в направлении Амуга и Мерва и там стали многочисленными» [9, с. 200–201]. Таким образом, рассказ Рашид ад-Дина во многом дополняет ту информацию, которую приводит Джувейни и становится ясно, что действия Джучи-хана были продиктованы желанием подчинить себе новые территории и способствовать набору дополнительных сил для боевых действий на территории Хорезма. Относительно личного участия Джучи-хана в подчинении таких городов, как Дженд, Сыгнак и Янгикент, то об этом Рашид ад-Дин пишет также максимально подробно [9, с. 199–201].

У Мирхонда мы находим отдельную главу, посвященную деятельности Джучи-хана до осады Гурганджа – «Рассказ о Джучи-хане, который по повелению Чингиз-хана направился в Дженд» [22, s. 115]. В этой главе мы находим и повествование о взятии Сыгнака, которое, в целом, совпадает с той информацией, которую можно найти в труде Рашид ад-Дина [9, с. 199–200]. «Когда Джучи-хан достиг Сыгнака, то направил в город Хосейна Хаджи, который был купцом и издавна служил Чингиз-хану и входил в группу его приближенных. Он был отправлен увещевать их (жителей Сыгнака – прим. автора) по причине прошлой известности и родственных отношений, которые у него были с жителями Сыгнака. И когда он достиг того места, в то время пока он оглашал послание, шайка из мошенников и всякого сброда, прославляя Аллаха, убила его» [22, s. 115].

Джувейни и Рашид ад-Дин предлагают одинаково большой информации относительно взятия монголами столицы Хорезмийской державы, Гурганджа, с той лишь разницей, что по сведениям Джувейни осадой хорезмийской столицы и ее взятием от начала и до конца командовали Чагатай и Угэдэй. «Поскольку он (речь идет о Чингиз-хане – прим. авт.) желал лично преследовать султана и очистить страны Хорасана от своих врагов, он направил против Хорезма своих старших сыновей, Чагатая и Угэдэя, с армией бесконечной, как ход времени, и такой, что она заполнила собой горы и пустыни» [5, с. 84]. О Джучи-хане упоминается в рассказе о взятии Гурганджа лишь в той связи, что он должен был послать подкрепления своим братьям в виде хашара, состоявшего из пленников, захваченных в Дженде. «Он так же приказал Туши послать туда в виде подкрепления войско из пленников, захваченных в Дженде» [5, с. 84]. Подобное описание осады и взятие Гурганджа в труде Джувейни тем более удивительно, что в более ранних памятниках мы достаточно четко выделяем личное участие Джучи-хана в этом эпизоде монголо-хорезмийской войны.

Рашид ад-Дин в своем труде подчеркивает участие Джучи-хана в осаде Гурганджа наряду с Чагатаем и Угэдэем. «Вот в это время он и назначил в поход на Хорезм старших своих сыновей: Джочи, Чагатая и Угедэя с войском, по численности подобным песку пустыни, а по необъятности – происшествиям текущего времени. Осенью этого же года они двинулись в ту сторону с эмирами

⁵ Имеется в виду ставка тюрок-канглы, носившая то же название, что и монгольская столица Чингиз-хана. – Прим. переводчика.

⁶ Т.е. монгольским войскам, предназначенным вести операции против Хорезма. – Прим. переводчика.

правого фланга, отправив в качестве авангарда, который назывался «язак», целое войско» [9, с. 215]. При этом, в отличие от ан-Насави, ни Джузджани, ни Джувеини не упоминают о посольстве лично Джучи-хана, отправленного к жителям Хорезма, с целью получить город без боя и тем самым сохранить его. Рашид ад-Дин указывает, что подобное посольство имело место быть, однако оно было отправлено от лица всех сыновей Чингиз-хана, осаждавших Гургандж. «Тем временем царевици Джочи, Чагатай и Угедей подросли с многочисленным войском и под видом прогулки объезжали город кругом; затем остановились, и войска расположились лагерем кольцом вокруг города. Тогда послали [в город] послов, призывая население к подчинению и повиновению» [9, с. 215]. Любопытной деталью в сочинении Рашид ад-Дина следует признать тот факт, что из-за длительности осады города, которая заняла порядка семи месяцев, Чингиз-хан передал командование осадой Угедею, заставив тем самым остальных братьев подчиняться ему. «Когда Чингиз-хан услышал эти слова, он рассердился велел, чтобы Угедей, который является их младшим братом, был начальником всего и ведал ими вместе со всем войском и чтобы сражались они по его слову» [9, с. 216].

Мирхонд также указывает на личное участие Джучи-хана в осаде и взятии города Гургандж, в главе «Рассказ о судьбе Хорезма» – в данном случае речь идет не об области Хорезм, а об ее главном городе, то есть Гургандже [22, с. 134–139]. «Когда Чингиз-хан освободился от осады Самарканда и земли Мавераннахра полностью подчинил своей власти, приказал Джучи и Угэдэю, Чагатаю совместно друг с другом направиться [осаждать] Хорезм» [22, с. 134–135]. В этой же главе мы можем найти и сведения о том, что «Чингиз-хан из-за разногласий между своими сыновьями приказал, чтобы теперь главным считался Угэдэй», а тот уже постарался уладить противоречия между Джучи и Чагатаем [22, с. 138]. В свою очередь в труде Хондемира, как уже говорилось выше, четко определено участие Джучи-хана в сражении на Тургайской равнине, а вот специальные упоминания о нем при описании монголо-хорезмийской войны, в том числе и взятии Гурганджа, мы не находим [20, с. 649–653].

Осада и взятие Гурганджа является последним эпизодом монголо-хорезмийской войны, где арабо-персидские историки упоминают личное участие Джучи-хана. Так, сведений об участии Джучи-хана в подавлении сопротивления со стороны последнего шаха Хорезма, Джалал ад-Дина Манкбурны нет ни в одном источнике. При описании битвы на реке Инд в 1221 году Рашид ад-Дин упоминают, что вместе с Чингиз-ханом были тумены под командованием его сыновей, но не упоминают Джучи-хана. «Когда Шики-Кутуку прибыл к Чингиз-хану и доложил о положении дела, тот уже закончил с завоеванием крепости Таликан, Чагатай и Угедей вернулись назад из Хорезма победителями, а Тулуй-хан победоносным вернулся из Хорасана. Они все вместе с войсками пролетовали в предгорьях Таликана и отдохнули, а их четвероногие откормились. Тотчас, как только Чингиз-хан услышал об этом обстоятельстве, он повелел, чтобы все выступили, и с таким огромным войском он в году лошади направился против султана Джелал-ад-дина из пределов Таликана» [9, с. 223]. Также в знаменитом эпизоде с переправой хорезмшаха через реку Чингиз-хан говорит о Джалал ад-Дине своим сыновьям, но их имена так же не указываются. «Увидав его плывущим по реке, Чингиз-хан подъехал к самому краю берега. Монголы хотели было броситься за ним, но он их остановил. Они опустили луки, и те, кто был свидетелем этого, рассказывали, что, докуда долетали их стрелы, вода в реке была красной от крови. А что до султана, то он вышел из воды с мечом, копьем и щитом. Чингиз-хан и все монголы в изумлении приложили руки к губам, и Чингиз-хан, увидав, тот подвиг, сказал, обратившись к своим сыновьям: “Вот о каких сыновьях мечтает каждый отец! Избежав двух водоворотов – воды и огня – и достигнув берега безопасности, он совершит множество славных дел и станет причиной неисчислимых бедствий. Как может разумный человек не принимать его в расчет?”» [5, с. 291]. Таким образом, после взятия Гурганджа Джучи-хан прекращает участвовать в войне с остатками военных сил хорезмийской державы в лице Джалал ад-Дина Манкбурны и его армии, и вскоре покидает пределы этого государства. «После фактического окончания хорезмской кампании (т.е. после взятия столицы этого государства – Гурганджа – *прим. авт.*) Джучи вернулся на север с приказом приступить к завоеванию земель кыпчаков, алан, болгар и русских, которые отец выделил ему в качестве улуса» [8, с. 354].

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы подчеркнуть несколько важных, на наш взгляд, моментов. Прежде всего, отметим, что наиболее значимый массив информации о деятельности Джучи-хана арабо-персидские авторы предлагают не в отношении монголо-хорезмийской войны, а в связи с битвой на Тургайской равнине. Большинство средневековых истори-

ков подробно описывают не только само это сражение, но и предысторию данного конфликта, а также те последствия, к которым эта битва привела. Арабо-персидские источники подчеркивают тот факт, что Джучи-хан всеми силами старался перевести конфликт с Ала ад-Дином Мухаммадом в мирное русло, однако исчерпав все возможности вынужден был дать бой хорезмийской армии, который едва не закончился поражением войска хорезмшаха.

Что касается описания действий Джучи-хана в период монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. в арабо-персидских источниках, то здесь необходимо выделить несколько любопытных моментов. Прежде всего, авторы наиболее ранних памятников осведомлены о деятельности Джучи-хана гораздо хуже, нежели составители более поздних источников, в частности Джувейни и Рашид ад-Дин. По всей видимости, это следует объяснять тем, что последние, находясь на монгольской службе, имели доступ к различным источникам, в том числе официальной монгольской документации, которые были просто напросто неизвестны авторам ранних сочинений. Наиболее подробное описание военных действий Джучи-хана в ходе монголо-хорезмийской войны связано с судьбой таких городов как городов Сыгнак, Дженд, Янгикент и некоторых других, а также с осадой и взятием столицы хорезмийского государства, Гурганджа. Основные расхождения при описании деятельности Джучи-хана связаны с попыткой в некоторых памятниках, например у Джувейни, слегка преуменьшить роль этого исторического деятеля, особенно это заметно при описании взятия Гурганджа. Так же небольшие расхождения можно увидеть при описании действий Джучи-хана после взятия Сыгнака, Дженда и Янгикента и до участия в осаде столицы хорезмийской державы. Эти расхождения не столь существенны, а вот попытки Джувейни принизить роль Джучи-хана во взятии Гурганджа требуют, на наш взгляд, внимания научной общественности. В целом проблема освещения деятельности Джучи-хана в ходе монголо-хорезмийской войны по арабо-персидским источникам требует дополнительного изучения и привлечения информации из всего корпуса памятников. Надеемся, что данная статья сумеет привлечь интерес отечественных и зарубежных востоковедов к указанной научной проблематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятов. Баку, 1973. 450 с.
2. *Ахинжанов С.М.* Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата, 1989. С. 326–335.
3. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В. Сочинения*. М., 1963. Т.1. 760 с.
4. *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986. 247 с.
5. *Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е. Е. Харитоновна. М., 2004. 690 с.
6. *Джузджани*. Насировы разряды / Пер. под ред. А.А. Ромаскевича. М., 2010. 142 с.
7. *Ибн ал-Асир*. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент, 2006. 560 с.
8. *Оллсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. работ*. Донецк, 2008. Т. 6: Золотоордынское время. С. 351–362.
9. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. / Пер. А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. М., 2002. Т. 1–2.
10. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 448 с.
11. *Тимохин Д.М.* Первое сражение хорезмийцев и монголов на Тургайской равнине в 1218 г. и его последствия // *Золотоордынская цивилизация. Сборник статей*. Вып 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 326–334.
12. *Al-Asir ibn*. Al-Kamil fi-t-tarih // *Journal Asiatique*. Paris, 1849–1850. Т. XIII–XV.
13. *Allsen Thomas T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1983. No 3. P. 5–23.
14. *Boyle J.A.* On the Titles Given in Juvaini to Certain Mongolian Princes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. № 19. 1956. P. 148–152.
15. *Juvaini*. The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1–2.
16. *Juzjani*. Tabakat-i Nasiri / Trad. H.G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
17. *Hammer-Purgstall, von J.* Geschichte von der Ilchane in Persien 1200–1350. Amsterdam, 1974. 568 s.

18. Golden P.B. Tuši: The Turkic Name of Joči // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55 (1–3). P. 143–151.
19. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956. 420 s.
20. Khondamir. Tarih-e habib. Tehran, 1954. Vol.1–3.
21. Mirkhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte Persian // *Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1841. 113 s.
22. Mirkhond. La vie de Genghis-khan. Le texte persian // *Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1840. 174 s.
23. An-Nasavi. Sirat Jeleddin ya tarikh-e Jelali. Tehran, 1945. 360 s.
24. Nasrhai-e tarihi / I. Hakemi. Tehran, 1971. 176 s.

Сведения об авторе: Дмитрий Михайлович Тимохин – старший научный сотрудник ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, кандидат исторических наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); horezm83@mail.ru

Participation of Khan Jochi in the Military Campaign against the Kwarezmian State (1219–1221) according to the Arab-Persian Sources

D.M. Timokhin
(*Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*)

Based on the information of the Arab-Persian historical works, the author of this article tries to reconstruct the Jochi Khan's participation in the Mongol conquest of Central Asia and Iran, more precisely, in the war with the State of Khwarezmshahs-Anushteginids (1219–1221). Works of Ibn al-Athir, an-Nasavi, Juzjani, Juvaini, Rashid al-Din, Mirkhond and Khondemir are the main Arab-Persian sources to be used in this article. The author both indicates amount of information, which these or other Arab-Persian writings provide regarding the participation of Jochi Khan in the war with the State of Khwarezmshahs, as well as emphasizes the contradictions between the sources and characteristics of the data, which they contain. This article also pays much attention to the description of the Jochi Khan's biography on the eve of the war with Khwarezm, in particular, to the battle on the Turgay Plain. The author describes in detail the Jochi Khan's participation, during the Mongol-Khwarezmian war, in the conquest of such cities as Sygnak, Jand and Yangikent, as well as in the siege and capture of Gurganj, the capital of the Khwarezmian Sultanate. In general, the problem of displaying the activities of Jochi Khan during the Mongol-Khwarezmian war in the Arab-Persian sources requires further study and use of information from the whole corpus of sources.

Keywords: Jochi Khan, Khwarezm, Ala ad-Din Muhammad, Arab and Persian sources, Mongols, Jalal ad-Din Mankburni, Chinggis Khan.

REFERENCES

1. Al-Nasawi. *Zhizneopisanie sultana Jalal ad-Dina Mankburni* [Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburni]. Trans. Z.M. Bunyatov. Baku, 1973. 450 p.
2. Ahijanov S.M. Khorezm i Desht-i Kipchak v nachale XIII v. (o meste pervogo srazheniya armii khorezmshakha s mongolami). [Khwarezm and Desht-i Kipchak at the beginning of the 13th century (about location of the first battle of the Khwarezmshah's army with the Mongols)]. *Vzaimodeystvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy* [The Interaction between Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata, 1989, pp. 326–335.
3. Bartold V.V. Turkestan v epohu mongolskogo nashestvia [Turkestan down to the Mongol Invasion]. Idem. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1963. Vol. 1. 760 p.
4. Bunyatov Z.M. *Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov 1097–1231 z.* [The State of Khwarezmshahs-Anushteginids 1097–1231]. Moscow, 1986. 247 p.
5. Juvaini. *Chingiz-han. Istorya zavoevatelya mira* [Chinggis Khan. History of the World]. Trans. E.E. Haritonova. Moscow, 2004. 690 p.
6. Juzjani. *Nasirovy razryady* [Tabaqat-i Nasiri]. Per. pod red. A.A. Romaskevicha. Moscow, 2010. 142 p.
7. Ibn al-Athir. «*Al-Kamil fi-t-tarih*». «*Polnyi svod po istoriyi*». *Izbannye otrivky* [“Al-Kamil fi-t-tarih”. “The Complete History”. Selected Fragments]. Trans. P.G. Bulgakov, Sh.S. Kamoliddin. Tashkent, 2006. 560 p.
8. Allsen T.T. Preludiya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voennye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya: Sb. nauch. rabot* [Steppes of Europe in the Middle Ages: Col-

lected research papers]. Donetsk, 2008. Т. 6: *Zolotoordynskoe vremya* [Vol. 6: The Golden Horde Period], pp. 351–362.

9. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Trans. A.K. Arends, Y.P. Verhovskiy, O.I. Smirnova, L.A. Hetagurov. Moscow, 2002. Vol. 1–2.

10. Sultanov T.I. *Chingiz-han i Chingizidy* [Chinggis Khan and the Chinggisids. Destiny and power]. Moscow, 2006. 448 p.

11. Timokhin D.M. Pervoe srazhenie khorezmiytsev i mongolov na Turgayskoy ravnine v 1218 g. i ego posledstviya [The First Battle of the Khwarezmians and Mongols on the Turgay Plain in 1218 and Its Consequences]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Vypusk 5. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2012, pp. 326–334.

12. Al-Athir Ibn. Al-Kamil fi-t-tarih. *Journal Asiatique*. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.

13. Allsen Th.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. No 3. Wiesbaden, 1983, pp. 5–23.

14. Boyle J.A. On the Titles Given in Juvaini to Certain Mongolian Princes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. № 19. Cambridge, 1956, pp. 148–152.

15. Juvaini. *The History of the World-conqueror*. Trad. J. A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1–2.

16. Juzjani. *Tabakat-i Nasiri*. Trad. H. G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.

17. Hammer-Purgstall von J. *Geschichte von der Ilchane in Persien 1200–1350*. Amsterdam, 1974. 568 s.

18. Golden P.B. Tuši: The Turkic Name of Joči. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 55 (1–3). Budapest, 2002, pp. 143–151.

19. Kafesoglu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956. 420 s.

20. Khondamir. *Tarih-e habib*. Tehran, 1954. Vol. 1–3.

21. Mirkhond. *Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian*. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841. 113 s.

22. Mirkhond. *La vie de Genghis-khan. Le texte persian*. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1840. 174 s.

23. Al-Nasawi. *Sirat Jeleleddin ya tarikh-e Jelali*. Tehran, 1945. 360 s.

24. *Nasrhai-e tarihi*. I. Hakemi (ed.). Tehran, 1971. 176 s.

About the author: Dmitriy Mikhaylovich Timokhin – Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History) (107031, Rozhdestvenkaya st., 12, Moscow, Russian Federation); horezm83@mail.ru

Проблема источников по этнополитическим процессам в Волго-Уралье в период создания и распада Монгольской империи и Улуса Джучи¹

О.В. Лушников

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Проблема источников по этнополитическим и этнокультурным процессам в Волго-Уралье в период создания и распада Монгольской империи и Улуса Джучи особенно актуальна сегодня. Развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве неизбежно приводит к необходимости изучения опыта межкультурного взаимодействия народов Волго-Уральского региона в исторической ретроспективе. Все изменения во внутривосточной и экономической жизни Золотой Орды полностью влияли как на характер, так и на содержание политических и этно-генетических процессов в Волго-Уралье. Все это говорит о необходимости проведения комплексных исследований, создания обобщающих научных трудов, позволяющих на реальном материале увидеть перипетии евразийской истории на региональном уровне. Основными проблемами необходимых исследований являются миграции народов, развитие сети городов, интенсивность межрегиональных и трансконтинентальных торговых связей, роль кочевников в кросскультурных связях регионов Евразии и складывании единого этно-культурного пространства в Волго-Уральском регионе в XIII–XVI вв. Много в данном направлении уже сделано, вышел в свет семитомник «История татар», выпущенный Институтом истории им. Ш. Марджани АН Татарстана, ставший прекрасным примером широкого подхода к анализу процессов в регионе. Но еще многое предстоит исследовать. Однако проблема вокруг источниковой базы, отражающей весь комплекс поставленных исследовательских вопросов еще существует. Специфика разделения труда историков-источниковедов, археологов, нумизматов, этнографов, культурологов, генетиков, религиоведов, не дает общей картины исследуемого периода, растаскивая важные детали в работы узкоспециализированных отраслей. Необходимо сочетание данных материальной и духовной культуры. Системный междисциплинарный анализ и синтез в работе с источниками, даст нам комплексное понимание процессов этнополитического и этнокультурного взаимодействия, составивших специфику Волго-Уральского региона, и обозначит подходы к решению актуальных проблем современности.

Ключевые слова: Монгольская империя, Улус Джучи, Золотая Орда, Евразия, Россия, кочевники, миграции, ассимиляция, политико-экономические и культурно-исторические процессы.

Проблема источников по этнополитическим и этнокультурным процессам в Волго-Уралье в период создания и распада Монгольской империи и Улуса Джучи является сегодня особенно актуальной. Развитие интеграционных процессов на Евразийском пространстве неизбежно приводит к необходимости изучения опыта межкультурного взаимодействия народов Волго-Уралья в исторической ретроспективе. Благодаря Монгольской империи и Улусу Джучи, в период XIII–XVI вв. на значительной части территории Евразии было создано единое культурное имперское и постимперское пространство. Интенсивное взаимодействие в нем различных тюркских, славянских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских и др. этносов привело к определенному культурному сближению народов Евразии. Это является безусловным фактом влияния монголо-татарского имперского наследия. Все изменения во внутривосточной и экономической жизни Золотой Орды в полной мере повлияли как на характер, так и на содержание политических и этногенетических процессов в Волго-Уралье. Все это говорит о необходимости проведения комплексных исследований, создания обобщающих научных трудов, позволяющих на реальном материале увидеть перипетии евразийской истории на региональном уровне. Основными проблемами необходимых исследований являются миграции народов, развитие сети городов, интенсивность межрегиональных и трансконтинентальных торговых связей, роль кочевников в кросскультурных связях регионов Евразии и складывании единого этно-культурного пространства в Волго-Уральском регионе в XIII–XVI вв.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №14-21-03003.

Многое в данном направлении уже сделано. В частности, есть замечательный многотомник по истории татарского народа выпущенный Институтом истории АН Татарстана [19], ставший прекрасным примером широкого подхода к анализу процессов в регионе. Но еще многое предстоит исследовать. В связи с чем, возникает проблема источниковой базы, отражающей весь комплекс поставленных исследовательских вопросов. Специфика разделения труда историков-источниковедов, археологов, нумизматов, этнографов, культурологов, генетиков, религиоведов, не дает общей картины исследуемого периода, растаскивая важные детали в работы узкоспециализированных отраслей. Необходимо сочетание данных материальной и духовной культуры. Т.к. именно на стыках различных научных отраслей возникали важнейшие открытия.

Источники по этно-политическим и этнокультурным процессам в исследуемый период можно подразделить на основные группы.

Письменные источники, содержащие важнейший материал последовательности исторических событий, отражающие литературно-исторические традиции, письменный язык, преемственность политико-правовой системы.

Имеющиеся письменные источники можно разделить на 5 подгрупп. Собственные тюрко-монгольские источники – это, прежде всего, ханские ярлыки [11], билики [37], битики [28], а также «Монголын Нууц Товчо» («Тайная история монголов», «Сокровенное сказание») [22] 1240 года, затрагивающая ситуацию в Великой Монгольской империи до смерти Угэдэя. Вторым по значимости источником, является «Цаган туух» [44] (Белая история), написанная в 80-х годах XIII века и дошедшая до нас в списках XIV века. В ней освещается история Монголии и приводятся биографии монгольских ханов до Хубилая включительно. И, наконец, «Установление династии Юань», сохранившийся в китайском переводе («Юань Дяньчжан») труд монгольских ученых XIII века.

Не смотря на то, что в XIII–XIV веках было написано очень много монгольских исторических сочинений, до нас дошли лишь уцелевшие в редких случаях книги. Так, многие летописи XVI–XVII веков, такие как «Алтан Тобчи» [1], «Шара Туджи» [40], «Цаган Эрихэ» [43], «Болор Эрихэ», хотя и являются более поздними источниками, но содержат в своей основе многие не дошедшие в оригинале источники XIII–XIV веков. Дело в том, что монгольская литература неоднократно подвергалась уничтожению. При свержении Юань, да и в последующие годы и столетия, китайцы проводили политику культурного геноцида в отношении монголов. Клич «убивай татар и жги книги на татарском языке!» – был популярен среди китайцев вплоть до середины XIX века. Огромное количество трудов сгорело в императорских библиотеках при погромах, учиненных китайцами в Ханбалгасуне (Ханбалык, Дайду, Пекин) и Каракоруме. Кроме того, монгольскоязычная литература продолжала изыматься у населения и уничтожаться при династиях Мин и Цин. Последнее большое сожжение монгольского наследия было проведено китайцами в 1848 году.

Китайские источники представлены «Шен-ву-цин-чжен-лу» [41] (Описание личных походов священновоинственного (Чингиз-хана)), «Юань Ши» [45] (История династии Юань) 1380-го года (компиляция монголо-китайских трудов «Го чао цзин-ши да-дянь» (Великие установления по управлению правящей династией) 1329 года, «Юань-чао мин-чень ши-люэ» (Краткие биографии знаменитых чиновников династии Юань) и др.) и «Мэн-уэр ши цзи» (Исторические записки о монголах). Эти сочинения охватывают историю Великой Монгольской империи от Чингиз-хана до падения империи Юань. Дополнительную информацию нам дают свидетельства китайских путешественников в ставке монгольских ханов – «Мэн-да бей-лу» (Полное описание монголо-татар) и «Си ю цзи» (Описание путешествия на запад (монаха Чан Чуня)) [26].

Из арабо-персидских, богатых фактическим материалом, выделяются произведения Джузджани (написавшего свой труд в Индии в 1260 г., наиболее полно описавшего события, происходившие в Хорасане, Афганистане и Мавераннахре) [35]; Джувейни [2] (описавшего в 1260 г. всю историю монголов до покорения Хулагу-ханом Багдада, причем особая ценность его труда в том, что он лично побывал в Монголии, Уйгурии, Средней Азии и был очевидцем многих событий, а так же пользовался многими материалами, недоступными впоследствии другим историкам); Рашид-ад-дина [30] (его знаменитая энциклопедия «Сборник летописей», включавшая в себя и многие части из Джувейни, писалась при помощи шести монгольских ученых, содержит множество устных преданий монголов, нигде более не приводимых, и охватывает, помимо всего дополнительного материала, период монгольской истории до Газан-хана включительно) и, наконец, работа Абдаллаха Вассафа [35], продолжившего труд Джувейни и придерживавшегося его пышного стиля. Не смотря на то, что автор писал свой труд параллельно с Рашид-ад-дином, и при том же дворе хулагуидов, эти со-

чинения довольно сильно разнятся. Вассаф, начав повествование со смерти Мункэ, довел свою пятитомную «Книгу разделения областей и происхождения времен» до 1319 года.

Четвертую группу по степени важности составляют армянские источники, такие как летописи Магакии, Гетума II, Тиракоса Гандзакети, и многих других [3].

Пятую группу образуют русские летописи, жития, труды европейских авторов, созданные на основании информации полученной от послов: П. Карпини, Г. Рубрука [29], М. Поло [21], торговые договоры с европейскими городами-государствами (Генуя, Венеция) и прочие документы, которые можно использовать как дополнительные источники.

Для всех источников, к сожалению, характерна определенная тенденциозность. Средневековая традиция не исключение, а ярчайший пример. Подчас, личные впечатления и недостоверные сведения, не говоря уж о намеренной лжи, подменяли собой истину. Направленность во многом зависела от интересов и целей, преследуемых автором, а так же от того, для кого писалась та или иная работа. Так, например, многие мусульманские источники, написанные в стане противников монголов, приписывают последним исключительную свирепость и кровожадность, тогда как монгольские союзники – христиане, греки и армяне, напротив, подчеркивают гуманность и миролюбие монгольских ханов. Китайские авторы, стоящие на принципах конфуцианской морали, с одной стороны, излагали ход событий сухо и бесстрастно, так как войны рассматривались ими как проявления воли Неба, а с другой стороны страдали особым отношением к сильной руке и государственным институтам в целом. Сообщения же послов-путешественников сильно страдают из-за односторонности взглядов и непонимания во многом чужой цивилизации. Для того чтобы получить достоверную информацию от источников, надо ее рассматривать комплексно, критически, постоянно опираясь на логику. Расхождения же среди исследователей, пользующихся одними источниками, возникают из-за слабой изученности материала и его сочетания с реальностью XIII века, из-за различных методологических подходов историков, а так же из-за того, что многие из них руководствовались субъективными идеологическими и политическими мотивами.

Преодолеть тенденциозность разнонаправленных письменных источников и расставить точки в спорах помогают данные археологии.

Археологический материал отражает целый комплекс данных по кросскультурным связям, миграциям, культурным маркерам, развитию экономики, архитектуры, верований, культуре быта, вооружению, ювелирному делу, керамике и др. ремеслам, нумизматике, особенностям захоронений, антропологическом материале, костюме, аксессуарах, украшениях, прическе и др. (городища, могильники, памятники, культовые комплексы, храмы, жилища, клады, и проч.).

В данный момент благодаря масштабным исследованиям XX и начала XXI вв. мы обладаем колоссальным объемом фактов отражающих историю становления, расцвета и упадка как всей Монгольской империи, так и Улуса Джучи в особенности. Выдающийся вклад внесли исследователи археологии Центральной Азии и Золотой Орды С.П. Толстов [36], С.В. Киселев, Д. Майдар [25], А.П. Смирнов [33], Г.А. Федоров-Давыдов [38], В.Л. Егоров [13], Э.Д. Зиливинская [14], М.Г. Крамаровский [24], М.В. Горелик [10], З.В. Додэ [12], Л.Ф. Недашковский [27], К.М. Байпаков [4] и др. Уникальный материал регионального компонента также содержат работы археологов Казани [17],[18],[31]; Уфы [9], [16], [20]; Челябинска [7], [23]; Кургана; Перми [5], [15]; Йошкар-Олы; Самары, Волгограда, Астрахани [8].

Дополняют данные археологии результаты **антропологических и этногенетических исследований**. Они помогают увидеть степень влияния межэтнических контактов, проследить миграционные потоки и проч. (Л.Т. Яблонский [46], Ж.М. Сабитов [32] и др.).

Также и **этнография** содержит бесценный материал духовного наследия в фольклоре, мифах, сказаниях, орнаменте, костюме, традициях, обычаях народов и т.д. (см.: С.Н. Шитова [34], С.В. Сулова [42], А.В. Черных [39] и др.).

Кроме того дополнительные данные могут предоставить **лингвистика, религиоведение, культурология, генеалогия, геральдика и сфрагистика**.

Если анализировать вклад перечисленных групп источников в понимание роли и места Золотой орды в истории народов Евразии, то следует признать, что из всех источников важнейшими сегодня можно назвать археологические. Прорыв последних десятилетий в изучении Улуса Джучи и Монгольской империи в целом, был сделан именно благодаря археологии. Именно археологический материал позволил скорректировать представление о Золотой Орде, от «диких орд варваров», до понимания ее как крупного и высокоразвитого государства Средневековья.

Для понимания ситуации в Волго-Уральском регионе недостаточно замыкаться на местном материале. В связи с тем, что регион являлся частью значительно большего политического, экономического и культурного пространства, необходимо привлечение сравнительного материала с другими регионами Евразии входившими в Монголосферу. И это должно стать стимулом всеобъемлющего сотрудничества ученых современных государств Евразии наследников, великой державы Средневековья. Ведущую роль в организации проведения таких исследований вполне может взять на себя Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, много лет уже успешно реализующий данный подход.

Таким образом, именно системный междисциплинарный анализ и синтез в работе с источниками, даст нам комплексное понимание процессов этно-политического и этнокультурного взаимодействия, составивших специфику Волго-Уральского региона, и обозначит подходы к решению актуальных проблем современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтан тобчи. М., 1973.
2. Ата-Мелик Джувейни. Чингис-хан. История завоевателя мира. М., 2004.
3. Армянские источники о монголах. М., 1962.
4. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
5. Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.
6. Бичурин. И. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
7. Боталов С.Г. Памятники кочевников Урало-Иртышского междуречья XII–XIV вв. // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986. С. 66–71.
8. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Астрахань, 2007.
9. Гарустович Г.Н. Средневековые кочевники Поволжья. Уфа, 1998.
10. Горелик М.В. Культура империй созданных кочевниками // История и культура Улуса Джучи. Казань, 2006.
11. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
12. Додэ З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII вв. М., 2008.
13. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.
14. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. М.-Казань, 2014.
15. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья. Пермь, 2006.
16. Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Вып.1. Казань, 2009. С.15–23.
17. Измайлов И. Вещественные источники // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: АН Татарстана. Т.3. Казань: ИИ АНТ, 2010. С.58–65.
18. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань: АН Татарстана, 2007.
19. История татар с древнейших времен в 7 т. Казань: АН Татарстана, 2006–2010.
20. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды. Казань, 2013.
21. Книга Марко Поло. М., 1962.
22. Козин А.С. Сокровенное сказание. М., 1941.
23. Костюков С.П. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в золотоордынское время // Уфимский археологический вестник (УАВ). Уфа, 2007. Вып. 6–7. С. 151–157.
24. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов// Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 132–201.
25. Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. М., 1971.
26. Мен-да бей-лу. М., 1962.
27. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
28. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
29. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
30. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.-Л., 1946–1952.
31. Руденко К.А. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып.5. С. 308–321.
32. Сабитов Ж. М. Исследования полиморфизма Y-хромосомы в контексте истории: современное состояние дисциплины // Золотоордынское обозрение. №1. 2014. С. 22–33.
33. Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Болгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

34. Сулова С.В. Этнокультурное районирование по данным народного костюма // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань, 2002. С. 187–206.
35. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2 т. (СМИЗО). Т.1. СПб., 1884; Т.2. Л., 1941.
36. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
37. Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
38. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
39. Ерных А.В. Народы Пермского края: история и этнография. Пермь, 2007.
40. Шара туджи. М., 1957.
41. Шен-ву-цин-чжен-лу (Кафаров П.). СПб., 1866.
42. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.
43. Цаган Эрихэ. М., 1959.
44. Saganteuke – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001.
45. Юань ши. Шанхай, 1935.
46. Яблонский Л.Т. История межпопуляционных контактов в Волго-Уральском регионе // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004.

Сведения об авторе: Олег Вадимович Лушников – руководитель Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доцент, кандидат исторических наук (614900, ул. Сибирская, 24, Пермь, Российская Федерация); oleglushnikov@ya.ru

The Problem of Sources on the Ethno-Political Processes in the Volga-Ural Region during the Period of Creation and Dissolution of the Mongol Empire and the Ulus of Jochi

O.V. Lushnikov
(Perm State Humanitarian Pedagogical University)

The problem of sources on ethno-political and ethno-cultural processes in the Volga-Ural region in the period of creation and disintegration of the Mongol Empire and the ulus of Jochi is particularly relevant today. Development of integration processes in the Eurasian space inevitably leads to the need to study the experience of intercultural interaction of the peoples of the Volga-Ural region in a historical retrospective. All changes in the political and economic life of the Golden Horde completely influenced both the nature and the content of political and ethno-genetic processes in the Volga-Ural region. All of this suggests the need for comprehensive research, the creation of generalizing scientific works, allowing to see on the basis of real material the vicissitudes of Eurasian history at the regional level. The main problems are the necessary studies of migration of peoples, the development of a network of cities, the intensity of inter-regional and transcontinental trade relations, the role of nomads in cross-cultural communications in Eurasia regions and folding a single ethno-cultural space in the Volga-Ural region in the 13th–16th centuries. Much in this direction have already been made, there were published a seven-volume collected papers “History of the Tatars”, released by the Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, which has become an excellent example of a broad approach to the analysis of processes in the region. But much remains to be explored. However, the problem around the source base that reflects the full range of its research questions still exists. Specificity of the division of labor of historians and source study researchers, archaeologists, numismatists, ethnographers, culture experts, geneticists, theologians, does not give a total picture of the period under study, since the important details of the overall work remain known only to narrowly specialized researchers. It is necessary to combine these materials and spiritual culture. System analysis and synthesis of interdisciplinary work with the sources will give us a comprehensive understanding of ethno-political processes and ethno-cultural interactions constituting the specifics of the Ural-Volga region and will mark the approaches to the solution of urgent problems.

Keywords: Mongol Empire, uluses, ethno-cultural processes in Eurasia, post-imperial processes, archaeology, ethnography, history of regions, ethnic and political processes.

REFERENCES

1. *Altan tobchi*. Moscow, 1973.

2. Ata Malik Juvaini. *Chingis-han. Istoriya zavoevatel'ya mira* [Cinggis Khan. History of the World-Conqueror]. Moscow, 2004.
3. *Armyanskie istochniki o mongolah* [Armenian Sources on the Mongols]. Moscow, 1962.
4. Bajpakov K.M. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya* [Medieval Urban Culture of Southern Kazakhstan and Semirechie]. A.-A., 1986.
5. Belavin A.M. *Kamskij torgovyj put'* [The Kama Trade Route]. Perm', 2000.
6. Bichurin. I. *Istoriya pervyh chetyrekh hanov iz doma Chingisova* [History of the First Four Khans from the House of Chinggis Khan]. St. Petersburg, 1829.
7. Botalov S.G. Pamyatniki kochevnikov Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya XII–XIV vv. [Nomadic Monuments from the Ural-Irtysh Interfluvium of the 12th–14th centuries]. *Istochniki po istorii i kul'ture Bashkirii* [Sources on the History and Culture of Bashkortostan]. Ufa, 1986, pp. 66–71.
8. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoj Orde* [Islam in the Golden Horde]. Astrahan', 2007.
9. Garustovich G.N. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya* [Medieval Nomads of the Volga Region]. Ufa, 1998.
10. Gorelik M.V. Kul'tura imperij sozdannykh kochevnikami [Culture of the Empires Created by Nomads]. *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi* [History and Culture of the Ulus of Jochi]. Kazan', 2006.
11. Grigor'ev A.P. *Mongol'skaya diplomatika XIII–XV vv.: Chingizidskie zhalovannye gramoty* [The Mongol Diplomacy of the 13th–15th centuries: The Chinggisid Granted Charters]. Leningrad, 1978.
12. Dodeh Z.V. *Kostyum naseleniya Severnogo Kavkaza VII–XVII vv.* [Garment of the Northern Caucasus Population in the 7th–17th centuries]. Moscow, 2008.
13. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy* [Historical Geography of the Golden Horde]. Moscow, 1985.
14. Zilivinskaya E.D. *Arhitektura Zolotoj Ordy* [Architecture of the Golden Horde]. Moscow-Kazan', 2014.
15. Ivanov V.A., Krylasova N.B. *Vzaimodejstvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ya v ehpohe srednevekov'ya* [Interaction of Forest and Steppe in the Volga-Ural Region during the Middle Ages]. Perm', 2006.
16. Ivanov V.A. Social'nyj mir Zolotoj Ordy i ego otrazhenie v arheologicheskikh materialakh [Social World of the Golden Horde and Its Reflection in Archaeological Materials]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde Legacy]. Vyp.1. Kazan', 2009, pp. 15–23.
17. Izmajlov I. Veshchestvennye istochniki [Material Sources]. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen: v 7 t.* [History of the Tatars since the Earliest Times: In Seven Volumes]. Kazan': AN Tatarstana. T.3. Kazan': II ANT, 2010, pp. 58–65.
18. Iskhakov D.M., Izmajlov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [Ethno-Political History of the Tatars]. Kazan': AN Tatarstana. 2007.
19. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen v 7 t.* [History of the Tatars since the Earliest Times: In Seven Volumes]. Kazan': AN Tatarstana. 2006–2010.
20. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksesuary kostyuma kochevnikov Zolotoj Ordy* [Elements of Decoration and Costume Accessories of the Golden Horde Nomads]. Kazan', 2013.
21. *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. Moscow, 1962.
22. Kozin A.S. *Sokrovennoe skazanie* [Secret History of the Mongols]. Moscow., 1941.
23. Kostyukov S.P. Materialy k etnicheskoi situacii v Yuzhnom Zaural'e v zolotoordynskoe vremya [Materials for the Ethnic Situation in the Southern Trans-Urals in the Golden Horde Period]. *UAV* [Ufa Archaeological Bulletin]. Ufa, 2007. Vyp. 6–7, pp. 151–157.
24. Kramarovskij M.G. Zoloto Chingisidov [The Gold of the Chinggisids]. *Sokrovishcha Zolotoj Ordy* [The Golden Horde Treasures]. St. Petersburg, 2000, pp. 132–201.
25. Majdar D. *Arhitektura i gradostroitel'stvo v Mongolii* [Architecture and Urban Planning in Mongolia]. Moscow, 1971.
26. *Men-da bej-lu*. Moscow, 1962.
27. Nedashkovskij L.F. *Zolotoordynskij gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde Town of Ukek and Its Districts]. Moscow, 2000.
28. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoj Ordy* [Legal System of the Golden Horde]. Kazan', 2009.
29. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow, 1957.
30. Rashid al-Din. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles]. T.1–3. Moscow–Leningrad, 1946–1952.
31. Rudenko K.A. Zolotoordynskie kochevniki v Srednem Povolzh'e [The Golden Horde Nomads in the Middle Volga Region]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin]. Volgograd, 2002. Vyp.5, pp. 308–321.
32. Sabitov ZH. M. Issledovaniya polimorfizma Y-hromosomy v kontekste istorii: sovremennoe sostoyanie discipliny [Studies of Y-chromosome Polymorphism in the Context of History: Current State of the Discipline]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. №1. 2014, pp. 22–33.

33. Smirnov A.P. Sredneaziatskie elementy v arhitekture i stroitel'nom dele Volzhskih Bolgar [Central Asian Elements in the Architecture and Building of the Volga Bulgars]. *Srednevekovye pamyatniki Povolzh'ya* [Medieval Monuments of the Volga Region]. Moscow, 1976.
34. Suslova S.V. Etnokul'turnoe rajonirovanie po dannym narodnogo kostyuma [Ethno-Cultural Zoning according to National Costume]. *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ih formirovaniya* [Ethno-Territorial Groups of the Tatars in the Volga Region and Urals and the Problems of Their Formation]. Kazan', 2002, pp. 187–206.
35. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchih'sya k istorii Zolotoj Ordy v 2 t. (SMIZO)* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History: In Two Volumes]. Vol.1. St. Petersburg, 1884, Vol.2. Leningrad, 1941.
36. Tolstov S.P. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [All Round the Ancient Deltas of the Oxus and Jaxartes]. Moscow, 1962.
37. Usmanov M.A. *Zhalovannye gramoty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan', 1979.
38. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [The Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow, 1994.
39. Chernyh A.V. *Narody Permskogo kraja: istoriya i ehnotografiya* [Peoples of the Perm Region: History and Ethnography]. Perm', 2007.
40. *Shara tudzhi*. Moscow, 1957.
41. *Shen-vu-cin-chzhen-lu* (Kafarov P.). St. Petersburg, 1866.
42. Shitova S.N. *Bashkirskaya narodnaya odezhda* [Bashkir National Clothing]. Ufa, 1995.
43. *Cagan Eriheh*. Moscow, 1959.
44. *Cagan teuke – «Belaya istoriya» – mongol'skij istoriko-pravovoj pamyatnik XIII–XVI vv.* [Cagan teuke: The “White Story” – The Mongol Historical and Legal Monument of the 13th–16th centuries]. Ulan-Udeh: BNC SO RAN, 2001.
45. *Yuan' shi*. Shanhaj, 1935.
46. Yablonskij L.T. Istoriya mezhpopyuljacionnyh kontaktov v Volgo-Ural'skom regione [History of the Interpopulational Contacts in the Volga-Ural Region]. *Kul'turnye tradicii Evrazii: voprosy srednevekovoj istorii i arheologii* [Cultural Traditions of Eurasia: Questions of Medieval History and Archaeology]. Seriya «Vostok-Zapad: Dialog kul'tur Evrazii». Vyp. 4. Kazan', 2004.

About the author: Oleg Vadimovich Lushnikov – Head of G.V. Vernadsky Center for Eurasian studies, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Associate Professor, Cand. Sci. (History) (614900, Siberian st., 24, Perm, Russian Federation); oleglushnikov@ya.ru

УДК 930.2

Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды

*И.М. Миргалеев**(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В предложенной статье рассматривается сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи. Средневековое сочинение, созданное в Золотой Орде в столице Крымского улуса в городе Крым во времена правления ханов Мухаммада Узбека и Джанибека и им же посвященное. «Каландар-наме» состоит примерно из 400 листов и разделен на «тома» и разделы. Абу Бакр Каландар был родом из анатолийского города Аксарай, однако жил и писал в Крыму и был среди активных исламизаторов в Золотой Орде. Возможно Абу Бакр Каландар был имамом соборной мечети города, которую построил мамлюкский правитель Мелик Насир. Имамом такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым. Абу Бакр Каландар посвятил отдельные главы ханам Узбеку и Джанибеку, где восхвалял их справедливость, охарактеризовав их как падишахов, у которых «чистая вера». Также Абу Бакр Каландар в своем труде несколько глав посвятил Джелалетдину Руми и его сын Султан Веледу. Как известно, о Джелалетдине Руми говорили, что он вел про чингизидскую политику, сам Руми в своих менкибе упоминает о Бату и Байджу. Безусловно, какая то связь прослеживается. Возможно, все это также связано с контактами чингизидов с багдадским халифатом, в котором немаловажную роль играли именно анатолийские тарикаты. Сочинение еще полностью не вошло в научный оборот, она активно переводится (сочинение написано на персидском языке в форме стихотворений) и комментируется. «Каландар-наме» является богословским трудом, однако есть и исторические сюжеты, взятые Абу Бакром Каландаром из окружающих его реалий. Эти информации являются важными, так как происходят из самой Золотой Орды.

Ключевые слова: Каландар-наме, Золотая Орда, Абу Бакр Каландар, Ибн Баттута, Толук Тимур.

Великий богословский труд Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи «Каландар-наме», созданной в Золотой Орде во времена ханов Мухаммада Узбека и Махмуда Джанибека постепенно входит в научный оборот. В журнале «Золотоордынское обозрение» начали публиковаться переводы с комментариями [2, 3, 4, 5, 6]. На конференциях последних лет также были заслушаны доклады, как по самому автору сочинения, так и по его труду¹.

Работа по вводу в научный оборот этого важнейшего сочинения продолжается. На сегодняшний день нам удалось напечатать факсимиле рукописи «Каландар-наме» [1] и презентовать ее. Сочинение активно переводится на русский язык. Сам труд, написан в форме стихов на персидском языке.

Сочинение «Каландар-наме» интересно тем, что оно написано в Золотой Орде и самое главное одним из приближенных к власти и активным деятелем исламизации. Его исторические сведения абсолютно достоверны и упомянуты вскользь, т.е. это чистые констатации.

Как мы уже писали, наши поиски об авторе этого труда увенчались успехом и мы смогли найти упоминание об Абу Бакре Каландаре у двух средневековых авторов – это Ибн Баттута и Ахмед Эфляки [14, 15]. Пока других сведений, кроме как сообщения о себе самого автора нет, однако мы считаем, что возможно какую-то информацию можно будет все же найти в турецких архивах и в османских исторических сочинениях.

Родом Абу Бакр был из Анатолии [7]. В своем произведении он упоминает о себе в нескольких местах, называя и свой родной город Аксарай. В сочинении есть отдельная глава о самом труде, глава называется «О том, что 4 тома Каландар-наме в период справедливого хана Узбек-хана, мир ему, был написан, в городе Крым и этот том был закончен в период султана Махмуда Джалал ад-дина Джанибек хана справедливого, да сделает Аллах его владения раем».

¹ И.М.Миргалеевым были зачитаны доклады на конференциях, посвященных 80-летию профессора М.А. Усманова [9], 700-летию мечети хана Узбека [10, 12], в Лейденском университете [13]. На четвертом Международном Золотоордынском форуме три доклада были посвящены «Каландар-наме» [11].

Абу Бакр Каландар жил в Крыму и был имамом соборной мечети города, которую построил мамлюкский правитель Мелик Насир. Имамом такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым. Безусловно, он был среди активных проповедников ислама, религии, которая теперь в Золотой Орде стала государственной.

В «Каландар-наме» есть упоминания о золотоордынских ханах и правителях улусов. Есть весьма любопытные исторические сведения, которые еще ждут своих исследователей. На некоторых из них я бы хотел здесь остановиться.

Как известно, мусульманские ученые активно начали вести миссионерскую деятельность в чингизидских государствах уже в начале XIII века. Противостояние государства Хорезмшахов с Багдадским халифатом отразилось и в дальнейшем в отношении мусульман к монголам. Как сообщает Ибн ал-Асир, Багдадский халиф имел тайные связи с Чингиз-ханом. Далее в источниках сообщается о связи Джучи с тем же халифатом. Уже в период соправителя империи Чингиз-хана Бату, Берке заявляет ему, чтобы тот остановил поход Хулагу против Багдадского халифа, мотивируя это тем, что между ним и джучидами тесная связь. Да и в печально известном посольстве Чингиз-хана, отправленного в Хорезм были мусульмане. Думаю, не ошибемся, если этих мусульман перечислим к торговцам и религиозным деятелям.

Война монголов с частью исламского мира привела к тому, что мусульмане создавали исторические труды, где завоевания монголов описали как конец света. При этом часть мусульман активно сотрудничала с монголами уже в начальный период их возвышения. Сравнительно через короткое время три из четырех улусов созданных чингизидами стали мусульманскими. Но связь с халифатом, заложенная самим Чингиз-ханом продолжена была в Улусе Джучи. Поэтому, например гонения мусульман в Юаньской империи при Хубилае во время его столкновения с Арикубугой, которого активно поддерживали джучиды, долгое время поддержка христиан в мусульманском Иране хулагуидами все это также свидетельствует о том, что первые джучиды имели тесные политические контакты с халифатом.

Абу Бакр Каландар в своем труде несколько глав посвятил Джелалетдину Руми и его сыну Султан Веледу. Как известно, о Джелалетдине Руми говорили, что он вел про чингизидскую политику, сам Руми в своих менкибе упоминает о Бату и Байджу. Безусловно, какая то связь прослеживается. Возможно, все это также связано с контактами чингизидов с багдадским халифатом, в котором немаловажную роль играли именно анатолийские тарикаты.

В политике уже первых джучидов исламский вопрос явно присутствовал. Мусульманские богословы, не особо афишируя, проводили свою миссионерскую деятельность среди чингизидской элиты. Они, прежде всего, преуспели в Улусе Джучи. Как нам кажется, Абу Бакр Каландар как раз и раскрывает деятельность одного из таких шейхов. Об этом красноречиво рассказывается в отдельной главе из «Каландар-наме» «Дастан Чингиз-хана и как шейх Мухаммад Илле, милость Аллаха ему, наставлял его».

На наш взгляд Шейх Мухаммад Илле мог быть связан именно с Багдадским халифатом и возможно одним из тех, через кого была установлена тайная связь.

Также Абу Бакр Каландар посвятил отдельные главы ханам Узбеку и Джанибеку, где восхвалял их справедливость, охарактеризовав их как падишахов, у которых «чистая вера». А хана Джанибека Абу Бакр назвал «Знатоком шариата и религии Мустафы, Ученый и настоящий из путников эвлия». Это ответ и некоторым популярным публикациям последних лет, утверждающим, что якобы хан Узбек не был мусульманином. Средневековый свидетель, который общался с ханом Узбеком говорит, что хан был настоящим верующим, т.е. практикующим мусульманином.

Известный факт, курултай в Золотой Орде, описанный Ибн Баттутой. Информация Абу Бакра Каландара позволяет идентифицировать темников, которые собрались на курултай. Из его сообщения становится понятным, что считать, что все улусбеки были связаны с золотым родом или были из ведущих кланов не совсем верно. Речь идет о Тулук Тимуре. Оказывается, Тулук Тимур был турком-сельджуком, т.е. из Анатолии и был из тех, кто активно участвовал в исламизации Золотой Орды и был среди сторонников Узбек-хана. Об этом сообщается в Каландар-наме в главе «О восхвалении амира Тулук Тимура и хвалебных качеств его нрава». Абу Бакр перечисляет его великолепные качества правителя, верующего и просто настоящего мусульманина.

*Тот амир руководящий по корням был сельджуком,
В правлении судьба его хорошая есть предзнаменование,
О государстве своем заботился по-настоящему,
В шариаате знаток и обязателен в выполнении,
В тарикате путник и полон сердца
В истине знает толк и действует,
Личность его чиста².*

Т.е. эмир Тулук Тимур был и в тарикате, надо полагать был также из каландаров.

Но в другом месте Абу Бакр Каландар пишет, что Тулук Тимур был, в том числе и грозным воителем. В главе «Как эмир Тулук Тимур, да освятит Аллах его дух, стал шахидом (был убит)» Абу Бакр пишет такие слова:

*Внезапно от када и кадар
Государство его перевернулось с ног на голову.
Неверные убили его,
Снесли вершину горы большой.*

Тулук Тимур стал шахидом, т.е. был убит в войне за веру. С кем же мог воевать в Крыму за веру приближенный Узбек-хана? Наше предположение, что исламизация затронувшая тюркское население Золотой Орды и прежде всего центральноазиатских татаро-монгол и западных кыпчаков, которые по сообщениям того же Ибн Баттуты были язычниками, а часть западных кыпчаков была под влиянием христианства уже с XII века, была не совсем мирной. По источникам нам известно, что татары сопротивлялись Узбек-хану в деле смены религии и вопрошали, какое ему дело в их вере. Мы знаем чем это закончилось. И это объясняет почему в Крыму во времена хана Узбека среди правителей Крымского улуса (да возможно и не только Крыма) были турки-сельджуки, а не кто-то из киятов, как предполагали некоторые наши коллеги. Это показывает и то, что политика исламизации проводилась достаточно активно и целенаправленно. Узбек-хан безусловно опирался на мусульманские религиозные объединения и самое главное, для этого у мусульман были силы и возможности. Отсюда делаем вывод, что уже с периода первых правителей Улуса Джучи мусульмане были среди управленцев государством (вспомним про желание Джучи воспитать сыновей в исламе, «бесермен» баскаков, «мусульманский полк» хана Берке, начальную исламскую атрибутику на золотоордынских монетах). Религиозная реформа хана Узбека была логическим завершением возвышения ислама в Золотой Орде.

Что касается западных кыпчаков. Они были близки к татарам и восточным кыпчакам и поэтому золотоордынские ханы их рассматривали как своих, как свой народ. Как происходило их исламизация не исследована и практически не зафиксирована в источниках. Но исламизация их также затронула и в последующем, когда кыпчаки «исчезли» в политониме татар, то ни каких христиан татар мы не знаем. Зато знаем, что на Балкане среди правителей румын, болгар, молдаван имеются те, кто имели татарские корни. Знаем про татар, которые переходили на службу и переходили в христианство в Литве, Польше и, конечно же, на Руси. Думается именно эти западные кыпчаки в основном и стали теми татарами, которые попадали в хроники, в связи с тем, что они принимали крещение. Также становится понятно, что их исламизация проходила не совсем мирно. Возможно, такая политика и привела к тому, что эти татары переходили на службу к христианским правителям.

Что касается самих каландаров. То это были люди, имеющие очень хорошие знания об исламе и самое главное практикующие суфии, которые посвятили себя призыву в ислам. И именно поэтому в последующем название каландар стал синонимом вообще всех суфиев. Насколько мы видим, они отличались тем что, прежде всего их призывы были обращены к правителям. Поэтому они были скрытны, не особо распространялись о своих деяниях. Однако они были рядом с ханом Узбеком и Джанибеком. Возможно, их предшественники были уже среди хана Берке, среди последних сельджукских принцев, которые были спасены из византийского плена Берке-ханом. Да и сам Берке-хан был женат на сельджукской принцессе. Как известно, еще Берке-хан отдал мусульманским миссионерам из Анатолии Крым и Причерноморье, включая Добруджу, современную территорию Молдовы и Румынии (Эфляк) [8, с. 33–34].

² Здесь и далее перевод М. Шамсимухаметовой (Исмагиловой).

И здесь интересно про самого Ахмеда Эфляки, который рассказывает, что его отец был мусульманским ученым и приближенным Узбек-хана и что он ему в наследство оставил огромное имущество и самое главное большую библиотеку. Однако Ахмед Эфляки по настоянию своего наставника не поехал в Сарай получать наследство, а остался послушником суфийского шейха. Мы считаем, что тахаллус Эфляки означает, что Ахмед был из западных районов Золотой Орды, именно из тех мест, территория которого была отдана анатолийским миссионерам Берке ханом. В татарско-турецком названии Румыния как раз и называется Эфляк, от слова Фляк, Влях, тоже самое что и Валах.

Возможно, отец Ахмеда Эфляки был из тех, кто вел миссионерскую деятельность в западных улусах Золотой Орды и с приходом к власти Узбек-хана они и стали одним из главных опор политики исламизации. Возможно, поэтому Ахмед Эфляки и упоминает про Абу Бакра Каландара, правда про его анатолийский период деятельности³.

Надеемся, после публикации перевода «Каландар-наме» на русский язык исторические сюжеты вполне могут быть использованы в исторических исследованиях Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 1. «Единобожие» (Пер. с перс. яз.: Исмаилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2.
3. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 2. «Восхваление и благословение в отношении Мухаммада Мустафы» (Пер. с перс. яз.: Исмаилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3.
4. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 3. «Восхваление Абу Бакра, повелителя правоверных» (Пер. с перс. яз.: Исмаилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4.
5. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 4. «Восхваление ‘Умара, повелителя правоверных (амир ал-му’минин), да будет доволен им Аллах (рады Аллаху ‘анху)» (Пер. с перс. яз.: Исмаилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1.
6. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 5. «Восхваление ‘Усмана, повелителя правоверных» (Пер. с перс. яз.: Исмаилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2.
7. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 40–45.
8. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. С. 31–35.
9. Миргалеев И.М. Международная научная конференция «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения», приуроченная к 80-летию профессора М.А. Усманова // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3.
10. Миргалеев И.М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми Каландар-наме // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: Материалы междунар. науч.-практ. конф, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 37–39.
11. Сайфетдинова Э.Г. IV Международный золотоордынский форум // Золотоордынское обозрение. 2015. №3.
12. Сайфетдинова Э.Г. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященная 700-летию мечети хана Узбека // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1.
13. Хаутала Р. Отчет о международной конференции “Золотая Орда в глобальной перспективе. Имперские стратегии”, Лейденский университет, 7–8 мая 2015 года // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3.
14. Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farsçadan Çeviren: Tahsin Yazıcı. İstanbul, Kabalcı yayınlari, 2012. 813 s.
15. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battuta Tanci. Ibn Battuta seyahat-namesi. Çeviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. İstanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.

³ Современный турецкий комментатор труда Ахмеда Эфляки пишет, что, скорее всего Абу Бакр Каландар скончался (имеется в виду в Анатолии) и поэтому о нем больше нет информации. То есть о том, что он уехал в Крым в Анатолии не особо распространялось.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilynur1976@mail.ru

The Writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi Aksaray-i as a Source on the Golden Horde History

I.M. Mirgaleev

(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

This article examines the writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi Aksaray-i. This medieval work was created in the Golden Horde, in the city of Qrim, in the capital of the Crimean ulus, during the reigns of khans Muhammad Uzbek and Janibek and was dedicated to these same khans. “Qalandar-name” is composed of 400 sheets and is divided into “volumes” and sections. Abu Bakr Qalandar was a native of the Anatolian city of Aksaray. However, he lived and wrote in the Crimea and was among the active Islamizers in the Golden Horde. Perhaps, Abu Bakr Qalandar was an imam of the Cathedral Mosque of the city built by the Mamluk ruler al-Malik an-Nasir. Only a religious figure, close to khan Uzbek, could become an imam of such an important mosque. This suggests that already by that time, Abu Bakr was known and respected scholar. Abu Bakr Qalandar dedicated separate chapters to khans Uzbek and Janibek, where he praised their validity and described them as padishahs with “pure faith”. In his work Abu Bakr Qalandar also dedicated several chapters to Jalal al-Din Rumi and his son, Sultan Veled. As is known, it was said about Jalal al-Din Rumi that he conducted the pro-Chinggisid policy. Rumi himself mentions Batu and Baiju in his menkibes. Certainly, there was some connection. Perhaps, all of this was also due to the Chinggisid contacts with the Baghdad Caliphate, in which exactly the Anatolian tariqats played an important role.

This writing has not yet fully entered into academic circulation. It undergoes an active translation (the writing is written in the Persian language in the form of poems) and commenting. “Qalandar-name” is a theological work, but there are also historical subjects taken by Abu Bakr Qalandar from the surrounding realities. This information is important because it comes from within the Golden Horde.

Keywords: Qalandar-name, Golden Horde, Abu Bakr Qalandar, Ibn Battuta, Toluk Timur.

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar. «Kalandar-name». *Faksimile* [“Qalandar-name”. Facsimile]. Kazan, 2015.
2. Abu Bakr Qalandar. Kalandar-name. Glava 1. «Edinobozhie» [Qalandar-name. Chapter 1. “Monotheism”]. (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., komentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 2. 2014.
3. Abu Bakr Qalandar. Kalandar-name. Glava 2. «Voshvalenie i blagoslovenie v otnoshenii Muhammada Mustafy» [Qalandar-name. Chapter 2. “Praise and blessing upon Muhammad Mustafa”]. (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., komentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. №3. 2014.
4. Abu Bakr Qalandar. Kalandar-name. Glava 3. «Voshvalenie Abu Bakra, povelitelja pravovernyh» [Qalandar-name. Chapter 3. “Praises to Abu Bakr, Commander of the Faithful”]. (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., komentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 4. 2014.
5. Abu Bakr Qalandar. Kalandar-name. Glava 4. «Voshvalenie ‘Umara, povelitelja pravovernyh (amir al-mu’minin), da budet dovolen im Allah (rady Allahu ‘anhu)» [Qalandar-name. Chapter 4. “Praising ‘Umar, Commander of the Faithful”]. (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., komentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 1. 2015.
6. Abu Bakr Qalandar. Kalandar-name. Glava 5. «Voshvalenie ‘Usmana, povelitelja pravovernyh» [Qalandar-name. Chapter 5. “The Praise of ‘Uthman, Commander of the Faithful”]. (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., komentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 2. 2015.
7. Mirgaleev I.M. Abu Bakr Kalandar. Kto on? [Abu Bakr Qalandar. Who Is He?]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 1/2014, pp. 40–45.
8. Mirgaleev I.M. «Dzhami ad-Duvjel» Munedzhimbashi Ahmeda Dede: k voprosu ob izuchenii tureckih istochnikov po istorii Zolotoj Ordy [“Jami ‘ al-Duwal” of Münejjim Bashi Ahmed Dede: To the Question of the Study of the Turkic Sources on the Golden Horde History]. *Zolotoordynskaja civilizacija. Sbornik statej* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Vypusk 3. Kazan': Izdatel'stvo «Fen» AN RT, 2010, pp. 31–35.

9. Mirgaleev I.M. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Tjurko-musul'manskij mir: identichnost', nasledie i perspektivy izuchenija», priurochennaja k 80-letiju professora M.A. Usmanova [International Research Conference “The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage and Perspectives of Study” dedicated to the 80th anniversary of Professor M.A. Usmanov]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 3. 2014.
10. Mirgaleev I.M. Sochinenie Abu Bakra Kalandara Rumi «Kalandar-name» [The Writing of Abu Bakr Qalandar Rumi “Qalandar-name”]. *Aktual'nye problemy izuchenija i sohraneniya islamskogo nasledija Kryma: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf, posvjashhennoj 700-letiju Mecheti Hana Uzbeka, Simferopol', 14–18 oktjabrja 2014 g.* [Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 700th Anniversary of the Mosque of Uzbek Khan, Simferopol, 14–18 October 2014]. Simferopol', 2014, pp. 37–39.
11. Sajfetdinova Je.G. IV Mezhdunarodnyj zolotoordynskij forum [IV International Golden Horde Forum]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 3. 2015.
12. Sajfetdinova Je.G. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Aktual'nye problemy izuchenija i sohraneniya islamskogo nasledija Kryma», posvjashhennaja 700-letiju mecheti hana Uzbeka [The International Scientific and Practical Conference “Actual Problems of the Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th Anniversary of the Mosque of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 1. 2015.
13. Hautala R. Otchet o mezhdunarodnoj konferencii “Zolotaja Orda v global'noj perspektive. Imper-skie strategii”, Lejdenskij universitet, 7–8 maja 2015 goda [Report on the International Workshop “The Golden Horde in a Global Perspective: Imperial Strategies”, Leiden University, May 7–8, 2015]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. № 3. 2015.
14. Ahmed Eflaki. *Ariflerin menkibeleri*. Farscadan Çeviren: Tahsin Yazici. Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. 813 s.
15. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battuta Tanci. *Ibn Battuta seyahat-namesi*. Çeviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

УДК 091

Источники богословских глав сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара

Д.А. Шагавиев

(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В этой статье произведена попытка выявления источников богословских глав суфийской поэмы «Каландар-наме» средневекового автора Абу Бакра Каландара из Крыма. Актуальность темы заключается в том, что мы очень мало знаем о богословах Золотой Орды, о богословской мысли на ее территории. В результате выявления источников мы сможем получить объективную картину о личности золотоордынского автора, его познаниях в области исламской теологии и теософии. В будущем это позволило бы провести другие сопоставительные исследования для выявления места и роли автора «Каландар-наме» в богословской мысли своей эпохи.

Как показало исследование, можно говорить о четырех основных типах источников богословских глав «Каландар-наме». Первый тип – это Коран, что проявилось особенно в аллюзиях на некоторые аяты, заимствованиях сюжетов и терминов. Второй тип – сунна Пророка Мухаммада, под которой понимаются сборники хадисов, толкования Корана на основе преданий, повествования из жизни Пророка и его сподвижников. Третий тип – догматические произведения, то есть сочинения по суннитской теологии, и вероятнее всего, известные и распространенные символы веры, такие как «Догматы ат-Тахави» и «Догматы ан-Насафи». Четвертый тип – различные суфийские сочинения, от поэм до теоретических трактатов. Предполагается, что автор указанного произведения черпал свое вдохновение в знаменитом труде «Маснави» Мавляны Руми.

Выявление конкретных источников затруднено спецификой «Каландар-наме». Это сочинение написано на персидском языке, в то время как большинство исламских источников того времени было на арабском языке. К тому же текст имеет стихотворную форму, и практически в нем нет ссылок на источники или авторитеты, как это обычно бывает в богословских трактатах.

Результаты данного небольшого исследования нужно расценивать как ключ к новым будущим исследованиям по этой теме. Выводы статьи несут предварительный характер, так как в основном изучены только начальные главы указанного сочинения.

Ключевые слова: Абу Бакр Каландар, Каландар-наме, Коран, хадисы, символы веры, суфизм, богословие.

Все наши изыскания пока касаются самых начальных глав сочинения «Каландар-наме». Автор этой статьи участвует в процессе комментирования и научного редактирования перевода текста. То есть более объективная и ясная картина ожидается после полного перевода данного произведения. Однако даже беглое изучение заголовков поэмы дает достаточно много пищи для размышлений об источниках указанного труда и дает нам право сделать ряд предположений, которые в будущем могут обрести фактическим материалом для их подтверждения.

Совершенно предсказуемо, что мусульманский автор средневекового произведения будет опираться на Священную Книгу, слова Всевышнего. Конечно, персидский язык сочинения позволяет лишь видеть смыслы Корана и аллюзии на него, а не сами аяты. Тем не менее, в «Каландар-наме» используется кораническая лексика, арабские заимствования.

Например, посмотрим на второй бейт из первой главы поэмы:

*Он Царь начала и конца. – Он скрытый и явный Ведущий*¹ [1, л.2]

Здесь Каландар намекает на такие “прекрасные имена Аллаха” как Первый (араб. аввал) и Последний (араб. ахир), затем Явный (араб. захир) и Скрытый (араб. батин), приводимые в Коране. А сам стих в целом является аллюзией на аят “Он – Начало и Конец, Он – Явный и Скрытый, Он Всеведуш” (57:3)².

¹ Здесь и далее перевод «Каландар-наме» Миляушы Шамсимухаметовой (Исмагиловой) с нашей редакцией. – Д.Ш.

² Здесь и далее перевод смыслов Корана Б.Я. Шидфар [10].

А вот 12-й бейт из той же главы:

Все Он создал, Он знает, кто есть кто. – Он знает обо всем [1, л.2]

В этой строке мы видим смыслы многих аятов Корана, например, они созвучны словам Всевышнего: «Он, все Сотворивший, – Всеведущ» (6:101).

Из арабских заимствований, связанных с Кораном, в поэме встречается много слов. Например, одно из названий Ада – Сакар (74:26), название источника в Раю – Ма‘ин (37:45; 56:18); одно из имен Всевышнего – Куддус (59:53; 62:1).

Автор произведения является представителем суннитского ислама. Поэтому второй источник его поэмы – сунна, то есть традиция Пророка Мухаммада. Например, в восьмом бейте первой главы:

Рай создал из милости. – Мы видим как там текут 4 реки [1, л.2].

Здесь упоминаются четыре реки Рая, на которые указывают хадисы, повествующие об этом [см. 17, с. 256].

В второй главе поэмы сказано:

*По его повелению Луна раскололась на две части.
- Его чудеса превращали камни в говорящие [существа] [1, л.3].*

Здесь указание на одно из чудес Пророка. Об этом в частности повествуется сподвижником Ибн Мас‘удом в сборнике ал-Бухари: «Раскололась Луна во времена Посланника Аллаха (с.а.в.) на две части. Одна часть была над горой, а другая под ней. Тогда Посланник Аллаха (с.а.в.) сказал: «Смотрите!»³ [6, с. 72]. Коран тоже мог быть источником для этого бейта: «Пришел Час, и раскололась пополам Луна единая, и если увидят они знамение чудесное, скажут: «Это – колдовство сильное» (54:1–2), а точнее толкования Корана (тафсиры), которые опирались на хадисы [см. 11, с. 154–157]. Смысл второй половины бейта почерпнут из определенных изречений Пророка, например: «Я знаю именно тот камень в Мекке, который желал мне мира (т.е. приветствовал – Д.Ш.) до того, как я был воздвигнут (посланцем). И я знаю точно его сейчас» [14, с. 662]. Данный хадис приведен в известном сборнике имама Муслима.

В другом бейте из этой же главы поэт сказал:

Его имя – «мим», «ха», «мим», «дал». - Для всех он «пастырь» и все – его «овцы» [1, л.3].

Здесь Пророк уподоблен пастуху, а члены его общины – его стаду, за которым он присматривает. Стадо должно держаться вместе и выполнять указы пастуха, не выходить за рамки пастбища, находясь под его присмотром. Сюжет пастуха и стада знакомый из сунны. Например, известен хадис из сборников ал-Бухари и Муслима: «Поистине, дозволенное очевидно и запретное очевидно, а между ними находится сомнительное, относительно которого многие люди ясно представления не имеют. Остерегающийся сомнительного освобождается [от него] ради [сохранения] своей религии и своей чести, занимающийся сомнительным придет и к совершению запретного, ибо он подобен пастуху, пасущему около заповедного места свое стадо, которое вот-вот окажется там. У каждого владыки обязательно есть такое заповедное место, а заповедным местом Аллаха является то, что Он запретил людям...»⁴ [15, с. 311].

В качестве примера также, можно привести бейт из третьей главы, посвященной Абу Бакру ас-Сиддику:

*Его сущность была чистой, сам он – предводитель (рахбар) верных/искренних (садикан).
- В мире не было равных ему и не будет [таких больше] правителей [1, л.4].*

Здесь Абу Бакр Каландар намекает на слова Всевышнего в Коране: «Но будет избавлен от пламени тот, кто Господа почитает, тот, кто отдает достояние свое и тем себя очищает. Аллах за благодеяние лишь того вознаграждает, кто их ради Лица Господа своего Всевышнего совершает. И доволен от тем, что получает» (92:17–21). Как указывается в толкованиях на Коран, на основе преданий сунны, в этих аятах говорится об Абу Бакре, который освободил от рабства и пыток сподвижника Билала ибн Рабаха и еще шесть человек ради довольствия Всевышнего [см. 9, с. 811; см. 18, с. 512]. Далее смысл бейта указывает на слабый, но очень известный и приемлемый у богословов по содержанию, хадис от Ибн ‘Умара: «Если взвесить веру Абу Бакра и веру всех жителей Земли, то его вера перевесит» [7, с. 126].

³ Здесь и далее, если нет специального указания, перевод из арабоязычных источников наш. – Д.Ш.

⁴ Перевод Абдуллы Нирша [20, с. 60].

Следующий источник богословских глав сочинения это догматические произведения, особенно символы веры. Таких произведений было много, но наиболее распространенными и известными, с учетом ханафитского и матуридитского толка автора произведения, были символы веры имама ат-Тахави (ум. в 933 г.) и имама ан-Насафи (ум. в 1142 г.) [см. 21].

Приведем пример из первой главы:

Он создал оба миров из ничего. – Создал ‘Арши и Курсий, Лаух и Калам [1, л.2].

Этот стих говорит о создании двух миров, под которыми, видимо, подразумеваются бранный мир и потусторонний, затем о самых первых и крупнейших творениях Всевышнего. В символе веры ханафитского имама ат-Тахави говорится: «Мы верим в Скрижаль (ал-Лаух) и Письменную Трость (ал-Калам)... Престол (ал-‘Арши) и Трон (ал-Курси) – истина» [12, с. 95, 98, 99].

Другой бейт из этой же главы:

Он чист, не нуждается ни в небе, ни в земле – Он чист (мукаддас) от земли и неба [1, л.2].

Автор обращается к принципам теологии ахл ас-сунна (учению имамов Ашари и Матуриди) и поясняет атрибуты Бога. В двух основных символах веры суннитов, «ал-Акида ат-Тахавиййа» и «ал-Акида ан-Насафиййа», как раз утверждается, что Аллаха не располагается в каком-либо месте, т.е. Он превышает понятия места или направления в пространстве. Поэтому Он не зависит от пространства и не нуждается в Земле, Небесах и других творениях [см. 12, с. 75–77; см. 13, с. 175–176].

Автор в поэме использует атрибут Бога «кадим» («Вечный»), который не упоминается в Коране, но широко используется в теологической литературе [см. 12, с.37], в том числе в упомянутых символах веры. Вообще в «Каландар-наме» много того, что указывает на приверженность сочинителя к ашаритской или матуридитской школе суннитского калама. Соответственно, Абу Бакр Каландар прибегал к источникам этих школ калама.

Если посмотреть на вторую главу, посвященную прославлению Пророка Мухаммада, и не только эту главу, то мы придем к мысли, что автор произведения “Каландар-наме” был знаком с определенными суфийскими произведениями, то есть опирался на них в своем сочинении. Поэтому четвертым источником можно выделить суфийские трактаты.

С учетом упоминания многих имен и эпитетов Пророка Мухаммада автором «Каландар-наме» мы также предполагаем, что он был знаком с источниками популярного суфийского трактата «Далаил ал-хайрат» («Признаки доброго») Мухаммада ал-Джазули (XV в.).

В первом бейте второй главы поэмы Пророк Мухаммад назван Господином (сайид) двух миров (каунайн), высшего мира, т.е. мира ангелов и небес, и низшего мира, т.е. мира людей и джиннов. Вообще этот эпитет «сайид ал-каунайн» используется часто в поэмах, восхваляющих Пророка Мухаммада [см. 3, с. 13; см. 5, с.46]. Поэтому вполне возможно, что источниками «Каландар-наме» были и поэтические сочинения, такие как «Бурда» («Плащ») ал-Бусайри (XIII в.).

Возможно, Абу Бакр Каландар также опирался и на более серьезные в теоритическом плане произведения суфиев. В самом начале Каландар, как суфий, заявляет, что его сердце, язык, душа и дух, не переставая совершает восхваление Всевышнего [см. 1, л.2]. Упоминание души и духа в стихе указывает на то, что автор различает эти два термина, что свойственно для суфиев. Духом (араб. рух) называют высшую часть человеческой души, а душой (араб. нафс) – все остальные [см. 8, с.200]. Как передавал от некоторых исламских ученых Ибн Каййим ал-Джаузиййа (1292–1350) в своей книге «Китаб ар-рух»: «Дух – это не душа, душа – это не дух. Сила души зависит от духа. Душа – это облик человека, в ней смешаны страсть и похоть. У человека нет более сильного врага, чем его нафс (душа). Душа желает и любит только мирское, а дух призывает и побуждает душу ставить в приоритет жизнь вечную. Страсть следует за душой, а шайтан слудет за душой и страстью» [4, с.257]. Т.е. автор «Каландар-наме» мог опираться на этот источник, а возможно, на источники трактата Ибн Каййима.

Пока на интуитивном уровне, но скорее всего так и есть, с учетом замеченных сюжетов, мы убеждены, что главным вдохновением Абу Бакра Каландара была знаменитая поэма «Маснави» Джалал ад-дина ал-Балхи ар-Руми (1207–1273). Например, посмотрим на 18-й бейт первой главы:

Его могущество делает из мухи Симурга, – А слепым дает зрение [1, л.2].

В этом стихе пример создания Симурга из мухи, приводимый поэтом, не совсем ясен с точки зрения обращения к шариатским источникам. Симург – буквально «тридцать птиц», сказочная вещая птица из Шах-нама («Книги царей» Абу-л-Касима Фирдауси, служит символом для духа и единения поклоняющегося с Богом [16, с.47]. Симург – образ из иранских мифов, однако позднее

начинает встречаться и в эпосе тюрков. У тюрков существуют легенды о том, что якобы эта птица переносит души умерших. Этот сюжет трудно связать с учением ислама, тем более образ превращения мухи в Симурга. Если Каландар имел в виду всемогущество Бога и Его чудеса, т.е. превращение нечто ничтожного в нечто особенное и большое, так как Симург считается очень большой птицей, то такой пример вполне вписывается в контекст зачина сочинения. Следует заметить, что Джалал ад-дин ар-Руми приводит сюжет о мухе в своем «Маснави», завершая его следующими строчками:

*Если муха истолкование оставит по [своему] разумению,
Ту муху Судьба превратит в [птицу] Хумай [= Феникс].
Тот не муха, кому сие (примерным) уроком будет,
Дух его не подходящим [его внешней] форме будет [16, с. 91].*

Т.е. человек, несмотря на внешнюю ничтожность, может достигнуть высшего состояния духа по воле Бога. Таким образом, автор поэмы был знаком с этим сюжетом. Легендарная птица Хумай в нашем случае соответствует Симургу. Вторая половина бейта о превращении слепого в зрячего как факт могущества Всевышнего логично подтверждает смысл первой половины в переносном значении, т.е. переход из состояния невежества к прозрению и мудрости, или же переход в статус приближенных (аулийа) к Аллаху.

Читая благословения на Пророка Мухаммада, автор «Каландар-наме» говорит в 4-м бейте:

*Все, что движется и все, что живое, восхваляют его.
- Одна только сура «Ночь» посвящена описанию его волос [1, л.3].*

Если в первой половине бейта Абу Бакр Каландар намекает на слова Всевышнего в Коране: «Поистине, Аллах и ангелы Его молятся за Пророка. О верующие, молитесь за него и приветствуйте со всем тщанием» [33:56] и на многочисленные предания о благословлении на Пророка, из чего следует, что все творения Всевышнего молятся за Мухаммада и приветствуют его, то вторая половина бейта со всеми возможными вариантами перевода остается непонятной. В известных тафсирах говорится, что сура «Ночь» посвящена восхвалению первого халифа Абу Бакра ас-Сиддика. В доступных для нас толкованиях Корана, в том числе суфийских, таких как «Тафсир ат-Тустари», «Тафсир ал-Кушайри» и других, мы не обнаружили что-либо об описании волос Пророка⁵ или в другом варианте перевода – одежды Пророка. Мы можем лишь предполагать, что сура, по мнению автора «Каландар-наме», имеет скрытое истолкование суфийского характера, вероятно встречающееся в каких-то редких и неизвестных нам суфийских тафсирах.

В пятой главе, посвященной третьему халифу, автор поэмы сказал:

Рай наполнен гуриями, влюбленными в Друга. – Все духи (руханийян) верны Другу [1, л.5].

В бейте ‘Усман назван другом (дуст) на персидском языке, что на арабском может звучать как «садик», «рафик», «халил» и др. В сунне встречаются в отношении ‘Усмана лишь термины «вали» и «рафик», причем сам Пророк Мухаммад называет его своим близким (вали) в одном хадисе, своим товарищем (рафик) – в другом [2, с.429]. А вот в старейшем трактате на персидском языке по суфизму «Кашф ал-махджуб» ал-Худжвири (XI в.) утверждается о том, что ‘Усман «достиг ступени дружбы с Богом (хуллат)» [20, с.73], то есть он назван другом (халил) Аллаха. Таким образом, ал-Худжвири сравнил его с Пророком Ибрахимом, который в Коране назван другом (халил) Аллаха. Можно предположить, что трактат «Кашф ал-махджуб», один из редких средневековых дошедших до наших дней, также был источником богословских глав «Каландар-наме», тем более он на персидском языке.

Таким образом, предварительный обзор начальных глав поэмы «Каландар-наме», имеющих богословский или религиозный характер, позволяет нам сделать следующие выводы. Автор этого суфийского сочинения обращался к различным источникам, таким как Коран, хадисы Пророка Мухаммада и догматические произведения, напрямую или опосредованно. Его источниками могли быть и комментарии к Корану (тафсиры) и различные сборники хадисов. Трудно определить конкретные источники, так как произведение написано в стихотворной форме и не имеет ссылок. Мы также предполагаем, и почти уверены в том, что Абу Бакр Каландар опирался на «Маснави» Мавляны Руми. Не исключено, что источниками могли быть и другие суфийские произведения, поэмы и трактаты.

⁵ Конечно есть группа хадисов, где описываются физические качества Пророка Мухаммада, в том числе его волосы [см. 14, с. 675–676], но это не помогает нам понять строку из поэмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. ал-Андалуси М. Ат-Тамхид ва-л-байан фи мактал аш-шахид ‘Усман ибн ‘Аффан (р.а.а.). Дирасат ва тахкик Карам Хилми Фархат Ахмад. Каир: Дар ал-афак ал-‘арабийя, 2002. 556 с.
3. ал-Бусайри М. Ал-Бурда ва-л-касида ал-мухаммадийя. Дамаск: Байт ал-Хикма, 2005. 48 с.
4. аль-Джавзийя, Ибн Каййим. Душа. Казань: 2013. 320 с.
5. ал-Джазули М. Далаил ал-хайрат. Дамаск: ал-Марказийя, б.г. 263 с.
6. Джаухари М.Р.М. ‘Акидату-на. Каир: Джамии‘ат ал-Азхар, 2004. Ч. 2. 175 с.
7. Ибн ‘Асакир, ‘Али. Тарих Димашк. Тахкик ‘А. ал-‘Амрави. Бейрут: Дар ал-Фикр, 1995. Т.30. 461 с.
8. Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Рух. *Ислам: энциклопедический словарь*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С.200.
9. Кан‘ан М.А. Куррат ал-‘айнайн ‘ала тафсир ал-Джалалайн. Бейрут: Дар ал-башаир ал-ислабийя, 1997. 841 с.
10. Коран. Пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. М.: ИД Марджани, 2012. 608 с.
11. ал-Курсави Г. Тафсир ал-байан. Сост., пер. со старотатар. и араб. Р. Адыгамова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 495 с.
12. ал-Майдани, ‘Абд ал-Гани ал-Гунайми. Шарх ал-‘акида ат-тахавийя. Тахкик А. Шаннар. Дамаск: Дар ал-Байрути, 2005. 192 с.
13. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-хикма ал-балига). Предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 479 с.
14. Муслим. Сахих Муслим. Сборник достоверных хадисов, составленный имамом Муслимом. Перевод с араб. И. Попова. Казань: Иман, 2004. Том 3. С. 517–738.
15. ан-Навави М. Рийад ас-салихин ва шарху-ху Кунуз ал-бахисин. Сун‘ат Ахмад Ратиб Хаммуш. Дамаск: Дар ал-фикр, 1992. 776 с.
16. Руми Дж. М. Маснави-йи ма‘нави (“Поэма о скрытом смысле”). Первый дафтар (байты 1–4003). Пер. с перс. О.Ф. Акимускина и др. / Общая и научная редакция, указатели А.А. Хисматуллина. СПб.: “Петербургское Востоковедение”, 2007. 448 с.
17. ат-Тирмизи. Ал-Джами‘ ал-кабир. Тахкик Башшар ‘Аввад Ма‘руф. Бейрут: Дар ал-Гарб ал-Ислами, 1998. Т.4. 451 с.
18. ат-Туджибийя. ал-Кур‘анал-каримваби-хамиши-химухтасарминтафсират-Табари. Бейрут: ад-Дар ал-муттахида, 1998. 604 с.
19. Хадис: учебное пособие. СПб.: «Издательство «Диля», 2014. 272 с.
20. ал-Худжвири А. Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму. М.: Единство, 2004. 504 с.
21. Шагавиев Д.А. Пособия по акыде в татарских медресе: история и современность. *Минбар*. Вып. 3. 2009. С.73–80.

Сведения об авторе: Дамир Адгамович Шагавиев – заведующий отделом истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); saiddamir@mail.ru

Sources for Theological Chapters of Abu Bakr Qalandar’s “Qalandar-name”

D.A. Shagaviev

(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

In this article the author attempted to identify sources of Theological chapters of the Sufi poem “Qalandar-name” of Abu Bakr Qalandar, the medieval author from the Crimea. The relevance of the topic lies in the fact that we know very little about the Theologians of the Golden Horde and Theological thought in its territory. As a result of identifying the sources we will be able to get an objective picture about the personality of this Golden Horde author, his knowledge of Islamic Theology and Theosophy. In the future, this would allow us to do other comparative studies in according to identify the position and role of the “Qalandar-name’s” author in Muslim Theological thought of his era.

As the study showed, we may talk about four main types of sources of “Qalandar-name’s” Theological chapters. The first type is the Quran that was particularly evident in the allusions to some of the verses and the borrowing of themes and terms. The second is the Sunnah of Prophet Muhammad, which refer to collections of hadith, the

interpretation of the Quran on the basis of narratives, narrative of the life of the Prophet and his companions. The third type is dogmatic works, i.e. works of Sunni Theology, and most likely, a well-known and common Sunni creeds, such as the “Dogma of al-Tahawi” and the “Dogma of al-Nasafi”. The fourth type is various Sufi writings, from poems to theoretical treatises. It is assumed that Abu Bakr Qalandar drew his inspiration from the famous work “Masnavi” of Mawlana Rumi.

The identification of specific sources is hampered by the specificity of the “Qalandar-name”. This manuscript is written in the Persian language, while most of the Islamic sources of that time were in Arabic. In addition, the text has a poetic form, and practically there are no links to sources or authorities, as is usually should be in Muslim Theological treatises.

The results of this humble study should be regarded as the key to a new future research on this topic. The conclusions of this article are preliminary, because basically only the initial Chapters of the “Qalandar-name” were studied.

Keywords: Abu Bakr Qalandar, Qalandar-name, Quran, Hadith, Creeds, Sufism, Theology.

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name. Faksimile* [Qalandar-name. Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015. 800 p.
2. al-Andalusi M. *Al-Tamhid wa-l-bayan fi maqal al-shahid 'Uthman ibn 'Affan (r.a.a.)*. Dirasat wa tahqiq Karam Hilmi Farhat Ahmad. Cairo, Dar al-afaq al-'arabiyya, 2002. 556 p.
3. al-Busayri M. *Al-Burda wa-l-qasidah al-muhammadiyah*. Damask, Bayt al-Hikma, 2005. 48 p.
4. al-Dzhavziyya, Ibn Kayyim. *Dusha* [The Soul]. Kazan', 2013. 320 p.
5. al-Jazuli M. *Dalail al-khayrat*. Damask, al-Markaziyya, b.g. 263 p.
6. Jawhari M.R.M. *'Aqidatu-na*. Cairo, Jami'at al-Azhar, 2004. Ch. 2. 175 p.
7. Ibn 'Asakir, 'Ali. *Tarikh Dimashq. Tahqiq 'A. al-'Amrawi*. Beirut, Dar al-Fikr, 1995. T.30. 461 p.
8. Ibragim T.K., Sagadeev A.V. Rukh [The Spirit]. *Islam: entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. M., Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1991, p. 200.
9. Kan'an M.A. *Qur'at al-'aynayn 'ala tafsir al-Jalalayn*. Beirut, Dar al-bashair al-islamiyya, 1997. 841 p.
10. *Koran* [Quran]. Per. s arab. i komment. B.Ya. Shidfar. Moscow, Mardzhani Publ., 2012. 608 p.
11. al-Kursavi G. *Tafsir al-Bayan*. Sost., per. so starotatar. i arab. R. Adygamova. Kazan', Tatarskoe knizhnoe Publ., 2012. 495 p.
12. al-Maydani, 'Abd al-Ghani al-Ghunaymi. *Sharh al-'aqidah at-tahawiyyah*. Tahqiq A. Shannar. Damask, Dar al-Bayruti, 2005. 192 p.
13. Mardzhani Sh. *Zrelaya mudrost' v raz'uyasnenii dogmatov an-Nasafi (al-Hikmah al-balighah)* [The Mature Wisdom in Explaining the Nasafi's Dogmas]. Predisl. i per. s arab. D. Shagavieva. Kazan', Tatarskoe knizhnoe Publ., 2008. 479 p.
14. Muslim. *Sakhikh Muslim. Sbornik dostovernykh khadisov, sostavlennyy imamom Muslimom* [Sahih Muslim. Compilation of Authentic Hadith compiled by Imam Muslim]. Perevod s arab. I. Popova. Kazan', Iman Publ., 2004, T. 3, pp. 517–738.
15. al-Nawawi M. *Riyadh al-salihin wa sharhu-hu Kunuz al-bahithin*. Sun'at Ahmad Ratib Khammush. Damask, Dar al-fikr, 1992. 776 p.
16. Rumi Dzh. M. *Masnavi-yi ma'navi ("Poema o skrytom smysle")*. *Pervyy daftar (bayty 1–4003)* [“The Poem about the Hidden Meaning”. First Daftar]. Per. s pers. O.F. Akimushkina i dr. Obshchaya i nauchnaya redaktsiya, ukazateli A.A. Khismatullina. St. Petersburg, “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ., 2007. 448 p.
17. al-Tirmizi. *Al-Jami' al-kabir*. Tahqiq Bashshar 'Awwad Ma'ruf. Beyrut: Dar al-Gharb al-Islami, 1998. T.4. 451 p.
18. al-Tujibi Ya. *al-Qur'an al-karim wa bi-hamishi-hi mukhtasar min tafsir al-Tabari*. Beirut: al-Dar al-muttahida, 1998. 604 p.
19. *Khadis: uchebnoe posobie* [Hadith: text book]. St. Petersburg, “Dilya” Publ., 2014. 272 p.
20. al-Khudzhviri A. *Raskrytie skrytogo za zavesoy. Stareyshey persidskiy traktat po sufizmu* [The Disclosure of Hidden behind a Veil. The Oldest Persian Treatise on Sufism]. Moscow, Edinstvo Publ., 2004. 504 p.
21. Shagaviev D.A. *Posobiya po akyde v tatarskikh medrese: istoriya i sovremennost'* [Textbooks on 'Aqedah in Tatar Madrasah: History and Contemporaneity]. *Minbar*, 2009, no. 3, pp. 73–80.

About the author: Damir Adgamovich Shagaviev – Head of the Department of History of Religions and Public Thought, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014 Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); saiddamir@mail.ru

УДК 091

Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми: источниковедческий анализ

М.Р. Шамсимухаметова
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии Наук Республики Татарстан)

В данной статье подводятся итоги анализа внешних и, частично, внутренних особенностей сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми, написанного в первой половине XIV века – источника, созданного в Улусе Джучи, который до сих пор не введен в научный оборот.

В статье приводятся доказательства подлинности данного источника: язык текста соответствует среднему периоду развития персидского языка (по наличию определенных букв), в тот же период и был написан источник; и точность фактов, приведенных автором, например, относительно соотношения времени написания источника и периода правления ханов Узбека и Джанибека, во время которых был написан источник, как указывает сам автор. Здесь приводятся события жизни автора, которые описывает он сам и другие авторы. Место рождения автора повлияло на формирование его личности: в г. Аксарай (Малая Азия), «городе праведников» были суфии-каландары. Абу Бакр пишет свою книгу в г. Крым. Написание книги было важной частью воплощения в жизнь целей его переезда в этот город. Целью своей деятельности Абу Бакр называет «иршад» – распространение благого, обучение религии. В изучаемом источнике это делается при помощи описывания добродетелей на примере событий из жизни ученых и эвлия, их восхвалениях в «мунаджатах», притч, разъяснения понятий «сема», «беседа с шейхом» и других. Кроме поучительных глав есть те, которые дают информацию о современниках Абу Бакра: о ханах, эмирах. Для определения того, кому предназначалась эта книга, важно рассмотреть слова обращения в тексте, они говорят, о том, что книгу должны были читать люди из элиты золотоордынского общества. Также он упоминает о наличии своих «йар»ов, то есть последователей или друзей.

Важность изучения этого труда для исследования Улуса Джучи заключается в том, что анализируя его, можно выявить связи Крыма с Малой Азией, создать подробную картину тариката каландари, действовавшего на его землях, также из нее мы узнаем о том, с какими поучительными речами Абу Бакр Каландар обращался к правителям. В книге много разнообразной информации, что требует работы над комментариями для специалистов самых разных областей науки.

Ключевые слова: Абу Бакр Каландар, источник, персидский язык среднего периода развития, г. Аксарай, г. Старый Крым, «иршад».

Внешние особенности. «Каландар-наме» – хорошо сохранившаяся рукопись, представляет собой книгу в кожаном переплете размером около 35х25х12 сантиметров, состоящую из 402 листов, или 800 страниц. Лицевая обложка книги украшена узорчатым овалом длиной около 10–12 сантиметров [3, с. 34], заполненным сочетанием различных вариантов узора «булут». Его другое название – китайское облако. Облако очень часто встречается на постройках до XVI века, позже встречается реже или совсем не используется. Рукопись переписана прекрасным насхом на плотной бумаге с водяным знаком (груша с двумя листочками) [3, с. 34]; заглавия выделены киноварью. Текст написан в стихотворной форме, в два столбика, как обычно в средние века записывали бейты. Столбики обведены двойными рамками красного цвета. На полях сделаны приписки, в том числе повторены названия глав. Номера страниц сверху. На развороте двух страниц снизу первой страницы на нижних полях написано первое слово следующей страницы, таким образом, устанавливается порядок страниц. Это также указывает на то, что номера страниц были сделаны позже. В книге идет две нумерации страниц. Одна (с индийскими цифрами) сделана фиолетовыми чернилами (по-видимому, ручкой); нумерация идет только по четным страницам (то есть считаются все страницы, но указываются только четные); продолжается до «٦٣٢» (632). Другая (с арабскими цифрами) – карандашом, до 398-ой, то есть считаются листы. Сам текст написан черными чернилами и каламом, а в конце книги черными чернилами на арабском языке написано: «Общее количество страниц – 397».

Каждая глава имеет объем от нескольких строк до нескольких страниц. Трактат состоит из собранных воедино пяти книг, каждая из которых начинается с глав о единобожии, о пророке, о четырех праведных халифах. Это стандартное начало книг мусульманского востока.

В книге около тысячи глав, большинство из них богословские, около 30 исторических, из них в 4–5 автор упоминает себя.

Подлинность текста. Неизвестна какая-либо другая копия рукописи «Календар-наме», кроме этой, на последней странице текста которого указан ее переписчик – шейх Баязид ‘Ушшаки Самрани, который завершил книгу в 761 г.х.

С момента начала написания этой книги прошло около 685 лет. Четыре из пяти частей, из которых состоит «Календар-наме» были сочинены в 720–740 годы по хиджре, то есть примерно 1320–1340 гг., о чем говорится в самом тексте рукописи. Пятая часть была написана в период правления Джанибек хана, то есть после 1341 г. Язык рукописи подтверждает дату написания текста.

Источник написан на персидском языке, который понятен современному человеку, владеющим этим языком. Персидский язык в XIV веке выполнял роль международного языка в трансконтинентальной торговле Золотой Орды, в особенности в Крыму, о чем свидетельствует Codex Cumanicus [4, с.198]. В город Крым приезжало много иностранцев [2, с.18]. Автор книги, как указывает он сам, также приезжий, родом из г. Аксарай в Малой Азии. Как известно много литературы в тот период было написано на персидском языке, например, «Маснави» Руми и «Менакибуль-Арифин» Эфляки. В «Календар-наме» имеются особенности персидской рукописной книги среднего этапа развития персидского языка. Персидский язык предположительно в IX веке стал записываться арабскими буквами. Первоначально не были выработаны особые звуки для специфических букв, не существующих в арабском языке. В первый период было изменено то, что исчез артикль «ал», и появился знак хамзы после конечного долгого гласного как показатель изафета [3, с.333]. Во втором этапе появились дополнительные буквы: پ(п), ج(ж), چ(ч), кэф с тремя точками сверху. Начиная с XI века, графемы для (п), (ч) и (ж) утвердились в письме повсеместно. В «Календар-наме» используются эти три буквы. Также в тексте существуют лишние точки, о предназначении которых у нас нет предположений. Например, над буквой د пишут точку как в букве ذ, хотя в словарях эти слова надо искать в статьях на букву د, что необходимо учитывать при переводе источника. Особенностью третьего периода развития персидского языка является появление саркаша – черточки над буквой کяф, для обозначения звука (г), оно появляется в конце XVI – начале XVII в. Саркаш не встречается в нашем источнике, это и вызывает трудности при понимании значения слов. Учитывая все эти особенности, мы можем сделать вывод, что наш источник был написан во второй период персидской письменности, особенности которого стоит учитывать во время перевода и анализа источника.

Также автор Абу Бакр Календар, описывает ситуацию, которая точно совпадает с событиями в Крыму в начале XIV века, где и была написана книга.

Место и цель написания сочинения. Автор называет себя «Аксарай Руми». В мире существует несколько мест с названием «Аксарай». Однако «Руми» дает нам основание считать, что Абу Бакр родился в городе Аксарай в Малой Азии. В османских источниках этот город также называется Аксара, оба названия употреблены в «Календар-наме». История этого города интересна тем, что события в ней повлияли на формирование личности Абу Бакра. Аксарай – это бывший греческий город Гарсаруа. Город, перейдя в руки сельджукского султана Кылыч Арслана II, переживал период расцвета. Кылыч Арслан пригласил сюда ремесленников, купцов, ученых, построил множество общественных зданий. Из-за того, что здесь проживало много эвлия (святых), город прозвали «Salihler şehri» – городом праведных. Сам Абу Бакр уделяет вопросу об эвлия большое место в «Календар-наме» [1, с. 36]. Отсюда становится понятным, где Абу Бакр мог получить суфийское образование. Читая его произведение, мы понимаем, что он охватывает очень обширные знания из культуры разных народов. Также в книге описаны ступени духовного развития. Абу Бакр должен был изначально сам пройти воспитание в одном или нескольких обителей, где переживал бы этапы духовного развития (суфийские «ступени познания истины»). В тексте он называет себя «мюридом» Фаридуддина Аттара (газневи) [1, с. 174], выражает глубокое уважение к труду Руми «Маснави». Содержание и тематика этих двух суфийских трактатов очень близки.

В начале XIV века Аксарай переходил из состава одного государства в другое: вначале город вошел в состав государства Данышмендидов, позже – перешел к бейлику Караманов, потом – к Эретне, который был одной из провинций монгольского государства Ильханов. По словам Эфляки, здесь в начале XIV века существовал орден календаров [5, с. 453].

По каким-то причинам Абу Бакр со своими товарищами приехал в город Крым, бывший долгое время резиденцией наместника (эмира) хана.

Может быть, что такая быстрая смена правителей в Аксараяе не способствовала делу Абу Бакра по «воспитыванию молодежи», как обозначал он свою цель, и, он, приняв приглашение султана Золотой Орды, стабильного в период правления Узбек хана, переехал в город Крым.

Каландар так объясняет свое переселение: «Каландар прибыл в Крым сделать иршад». Иршад имеет несколько значений: 1. улучшать, 2. призывать к религии. Абу Бакр в своем произведении уделяет много внимания иршаду. Например, есть глава с названием «Как Мухаммад Илле отправился наставлять Чингиз хана». Говоря о своей миссии, он то и дело повторяет, что он, «безграмотный», был одарен знанием от Бога и занимался призывом. В изучаемом источнике это делается при помощи описывания добродетелей на примере описывания событий из жизни ученых и эвлия, их восхвалениях в «мунаджатах», притч, разъяснения понятий «сема», «беседа с шейхом» и других.

«Каландар-наме» является своеобразной исламской энциклопедией и безусловно это произведение способствовало распространению ислама в Золотой Орде. «Каландар-наме» похож на учебник. В своем сочинении Абу Бакр восхваляет своих покровителей: хана Узбека и Джанибека, эмира Тулук Тимура. Необходимо отметить, что обращения «о правитель!», «о эмир!» часто встречаются в тексте, поэтому мы можем заключить, что книга предназначалась элите. Также есть обращения «о юноша!», «о сынок!», то есть книгу должны были читать также и воспитанники какого-либо медресе или молодые наследники.

Кроме того, Абу Бакр упоминает о своих «йаранах» (близкие друзья). Он говорит, что их было несколько человек. Такой крупный ученый как Абу Бакр Каландар должен был иметь последователей, что и стоит выяснить в ходе дальнейших исследований, после завершения перевода книги.

Автор. В произведении называется имя автора – Абу Бакр Каландар Руми Аксарайи. В «Каландар-наме» про себя он говорит в первом или третьем лице. В восточной литературе существует способ обозначения автора внутри произведения (обычно – стиха) в третьем лице. Это тахаллус автора. В текстах глав же он дает информацию о своей жизни.

В главе «О том, как безграмотный шейх Абу Бакр Каландар Руми пришел к Султану Веледу и получил взгляд благосклонности» он пишет:

Ленивость убрал из меня ловко
Очистил мое сердце от всех изъянов.
Я был безграмотен, не знал букву,
От своей щедрости он воспитал меня.
Я был немым, нес чепуху
Поэтому ни кем не шли мои дела,
И этими заботами прошла моя жизнь. [1, с. 95]

Название главы и эти строки говорят о следующем: Абу Бакр обрел степень шейха (значит, прошел определенные этапы развития и воспитывал учеников), а во время встреч с Султаном Веледом, сыном Джалаладдина Руми, обрел некие познания, которые сильно на него повлияли. В источнике много глав посвящены описанию суфиев разных периодов (например, Баязид Бистами, Ибрахим Адхам, Ахи Эврен и др.), что показывает важность их для автора. Эфляки, историк XIV века упоминает шейха текке каландаров Никсарлы Абу Бакра Джалваки [5, с. 453]. В его произведении приводится случай, произошедший после смерти Джалаладдина Руми. Близкий друг Абу Бакра Умар Гирихи приходит к нему с вопросом о том, полагается ли им часть жертвенных животных, раздаваемых после смерти Мевляны. Тот отвечает, что, наоборот, мы сами должны пожертвовать свое животное, а брать еду бедняков вовсе не к лицу. Умар следует его совету. Если на самом деле Абу Бакр Джалваки является интересующим нас автором «Каландар-наме», то еще до своего переезда в Крым, он был уважаемым человеком в Анатолии.

Известно, что ханы Улуса Джучи приглашали ученых со всех краев света [2, с. 21]. Учитывая любовь хана Узбека к исламу, вполне логично пребывание проповедника, последователя Джалаладдина Руми в Золотой Орде.

Уникальность «Каландар-наме» в том, что это первый и единственно известный трактат, так полно описывающий философию религии в Золотой Орде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. Бурханов А. А. Тюрко-мусульманские памятники Крыма XIII–XVIII вв. История, некоторые итоги и перспективы изучения и сохранения исламского культурного наследия Крыма. // Серия «Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и постордынских государств Евразии». Вып. 9. Казань: К(П)ФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 68 с.

3. Муниров К. Джувонмардиев А. Бебахо хисса // *Общественные науки в Узбекистане*. 1966. № 11. С. 33–36.
4. *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Ч.1. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1987. 550 с.
5. Ahmed Eflaki, Menakibul Arifin. İstanbul, Kabcacı Yayıncılık, 2006. 813 s.

Сведения об авторе: Миляуша Рашитовна Шамсимухаметова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); milya-ismagilova@yandex.ru

The Writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi: The Source Study Analysis

M.R. Shamsimukhametova
(*Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*)

This article summarizes the analysis of external and partly internal features of the writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi. This source was written in the first half of the 14th century in the ulus of Jochi and it still has not been introduced into academic circulation.

The paper presents evidence of the authenticity of the source: the language of the text corresponds to the middle period of the development of Persian language (in accordance with the presence of certain letters); the source itself was written in the same period. This is indicated by the accuracy of the facts mentioned by the author, for example, with respect to the relation of the time of this source’s writing and the reign of khans Uzbek and Janibek, during which this source was written, as indicated by the author himself. The article deals with the author’s life events, described by himself and other authors. Place of birth of the author influenced the formation of his personality: he was born in the city of Aqsaray, the “city of saints” inhabited by the Sufis Qalandars. Abu Bakr wrote his book in the city of Qrim. Writing a book was an important part of the realization of the objectives of his move to that city. Abu Bakr defines the purpose of his activity as “Irshad”, that is, the spread of the good, the teaching of religion. He does this in his book by describing the virtues using examples of events in the life of scholars and Evliya, their praises in “Munajat”, parables, clarifying the concepts of “sem”, “conversation with Sheikh” and others. In addition to the instructive chapters, other chapters provide information about contemporaries of Abu Bakr: about khans and emirs. In order to determine to whom the book was intended, it is important to consider the appeals contained in the text: they point to the fact that the book was meant for the Golden Horde elite. Abu Bakr also mentions his “yars”, that is, followers or friends.

This work is important for the study of the ulus of Jochi, because its analysis could define the relationship between the Crimea and Anatolia and allow us to draw up a full picture of the Qalandars’ activities in the territory of the Golden Horde. We also learn from this book, with which instructive speeches Abu Bakr Qalandar appealed to the rulers. The book contains a lot of diverse information that requires work on the comments of specialists in various historical fields.

Keywords: Abu Bakr Qalandar, source, Persian language of middle period of its development, Aqsaray, Stariy Qrim, “irshad”.

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name. Faksimile* [Qalandar-name. Facsimile]. Podgotovka k izdaniju k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015. 800 p.
2. Burhanov A.A. *Tjurko-musul'manskie pamjatniki Kryma XIII–XVIII vv. Istorija, nekotorye itogi i perspektivy izuchenija i sohraneniya islamskogo kul'turnogo nasledija Kryma* [Turkic-Muslim Monuments of the Crimea of the 13th–18th centuries. History, some conclusions and perspectives of the study and preservation of the Islamic cultural legacy of the Crimea]. Serija «Materialy i issledovanija po arheologii Zolotoj Ordy i postordynskih gosudarstv Evrazii». Vyp. 9. Kazan', K(P)FU Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2014. 68 p.
3. Munirov K., Dzhuvonmardiev A. *Bebaho hissa. Obshhestvennyye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 1966. № 11, pp. 33–36.
4. *Rukopisnaja kniga v kul'ture narodov Vostoka* [Manuscript Book in the Culture of the Peoples of the Orient]. Ch.1. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1987. 550 p.
5. Ahmed Eflaki. *Menakibul Arifin*. İstanbul, Kabcacı Yayıncılık, 2006. 813 p.

About the author: Milyausha Rashitovna Shamsimukhametova – Post-graduate student, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); milya-ismagilova@yandex.ru

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Абру

Ч.И. Хамидова

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Эта статья посвящена анализу части перевода персидской рукописи средневекового историка, жившего и работавшего при дворе ильханов в конце XIII – начале XIV вв. Рашид ад-дина – «Шуаб-и панджгана». Рукопись представляет собой по большей части генеалогическую работу, написанную на основе более комплексной исторической работы Рашид ад-дина – «Джамиат-таварих». «Шуаб-и панджгана» содержит родословные пророков авраамических религий, правителей Арабского халифата вплоть до завоевания Багдада монголами, правителей китайских династий и Священной Римской империи, а так же список римских пап. Наибольший интерес для данного исследования представляет пятая часть, посвященная родословной Чингизидов.

В этой статье рассматриваются данные, получаемые из анализа родословной Джучи, сына Чингиз хана по «Шуаб-и панджгана». Анализ показывает, что «Шуаб-и панджгана» предоставляет более полные или скорректированные данные, подтверждаемые более поздними генеалогическими работами, такими как «Му'изз ал-ансаб». То есть, вероятно, что «Шуаб-и панджгана» была написана на основе исторического сочинения «Джамиат-таварих», но при этом была дополнена более поздними и исправленными данными.

Так же данные рукописи позволяют делать определенные выводы о судьбе самой рукописи. Надписи на форзаце позволяют предположительно связать список, хранящийся в Стамбуле, с династией шейбанидов и Бухарским ханством. А анализ данных, приведенных в части, посвященной франкским правителям, позволяет сузить период, к которому относят время написания «Шуаб-и панджгана»: список правителей Священной империи заканчивается именем Альберта I, который правил до 1308 года, а список римских пап заканчивается именем Бенедикта XI, чей понтификат закончился в 1304 году. Эта информация позволяет сделать следующие предположения: либо «Шуаб-и панджгана» была написана до 1304 года; либо рукопись была закончена позднее, но о смене правителей в Священной Римской империи не было известно при дворе ильханов; либо же об этих изменениях было известно, но Рашид ад-дин не возвращался к работе над генеалогией в эти годы, так же изменения могли вноситься только в более важную с идеологической точки зрения часть – родословную Чингизидов.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Джучи-хан, Джучиды, Улус Джучи, Чингиз-хан, Чингизиды, Му'изз ал-ансаб.

Один из источников по истории Чингизидов – это исторические сочинения персидского историка Рашид ад-дина, в число которых входит еще не введенная в научный оборот рукопись «Шуаб-и панджгана». Рукопись на сегодняшний день известна в одном списке, хранящемся в музее Топкапы (Стамбул) [10], [11]. Перевод части рукописи, относящейся к генеалогии Чингизидов, закончен, сама рукопись готовится к печати. С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях Миргалеева И.М. и Хамидовой Ч.И. [2], [3], [7].

Изучение переплета рукописи показало, что, скорее всего, его меняли, поскольку многие надписи на полях срезаны, один из разделов содержания начинается без заголовка (то есть, вероятно, какие-то листы пропущены), а название, указанное на корешке переплета (Kitabnasabname-imuluk) в тексте самой рукописи не встречается.¹

На форзаце имеется надпись: «وزير اعظم مصطفى باشا» (Агтар) Мустафа паша – «وزیر اعظم مصطفی باشا». есть записи о количестве листов в рукописи на персидском и на староосманском. Посередине внутри круга вписано: «Джамитарих из ... хранилища книг Касим Султана сына Сейида Ахмад хана вто-

¹ Именно под этим названием рукопись указана в «Каталоге персидских рукописей библиотеки музея Дворца Топкапы» Каратая Ф.Э. Один из исследователей «Шуаб-и панджгана» Бинбаш И.Э. считает, что это название дано неверно, поскольку в самом тексте рукописи или в тех местах, где сам Рашид ад-дин упоминает это сочинение, название «Kitabnasabname-imuluk» не встречается (См. İlker Evrim Binbaş. Structure and Function of the “Genealogical Tree” in Islamic Historiography // Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan. İstanbul, İthaki, 2011. P. 465–544). Однако мы считаем, что даже если название дано позже во время обновления переплета и не самим автором сочинения, оно вполне соответствует содержанию рукописи и, в любом случае, является частью исторической судьбы этого списка.

рого, да приветствует его Всевышний». Судя по этой надписи, рукопись некогда принадлежала библиотеке астраханского правителя из Джучидов – Касим Султану бин Саййид Ахмад Хан (г.п. 1502–1532). Ссылаясь на вид бумаги и почерка, З.В. Тоган предполагает, что данная копия рукописи сделана во второй половине XV – начале XVI века в Трансоксании и была подарена Касим Султану Шейбан ханом после завоевания Бухары [12, с. 12–13], [13, с. 68–69], [14, с. 382].

Как уже отмечалось, рукопись содержит генеалогии арабов, евреев, тюрко-монголов, христиан-франков, китайских династий [7, с.73]. Интересно, что та часть, которая относится к франкам, начинается без всякого заголовка, сразу после страницы, посвященной Газан хану, которая явно незакончена. Рашид ад-дин дает список римских пап, начиная со св. Урбана I и заканчивая Бенедиктом XI (понтификат в 1303–1304 гг.), а также перечисляет правителей Священной Римской империи. В списке римских пап нет данных о следующем после Бенедикта XI папе – Клименте V, чей понтификат начался в 1305 и закончился в 1314 году. Список франкских правителей заканчивается именем Альберта, о котором пишется, что на данный момент именно он является правителем. Вероятно, речь идет об Альберте I – немецком короле и императоре Священной Римской империи (г.п. 1298–1308). Соответственно, эти данные позволяют сделать некоторые выводы о датировке рукописи. Ранее мы считали, что рукопись написана не позднее 1313 года, поскольку в ней нет информации о восшествии на престол Узбек хана (г.п. 1313–1341), а в качестве примечания к имени Тохты (г.п. 1291–1312) в рукописи написано, что именно он сейчас правит Золотой Ордой. Рашид ад-дин занимал должность везира и занимался государственными делами почти до конца 1317 года [6, с.79]. Учитывая возможности Рашид ад-дина, а также активные дипломатические и торговые отношения между Ильханатом и Священной Римской империей, можно предположить, что Рашид ад-дин знал о смене римского папы, но не добавил эту информацию в рукопись Шуаб-и панджгана. Возможно, он уже больше не возвращался к работе над генеалогией после 1305 года. Но при этом, в генеалогии все же есть информация, которая не присутствует в Джамиат-таварих (речь идет о той части, которая была закончена в 1307 году – «Тарих-и Газани»). Возможно, Шуаб-и панджгана составлялась уже на основе готовой «Тарих-и Газани» после 1307 года с добавлением новой, исправленной информации, относящейся к роду Чингизидов, но не к христианам.

Правки, внесенные в одну из ветвей генеалогии Чингизидов – потомков Джучи – можно увидеть в сравнительной таблице, отражающей данные в «Шуаб-и панджгана», «Джами ат-таварих» [4] и еще одной более поздней тимуридской генеалогической работе – «Му'изз ал-ансаб» Хафиза-Абру [1] (см. табл. 1). Считается, что «Му'изз ал-ансаб» написана на основе «Шуаб-и панджгана» [5, с. 306; 818], [8, с.13]. Сама рукопись представляет собой генеалогическое сочинение, написанное на персидском языке в виде генеалогических таблиц (так же, как и «Шуаб-и панджгана»), при этом в данной генеалогии присутствуют данные, отсутствующие в сочинении Рашид ад-дина: если какие-то случаи логично объясняются тем, что «Му'изз ал-ансаб» – более позднее сочинение и упоминает тех людей, которые жили уже после окончания написания «Шуаб-и панджгана», то иногда эта логика не работает (как, например, в случае с сыновьями Джучи – в «Му'изз ал-ансаб» их указано большее количество).

Табл. 1

Шуаб-и панджгана	Джами ат-таварих	Му'изз ал-ансаб
Эмир Джучи – Сайку из племени хушин	Байку из племени арлат	Байку из племени арлат
Сыновья Джучи: Орду, Бату, Берке, Беркеджар, Кукаджи , Шейбан, Тангут, Бувал, Джилараун, Шингкур, Чимбай, Мухаммед, Удур, Тука-Тимур, Шингкум (15)	Сыновья Джучи: Орду, Бату, Берке, Беркеджар, Шейбан, Тангут, Бувал, Джилараун, Шингкур, Чимбай, Мухаммед, Удур, Тука-Тимур, Шингкум (14)	Сыновья Джучи: Урда, Бату, Берке, Беркечар, Хукаджи , Мухаммад, Бура, Чилавун, Шингум, Баракджар, Шибан, Тангут, Бувал, Шинкур, Чимпай, Удур, Тука-Тимур, Кувадур (18)
У Кутугуя, сына Орду, сына Джучи – два сына – Хулкуту и Тимур-Бука	неизвестно, были ли у Кутугуя потомки или нет	У Кутугуя два сына – Кутукуй и Тимур-Бука
Про Купалака (сына Тимур-Бука, сына Кутугуя, сына Орду, сына Джучи) написано: «Говорили, что этот Купалак имел трех сыновей, их имена не сохранились, по этой при-	–	Сыновья Кублука: Куркут, Курбука, Картун. Дочери: Илбидж, Абаджин

чине их имена не установлены и это изложение содержит в себе путаницу, однако стало известно, что у него были потомки» и оставлено 3 пустых квадрата для сыновей и указаны 2 дочери: Алтиндж, Атаджиг.		
у Сартака, сына Бату, сына Джучи был один сын – Улакджи	что у Сартака, сына Бату, сына Джучи не было сыновей	Сыновья Сартака: Хукджи, Тук-Тува
У Тукукана шестеро сыновей: Дарбу, Мунга-Тимур, Туда-Мунга, Тукта-Анка, Хукеджи, [].	У Тукана было пятеро сыновей: Тарбу, Мунга-Тимур, Туда-Мунга, Такту-Нука, Угэчи	Сыновья Тукана (4): Туда-Мунка, Дариту, Тудай, Мунка-Тимур
У Туда-Мунга, сына Тукукана, сына Бату, сына Джучи – 4 сына (вместе с Бики-Наджи).	У Туда-Мунга, сына Тукукана, сына Бату, сына Джучи – 3 сына	У Туда-Мунка 4 сына: Ур-Мунка, Бек Алджи, Тусдай, Хемку
Сын Уз-Мангу – Четай-Чук	–	Сын Ур-Манку – Херхетай
Сын Кадакана, сына Мунга-Тимура, сына Тугана – Угуру	–	Сын Кадана – Ургуду
Сыновья Кутукана, сына Мунга-Тимура, сына Тугана, сына – Кункиз (Кункас), Намитай, Апшеге, Курмас.	У Кутукана, сына Мунга-Тимура, сына Тугана, сына Бату в « Джами-ат-таварих » один сын – Кункиз (Кункас)	Сыновья Кубакуна: Кункиз, Курбаш, Намитай, Амте
Сын Ил-Басара, сына Тукта, сына Мунга-Тимура, сына Тугана – Исан Бука	–	Сын Ильсара – Ин-бука
Сыновья Туктака – Джакукан, Бакирдже, Кунджак, Таш-Бука, Таш-Тимур, Хамуджук.	Сыновья Туктака – Джакукан, Бакирдже, Кунджак	Саукан, Кунчак, Джабука, Бакирча, Таш-Тимур, Таш-Бука – дети Туктайа, сына Тукана, сына Балака
У Кунджака был сын – Айну-Ходжа.	–	Сын Кунджака – Ина-хаджа
Сыновья Аджги, сына Урунг-Тимура/ Урунг-Таша, сына Тука-тимура – Бахтияр, Шибавджи и Керайдже	У Аджги, сына Урунка, сына Тука-тимура один сын – Бахтияр. Шибавджи и Керайдже – сыновья другого сына Урунка – Киракиза	Сыновья Ачика – Бахтийар, Тактак. Шибавджи и Керайдже – сыновья Киракиза.

Как видно из таблицы, данные «Му'изз ал-ансаб» не всегда совпадают с данными из «Шуаб-и панджгана». В одних случаях, «Му'изз ал-ансаб» дополняет информацию из генеалогий, составленных Рашид ад-дином, иногда дает совершенной иной вариант (как, например, в случае с потомками Шейбана – Балаке-Туктака).

Наиболее интересными представляются случаи, когда «Му'изз ал-ансаб» поддерживает версию «Джами ат-таварих», а не «Шуаб-и панджгана»: например, в генеалогии Рашид ад-дина эмир Джучи хана – Сайку- считается произошедшим из племени хушин, а в истории Рашид ад-дина и в «Му'изз ал-ансаб» – этот же эмир относится к племени арлат. В другом случае «Шуаб-и панджгана» причисляет Бахтияра, Шибавджи и Керайдже к сыновьям Аджги, сына Урунг-Тимура, сына Тука-тимура, сына Джучи. А «Му'изз ал-ансаб» и «Джами ат-таварих» сыном Аджги считают только Бахтияра, а Шибавджи и Керайдже относят к сыновьям другого сына Урунг-Тимура – Киракиза. Учитывая предположение, что более поздняя генеалогия «Му'изз ал-ансаб» писалась на основе «Шуаб-и панджгана», непонятно, откуда возникают такие несоответствия.

Более тщательное сравнение этих генеалогий может стать темой для дальнейшего изучения этих рукописей и данных, предоставляемых ими. Так же такой сопоставительный анализ поможет лучше определить значимость генеалогии «Шуаб-и панджгана».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Му'иззал-ансаб (Прославляющее генеалогии). Алматы, 2006. 672 с.
2. Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.

3. Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И. Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22.
4. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том II. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 316 с.
5. Стори Ч.А. Персидская литература: био-библиографический обзор. Ч. 1–2. М., 1972.
6. Хафиз Аbru. Зайл-и джамиат-таварих-и рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»). Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Тальшханова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2011. 320 с.
7. Хамидова Ч.И. Генеалогия джучидов по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. 73–86.
8. Ando Sh. Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 1992. 337 p.
9. Binbaş I.E. Structure and Function of the “Genealogical Tree” in Islamic Historiography // Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan. İstanbul: İthaki, 2011. P. 465–544.
10. Karatay F.E. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Farsça Yazmalar Kataloğu, 42 sayfa, No.112.
11. Şu'b-ipeçgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, shifr A.III 2937.
12. Togan Z.V. On the Miniatures in Istanbul Libraries. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1963. P. 12–13.
13. Togan Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashid al-Din. 1962, vol. VII/1. P. 68.
14. Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1: Eneskidevirlerden 16 asrakadar. İstanbul, 19466, pp. 370–371.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); zahragizza@gmail.com

Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru

Ch.I. Khamidova

(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

This article is dedicated to the analysis of the translation of “Shu‘ab-i panjganah”, a Persian manuscript of Rashid al-Din, medieval historian who lived and worked at the court of Ilkhans in the late 13th – early 14th centuries. The manuscript is largely a genealogical work written on the basis of a more comprehensive historical work of Rashid al-Din – “Jami al-Tawarikh”. “Shu‘ab-i panjganah” contains genealogies of the prophets of Abrahamic religions, the rulers of the Arab Caliphate until the conquest of Baghdad by the Mongols, the Chinese dynasties and rulers of the Holy Roman Empire, as well as a list of the Popes. The greatest interest for this study represents the fifth part, dedicated to the Chinggisids.

This article discusses data obtained from the analysis of Jochi’s genealogy, the son of Chinggis Khan, contained in “Shu‘ab-i panjganah”. The analysis shows that “Shu‘ab-i panjganah” provides a more complete and corrected data, partly confirmed by later genealogical works, such as “Mu‘izz al-ansab”. This means that probably “Shu‘ab-i panjganah” was written on the basis of historical work “Jami al-Tawarikh”, but later it was supplemented and corrected.

Also the data from “Shu‘ab-i panjganah” allow us to make certain conclusions about the fate of the manuscript. Inscriptions on the flyleaf allow us allegedly to link the manuscript preserved in Istanbul, with the Sheibanid dynasty and Bukhara Khanate. And the analysis of the data presented in the part dedicated to the Frankish rulers, make it possible to narrow the period of time of writing of “Shu‘ab-i panjganah”: a list of the rulers of the Holy Empire ends with the name of Albert I, who ruled until 1308, and a list of the Popes ends with name of Benedict XI, whose pontificate finished in 1304. This information suggests the following assumptions: either “Shu‘ab-i panjganah” was written before 1304; or the manuscript was finished later, but the change of rulers in the Holy Roman Empire was not known at the Ilkhanid court; or these changes were known, but Rashid al-Din did not return to work on genealogy in these years, so the changes could be made only in the more important part from the ideological point of view, which considered the ancestry of the Chinggisids.

Keywords: Rashid al-Din, Shu‘ab-i panjganah, Jami al-Tawarikh, Jochi Khan, Jochids, ulus of Jochi, Chinggis Khan, Chinggisids, Mu‘izz al-ansab.

REFERENCES

1. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*. Vol. III. *Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchiye genealogii)* [The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. III. Mu'izz al-ansab (The Glorifying Genealogies)]. Almaty, 2006. 672 p.
2. Mirgaleev I.M. «Shuab-ipandzhgana» Rashid ad-dina: perspektivyizuchenija [Rashid al-Din's "Shu'ab-i panjganah": perspectives for the study]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2013, № 1, pp. 57–64.
3. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to "Shu'ab-i panjganah" of Rashid al-Din]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Red. izdaniyaisostavitel' I.M. Mirgaleev. Vyp 6. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, p. 22.
4. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey*. Vol. II [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, 1960. 316 p.
5. Storey Ch.A. *Persidskayaliteratura: bio-bibliograficheskyyobzor*. Gl. 1–2 [Persian Literature: A Bio-bibliographical Survey. Ch 1–2]. Moscow, 1972, pp. 306–308.
6. Hafiz-i Abru. *Zayl-I Dzhami at-tavarikh-I Rashidi («Dopolneniye k sobraniyu istoriy Rashida»)*. Per. s pers., pre-disl., komment., prim. i ukaz. E.R. Talyshkhanova [Zayl-i Jami al-tavarikh-i Rashidi ("Supplement to the Rashid al-Din's Compendium of Chronicles"). Trans. from Pers., foreword, comments, approx. and notes by E.R. Talyshkhanov]. Otv. red. I.M. Mirgaleyev [Executive ed. I.M. Mirgaleev.]. Kazan, 2011. 320 p.
7. Khamidova Ch.I. Genealogiya dzhuchidov po dannym «Shuab-ipandzhgana» Rashid ad-dina [Jochids' Genealogy according to Rashid al-Din's Shu'ab-i panjganah"]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2014. № 7, pp. 73–86.
8. Ando Sh. *Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 1992. 337 s.
9. Binbaş I.E. Structure and Function of the "Genealogical Tree" in Islamic Historiography. *Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan*. İstanbul: İthaki, 2011, pp. 465–54.
10. Karatay F.E. *Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi FarsçaYazmalar Kataloğu*, 42 sayfa, No.112.
11. *Şu'b-i pençgâne*. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, shifr A.III 2937.
12. Togan Z.V. *On the Miniatures in Istanbul Libraries*. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat-Fakültesi Yayınları, 1963, pp. 12–13.
13. Togan Z.V. *The Composition of the History of the Mongols by Rashid al-Din*. 1962, vol. VII/1, p. 68.
14. Togan Z.V. *Umumi Türk Tarihine Giriş*. Cild 1: *Eneskidevirlerden 16 asrakadar*. İstanbul, 1946, pp. 370–371.

About the author: Chulpan Ildarovna Khamidova – Post-graduate student, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); zahragizza@gmail.com

Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде

Н.В. Хрипунов

(Воронежский государственный университет)

В статье рассматривается золотоордынская одежда с откидывающимися рукавами: рукава на данных специфических видах одежды могли свободно свисать или быть откинутыми за спину и закрепленными специальной пуговицей или завязкой, тогда как руки продевались в дополнительные отверстия, расположенные в районе предплечья. В работе предпринимается попытка подтвердить или опровергнуть выдвинутый М.В. Гореликом тезис о редкости и малой распространенности подобной одежды.

Рассмотрение начинается с «кафтано́в для верховой езды», найденных в Антинополе при раскопках рубежа XIX–XX вв. Выдвигается версия появления данного типа одежд на основании контактов византийцев с тюрками. Прослеживается использование одежды с откидывающимися рукавами на Ближнем Востоке от VI–VII до XIV в. Выдвигается версия появления рассматриваемых одежд в Европе. Отмечается их появление в государствах Балкан и на Руси. Изучается место золотоордынских халатов в ряду развития одежды такого типа. Ставится вопрос возникновения такой одежды у монголов.

Во второй части статьи рассматриваются золотоордынские артефакты одежд с откидывающимися рукавами. Отмечается разнообразие видов одежды с откидными рукавами в Золотой Орде: в артефактах представлены халаты различных типов, короткие женские куртки. Выделяются халаты «монгольского» типа, являющиеся однотипными для всей территории Монгольской империи. Отдельно рассматривается одежда тюрок с откидными рукавами, появившаяся, видимо, в результате монгольского влияния. При рассмотрении артефактов выдвигаются сомнения в правильности атрибуции отдельных находок М.В. Гореликом, оспаривается его предположение о европейских корнях тюркского халата из мужского погребения Джухта–2. Также отмечается продолжение существования одежды с откидывающимися рукавами в Предкавказском регионе и в постордынское время.

В заключении, на основании рассмотрения разнообразных источников, отмечается довольно широкое распространение одежд с откидными рукавами в Европе и Азии в XIII–XV вв.

Ключевые слова: монгольская одежда, халат, откидные рукава, тюрки, монголы, Золотая Орда.

С каждым годом источниковая база по одежде кочевников Золотой Орды все больше пополняется. В настоящее время уже возможно выделить группы и серии вещей различных типов, что наглядно показывает богатство и разнообразие гардероба средневековых кочевников. Среди всех известных сейчас предметов плечевой одежды необходимо отметить такой ее специфический вид, как халаты с откидывающимися рукавами. Рукава на них могли носиться не только обычным образом, но и свободно свисающими или откинутыми за спину в результате продевания рук в расположенные в районе плечевого сустава/предплечья дополнительные отверстия. Данные вещи неоднократно привлекали внимание отечественных исследователей [2; 3; 4; 5; 7; 8; 20; 21; 14; 12; 13; 15], но на наш взгляд должного освещения тема еще не получила.

Необходимо отметить, что нам также известны работы, рассматривающие разновременные одежды с откидывающимися рукавами [3; 23]. Однако, по нашему мнению, в них так и не было установлено место кочевнической одежды золотоордынцев в ряду средневековой одежды с откидными рукавами Евразии. В силу того, что Э. Кнауэр имела своей целью поиск аналогий значительно более ранним, чем золотоордынские, одедам, а кроме того не знала о существовании интересующих нас артефактов, к ее работе мы будем обращаться лишь эпизодически. Зато мы не можем выпустить из виду работу М.В. Горелика в силу близости рассматриваемых тем и примененных подходов их изучения: исследователь рассмотрел или хотя бы упомянул разновременную одежду с откидными рукавами, пытаясь встроить в этот ряд известную ему одежду такого типа золотоордынских кочевников, прежде всего – халат из погребения у хутора Тормосин.

По мнению М.В. Горелика, одежда с откидывающимися рукавами «является весьма специфической и не слишком широко распространенной» [3, с. 63]. Вслед за специалистом попробуем рассмотреть сведения об одежде с откидными рукавами, чтобы проверить этот его тезис.

Исследователи отмечают, что одежда с откидными рукавами появляется на просторах Евразии еще до нашей эры [23, р. 8]. Однако рассматривать подобные одежды, по нашему мнению,

стоит с более позднего времени, когда можно проследить если и не прямые, то вполне вероятные связи с интересующей нас группой артефактов. Начать здесь стоит с хорошо известных специалистам «кафтаны для верховой езды в персидском стиле», найденных в погребениях византийских нобилей VI–VII вв. при раскопках рубежа XIX–XX вв. в Антинополе (табл. 1)*. Однако при рассмотрении данных вещей возникает вопрос – какое отношение они имеют к Персии?

Некоторые отечественные специалисты назвали их «типично иранскими» [3, с. 63]. Но при сравнении артефактов с различными изображениями персидских правителей и их приближенных сасанидского периода прямого сходства не обнаруживается. Так, Джиллиан Вогельсанг Иствуд выделила три группы плечевой одежды верхнего слоя на персидских изображениях: туники; накидки; куртки и кафтаны. Среди курток она выделяет три типа вещей: короткие куртки-жакеты; куртки, застегивающиеся на груди и открытые спереди до низа; куртки с очень длинными рукавами, застегнутые сверху до низу¹. Последние исследовательница считает наиболее близкими «кафтаны для верховой езды». Однако эти вещи представлены в источниках только по IV в. [26, р. 217–221]. Кроме того, ни на одном их изображении нет запаха.

К одеждем с запахом Вогельсанг Иствуд относит кафтаны. При этом она отмечает, что появление кафтанов обычно связывается с Центральной Азией [26, р. 221]. Лучшими сасанидскими изображениями этого типа одежд исследовательница считает рельефы в Так и-Бустане, показывающие Хосрова II [26, р. 222] (табл. 3). В настоящее время отечественными специалистами высказано мнение, что одежды Хосрова и его приближенных отнюдь не являются персидскими и относятся к тюркским халатам [6, с. 642–653]. Данное мнение кажется наиболее вероятным².

Мы думаем, что наибольшее сходство одежды из Антинополя имеют с кафтаными тюрок. Необходимо отметить, что откидывающихся рукавов на тюркских одеждах не известно. Однако они хорошо известны на римских/византийских туниках [24, fig. 25; 23, fig. 5–9, col. fig. 4] как минимум с IV в., при этом именно в таком исполнении, как реализованы на «халатах для езды»: разрез для продевания руки под рукавом, в подмышке. По всей видимости, «халаты для езды» представляют собой результат заимствования византийцами одежд у тюрок (посредничество персов в данном случае вряд ли было необходимо – византийцы имели плотные контакты с тюрками самостоятельно): тюркские халаты получили разрезы для продевания рук под рукавами, а также укороченную запахивающую полу, вероятно, более удобную пешему³. Подобное укорачивание полы на заимствованных у кочевников запахивающих одеждах в более позднее время можно наблюдать в Грузии⁴ и России⁵ (табл. 2)⁶.

На наш взгляд сложно согласиться с тезисом М.В. Горелика, что «кафтаны для верховой езды», имевшие прямоугольный выступ верхней полы, являются «прямыми предтечами такого специфически монгольского покроя кафтана, как тэрлэг» [3, с. 63, 66]. Единственной связью между «кафтаными для верховой езды» и халатами покроя тэрлэг является то, что и те и другие появились под влиянием тюркской моды. Сложно говорить о прямой преемственности видов одежды, разделенных столь сильно во времени: между ними 600–700 лет.

К сожалению, в имеющейся в нашем распоряжении источниковой базе есть лакуна, и одежду с откидными рукавами мы можем проследить в непрерывном использовании только для ближневосточного костюма (табл. 4). Здесь разрез под рукавом сохраняется и после завоевания региона

* Таблицы 1–18 к статье см. на цв. вклейке.

¹ Не буквально, а до уровня таза – как современные пальто.

² Вогельсанг Иствуд также считает, что одежду Хосрова можно связать с Центральной Азией, отмечая, что в V в. сасанидам пришлось столкнуться с эфталитами, под чьим господством иранцы затем находились до тех пор, пока в VI в. эфталиты не были разбиты сасанидами совместно с тюрками. Благодаря этой защите от эфталитов, иранская знать и была изображена в центральноазиатских одеждах, что просто отразило политическую ситуацию в конкретный период. Хотя исследовательницей также не исключается версия «исторического развития» сасанидского стиля одежды в центральноазиатском направлении [26, р. 223–224].

³ Любопытны в данном случае также изображения киданей, на которых нередко показано, как заимствованные из Китая халаты (в свою очередь заимствованные Срединной империей у тюрок [18, с. 364] носятся пешими персонажами поддержанными [18, табл. 12, в; табл. 13, а].

⁴ Вряд ли в данном случае можно говорить про сохранение преемственности с сасанидского времени, как это предполагают некоторые исследователи [23, р. 11–12].

⁵ По нашему мнению, и в том, и в другом случае одежда с запахивающей поллой была заимствована у тюрок. Однако это, конечно, не более чем любопытное совпадение.

⁶ См. также [23, fig. 4].

арабами. Причем используется он и на одежде с цельнокроеным рукавом, которая предположительно попадает в регион от центральноазиатских кочевников.

Одежда с откидными рукавами продолжает использоваться и византийцами. Например, источник X в. сообщает: «Подобающим и, в самом деле, нужным является избрание стратиотами из ромеев и армениев мужей-оплитов, имеющих большой рост и возраст не более сорока лет <...> Должно же предписать им и короткие, доходящие до колен, кавадии, содержащие хлопок и грубый шелк. Рукавам же их быть короткими и широкими, имеющими в подмышках разрезы для того, чтобы легко и вместе с тем удобно свои руки им вытаскивать и сражаться. Рукава же их сзади на плечах закрепить застежками» [11, с. 5–6].

В этот же временной промежуток (X в.) одежда с откидывающимися рукавами встречается и у монголов (табл. 6, а)⁷. К сожалению, достоверно сказать, каким образом и когда она у них появилась, в настоящее время мы не можем. Остается только предполагать, что влияние было не только со стороны кочевников на византийцев, но и в обратную сторону, и в Азию откидные рукава попадают посредством тюрок. Однако, как отмечалось ранее, у тюрок в рассматриваемое время одежды с подобными рукавами не известно, поэтому вполне вероятно, что в Центральную Азию подобные халаты попадают посредством арабов, захвативших в VIII в. при осуществлении своих завоеваний Мавераннахр. Хотя не исключено и местное развитие данной традиции. В пользу этого говорит отличное от «византийского варианта» расположение разрезов: они не под рукавами, а «на груди в проекции подмышек» [3, с. 62]. Еще одним возможным вариантом является «проникновение» одежды с откидными рукавами в Центральную Азию по Шелковому Пути, как это предположил М.В. Горелик [3, с. 66].

С течением времени, к середине XIII в., в Передней Азии разрезы на рукавах несколько смещаются – теперь они не под мышками, а непосредственно на рукаве, примерно на уровне локтя (табл. 4, б). Хотя также продолжает использоваться и более ранний вариант. Правда, источники, показывающие его, единичны (табл. 4, в)⁸.

Необходимо отметить, что в Европе⁹ достоверно одежда с откидывающимися рукавами фиксируется в источниках только с конца XII в. (табл. 7, а, б). Ее появление, вероятно, можно связать с активизацией и расширением связей Европы с Ближним Востоком после начала Крестовых походов. При этом в данное время откидывающиеся рукава известны только на весьма специфическом виде верхней одежды – плащах путников, называемых гардкопами (табл. 7). Разрез на такой одежде расположен в подмышке. Однако уже к середине XIII в. появляются различные виды одежды с откидывающимися рукавами, носят их и мужчины и женщины (табл. 8).

Известна в XIII в. одежда с откидывающимися рукавами и у армян (табл. 9). Причем необходимо отметить большую схожесть армянской и европейской одежды. Это может объясняться плотными контактами армянской аристократии со знатью европейских государств, а также государств, созданных крестоносцами.

Если в Европе в XIII в. одежда с откидывающимися рукавами является в первую очередь функциональным достаточно широко доступным вариантом, то в Передней Азии существуют и сугубо представительские ее виды, доступные только высшей знати: это «шубные халаты» (халаты с опушкой?) – (табл. 11)¹⁰. Причем для XIV в. можно наблюдать, что, видимо, благодаря пришедшим в регион монголам, позаимствовавшим практику использования местных символов вла-

⁷ Мы не можем согласиться с М.В. Гореликом, считавшим, что рассматриваемая нами одежда изображена на нишапурском блюде X в. из собрания Воровски [3, с. 66; рис. 5]. По нашему мнению на данном изображении на персонаже некая накидка (?), которые весьма часто можно видеть на нишапурских росписях посуды (Табл. 5). Просто в данном случае цвет «накидки» близок цвету наплечной одежды, что и создает видимость одежды с откидывающимися рукавами.

⁸ М.В. Горелик считал, что в данном случае «откидные рукава представляются прямым заимствованием у монголов», поскольку «отверстия для рук расположены практически под мышками, как на монгольских одеяниях» [3, с. 67]). Однако, как было показано выше, традиция откидных рукавов не прерывалась на Переднем Востоке длительное время, причем разрез располагался как раз в подмышке, что, собственно, мы и можем видеть на рассматриваемом изображении. Поэтому говорить о непременном заимствовании покроя у монголов в данном случае мы бы не стали.

⁹ Прежде всего, имеем ввиду католическую Европу, вне Византии. Да и на территории империи позже X в. источники такую одежду не показывают.

¹⁰ Можно предполагать использование такой одежды и у армян [19, fig. 5–3].

сти, «шубные халаты» с откидными рукавами появляются на новых территориях, где они ранее не использовались: например, в Грузии (табл. 11, г). Впрочем, подобная одежда носилась и во враждебных хулагуидам государствах: например, в государстве мамлюков (табл. 11, е). Вероятно, на данных территориях она могла появиться и до мамлюков.

Возвращаясь к теме нашего исследования, еще раз отметим, что у монголов одежда с откидывающимися рукавами известна с X в. (табл. 6). И затем она, по всей видимости, устойчиво существует вплоть до момента обособления улусов Великой империи монголов и потом используется на территориях отдельных улусов.

Интересно отметить, что уже в XI в. халаты с откидывающимися рукавами полностью сформировались: каких-либо принципиальных отличий артефакта XI в. от вещей XIII–XIV вв. нет. Халат из Дугун Цахира имеет разрезы для продевания рук на том же месте, что и у более поздних халатов (табл. 10; табл. 15); также как и у них, на рукавах есть петельки для закрепления откинутых рукавов за спиной [25, р. 294].

Для Золотой Орды такая одежда известна по целому ряду артефактов, а также по европейским изображениям. В отношении последнего источника необходимо отметить, что, как правило, данные изображения являются лишь косвенными свидетельствами: на них показаны либо жители абстрактного Востока (например, волхвы, святые), одетые в «восточную» одежду, которую могли рисовать и не с золотоордынцев; либо рассматриваемые нами образцы одежды изображены на персонажах, для которых монгольская одежда является заимствованной: например, на балканских нобилях. Для них монгольские халаты, судя по всему, являлись в первую очередь форменными, отражающими зависимость от Золотой Орды [16]. Хотя на Балканах в XIV в. появляются также и собственные виды одежды с откидными рукавами: как просто плечевые виды (табл. 12, а-в, е?), так и верхняя одежда, напоминающая, видимо, по функционалу европейские гардкопы (табл. 12, ж – левая часть, з). Можно предположить, что данные одежды могли являться представительскими, как это было на Переднем Востоке. Любопытно отметить, что также в XIV в. источники фиксируют появление одежды с откидывающимися рукавами и на Руси (табл. 13). Причем она весьма сходна по виду с балканской верхней одеждой с откидывающимися рукавами.

Европейские и восточные источники показывают одежду с откидными рукавами у византийцев в XIII в. (табл. 14, а, е), однако непосредственно в византийских источниках проследить ее для этого времени нам не удалось. Необходимо учесть, что в некоторых случаях рассматриваемая одежда показана у персонажей, носящих монгольскую одежду и занимающих пост при дворе правителя, являющегося вассалом хулагуидов, поэтому данная одежда могла быть для него «форменной». На европейском же изображении византийцы показаны, судя по всему, в европейской одежде. А, как было отмечено выше, в Европе откидные рукава в это время были весьма широко распространены. Однако в XIV в. уже можно видеть у византийцев достаточно большое разнообразие одежд с такими рукавами (табл. 14, в-д). В некоторых случаях это монгольские халаты, в других собственно византийская одежда (табл. 14, в (?), д – Кандака). Также можно предположить заимствование переднеазиатских представительских «шубных» халатов, переработанных в просто верхнюю одежду (табл. 14, д) без меха (?). Причем в дальнейшем такая одежда существует без существенных изменений как минимум вплоть до конца XV в. (табл. 14, б).

В Западной Европе одежда с откидывающимися рукавами активно используется и в XIV–XV вв. Причем в течение почти всего XIV в. какие-то резкие изменения в ее виде по сравнению с XIII столетием проследить сложно (табл. 16, а-г). Хотя уже во второй половине столетия появляются изображения, где разрез показан вдоль рукава и располагается он не в области подмышки, а в районе локтя (табл. 17, в-г). Правда, показано это на «восточных» персонажах или же на «людях древности», при изображении которых европейские авторы весьма часто в XIV–XV вв. использовали одежду с откидывающимися рукавами (табл. 17)¹¹. В XV же веке сходным образом начинают оформляться и разрезы на одежде в самой Европе (табл. 16, д-ж). Выполняются в это время подобным образом разрезы и на восточной одежде (табл. 18, а, в-г), а также на Руси (табл. 13, в). Хотя на Востоке сохраняется и «монгольский» вариант расположения разрезов (табл. 18, б).

¹¹ Необходимо отметить, что нередко разрезы показывались в нехарактерном для европейского костюма месте и в нехарактерном виде (табл. 17, и, л). Зато это полностью соответствует «монгольскому» варианту.

Золотоордынские артефакты.

Наиболее часто в отечественной литературе рассматривается халат из погребения у хутора Тормосин [3; 4; 14; 15]. Однако до настоящего времени специалистами так и не был предложен его верный, по нашему мнению, первоначальный вид. Основной сложностью при рассмотрении данной вещи является то, что торсовая часть халата фактически не сохранилась.

Автор отчета о раскопках погребения В.М. Клепиков, не знакомый с монгольским костюмом, предложил совершенно фантастический нераспашной раскрой, используя к тому же в качестве плечевого элемента найденные в погребении украшения обуви [9, рис. 19]. С одной стороны ошибки В.М. Клепикова вполне понятны: на момент описания находки необходимой информационной базы по золотоордынскому кочевническому костюму просто не существовало. С другой – не совсем ясно, почему, имея сведения о фактическом расположении сохранившихся частей халата относительно тела погребенного, был предложен такой вариант реконструкции одежды.

Также сложно понять, почему в настоящее время исследователи, прекрасно знакомые как с отечественными, так и зарубежными публикациями по монгольской одежде, продолжили поддерживать устаревшие идеи. В частности М.В. Горелик предположил, что халат из рассматриваемого погребения был нераспашным, а отделка обуви – это наплечная пелерина [3]. При этом проведенные исследователем аналогии с одеждами с хулагуидских и тимуридских миниатюр ложны. Как минимум, на части рассмотренных М.В. Гореликом изображений показаны совершенно иные виды одежды, которые вообще нельзя отнести к нераспашным вещам [3, рис. 15, 18, 21, 28].

Не раз обращалась в своих работах к теме тормосинского халата и Т.В. Сидорова [14; 15]. При поиске аналогий золотоордынской одежде с откидными рукавами исследовательница привлекала юаньские изображения и артефакты. Однако, также как и М.В. Горелик, тоже рассматривавший эти источники, Т.В. Сидорова почему-то не стала предполагать, что в основе одежда из тормосинского погребения представляет собой обычный монгольский запашной халат (схема 1). По нашему же мнению это именно так, что мы ранее уже высказывали [17, с. 242]. И сейчас мы можем говорить об этом со всей уверенностью: на прорисовке фрагментов халата, выполненной С.М. Шашуновой, работающей с артефактом, хорошо видно, что сохранилась часть верхней, левой, полы (схема 2). Кроме того, при изучении данного артефакта были обнаружены следы пришивания завязок на правом боку¹².

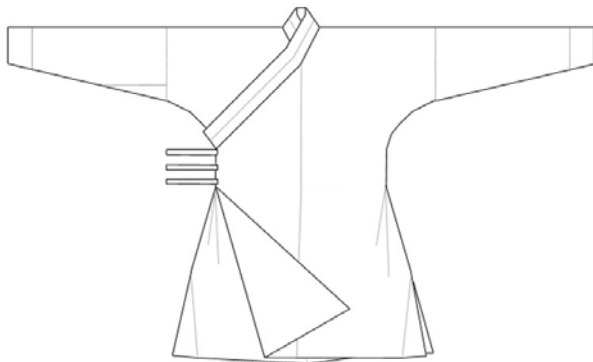

Схема 1. Общий вид одного из наиболее простых и широко распространенных вариантов халатов без многочисленных складок на юбке (Рис. Д.В. Трофимова)

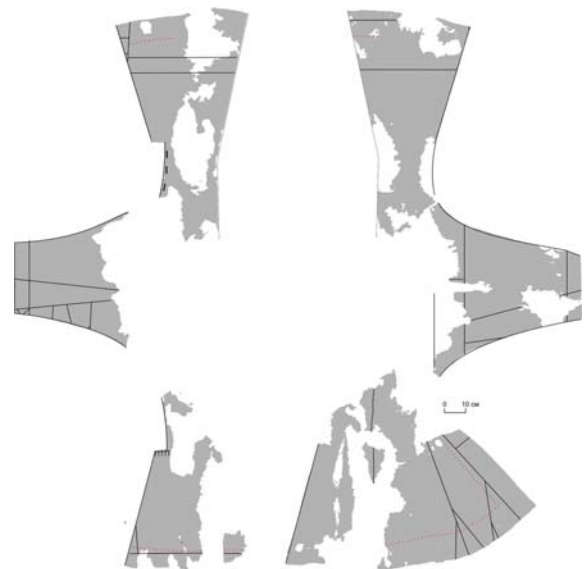

Схема 2. Прорисовка сохранившихся фрагментов халата из погребения у хутора Тормосин (Рис. С.М. Шашуновой)*

* Выражаем искреннюю благодарность С.М. Шашуновой за предоставление данной схемы.

¹² Мы признательны С.М. Шашуновой за данную информацию.

При рассмотрении монгольских халатов с откидными рукавами М.В. Горелик использовал данные о халатах, которые были представлены на аукционе Кристис [3, рис. 9–10] (табл. 14, а-в), а также о халатах, найденных в Мингечауре [3, рис. 12–13] (табл. 14, д). К сожалению, последние были найдены во фрагментированном состоянии [1, с. 164]. Это осложняет проведение анализа. В частности, один из халатов, который М.В. Горелик считает имеющим откидные рукава, таковым может и не являться (табл. 14, д, 1–2). На представленном исследователем фото [3, рис. 12] хорошо видно, что разрез на рукаве расположен в шве, соединяющем рукав со станом. Подобного не наблюдается ни на одном другом артефакте: разрез всегда расположен ближе к стану, чем шов. По тому же фото из статьи М.В. Горелика видно, что халат в рассматриваемом месте не сохранился, а вся откидывающаяся конструкция выполнена на подложке-реконструкции при реставрации изделия. Т. о. в данном случае можно предполагать ошибку реставраторов. Как минимум в конструкции выполнения системы откидывания рукава. Как максимум можно вообще усомниться, что таковая была на данном халате.

Второй халат из Мингечаура привлекает не меньше внимания (табл. 14, д, 3–4). Как отмечал М.В. Горелик, его мнение насчет этого артефакта со временем менялось. Если изначально исследователь считал его монгольским халатом «основного покроя дегель», но с «невысоким стоячим глухим воротником с разрезом справа», что было связано с европейским влиянием; то позднее исследователь предположил, что данный халат парадный половецкий. Аналоги таких предметов М.В. Горелик видел в изображениях на миниатюрах «Венгерской иллюстрированной хроники» (см. например табл. 17, в) и на фреске «Мученичество францисканцев в Сеуте» Амброджо Лоренцетти [3, с. 70]. По нашему же мнению на миниатюрах венгерской хроники показаны обычные монгольские халаты по терминологии М.В. Горелика «основного покроя», но в несколько стилизованном виде. На фреске же Амброджо Лоренцетти восточные персонажи также показаны в стилизованных одеяниях, в которых художник, возможно, смешал тюркские и монгольские черты одежды (глубокий косой запах и воротник-стойку). Сама реконструкция М.В. Горелика [3, рис. 13] представляется крайне сомнительной. По имеющимся в нашем распоряжении фотографиям (табл. 14, д, 3–4) возможно предположить, что этот халат обычного монгольского «основного покроя».

Еще одним известным нам артефактом монгольского халата с откидывающимися рукавами является депаспортизированная часть предположительно мужского халата из могильника Маячный бугор [3, с. 68; 12; 13], представляющая собой практически полностью сохранившуюся верхнюю половину халата (Схема 3), аналогичного халату из Тормосина.

Схема 3. Халат из «погребения в могильнике Маячный Бугор». Общий вид и прорисовка узора ткани (Рис. Е.О. Непомнящего по фото Т.В. Сидоровой и О.В. Орфинской)

Не менее интересные артефакты были найдены в погребениях тюрков¹³. Происходящие из них вещи показывают, что одежда кочевников Золотой Орды, имеющая откидные рукава, была весьма разнообразной. Так, в погребении 1 кургана 1 могильника Вербовый Лог VIII в качестве погребального набора одежды, положенной комом поверх погребенной, находилась рубаша, проводя реставрацию и делая графическую реконструкцию которой, З.В. Доде предполагает наличие запаха с креплением запахивающейся полы на правом боку [8, рис. 3]. Однако в данном предмете сложно увидеть нательную рубашу, как трактует данную находку исследовательница, поскольку изделие имеет разрезы для продевания рук на предплечьях, что логично для одежды верхнего слоя, а не нательного предмета. Таким образом, можно предположить здесь «рубашу-куртку».

Однако данный предмет одежды мог и не иметь запахивающейся полы и в таком случае представлял собой довольно обычную рубашу-куртку с осевым разрезом (Схема 4, б). Конечно, в пользу мнения З.В. Доде о запахе говорит нашитая на правом боку завязка, но среди артефактов империи Юань известна рубаша-куртка с осевым разрезом и завязкой на правом боку. Схожие предметы в Восточной Азии известны и в существенно более позднее время [17, табл. 8]. Дополнительная завязка на боку позволяла носить их в том числе в варианте, когда полы завязывались не встык, а с перекрыванием друг друга.

Не менее интересным артефактом является халат знатного тюрка из погребения Джухта-2 [2, с. 210–211; 5, с. 68–73; 7; 21; 20]. Он представлял собой, по нашему мнению, один из типичных вариантов тюркских халатов¹⁴ с осевым разрезом (схема 4, а), застегивавшихся от горловины до пояса на матерчатые пуговицы. На рукавах данного халата были разрезы для продевания рук, снабженные пуговицами. Выполнены разрезы были сходным образом, как это делалось и на монгольских халатах. Однако, из-за очень большой ширины изделия, фактически разрезы находились на уровне середины предплечья владельца халата [20, fig. 15].

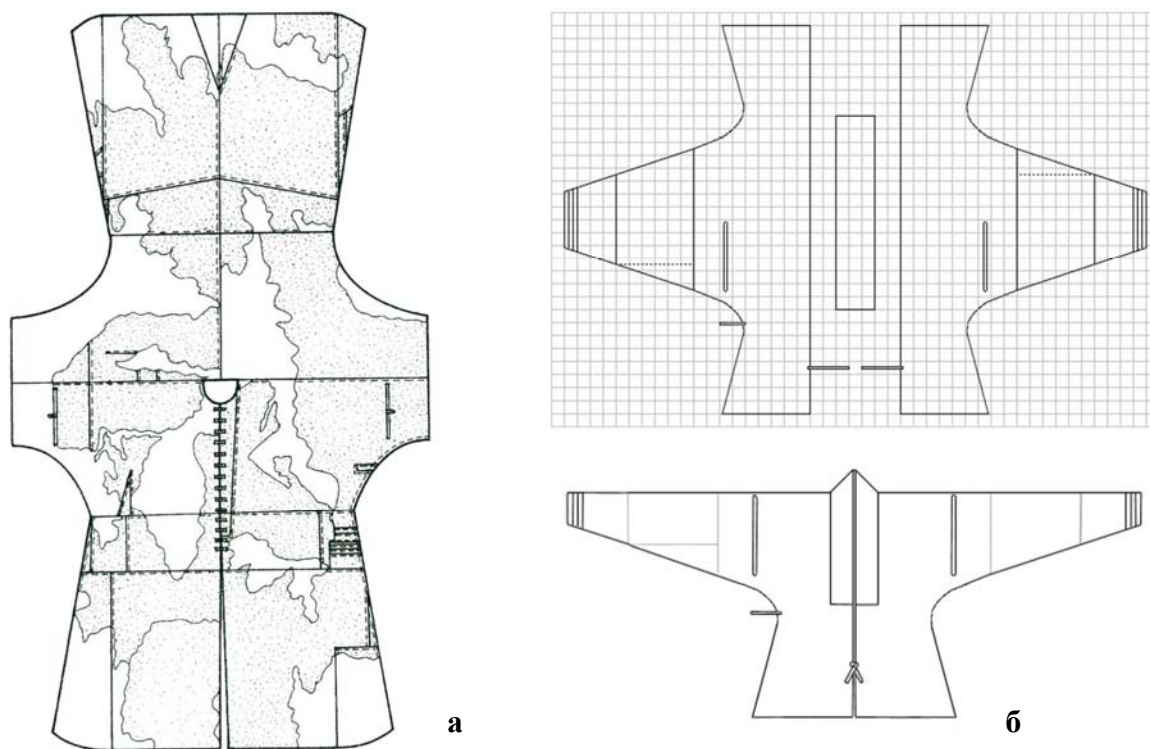

Схема 4. Одежда с откидными рукавами из погребений тюрков.
а – халат из погребения Джухта-2. По З.В. Доде [21, р. 86].
б – рубаша-куртка из погребения 1 кургана 1 могильника Вербовый Лог VIII
(версия реконструкции выкройки без уточнения деталей) (Рис. Д.В. Трофимова)

¹³ Несмотря на то, что по некоторым признакам погребенного у хутора Тормосин также можно считать тюрком [17, с. 255–256] его халат является типично монгольским, поэтому рассмотрен нами отдельно.

¹⁴ Без учета его нестандартной большой ширины.

М.В. Горелик считал данный халат «типично европейским итальянским костюмом конца XIII – XIV вв.» [2, с. 211]. Исследователь находил схожесть одежд из данного погребения с изображением осетинской знати в Нузальском храме, для которого он проводит параллели с европейским костюмом. В частности, он считал, что наличие широкого стоячего воротника, система галунной расшивки, а также разрез на рукавах в районе локтя – признаки того, что крой костюма был заимствован из Европы. Причем отмечается, что «разрезы на локтевой части рукава известны только в европейском костюме 12–14 вв.» (2). Однако З.В. Доде считает, что на нузальских фресках изображенные одеты по тюркской моде [5, с. 54], господствовавшей на Кавказе еще с XI в. И высокие стоячие воротники, и осевой разрез с частым рядом пуговиц можно видеть в кавказском костюме задолго до рубежа XIII–XIV вв. Например, все это есть на статуе воина из Длинной долины, датированной XII в. [5, рис. 36]. Как уже отмечалось выше, разрезы на джухтинском халате выполнены совершенно так же, как это можно видеть на монгольских халатах, однако за счет огромной ширины изделия они оказались смещены. Если сравнить схему джухтинского халата, не учитывая пропорции относительно тела владельца, с раскроем монгольских халатов с откидными рукавами, то можно видеть, что фактически разрез на рукавах находится в одном и том же месте (см. схему 4, а и табл. 15). Т.о. мы не можем согласиться с предположением М.В. Горелика о европейском влиянии и считаем джухтинский халат тюркским.

Подобные изделия продолжали существовать в Предкавказском регионе и в постордынское время. В частности очень похожий женский халат был обнаружен в погребении 20 Белореченских курганов, датированном второй половиной XV века [22]. Он также имел осевой разрез и разрезы на рукавах, застегивающиеся на пуговицы (схема 5). Но в данном случае отсутствовал цельнокроенный рукав, который был имитирован за счет расширяющих конструкцию перевернутых треугольников клиньев, вшитых на боках под рукавами халата. Это было обусловлено, видимо, шириной используемой ткани. Разрез здесь также претерпел изменения: теперь он не вертикальный, а горизонтальный, идущий вдоль рукава.

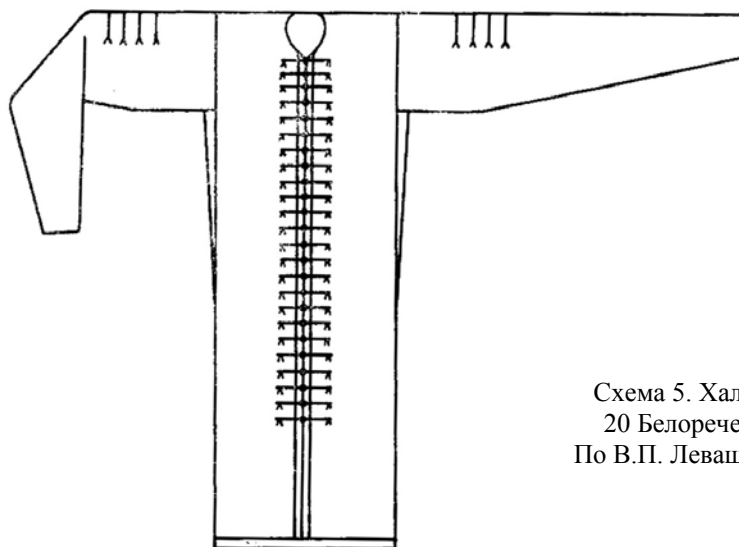

Схема 5. Халат из погребения
20 Белореченских курганов.
По В.П. Левашевой [10, рис. 6, 3]

Заключение. Проведенный краткий обзор показал, что одежды с откидывающимися рукавами существуют длительное время и на весьма обширных территориях. Исходя из сведений имеющихся в нашем распоряжении источников, можно подытожить:

- одежды с откидывающимися рукавами использовались в Средиземноморье как минимум с IV в. Разрез для продевания руки располагался у них под рукавом, в подмышке;
- в результате активного взаимодействия Тюркского каганата с Византией, примерно в V–VI вв. знатно последней заимствуются тюркские кафтаны. На территории Византии они получают откидывающиеся рукава с разрезом в подмышке, их верхняя пола укорачивается;
- разнообразные одежды с откидывающимися рукавами существуют на Ближнем Востоке и после завоевания региона арабами;

– византийцы продолжают использовать одежду с откидывающимися рукавами с разрезом в подмышке как минимум до X в.;

– в результате завоевательных походов арабов, либо же по Шелковому Пути, откидные рукава попадают в Центральную Азию и в X в. входят в употребление у монголов. Однако здесь разрез для продевания рук перемещается на переднюю часть одежды и располагается «на груди в проекции подмышек» (не исключено местное развитие такого разреза). Причем уже в X–XI вв. монгольские одежды с откидывающимися рукавами полностью сформировались и затем существуют в рамках сформировавшихся форм вплоть до XV в.;

– в XIII в. на Ближнем Востоке разрез откидывающихся рукавов перемещается из подмышки в район локтя, однако и старые формы продолжают использоваться. По всему региону распространяются представительские одежды знати с откидывающимися рукавами – «шубные» халаты (халаты с опушкой?);

– в результате активизации различных отношений Запада с Востоком после начала эпохи Крестовых походов, европейцы перенимают принцип откидывающихся рукавов. В XII в. он начинает использоваться на специфических плащах путников – гардкопах, однако к середине XIII в. в Европе появляется множество различных одежд с откидывающимися рукавами. Разрез у них располагается в подмышке. Под влиянием европейцев они (европейские одежды) распространяются на Ближнем Востоке среди армянской знати;

– после создания Великой Монгольской Империи в улусе хулагуидов «шубные» халаты, видимо, были включены в ряд символов знатности новой элиты, после чего распространились в регионы, где ранее не встречались – например, в Грузию;

– в Европе также наблюдалось монгольское влияние на одежду знати подчиненных территорий. Нобили как оседлых, так и кочевых народов стали использовать одежду с откидывающимися рукавами. У кочевой знати Золотой Орды можно видеть, что одежда с откидными рукавами в данном государстве была крайне разнообразной: были представлены как «классические» монгольские халаты, так и переработанные рубахи-куртки, а также тюркские одежды с заимствованным принципом откидывающихся рукавов.

Использование монгольских халатов с откидными рукавами можно видеть в балканских и византийских источниках. Если во втором случае сложно сказать, откуда именно было влияние: из Золотой Орды или государства хулагуидов, то на Балканах использование рассматриваемой одежды было следствием довольно активной политики представителей знати именно улуса Джучи. Однако как на Балканах, так и в Византии были распространены не только монгольские виды одежды с откидывающимися рукавами. И тут сложно сказать, каково именно было их происхождение: появились ли они под монгольским влиянием или же новые моды распространялись из Западной Европы;

– и на территории бывшего улуса Джучи, и в Европе, и на Ближнем Востоке существование и развитие одежды с откидывающимися рукавами продолжается и после падения монгольских государств.

В настоящей работе мы ограничились рассмотрением источников до конца XV столетия, но интересующие нас одежды продолжали использоваться в указанных регионах еще сотни лет после этого. Однако освещение этого выходит за рамки нашей темы: изучения золотоордынской одежды с откидными рукавами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмедов С.А.* Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов // *Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2.* Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 162–169.
2. *Горелик М.В.* Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV вв.) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11.* Армавир, 2010. С. 207–231.
3. *Горелик М.В.* Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // *Батыр. № 3.* Издательский дом Марджани, 2011. С. 59–91.
4. *Горелик М.В., Яворская Л.В.* Погребение знатного золотоордынца у хутора Тормосин в Волгоградской области // *Батыр. № 3.* М.: Издательский дом Марджани, 2011. С. 39–47.
5. *Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории. М.: Восточная литература, 2001. 136 с.

6. Додэ З.В. «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя» // Российский археологический ежегодник. №3. 2013. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2013. С. 642–653.
7. Додэ З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта–2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001. С. 117–127.
8. Додэ З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Додэ З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–125.
9. Клепиков В.М. Отчет об археологических раскопках и разведках Чернышковского района Волгоградской области в 1983 году. Археологическая лаборатория ВолГУ. Волгоград, 1983.
10. Левашова В.П. Белореченские курганы // Труды государственного исторического музея. Вып. 22. М., 1953. С. 163–213.
11. Никифор II Фока Стратегика / Пер. со среднегреч. и коммент. А.К. Нефёдкина. Алетейя, 2005. 278 с.
12. Сидорова Т.В. Мужская одежда. Маячный бугор: что носили жители Золотой Орды? // Родина. 2011. № 11. С. 52–54.
13. Сидорова Т.В. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань, Астрахань, 2011. С. 260–266.
14. Сидорова Т.В. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин (Волгоградская область) // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых учённых «Перспектива–2010». Т. 1. Нальчик, 2010. С. 211–215.
15. Сидорова Т.В. Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин–83 (Волгоградская область) // Батыр. № 3. Издательский дом Марджани, 2011. С. 48–55.
16. Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой Орде (первая половина XIV в.) // Золотоордынское обозрение. 2014. №1(3). С. 101–118.
17. Хрипунов Н. В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 233–272.
18. Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 363–393.
19. Arnold L. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250–1350. Desiderata Pr., 1999. 239 p.
20. Dode Z. “Djuhta”, Necropole de la periode de la Horde d’Or dans le village Caucasien de Djuhti, Region de Stavropol // Archeologie Medievale. N 37. Universite de Caen, 2007. P. 67–90.
21. Dode Z. Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13th–14th Centuries in North Caucasus // Bulletin du CIETA. No. 82, 2005. P. 75–93.
22. Dode Z. On the Issue of Silk Weaving in Genoese Kaffa and Textiles from the Belorechenskaia Kurgans // Silkroad Foundation’s journal, The Silk Road (vol. 11 for 2013). P. 113–122.
23. Knauer Elfriede R. A Quest for the Origin of the Persian Riding Coats: Sleeved Garments with Underarm Openings // Riding costume in Egypt: origin and appearance. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 7–28.
24. Knauer Elfriede R. Towards a history of the sleeved coat. A study of the impact of an ancient eastern garment on the West // Expedition, The University Museum Magazine of Archaeology/Anthropology. – University of Pennsylvania 21.1, 1978. P. 18–36.
25. Steppenkrieger. Reiternomaden des 7. –14. Jahrhunderts aus der Mongolei / ed. Jan Bemmann. Bonn: LVR Landes Museum. Darmstadt, PrimusVerlag, 2012. 416 s.
26. Vogelsang-Eastwood Gillian. Sasanian ‘riding-coats’: the Iranian evidence // Riding costume in Egypt: origin and appearance. Leiden–Boston: Brill. P. 209–229.

Сведения об авторе: Николай Васильевич Хрипунов – магистр кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета Воронежского государственного университета (394006, Университетская площадь, 1, Воронеж, Российская Федерация); draugruss@mail.ru

Garments with Folding Sleeves in the Golden Horde

N.V. Khripunov
(Voronezh State University)

The article discusses the Golden Horde garments with folding sleeves: sleeves on these specific types of clothes can hang freely or be folded behind the back and fixed with buttons or special bandage, whereas the hands passed through the extra holes located in the area of the forearm. This article attempts to prove or disprove M.V. Gorelik's assertion that such clothing was rare and less common.

Review begins with "coats for riding", found during excavations in Antinopolis in the 19th–20th centuries. The author both suggests that this type of garments appeared along with contacts between the Byzantines and Turks and traces the use of garments with folding sleeves in the Middle East from 6th–7th to 14th centuries. The author suggests that these clothes appeared in Europe and provides evidence of their appearance in the Balkan countries and Rus'. This article contains analysis of the impact of the Golden Horde gowns on the development of this type of clothing, and seeks to answer the question of how it appeared among the Mongols.

The second part of the article considers the Golden Horde artifacts of the garments with folding sleeves. The author points to the diversity of types of garments with folding sleeves in the Golden Horde: there are artifacts of different types of gowns and short female jackets. Gowns of the "Mongol" type are of the same type for the whole territory of the Mongol Empire. When considering the artifacts the author casts doubt on M.V. Gorelik's attribution of certain findings and disputes his assumption about European roots of the Turkic robe in the male burial Juhta–2. He also points to the continued existence of the garments with folding sleeves in the Ciscaucasian region during the post-Horde time.

In conclusion, based on a variety of sources, the author points to a fairly wide spread of the garments with folding sleeves in Europe and Asia of the 13th–15th centuries.

Keywords: ulus of Jochi, Mongol robe, Mongols, Turks, nobility, Golden Horde.

REFERENCES

1. Akhmedov S.A. Pogrebeniya mongol'skikh voinov iz Mingechaura i zashchitnyy val Abaga-khana kak neizuchennyy aspekt istorii voyn Zolotoy Ordy i gosudarstva Il'khanov [Burials of the Mongol Warriors from Mingechaur and Defensive Vallation of Abaga Khan as Unexplored Aspect of the History of Wars of the Golden Horde and the State of the Ilkhans]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Vyp. 2. Kazan, «Fen» Publ., 2009, No. 2, pp. 162–169.
2. Gorelik M.V. Zolotoordynskiy kostyum Kavkaza (vtoraya polovina XIII – XIV vv.) [Clothing of the Golden Horde in the Caucasus (the second half of the 13th – 14th centuries)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials for the Study of Historical and Cultural Legacy of the Northern Caucasus]. Armavir, 2010, no. 11, pp. 207–231.
3. Gorelik M.V. Kostyum zolotoordyntsa iz pogrebeniya u khutora Tormosin [Costume of a Golden Horde Nomad Buried Near the Farm Tormosin]. «*Batyr*» – *Journal "Batyr"*, 2011, no. 3, pp. 59–91.
4. Gorelik M.V., Yavorskaya L.V. Pogrebenie znatnogo zolotoordyntsa u khutora Tormosin v Volgogradskoy oblasti [Burial of a Golden Horde Noble Near the Farm Tormosin in the Volgograd Region]. «*Batyr*» – *Journal "Batyr"*, 2011, no. 3, pp. 39–47.
5. Dode Z.V. *Srednevekovyy kostyum narodov Severnogo Kavkaza: ocherki istorii* [Medieval Costume of the Peoples of the Northern Caucasus: Essays of History]. Moscow, Eastern Literature Publ., 2001. 136 p.
6. Dode Z.V. «Iranskiy» khalat Khosrova i «adygskaya struya» [The Khosrov's "Iranian" Caftan and the "Adygean Stream"]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. №3. St. Petersburg, University publishing consortium, 2013, pp. 642–653.
7. Dode Z.V. Kostyumi kochevnikov Zolotoy Ordy iz mogil'nika Dzhukhta–2 [Costumes of the Golden Horde Nomads from the Burial Ground Juhta–2]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials for the Study of Historical and Cultural Legacy of the Northern Caucasus]. Moscow, 2001, no. 2, pp. 117–127.
8. Dode Z.V. Odezhdyy i shelka iz mogil'nika Verbovy Log [Silk Clothes from the Burial Ground Verbovy Log]. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala. Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Burials of Nobility of the Golden Horde Times in the Interfluvium of Don and Sal. Materials for the Study of Historical and Cultural Legacy of the Northern Caucasus], 2006, no. VI, pp. 77–125.
9. Klepikov V.M. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh Chernyshkovskogo rayona Volgogradskoy oblasti v 1983 godu* [Report on Archaeological Excavations and Reconnaissances in Chernishkovski Area of the Volgograd Region in 1983]. Volgograd, Archaeological Laboratory of VolGU, 1983.

10. Levashova V.P. Belorechenskie kurgany [Belorechensk Burial Mounds]. *Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum], no. 22. Moscow, 1953, pp. 163–213.
11. Nikephoros II Phokas. *Strategika*. Aleteyya publ., 2005, 278 p.
12. Sidorova T.V. Muzhskaya odezhda. Mayachnyy bugor: chto nosili zhiteli Zolotoy Ordy? [Men's Clothing. Mayachnyy Bugor: what people wore in the Golden Horde?]. *Rodina – Motherland*, 2011, no. 11, pp. 52–54.
13. Sidorova T.V. Muzhskoy zolotoordynskiy kostyum po materialam tekstil'nogo kompleksa iz mogil'nika Mayachnyy Bugor [Male Costume of the Golden Horde Period Based on the Textile Complex of the Burial Ground Mayachnyy Bugor]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve* [Dialog of the Urban and Steppe cultures in Eurasia: Collected articles]. Kazan, Astrakhan, 2011, pp. 260–266.
14. Sidorova T.V. Muzhskoy kostyum zolotoordynskogo vremeni iz kurgannoy gruppy Tormosin (Volgogradskaya oblast') [Male Costume of the Golden Horde Period from the Barrow Group Tormosin (Volgograd region)]. *Perspektiva–2010. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh* [“Vision 2010”. Proceedings of the international conference of students, graduate students and young scientists]. Nalchik, 2010, vol. 1, pp. 211–215.
15. Sidorova T.V. Muzhskoy kostyum zolotoordynskogo vremeni iz kurgannoy gruppy Tormosin–83 (Volgogradskaya oblast') [Male Costume of the Golden Horde Period from the Barrow Group Tormosin –83 (Volgograd region)]. «*Batyr*» – *Journal “Batyr”*, 2011, no. 3, pp. 48–55.
16. Uzelac A. Serbskie pis'mennye istochniki o tatarakh i Zolotoy Orde (pervaya polovina XIV v.) [Serbian Written Sources on the Tatars and the Golden Horde (first half of the 14th century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review], no 1(3), 2014, pp. 101–118.
17. Khripunov N.V. Mongol'skaya odezhda znati Zolotoy Ordy v 1266–1312 gg. [Mongol Clothing of the Nobility in Golden Horde during the period from 1266 to 1312]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected articles], 2013, no. 6, pp. 233–272.
18. Khripunov N.V. Odezhda znati Velikoy imperii mongolov v 1207–1266 gg. [Clothes of Nobility during the Period of the Great Empire of the Mongols in 1207–1266]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected articles], 2012, no. 5, pp. 363–393.
19. Arnold L. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250–1350. Desiderata Pr., 1999. 239 p.
20. Dode Z. “Djutha”, Necropole de la periode de la Horde d'Or dans le village Caucasiens de Djuhti, Region de Stavropol. *Archeologie Medievale*. N 37. Universite de Caen, 2007, pp. 67–90.
21. Dode Z. Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13th–14th Centuries in North Caucasus. *Bulletin du CIETA*. No. 82, 2005, pp. 75–93.
22. Dode Z. On the Issue of Silk Weaving in Genoese Kaffa and Textiles from the Belorechenskaia Kurgans. *Silkroad Foundation's journal, The Silk Road* (vol. 11 for 2013), pp. 113–122.
23. Knauer Elfriede R. A Quest for the Origin of the Persian Riding Coats: Sleeved Garments with Underarm Openings. *Riding costume in Egypt: origin and appearance*. Leiden–Boston: Brill, 2004, pp. 7–28.
24. Knauer Elfriede R. Towards a history of the sleeved coat. A study of the impact of an ancient eastern garment on the West. *Expedition, The University Museum Magazine of Archaeology / Anthropology*. University of Pennsylvania 21.1, 1978, pp. 18–36.
25. *Steppenkrieger. Reiternomaden des 7. –14. Jahrhunderts aus der Mongolei*. Ed. Jan Bemann. Bonn: LVR Landes Museum. Darmstadt, PrimusVerlag, 2012. 416 p.
26. Vogelsang-Eastwood Gillian. Sasanian ‘riding-coats’: the Iranian evidence. *Riding costume in Egypt: origin and appearance*. Leiden–Boston, Brill, 2004, pp. 209–229.

About the author: Nikolay Vasil'evich Khripunov – Master's Degree Student of the Department of Medieval History and Foreign Slavic Peoples at the Faculty of History of the Voronezh State University (394006, Universitetskaya pl., 1, Voronezh, Russian Federation); draugruss@mail.ru

Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде

Т.Ф. Хайдаров

(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

Эпидемия «Черной смерти» занимает важное место в истории человечества. Именно после неё произошло становление современного мира. Данная тема хорошо освещена в зарубежной историографии.

До последнего времени основные оценки этого события охватывали в основном Западную Европу и Ближний Восток. Главными причинами столь пристального внимания со стороны ученых к европейской вспышке заболевания в этих регионах заключалось в том, что у исследователей имеются в наличии большое число письменных и вещественных источников того периода. В отношении территории Золотой Орды и Руси сложилась совершенно иная ситуация. Хотя и было признано, что «Черная смерть» зародилась на Востоке, представление об этом событии в средневековой истории России носят эпизодический характер. В большей степени, работы зарубежных авторов базируются не на анализе первоисточников на татарском или русском языках, а на трудах современных отечественных авторов. Поэтому данная тема изучается в контексте экономических, урбанистических, социально-политических исследований русско-золотоордынских взаимоотношений и церковной истории. Незнание этих источников западные исследователи компенсируют за счет активного привлечения в свои научные изыскания арабских, византийских и латинских первоисточников. Такой исследовательский подход в изучении данной темы позволяет лишь отчасти реконструировать распространение «Черной смерти» в ордынских землях, русских княжествах и Литве. Из всех письменных источников в западной историографии активнее всего используется лишь отрывок из хроники флорентийца Маттео Виллани о бомбардировке весной 1347 г. войсками хана Джанибека трупами умерших от чумы людей осажденной Кафы (Феодосии). В сложившейся с историческими источниками ситуации следует признать, что одними из самых полных по теме эпидемии «Черной смерти» в Золотой Орде будут выступать русские летописи. Именно в них содержится информация о периоде начала, формах и районах распространения заболевания на территории Золотой Орды. Именно в этой группе письменных источников отразились изменения восприятия заболевания в ордынском обществе. Как показал анализ взглядов западных историков и привлеченных ими текстов исторических источников, тема распространения «Черной смерти» в Улусе Джучи и в русских княжествах пока широко не освещена.

Ключевые слова: Черная смерть, русские летописи, волны распространения чумы, клиника чумы, Улус Джучи, Мамай, Дмитрий Донской.

В отечественной науке только недавно стала формироваться общая картина протекания «Черной смерти» в Улусе Джучи. В условиях назревшего в начале XXI в. методологического кризиса российской историографии, заставляющего искать новые источники или заново переосмысливать уже существующие, настало время с учетом наработок в области истории медицины и эпидемиологии заново проанализировать тексты, переведенные на русский язык письменных источников. Безусловно, наиболее полные данные об эпидемии чумы в середине XIV в. содержатся в текстах русских летописей. Данные по морю представлены в 17 томах Полного собрания русских летописей, т.е. практически в половине текстов русских летописей. Все русские летописи можно разделить на четыре группы: новгородская, московская, тверская и западно-русская (литовская). Наиболее полная информация о вспышках чумы представлена в 4 летописях: Троицкая летопись - несохранившийся летописный свод начала XV в. и частично реконструированный М.Д. Приселковым, Рогожский летописец - середина XV в., Симеоновская летопись - конец XV в. и Никоновская летопись - XVI в. Эти летописные своды относятся к первым двум группам. В остальных летописных памятниках информация о чуме на Руси и в Золотой Орде либо скудна, либо о нем имеются лишь косвенные указания. При этом следует отметить, что в новгородских летописях хорошо представлена информация по первой вспышке чумы в Новгороде и Пскове (1352-1353 гг.). Вторая вспышка чумы представлена в летописях, созданных на территории Северо-Восточной Руси. Скорее всего, такая подача информации связана с проявлениями *Черной смерти* в том или ином княжестве. Впрочем, самые полные сведения о всех вспышках содержатся только в Никоновской летописи.

Исходя из всех летописных данных можно сделать некоторые выводы. Вспышки чумы в русских землях бывали неоднократно. Можно четко определить регион возникновения первой вспышки *Черной смерти* (1346–1353 гг.). «В лето 6854 (1346) бысть казнь на люди от Бога подь вьсточною стороною вь Орде и в Ворначе и в Сарай и в Бездежи и вь прочих градахъ и странахъ ихъ. И бысть морь на люди великъ и на Бессермены и на Татары и на Ормены и на Бесы и на Жиды и на Черкасы и прочаа человеки тамо живуцаа в нихъ. Толь же сплень бысть морь вь нихъ, яко не бе мощно живым мертвыхъ погребати» [8, л. 279: 57].

1. Наиболее спорным моментом этого отрывка является город Ворнач (Орнач). Зачастую бытует мнение, что под ним подразумевается среднеазиатский Ургенч. Однако в свете биологических исследований природных очагов чумы, такое предположение будет некорректным. Скорее всего, под этим названием следует понимать один из золотоордынских городов, находившихся либо на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют упомянутые народы, либо в устье Дона, на что указывает Н.М. Карамзин [3, Кн. 1 Т. IV, с. 166 – 170], и упоминание, возможно, ближайших ордынских городов (Хаджи-Тархан, Сарай, Бельджамен). Отчасти доказательством этого предположения может служить тот факт, что в перечислении не указываются другие среднеазиатские центры.

К предположению об усть-донском местонахождении этого города склонялась Г.Н. Моисеева. Ссылаясь в своей статье на карту посетившего в 1388 г. Нижнее Поволжье венецианского космографа Фра Мауро, она приходит к выводу, что располагавшиеся в устье Дона город Organsa скорее всего и являлся легендарным Орначем. Правда, факт присутствия рядом городом изображения надгробия с надписью «*Sepulcrumreal*» («в действительности могила») напрямую свидетельствовал об исчезновении в конце XIV в. этого города [5, с. 225]. Впрочем, до сих пор историки не пришли к общему мнению о его расположении.

Золотоордынские земли были не первыми где разразилась эпидемия чумы. Согласно сочинениям арабских географов Ибн ал-Варди и Ибн Баттуты, а также данным археологических раскопок в районе озер Балхаш и Иссык-куль остатки несторианских катакомб, многочисленные находки вещественной культуры и данные эпидемических исследований первым районом, охваченным вспышкой *Черной смерти* около 1331 г., стала либо юго-западная китайская провинция Хэбэй, либо среднеазиатский Мавераннахр (Трансоксания). Располагавшийся на этой территории перекрёсток двух активно использовавшихся торговых путей из Северо-восточной Индии и Китая в Западную Европу и на Ближний Восток, позволил очень быстро распространиться заболеванию. В 1333 г. эпидемия охватила Северный Китай, Джунгарию, Монголию и Манжурию. Через несколько лет она была зафиксирована вблизи озера Иссык-Куль (1338 – 1339). К концу 1330-х гг. чума достигает территории Улуса Джучи в районе Хорезма и западного берега Аральского моря, а уже в начале 1340-х г. – нижневолжских степей [17, с. 183].

Свидетельством дальнейшего продвижения *Черной смерти* в землях Золотой Орды являются средневековые хроники флорентинца Маттео Виллани. Проживая в Кафе (Феодосия) во время осады золотоордынским ханом Джанибеком (1346 – 1347), он смог сделать много записей относительно неизвестного европейцам заболевания. Согласно данным его источника, чума в городе возникла весной 1347 г., когда татары при помощи катапульта устроили бомбардировку телами умерших от чумы. После чего в Кафе разразилась вспышка чумы с последовавшей за этим паникой среди горожан. У всех заболевших и умерших наблюдались характерные для *Черной смерти* симптомы (сыпь в паховой области и суставах). Вследствие незнания городскими врачами природы болезни, оказание последующей медицинской помощи зачастую не было эффективным. Очень скоро умерших внутри городских стен стало так много, что горы тел были видны осаждавшим татарам. Христиане попробовали захоронить мертвых в водах Черного моря, но очень скоро воздух и местные грунтовые воды были отравленные трупным ядом. Оставшиеся в живых жители города вынуждены были обратиться в бегство. Однако спасшиеся продолжали сеять яд чумы среди жителей тех мест, где останавливались [16, р. 32].

Подтверждают слова М. Вилани труд Габриэле де Мусси 1348 г. «*История мора, или великой смертности*» [2]. Он также и первый итальянский хронист оказался в Кафе во время осады. Новая необъяснимая болезнь, по мнению итальянского юриста, пришла в земли татар и сарацинов с востока, где «*великая смертность поразила китайцев, индусов, персов, мидийцев, курдов, армян, тарсийцев, кавказцев, мессопотамцев, нубийцев, эфиопов, туркменов, египтян, арабов, сарацинов, греков... и восточные многолюдные и изобилующие богатством великоленные царства, города, крепости и поселения*» [2, с. 52]. В самой Кафе им была отмечена большая смертность среди горожан. Все попытки спасти оставшихся в живых с помощью выбрасывания в море трупов при-

вели лишь к дальнейшему заражению горожан необъяснимой болезнью. Впрочем, считает Е.Г. Еманов, это не привело к падению города. Татары даже вынуждены были снять его осаду.

В конце 1347 г. *Черная смерть* на борту генуэзских галер достигает Мессины и Марселя, а оттуда начинает свое «победное шествие» по Европе. Этот факт нашел свое отражение во многих письменных источниках того периода [16, р. 33]. Информацию о крымской вспышке чумы 1347 г. можно найти у арабоязычных авторов ал-Айни, Ибн ал-Варди и ал-Макризи [15, с. 412, 498, 529–530].

Скорее всего первая волна второй пандемии чумы в ордынских землях продолжалась два года. На это указывает упоминание в тексте *«Русского хронографа»* даты 1348 г. *«В лето 6856 (1348) казнь бысть отъ Бога – моръ на бесермены въ Орначи и Сарай и во Азътаракани и инымъ градомъ, ако немощно ихъ и погребати»* [10, л. 253, с. 410]. Косвенно о массовом море людей в зависимых от Улуса Джучи землях в этот период говорят Холмогорская и Новгородская 4-я летописи, свидетельствовавшие о начавшейся в 1349 г. борьбе за Волынь между Великим княжеством Литовским и польским королевством. *«В лето 6857 Король краковский пришед, взял естию землю Волынского и церкви претвори в латынство богомерзское служение. Того же лета князь великий литовский Олгерд посла в Орду ко царю Чанибеку братию Кориада да Михаила, да Семена Свикличевского просити помочи на великого князя Семена. То же слышав, князь великий посла ко царю своих килчеев Федора Глебовича, да Аминя, да Федорова Шибачеева заловатись на Олгерда. Слышав же то царь, яко Олгерд улус его пустошит, а князя великаго обидит, и выда послов литовских, братию Олгердову килчеем великого князя, приведении на Москву послом царевым Тутуем»* [12, с. 83].

Если предположить, что чума не покидала территории Улуса Джучи то становится понятно почему в текстах летописей можно встретить упоминания город не располагавшихся в на месте северо-западного чумного природного очага. *«Того же лета бысть моръ силенъ зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове и в Суждале, и во свей земле Русстей смерть люта, и напраса и скоро; бысть страхъ и трепеть велий на всехъ человецехъ. Въ Глухове же тогда не единъчеловекъ остана, вси изморша; сице же и на Белоозере»* [6, с. 224].

Поэтому спорным становится тезис о возврате чумы на Русь в 1349 г. исключительно только из Германии и Скандинавии. Первым русским городом, затронутым в этот период стал Полоцк [6, с. 221]. Далее, в 1351–1353 гг. она охватила Псков, Новгород и Ладогу. [11, с. 110]. Сама болезнь сравнивается с той, что возникла в восточных странах. *«В лето 6860 в Пскове и Новегороде мор бысть силен – хракху кровью, и в иныхъ городехъ окольныхъ, а пошел из Ынденския земли, скажут, от Солнцаград»* [13, с. 73].

Наиболее страшная по последствиям для Улуса Джучи стала вторая вспышка чумы в 1363 г. Именно она затронула все крупные городские центры Поволжья и Северо-восточной Руси. Наиболее полная версия этих событий представлена в тексте Рогожского летописца, где этому событию посвящен отдельный рассказ *«О мору великом»*. Текст этого рассказа или его части воспроизводится в более поздних летописях. Согласно ему, чума возникла в ордынских землях в 1363 г. близ городов Бельджамен и Сарай. Упоминание этих ордынских городов ставит под сомнение, господствовавший в отечественной историографии, тезис о том, что эта вспышка являлась продолжением псковского мора 1360 г. На это же указывает движение заболевания не с севера на юга, а с юга на север. Летом 1363 г. чума достигает земель болгарского улуса, а к осени Нижнего Новгорода, далее она перекинулась в Коломну и Рязань. Летом 1364 г. чума вспыхнула в Переяславле, Кашине, Твери и Ростове, где число ежедневно умерших могло достигать 100 человек. В зиму 1364/65 г. чума разразилась в Москве, откуда к лету-осени разошлась по городам и *«властемъ Московскимъ»* и территории Литвы. *«И тако раздесявь все грады, и въ Володимерь, и въ Суздаль, и въ Дмитровъ, и въ Можайскъ, и на Волокъ, и по все грады разыдеся моръ силенъ и страшень»* [8, с. 76–77]; *«Того же лета бысть моръ в Литве великъ зело»* [7, с. 12].

Таким образом, можно говорить о том, что к концу 1363 г. эпидемия чумы именно, через ордынские земли пришла на Русь. Массовая смертность среди населения во время этой вспышки позволило русским летописцам сделать подробное описание данного заболевания. *«Ови хракху кровию, а друзи железю, а не долго боляху, но два дни или три, или единъ день поболееше, тако умираху; на всякъ же день умираху, и толико множество их, яко не успиваху живиу мертвыхъ погребати..... Тое же осени и тое зимы бысть мор великъ на люди в граде Переяславли, мерли люди по многу на день, по 20, по 30 на день, иногда на день 60, 70 человекъ, а иногда по 100, а таковы были дни по более ста человекъ умирало; а болестъ была такова: прежде какъ рогатиною уда-*

рить за лопатку или противу сердцу подъ грудью или межъ криль, и разболится человекъ; и начнетъ кровію харкати и огонь разбьетъ, и по семь потъ, потомъ дрожъ иметъ, и тако вболести полежав, овіи день единъ поболееше умираху, а друзи два дни, а иниі 3 дни; прежнее моръ былъ кровью храюще мерли, потомъ железю разболешися, титакже два дня или 3 дни полежавшие умираху; железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овому подъ пазухю, овому подъ скулю, иному же за лопаткою» [14, с. 381–382]. Из этого текста следует, что можно говорить по крайней мере о распространении трех форм чумы: бубонной, бубонно-септической и легочной. На первую и вторую форму заболевания указывают такие слова как «друзи железю ... боляху, железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овомуподъ пазухю, овому подъ скулю, иному же за лопаткою». Третья (легочная) форма – «и разболится человекъ; и начнетъ кровію харкати и огонь разбьетъ, и по семь потъ, потомъ дрожъ иметъ, и тако в болести полежав, овіи день единъ поболееше умираху, прежнее моръ былъ кровью храюще мерли». Период вспышки чумы согласно летописным данным охватывал время с конца лета до зимы: «от Семена дни летопроводца до рождественского говения». Географическая близость к русским землям Золотой Орды позволяет нам говорить о том, что аналогичные признаки заболевания были характерны и для заболевших в ордынских городах. Количество умерших в этих городах было также близко к русским данным.

Впрочем внутривосточная обстановка в Улусе Джучи продолжала оставаться сложной. Попытки некоторых золотоордынских князей воспользоваться ослаблением в результате эпидемии чумы русских княжеств приводили лишь к осложнению московско-ордынских отношений. «Въ лето 6873 Тагаи, князь ордынскыи, изъ Наручади прииде ратью Татарскою на Рязанскую землю и позже градъ Переяславль. Князь же великий Олегъ Рязанскыи съ своею братею съ Володимеромъ Проньскымъ и Титомъ Козельскимъ, събрав силу свою, и идее вследъ его, и постиже его на месте, нарицаемемъ Шишевскимъ лесомъ, на Воине, и бысть имъ бои, брань зело люта и сеча зла, и поможу Богъ великому князю Олгу, и братіи его Проньскому и Козельскому, а Тагаи въ мале дружине одва убежалъ» [9, с. 102–103]. В ответ на этот набег состоялся поход новгородских ушкуйников на территорию Золотой Орды. «В лето 6874 (1366) приидоша изъ Новгорода изъ Великаго Волгою полтораста ушкуевъ. Новгородци разбоиници ушкуиници избиша Татаръ множество, Бесермень и Орменьвъ Новгороде в Нижнемъ, множество мужей и женъ и дети, и товар ихъ безчислено весь пограбиша, а съсуды их, кербати и лоды, и учаны, и пасубы, и струги, то все посекоша, а сами отъидошавъ Каму и приидоша до Болгаръ, тако же творяще и воююще» [14, с. 338].

Однако, нанести серьезное поражение Золотой Орде Великому князю Московского в этот период так и не удается. Последнему приходится отбивать свои новые земли (земли Мордвы, Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжества) в 1367 г. от болгарского правителя Булата-Тимура. Итогом, оборонительных действий Дмитрия Ивановича явилось значительное усиление позиции Московского княжества на пространствах Улуса Джучи, что не могло не вызвать опасения как со стороны литовских князей, так и со стороны султанов Кок Орды. В итоге, это приводит к первой московско-литовской войне (1368 – 1372), где оба противника Москвы выступают в качестве союзников с хорошей координацией введения военных действий. Пик противостояния с Великим княжеством Московским приходится на последний год войны, когда Дмитрию Ивановичу удается поочередно остановить литовцев в Тверском княжестве, а ордынцев в Рязанском княжестве.

Последовавшее за этим ужесточение московско-ордынского конфликта было на время прекращено из-за вспышки 1374 г. «В лето 6882 быша знои велицы и жары, дожда сверху ни единая капля не бывала въ все лето, а на кони, и на коровы, и на овцы, и на всяк скотъ былъ моръ великъ. Потомъ же прииде и на люди моръ великъ по всей земле Русской. А князю великому Дмитрею Ивановичу Московьскому бысть розмириесъ Татары и съ Мамаемъ, а у Мамаа тогда моръ великъ» [7, с. 21]. Скорее всего, по мнению Н.А. Богоявленского скорее всего это была сибирская язва. Имеющая схожую с бубонной чумой симптоматику, данное заболевание (темные пятна на теле, короткий инкубационный период до 3 – 4 дней, потеря сознания, высокая температура, рвота) отличалась от первой тем, что заражала не только людей, но и домашних животных. Поэтому зачастую средневековые летописцы обозначали эти два заболевания одним словом – «мор». Упоминание о сибирской язве встречается достаточно часто «Мор бысть в людехмног..., такожде и скот помре рогатый», в 1309 г. «был мор на людех и кони и на всякий скот», в 1321 г. – «мор на люди и на кони», в 1375 г. – «на люди и на скот был мор в Твери», в 1433 и 1448 гг. – «мор на конех и людимерли» [1, с. 110].

В 1396 г. в нижневолжских степях вновь вспыхнула чума. «Тое же осени бывшу царю Темир-Аскаку на Ординскихъ местехъ, въ приморіи, и приде на него гневъ Божій, моръ силенъ на люди и на скоты» [7, с. 162]. Анализируя данный отрывок из Никоновской летописи можно прийти к следующим выводам. Очаг этой вспышки явно находился там же, где возникли первая и вторая вспышка, т.е. между ордынскими городами Бельджамен и Хаджи-Тархан. Положение населения еще большее осложнилось, так как многие города Золотой Орды в 1395–1396 гг. подверглись разграблению войсками Аксак Тимура [4, с. 135]. В этих условиях, возвращение Тамерлана в Самарканд осенью 1396 г. скорее нужно рассматривать как вынужденную меру, вызванную страхом перед набравшей силой чумой и, как следствие, необходимостью сохранения войска.

В заключении можно сказать, что для Улуса Джучи разразившаяся в 1340-х гг. эпидемия чумы стала своеобразным Рубиконом. Единственной группой письменных источников в понимании событий стали русские летописи. Благодаря представленной в них информации удастся не только определить характер и районы распространения заболевания, но и последовавшие за вспышкой чумы последствия. Именно поэтому эта группа письменных источников является важными в осмыслении этой темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. М.: Медгиз, 1960. 326 с.
2. Еманов Е.Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского гос. университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 49–54.
3. Карамзин М.Н. История государства Российского. Кн. 1. М.: Книга, 1988. 640 с.
4. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
5. Моисеева Г.И. К вопросу о датировки задонщины // Труды отдела древнерусской литературы. 1979. Т. XXXIV. С. 220–240.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб, 1885. 244 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб, 1897. 264 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Петроград, 1922. 504 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 316 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. СПб., 1911. 580 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 342 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 250 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
14. Приселков М.Д. Троицкая летопись (реконструкция текста) / Отв. ред. Яковлев. СПб.: Наука, 2002. 402 с.
15. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.
16. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen, 2000. 272 s.
17. Haeser H. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. Bd. 3. Geschichte der epidemischen Krankheiten. Jena, 1882. 918 s.

Сведения об авторе: Тимур Фаритович Хайдаров – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); timkh2000@yandex.ru

Russian Chronicles as the Source on the Plague Epidemic in the Golden Horde

T.F. Khaydarov
(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The epidemic of “Black Death” played an important role in the history of mankind. It was after it that the modern world emerged. This topic is well covered in the foreign historiography.

Until recently, the main assessment of this event covered mainly Western Europe and the Middle East. The main reason for the attention of scientists to the European outbreak of disease in these regions was the fact that researchers have at their disposal a large number of written and material sources for this period. A completely different situation exists in respect of the territory of the Golden Horde and Rus'. While it is known that the “Black Death” originated in the East, this event is little studied in relation to Russian medieval history. In general, works of

foreign authors are based on the works of contemporary Russian authors, but not on the analysis of primary sources in the Tatar and Russian languages. Therefore, this subject is studied in the context of economic, urban, social and political studies of the Golden Horde–Rus' relations, and church history. In their researches Western scholars compensate ignorance of these sources through the use of Arab, Byzantine and Latin primary sources. This research approach allows them to reconstruct only partially the spread of "Black Death" in the Golden Horde lands, Russian principalities and Lithuania. Out of all the written sources, Western scholars most commonly refer to a passage from the chronicle of a Florentine Matteo Villani reporting on how in spring 1347 han Janibek's forces bombarded Caffa (Feodosiya) with corpses of people infected with plague. In the current situation with historical sources it should be recognized that the Russian chronicles represents one of the most complete corpus of sources on the epidemic of "Black Death" in the Golden Horde. Indeed, they contain information about the beginning, forms and areas of spread of the disease in the Golden Horde territory. Exactly this group of written sources reflects a change in the perception of the disease in the Horde society. An analysis of the views of Western historians and texts of those historical sources, which they used, shows that the topic of the spread of "Black Death" in the ulus of Jochi and Russian principalities is little studied.

Keywords: Black Death, Russian chronicles, waves of plague's spread, clinic of plague, ulus of Jochi, Mamay, Dmitry Donskoy.

REFERENSES

1. Bogojavlenskij N.A. *Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv.* [Old Russian Doctoring in the 11th–17th centuries]. Moscow, 1960.
2. Emanov E.G. *Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoy istorii* [Great Pandemic of the middle of the 14th century as a Final of Medieval History]. *Vestnik Tyumenskogo gos. universiteta. Seriya «Istoriya»*. [Bulletin of Tyumen State University. Series "History"]. 2013. № 2, pp. 49–54.
3. Karamzin M.N. *Istorija gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. Kn. 1. Moscow, Kniga Publ., 1988. 640 p.
4. Mirgaleev I.M. *Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamysh-hana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamish Khan]. Kazan': Alma-Lit Publ., 2003. 164 p.
5. Moiseeva G.I. *K voprosu o datirovke Zadonschiny* [On the Issue of Dating Zadonshchina]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. 1979. Vol. XXXIV, pp. 220–240.
6. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10. St. Peterburg, 1885. 244 p.
7. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. St. Peterburg, 1885. 264 p.
8. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. *Rogozhskij letopisec* [Rogozhsky chronicler]. Petrograd, 1922. 504 p.
9. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. *Simeonovskaja letopis'* [Simeon chronicle]. St. Peterburg, 1913. 316 p.
10. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. *Russkij hronograf* [Russian chronograph]. St. Peterburg, 1911. 580 p.
11. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. [Ermolinskaya chronicle].
12. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 33. *Holmogorskaja letopis'*. *Dvinskij letopisec* [Kholmogory chronicle. Dvina chronicler]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 250 p.
13. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 37. *Ustjuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Ustiug and Vologda chronicles of the 16th–18th centuries]. Sost. N.A. Kazakova, K.N. Serbina. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p.
14. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'. Rekonstrukciya teksta*. [Trinity Chronicle. Reconstruction of the text]. Moscow; Leningrad, 1950. 402 p.
15. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosjashihhsja k istorii Zolotoj ordy, t. I, Izvlechenija iz sochinenij arabskih* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I, Extraction from Arab Writings]. SPb., 1884. 579 p.
16. Bergdolt K. *Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters*. Muenchen, 2000. 272 p.
17. Haeser H. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. Bd. 3. Geschichte der epidemischen Krankheiten*. Jena, 1882. 918 p.

About the author: Timur Faritovich Khaydarov – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); timkh2000@yandex.ru

Джучидский хан Таш-тимур и его монеты

Ю.В. Зайончковский

*(Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры)*

На основе анализа данных нумизматических и письменных источников о джучидском хане Таш-Тимуре восстанавливаются этапы его политической карьеры, предлагается аргументированная датировка правления этого хана. Джучидский царевич Таш-Тимур в апреле 1395 г. (797 г.х.) был одним из полководцев армии Токтамыша, разгромленной на Тереке войсками Тамерлана. Воспользовавшись этим поражением Токтамыша, Таш-Тимур был провозглашён ханом. От его имени в Крыму была произведена достаточно большая по объёму эмиссия дангов; выделяются три типа дангов с именем Таш-Тимура, несущие на себе дату 796 г.х. В том же 1395 г. Таш-Тимур со своими сторонниками был изгнан наступающими войсками Тамерлана. Не продолжительное пребывание Таш-Тимура на золотоордынском престоле может быть датировано 797 г.х. (1395 годом). Серебряные монеты джучидского хана Таш-Тимура известны с XIX века, учёными-нумизматами прошлого и настоящего была проделана большая работа – выполнены прорисовки основных монетных типов, предложены прочтение и перевод монетных легенд. Однако, к сожалению, в обработке и интерпретации нумизматического материала, а так же в использовании свидетельств нумизматики при реконструкции исторических событий имеются неточности и ошибки, чем и была вызвана необходимость написания предлагаемой вниманию читателя статьи. Автору удалось изучить 80 дангов и изображений дангов Таш-Тимура. В предлагаемой статье приведены качественные увеличенные фотоизображения серебряных монет (большинство из которых впервые вводятся в научный оборот) с метрологией в качестве документального источника для подтверждения сделанных выводов. Все фотоизображения, воспроизведённые в этой работе, выполнены автором или предоставлены коллегами, благодарность которым выражена в конце статьи.

Ключевые слова: 1395, Золотая Орда, Джучиды, джучидская нумизматика, хан Таш-Тимур, хан Токтамыш, Крым, данг.

Серебряные монеты джучидского хана Таш-Тимура известны с XIX века, учёными-нумизматами прошлого и настоящего была проделана большая работа – выполнены прорисовки основных монетных типов, предложены прочтение и перевод монетных легенд. Однако, к сожалению, в обработке и интерпретации нумизматического материала, а так же в использовании свидетельств нумизматики при реконструкции исторических событий имеются неточности и ошибки, чем и была вызвана необходимость написания предлагаемой вниманию читателя статьи.

Цель данной публикации – выделить основные типы монет Таш-Тимура и на основании анализа данных нумизматических и письменных источников восстановить этапы его политической карьеры, предложить аргументированную датировку правления этого хана. «Для этого мы соединим здесь все, что известно из его монет и его истории», как написал П.С. Савельев более полутора веков назад [17, с. 312].

Автору удалось изучить 80 дангов и изображений дангов Таш-Тимура. В предлагаемой статье приведены качественные увеличенные фотоизображения серебряных монет (большинство из которых впервые вводятся в научный оборот) с метрологией в качестве документального источника для подтверждения сделанных выводов. Все фотоизображения, воспроизведённые в этой работе, выполнены автором или предоставлены коллегами, благодарность которым выражена в конце статьи.

Начнем с обзора и анализа публикаций серебряных монет Таш-Тимура в нумизматических трудах.

Впервые данги Таш-Тимура были упомянуты в знаменитой работе Х.М. Френа [24, в разделе «Numi et ipsi a Chanis Dschudschidis, sed incertum a quibus nominatim, cusi»]. Великому нумизмату тогда был известен только один экземпляр, причём, судя по приведённым им фрагментам легенды аверса – плохой сохранности (легенда оборотной стороны была абсолютно неразличима) [24, № 40, 410]. Он отнесен к Типу 3 (за критерий типа здесь принято содержание надписей на лице-

вой стороне монете) по классификации предлагаемой статьи. Монета сопровождается комментарием: «*Suspicio Numum esse Tash-Timur Chani, filii Ulugh-Muhamedis, et patris Deulet-Birdi Chani*» [24, с. 410].

В изданном в 1855 году посмертном собрании рукописных работ Х.М. Френа [23, в разделе «*Numi Dschutschidici incerti*», № 40, а] без прорисовок приведена информация о трёх экземплярах дангов. Судя по монетной легенде, они относятся к выделенному здесь Типу 1. Необходимо подчеркнуть, что Х.М. Френ уверенно прочёл дату, стоящую на реверсе, как 797 г.х., что отличает эти монеты от дангов Типа 1, датированных 796 г.х. [23, с. 116].

Выпуски Таш-Тимура были атрибутированы и введены в научный оборот в 1858 году П.С. Савельевым, писавшим: «Имя это до сих пор не было еще внесено в список ханов Золотой Орды, хотя один неполный экземпляр его монеты находился в руках Френа, и знаменитый нумизмат догадывался, что она Таш-Тимурова...В настоящее время, можно с достоверностью признать его монеты и дать им надлежащее место в ряду джучидских» [17, с. 312].

Под № 534 П.С. Савельев опубликовал данги Таш-Тимура (без прорисовок, но расписав легенды) [17, с. 312], отнесённые здесь к Типу 3.

Под № 535 в его труде приведён данг Таш-Тимура якобы 797 г.х. со ссылкой на упомянутое выше посмертное издание трудов Х.М. Френа [17, с. 313]. То есть, П.С. Савельев в руках таких монет не держал и поместил в свою книгу описание этого типа, основываясь на труде своего предшественника.

Под № 536 П.С. Савельев публикует (с прорисовкой) интересную монету из своей коллекции, приписывая её также Таш-Тимуру [17, с. 313]. Данный монетный тип будет проанализирован ниже.

В 1896 году А.К. Марков в «Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа» упомянул под номерами 1239 и 1240 данги Таш-Тимура, чеканенные в «Белаве Крым, 796 г.х.» и «вариант» таких монет [7, с. 491]. Прорисовки монет и реконструкции легенд в каталоге не приведены, поэтому сопоставить упомянутые им монеты с типами, выделенными в этой статье, не представляется возможным. Отметим также, что дангов этого хана с датой 797 г.х. А.К. Марковым в эрмитажной коллекции не зафиксировано.

В новейшее время монеты Таш-Тимура были опубликованы с прорисовками В.П. Лебедевым и Н.Н. Ивановым.

В.П. Лебедев выделил два типа монет Таш-Тимура «по л.с.» [5, с. 142]. Его первый тип [5, Рис. 2–15, с. 142] – это Тип 1 данной статьи. «Другой тип» В.П. Лебедева [5, Рис. 2–16, с. 142] идентичен Типу 3 в этой работе. Предложенная российским учёным реконструкция монетной легенды аналогична приведённой ниже, за исключением присутствующего в конце нижней строки слова «хан» [6, с. 12].

Со ссылкой на П.С. Савельева (который, как было сказано выше, ссылался на Х.М. Френа) В.П. Лебедев полагает, что «известны дирхемы Таш-Тимура и с истинной датой 797 г.х. (Сав. № 535)» [5, с. 142]. В «Корпусе монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – XV века)» В.П. Лебедев размещает эти монеты «с истинной датой» под № 41 и даже резервирует номер для прорисовки – Рис. 5, с.41 [6, с. 12]. Однако графической реконструкции штемпелей не приводит [6, с. 11].

Наиболее подробно и глубоко данги Таш-Тимура были проанализированы Н.Н. Ивановым, опубликовавшим в 2001 году клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 г. [4]. В составе клада, состоявшего из 443 изученных публикатором монет комплекса, находилось 37 серебряных монет Таш-Тимура [4, с. 466].

По Н.Н. Иванову, «штемпелей ЛС Таш-Тимура всего 10. Рамки их одинаковы и отличаются они по рядам содержанием легенды и построчным ее расположением» [4, с. 469]. Эти 10 штемпелей автор объединяет в три группы, соответствующие трем типам монет Таш-Тимура этой статьи (более подробно об этом соответствии будет сказано ниже). Монеты Типа 2 были впервые опубликованы Н.Н. Ивановым (л–132 и л–134) [4, с. 480].

Н.Н. Иванов пишет, что «монеты Таш-Тимура, содержащиеся в кладе, все чеканены в Крыму в 796 г.х. Из 17 штемпелей оборотной стороны 6 использованы непосредственно от монет Токтамыша, остальные прямых связей с лицевыми штемпелями Токтамыша не имеют, но по типу ничем не отличаются от них. Четыре штемпеля... несколько отличаются от вышеупомянутых и, возможно, являются самостоятельными штемпелями Таш-Тимура. Один из них О–188 переключи-

ется со штемпелями ОС монет Тимур-Кутлука: «та-марбута» написана раздельно от слова «город» [4, с. 463].

37 монет Таш-Тимура, известные Н.Н. Иванову, имели восемь вариантов веса. «Самые тяжёлые – 1,19 г. – 3 экз., самая лёгкая – 1,10 г. – 1 экз.» [4, с. 472].

А.Л. Пономарев определял законный вес дангов Таш-Тимура как 1,1695 г [11, с. 326].

Американский нумизмат С. Альбум [22, #2050T] описывает данги Таш-Тимура «такого же стиля как крымские эмиссии Токтамыша 796 г.х.». Он ничего не говорит о существовании монет, датированных «истинной датой», как её называет В.П. Лебедев, но пишет, что «недавно обнаруженный экземпляр с ясно видимой датой 799 г.х. свидетельствует, что Таш-Тимур был отдельной персоной (экземпляр Альбума #93126), следующей за Токтамышем» [22, с. 199]. Как выглядит «экземпляр Альбума #93126» автору точно не известно, но в электронной базе восточных монет zepo.ru под номером #94064 помещено фотоизображение данга, проданного на аукционе С. Альбумом как монета, датированная 799 г.х. [25]. Можно предположить, что речь идёт об одном и том же объекте.

По мнению автора, дата на этом данге должна читаться, всё же, как 796 г.х. и говорить о существовании дангов Таш-Тимура 799 г.х. как установленном факте на настоящий момент не представляется возможным.

Также, несмотря на предпринятые усилия, не удалось установить факт существования монет Таш-Тимура, датированных 797 г.х., о которых со ссылкой на Х.М. Френа писали П.С. Савельев и В.П. Лебедев. Таким образом, все достоверно известные автору данги Таш-Тимура чеканены в Крыму с датой 796 г.х.

На основании содержания легенд аверса можно выделить три типа дангов хана Таш-Тимура.

За критерий типа в данной работе, как уже было сказано, принято содержание надписей на лицевой стороне монеты. Все анализируемые данги отчеканены в Крыму и несут на себе дату 796 г.х.

Тип. 1. Отличительным признаком Типа 1 (Фото 1 – 2) является титулование Таш-Тимура как «султан» и «хан». Н.Н. Иванов прорисовал 7 штемпелей, относящихся к этому типу [4, с. 480].

Фото 1. Тип 1. 1.12 г.

Фото 2. Тип 1. 1.12 г.

Легенда аверса этих дангов выглядит так:

السلطان / تاشتمورخان / خلد ملكه

СУЛТАН / ТАШ-ТИМУР ХАН / ДА ПРОДЛИТСЯ ЕГО ПРАВЛЕНИЕ.

Н.Н. Иванов правильно заметил, что на некоторых штемпелях лицевой стороны, обозначенных здесь как Тип 1, легенды «выполнены с пропуском букв», может даже отсутствовать слово ملكه [4, с. 469] и что в некоторых случаях «качество штемпелей не позволяет наверняка установить отсутствия слова «хан» в ЛС, но, по-видимому, оно отсутствует» [4, с. 464]. На Фото 3 помещён данг, чеканенный штемпелем аверса с благопожеланием без ملكه. Подобные «небрежности» резчика штемпелей дают новые штемпельные разновидности, которые не рассматриваются в этой статье.

Фото 3. Тип 1. 1.14 г.

Тип 2. Данги несут на себе имя Таш-Тимура и расширенный титул «султан справедливый» (в переводе В.П. Лебедева [8, с. 12]).

На аверсах монет Типа 2 имя Таш-Тимура написано в конце второй строки, что привело к тому, что на большинстве экземпляров оно оказалось за пределами монетного кружка. В статье Н.Н. Иванова приведены прорисовки двух штемпелей этого типа (л-132 и л-134) [4, с. 480].

Фото 4. Тип 2. 1.11 г.

Фото 5. Тип 2.

Легенда аверса дангов Типа 2 может быть реконструирована так:

السلطان / العادل تا شتمور / خان خلد ملكه

СУЛТАН / СПРАВЕДЛИВЫЙ ТАШ-ТИМУР / ХАН ДА ПРОДЛИТСЯ ЕГО ПРАВЛЕНИЕ.

Тип 3. Данги типа 3 также несут на себе расширенную титулатуру «султан справедливый», но имя Таш-Тимура начинается в конце второй строки и продолжается в начале третьей, а благопожелание отсутствует. Н.Н. Иванову был известен 1 штемпель этого типа (л-133) [4, с. 480]. Из-за отсутствия на монетном кружке нижней части легенды (что видно по прорисовке) реконструкция надписи аверса была выполнена Н.Н. Ивановым частично: «Султан// справедливый Та // ш Тимур // да длится его правление» [4, с. 469].

Фото 6. Тип 3. 1.17 г.

Фото 7. Тип 3. 1.09 г.

Легенда аверса монет Типа 3 выглядит так:

السلطان / العادل تا / شتمور خان

СУЛТАН / СПРАВЕДЛИВЫЙ ТА / ШТИМУР ХАН.

Оборотная сторона большинства известных автору монет Таш-Тимура содержит легенду:

ضرب في بلدة قريم ٧٩٦

БИТ В ГОРОДЕ КРЫМ 796.

Именно так эта легенда выглядит на монете на Фото 8 и именно так ее реконструирует Н.Н. Иванов [4, с. 463–464].

Фото 8. Тип 3. 1.11 г.

Фото 9. Тип 3. 1.15 г.

На некоторых штемпелях (например, на монете на Фото 9) перед цифрами года стоит слово «год» и легенда имеет следующий вид:

ضرب في بلدة قريم سنة ٧٩٦

Эта особенность была отмечена В.П. Лебедевым [6, с. 12].

Завершив рассмотрение трёх типов дангов Таш-Тимура, проанализируем упомянутую выше монету, опубликованную П.С. Савельевым под № 536 [17, с. 313]. Фотоизображение одной из таких монет помещено на Фото 10.

Фото 10.

Фото 11. 1.15 г.

П.С. Савельев предлагает реконструкцию и перевод легенд этого типа.

Л.С.: «Султан / правосудный / Таштимур хан».

О.С.: «Гаяс / Эддунья-в-Эддин / Токтамыш хан / да длится царствие его» [17, с. 313].

Эта монета, по мнению П.С. Савельева, «любопытна и в том отношении, что представляет на другой стороне имя Тохтамыша: если это не случайное употребление штемпеля Тохтамышевой монеты, то оно свидетельствовало бы о признании со стороны Таш-Тимура верховной власти хана Золотой Орды» [17, с. 314]. Этот тезис вызвал сомнения ещё у В.Д. Смирнова, выразившего его в яркой литературной форме: «Могло быть и то и другое, и последний мотив долженствовал быть чисто платонического свойства, ибо трудно ожидать установления правильных суверенных отношений между Таш-Тимуром и Токтамышем в ту смутную пору, когда сам Токтамыш не мог быть уверен в прочности своего положения, непрерывно преследуемый и тревожимый прежним своим патроном, а потом неусыпным врагом, Тимур-Ленком» [21, с. 146].

Строго говоря, с предположением П.С. Савельева согласиться нельзя – ни о каком сюзеренитете Токтамышша здесь в принципе речь идти не может – даже по переводу П.С. Савельева на этой монете Таш-Тимур именуется «султаном правосудным и ханом», тогда как Токтамыш имеет лишь титул «хан».

По мнению В.П. Лебедева, в данном случае для чеканки оборотной стороны здесь ошибочно использовался лицевой штемпель Токтамышша [5, с. 142].

Автору не известны случаи использования этого лицевого штемпеля Токтамышша в сочетании с какими-либо штемпелями оборотной стороны. С атрибуцией монеты на Фото 10, предложенной П.С. Савельевым, также не представляется возможным согласиться. Учитывая палеографические особенности написания легенд, которые П.С. Савельев прочитал с определённой «натяжкой»,

можно предположить подражательный характер данной эмиссии. Подобное «тщательное» воспроизведение легенд на подражаниях встречается относительно часто – так на Фото 11, как один из подобных примеров, воспроизведён данг, легенды которого можно без особых проблем почистить и перевести – получим на одной стороне титулы и имя Узбека (указана даже дата), на другой – Джанибека.

Таким образом, на основании анализа известного автору на настоящий момент нумизматического материала, можно констатировать существование дангов хана Таш-Тимура трёх типов с местом обозначения чеканки как «город Крым» и указанием даты 796 г.х. Как было уже сказано, эти монеты бились на крымском монетном дворе после дангов Токтамыша, о чем свидетельствуют выявленные Н.Н. Ивановым штемпельные связи, – т.е. Таш-Тимур правил в Крыму после Токтамыша. Это та информация, которую нам дают нумизматические источники.

Письменные источники фактически ничего не сообщают о царствовании Таш-Тимура. Именно поэтому, как правильно констатировал И.М. Миргалеев, «в историографии проблема Таш-Тимура практически не рассмотрена» [9, с. 125]. При использовании данных средневековых нарративных источников для реконструкции хода исторического процесса, надо помнить, что (по формулировке А.Л. Пономарёва) «сведения, которыми историки должны оперировать, чаще всего были записаны свидетелями по памяти или же пересказаны посторонними через десятки и даже сотни лет от описываемых событий, за тысячи верст от места их совершения» [10, с. 158]. Учитывая сказанное, проанализируем информацию письменных источников о Таш-Тимуре и их интерпретации современными учёными.

Историки восстановили родственные связи Таш-Тимура – «старший сын Джанса (Джине), сына Дервиш-хана, сына Тулек-Тимура, второго сына Куичека (Кунчека), сына Сарича, четвертого сына Урунка, третьего сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана. Отец Гияс-ад-Дина, Джемаль-ад-Дина, Али-бека, Девлет-берди» [20, с. 170]. То, что Таш-Тимур по праву рождения от Чингиз-хана имел право взойти на престол Золотой Орды сомнений не вызывает и приведённые выше данги показывают, что это право он попытался реализовывать.

Стоит отметить, что Таш-Тимур «являлся родоначальником татарской династии ханов Крыма – Гиреев, дедом знаменитого Хаджи-Гирея» [8, с. 148].

Таш-Тимур-оглан, как ему положено по праву рождения, занимал довольно высокое положение при хане Токтамыше. Судя по письменным источникам, Таш-Тимур был одним из главных военачальников Токтамыш-хана и активно участвовал в войнах с Тамерланом [8, с. 148].

18 июня 1391 года на реке Кундурче состоялось генеральное сражение войск Токтамыша с трёхсоттысячным [3, с. 24] экспедиционным корпусом Тамерлана, закончившееся полным разгромом золотоордынской армии. В этой проигранной битве Таш-Тимур был одним из полководцев Токтамыша. Тимуридский историк Шереф ад-Дин Йезди в «Книге побед» записал: «Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода, как то: Таш-Тимур-огланом, Бек-Ярык-огланом, Ильгмыш-огланом, Бек-Пулад-огланом... и другими, да эмирами и нойонами...» [19, с. 168].

В отличие от так же упомянутого в этом фрагменте Бек-Булата, отложившегося от Токтамыша и провозгласившего себя после разгрома на реке Кундурче ханом, Таш-Тимур остался в 1391 году лояльным.

Известно, что Таш-Тимур участвовал и в битве на Тереке 15 апреля 1395 г. (6-й месяц 797 г.х.), также командуя золотоордынскими воинами [18, с. 164]. Армия Золотой Орды, как известно, опять была наголову разгромлена Тамерланом.

«Рассказ о набеге Тимура на правое крыло Джучиева улуса и на область русских», приведённый Шереф ад-Дином Йезди, гласит, в частности: «Тимур-завоеватель, который во всяком деле был доволен только тогда, когда доводил его до крайнего предела, после разбития и изгнания Токтамыш-хана и уничтожения его армии и воинов, захотел в своих высоких помыслах покорить и завладеть всеми теми областями и землями, да подчинить и искоренить все народы и племена тех пределов и местностей... Дойдя до реки Узи, он в местности Манкерман ограбил ... некоторых из находившихся там людей улуса узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие и то с одной только лошадей смогли спастись. Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища (спасения) в бегстве,

ушел в Рум и поселился на равнине Исрайка, где находится и до сих пор» [19, с. 179]. По контексту можно предположить, что Таш-Тимур бежал вместе с «туманом Актау».

Следующий раз Таш-Тимур на страницах источников (в той же «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди) появляется в январе 1405 года при дворе Тамерлана, против которого сражался в 1391 и 1395 годах: «В тот день, когда его величество приемный зал, великолепный как небосвод, (своим) султанским сидением возвел на высоту самого верхнего неба и с правой (его) стороны сидели Тайзи-оглан, один из потомков Угедай-каана, Баш-Тимур-оглан и Чекре-оглан, из рода Джучи-хана... посланник Токтамыш-хана... удостоился счастья целования ковра и, извиняясь, изложил... послание Токтамыш-хана...» [19, с. 189].

Если исходить из вполне логично выглядящей тождественности «Таш-Тимур-оглана» и «Баш-Тимур-оглана», как это делают публикаторы второго тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» [19, с. 278], то после разгрома армии Токтамыша в апреле 1395 года, Таш-Тимур «ушел в Рум», а после этого укрылся при дворе Тамерлана, где был по обыкновению среднеазиатского завоевателя мира обласкан и вознесён на высокое место.

Где-то между этими событиями и находится восхождение Таш-Тимура на золотоордынский престол.

Р.Ю. Почекаев на основании изучения права Золотой Орды сделал вывод, что хан в обязательном порядке должен был избираться на специальном курултае, после которого проводился обряд его ритуального возведения на трон. Эта норма соблюдалась неукоснительно, «даже в периоды смут («Великой замятни» 1358 – 1381 гг. и последующего распада Орды в первой пол. XV в.), когда на трон одновременно претендовало по 3 – 5 кандидатов, каждый из них созывал некое подобие курултая и провозглашал себя ханом в соответствии с действующим законодательством» [13, с. 126]. Немецкий солдат и путешественник Иоганн Шильтбергер, посетивший Золотую Орду в начале XV века, в своих воспоминаниях описал подробности ритуального возведения хана на трон – при избрании «короля» татары «сажают его на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руку золотой меч; после чего он должен присягать по их обыкновению» [15, с. 55].

По мнению М.Г. Сафаргалиева, Таш-Тимур «ушёл в Рум» (если этот факт действительно имел место) уже после провозглашения ханом. Эти события реконструируются им так: «Эмиры правого крыла Тохтамыша, бежавшие с поля сражения на Тереке, успели меж тем провозгласить нового хана в лице Таш-Тимур-оглана, сына Джанака.... Историки Тимура умалчивают об этом, но данные нумизматики говорят о кратковременном пребывании у власти хана Таш-Тимура. На его монетах, выбитых в Крыму в 794 (1395) г., стоит штемпель: «Султан правосудный – Таш-Тимур хан». Появление в Золотой Орде нового хана, антагониста Куюрчук-оглана нарушило планы Тимура, поэтому он поспешно направился с войском в западные улусы Золотой Орды... Разорив юго-западные улусы, войска Тимура проникли через Перекоп в Крым» [18, с. 167]. Таким образом, по М.Г. Сафаргалиеву, именно вторжение Тамерлана положило предел кратковременному правлению Таш-Тимура. В качестве аргумента историк приводит воспроизведённую выше цитату о «тумане Актау», «который ища (спасения) в бегстве, ушел в Рум и поселился на равнине Исрайка».

Подобным же образом восстанавливает ход событий и В.П. Лебедев: «В 797/1395 г. Токтамыш потерпел полный разгром на реке Терек от Тимура, который на этот раз стал преследовать его по всей территории Золотой Орды, разрушая по пути ее города. Этим воспользовался один из царевичей Таш-Тимур, захватил Крым, объявил себя ханом и тут же начал выпуск дирхемов от своего имени... В том же году Таш-Тимур был изгнан из Крыма отрядом из войска Тимура...» [5, с. 142].

Олекса Гайворонский также утверждает, что «в 1395 году Таш-Тимур, наследник крымских эмиров, вернул себе достояние предков и провозгласил себя в Крыму самостоятельным ханом. Однако вскоре на Орду ударил Тимур-Ленк – и Таш-Тимур был изгнан из своих владений. Его сыновьям – Гияс-эд-Дину и Девлет-Берди пришлось спасаться вслед за Токтамышем в Литве, а Крым достался Эдиге» [2, с. 20].

Р.Ю. Почекаев почему-то относит конец правления Таш-Тимура к следующему году: «Только в 1396 г. Токтамыш вновь заявил о себе: во главе своих приверженцев он появился в Крыму и, наконец, покончил с Таш-Тимуром, который в это время вновь провозгласил себя ханом. По одним сведениям, Таш-Тимур был убит, по другим – бежал к Тимуру в Мавераннахр» [14, с. 206].

О пребывании «Баш-Тимур-оглана» при дворе Тамерлана в начале 1405 года речь выше шла, а вот источник «сведений» об убийстве Таш-Тимура в Крыму Токтамышем Р.Ю. Почекаев к большому сожалению не раскрывает, так же как им и не объясняется, почему это произошло именно в 1396 году.

Исходя из сказанного, более вероятной представляется версия М.Г. Сафаргалиева и В.П. Лебедева, что конец пребыванию Таш-Тимура на престоле положили войска Тамерлана.

Рассмотрим так же бытующие в научной литературе датировки времени правления хана Таш-Тимура, отметив, что в большинстве случаев авторы не аргументируют названные даты.

П.С. Савельев (1858 г.): 797 г.х. – 1394–1395 гг. [17, с. 314],

А.К. Марков (1896 г.): 796–797 гг.х. – 1393–1395 гг. [7, с. 491],

В.В. Похлебкин (2000): 1395–1396 гг. [12, с. 23],

А.Г. Гаев (2002): 796–797 гг.х. [1, с. 54],

Ж.М. Сабитов (2008): 1395–1396 гг. [16, с. 286],

Стивен Альбум (2011): 796 г.х. – 1394 г. «или позже» [22, с. 199].

Завершив рассмотрение данных нумизматических и письменных источников о Таш-Тимуре и их интерпретацию современными учёными можно сделать следующие выводы.

1. Джучидский царевич Таш-Тимур в апреле 1395 г. (797 г.х.) был одним из полководцев армии Токтамышя, разгромленной на Тереке войсками Тамерлана.

2. Воспользовавшись этим поражением Токтамышя Таш-Тимур (как и Бек-Пулад несколькими годами ранее) был провозглашён ханом.

3. От его имени в Крыму был произведен значительный по объёму выпуск дангов. Реверсы всех известных автору монет Таш-Тимура несут на себе год 796 г.х. и чеканены либо штемпелями оборотных сторон серебряных монет хана Токтамышя, либо штемпелями, изготовленными по их образцу. Можно предположить, что эта эмиссия осуществлялась в сжатые сроки, чем и объясняется отсутствие новых дат на штемпелях реверса и новых типов штемпелей – Таш-Тимур срочно нужны были деньги на финансирование военных расходов и времени на разработку новых штемпелей оборотных сторон монет не хватило.

4. Можно выделить три типа крымских дангов с именем Таш-Тимура.

5. В том же 1395 г. Таш-Тимур со своими сторонниками был изгнан за пределы Золотой Орды наступающими войсками Тамерлана.

6. В силу сказанного, не продолжительное пребывание Таш-Тимура на золотордынском престоле датируется 797 г.х. (завершившемся 15.10.1395 г.), т.е. 1395 годом.

Автор не абсолютизирует выводы, сделанные на основании доступного ему нумизматического и исторического материала, допуская, что дальнейшие исследования уточнят, а возможно, и исправят (в случае необходимости) отдельные высказанные здесь тезисы, а так же выражает надежду, что данная статья будет способствовать решению «проблемы Таш-Тимура», активизировав её изучение.

В заключение автор выражает благодарность А.А. Свиридову (Воронеж) и В.Г. Шапошнику (Харьков) за помощь в разработке темы статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов: Нумизматический сборник. Вып. IV. Т. 3. М.: Информелектро, 2002. С. 9–55.

2. Гайваронский О. Повелители двух материков. Т. 1. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев: Мастерня книги, 2010. 400 с.

3. Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 3–24.

4. Иванов Н.Н. Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 454–484.

5. Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода («Да хранится Крым от бедствий», монеты конца 14 – начала 15 веков) // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002. С.139–149.

6. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – XVвека) // Нумизматика і фалеристика. International Coin Trend Magazine – 2000 г. № 3. С. 10–15.

7. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 879 с.
8. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. 2004. № 1/2. С.145–149.
9. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
10. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
11. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV веках. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 672 с.
12. Похлебкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений, 1238 – 1598 гг. Справочник. М.: Международные отношения, 2000. 192 с.
13. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
14. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
15. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год. Пер. с немец. и снабдил прим. Ф. Брун // Записки императорского Новороссийского университета. Т.1. Одесса: Типография Л.: Нитче, 1867. 156 с.
16. Сабитов Ж.М. Генеалогия Торе. 3-е изд., доп. и перераб. Астана, 2008. 326 с.
17. Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагагайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамышша. Вып. 2. СПб., 1858. 340 с.
18. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / [сост. и обраб. В. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин]. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 307 с.
20. Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
21. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб.: Университетская типография в Казани, 1887. 769 с.
22. Album Stephen Check list of Islamic Coins. 3rd Edition, 2011. 324 p.
23. [Fraen Ch.M.]. Ch.M. Fraehnii Opusculorum postumorum. Ed. B. Dorn. Pars prima. Nova supplementa ad Recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae Additamentis editionis aucta editoris aucta subjunctis eusdem de Fraehnii vita, operibus impressis et bibliotheca relationibus. Petropoli, 1855. XX + 451 s.
24. Fraehn Ch. M. Recensio numorum Muhammedanorum. Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petersburg, 1826. 745 p.
25. Zeno.ru – Oriental Coins Database. Режим доступа: <http://www.zeno.ru>

Сведения об авторе: Юрий Валентинович Зайончковский – доцент кафедры украиноведения Харьковского национального университета строительства и архитектуры (61002, ул. Сумьска, 40, Харьков, Украина); zyv_kharkov@mail.ru

Jochid Khan Tash-Timur and His Coins

Yu.V. Zayonchkovskiy
(*Kharkov National University
of Construction and Architecture*)

Based on data analysis of numismatic and written sources about Jochid khan Tash-Timur, the author reconstructs the stages of his political career and offers a reasoned dating of the reign of this khan.

In April 1395 (797 AH) a Jochid prince Tash-Timur was one of the generals of the Tokhtamish's army defeated on the Terek by the troops of Tamerlane. Taking advantage of this Tokhtamish's defeat, Tash-Timur was proclaimed a khan. Large emission of silver dangs was made in the Crimea on his behalf: there are three types of dangs with the name of Tash-Timur khan, all bearing the date of 796 AH. In 1395 Tash-Timur and his supporters were expelled by advancing troops of Tamerlane.

Short reign of Tash-Timur khan in the Golden Horde can be dated by 797AH (1395). Silver coins of Jochid khan Tash-Timur are known since the 19th century. Scholars-numismatists of past and present have done a great deal of work: they made a draughtsmanship of the basic coin types and suggested reading and translation of monetary legends. However, unfortunately, they made errors and mistakes in the processing and interpretation of numismatic material, as well as in using numismatic evidence in the reconstruction of historical events. This explains the

necessity of writing this article. This article contains a high-quality enhanced images of silver coins (most of which for the first time are introduced into the academic circulation) with metrology used as a documentary source to confirm the conclusions. All images, reproduced in this work, have been made by the author or provided by his colleagues. At the end of the article the author expresses his gratitude to these colleagues.

Keywords: 1395, Golden Horde, Jochids, Jochid Numismatics, Tash-Timur khan, Tokhtamish khan, Crimea, dang.

REFERENCES

1. Gaev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov. K vyyasneniyu rodosloviya numizmaticheski zafiksirovannykh praviteley Ulusa Dzhuchi [Genealogy and History of the Jochids. Clarifying Genealogy of the Rulers of the Ulus of Jochi Documented with Numismatics]. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov: Numizmaticheskiy sbornik* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions: Collected Papers on Numismatics]. Vyp. IV. Vol. 3. Moscow: Informelektro, 2002, pp. 9–55.
2. Gajvaronskiy O. *Poveliteli dvuh materikov*. T. 1. *Krymskie hany XV–XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy* [Lords of Two Continents. Vol. 1. The Crimean Khans of the 15th–16th centuries and the Struggle for the Legacy of the Great Horde]. Kiev: Majsternja knigi, 2010. 400 p.
3. Grigor'ev A.P., Telicin N.N., Frolova O.B. Nadpis' Timura 1391 g. [Timur's Inscription of 1391]. *Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of Countries of Asia and Africa]. Vyp. 21. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004, pp. 3–24.
4. Ivanov N.N. Klad dzhuchidskih monet, najdennyj v Krymu v 1964 godu [Hoard of Jochid Coins Found in the Crimea in 1964]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* [Materials on the Tauride Archaeology, History and Ethnography]. Vyp. VIII. Simferopol', 2001, pp. 454–484.
5. Lebedev V.P. K numizmatike Kryma zolotoordynskogo perioda («Da hranitsja Krym ot bedstvij», monety konca 14 – nachala 15 vekov) [Numismatics of the Crimea of the Golden Horde Period («Let the Crimea will be saved from disasters», coins of the late 14th – early 15th centuries)]. *Numizmaticheskiy sbornik Moskovskogo numizmaticheskogo obshhestva* [Numismatic Collection of the Moscow Numismatic Society]. Vyp. 9. Moscow, 2002, pp. 139–149.
6. Lebedev V.P. Korpus monet Kryma v sostave Zolotoj Ordy (seredina XIII – XV veka) [Corpus of Coins of the Crimea of the Golden Horde Period (middle of the 13th – 15th centuries)]. *Numizmatika i faleristika. International Coin Trend Magazine* [Numismatics and Faleristics. International Coin Trend Magazine]. 2000. № 3, pp. 10–15.
7. Markov A.K. *Inventarnyj katalog musul'manskih monet Imperatorskogo Jermitazha* [An Inventory Catalog of Islamic Coins in the Imperial Hermitage]. St. Petersburg, 1896. 879 p.
8. Mirgaleev I.M. K voprosu o Bek Bulate – Bek Pulade [On the Question of Bek Bulat – Bek Pulad]. *Nauchnyj Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2004. № ½, pp.145–149.
9. Mirgaleev I.M. *Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamys'h-hana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamish Khan]. Kazan': Alma-Lit, 2003. 164 p.
10. Ponomarev A.L. Pervye hany Kryma: hronologija smuty 1420-h godov v schetah genujezskogo kaznachejstva Kafy [The Early Khans of Crimea: The Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2013. № 2, pp. 158–190.
11. Ponomarev A.L. *Jevoljucija denezhnyh sistem Prichernomor'ja i Balkan v XIII–XV vekah* [Evolution of the Currencies of the Black Sea Region and the Balkans in the 13th–15th centuries]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2011. 670 p.
12. Pohlebkina V.V. *Tatary i Rus': 360 let otnoshenij, 1238–1598 gg. Spravochnik* [Tatars and Rus': 360 years of relations, 1238–1598. Directory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000. 192 p.
13. Pochekaev R.Ju. *Pravo Zolotoj Ordy* [Legal System of the Golden Horde]. Kazan': Izdatel'stvo «Fjen» AN RT, 2009. 260 p.
14. Pochekaev R.Ju. *Cari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy* [The Tsars of the Horde. Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. 2-e izd, ispr i dop. St. Petersburg, Evrazija, 2012. 464 p.
15. *Puteshestvija Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god* [The Travel of Joahnn Schiltberger through Europe, Asia and Africa, from 1394 till 1427]. Perevjol s nemeckogo i snabdil primechanijami F. Brun. Zapiski imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. Vol.1. Odessa: Tipografija L. Nitche, 1867. 156 p.
16. Sabitov Zh.M. *Genealogija Tore* [Genealogy of Tore]. 3-e izd., dop. i pererab. Astana, 2008. 326 p.
17. Savel'ev P.S. *Monety Dzhuchidskie, Dzhagatajskie, Dzhelairidskie i drugie, obrashhavshiesja v Zolotoj Orde v jepohu Tohtamys'ha* [The Jochid, Chaghataid, Jalayrid and Other Coins in Circulated in the Golden Horde during the Era of Tokhtamish Khan]. Vyp. 2. St. Petersburg, 1858. 340 p.

18. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [Dissolution of the Golden Horde]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 278 p.
19. *Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Tom 2. Izvlechenija iz persidskih sochinenij* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 2. Extracts from Persian Writings]. Sost. i obrab. V. Tizengauzen, A.A. Romaskevich, S.L. Volin. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1941. 307 p.
20. Seleznjov Ju.V. *Jelita Zolotoj Ordy* [The Elite of the Golden Horde]. Kazan': Izdatel'stvo «Fjen» AN RT, 2009. 232 p.
21. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod vehovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Ottoman Porte Sovereignty before the 18th century]. St. Petersburg: Universitetskaja tipografija v Kazani, 1887. 769 p.
22. *Album Stephen Check List of Islamic Coins*. 3rd Edition, 2011. 324 p.
23. [Fraen Ch.M.]. *Ch.M. Fraehnii Opusculorum postumorum*. Ed. B. Dorn. Pars prima. Nova supplementa ad Recensionem numerum muhammedanorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae Additamentis editionis aucta editoris aucta subjunctis eusdem de Fraehnii vita, operibus impressis et bibliotheca relationibus. Petropoli, 1855. XX + 451 p.
24. Fraehn Ch.M. *Recensio numerum Muhammedanorum*. Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petersburg, 1826. 745 p.
25. Zeno.ru – Oriental Coins Database. Available at: <http://www.zeno.ru>

About the author: Yuriy Valentinovich Zayonchkovskiy – Associate Professor at the Department of Ukrainian Studies, Kharkov National University of Construction and Architecture (61002, Sum'ska st., 40, Kharkov, Ukraine); zyv_kharkov@mail.ru

УДК 97(470)

Правовая ситуация в поздней Золотой Орде глазами западных современников

Р.Ю. Почекаев

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург)

В статье анализируются сведения об особенностях развития права и правоотношений в поздней Золотой Орде (XV в.) из записок иностранных современников, побывавших в Улусе Джучи в рассматриваемый период. Используются сочинения немца (баварца) И. Шильтбергера, француза (бургундца) Ж. де Ланнуа, итальянцев (венецианцев) И. Барбаро и А. Контарини, испанца (кастильца) П. Тафура, русского (тверского) купца А. Никитина, а также некоторые данные отчетов московских, литовских и венецианских дипломатических миссий в поздней Золотой Орде и Крымском ханстве. Несмотря на разный объем и различные аспекты, которые привлекали внимание разных иностранных визитеров в Улусе Джучи, их немногочисленные сведения о правовой ситуации в Золотой Орде представляют большую ценность, кроме того, в некоторых случаях они рассматривают и одни и те же аспекты, что позволяет проследить развитие того или иного направления правоотношений в этом государстве в разные десятилетия XV в. Соответственно западных современников сравниваются одни с другими, а также и с некоторыми восточными источниками, также учитываются результаты проделанных ранее исследований по истории Золотой Орды в поздний период ее существования.

Автор приходит к выводу, что право в поздней Золотой Орде находилось в состоянии глубокого кризиса. Ханы-Джучиды старались по-прежнему позиционировать себя как правителей империи и выстраивать свои правоотношения с подданными и иностранными правителями так, как они строились в эпоху расцвета Золотой Орды, однако не имели для этого ни эффективного аппарата управления, ни развитой правоохранительной системы, ни крупных вооруженных сил. Лишь после того, как Золотая Орда распалась на ряд государств (пост-ордынские ханства), во главе которых стали правители с несколько меньшими амбициями, политико-правовая ситуация на пост-ордынском пространстве стала несколько стабилизироваться.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Большая Орда, право, итальянские колонии, иностранные путешественники, статус монарха, налоги и сборы.

Тот факт, что история Улуса Джучи известна нам исключительно из иностранных источников, вероятно, предопределил отсутствие такого исследовательского направления как «Золотая Орда глазами иностранцев». Между тем, нельзя не учитывать, что большинство авторов сочинений, из которых мы черпаем сведения по истории этого государства (русские летописцы, арабские, персидские, армянские, западноевропейские и прочие хронисты), как правило, писали о Золотой Орде со слов других людей, которые нередко также сами не бывали в ней. Исключение составляют несколько армянских и грузинских авторов, лично переживших монгольское нашествие (к ним же можно отнести и венгерского каноника Рогерия с его «Горестной песнью...»). Но их сведения о монголах и Золотой Орде первой половины XIII в. по вполне понятным причинам вряд ли можно охарактеризовать как объективно отражающие политические, социальные, экономические или правовые реалии этого государства.

Исследователи неоднократно обращались (и продолжают активно обращаться) к такому специфическому источнику по истории Золотой Орды как корреспонденция миссионеров, нередко содержащая весьма ценные сведения не только о религиозной, но и о политической ситуации в этом государстве. Впрочем, их сведения также нуждаются в дополнительной проверке, поскольку в силу специфики своей деятельности они могли иметь изначальную установку на несовершенство золотоордынской государственности, права, экономики и пр. и связывать возможные улучшения в этих сферах лишь с принятием ордынцами «истинной веры» – вне зависимости от того, к какой бы конфессии не относились они сами.

Таким образом, круг лиц, сведения которых можно с достаточной степенью уверенности воспринимать как объективные, является весьма узким: это записки тех иностранцев, которые побывали лично в Золотой Орде, не являясь при этом жертвами монгольского нашествия и последующих набегов – т.е. дипломаты, путешественники, торговцы и т.п. Однако таких-то свидетелей за всю историю Золотой Орды нам известно совсем немного.

От XIII в. до нас дошли сочинения европейских дипломатов – Иоанна де Плано Карпини и его спутника Бенедикта Поляка, Вильгельма де Рубрука, путешественника Марко Поло, несколько посланий католических миссионеров. От XIV в., на которой приходится расцвет, а затем и глубочайший кризис Золотой Орды, сохранилось столь же немного свидетельств иностранных очевидцев – арабского путешественника Ибн Баттуты, католических миссионеров Иоганки Венгра и Пасхалия, а также ряда других, оставивших свои сообщения (многие из них лишь в последние годы вводятся в научный оборот, до недавнего времени будучи доступными лишь узкому ряду специалистов по истории католицизма). Аналогичным образом ждут внимания исследователей многочисленные документы из архивов Венеции и Генуи, содержащие сведения дипломатов и торговцев, посетивших золотоордынские владения или проезжавших через них [см. подробнее: 7].

Как ни странно, но гораздо больше известных свидетельств очевидцев сохранилось от XV в., который вообще считается довольно «темным веком» в истории Золотой Орды: политические события освещаются эпизодически, хронология правления и даже имена правителей устанавливаются по лапидарным и противоречивым данным нумизматики, отдельных сообщений хронистов и мемуаристов. Тем не менее, именно к этому периоду относятся сообщения иностранных авторов – дипломатов, торговцев, путешественников, которые посетили Золотую Орду и оставили собственные впечатления о политической, экономической и бытовой жизни ее населения.

Среди них – баварец Иоганн Шильбергер, много лет проведенный на Востоке в качестве пленника и воина-наемника и побывавший в Золотой Орде первой четверти XV в. на службе у хана Чекре, ставленника знаменитого Идегея, бургундец Жильбер де Ланнуа, дипломат на службе у французского и английского королей, побывавший в Золотой Орде в 1421 г., кастильский дворянин-путешественник Перо Тафур, посетивший золотоордынский Крым в середине 1430-х гг., венецианец Иосафат Барбаро, венецианский торговец и дипломат, пребывавший в Тане (Азове) в 1436–1452 гг., знаменитый тверской купец-путешественник Афанасий Никитин, коротко, но с множеством приключений проехавший через золотоордынские владения около 1468 г., венецианец Амброджо Контарини, побывавший в Золотой Орде в середине 1470-х гг. Также известный интерес с точки зрения освещения событий в поздней Золотой Орде представляют сведения дипломатов Московского государства и Великого княжества Литовского последней трети XV в., которые уже привлекали внимание исследователей и использовались как источник по политической истории и государственному развитию поздней Золотой Орды (Большой Орды) [23].

Безусловно, различные авторы в своих записках обращали внимание на разные аспекты развития современной им Золотой Орды, кто-то из них писал об Улусе Джучи коротко, кто-то давал довольно подробные сведения. Как бы то ни было, благодаря их заметкам, мы имеем дополнительный и очень ценный материал, касающихся различных аспектов золотоордынской истории. Поскольку в рамках одной статьи осветить все их не представляется возможным, мы решили обратиться к наиболее близкому нам предмету – освещению иностранными свидетелями политико-правовой ситуации в Улусе Джучи в XV в.

Сразу считаем целесообразным обратить внимание на то, что настоящее исследование носит не источниковедческий характер, в рамках которого наиболее логичным было бы проанализировать последовательно сведения о государственности и праве Золотой Орды, встречающиеся в записках одного иностранца, затем следующего и т.д. Поскольку исследование является историко-правовым, более предпочтительным представляется использование структурно-аналитического подхода, т.е. анализ отдельных элементов политико-правового развития Золотой Орды в рассматриваемый период путем сравнения сведений иностранных авторов и соотнесения их с другой известной нам информацией, касающейся данных элементов. Результатом должна стать некое обобщенное представление о политико-правовой ситуации в Золотой Орде – в том виде, в каком она представлялась западным современникам, лично побывавшим в этом государстве.

Итак, начать следует со статуса правителей государства – ханов поздней Золотой Орды, в современной историографической традиции нередко именуемой также «Большой Ордой». Хань-Чингизиды по-прежнему оставались единственными легитимными претендентами на престол, и их воцарение, так же, как и в более ранние времена, осуществлялось на курултае в соответствии с издавна разработанным церемониалом. Об этом сообщает, в частности, И. Шильбергер: «Еще можно заметить, при избрании короля, они сажают его на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руку золотой меч; после чего он должен присягать по их обыкновению» [17, с. 34].

Однако уже тот же И. Шильтбергер в своих записках приводит достаточно подробные (хотя и несколько сбивчивые) сведения о непрекращающейся междоусобной борьбе претендентов на трон, постоянном свержении ханов друг другом [17, с. 36–38]. Баварец всего лишь констатирует смену ханов, изредка упоминая об их родовых связях (например, о свержении сыновьями Токтамыша друг друга), не вдаваясь при этом в подробности обоснования ими своих прав на трон. Аналогичным образом, и И. Барбаро, сообщая о выступлении Кичи-Мухаммада против Улуг-Мухаммада, ограничивается констатацией того, что претендент («царевич») происходил «из рода татарских императоров» [1, с. 140–141]. Это, в общем-то, отражает политическую идеологию Чингизидов, в соответствии с которой любой потомок Чингиз-хана по прямой мужской линии может претендовать на ханский титул [см. подробнее: 21, с. 60]. Только у А. Контарини мы встречаем упоминание о том, что один из претендентов на престол пытался предъявить более убедительное основание в свою пользу: «главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война)» [1, с. 221]. Известно, что прямая передача трона от отца к сыну золотоордынской (равно как и монгольской имперской) политико-правовой традицией не предусматривалась, тем не менее, отдельные ханы (в частности, небезызвестный Узбек) пытались закрепить такой порядок престолонаследия. Как видим, подобные попытки предпринимались и в поздней Золотой Орде.

Междоусобная борьба ханов, их постоянное чередование на престоле и неоднократные попытки опереться на поддержку иностранных государей приводили к тому, что многие из золотоордынских Джучидов фактически (а иногда и формально) становились вассалами зарубежных монархов. Так, например, Ж. де Ланнуа упоминает о некоем «императоре Солкатском» (которого исследователи затрудняются точно идентифицировать) как о «друге» литовского великого князя Витовта [16, с. 442] – несомненно, речь идет об одном из ставленников великого князя литовского на золотоордынском троне, многие из которых начинали свой путь к трону именно из Крыма¹.

Впрочем, несмотря на свое непрочное, а порой и явно зависимое от иностранных государей положение, золотоордынские ханы в течение всего XV в. продолжали претендовать на ведущее положение в политической жизни Восточной и Центральной Европы, направляли посольства к иностранным государям, вели переговоры о военном союзе. В этом отношении наибольший интерес представляет так называемый «татарский проект» (или «скифское предприятие»), широко обсуждавшийся в первой половине 1470-х гг., когда Венеция и Польша всерьез рассматривали возможность военного альянса с золотоордынским ханом Ахматом против Османской империи.

Венецианский авантюрист Джанбатиста делла Вольпе («Иван Фрязин» русских летописей) в 1470 г. сообщил венецианскому сенату, что хан Ахмат готов выступить союзником европейских держав в борьбе с Турцией, выставив до 200 000 всадников. Интерес венецианских властей к этому проекту выразился в направлении официального посольства под руководством Джанбатисты Тревизана к хану. Однако намерения Венеции встретили сопротивление со стороны Москвы, к этому времени находившейся в открытом противостоянии с Ахматом, а также, как ни странно, и Польши, король которой ранее сам склонялся к союзу с Золотой Ордой против турков. В результате из «татарского проекта» ничего не вышло, и хану Ахмату, который уже готов был бросить вызов Османской империи, пришлось в спешном порядке восстанавливать нормальные отношения с султаном Мехмедом II [см. подробнее: 4, с. 10–12; 12, с. 36, 19, с. 193, 206, 216–218, 227–230]. Однако, напряженность в их отношениях продолжала сохраняться, о чем также свидетельствуют иностранные современники. В частности, в «Записках янычара», составленных бывшим гвардейцем турецкого султана Константином из Островицы во второй половине XV в., отмечается, что все татары, такие, как Великий Хан и Узунхасан, Джанибек Гирей²; эти татарские власти предпочитали иметь соседом трапезундского императора, нежели турецкого султана, хотя он и был их поганой верь» [5, с. 82].

В рамках нашего исследования эти сведения представляют интерес, поскольку отражают, во-первых, международный статус хана Ахмата как равного партнера крупных европейских держав.

¹ Правда, в историографии высказывались предположения, что в данном случае имеется в виду золотоордынский беклярибек Идегей, однако представляется сомнительной его характеристика как «друга» Витовта, которому он противостоял десятилетиями.

² Имеется в виду племянник золотоордынского хана Ахмата, при котором Крым на короткое время (1476–1478) вновь стал частью Золотой Орды.

Во-вторых, они подтверждают и сведения о том, что ему удалось консолидировать под своей властью значительную часть прежних владений Улуса Джучи. Впрочем, сведения о том, что в его распоряжении находилась армия численностью в сотни тысяч человек, готовых немедленно выступить в поход по ханскому приказу, представляются преувеличенными и, вероятно, объясняются стремлением венецианских информаторов убедить власти Республики в целесообразности союза с Золотой Ордой³. На это указывает, в частности, тот факт, что уже А. Контарини, осуществлявший дипломатическую миссию уже после того, как ажиотаж вокруг «татарского проекта» спал, весьма критически оценивает военные возможности того же хана Ахмата: «Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные – это оборванцы без всякого оружия» [1, с. 223]. Последовавшее несколько лет спустя «стояние на Угре» показало, что хан Ахмат, и в самом деле, не располагал возможностями собрать крупные войска для длительной военной кампании, и мог рассчитывать на верность довольно немногочисленной группы телохранителей, что, как известно, в конечном счете, и привело к его гибели.

Сведений о чиновном аппарате поздней Золотой Орды западные современники в большинстве своем не приводят – за немногочисленными исключениями. Так, И. Шильтбергер упоминает сановника, «который назначает и низвергает королей, от него совершенно зависящих. Эту высокую должность занимал тогда Едигей» [17, с. 34]. Интересно отметить, что хотя возможностями «назначать и низвергать» ханов обладал именно Идегей, Шильтбергер полагал, что подобное могущество связано не с конкретной личностью, а самой должностью, которая в немецком оригинале звучит как *obtan*, т.е. «старшина, старейшина» – речь идет о золотоордынском бекляри-беке. По всей видимости, баварского солдата на подобный вывод натолкнула постоянная смена ханов (о которой он сам также упоминает в своих записках) и их зависимость от ордынской знати, главой которой и являлся в этот период Идегей. В какой-то мере сообщение И. Шильтбергера о роли бекляри-бека подкрепляется и сведениями И. Барбаро о том, что Кичи-Мухаммад получил возможность бросить вызов сарайскому хану Улуг-Мухаммаду лишь после того, как военачальник Науруз, сын Идегея, «отделился от императора и ушел от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать», после чего объединился с «малым Магометом» и выступил против своего прежнего повелителя [1, с. 141].

Отметим, что И. Барбаро, лично побывавший на приеме у Кичи-Мухаммада, также практически ничего не говорит о ханских сановниках, ограничиваясь упоминанием среди наиболее влиятельных его приближенных его собственной матери и «военачальника» Науруза, которым представители венецианской общины Кафы направили подарки. Об остальных же ханских приближенных Барбаро говорит в общем как о «бесчисленных людях», выделяя, впрочем, некоего «Эдельмуга», решившего побрататься с ним самим – но и о своем «кунаке» венецианец упоминает лишь как о «родственнике царевича», сын которого, Ахмет, впоследствии «занимал высокое положение при хане» [1, с. 141–142, 144–145, 151].

Вполне вероятно, что во многом отсутствие сведений о золотоордынских чиновниках в записках путешественников и дипломатов связано с тем, что они не бывали при ханском дворе и, соответственно, не общались с ханскими приближенными, поскольку в Золотой Орде бывали большей частью проездом. С другой стороны, нельзя не предположить, что скудные сведения о золотоордынских органах власти могут отражать и глубокий политический кризис Улуса Джучи, упадок его государственности и административной системы, в результате чего от прежнего многочисленного разветвленного аппарата остались только несколько высших сановников, находившихся при ханской ставке. Этот вывод отчасти подтверждают и сведения московских и литовских дипломатов, отправлявшихся с миссиями в Крымское ханство и непосредственно в Золотую Орду в последней четверти XV в.: они также упоминают лишь о таких представителях власти как калга и беклярибек [см. подробнее: 23, с. 29]. Иван Мамонов, московский посланник в Крымском ханстве, в письме Ивану III от 23 июля 1501 г. упоминает, что в Крым приехал «Молзозода большой молна базарской Ахматовых детей», который «от Ши-Ахмета царя ту грамоту посыльную к Литовскому сам и писал» [9, с. 354; см. также: 23, с. 33]. Т.е., в качестве посла в Крым приехал некий мевляна («молна»), который являлся, по-видимому, личным секретарем хана золотоордынского Шейх-Ахмеда.

³ Исследователи уже давно обращали внимание на то, что Джанбаттиста делла Вольпе и его племянник Антонио Джисларди, убеждая Венецию в целесообразности союза с Золотой Ордой, в большей степени стремились реализовать собственные торговые интересы в восточной Европе [см., напр.: 12, с. 96].

Литовские дипломаты, в отличие от своих московских коллег, непосредственно общавшиеся с золотоордынскими властями, упоминают также и некоторых других представителей власти. В частности, в их документации фигурируют некие маршалки (вероятно, военачальники), а также *komorniki* и *koluczki*, которых В.В. Трепавлов считает представителями низшего звена правоохранительной системы – судьями и охранниками [23, с. 33]. Возможно, к чиновникам этого же уровня следует отнести некоего «коммеркиария хана» по имени «Копадхут», упоминаемого И. Барбаро в качестве чиновника, который «сдирал пошлину с товаров, ввозимых в Тану» [1, с. 152]. Несомненно, речь идет о тамгачи, т.е. сборщике торгового налога тамги.

К числу наиболее ценных сообщений дипломатов Великого княжества Литовского, на наш взгляд, следует отнести сведения о том, что ханы поздней Золотой Орды принимали наиболее важные решения после «рады» (совета) со своими «уланами и князьми», т.е. султанами-Чингизидами и представителями знати: речь идет о курултае – съезде тюрко-монгольской знати, который, несмотря на эволюцию его роли формально продолжал оставаться высшим совещательным органом в Золотой Орде вплоть до ее падения [23, с. 32; см. также: 15].

Весьма неопределенно отражена в информации иностранных современников ситуация с религией и ее ролью в политико-правовом развитии Улуса Джучи в рассматриваемый период. С одной стороны, И. Барбаро констатирует, что «магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад», т.е. во времена хана Узбека, но тут же отмечает, что «раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея» [1, с. 140]. Это, в общем-то, соответствует и другим известным нам источникам [см.: 22, с. 473–474; см. подробнее: 24, с. 86–87]. Тем не менее, немного позже Барбаро, сам побывав в лагере ордынцев, наткнулся на предмет языческого культа, о чем сообщает следующее: «Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено “*hibuth peges*”, т.е. язычниками. Я спросил: “А разве есть язычники среди этого народа?”. Он же ответил: “Хо, хо! их много, но они скрываются” [1, с. 146]. Перо Тафур упоминает, что в «Лордо-базаре», т.е. центральной ставке золотоордынского хана «располагается... Великий кади, в обязанности которого входит руководить теми людьми; с другой стороны, по левую руку, другое, схожим образом устроенное место, с другим Великим кади, который там руководит» [11, с. 166–167]. По всей видимости, речь идет о представителях мусульманской администрации, которые со времен хана Узбека были интегрированы в систему административной и судебной власти Золотой Орды – большей частью именно в городах. Именно эти мусульманские чиновники впоследствии составили основу сановного аппарата тех ханств – преемников Золотой Орды, в которых наиболее сильны были мусульманские традиции. Другие западные современники вообще ничего не говорят о роли ислама и, в частности, о ее влиянии на политико-правовое развитие Большой Орды⁴.

Едва ли не единственным высокопоставленным и влиятельным представителем мусульманского духовенства поздней Золотой Орды, фигурирующим в литовской и московской дипломатической документации, является некий «Хозяк-Сеит», приближенный последнего золотоордынского хана Шейх-Ахмада, который после разгрома Золотой Орды в 1502 г. оказался сначала в Литве, а затем – в Москве. Крымский хан Менгли-Гирей I в переписке, соответственно, с литовскими властями, а затем и с московским великим князем Василием III неоднократно просил отпустить сейида в Крым [10, с. 68, 72–73, 511; см. также: 23, с. 35]. В.В. Трепавлов, а за ним и Д.М. Исхаков отождествляют его с сейидом Хаджи-Ахмадом и объясняют интерес к нему со стороны крымского хана тем, что он и после разгрома «Большой Орды» пользовался большим влиянием среди бывшей золотоордынской знати, оказывал ей покровительство, поэтому Менгли-Гирей стремился привлечь его к своему двору, чтобы иметь влияние на приближенных последних золотоордынских правителей и не допустить возможного восстановления «Большой Орды» [6, с. 131–132; 23, с. 35]⁵. Это позволяет сделать вывод о том, что сейиды могли оказывать серьезное влияние на по-

⁴ Впрочем, Д.М. Исхаков, ссылаясь на сохранившиеся золотоордынские документы XV в., обоснованно утверждает, что «Большая Орда была мусульманским государством» и допускает наличие в ней влиятельного мусульманского духовенства [см.: 6, с. 131].

⁵ Весьма показательным, что Д.М. Исхаков в своем фундаментальном исследовании института сейидов в Золотой Орде и пост-ордынских государствах, достаточно подробно анализируя факты присутствия этих

литику поздней Золотой Орды – точно также, как на политику и пост-ордынских государств, что неоднократно отмечалось исследователями.

Ряд интересных сведений приводят иностранцы о статусе итальянских колоний в Причерноморье. В течение длительного времени эти колонии (в частности, генуэзская Кафа в Крыму и венецианская Тана на Азовском море) являлись «субъектами двойного подданства», поскольку подчинялись как своим «метрополиям», Генуе и Венеции, так и золотоордынским властям [см. подробнее: 14, с. 65–72]. Однако уже в первой трети XV в. ситуация стала существенным образом меняться, что и нашло отражение в записках иностранных путешественников. Так, например, Педро Тафур в своих записках отмечает, что Кафа – город, «что в татарской империи, но принадлежит генуэзцам, получившим разрешение заселить это место», не без некоторой доли ехидства добавляя, что «Татарин и думать не мог, до чего все это доведет» [11, с. 160]. Бывшие вассалы Золотой Орды, генуэзцы в 1433–1434 гг. развязали боевые действия против ордынских владений [11, с. 163, 267, прим. 231].⁶ Со временем, впрочем, по мере укрепления Крымского ханства, итальянцам вновь приходилось признавать зависимость от ханов-Джучидов, соблюдать вассальные обязанности и выполнять предписания ханских указов-ярлыков [см., напр.: 8, с. 80, 90, 92]. Несколько иным был в тот же самый период статус венецианской Таны. Из записок И. Барбаро следует, что она фактически находилась под полным контролем венецианских властей, которые практически на равных вели переговоры с ханом Кичи-Мухаммадом, однако при этом их дипломатический представитель благоразумно «препоручил [его защите] город вместе с населением, сказав, что оно пребывает в его власти» [1, с. 142]. Вероятно, это связано с тем, что контроль Золотой Орды над Приазовьем и его населенными пунктами в 1430–1440-е гг. был несравненно прочнее, чем над крымскими улусами.

В записках некоторых иностранных путешественников содержатся сведения относительно налоговой системы поздней Золотой Орды. Неоднократно они упоминают «подарки», которые полагалось вручать ордынцам при разных обстоятельствах. Так, Жильбер де Ланнуа упоминает, что татары его «взявши за то много подарков: в золоте, серебре, хлебе, вине и куницах» [16, с. 442]. В глазах бургундца подобные действия ордынцев выглядят вымогательством, что, впрочем, представляется вполне оправданным: поскольку, как упоминает дипломат, в это время умер хан, и в условиях обычной при таких обстоятельствах смуты представители ордынских властей (и не только) могли действовать с нарушением законов и традиций, в т.ч. нарушая и принцип неприкосновенности послов. Однако подобные требования татар в полной мере вписываются в систему золотоордынских налогов и сборов – в качестве неоднократно упоминавшихся в ханских ярлыках «запроса, дара, почестья» и т.п. [см.: 25, с. 243]. Не исключено, что сами напавшие на Ж. де Ланнуа могли уже не иметь четкого представления о том, о каких именно налогах или сборах идет речь, с кого и при каких именно обстоятельствах их следовало взимать, но весьма вероятно, что воспоминания о неких выплатах, взимавшихся в прежние времена в подобных случаях сохранялись в их «исторической памяти»! А. Контарини упоминает о том, что астраханский правитель Касим ежегодно направлял своих послов в Москву «скорее для получения какого-нибудь подарка, чем для чего-либо иного» [1, с. 220]. В данном случае речь также идет о своеобразном налоговом институте, называвшемся «тийш» («тыш») или, в русском варианте, «поминки» [см. подробнее: 18; 26].

Выше уже упоминалось сообщение И. Барбаро о чиновнике, взимавшем пошлину за товары, ввозимые в Тану [1, с. 152]. Таким образом, в первой половине XV в. налог тамга, взимавшийся в размере от 3 до 5% от стоимости товаров, ввозимых в золотоордынские владения и составлявший один из основных источников дохода ханской казны, исправно взимался. Однако, по-видимому, подобное упорядоченное взимание налогов сохранялось лишь в отдельных торговых городах – не исключено, что во многом благодаря присутствию здесь представителей иностранных властей и иностранных же торговцев, на протяжении всего существования Золотой Орды имевших сильное

представителей духовенства в Золотой Орде XIII–XIV вв. и в ханствах – преемниках Золотой Орды, признает, что «информация о сейидах в Большой Орде очень скудна» [6, с. 131]. По сути, он всю ее сводит к сведениям о вышеупомянутом «Хозяке-Сеите».

⁶ В исторической литературе принято связывать поражение генуэзцев с действиями Хаджи-Гирея, будущего основателя правящей династии Крымского ханства [см., напр.: 2, с. 58–62; 20, с. 189, 195]. Однако новейшие исследования как актового, так и нумизматического материала не дают оснований для такого заключения [см., в частности: 13, с. 182–183]. По всей видимости, генуэзцы Кафы бросили вызов крымским наместникам одного из соперничавших в тот момент ханов – Улуг-Мухаммада или Сайид-Ахмада.

«лобби» в ее властных структурах. В тех же регионах, в которых присутствие иностранных дипломатических представителей и торговцев было не столь многочисленным, по-видимому, таможенные и налоговые органы фактически не действовали – на смену упорядоченному взиманию пошлин и сборов пришел откровенный грабеж проезжающих иностранцев. Например, Афанасий Никитин сообщает, что при проезде через владения астраханских Джучидов речной караван, в котором он находился, подвергся нападению и ограблению, причем со стороны не рядовых кочевников, промышлявших разбоем, а самого Касим-султана – сына и наследника хана Махмуда [27, с. 44]. Некоторое упорядочение во взаимоотношениях торговцев с властями в этом регионе наступает, по-видимому, после появления Астраханского ханства [см. подробнее: 3, с. 210–226].

Анализ свидетельств зарубежных современников позволяет подтвердить вывод о том, что в XV в. наступает глубокий кризис в государственном и правовом развитии Золотой Орды, приходят в упадок многие властные институты и нормы права, успешно применявшиеся в период ее расцвета. Проблема усугублялась тем, что сами ханы-Джучиды, стоявшие во главе «Престольного владения», судя по всему, продолжали претендовать на имперский статус своей державы, не имея при этом возможности в полной мере реализовать свои претензии, но и не желая ограничиваться статусом «региональных» правителей. Их попытки реализовывать свои имперские амбиции в условиях кризиса государственности и права Улуса Джучи еще больше подчеркивали проблемы в политико-правовом развитии государства, что прекрасно осознавали и отмечали иностранные очевидцы. Как ни парадоксально, но только после окончательного распада Золотой Орды и создания новых, меньших по площади и менее скромных по своим претензиям государств ханам-Джучидам удалось в известной степени стабилизировать, укрепить и даже развить государственные и правовые институты и продолжить играть значительную роль, в т.ч. и на международной арене. Можно предположить, что эти процессы также нашли отражение в записках иностранных современников, однако их анализ – это предмет уже нового самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбаро и Контарини о России / Вступ. ст., пер. и коммент Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. 275 с.
2. *Гайворонский О.* Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Кн. 1. Симферополь: Доля, 2004. 94 с.
3. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
4. *Зайцев И.В.* Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г. хиджры) // Восточный Архив. № 2–3. 1999. С. 4–15.
5. Записки янычара / Пер. А.И. Рогова. М.: Наука, 1978. 136 с.
6. *Исхаков Д.М.* Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
7. *Карпов С.П.* Из Европы в Азию через Черное море // Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. С. 102–110.
8. *Милицын С.А.* Дело братьев Гуаско // Очерки истории Сурожя IX–XV веков. Симферополь: Крымиздат, 1955. С. 73–94.
9. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России / Под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. 558 с. + 82 стб.
10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 / Под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. 706 с. + 108 стб.
11. *Перо Тафур.* Странствия и путешествия / Пер., пред. и коммент. Д. К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. 296 с.
12. *Пирлинг П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб., 1892. 235 с.
13. *Пономарев А.Л.* Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
14. *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
15. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 113–117.

16. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланнуа, кавалера золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени; в 1399–1450 годах / Пер. Ф.К. Бруна // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. 1853. С. 433–465.
17. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. Ф.К. Бруна. Одесса, 1867. VI + 157 с.
18. *Самойлович А.Н.* Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // *Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме. Симферополь: Доля, 2000. С. 122–124.
19. *Скржинская Е.Ч.* Московская Русь и Венеция времен Ивана III // *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб.: Алетейя, 2001. С. 180–283.
20. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 546 с.
21. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
22. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
23. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.
24. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
25. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 320 с.
26. *Фаизов С.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы.* 1994. № 3. С. 49–56.
27. *Хождение за три моря Афанасия Никитина* / Пер. А.Д. Желтякова и Л.С. Семенова. Л.: Наука, 1986. 314 с.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент, кандидат юридических наук (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); gorot@mail.ru

Legal Situation in the Late Golden Horde through the Eyes of Western Contemporaries

R.Yu. Pochekaev

*(National Research University Higher School
of Economics, St. Petersburg)*

The article analyzes information of foreign contemporaries who visited ulus of Jochi about peculiarities of development of law and legal relations in the late 15th century's Golden Horde. Author used works of a German (Bavarian) Iohann Schiltberger, a French Gilbert de Lannois (from Burgundy), Italians (Venetians) Iosaphat Barbaro and Ambrogio Contarini, a Spaniard Pero Tafur (from Castile) and, at last, a Russian Afanasiy Nikitin (from Tver') as well as several records of Moscow, Lithuanian and Venetian embassies to the late Golden Horde and Crimean Khanate. These works are different in their volume and aspects which attracted attentions of different visitors of the ulus of Jochi. However, their limited information on the legal situation in the Golden Horde represents great value. Besides that, some of the authors described the same aspects that allows us to trace the development of one or another field of law and legal relations in this state at different decades of the 15th century. Also information of Western travelers is compared with notes of several other (Eastern) authors. At the same time, results of previous researches on history of the late Golden Horde are also taken into account.

The author comes to a conclusion that law in the late Golden Horde was in the deep crisis. The Jochid khans tried to position themselves as rulers of empire and establish relations with their own subjects as well as with foreign rulers according to the former principles of the "Golden Age" of the ulus of Jochi. However, they did not have at their disposal an effective administrative structure of the past years, neither well-developed law machinery, nor strong military power. Only after the final disintegration of the Golden Horde into number of smaller states (post-Horde khanates) headed by rulers with rather lesser ambitions the legal situation in the former ulus of Jochi became more stabilized.

Keywords: Golden Horde, ulus of Jochi, Great Horde, law, Italian colonies, foreign travelers, status of monarch, taxation system.

REFERENCES

1. *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Barbaro and Contarini on the Russia]. Vstup. st., per. i komment E.Ch. Skrzhinskoi. Moscow, Nauka, 1971. 275 p.
2. Gaivoronskii O. *Strana Krym. Krymskoe khanstvo v litsakh i sobyitiyakh* [Country of the Crimea. The Crimean Khanate in Faces and Events]. Kn. 1. Simferopol, Dolya, 2004. 94 p.
3. Zaitsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. 2nd ed., rev. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006. 303 p.
4. Zaitsev I.V. Pis'mo khana Bol'shoi Ordy Akhmada turetskomu sultanu Mekhmedu II Fatikhu (881 g. khidzhry) [A Letter of Ahmad, Khan of the Great Horde to the Turkish Sultan Mehmed II Fatih (881 AH)]. *Vostochnyi Arkhiv* [Oriental Archive]. № 2–3. 1999, pp. 4–15.
5. *Zapiski yanychara* [Notes of a Janissary]. Russ. transl. by A.I. Rogov. Moscow, Nauka, 1978. 136 p.
6. Iskhakov D.M. *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Institution of Seyids in the Ulus of Jochi and Late Golden Horde States]. Kazan, Fen, 2011. 228 p.
7. Karpov S.P. Iz Evropy v Aziyu cherez Chernoe more [From Europe to Asia through the Black Sea]. Idem. *Latinskaya Romaniya* [The Latin Romania]. St. Petersburg, Aleteiya, 2000, pp. 102–110.
8. Militsyn S.A. Delo brat'ev Guasko [The Case of Guasko Brothers]. *Ocherki istorii Surozha IX–XV vekov* [Essays on the History of Surozh of the 9th–15th centuries]. Simferopol, Krymizdat, 1955, pp. 73–94.
9. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoi i Nagaiskoi ordami i s Turtsiei. T. I. S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with Crimean and Nogay Hordes and with Turkey. Vol. 1: Since 1474 to 1505. Epoch of Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. Ed. by G.F. Karpov. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], vol. 41. St. Petersburg, 1884. 558 p. + 82 cols.
10. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsiei. T. II. 1508–1521 [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with Crimea, Nogays and Turkey. Vol. 2: 1508 to 1521. Epoch of Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. Ed. by G.F. Karpov and G.F. Shtendman. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], vol. 95. St. Petersburg, 1895. 706 p. + 108 cols.
11. Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439) [Russ ed.: Pero Tafur. *Stranstviya i puteshestviya*, transl., intr. And comments by D.K. Masielya Sanches. Moscow, Indrik, 2006. 296 p.].
12. Pirling P. *Rossiya i Vostok. Tsarskoe brakosochetanie v Vatikane, Ivan III i Sofiya Paleolog* [Russia and Orient: Tsar's Marriage in Vatican, Ivan III and Sophia Palaeolog]. St. Petersburg, 1892. 235 p.
13. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheistva Kaffy [The Early Khans of Crimea: The Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s]. *The Golden Horde Review*, 2013. № 2, pp. 158–190.
14. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordy (istoriko-pravovye ocherki)* [Legal Culture of the Golden Horde (Historical-Legal Essays)]. Moscow, Yurлитinform, 2015. 312 p.
15. Pochekaev R.Yu. Evolyutsiya kurultaya v pozdnesrednevekovykh tyurko-mongol'skikh gosudarstvakh [Evolution of Qurultai in the Late Medieval Turkic-Mongol States]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], vol. 4. Kazan': Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2012, pp. 113–117.
16. Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, chevalier de la Toison d'or, Seigneur de Santes, Willerval, Tronchierfnes, Beaumont et Wahegnies, 1399–1450 [Russ. ed.: *Puteshestviya i posol'stva gospodina Gill'bera de Lannua, kavaler zolotogo runa, vladel'tsa Santa, Villervalya, Tronshiena, Bomona, Vageni; v 1399–1450 godakh*, transl. by F.K. Brun, *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of Odessa Society of History and Antiquities], vol. III. 1853, pp. 433–465].
17. Reisen des Iohannes Schiltberger aus München [Russ. ed.: *Puteshestvie Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god*, transl. by F.K. Brun. Odessa, 1867. VI + 157 p.]
18. Samoilovich A.N. Tiyish' (tish') i drugie terminy krymsko-tatarskikh yarlykov [Tiyish' (tish') and Other Terms of the Crimean Tatar Yarliks]. Idem. *Izbrannye trudy o Kryme* [Selected Works on the Crimea]. Simferopol, Dolya, 2000, pp. 122–124.
19. Skrzhinskaya E.Ch. Moskovskaya Rus' i Venetsiya vremen Ivana III [Moscow Rus' and Venice at the Age of Ivan III]. Idem. *Rus', Italiya i Vizantiya v Srednevekov'e* [Rus', Italy and Byzantium in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aleteiya, 2001, pp. 180–283.
20. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under Suzerainty of the Ottoman Porte till the beginning of the 18th century]. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. 544 p.
21. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khan and the Chinggisids: Fate and Power]. Moscow, AST, 2006. 445 p.

22. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. 1: Exctract from Arab Writings]. St. Petersburg, 1884. 564 p.
23. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takht Eli: Essay on History]. Tula, Grif & Co, 2010. 112 p.
24. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p.
25. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Press., 1979. 319 p.
26. Faizov S. Pominki – «tysh» v kontekste vzaimootnoshenii Rusi-Rossii s Zolotoi Ordoi i Krymskim yurtom (K voprosu o tipologii svyazei) [The Gifts “tysh” within the Context of Relations of Rus’-Russia with the Golden Horde and Crimean Khanate (On typology of relations)]. *Otechestvennye arkhivy* [Fatherland Archives], 1994, № 3, pp. 49–56.
27. *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Travels through Three Seas]. transl. by A.D. Zheltyakov and L.S. Semenov. Leningrad, Nauka, 1986. 314 p.

About the author: Roman Yulianovich Pochekaev – Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, docent, Cand. Sci (Jurisprudence) (198099, Promyshlennaya st., 17, St. Petersburg, Russian Federation); ropot@mail.ru

УДК 94(47+57)"12/14"

Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса

Ю.В. Селезнёв

(Воронежский государственный университет)

В статье рассматриваются концептуальные особенности и отличия подборки материала по истории Орды и русско-ордынских отношений в Галицко-Волынской летописи и Ипатьевском своде. Для выявления данных особенностей анализируются прямые и косвенные свидетельства, связанные с военными, дипломатическими, экономическими отношениями русских княжеств с ордынским государством; выявляются причинно-следственные связи появления известий в памятнике; проверяется достоверность известий с данными других источников (синхронных и диахронных). Доказывается, что летописцы Галича и Волыни отмечали не только военную и дипломатическую деятельность своих князей, но и особенности смены политики Орды в регионе. Активное взаимодействие княжеской элиты с такими политическими деятелями и военачальниками Орды, как Куремса, Бурундай, Ногай, Тула-Буга позволяло получать надёжную информацию о событиях в Орде и далёком Каракоруме из первых рук, что делает информацию летописи довольно точной и достоверной. Составители различных частей летописи оказываются весьма осведомлёнными во внутренних делах Орды и Монгольской империи. Уникальные свидетельства об истории Монгольской империи и Джучиева Улуса помогают уточнить время редактирования составных частей самой Галицко-Волынской летописи, что является важным источниковедческим аспектом проведенного анализа.

Основой для выявления концептуальных особенностей является тезис о том, что летопись или летописный свод в момент своего окончательного редактирования представляет собой законченное целостное произведение, которое обладает своим идейным замыслом, композицией и подчиненным этому содержанием записей. Именно поэтому появление или отсутствие в летописных памятниках тех или иных известий не может быть случайным (за исключением не частых случаев механического соединения разнородных текстов). Поскольку Ипатьевский свод, частью которого является Галицко-Волынская летопись, составлен не позднее середины XV (что подтверждается наличием списка конца 1410-х – начала 1420-х гг.), мы можем предположительно выявить представления об эпохе владычества Орды книжников начала/середины XV столетия. Сама же Галицко-Волынская летопись обрывается на 1292 г., что позволяет говорить о появлении протографа свода в конце XIII в. или в самом начале XIV в. Это в свою очередь позволяет гипотетически выделить пласт информации об оценках ордынского периода авторов рубежа XIII–XV вв. Причем анализ свидетельств в Галицко-Волынской летописи позволяет определить региональные особенности восприятия власти Орды в русских княжествах.

Ключевые слова: Русские княжества, XIII–XV вв., Джучиев улус, Золотая Орда, Галицко-Волынская летопись, исторические источники.

Любая летопись или летописный свод в момент своего окончательного редактирования представляет законченное целостное произведение, которое обладает своим идейным замыслом, композицией и подчиненным этому содержанием записей. Именно поэтому появление или отсутствие в летописных памятниках тех или иных известий не может быть случайным (за исключением не частых случаев механического соединения разнородных текстов).

Особое место в истории летописания занимает так называемая Галицко-Волынская летопись, которая является частью Ипатьевского свода.

Свод составлен не позднее середины XV в., что подтверждается наличием списка конца 1410-х – начала 1420-х гг. [8, с. F]. Последняя часть свода – Галицко-Волынская летопись – обрывается на 1292 г., что позволяет говорить о появлении протографа свода в конце XIII в. или в самом начале XIV в.

Вполне закономерно, что занимая своим содержанием практически весь XIII век, Галицко-Волынская летопись содержит целый ряд известий, касающихся истории Монгольской империи, Орды и русско-ордынских отношений. Всего в 20-ти погодных записях встречаются 24 подобных известия (под 6732, 6745, 6751 (два), 6753, 6758, 6760, 6763 (три), 6767, 6768, 6769, 6774, 6774, 6782, 6785, 6788, 6790, 6791, 6792, 6795, 6797 гг.). Их можно разделить на несколько блоков.

В первую очередь – это сведения, связанные с нашествием монголо-татар на Восточную Европу: повести о битве на Калке и о нашествии Батая.

В повествовании о поражении русских князей в битве на Калке обращает на себя внимание указание летописца о том, что монголо-татарский контингент «обрати и воспать на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску и на ины страны. Тогда же и Чаногизь кано ихъ таногуты убьень бысть. Их же прельстивше и послѣди же лъстию погубиша» [1, с.206]. Данная запись выдает в летописце глубокую осведомленность о делах монголов на Дальнем Востоке, причем спустя четыре года после появления туменов Субедея и Джебе в причерноморских степях. Ведь Чингиз-хан (Чаногизь) умер в осень 1227 г. именно во время похода на государство тангутов (Си Ся). Таким образом, становится очевидным, что повесть была написана или отредактирована не ранее 1227 г., а скорее после 1242 г. (после возвращения Батя из похода в Европу) или даже 1258 г. (после появления на границах с южнорусскими княжествами мощной войсковой группировки во главе с Бурундаем).

В пользу последнего варианта говорят и иные уникальные сведения, связанные с именем Бурундая. Ведь именно в повести о нашествии Батя сохранились уникальные известия о том, что именно тумен Бурундая разгромил «изъехав» на реке Сити лагерь войск князя Юрия Всеволодовича Владимирского [1, с.234]. А также упоминание о том, что Субедей-бохатур и Бурундай-бохатур возглавляли войска, разорявшие Волжскую Булгарию и Владимирскую Русь («взя Болгарьскую землю и Суждальскую») [1, с.238]. Эти свидетельства, по всей видимости, могли стать известны русскому летописцу только из окружения самого Бурундая.

Следы более поздней по сравнению с описываемыми событиями вставки или редактуре содержат эпизоды описания взятия монголо-татарами Киева. В частности, в двух эпизодах встречаются характерные оговорки. В первом, описывая появление отряда завоевателей под Киевом во главе с двоюродным братом Батя Менгу указывается его титул – каган («Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева» [1, с.236]). Однако главой всей империи – каганом – Менгу стал только в 1251 г. Только после этого события русский летописец мог упомянуть его новый статус и титул. Точно такая же оговорка содержится о другом кузене Батя – Гуюке, который «вратися увѣдавъ смерть канову, и бысть каномъ» [1, с.238]. Официально Гуюк взшел на престол в 1246 г. и, следовательно, его титул главы государства тоже не мог попасть на страницы летописей ранее этого срока. Таким образом, можно согласиться с мнением А.В. Майорова, который при анализе «Повести» пришел к выводу, что в «окончательном виде южнорусская версия повести сложилась не ранее конца 1251 г. Ее текст складывался постепенно, подвергаясь дополнениям, касающимся, в частности, последующей судьбы татарских царевичей – участников похода на Киев, становившихся ханами. Возможно, последним в повесть был включен эпизод первого прихода под Киев татар под предводительством Менгу-хана. Включение его должно было произойти после избрания Менгу великим ханом (1 июля 1251 г.), возможно, под влиянием известий об этом событии» [6, с. 103]. При этом возможность попадания в свод указанных выше сведений, к примеру, в составе гипотетической Киевской летописи 1238 г., маловероятна. Ведь «гипотеза о существовании Киевской летописи 1238 г., отразившейся в Ил и Новгородско-Софийском своде, не объясняет наличия в последних известий о нашествии Батя на земли Южной Руси в 1239–1240 гг.» [5, с. 40]

Надо также отметить, что в самой повести сохранилось уникальное описание обороны Козельска [1, с.236]. В нем отмечена гибель трех сыновей темников, что может свидетельствовать об активном участии в боевых действиях личной гвардии Батя, в которой и должны были служить родственники должностных лиц империи [10, с. 43–45].

Фиксирует летописец военное давление ордынцев на русских князей при возвращении из похода на Польшу и Венгрию. В частности, под 6751 г. упомянуто, что «Ростислава розгнаша татарове во Борку, и бѣжа Угры» [1, с.246]. Князь Даниил Галицкий уехал к брату Василько на Волынь, «А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше» [1, с. 246].

Под 6758 (1250) г. летопись повествует о поездке к Батю князя Даниила Галицкого [1, с. 254, 256]. Причем именно в этом рассказе отмечается ряд уникальных известий, которые связаны с процедурами аудиенции у хана. В частности отмечено, что князь Даниил провел в ожидании приема 25 дней: «Бывшу же князю у них дний 20 и 5, отпущень бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимъ» [1, с.256]. Показательно, что арабский автор XIV столетия Ал-Муфадаль, рассказывая о пребывании при дворе ордынского хана Берке египетских послов указывает, что «пробыли они у него 26 дней» [3, с.92–93]. Таким образом, свидетельство русской летописи проверяется независимыми источниками и, следовательно, обладают высокой степенью

достоверности. Сравнение же сведений источников позволяют предполагать, что стандартное время пребывания при дворе хана составляло около 25 дней.

Отразилась в повествовании и обрядовая сторона аудиенции. Важным этапом проверки лояльности прибывшего ко двору хана было прохождение между очистительными огнями и поклонение идолу Чингиз-хана. Автор рассказа подчеркивает, что князю Даниилу удалось уклониться от языческого обряда поклонения идолу Чингисхана [2, с. 142]: «Приходяща цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ водяше около куста поклоняться имъ ...приде к Батыеву на Волгу. Хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю человекъу Сънгурови, рекше ему: «Брат твои Ярославъ кланялся кусту и тобѣ кланялся». И рече ему: «Дьволь глаголетъ из устъ ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будетъ слово твое». Во тѣ час позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшства» [1, с. 254].

Далее летописец отмечает, что Даниил «...поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его (Батя – Ю.С.)» и «нынѣ сѣдѣть на колѣну и холопомъ называется...» [1, с.256] (порядок вхождения в юрту хана известен нам из описаний в арабских хрониках и записках западноевропейских путешественников¹). По всей видимости, представить суть своего посещения Даниилу предстояло выйдя на середину шатра и преклонив колени перед ханом. Не исключено, что, не будучи послами, но, являясь владетельными правителями, русские князья не должны были преклонять колени перед входом в шатер. Во всяком случае, никаких прямых указаний на подобную необходимость в источниках не сохранилось. Более того, Рубрук упоминает, что монголы «не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы» [9, с.119], разделяя тем самым статус и положения посла и других категорий посетителей хана.

Далее летописец передает суть беседы князя с ханом: Батый «Рекше ему: «Данило, чему еси давно не пришель? А нынѣ оже еси пришель – а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузъ?». Оному же рекшу: «Доселѣ есмь не пилъ. Нынѣ же ты велишь – пью». Он же рече: «Ты уже нашъ же тотаринъ. Пий наше питье». Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвя слова своя...» [1, с. 256]. Таким образом, Даниил и, вероятно, все русские князья на приеме должны были испить кумыса, что как отметил Рубрук было оказанием чести, а отказ от разделения питья с ханом мог нанести серьезное оскорбление. Затем Даниил заявил Батыю: «Иду поклониться великой княгини Баракъчинови». Рече: «Иди». Шедъ поклонися по обычаю. И присла вина чомъ и рече: «Не обыкли питии молока, Пий вино...» [1, с.256]. Надо полагать, что старшая жена Батя Боракчин находилась в том же шатре слева от хана. По отношению же к посещавшему правителя она оказывалась на правой стороне. Таким образом, Даниил перешел с левой стороны на правую, почтил вниманием жену Батя и был поощрен ковшом вина из рук хана. В завершении повествования о поездке князя Даниила к Батыю автор помещает часто цитируемую сентенцию – «злее зла честь татарская».

¹ Арабский автор ал-Муфадаль описывая прием египетских послов ханом Берке, отметил следующее: «Рано утром царь Берке, находившийся в близком от них помещении, пригласил послов к себе. Их уже уведомили, что им следует делать при входе к нему, т.е. ...никому не входить к нему в шатер с мечом, с ножом или с оружием; не прикасаться ногами к порогу шатра; когда кто снимет с себя свое оружие, то слагать его на правую сторону, вынуть лук из сайдака, опустив тетиву, не оставлять в колчане стрел» [3, с. 92–93]. Причем уже по свидетельству папского легата Плато Карпини: «мы вошли в дверь с восточной стороны, так как с запада не смеет входить никто, кроме императора...» [9, с.76]. Свой приём у Коренцы (Куремсы) Плато Карпини описывает так: «...мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце... Взяв дары они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили все это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя...» [9, с. 69]. Описывая посещение ставки каана в Каракоруме Плато Карпини отмечает, что «каждый из нас четыре раза преклонили левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога» [9, с.76]. Китайский сановник Сюй Тин, посетивший монгольские степи в 1235/1236 гг. также отмечает, что кочевники казнят тех «кто [коснется] обовью порога» [4, с.55]. Также он отмечает, что монголы «в знак приветствия... припадают на левое колено в качестве поклона» [4, с. 40]. Кроме того, по словам Плато Карпини, относящимся к ставке Батя «...Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату...» [9, с.71].

Уникальным известием, привлекающим внимание исследователей, является упоминание в Галицко-Волынской летописи (под 6760 г.) о наличии в войсках князя Даниила отряда, вооруженного по монгольскому образцу: «Нѣмци же дивящесе оружью татарскому, бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожанныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающася». Показательно здесь противопоставление – сам князь: «ѣха, подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь под нимъ дивлению подобенъ, и сѣдло от злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростями, якоже дивитися, кожуюхъ же оловира грѣцкого и круживы златыми плоскими ошить, и сапозы зеленого хъза шити золотомъ» [1, с.262].

Под 6763 и 6767 гг. в летописи помещено описание военных действий князей Романовичей (Даниила и Василько) против Куремсы (Коренцы). А под 6768 рассказывает о смене Куремсы войсками Бурундая и помещена оговорка: «Данило же держаше рать с Куремсою и николи же не бояся Куремсь, не бѣ бо могль зла ему створити никогда же Куремьса» [1, с.286]. Данная оговорка входит в противоречия со свидетельством Плано Карпини, который утверждает, что Куремса (Коренца) возглавлял 60 000-ный контингент на задней окраине Монгольской империи. Вряд ли мобилизационные ресурсы Галицкого и Волынского княжеств смогли бы быть равнозначны такому количеству войск. Тем более, что Бурундай по своему статусу относился к темникам и, следовательно, имел под своим командованием десятитысячный корпус. Куремса, вероятно, являлся темником, а война с ним князей Романовичей носила пограничный характер.

Появление на южных границах русских княжеств Бурундая и направление его дальнейших действий (Литва и Польша), свидетельствуют об активизации западной политики Орды. Для русско-ордынских отношений показательны здесь упоминания о требовании Бурундая срыть укрепления крупных городов во владения князей-Романовичей, что традиционно рассматривается как окончательное включения Галицко-Волынской земли в сферу политического влияния Орды. А также детали участия князя Даниила в походе Бурундая на Литву. Обычно исследователи подчеркивают, что Даниил, как последовательный сторонник борьбы с монголо-татарами, уклоняется от не выгодного и опасного для него похода, отправляя в лагерь Бурундая своего брата Василько. Однако повествование указывает, что параллельно с действиями основных сил грозного темника, войска Даниила совершают поход по направлению: Волковскийск – Городно, разоряя территорию, которая в данный момент подконтрольна литовским князьям и намереваясь взять в плен Войшелка и Тевтивила [1, с.286]. Кроме того, летописец вкладывает в уста ордынцев слова: «То есть мирникъ нашъ, братъ его, воевалъ с нами» [1, с.288]. Таким образом, князь Даниил во время похода монголо-татар на Литву выступает активным союзником Бурундая.

Важным блоком известий, отложившемся в Галицко-Волынской летописи, являются сведения об активном использовании князем Львом Даниловичем ордынских сил для решения своих политических задач. В частности, под 6782 упомянуто призвание Львом войск Менгу-Тимура для похода на литовские владения: «посла в татары ко великому цареви Меньгутимереви, прося собѣ помочи у него на литву» [1, с. 306].

Под 6785 г. размещено извѣтие об отправлении Ногаем воинского контингента против Литвы и на помощь князю Льву Галицкому, Мстиславу Луцкому и Владимиру Волынскому. Объяснено это следующими словами, вложенными в уста Ногай: «Всегда мѣ жалуете на литву. Осе же вы даль есмь рать, и воеводу с ними Мамъшѣя, поидете же с ним на вороги своѣ» [1, с. 308, 310].

Показателен эпизод с присылкой Ногаем войск для похода на Польшу, размещенный в летописи под 6788 г. По словам летописца князь Лев Данилович после смерти Болеслава захотел присоединить к своим владениям часть польской территории («Левъ восхотѣ собѣ части в землѣ Лядской, города на въкраини»). Он решил заручиться поддержкой Орды и поехал за помощью к Ногаю («Еха к Ногаеви оканьному проклятому помочи собѣ прося у него на ляхы» [1, с.312]). Помощь князь получил. Однако война закончилась для галицко-ордынской коалиции неудачно («убиша бо ляховѣ от полку его многы бояры и слуги добрѣѣ, и татаръ часть убиша.И тако возвратися Левъ назадъ с великымъ бещестьемъ» [1, с.314]).

Уникальным является описание похода ордынских войск во главе с Ногаем и Тула-Бугай на Венгрию, помещенном в летописи под 6790 г. Русский летописец упоминает о том, что ордынские полководцы обратно возвращались различными дорогами. В результате Тула-Буга заблудился в Карпатах и понес большие людские потери, а сам «выиде пѣшь со своею женою, об одной кобылѣ, посрамленъ от Бога» [1, с.320]. Вероятно именно с этого момента между Ногаем и Тула-

Бугой началось «нелюбовье велико» [1, с.320], которое летописец отмечает уже при описании ордынского похода на Польшу под 6791 г. [1, с.320, 322].

Описание движения Тула-Буги по территории русских княжеств сопряжено с описанием действий русских князей, которые выезжают навстречу к хану к границам своих владений (Мстислав Луцкий встречает хана у р. Горыни («срете и Мьстиславъ с питьемъ и з дары») [1, с.320]; на реке Липе хана встретил Владимир Волынский («и срѣте Володимеръ князь с питьемъ и с дары на Липѣ»)[1, с.320]; Лев Галицкий нагнал войска у Бужковичей (посемь угони Левъ князь ко Бужковичемъ и с питьемъ и с дары)[1, с.320]). Данные свидетельства находят аналогии в труде Джувейни при описании движения войск Хулагу по территории подвластных монголам владетелей. Это позволяет проверить свидетельства независимых источников и дополнить их.

Поход на Польшу, описанный под 1283 надежно датируется по польским источникам зимой 1286/1287 гг. Под 6795 (1287 г.) помещен другой рассказ о том же походе. По всей видимости именно здесь начинается летописец Мстислава Даниловича, поскольку внимание автора повествования приковано не к участию в ордынском походе русских князей, а перепетиям утверждения верховной ордынской властью завещания князя Владимира Васильковича Волынского. В рассказе указывается, что князь Владимир передает владельческие права на все свое княжество не старшему своему кузену Льву Даниловичу, а младшему Мстиславу. Происходит это в присутствии ханских доверенных лиц, а сами чингизиды – Тула-Буга и Алгуй – выступают гарантами завещания (А даю тобѣ, брату своему землю свою всю и города по своему животѣ. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ». Мьстислав же удари челомъ передь братомъ своимъ Володимѣромъ» [1, с. 324]). При описании объявления решения Владимира Льву Даниловичу и его сыну Юрию и ответе родственников в то смысле, что после смерти они будут оспаривать наследственные права Мстислава, последний оперирует авторитетом высшей ханской власти как гаранта завещания, на что Лев ничего не ответил («Чего искати по животѣ брата моего и своего, осе же ти цареве, а се царь, а се азъ. Молви со мною, што восхочешъ». Левъ же *не рече* противу слову ничего же») [1, с. 326]. Отсылка к верховной ханской власти содержится и в обсуждении Владимиром и Мстиславом ситуации с наследованием в форме: «коли есмь былѣ с Телебугою и Алгуемъ» [1, с.328].

Сложившаяся напряженная ситуация нашла свое продолжение после смерти князя Владимира Васильковича, когда Лев Данилович и Юрий Львович направили своих наместников в ряд городов Волыни. Рассказ об этих событиях помещен в летописи под 6797 г. Мстислав Данилович потребовал освободить города, а если этого не произойдет, то он обратится за судом и помощью к верховной ханской власти: «Я же хочю правити татары» [1, с. 350]. *Ниже приводится признание князя Мстислава о том, что за ордынским отрядом он уже послал:* «посла ко брату своему ко Лвови епископа своего володимерьского, река ему: «... повѣдаю, брате мой, не тая: послалъ есмь возводить татаръ» [1, с. 350]. Показательно, что князь Лев Данилович, опасаясь вторжения ордынских войск, припоминая недавнее «мирное» следование армии Тула-Буги через Галицкое княжество, когда экономика подвластной ему земли понесла колоссальные потери («Левъ же убоися того велми, и еще бо ему не сошла оскомины Телебужины рати»), согласился передать во владения брату всё Волынское княжество и оправил к сыну гонца: Левъ князь посла Семена своего дядьковича ко сынови своему с прочними рѣчьми, река ему: «Поѣдь вонъ из города, не погуби землѣ, братъ мой послалъ возводить татаръ»[1, с. 352]. Мстислав распорядился вернуть посла, отправленного за ордынской помощью: «вборзѣ посла гонцѣ по Юрьи князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бяшетъ возводить татаръ на сыновця своего» [1, с. 350]. Князь Мстислав занял волынский стол, границами владений которого обозначены ордынские земли («по татары»)[1, с. 352]).

Таким образом, рассказы о привлечении ордынских правителей в качестве гарантов завещаний русских князей, а также вероятные последствия послушания ханов свидетельствуют о значительной вовлеченности князей Галича и Волыни в политическую систему Орды.

Вполне закономерно, что в центре внимания русского летописца находятся события, в которых принимают участия русские князья, то есть, в первую очередь Галицко-Волынская летопись дает нам уникальный материал по истории русско-ордынских отношений. Тем не менее, кроме косвенных свидетельств, которые можно вычлениить из рассмотренных повествований, встречаются в летописи известия, прямо относящиеся к истории Орды. В частности это свидетельство о борьбе за власть после смерти Берке в 1266 г. – под 6774 г. отмечено, что «Бысть мятежь великъ в самѣхъ татарѣхъ, избишася сами промежи собою бе-щисленое множество, акъ пѣсокъ морьскы» [1, с. 298].

Правда, нельзя исключать, что в этой записи отразились известия о войне Берке и с его двоюродным братом ильханом Ирана Хулагу. Тогда это известия относятся ко времени до смерти Берке.

Столь же уникально свидетельство о падеже скота в Орде, отмеченное летописцем под 6792 г.: «Тое же зимы и в татарехъ изомре все кони и скоти, и овцѣ, все изомре, не остана ничего же» [1, с. 324].

Единственный раз в русских источниках встречается титулование хана Менгу-Тимура «великим царем» [1, с. 306]. И этот титул упомянут именно в Галицко-Волынской летописи. Несомненно, данное титулование связано с приобретением ханами Орды суверенитета и независимости от центрального правительства в Каракоруме, которое произошло именно с приходом к власти Менгу-Тимура.

Показательно, что в отношении оценок русско-ордынских отношений именно в Галицко-Волынской летописи несколько раз провозглашается положение «неволи». Трижды отмечено, что русские князья действуют по чужой воли: под 6782 г. отмечено: «Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской» [1, с. 306]; под 6790 – «Тогда бо бяхуть князи русции в воли татарьской» [1, с. 318]; под 6795 – «Тогда бяхуть вси князи русции в воли татарьской, покорени гнѣвомъ Божиимъ» [1, с. 324]. Дважды русские князья участвуют в ордынских походах «неволею»: под 6788 г. отмечено: «Зимѣ же приспѣвши, и тако поидоша: Левъ радъ поиде статары и со сыномъ своимъ Юрьемъ, а Мьстиславъ и Володимеръ, сынъ Мьстиславъ Данило и поидоша неволею татарьскою»; под 6791 г. – «Идушу же Телебузѣ в Ляхы, и с нимъ идоша вси князи неволею татарьскою» [1, с. 322]. Один раз (под 6791 г.) указано: «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарьской. И тако поиде Телебуга на ляхы, собравъ силу многу» [1, с. 320]. Неволя – понятие синонимичное «рабству» и «игу». Таким образом, единственным синхронным источником, приравнивающим владычество Орды над Русью к принятому в научной и учебной литературе термину «иго», является именно Галицко-Волынская летопись.

И, наконец, необходимо отметить свидетельство Ипатьевского свода, в самом начале которого помещен перечень независимых русских князей. Данный перечень автор или редактор Ипатьевской летописи обрывает именно на нашествии монголо-татар: «Се же соуть имена княземъ Киевскимъ княжившимъ в Киевѣ до избитья Батыева (выделено мной – Ю.С.)... под Даниловымъ намѣстникомъ под Дмитромъ взяша Батыи Киевъ» [7, стб. 1, 2]. Сложно сказать, когда появилась эта запись в своде – в протографе в конце XIII в. или её внес переписчик XV столетия. Тем не менее, она явно согласуется с мотивом «неволи» Галицко-Волынской летописи и выдает в сознании русских книжников представление о прекращении самостоятельного суверенного существования Руси во главе со столичным Киевом именно с момента завоевания последнего войсками Батыя.

Таким образом, Галицко-Волынская летопись представляет собой уникальный свод известий, главным образом, по истории русско-ордынских отношений. В ней представлена точка зрения книжников Галича и Волыни на завоевание Руси монголо-татарами и потери княжествами суверенитета. Данная точка зрения оригинальна и отлична от мнения летописцев Северо-Восточной Руси.

Гранича с западным крылом Орды, князья Галича и Волыни оказались вовлечены в западные походы ордынских войск. При этом летописцы отмечали не только военную деятельность своих князей, но и особенности смены политики Орды в регионе. Взаимодействуя с такими политическими деятелями и военачальниками, как Куремса, Бурундай, Ногай, Тула-Буга на Руси получали информацию о событиях в Орде и далёком Каракоруме. Составители различных частей летописи оказываются весьма осведомлёнными во внутренних делах Орды и Монгольской империи. Однако надёжная информация об истории Орды содержится в большей степени не в прямых свидетельствах, а в косвенных известиях летописных записей. Кроме того, указанные уникальные свидетельства помогают уточнить время редактирования составных частей самой Галицко-Волынской летописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 2000. С. 184–357, 482–515.
2. Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. / отв. редактор А.А. Горский. М.: «Индрик», 2006. С. 138–154.
3. Из сочинения ал-Муфаддала // Золотая Орда в источниках: (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). М., 2003. Т. I: Арабские и персидские сочинения. С. 90–97.

4. Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи. Т. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009. 448 с.
5. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Ч. 1. // *Rossica Antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 33–94.
6. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Ч. 2. // *Rossica Antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 44–113.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962; 1998. 648 с.
8. Предисловие к изданию 1998 г. // Полное собрание русских летописей Т. 2: Ипатьевская летопись. 1998. С. Е-N.
9. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 272 с.
10. Селезнёв Ю.В. «Не звати Козельскомъ, но злымъ городомъ» // *Родина. Российский исторический журнал*. 2014. № 10. С. 43–45.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук (394068, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация); ordal359@mail.ru

Galician-Volynian Chronicle as a Source on the Ulus of Jochi History

Yu.V. Seleznev
(Voronezh State University)

The article examines the conceptual features and differences of materials on the history of the Horde and Horde-Russian relations in the Galicia-Volyn chronicle and Hypatian vault. In order to identify these features, the author analyzes the direct and indirect evidences related to the military, diplomatic and economic relations of the Russian principalities with the Horde State. He identifies causal links for appearance of entries in this monument and verifies the accuracy of these entries by comparison with data from other sources (synchronic and diachronic). The author argues that the chroniclers of Galich and Volyn not only noted military and diplomatic activities of their princes, but also particulars of changes in the Horde policy in the region. Active interaction of princely elite with such politicians and military leaders of the Horde as Kuremsa, Burundai, Nogai, Tula-Buga allowed them to obtain a reliable first-hand information about the events in the Horde and the distant Karakorum, which makes information of annals rather exact and reliable. Compilers of various parts of the chronicle were rather informed in the internal affairs of both the Horde and Mongol Empire. Unique evidences of the history of the Mongol Empire and the ulus of Jochi allow us to specify the date of editing of components of the Galicia-Volyn chronicle, which represents an important aspect of the source study analysis.

The basis for revealing of conceptual features is the thesis that annals or the chronicle corpus at the moment of the definitive editing represent the finished complete product which possesses the ideological plan, a composition and content of records subordinated to it. For this reason occurrence or absence of certain entries in chronicles can not be accidental (except for rare cases of the mechanical connection of heterogeneous texts). Since the Hypatian vault containing the Galicia-Volyn chronicle was composed no later than the mid-15th century (this is confirmed by the existence of the copy of the end of 1410s – early 1420s) we can supposedly identify how the chroniclers of the early and mid 15th century perceived the era of the Horde domination. The Galicia-Volyn chronicle terminates at 1292, which suggests the occurrence of protograph of this vault in the late 13th or early 14th centuries. In turn, this allows us to hypothetically identify evaluation by the author of the Horde period at the turn of the 13th–14th centuries. At the same time, an analysis of information contained in the Galicia-Volyn chronicle allows us to identify regional peculiarities of perception of the Horde power in the Russian principalities.

Keywords: Russian principalities, 13th–15th centuries, ulus of Jochi, Golden Horde, Galicia-Volyn chronicle, historical sources.

REFERENCES

1. Galinsko-Volynskaya letopis [Galicia-Volyn chronicle]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Old Russian Literature Library]. Vol. 5. St-Petersburg, 2000, pp. 184–357, 482–515.
2. Gorskiy A.A. Gibel Mihaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh knyazey s Ordoy [Death of Michael of Chernigov in the Context of the First Contacts of Russian Princes with the Horde]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus'], no. 6. Moscow, 2006, pp. 138–154.

3. Iz socheneniya al-Mufaddalja [From the Writing of al-Mufaddal]. *Zolotaya Orda v istochnikah (materialy dlya istorii Zolotoi Ordy)* [The Golden Horde in the Sources (materials for the Golden Horde history)]. Moscow, 2003. Vol. I, pp. 90–97.
4. *Zolotaya Orda v istochnikah (materialy dlya istorii Zolotoi Ordy)* [The Golden Horde in the Sources (materials for the Golden Horde history)]. Vol. III. Moscow, 2009. 448 p.
5. Maiorov A.V. Povest o nachestvii Batyiya v Ipatievskoi letopisi [Tale of the Batu's Invasion in the Hypatian Chronicle]. Part 1. *Rossica Antiqua*. 2012. № 1 (5), pp. 33–94.
6. Maiorov A.V. Povest o nachestvii Batyiya v Ipatievskoi letopisi [Tale of the Batu's Invasion in the Hypatian Chronicle]. Part 2. *Rossica Antiqua*. 2012. № 2 (6), pp. 44–113.
7. Polnoe sobranie russkih letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2: Ipatievskaya [Hypatian Chronicle]. Moscow, 1998. 648 p.
8. Predislovie k izdaniyu 1998 r. [Foreword for Edition of 1998]. Polnoe sobranie russkih letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2: Ipatievskaya [Hypatian Chronicle]. Moscow, 1998.
9. Putechestviya v vostochnye strany Plano Karpiny I Rubruka [Journeys to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow, 1957. 270 p.
10. Seleznev Yu.V. «Ne zvati Kozelskom, no zlym gorodom» [“It Should not Be Called Kozelsk but the Malicious Town”] // *Rodina* [Homeland: Russian Historical Journal]. 2014. № 10, pp. 43–45.

About the author: Yury Vasilievich Seleznev – Associate Professor at Historical Faculty, Voronezh State University, Cand. Sci. (History) (394068, Moskovskiy prospekt, 88, Voronezh, Russian Federation); orda1359@mail.ru

УДК 800:81-2

Предметно-бытовая лексика в золотоордынских литературных памятниках

Ф.Ш. Нуриева

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

В статье рассматривается пласт предметно-бытовой лексики из художественных произведений, написанных в золотоордынский период. На примере художественных тюркоязычных произведений («Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1357), «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи (1391)) автор попытался проанализировать названия пищи, зафиксированных в литературных текстах изучаемого периода. Бытовая лексика составляет важную часть словарного состава памятников, которая связана с выражением необходимых жизненно важных понятий, отражающих сферу удовлетворения повседневных материальных потребностей. В статье даются новые сведения о фиксации наименований зерновых, бобовых, огородных и садовых растений, названия пищи животного происхождения, молочных продуктов, названия напитков. Установлено, что названия пищи принадлежат к наиболее архаичной лексике, заимствования использованы в качестве синонимов или составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи. Изучение названий пищи в языке золотоордынских памятников показало, что они принадлежат к наиболее архаичной лексике. Видовые наименования неэквивалентны в количественном отношении: самое большое количество представляют названия из зерновых, менее богата лексика, относящаяся к спиртным напиткам, которые в основном являются заимствованиями. В подавляющем большинстве случаев, арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов к основным тюркским словам или же они составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи. Исследование выявило, что в произведениях художественной литературы ярко выражен уклад жизни и быта, который представляет первостепенный интерес для исследования языковой картины мира золотоордынского периода.

Ключевые слова: золотоордынский период, литературные памятники, лексика, наименования, пища, зерновые, продукты.

Бытовая лексика составляет важную часть словарного состава памятников, которая связана с выражением необходимых жизненно важных понятий, отражающих сферу удовлетворения повседневных материальных потребностей. К ним относятся продукты питания, предметы домашнего обихода, разного рода строения и жилища, это предметы одежды, включая украшения.

На примере художественных тюркоязычных произведений, написанных в золотоордынский период: религиозно-дидактического характера «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1357), из светских: «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи (1391) попытаемся анализировать названия пищи, зафиксированных в литературных текстах изучаемого периода. Письменные источники показывают, что наиболее распространенными видами пищи в этот период были продукты переработки зерновых. Общим названием для понятия «зерно, провизия» было слово «ашлык»: Кабил игенче ирде ашлык-ларында йаманракуны кэлтүрде «Кабил был земледельцем из зерна принес не качественные» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи) [9, с.337]; Кабилның ашлыкыны кабул кылмады «не принял зерно Кабила» [9, с.337]; йер урлук алмайынча бирмэз ашлык» пока земля не получит семя, не даст хлеба» [10, с 101].

Из отдельных зерновых в текстах встречаются наименования:

бугдай «пшеница»: *бугдай тамаг этмә иур йердән «не желай от соленой земли (солончак) пишеңизу»* [8, с.85]; *бугдай йыгачынга йавумаң «не приближайтесь колосьям пишеңизу»* [9, с.282] и др.;

арпа «ячмень»: *евдә төрт батман арпа бар «дома есть четыре батмана ячменя»* [9, с. 30];

тары, тарыг «просо, зернышко»: *йер көк катында бир тары тек «земля по сравнению с небосводом – зернышко просы»* [10, с.114]; *бизим илдә тарыгдин нәрсә кылурлар «в нашей стране из проса делают напиток»* [9, с.182];

тутурган «рис»: *мән екинчи ердим тутурган игәр әрдим «я был земледельцем, сеял рис»* [9, с. 294];

кирдэ «кукурузный хлеб» заимствование из персидского языка: *газиз эр сафарда кирдэ йахнидур «дорогой друг, в пути кукурузный хлеб, как мясное блюдо»* [8, с.73].

Из названия съедобных бобовых растений употребляются слова:

йасмук «чечевица»: *эки таш бар йасмукдин улуграк «есть два камня, побольше чечевицы»* [9, с. 43]; бурчак «горох»: *алнындан бурчак мэнизлек гарак кэлүр эрде «со лба катился пот с величиной гороха»* [9, с. 417].

Древний характер зерновых в культуре тюрков очевиден, наименования бобовых зафиксированы в древнетюркских словарях.

Название молотого зерна ун «мука» широко распространено в золотоордынских текстах. Например: *тагирман бар ак итэр ун* [10, с. 105] «перед ним мельница мелет белую муку»; *бир тагарчук ун тултырды* [9, с. 214] «наполнил один мешок муки»; *ул уннуң хамуры кидеме «поднялось ли тесто из этой муки»* [9, с. 320] и др. Заимствованное из арабского «хамир» тесто в известном значении употреблялось в тексте «Нахдж ал-Фарадис»: *салих евидин хамир майа алып этмэк бишүрде «благочестивый взял тесто и испек хлеб»* [9, с. 220]. Среди наименований изделий из теста центральное место занимает частотное слово этмэк «хлеб», отмеченное еще в древнетюркских памятниках. Например, в произведении «Нахдж ал-Фарадис» зафиксировано 63 словоформ: *бир чанак бирлә аш кэлтүрмиш, такый эки этмэк кэлтүрмиш «принесла тарелку супа и две буханки хлеба»* [9, с. 121]; *арна этмэгене тойа йеде эрсэ «если досыта поест хлеб из ячменя»* [9, с. 267]; *ток көзингэ арна этмэги көрүмэс «сытым твоим глазам хлеб из ячменя не покажется прекрасным»* [8, с. 18] и др.

В тексте из конкретных блюд из зерновых зафиксировано буламак «каша из муки»: *Гомэр буламак кылды «Гумар приготовил кашу»* [9, с. 24] и др.

Общим названием приготовленной пищи служило наименование аш «суп, пища»: *аш пиште «суп сварился»* [9, с. 28]; *бир кәрсән аш тәкый йети этмэк бирүңнәр «дайте тарелку супа и семь буханок хлеба»* [9, с. 29]; *евендә отун йок аш пиширмәккә» в доме не было дров, чтобы приготовить пищу»* [9, с. 269]; *ызды түрлүк аш вә нигмәт «отправил разные кушанья»* [10, с. 81]; *кылдурмыш куп аш-су «приготовили много еды»* [10, с. 27] и др. Синоним йем, йемәк «пища, пропитание» отмечено в текстах Кутба «Хосров и Ширин», «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари: *йеми хасрат ичими рәнжү казгу «его еда-горе, а питье боль и горе»* [8, с. 225], *йемәк ичмәк тиләр «желает еды и питье»* [9, с. 61]. Для передачи общего понятия «еда, пища» в произведении «Нахдж ал-Фарадис» использованы арабские заимствования *طَعَامٌ*, *غذاء* и *رِزْقٌ*: тәгам (от араб. *طَعَامٌ* «пища, еда»), гыйза (от араб. *غذاء* «пища, питание, еда»), ризык (от араб. *رِزْقٌ* «пропитание, средства к существованию, пища»):

Ул куэт раббани ирде, тәгам тагы гыйзадин түгел ирде «та была божественная сила, а не сила от еды и пищи» [9, с. 132]; *пәйгамбәр дөһйаны жәмигь кылмады, суфрасында ике төрлег тәгам йимәде «пророк не накоплял богатства этого мира и за обеденным столом одновременно не ел два вида пищи»* [3, с.106]; *ризыкны тәнавел кылдылар «приняли пищу»* [9, с. 63].

Рассматривая названия огородных растений можно отметить слова:

сарымсак «чеснок»: *тагамда бурнумга сарымсак йызыгы кәлде «из пищи запахло чесноком»* [9, с.25]; *ашынга үкүш срымсак катмыш «в еду добавил много чеснока»* [9, с. 422]; соган «лук»: *ай йүзлүнүң агзында гәр булса суган иси «если присутствует запах лука в устах красавицы»* [8, с. 134].

Несколько узкий круг составляют названия садовых растений. В качестве общего наименования плода служит слово йемиш: *сәниң тәкләргә биргү йемишем йок, киши багы йемишин йемишем йок «нет плодов, чтобы дать таким как ты, я не ем плодов из чужого сада»* [10, с.76]. В качестве наименования плода садового можно привести слово алма «яблоко»: *бизкә килүр булса йеңигә ике алма алып килүр иде тәкый огланларның тәгмә бирүнкә бир алма бирүр ирде «когда он приходил к нам, брал с собой в рукава два яблока и каждому ребенку давал по яблоку»* [9, с.172].

Арабское слово нәсрин «шиповник» в тексте «Хосров и Ширин» использовано как сравнение: *Фәрхад өлди Ширин бар болсун, сарыг гүл солды насрин бар болсун «умер Фархад, да живет Ширин, увял желтый цветок, да будет шиповник»* [10, с.123].

Из названий южных растений зафиксированы наименования винограда «йүзүм», заимствования из персидского «айва», армуд «груша», бадам «миндаль», хурма «финики». Примеры: *йүзүм ләззәтин баг әйәси билмәс ләким йәтимләр билүр «сладости винограда не знает*

хозяин сада, а знают сироты» [9, с. 24]; *Йусуф жамалы мутагаййир болуб алма эңигиңә айва тозу олтуруп «красота подобне Юсуфу изменилась, щеки подобные яблокам, покрылись налетом как у айвы»* [8, с. 117]; *йүз армудын йегәй «съест сто груш»* [8, с.30]; *мәңә бир авуч бадам берди «дал мне горсть миндаля»* [9, с.426]; *бир мубарак хурма агачы бар «есть священное дерево финика»* [8, с.134]; *сәвүнүчдә казгу бар, хөрмәдә хары бар «у радости есть горе, у фиников косточки»* [10, с.46]. Как видим кроме основного значения они использованы как сравнения в описании внешности человека.

Анализируя названия пищи животного происхождения, следует остановиться на наименованиях *балык «рыба»* и *эт «мясо»*: *канда татлы сув болса курт, куш вә балык андан ексилмәз «где протекает пресная вода, там не уменьшается червь, птица и рыба»* [8, с. 21]; *пайгамбар кой әтидән чәйнәйү башлады* [9, с. 33] *«пророк начал жевать баранину»*; *дарахим болмаса, бурчка йемә әт «если нет денег, не ешь мяса в долг»* [8, с. 115].

В произведении зафиксированы продукты из мяса, например, шурба (от араб. شُرْبَة «суп, микстура, глоток»): *әт берлә шурба кайныйур ирде кем, бер чыпчык күвәч эченә төште тәкый үлде «кипел суп с мясом, воробей упал в эту посуду с супом и умер»* [9, с.163].

К подгруппе названий из продуктов животного происхождения, употребляемых в пищу, относятся наименования молочных продуктов: *сүт «молоко»*: *куйларымыз мунда болса әрди сизләргә сүт бәргәй әрдим «если бы животные были здесь, дала бы вам молоко»* [9, с.24]; *каймак «сливки, продукт из молока»*: *карышмыш йаңлыг ол шәкәргә каймак «словно смешаны сливки с сахаром»* [10, с. 25]; *йогурт «закисшее молоко, йогурт»*: *«кетурди бир гариб ер ол йогуртны» «какой-то незнакомый принес йогурт»* [8, с.40]. Данная тематическая группа менее многочисленна по сравнению с названиями растительного происхождения.

В произведении зафиксированы следующие названия напитков: из общих названий: *тюркское ичим «питье»*: *бир ичим сув «глоток воды»* [8, с.121]; *бир ичим сүт бу ывукдан ичмәгим сәвүклүрәк « один глоток молока этой газели мне желаннее»* [9, с. 295]. Арабское ширбәт (شُرْبَاتٌ сладкий напиток), гасәл (عَسَلٌ мед): *балдин ширбәт кылып чыгарды «она вынесла шербет, сделанный из меда»* [9, с. 99]; *Беренең эчендә хәмер бар ирде, тәкый берендә гасәл бар ирде «в одном из них было спиртное, а в другом – мед»* [9, с. 63].

Из зафиксированных названий спиртных и вин лишь слово *чакыр «вино»* является тюркским: *сув орынга улаш акты чакыр бал «вместо воды текло вино и мед»* [9, с.85]. В текстах активно функционируют арабские заимствования *хәмер* (от араб. خَمْرٌ вино, спиртное): *һич хәмернең райыхасы йүк «вообще нет запаха алкоголя»* [9, с.292]; *тәкый ни микдар кем дөһиәдә хәмер эчмеш ирде, ул микдар хамим эчүргәйләр «сколько на этом свете выпил спиртного, в таком же количестве напоят обжигаящим кипятком»* [9, с. 305].

Изучение названий пищи в языке золотоордынских памятников выявило, что они принадлежат к наиболее архаичной лексике. Видовые наименования неравноценны в количественном отношении: наибольшей численностью обладают названия из зерновых, менее богата лексика, относящиеся к спиртным напиткам, которые в основном являются заимствованиями. В подавляющем большинстве случаев, арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов к основным тюркским словам или же они составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи. Исследование показало, что в произведениях художественной литературы ярко выражен уклад жизни и быта, который представляет первостепенный интерес для исследования языковой картины мира золотоордынского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баязитова Ф.С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. Казан: Дом печати, 2007. 480 б.
2. Замалетдинов Р.Р., Хуснуллина Г.Н. Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура, 2014. №4(38). 95–100с.
3. Кадырова Э.Х. Графо-фонетическая вариативность старотатарского языка в письменных памятниках Казанского ханства// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №4. Ч. 3. Тамбов, 2014. С. 94–96.
4. Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древне-русского языка. М.: Наука, 1990. 180с.
5. Нуриева Ф.Ш. «Надж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 208 с.
6. Нуриева Ф.Ш. «Мухаббат-наме» Хорезми // История татарского литературного языка. Казань: Фикер, 2003. С. 220–239.

7. Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд. восточной лит-ры, 1961. 223 с.
8. Bodrogligeti B.A. Fourteenth century Turkic Translation of Sa'dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan biturki). Budapest: Akademiai. Kiado, 1969. 450 p.
9. Eckmann J. *Nehcü'l-Feradis*. I, Tipki Basim. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956. 444 s.
10. Zajaczkowski A. *Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba*. Warszawa: Wydawn. Naukowe, 1958. Tect. 304 s.

Сведения об авторе: Фануза Шакуровна Нуриева – профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор филологических наук (420021, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); fanuzanurieva@yandex.ru

The Object-Household Lexicon in the Golden Horde Literary Monuments

F.Sh. Nurieva
(Kazan Federal University)

On the example of the Turkic literary works («Nahj al-Faradis» by Mahmoud al-Bulgari (1357), «Khosrow and Shirin» by Qutb (1383), «Muhabbat-name» by Khwarizmi (1353), «Gulistan bit-turki» by Seyif Sarayi (1391)) the author has tried to analyze the names of food recorded in literary texts of this period. Household vocabulary forms an important part of the vocabulary of monuments and it is connected with the vital concepts reflecting sphere of the daily material needs. This article contains new information about names of cereals, legumes, horticultural and garden plants, on animal food names, dairy products and drinks. The author found that the food names belong to the most archaic vocabulary, borrowings are used as synonyms or constitute a subgroup of the exotic denominations of food. The study of food names in the language of the Golden Horde monuments revealed that they belong to the most archaic vocabulary. The names of species differ quantitatively: cereal names encountered in the largest number, whereas the vocabulary of alcoholic beverages is poorer and largely consists of borrowings. In most cases the Arab-Persian borrowings are used as synonyms to the main Turkic words or they constitute a subgroup of exotic alimentary denominations. The study found that literary works vividly express the lifestyle and a daily life that are important for the study of a language perception of the world during the Golden Horde period.

Keywords: Golden Horde, literary monuments, vocabulary, names, food, grain, food.

REFERENCES

1. Bajazitova F.S. *Ash-su hëm halyk tradicijaläre leksikasy*. Kazan: Dom pečati Publ., 2007. 480 p.
2. Zamaletdinov R.R., Husnullina G.N. Lingvokul'turologičeskie osobennosti naimenovanij posudy i kuhonnoj utvari v tatarskom jazyke [Linguistic and Cultural Features of Denomination of Dishes and Kitchen Utensils in the Tatar Language]. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], 2014. № 4 (38), pp 95–100.
3. Kadyrova Je.H. Grafo-fonetičeskaja variativnost' starotatarskogo jazyka v pis'mennyh pamjatnikah Kazanskogo hanstva [The Graph-Phonetic Variability of the Old Tatar Language in the Written Monuments of the Kazan Khanate]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorij i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and practical issues]. 2014. № 4. Ch.' 3. Tambov, 2014, pp. 94–96.
4. Lukina G.N. *Predmetno-bytovaja leksika drevne-russkogo jazyka* [Subject-Household Lexicon of the Ancient Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 180 p.
5. Nurieva F.Sh. «Nahzh-al-Faradis» Mahmuda al-Bulgari [«Nahj al-Faradis» of Mahmoud al-Bulgari]. Kazan': «Fjen» Publ., 1999. 208 p.
6. Nurieva F.Sh. «Muhabbat-name» Horezmi [«Muhabbat-name» by Khwarizmi]. *Istorija tatarskogo literaturnogo jazyka* [History of the Tatar Literary Language]. Kazan': Fiker Publ., 2003, pp. 220–239.
7. Khwarizmi. *Muhabbat-name*. Izdanie teksta, transkripcija, perevod i issledovanie Je.N. Nadzhipa. Moscow: Vostočnoj literatury Publ., 1961. 223 p.
8. Bodrogligeti B.A. *Fourteenth century Turkic Translation of Sa'dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan biturki)*. Budapest: Akademiai. Kiado Publ., 1969. 450 p.
9. Eckmann J. *Nehcü'l-Feradis*. I, Tipki Basim. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi Publ., 1956. 444 p.
10. Zajaczkowski A. *Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba*. Warszawa: Wydawn. Naukowe Publ., 1958. Tect. 304 p.

About the author: Fanuza Shakurovna Nurieva – Professor of the Kazan Federal University, Dr. Sci. (Philology) (420021, Tatarstan st., 2, Kazan, Russian Federation); fanuzanurieva@yandex.ru

УДК 930.2

Сведения Хондемира об истории восточной части Улуса Джучи в 1460-х годах

Г.А. Камбарбекова

(Институт Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова)

Ж.М. Сабитов

(Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева)

В данной статье публикуются переводы из труда Хондемира «Хабиб ас-сияр». Извлечения из данного сочинения касаются истории восточной части Улуса Джучи в 1460-х годах. Герой повествования – Хусейн Байкара, потомок Тамерлана. В это десятилетие он боролся с другими потомками Тамерлана за верховную власть. Хусейн Байкара по примеру своих предшественников, пытался найти поддержку в Улусе Джучи. Изначально он появился в Хорезме. В Хорезме Хусейн Байкара воевал с Мустафой-ханом, сыном Гияс ад-Дина и внуком золотоордынского хана Шадибека. Видимо, Мустафа-хан был одним из ханов Большой Орды, который правил между Кучук Мухаммедом и его детьми. Хусейн Байкара заключил союз с Пир-Будагом, кузеном Мустафы, направленный против Мустафы. Пир-Будаг женился на сестре Хусейна Байкары, которую звали Бади ал-Джамал Бигим. Впоследствии она стала женой Ахмада, хана Большой Орды. По сведениям Хондемира, у Ахмада от Бади ал-Джамал было два сына и одна дочь: Султан Махмуд-хан, Бахадур Султан и Ханзада Ханум. Когда умер Ахмад, его Бади ал-Джамал с Бахадур Султаном и Ханзада Ханум отправилась в Хорасан. Султан Махмуд-хан остался в Большой Орде. Второй конфликт с Мустафой-ханом также произошел в Хорезме. Якуб, сын Кучук Мухаммеда в союзе с Усманом Кунгротом, подчинившись Мустафе-хану, пытались свергнуть власть Хусейна Байкары. Описана борьба Мустафы-хана и Абу Саида. Также описан приезд Хусейна Байкары в Дешт-и Кипчак, где он посетил старого Абулхаир-хана, который был частично парализован. Хусейн Байкара просил у Абулхаир-хана войска для борьбы за власть в государстве Тимуридов. Абулхаир-хан планировал оказать помощь Хусейну Байкаре, но вскоре умер. В комментариях авторы пришли к выводу, что генеалогия Мустафы-хана, предложенная Б.А. Ахмедовым, согласно которой Мустафа потомок Шибана не верна. Кроме того, версия о том, что Абулхаир-хан умер в 1468 году, получила еще одно подтверждение.

Ключевые слова: Хондемир, Улус Джучи, Абулхаир-хан, Хусейн Байкара, Абу Сеид, Мустафа-хан, Большая Орда.

Гияс ад-Дин бен Хумам ад-Дин ал-Хусейни Хондемир – персидский летописец, внук и ученик Мирхонда. Являлся приближенным Хусейна Байкары, а после его смерти и свержения Тимуридов, он перешел на службу Сефевидам. Хондемир написал свой труд «Хабиб ас-сияр» в 1521–1524 годах. Данный источник не раз издавался в Иране. Приведенные ниже переводы базируются на 7-ом переиздании данного источника 1954 года в Тегеране. В.Г. Тизенгаузен планировал издать извлечения из данного сочинения в рамках второго тома Сборника материалов по истории Золотой Орды, но, к сожалению, А.А. Ромаскевич и С.Л. Волин исключили их из второго тома сборника материалов по истории Золотой Орды [4, с. 24–25]. А.А. Ромаскевич перевел часть сведений из Мирхонда о политической деятельности Хусейна Байкары [7, с.538–540], которые, по всей видимости, были источником для Хондемира. Авторы «Истории народов Узбекистана» обращались к сведениям Мирхонда и Хондемира [5, с. 393]. Б.А. Ахмедов в 1965 году в своей монографии «Государство кочевых узбеков» коротко пересказывал часть сведений Хондемира о событиях в восточном Дешт-и Кипчаке в 1460-х годах [1, с.64–65] [1, с.142–145]. До сих пор, извлечения из данного источника касательно истории Золотой Орды не переведены на русский язык. Ниже мы приводим извлечения из данного источника (перевод Г.А. Камбарбековой) и комментарии к ним (комментарии и примечания Ж.М. Сабитова).

Глава о том как, Султан Са'ид из Астрабада поднялся и удалился из государства правителя (Султана Хусейна Байкары).

В начале 864 г.х. (1459/60 год) дошли до сведения Султана Хусейна Мирзы, что некоторые арабы поселились на пределах Биарджуманда. В связи с этим жители того вилайета проявили не-

довольство. Абд ал-Али тархан¹ был назначен со стороны султана, чтобы тот их усмирить. Поэтому Абд ал-Али с огромным по численности войском отправился в Нишапур, Сабзевар и подавил их. Эти сведения дошли до Султана Са'ида (Абу Саид). Он сразу позвал Эмира Али Фарс барлас², Хасана шейх Тимура³, Эмира Нур-Са'ида⁴ и Эмира Са'ида Музайада к себе. Абд ал-Али тархан исчез из поля зрения эмиров Хорасана и прибыл в Астрабад. Султан Хусейн (правитель) был на него зол и гневен, так как он вернулся из пределов правления Султана Са'ида. Эмиры Султана Са'ида присоединились к левому флангу. А Абд ал-Али тархан отдельно вернулся в Астрабад и присоединился к Султану Хусейну. Тот был (Султан Хусейн) в пределе гнева и не считал других достойными править этими землями. Султан Са'ид как узнал о таком заявлении, решил идти против него в Джуржан (Гурган) и с огромным войском Хорасана отправился в его сторону в среду, **четвертого месяца джумадиавваля** (март 1460 года). Но, Султан Хусейн так как услышал о том как эмиры Султана Са'ида присоединились к левому флангу, направившись на врагов с отважными бахадурами. Когда приблизился к противнику, он услышал, что Султан Са'ид приближается с огромным войском. Поэтому проявил осмотрительность и вернулся в Астрабад с целью снарядиться мощнее и чтобы нанести сильный удар на врага. В это время Ахмад Баба Якут вместе с племенем Джалаир отвернулись от него. Поневоле Султан Хусейн без использования орудия и убийства оставил мамлакат Астрабад. Он следовал пределам Агранджи и Авак, а жители Джуржани от того что Султан Хусейн оставил их три дня и ночи рыдали. Войску Султана Саида не удалось задержать правителя. А правитель в течение 7 дней дошел до берегов Амуйи. Пересек реку на кораблях, перешел через мост. Султан Саид как услышал о наступлении правителя, также заторопился в Астрабад и передал тот вилайет Султану Махмуду Мирзе и отправился в сторону Хорасана [10, с. 122].

О том, как Султан Хусейн выступил против Пирбудака⁵ и Мустафа-хана⁶ и рассказ о втором походе в Джуржан.

Мансур Мухафарлу Абул-Гази Султан Хусейн Мирза как дошел до берегов Амударьи, создал райский сад и народ радовался. Султан-Али который жил в тех краях, приветствовал повелителя и обрадовался его приезду. Предоставил в честь повелителя дом. Мага по имени Абдурахман отправил Мустафе-хану и предложил создать союз с целью оказать помощь. В то время Мустафа-хан был одним из узбекских ханов и имел владение в стране Хорезм. Рассказ: Перед тем как Абдурахман маг дошел до лагеря Мустафы-хана, караулы сообщили, что пришел бунтарь. Выяснилось, что Пирбудаг Султан брат Мустафы-хана⁷ поселился поблизости. Султан Хусейн передал народ Пирбудаг Султану и разговаривал с ним очень почтительно, из-за чего был достигнут союз. В свете этих событий, Пирбудаг султана выбрали в качестве посредника и хотели, чтобы переговоры были закреплены твердыми правилами. Милость падишаха проявилась и заключили брак с сестрой того милосердного. Перед тем Мустафа-хан отправил своего гонца в Астрабад и просил об этом правителя. Правитель сначала ответил, что не принимает просьбу Пирбудаг Султана. Однако после того как эмиры уговорили, брак был заключен [10, с.123].

Эмиры Мустафы-хана вместе с Пирбудаг Султаном после того как увидели это обстоятельство, ушли от него и поспешили на службу к хану и рассказали ему о происходящем. Поэтому между братьями произошло несогласие. Султан Хусейн присоединился к Пирбудаг султану и несколько раз был в шаге от смерти, но смог выжить. В конце концов, Мустафа-хан в городе Вазир укрылся, где была его резиденция. Султан Хусейн вместе Пирбудаг султаном окружили тот город и в течение 41 дня враг сопротивлялся. Каждый день шла жестокая война, что внутри города и что снаружи. В эти дни произошло 25 раз убийств с обеих сторон (25 сражений). Племена сделали шаг вперед и, в конце концов, Мустафа-хан отправил гонца Султану Байкаре с просьбой. Султан Байкара принял и исполнил его просьбу. Поставил два условия, чтобы заключился договор. Мустафа-хан отправил своего человека. Султан Хусейн отправил ему хазрата Тупчик Бехбуда. Мустафа-хан при удобном

¹ Потомок Кышлык тархана [11, с. 286] из племени Сулдус, эмира Чингиз-хана, который был передан Чагатаю [3, 47].

² В Муизз ал Ансаб указан как Эмир Али Париси [3, с. 179].

³ По всей видимости, это Хасан шейх Тимур из племени Джалаир [11, с. 243].

⁴ Эмир Абу Саид из рода Билкут [11, с. 242].

⁵ Сын Али-Дервиша, сына Шадибека [4, с. 437].

⁶ Сын Гияс ад-Дина, сына Шадибека [4, с. 437].

⁷ Пирбудаг – двоюродный брат Мустафы-хана.

случае вышел из засады и скрылся. Спешил в поселения Авак к Ак суфи. Султан Хусейн несколько дней провел в том городе в радости и веселье⁸. В 865 г.х. (1460/61) дошла весть о то, что Султан Саид вышел с войском из Герата в сторону Туркестана против Мухаммад Джуки, окружили крепость Шахрухйиа. Поэтому Султан Хусейн воспользовался этим случаем и оправился с маленькой группой, но с большой надеждой в сторону Астрабада. Мирза Султан Махмуд по указу отца был правителем этого вилайета, выступил с неограниченным войском против него и нанес сильный удар. Взошло солнце победы Султана Хусейна и эмиры Султана Махмуд Мирзы Эмир, шейх Ходжа Валид, Эмир Хасан Джандар, Эмираллах Юари и некоторые другие сардары умерли. Шахзада начали бежать в степь и повелитель в середине месяца шаабан 865 г.х. (середина мая 1461 года) зашел в Астрабад. Снова вернулся к власти. Джуржан ликовал от радости освобождения и много раз произнесли хутбу на имя правителя и в честь правителя. На минбарах читали реляцию, славя победу. Повелитель проводил счастливые минуты, часы в этой стране. После оставил правление этой страны Абдурахману Аргуну⁹ и вернулся в Герат в свою столицу [10, с.124].

О том как окружили город Герат и некоторые события того времени.

Его великолепие, перед чьим величием 7 континентов становиться меньше не мог удовлетвориться покорением одной страны. Поэтому Султан Хусейн (Музафарлу) отправился из Джуржан в Хорасан, чтобы покорить этот вилайет. Эта весть дошла до эмиров Султана Саида. И Эмир Саид Асил Аргун, Эмир Саид Мурад, которые находились в пределах Нишапура и Сабзевера, отправились в сторону Герата. В месяце шаууаль 865 г.х. (июль, август 1461 года) народ Балуката собрали в город. Приняв все необходимые меры, безупречный эмир города закрыл ворота падишаха. Эмиру Абдунасуру доверили ворота Ирака, ворота Фируд-Абад доверили Эмиру Ахмад Хаджи, безопасность ворот Кипчака доверили Эмиру Ахмадйару. А ворота Хуш доверили Эмиру Султану Хусейну. Саид Аргун Асил и Саид Мурад тоже были готовы прийти на помощь. Все ворота охранялись днем и ночью. Султан Хусейн сначала двигался в Сарахс и взял этот город. Оставил правление этого города одному из своих людей и отправился в Герат. В понедельник 24 зилькаде (сентябрь 1461 года) с горы Мухтар появился в данном районе. Устроился в прекрасных садах и надеялся, что жители Герата сдадутся без сопротивления и боя и отменил битву на потом. Прошло несколько дней, но гератцы даже не думали сдаваться. Наоборот день за днем все больше укрепляли ворота и крепость. Сторонники Абу Саида были далеки от таких мыслей. В один день Султан Хусейн с целью помыться отправился через сады в хамам (баню) со своими слугами. Шпион, который следил за ним, отправился в город и сообщил об этом эмирам. Они сочли это великой удачей и отправились охотиться за «соколом власти». Многочисленная группа следовали за ним. Вышли из города и спешили за правителем [10, с.125].

Султан Хусейн как узнал о нападении гератцев, собрался силой и твердо решил бороться с ними. В первой битве многих убил и отправился в сторону крепости. 11 дней сражались с противниками и жители Герата даже не думали сдаваться. Крепкие двери и ворота крепости и сильная оборона не пустили наступавших на них противников. Несколько дней с утра до глубокой ночи сражались. Во время засады со стороны вороты Фирузабад использовали разного рода холодные орудия, убивали, как могли, сражались как богатыри. Наконец жители Герата открыли ворота, и войско перенеслось вовнутрь. Эмир Саид Мурад, Эмир Хасан шейх Тимур как львы и слоны вели народ внутрь города и проявили героизм. Всех кто попадал в руки гератцев, резали им уши и нос и отправляли их обратно. Также кто попадал в плен в руки нападающим, их ждала такая же участь. В это время до Султана Хусейна дошла весть о том, что Султан Саид с Мирзой Мухаммадом Джуки заключили мир и перешли через реку Амударья. Поэтому они отправились в поход против повелителя (Султана Хусейна). В 27 месяца зильхиджа (октябрь 1461 года) до населенного пункта на побережье реки Маргуб двинулись в поход. В вилайете Бадгис разбил лагерь. Гонец прибыл от Эмира Музафара Барласа, который во время засады города Герата, находился на побережье Маргуб. Написал о том, что Эмир Саид с огромным войском и богатырями страны Мавараннахр готовится к битве. Мирза Султан Абу Саид также следом за Мир Саидом Султаном Хусейном как узнал об этой вести, посоветовался с эмирами и войском. Старшие и младшие все

⁸ У Мирхонда сказано следующее: Мустафа-хан заговорил о прекращении военных действий, и противники заключили мир. Когда Султан-Хусейн с прекращением осады г. Везира освободился, он с одобрения Ак-Суфи поспешно устремился в Адак и там в течение некоторого времени проводил дни в отдыхе [7, 539].

⁹ Вполне возможно, Абдрахман Аргун и был тем магом Абдрахманом, которого Хусейн Байкара отправлял к Мустафе-хану.

пришли к такому решению, что врагов нужно уничтожить и сжечь в огне. Поэтому перекочевали и присоединились к Эмиру Музафару Барласу. Султан Хусейн в тот же день как Али шейх Тимур побежали к эмирам Абу Саида в сторону Мургаб и присоединились. Однако в это время было столько несогласия, что дело вышло далеко за предел. Поэтому в 5 мухаррама 866 года хиджры (октябрь 1461 года) Али Музаффар двинулся в Сарахс. После как взял город передал Эмиру Саид аге. Дальше двинулся в Астрабад вместе с единомышленниками и приближенными и дошел до г. Джуржан. Абдурахман Аргун, тот кто заменил его в отсутствие, устроил ему пир достойной падишаха, организовал настоящий праздник. Султан Хусейн веселился, пил, ел и слушал музыку, песни и стихи. Не прошла неделя, как они проводили время в веселье (опьянении). В это время Султан Саид узнал что, Султан Хусейн отправился в Джуржан. Сначала спешил в г. Сарахс и убил Эмира Саид агу (он стал шахидом). Всеми силами старался вернуть Астрабад. Султан Хусейн хорошо изучил военную тактику. В ту ночь не успокоился, пока не пересек реку на кораблях. Несколько часов остановился и в это время эмиры Султан Саид с войском (бесчисленным) узнали о происходящем и вернулись обратно. 2–4 дня и ночи шли и в окрестности Авак остановились. Жителям того региона подарили много подарков за их любезность [10, с. 126].

Победа над городом Вазир и некоторые другие события того периода.

Султан Хусейн в Аваке собрал местное население под одним куполом благочестия и согласия. Даулат Ходжа Узбек¹⁰ кто имел больше авторитета, отправил к Мустафе-хану подарки. Сообщи ему о том, что, с целью получения дохода, пусть он отдаст свой голос. Даулат Ходжа Узбек поехал в г. Вазир. Мустафа-хан принял его с почестями и в ответ сказал, что он в этом направлении достиг больших высот. В каждом вилайте Хорасана ездил и на его высочайшее имя приказал читать хутбу. Заявил что, наверное, не сможем со всеми почестями встретить его (Султана Хусейна). Затем отправил Усмана, сына Мухаммада Суфи кунграта и Якуб оглана¹¹ на встречу и дал указание обеспечить его всем необходимым. Разрешил Даулат Ходжа узбеку уехать. Сам отправился в Мангытлак (Мангышлак). Даулат ходжа приехал к Султану Хусейну и рассказал об услышанном и увиденном. Султан Хусейн тронулся из Авака и возле Джейхуна (Амударьи) поселился рядом с повелителем. Изучив ситуацию, понял, что Усман кунграт против приказа Мустафы-хана, не собирается служить Хумаюну (Хусейну Байкаре). Наоборот решил поднять мятеж против него. Поэтому Султан Хусейн перешел через Джейхун, разбил лагерь возле реки Асиф. Многие жители г. Вазир убежали из домов и спрятались. Но Султан Хусейн в тот день не начал поход, а на следующий день взял город. Мухаммад Али – брат Усмана Кунграта, известен под именем Мирза Айак, вышел и сбежал в степь. Султан Хусейн безжалостно начал убивать детей, женщин, всех кто попадался. Мухаммад Али наступал сзади джавангара (левого крыла). Задержали Даулат Ходжу узбека, кто не повиновался, и привезли в крепость. Но остальная часть противников не устояла перед войском Хумаюна и сбежала в крепость. Закрыли ворота, устроились удобно на станах крепости и начали стрелять из лука и бросать камни [10, с.128].

Войско Султана Хусейна покрыло на голову сетку и мужественно прошло через овраг (зарытых ям) словно львы и птицы. Войско Мустафы-хана и Усмана кунграта бросилось бежать, оставив Вазир. Люди Султана Хусейна зашли в город и взяли его. Справедливо поступили по отношению к аристократам, ученым и знатным людям города. Кроме того, Султан Хусейн помиловал Усмана кунграта. Жители города рассказали, что их привели в эти страны, их родина Хорезм, что они достойны пощады. Султан Хусейн начал перестраивать город под архитектуру Джуржан. Через некоторое время передал правление города Зейналабедин Хиваки. Сам Султан Хусейн по совету старейшин отправился в поход на Хорасан и снова приехал в Авак. Народ Хивы встретил его в восторге. Через несколько дней территория Хорезма перешли во владение Султана Хусейна. Повелитель передал правление города Агрук Хумаюну и отправился в Хорасан. Когда дошел до Мерва, стало известно что, Саид Асил Аргун, Хасан шейх Тимур, Саид Мурад держит город огромным войском Абу Саида, и они постепенно отправились в сторону Хорезма.

Рассказ о том, как Султан Хусейн сражался и воевал с эмирами Султана Саида в вилайете Гаршиз.

В 868 г.х. (1463/64 год) Мирза Султан Абу Саид со стороны Туркестана и Мавараннахра с огромным войском отправился в йайлак (летнее пастбище) Бадгис и бросил свой гнев. Абулгази Сул-

¹⁰ Его можно отождествить с Даулет Суфи, сыном Ак Суфи и братом Мухаммед Суфи [8, с. 123].

¹¹ Сын Кучук Мухаммеда и брат Ахмада и Махмуда.

тан Хусейн Мирза отправился в Хорасан с целью оказать сопротивление с огромным войском. Он двигался словно луна без остановок и дошел до Сабзевара и Нишапур и Таршиз [10, с.129], всех кто противился в пути, убивал. В каждом вилайете забирал коней, еду и другие необходимые для армии вещи. Султан Саид как узнал о новости, спешил из йайлака Бадгис к вилайету Фушандж. Великих эмиров Эмира Шейха Хаджи и Эмира Ахмадйара с несколькими туманами войско просил для уничтожения Муллазаман. Эмиры в спешке двинулись к нему и волна отважных войнов встретились в районе Таршиз. 80 вооруженных всадников, не имеющих шансов на победу, шли против 3–4 тысячи всадников. Тот хазрат прочитал молитву и решительно шел к ним. Против 3–4 тысяч всадников как великаны подошли близко и начали атаку. Убили многих людей. Далее стих.

Услышал о том, как в день атаки на Таршиз 15 человек со стороны врагов были убиты и также умерли другие бахадурсы Хумаюна. Эмиры Султана Саида как увидели эту страшную сцену, начали отступать. Бахадурсы с целью отомстить убили многих. Гора образовалась от трупов умерших, что птицы начали клевать их. Стих

Султан Хусейн после того как победил, двигался из пределов Нишапура и Машхада и прошел к степи Махан. Там услышали о приезде Султана Хусейна. Поэтому эмиры торопились в Мерв. Войско Султана Хусейна следом дошло до города и разбилось на две части [10, с.130].

Посоветовались, что будут грабить племя (той местности). В это время Султан Саид после того как увидел войско Султана Хусейна из-за разницы в количестве войск сел на лошадь арлатов (племя). Этот конь отличался мощью от других коней табуна. И сбежал в сторону степей Хорезма. Без предупреждения хазрат поехал в Хиву. В отсутствие хазрата Султана Хусейна его жители воспротивились Эмиру Нур Саиду (с прозвищем Шадман). Не слушали его и сбежали в Хиву. Поставили в известность жителей Хивы о приближении Султана Хусейна. Поневоле жители Хивы закрыли ворота города и распорядились об обороне. Несколько человек, одев на голову старые глиняные посуды и сев на ослов, отправились в крепость. Когда его величество дошел до крепости, торопился чтобы воевать и победить их. 17 человек из отважных эмиров как Эмир Музафар барлас, Эмир Валибек и Абдурахман Аргун, Хайдар Али Кукельташ, Дейлу машайих, шейх Абу Сайджан Дармиан, Мир-Али Эмир Ахур Килали Чихра, Шахкули Биакул, Агаджан Курлас, Юсуф Танбурчи, Давуд Мир-Шикар и др. также напали на крепость. Шибли Чарджуйи Султан Хусейн отправил, чтобы он преследовал тот народ. Как только он вернется в Хиву, поставит в известность. Как Шибли доехал до пункта назначения, эмиры прибыли. И он сразу следом спешил, сообщил новости. Эмиры дошли до крепости Бадхилиз и сразу же убили брата Шадмана, который находился там и поднялись по стене ворот вверх. В это время жители города набросились на них, и поранили Абдурахмана дважды и бросили его со стены. Султан Хусейн дошел до ворот крепости, не счел остановиться. Приказал посадить Абдурахмана на верблюда, но жители города хотели надругаться над ним (Абдурахманом). Но, как увидели Султана Хусейна, вся толпа направилась в его сторону. Абдурахмана посадили на верблюда и через день узнали, что Абдурахман умер. Султан Хусейн приказал своему брату Кадырберди похоронить его в месте, чтобы его могила оставалась неизвестной. Далее Султан Хусейн отправился в крепость Таршак и устроился жить там.

Рассказ о том, как Султан Хусейн поехал просить помощь Абулхайр-хана. Некоторое время Султан Хусейн столкнулся с проблемами и проводил свои дни в степях Хорезма и в пределах Бухары. Его величество решил что, пойдет к Абулхайр-хану, который был в то время каганом Дешт-и Кипчака и покровителем многих хаганов. Хотел просить помощь покорить государство Хорасан. Специальной группой сел на коня и отправился к нему. Когда он приблизился к степям Абулхайр-хана, группа шахзада из рода Джучи и нойоны (нояны) пришли на встречу к нему. Нужным образом встретили и поселили в дом. На следующий день Султан Хусейн пришел на прием к Абулхайр-хану. Абулхайр-хан позвал своих шахзада, нойонов и знатных людей. Приказал, чтобы привели Султана Хусейна в ханский шатер. Требование хана, нойонов, знатных людей было следующим, чтобы хазрат (Султан Хусейн) сделал табуг (поклон) хану. У узбеков табуг означает обычай, когда человек, стоя перед ханом, снимает головной убор и, держа его правой рукой, делает поклон подобно тем, кто делает ракаат (поклон в намазе). Султан Хусейн не принял это требование. По этому поводу произошло бурное обсуждение. В конце концов, Абулхайр-хан согласился, чтобы хазрат (Султан Хусейн) делает этот ритуал, сгибая ногу (полупоклон). После того как вышла ошибка и недоразумение, Абулхайр-хан оказал милосердие и проявил доброту. Принял его (Султана Хусейна) с распростертыми объятиями и посадил его возле себя. Расспросил о том, как доехал гость и обменивались вежливыми словами. Таким образом, они начали беседу.

Приказы были выполнены и принесли вино, кумыс и напитки. Абулхайр-хан как выпил вина, немного развеселился и чтобы проверить гостя предложил пить вино. На Султана Хусейна алкоголь особо не воздействовал. Это очень понравился хану, он хвалил его, делая комплименты, и тянул его себе. Он так близко сидел, что его колени плотно прикасались к тюшаку (подушка) хана. В те дни Абулхайр-хан болел параличом. Когда колени Султана Хусейна прикасались к ногам хана, он обратился к нему. Сказал что, надеюсь Всевышний милостив по отношению к тебе, что после твоего визита моя болезнь излечится. После они горячо обсуждали разные темы и тепло общались до того момента когда хан встал и снял калпак (калпак) и сделал табуг Султану Хусейну. Сказал: «При нашей встрече, хотя ты не сделал табуг, мы в честь тебя в этом состоянии поднялись и сделаем табуг». От такого поступка хана (любезности хана) Султан Хусейн сразу вспрыгнул с места и совершил ритуал табуг. Кисса.

Султан Хусейн неделю оставался в ставке хана Абулхайра, гостил со всеми почестями. Абулхайр-хан имел воспитателя, который имел войско. Назначил его кандидатом для покорения Хорасана. Но, судьба так распорядилась, что в эти дня скончался хан в результате болезни от паралича. Улус и народ узбеков остались в растерянности. Султан Хусейн оставил степь и вернулся [10, с.131–132].

Рассказ о том, как Султан Хусейн вернулся из Дашти Кипчака и покорил Хорасан.

Стих. Так распорядилась судьба Мирзы Султана Хусейна что, он не получив помощь, вернулся в Хорасан. Абулхайр-хан не успев распорядиться войском для оказания помощи Султану Хусейну, скончался. Султан Хусейн потерял надежду на получение военной помощи от узбеков, и вернулся в Хорасан с 30 людьми во главе с Муллою Заман, который его в этой поездке сопровождал. Верил в бога и принял твердое решение. Ангелы ему ночью принесли хорошую весть. Стих.

Получил весть на пределах Абиварда о том, что Султан Саид Мирза Султан Абу Саид в Карабахе в районе Аррана потерпел поражение. Поэтому Султан Хусейн вышел из состояния переживания. Донеслась эта весть до Герата, все говорили об этом и обсуждали. Эмир Таджаддин Хасан Малек и Эмир Биназир были ответственными за крепость Бэмир. Они начали обороняться и сообщили об этой вести в Самарканд. Мирза Султан Ахмад с войском пересек реку Джейхун и Абулгази Султан Хусейн Мирза с 500 отважными борцами отправился с Абивард в поход в сторону Мерва. Эмира Мубараздин Валибека отправили в Нишапур и Машхад. Мирза Султан Махмуд после как его отец потерпел поражение в Карабахе, сбежал. В пути он столкнулся с Эмиром Валибеком. Кое-как спасся шахзада и сбежал в Герат. Разузнал о происходящем у жителей Герата. Выяснил, что гератцы поддерживают Султана Хусейна. Поэтому он свернул в сторону Мавараннахра. Султан Хусейн в это время тронулся в Мерв и доехал до населенного пункта Панджада. Узнал, что Султан Махмуд с небольшим войском, но в ужасном страхе в 1,5 фарсангов от того места разбил лагерь. Некоторые эмиры на коленях просили напасть на него и убить того шахзада. Султан Хусейн с добротой души ответил им: Стих (убит отец и от него ушла удача, и что мне сделать с таким несчастным).

Мирза Султан Махмуд целым и невредимым присоединился к Мирзе Султану Ахмаду в пределах Андхуда. Рассказал о ситуации и братья благополучно оставили идею о захвате Хорасана. Перешли через реку Амударья и отправились в Самарканд. Султан Хусейн из Панджада тронулся в путь, через две стоянки Эмир Султан Аргун с многими людьми из столицы Герат приблизились к Хумаюну. Поцеловали подол Хумаюна и сообщили ему: Стих

Султан Хусейн в качестве своего доверенного города Герата выбрал Эмира Шейха Абу Саидджана Дармина и отправил. Когда тот доверенный приехал в г. Герат, усмирил группу мятежников должным образом. Сообщил, что никто не должен обижать других, а город освобожден от бунтарей и злых людей. В среду, восьмого числа священного месяца мухаррам 873 г.х (июль 1468 года). Султан Хусейн дошел до гор Буликух. Знатные и богатые люди и все жители вышли чтобы встретить его с почестями [10, с.133–134].

В четверг девятого числа этого же месяца Эмир Мубарезеддин Валибек прибыл с Машхад и поцеловал землю Хумаюна. В пятницу, десятого числа в центральной мечети столицы Герат читали хутбу на имя Султана Хусейна. Раздали много золота в честь Хумаюна и все поздравляли его. Стих (на имя хумаюна чеканили монету и читали дуа) [10, с.135].

Рассказ о прибытии в столицу Герат Бади ал-Джамал Бигим и некоторые другие события и рассказы

Бади ал-Джамал Бигим была сестрой Султана Хусейна. В том году, когда хазрат оставил вилайет Джуржан Султану Абу Саиду на пределах Авака, правитель решил выдать сестру Пирбудак Султану. После как умер Пирбудак Султан на сестре Хумаюна женился Султан Ахмад-хан, который был одним из ханов Дешт-и Кипчака. Имел авторитет и силу. У Бади ал-Джамал Бигим от Султана Ахмад-хана родились 2 сына и одна дочь. Когда умер этот хазрат, его жена с целью встретиться со своим братом отправилась в Хорасан. Ее старший сын Султан Махмуд-хан остался на земле своих предков. Младший сын Бахадур Султан и его сестра Ханзада ханум приближались. Султан Хусейн спешил встретить гостей и поручил своим эмирам встретить сестру должным образом. Бади ал-Джамал Бигим встретили со всеми почестями и распорядились всеми необходимостями для неё [10, с. 177].

Султан Хусейн встретил сестру и ее детей с почестями. В это же время Султана Байкара Мирзу просили из Балха вернуться в столицу. Правление этого города поручил Эмир Низаммадин Дарвиш-Али Кукельташ. После как Султан Байкара Мирза присоединился, шахзада Музаффар Хусейн Мирза устроил пир в прекрасном саду. Каждый из шахзада, эмиров и нойаны сидели рядом с фонтаном и для них поставили 4 трона. Стих [10, с.178]

Четыре трона были золотистыми и прекрасно украшенными так, что блестели. Шахзада и эмиры устроились на тронах и веселились. Далее стих, где они наслаждались. Далее стих и еще стих.

Подарил своим эмирам подарки и одел чапаны Султану Увейсу Мирзе, Искандару Мирзе и др. Зимой этого года отправился в сторону Мерва зимовать. Справедливо решал вопросы и правил справедливо [10, с.179].

Приведя переводы из данного источника, мы хотели бы прокомментировать эти сведения.

Б.А. Ахмедов считал, что упомянутый Мустафа-хан являлся Шибанидом [1, с.63]. Мы же ранее высказывали точку зрения, что данный Мустафа-хан происходит из Тука-Тимуридов и является сыном Гияс ад-Дина, сына Шадибека [9, с. 176]. Отождествление Б.А. Ахмедова Мустафы-хана с Мустафой Янкеджаром («маджаром»), сыном Мусы и потомком Шибана не имеет под собой никаких оснований, кроме совпадения имен, в то время как отождествление Мустафы с Мустафой-ханом, сыном Гияс ад-Дина встречает меньше противоречий. Мустафа, сын Гияс ад-Дина назван в «Таварих гузидаи» Нусрат-наме Мустафой-ханом, к тому же у него присутствует двоюродный брат Пир-Будак [4, с. 437], который согласно Тимуридским источникам был братом Мустафы-хана. [1, с. 65]. Также известны монеты Мустафы, сына Гияс ад-Дина, чеканенные в Хаджи-Тархане (Астрахани) без обозначения года [2, с. 29].

По нашему мнению, данный Мустафа не участвовал в битве Абулхаира с калмаками, как считал Б.А.Ахмедов, при этом он идентичен Мустафе, который в союзе с Ваккасом воевал против Абулхаир-хана [1, с. 63–64]. По нашему мнению данный Мустафа был ханом Большой Орды после смерти Кучук Мухаммеда и до восшествия на престол Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук Мухаммеда. Это косвенно подтверждается чеканкой монет в Астрахани и тем фактом, что Якуб, брат Ахмада и Махмуда служил Мустафе, а уже когда его братья были ханами, Якуб отсутствует в источниках, при этом присутствуют имена его сыновей Джуака и Башиака. Таким образом, Мустафа был ханом в Большой Орде в 1450-первой половине 1460-х годов.

Б.А. Ахмедов пишет, что Мустафа правил в Хорезме до 1460–61 годов, у него власть захватил Усман кунграт в союзе с Якуб-огланом [1, с.65]. Но судя по нашему переводу, Б.А. Ахмедов допустил ошибку. Усман кунграт в союзе с Якуб-огланом были посланы Мустафой Хусейну Байкаре с двойными целями. Декларативной целью была служба Хусейну Байкаре, на деле же Усман и Якуб готовились к войне с Хусейном Байкарой, что видно по тексту, мятеж Усман поднял не против Мустафы, а против Хусейна Байкары и видимо по заданию Мустафы.

Далее мы узнаем, что двумя племянниками Хусейна Байкары (дети сестры Бади ал Джамал от Ахмад-хана) были Султан-Махмуд и Бахадур, что не согласуется с данными Кадырали Жалаири. Судя по всему здесь более достоверен Хондемир.

Интересен эпизод с присутствием Хусейна Байкары в ставке Абулхаир-хана. Как следует из Хондемира, Хусейн Байкара был у Абулхаир-хана в 1468 году и был свидетелем его смерти. Перед этим Абулхаир-хан готовил войско в помощь Хусейну Байкаре.

Как мы знаем, согласно Масуду Кухистани и «Бахр ал-Асрар», Абулхаир умер в год Мыши (1468 год), который соответствует 874 году хиджры (1469–1470) в 57 лет. На самом деле здесь противоречие, так как год хиджры не равен году звериного цикла. Т.И. Султанов предполагает, что Абулхаир-хан умер в начале зимы 1468 года [6, с.237]. Это вполне согласуется с данными Хондемира, но здесь стоит отметить, что согласно Хондемиру, Абулхаир-хан скорее всего погиб в первой половине 1468 года, до захвата им Герата.

Еще одним уникальным сведением является сведения о намерениях Абулхаир-хана. Т.И. Султанов на основе сведений «Бахр ал-Асрар» пишет о том, что Абулхаир в конце жизни планировал поход на Могулистан [6, с.236–237]. В то время как Хондемир пишет о подготовке вторжения во владения Тимуридов. По нашему мнению, Хондемир находится ближе к истине, так как ему был известен сам источник информации (Хусейн Байкара), в то время как у «Бахр ал-Асрар» не понятно, кто был источником информации.

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что «Хабиб ас-сияр» является уникальным источником по истории Восточного Дешт-и Кипчака 1460-ых годов. В будущем введенные в научный оборот извлечения из «Хабиб ас-сияр» должны пройти еще горнило источниковедческой критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука. 1965. 194 с.
2. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная Литература. 2006. 303 с.
3. История Казахстана в персидских источниках. Т. 3. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 672 с.
4. История Казахстана в персидских источниках. Т. 4. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 620 с.
5. История народов Узбекистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент. 1950. 474 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. «Казахстан: летопись трех тысячелетий». Алматы. Рауан. 1992. 373 с.
7. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. Москва. Ленинград. Академия наук СССР. 1939. 612 с.
8. Сабитов Ж.М. Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в 13–15 веках // Вестник Евразийского национального университета. № 3(88). Астана. 2012. С.121–124.
9. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2009. №2. С.166–180.
10. Хабиб ас-сияр, 7 издание. Т. 4, Тегеран, 1954.
غيث الدين ابن حمام الدين الحسيني خواند مير. حبيب السير. چاپ هفتم. جلد 4. – تهران: خيام، 1362. ص. 708.
11. Ando Shiro. Timuridische Emire Nach Dem Muizz Al-Ansab: Untersuchung Zur Stammesaristokratie Zentralasiens Im 14. Und 15. Jahrhundert. Berlin, 1992. 337 s.

Сведения об авторах: Галия Амзеевна Камбарбекова – научный сотрудник Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, кандидат исторических наук (480100, ул. Курмангазы, 29, Алматы, Казахстан); kazalem@mail.ru

Жаксылык Муратович Сабитов – доцент кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Ph.D. (философия) (010008, ул. Мунайтпасова, 5, Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

Information of Khondemir on the History of the Eastern Part of the Ulus of Jochi in the 1460s

G.A. Kambarbekova

(R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies)

Zh.M. Sabitov

(L.N. Gumilev Eurasian National University)

In this article, authors published translations from the book of Khondemir also known as Habib al-Siyar. Excerpts from the work are related to the history of the eastern part of the ulus of Jochi in the 1460s. The hero of the story, Hussein Baykara, was a descendant of Tamerlane. In this decade, he fought against other descendants of Tamerlane for supremacy. Following the experience of his predecessors Hussein Baykara tried to find a support from the ulus of Jochi. Initially, he appeared in Khwarezm. Here Hussein Baykara fought against Mustafa Khan, the son of Ghiyas al-Din Khan and grandson of the Golden Horde khan Shadibek. Apparently, Mustafa Khan was one of the khans of the Great Horde, who ruled during the period between Kuchuk Muhammad and his children's

reign. After had concluded an alliance with Pir Budag, cousin of Mustafa, Hussein Baykara fought against Mustafa. Pir Budag married a sister of Hussein Baykara, whose name was Badi al-Jamal Bigim. Subsequently, she became the wife of Ahmad Khan of the Great Horde. According to Khondemir, Ahmad had two sons and one daughter from Badi al-Jamal: Sultan Mahmud Khan, Bahadur Sultan and Khanzada Khanum. After Ahmad had died, his wife Badi al-Jamal went with Bahadur Sultan and Khanzada Khanum to Khorasan. Sultan Mahmud Khan remained in the Great Horde. The second conflict with Mustafa Khan also took place in Khwarezm. Yacoub, the son of Kuchuk Muhammad, allied with Usman kungrat, tried to overthrow Hussein Baykara. Khondemir described the struggle between Mustafa Khan and Abu Sayed. Khondemir described as well the arrival of Hussein Baykara in Dasht-i Kipchak, where he visited the old Abul Khair Khan, who was partially paralyzed. Hussein Baykara asked for Abul Khair Khan's forces in the struggle for power in the State of Timurids. Abul Khair Khan planned to assist Hussein Baykara, but he died shortly afterwards. In the comments, the authors concluded that the genealogy of Mustafa Khan, written by Akhmedov B.A., is not reliable. In addition, the assumption that Abul Khair Khan died in 1468, received another confirmation.

Keywords: Khondemir, ulus of Jochi, Abul Khair Khan, Hussein Baykara, Abu Sayed, Mustafa-khan, Great Horde.

REFERENCES

1. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [State of Nomadic Uzbeks]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 194 p.
2. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: Eastern Literature Publ., 2006. 303 p.
3. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*. [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. III. Almaty: Dayk-Press Publ., 2006. 672 p.
4. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*. [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. IV. Almaty: Dayk-Press Publ., 2006. 620 p.
5. *Istoriya narodov Uzbekistana. Tom 1. S drevneyshikh vremen do nachala XVI veka*. [History of the Peoples of Uzbekistan. Volume 1. From Ancient Times to the beginning of the 16th century]. Tashkent. 1950. 474 p.
6. Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan: letopis' trekh tysyacheletiy* [Kazakhstan: Chronicle of Three Millennia]. Almaty. 1992. 373 p.
7. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii, Tom I. VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki*. [Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan, Volume I. 7th–15th centuries. Arab and Persian Sources]. Moscow-Leningrad. Academy of Sciences of the USSR Publ., 1939. 612 p.
8. Sabitov Zh.M. Kungiraty v vostochnom Deshti-Kipchake v 13–15 vekakh [The Qongirats in the Eastern Dasht-i-Kipchak in the 13th–15th centuries]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Eurasian National University]. № 3(88). Astana. 2012, pp. 121–124.
9. Sabitov Zh.M. Tarikhi Abulhair-khani kak istochnik po istorii khanstva Abulhair-khana [Tarihi Abulhair-khani as a Source on the History of the Khanate of Abul Khair Khan]. *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. Ural'sk. 2009. №2, pp. 166–180.
10. *Habib al-Siyar*. 7th edition, Vol. 4, Tehran, 1954.
11. غيث الدين ابن حمام الدين الحسيني خواند مير. حبيب السير. چاپ هفتم. جلد 4. – تهران: خيام، 1362. – 708 ص.
11. Ando Shiro. *Timuridische Emire Nach Dem Muizz Al-Ansab: Untersuchung Zur Stammesaristokratie Zentralasiens Im 14. Und 15. Jahrhundert*. Berlin, 1992. 337 p.

About the authors: Galiya Amzeevna Kambarbekova – Researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Cand. Sci. (History) (480100, Kurmangazy st., 29, Almaty, Kazakhstan); kazalem@mail.ru

Zhaksylyk Muratovich Sabitov – Associate Professor, Political Science Department, L.N. Gumilev Eurasian National University, Ph.D. (Philosophy) (010008, Munaytpasov st., 5, Astana, Kazakhstan); babasan@yandex.ru

«Алтыннан соккан ак орда...»: о термине «Ак Орда» в героическом эпосе «Ер Едіге»

А.К. Кушкумбаев

(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева)

В статье анализируется вопрос об использовании термина «Ак Орда» («Белая Орда») в эпическом произведении тюркских народов – «Ер Едіге», в котором рассказывается о деяниях золотоордынского бек-лербека Идегея на рубеже XIV–XV веков. Как показывает рассмотренный исторический материал, героический цикл об Идегее сформировался в XV–XVI веках и был широко распространен среди татар, ногаев, казахов, каракалпаков, башкир, туркмен и других народов. На данный момент существует около 40 вариантов этого дастана. Автором было сделано сравнение исторической информации в казахской и татарской версии эпоса, где упоминается понятие «Ак Орда». На основе проведенного сравнения сделан вывод о том, что данный термин у степного населения Дашт-и Кыпчак прочно ассоциировался со ставкой (политическим центром) ханов Золотой Орды, расположенной в Поволжье. Исторические данные этого дастана полностью согласуются с надежными и проверенными выводами исследователей вытекающими из тщательного анализа сведений восточных источников из которых следует, что «Ак Орда» («Алтун Таш», «Золотая Орда», «Боз Орда») – это и есть столичная ставка-центр золотоордынских ханов, находившаяся именно на берегах Волги (Едил)

Ключевые слова: Ак Орда, Идегей, Золотая Орда, Кок Орда, Боз Орда, жыр.

Проблема понятия «Ак Орда», прежде всего связанного с его географическим расположением, относительно давно было предметом обстоятельного разбирательства в джучидской историографии и на нынешнем этапе наших знаний по этому вопросу большинство исследователей убедительно соотносят этот термин с территорией западных (иначе центральных) районов Золотой Орды. В прошлом, известная путаница с локализацией крыльевых частей (напомним, когда левое крыло обозначили как – «Ак Орда», а правое – «Кок Орда») обусловленная противоречивостью известий одного источника (конкретно «Анонима Искандара» Муин ад-Дина Натанзи) породившая досадную ошибочность в местоположении крыльев, которая, по сути, давно должна была стать историографическим нонсенсом. Еще раз вернуться к этой теме автора статьи побудили, некоторые, вновь возникшие обстоятельства, о которых сказано будет ниже.

Если вспомнить прежнюю научную литературу по этому вопросу и высказанные компетентные мнения исследователей, таких как М.Г. Сафаргалиев, Г.А. Федоров-Давыдов, В.П. Юдин, В.Л. Егоров, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов, В.П. Костюков [19; 22; 23; 5; 11; 20; 12; 13] и мн. др., которые, казалось бы, должны были окончательно для всех джучиведов подвести общий знаменатель по этой теме и, тем самым, не вызывать новейших дискуссий в научной среде. Согласно этой, в целом, общепринятой и, ставшей, определенным образом, аксиоматичной среди основной части научного сообщества точкой зрения центр (ставка) левого крыла джучидских владений носил название «Кок Орда» («Синяя Орда»), а центр правого, соответственно, – «Ак Орда» («Белая Орда»). Такое понимание или видение, нужно особо отметить, вполне согласуется со сведениями источников: восточными сочинениями и русским летописями. Недавно мы обращались к этой проблеме [15; 16], где были приведены основные аргументы и доводы в пользу вышеуказанной обоснованной позиции.

Между тем, в казахстанской историографии «монгольской» (золотоордынской) эпохи «реанимирована» прежнее (немного подкорректированное) мнение, согласно которой владения Орду (Орда-Ичена) назывались «Ак Орда», улус Шибанидов – «Кок Орда», а удел Бату и его потомков – «Золотая Орда» [21, с.111–113]. Причем там же оговаривается дополнительно, что будто бы, «применение терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда* было явлением, характерным только для территории Восточного Дашт-и Кыпчака» [21, с.113]. Так ли это на самом деле? Признаться, некоторое время и автор этих строк склонялся к такому регионально-территориальному видению использования этих терминов. Приходится констатировать, что сведения об «*Ак Орде*» (как впрочем, и упоминания «*Кок Орды*») достаточно скудны и фактически очень редко встречаются в письменных источниках и документах. Именно это обстоятельство – ограниченность (или вернее недостаточность) источниковой основы не позволяла как специалистам, так и широкому слою «потребите-

лей» (особенно в Казахстане) адекватно обработанных исторических материалов представить действительную картину историко-географического районирования огромных джучидских владений на евразийском пространстве.

В недавно опубликованной нашей совместной статье с Ж.М. Сабитовым приведены все известные факты из источников об Ак Орде и Кок Орде в табличной форме:

Источник	Боз Орда (Йуз Орда)	Ак Орда	Кок Орда
Муизз ал-Ансаб	Не известна	Не известна	Владения Орда-эджена и его потомков
Русские летописи	Не известна	Не известна	Восточные владения в Улусе Джучи
Натанзи	Не известна	На востоке улуса Джучи, владения детей золотоордынского темника Ногая, потомка Орда-эджена	Владения потомков Токты (потомок Бату), на Западе Улуса Джучи
Чингиз-наме	Ставка Шибана	Ставка Бату	Ставка Орда-эджена
Абу-л-Гази	Не известна	Владения Шибана находились в Ак Орде	Резиденция Джучи-хана находилась в Кок Орде
Бахр ал-Асрар	Ак Орда, известна так же как Йуз Орда	Владения Шибана находились в Ак Орде, известна так же как Йуз Орда	Не известна
Хосров и Ширин	Не известна	Владения Тинибека, сына Узбек-хана	Не известна [16, с. 65]

Как нам представляется сейчас, чтобы доказать тезис о том, что «Кок Орда» – это владения Шибанидов, а «Ак Орда» – улус Ордудов необходимо, так сказать, каким-то образом, «устранить» явное противоречие имеющиеся в источниках. Прежде всего, речь, конечно, идет о сообщениях из «Муизз ал-Ансаб», «Чингиз-наме», Абу-л-Гази, «Бахр ал-Асрар». В противном случае можно говорить только о сильном стремлении выдать желаемое за действительное (для чего прилагать такие невероятные усилия, в этом вопросе, заранее зная, что исторический материал откровенно возражает против такой мыслительной конструкции, нам, честно сказать, до сих пор непонятно?!). Аргументированная и достаточно справедливая критика высказанного тезиса уже звучала в научной печати [16; 17] и повторять их вновь здесь, думается, не имеет смысла или как сейчас принято говорить – контрпродуктивно.

В тоже время, следует учитывать те реалии сложившейся источниковой базы по акцентированной тематике. Новой информации по названию Орд-ставок джучидских властителей в восточных письменных сочинениях или русских летописях найти сейчас практически невозможно. Все данные по Ордам, как правило, отрывочны и лапидарны и не позволяют сделать сразу однозначный вывод. С другой стороны, чтобы прояснить этот вопрос, на наш взгляд, необходимы новые сведения источников и, потенциально иные подходы к разбираемому вопросу.

Возможно, что интересующие нас сведения сохранились в источниках имеющих ярко выраженный устно-эпический характер, которые сложились в эпоху поздней Золотой Орды (ориентировочно в течение XV века). Таким источником, мы считаем, является известное эпическое сказание (жыр¹) «Ер Едіге» или «Едіге жыры» (каз. вариант), посвященный такой колоритной полити-

¹ О понятии жыр (или джир) наиболее обстоятельно, в свое время, высказался Ч.Ч. Валиханов. Согласно его пониманию «джир собственно рапсодия. Глагол *джирламак* [выделено нами. – А.К.] значит говорить речитативом. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя. При этом должно заметить, что события жизни витязя, его подвиги, словом все, что составляет собственно повествование, рассказывается прозой, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить» [4, с.280]. Далее он пишет, что «в последнее время моего пребывания в степи джиры почитались уже устарелой формой поэзии. Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы [т.е. шаманов. – А.К.]. Они только еще сохраняют эту форму стихов, употребляя ее при заклинании джиров. Можно утвердительно сказать, что форма джира и употребление кобыза вышли из моды со смертью знаменитого певца-импровизатора Джанака, он был родом кара-кесек, отделения камбар, состоящего теперь в составе Каркаралинского округа» [4, с.281–283].

ческой личности переломного периода истории Золотой Орды конца XIV – первой четверти XV века как Идегей (Идигу, Эдигу, Едыге и т.д.), который привлек специализированное внимание тюркологов еще в XIX веке. Из истории изучения настоящего произведения известно около 30 вариаций этого эпоса. Первые записи жыра об Идегее зафиксированы у башкир, и, что весьма интересно, относятся к XVIII веку [7, с.353]. Существуют казахская, ногайская, каракалпакская, башкирская, узбекская, туркменская версии дастана, а также отмечено порядка более 20 вариантов в татарской эпической традиции, включая крымско-татарскую и сибирско-татарскую [7, с.354; 6; 1, 443 б.; 8, с.37]. Уже сейчас только в Казахстане, в рамках большой государственной программы «Мәдени мұра» было опубликовано 8 (!) казахских вариантов интересующего нас эпоса [1]. Их общее количество со временем (включая все версии тюркоязычных народов) может превзойти 40 единиц!

Ч.Ч. Валиханов, определяя датировку, считал, что «джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно так же и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова» [2, с.226].

Использовались ли в прошлом сведения в востоковедной историографии об «Ак Орде», встречающиеся в этом народном дастане, в решении вопроса названия и географической привязки официальной резиденции (орда-ставка) золотоордынских ханов нам неизвестно. Хотя стоит отметить, что Ч.Ч. Валиханов в своих работах косвенно упоминал об этом, но в контексте общего интереса к преданиям восходящим к эпохе Золотой Орды. В своем письме выдающемуся российскому востоковеду И.Н. Березину, давая некоторые пояснения по ханским ярлыкам, он писал: «По [преданиям] своим киргизы [казахи. – А.К.] почитают себя [потомками] татар Золотой орды, которая в героических поэмах – джирах называется, [اولوغ اولوس نوغايلى ننگ اور يورت] («**Үлүҥ ұлыс Ноғайлының Ауы[р] йүрт**»)², а героем всех их поэм – золотоордынских ногаев: *Идегей, его бегство к Тамерлану и изгнание им*» [курсив наш. – А.К.] [3, с.163].

Действительно, в эпическом дастане «Ер Едіге» («Едіге жыры» в каз. вар.) «*Ақ Орда*» в качестве ставки (резиденции) золотоордынского хана упоминается регулярно. Так, согласно повествованию о главном герое, когда Идегей, который избежал гибели со стороны заранее сговорившихся приближенных хана Токтамышша, и бежал из его владений, на ханский совет был приглашен престарелый Сұм-жырау. Этот вещий сказитель в своей блистательной поэтической речи (жыр), адресованной Токтамыш-хану, повествует ему о его будущей судьбе, и говорит следующие примечательные пророческие слова:

Алтыннан соққан Ақордаң,
Күмістен соққан ақ есік,
Түсі суық шым – болат,
Ұшыменен ашар-ды,
Төрге төсек салар-ды.
Төс аршынды сұлыдың
сұлулығын аямай
төс астына салар-ды.
Керегенді кертер де,
Туырлығың тілер ұл
Тіліп тоқым қылар ол,
Тоқсан басты ақ орда³
Тонамай ие болар-ды [6, 42 б.]

Золотом насеченную твою белую орду из
серебра выбитые двери
Он [Едіге. – А.К.] подымет холодным лезвием
булатного копья,
На почетном месте кибитки постелит он по-
стель свою
И, не жалея полногрудой твоей красавицы, по-
кроет своею грудью,
Изрубит он твои кереге и отдаст на
топливо, изрезав твои верхние потники,
И в девяностоголавой⁴ твоей белой орде без гра-
бежа станет хозяином [6, с. 107]

² При этом, переводчик дает такое специальное пояснение: (اور)»**Ауыр**» мен **اوز**»**Өз**» бір ноқатпен гана айрмашылығы, негізі өз болуы мүмкін) [данный перевод и уточнение терминов сделан к.и.н. А. Нурмановой, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова НАН РК, которой, пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность].

³ В комментарии к тексту татарского дастана «Идегей» под «*тоқсан басты ақ орда*» (каз. вариант) понимается «девяностоголавая орда» – большая, главная юрта или главный ханский шатер [9, с.527].

⁴ При переводе текста переводчик (или издатель?) допустил ошибку и перевел этот отрывок так: «И в шестидесяти стрельной твоей кибитке без грабежа станет хозяином», хотя, как ясно видно из текста, речь идет о «девяностоголавой белой орде».

Немного иной, но, по-смыслу, тот же, текст приведен в недавно изданном дастане «Едіге жыры»:

*Алтыннан соққан ақ орданың
Күмістен соққан ақ есік,
Түсі суық шың болат,
Ұшыменен ашар-ды құбаша ұғыл.
Төс арсынды сұлуыңды
Аямай төс астына алар-ды боғай құбаша ұғыл.
Керегеңді кертер-ді боғай құбаша ұғыл.
Туырлығың тілер ол,
Тіліп тоқым қылар ол.
Тоқсан басты ақ орда
Тонамай ие болар-ды боғай құбаша ұғыл [1, 20 б.]*

Как следует из процитированного отрывка речь идет о главной ставке-шатре золотоордынского хана Токтамыша (1380–1395 гг.) в отношении которой автор жыра прямым текстом употребляет составное понятие «*Алтыннан соққан Ақ Орда*» – буквально «Золотом покрытая (насеченная) Белая Орда». Мы сейчас достоверно знаем, что ханская юрта (шатер-резиденция) джучидских властителей Сарая по восточным письменным источникам была позолоченной (отделано золотом). Традиция возведения золотых шатров степных владык восходит к древней имперской традиции центрально-азиатских номадов, в соответствии с которой только верховные правители (каганы, кааны, ханы) имели право на возведение таких шатров и которые являлись непременным атрибутом-признаком высшей власти в кочевых государствах.

Таким образом, «Орда» это место пребывания – большая (главная) ставка хана⁵. По сообщениям средневековых авторов «Большой Ордой» называлось место, в котором был поднят золотой шатер (получивший свое название из-за подпорок, покрытых золотом). Так, для Чингиз-хана, по его приказу возвели «большую золотую орду» («*Урду-и Заррин-и Бузург*» – «Большая Золотая Ставка»⁶). Тюрко-монгольский эквивалент термина «Золотая Орда», т.е. ставки-двора хана – «*Алтын Орда*» (встречается иногда «*Сары Орда*»). Такой Большой (Улут) или Золотой Ордой была поволжская ставка Бату и его преемников, расположенная в джучидской столице – «Великий Сарай». Золотой парадный шатёр подробно описан в книге арабского путешественника Ибн Баттуты при характеристике резиденции хана Узбека. В период поздней Золотой Орды ставка «главного» хана обозначалась как «Большая Орда», тем самым, которая в политическом отношении являлась «старшей». Соответственно другие ставки-орды, принадлежавшие иным владетелям, считались «младшими».

В татарской версии дастана об Идегее аналогично в отношении ставки Токтамыша используется эпитет «Золотая Орда» и «Ақ Орда» в общей связке сюжетной канвы:

<i>Борын үткән заманда</i>	<i>В стародавние времена,</i>
<i>Болгар белән Сарайда,</i>	<i>Там, где была нугаев страна,</i>
<i>Жаякбелән Иделдә,</i>	<i>А предком Нугая был Татар</i>
<i>Алтын Урда, Ақ Урда –</i>	<i>Там, где стольный Сарай стоял.</i>
<i>Данлы кыпчак жүрөндә,</i>	<i>Там, где вольный Идиль бежал</i>
<i>Татардан туган Нугай илендә</i>	<i>Там, где город Булгар блистал,</i>
<i>Туктамыш дигән хан булды [9, 4 б.]</i>	<i>Там, где текла Яика вода,</i>

⁵ Ч.Ч. Валиханов совершенно верно в свое время заметил, что «во всех ярлыках Золотая Орда называется [اولوغ اولوس] (Ұлуғ ұлыс) и у тюркских историков и <в преданиях> народных она означает [часть] целой страны или народа и никогда не называется ордой; киргизы [казахи. – А.К.] говорят: [اولوغ اولوس نوغالیی] (Ұлуғ ұлыс Ноғайлының Ауы) <где [اولوغ اولوس] (Ұлуғ ұлыс) заменяется тяжелым юртом>. Мне кажется, слово *орда* [اوردو] имело и прежде в Золотой орде такое же значение, как [теперь] у киргизов [казахов. – А.К.] и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном – его ставку. Золотая орда – золотой шатер и юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название ставок городских, где жили ханы. Так что слова *ак орда*, *кук орда*, *сары орда* нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов» [3, с. 166].

⁶ В этом плане характерно, «что Золотая Орда в китайских источниках именовалась Цзинь жань хань – Ханство Золотая Юрта» [14, с.157].

*Там, где была Золотая Орда
Там, где жили кыпчак и болгар
Ханствовал над страной татар
Хан по имени Токтамыш [10, с. 5]*

Но при этом, следует обратить внимание на то, что «Ак Урда», как ключевое слово для нас, вообще осталось без перевода. Скорее всего, перевод С. Липкина не отражает двухсоставное (единое органичное) понятие, в которой «Золотая Орда» – это есть «Ак Орда», где сидит Токтамыш-хан и находится его резиденция. Все это, видимо, говорит о не совсем удачной литературной обработке поэтического текста переводчиком.

В татарском дастане следует отметить упоминание золотого мраморного ханского дворца «Алтын Таиш»:

*Сарай дигән каласы,
Сиксән күчә арасы,
Сары мәрмәр Алтын Таиш,
Сигез йортка дан булды,
Аларда дан булмады[9, 6 б.]*

*Ходила молва из края в край
Хвалила город его Сарай:
Сотни башен взметнулись там!
Алтын Таиш – Золотой Дворец.
Лег на желтый мрамор багрец.
Славой он был восьми стран –
Не этим дворцом гордился хан [10, с. 6]*

Под ханским золотым дворцом «Алтын Таиш» следует понимать стационарную официальную резиденцию золотоордынского властителя, расположенную в столице государства – Сарае. Опять же в данном случае золотистый цвет – это главный (ключевой) отличительный признак, непосредственно указывающий на носителя высшей власти в империи Джучидов.

Эпитет «Алтын» и «Ак» неоднократно произносится действующим лицами татарского варианта дастана. Так, сокольничий Токтамыш-хана – Кутлыкья-бек (отец Идегея) говорит своему хозяину следующие слова:

*Били белсәң, ханиям,
Икселмәс дәүлет бу иде.
Алтын Урда, Ак Урда
Алтмыш йортка юл иде,
Кәрван, дөя килалмый[9, 22 б.]*

*Эй, владыка-хан, великий хан!
Править умел бы ты страной,
Мощной владел бы ты казной,
Не терпел бы народ мытарств.
Вспомни: **была Золотая Орда,
Белая Большая Орда,**
Путем шестидесяти государств, -
Теперь караван не входит сюда,
Верблюды не знают твоих ворот [10, с.13]*

Далее, не трудно сделать сравнение как татарской, так и казахской версии эпического сказания из которого следует, что и в том и в этом варианте «Золотая Орда» и «Ак Орда» – это синонимы или тождественные односмысловые понятия-конструкции, которые нужно, исходя из указанного контекста, воспринимать нераздельно, то есть целостно.

Встречается в этом жыре, в монологе Кен-Джанбая, обращенном к Идегею, наряду с «Ак Ордой» и понятие «Боз Орда»:

*Ай Едиге сен енді қайт сана.
Кайтып Еділ өт сана,
Еңсесі биік боз орда
Еңкейіп сәлем бер сана,
Еріні жұқа сары аяқ
Ер сарқытын іш сана [2, с. 226]*

*Эй, Едыге, теперь ты возвращайся,
Возвращайся, переправляйся через Едил.
Высокая просторная Белая Орда
Приветствуй, низко поклонясь
Из тонкой желтой чаши
Отпробуй напиток богатыря [18]*

Перевод на рус. язык Н.Ж. Сагандыковой

Смотрите также для сравнения текст последнего казахского издания «Едіге жыры» 2006 года:

*Эй, Едіге, сен енді қайт-сана,
Кайтып Еділ өт-сана!
Еңсесі биік боз орда,
Еңкейіп сәлем бер-сана!
Ерні жұқа сары-аяқ
Хан сарқытын іш-сана! [1, 21 б.]*

*Эй, Едыге, теперь ты возвращайся,
Возвращайся, переправляйся через Едил
Высокая просторная Белая Орда,
Приветствуй, низко поклонясь
Из тонкой желтой чаши
Отпробуй напиток хана*

В последнем случае только одно отличие, когда вместо богатыря, почему-то фигурирует хан.

Здесь также следует обратить внимание на то, что словосочетание «Еңсесі биік боз орда» переведено Н.Ж. Сагандыковой как «*Высокая просторная Белая Орда*». Мы принципиально не возражаем против такой трактовки, но в тоже время, нам представляется, что более точный перевод это все-таки «*Большая (высокая) светлая орда*».⁷ Нас, думается, не должно смущать то обстоятельство, что слово «*боз*» передает смысловую нагрузку как «*ақ*», то есть «*белая*» или «*светлая*», так как мы должны исходить из контекста повествования, которая, на наш взгляд, в утонченной аллегорической форме дает такое содержательное понимание.

В других вариациях, например, в версии изданной академиком К. Сатпаевым в 1927 г. вместо «*Боз Орда*» указана «*Ақ Орда*»:

*Эй, Едіге, сен енді қайт сана,
Кайтып Еділ өт сана,
Еңсесі биік ақ орда,
Еңкейіп сәлем бер сана,
Ернеуі жұқа сары аяқ
Ер сарқытын іш сана [6, 43–44 бб.]*

*Эй, Едыге, ты, однако (кажется), воротисься, и переплывешь назад Волгу.
В высоковерхой Белой Орде,склонясь
отдай-ка ты свой салям.
Из тонкогубой деревянной чаши ты опять
будешь пить остатки хана[6, с. 108–109]*

Как нам представляется, предложенный перевод фрагмента не совсем точный. Но, тем не менее, каких-либо существенных отличий с вышеприведенными материалами здесь не видно, так как повествование идет об «*Ақ Орде*» она же «*Боз Орда*» охарактеризованная как высоковерхая или высокая (иными словами главная, *Большая Орда*). Предельно ясно и точно, что политический статус этих понятий, на наш взгляд, идентичен друг другу, то есть «*Боз Орда*» – это иное образно-метафорическое название, переданное сквозь призму сознания даштских степняков, той же «*Ақ Орды*».

Тем самым, кратко попытавшись сказанное, нужно отметить, что сведения героических дастанов об Идеее дают ценную информацию о настоящем историческом обозначении ставки-резиденции алтынордынских ханов, и, безусловно, отражают внутренний взгляд и представление кочевого населения джучидских улусов о реальном названии первопрестольного (политического) центра Джучиева улуса. И это название, исходя из приведенных материалов, несомненно, было связано с Золотой Ордой – она же искомая Ақ Орда (центральная ставка), которая, вне всяких сомнений, была расположена в западных джучидских землях (правое крыло Улуса Джучи) и прочно ассоциировалась у тюркоязычных номадов Дашт-и Кыпчака, в эпоху поздней золотоордынской истории, с этим ведущим районом. Самое примечательное здесь также то, что исторические данные этого жыра *полностью согласуются* с надежными и проверенными *выводами* исследователей вытекающими из тщательного анализа сведений восточных источников из которых следует, что «*Ақ Орда*» (она же «*Алтун Таиш*», «*Золотая Орда*», «*Боз Орда*») – это и есть столичная ставка-центр золотоордынских ханов, находившаяся именно на берегах Идила, в Поволжье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

⁷ Ранее мы давали двойной перевод «*Биік боз орда*» как «*Большая (высокая) серая орда*» или «*светлая орда*» [15, с.124], как вариант – «*светлолика орда*».

1. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева. Астана: Фолиант, 2006. Т. 39. 448 б.
2. Валиханов Ч.Ч. Идиге (джир). Вступление // ЗИРГООЭ. Сочинения Ч.Ч. Валиханова. Изданы под ред. Н.И. Веселовского. Т. XXIX. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. 223–264.
3. Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину // Собрание сочинений в 5 т. Алма-Ата: Главная ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т.1. С. 163–172.
4. Валиханов Ч.Ч. [О формах казахской народной поэзии] // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т.1. С. 280–286.
5. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
6. Ер Едіге. Қ.И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеуде жарияланған басылым. Алматы: Ғылым, 1995. 152 б.
7. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
8. Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2011. 62 с.
9. Идегэй. Татар халык дастаны. Байназар Әлменов рәсемнәре. Казан: Татар. китап нәшрияты, 2006. 535 б.
10. Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
11. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 376 с.
12. Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 167–207.
13. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.
14. Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Под ред. проф. Б.Н. Мельниченко, доц. Б.М. Новикова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 146–157.
15. Кушкумбаев А.К. “Алтун босағалы ақ өргәні Сайын-ханғә салды...” (крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 109–164.
16. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: К вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.
17. Сабитов Ж.М. Рецензия на монографию: Ускенбай К.З. «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи» // Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 145–157.
18. Сагандыкова Н.Ж. Ч.Ч. Валиханов «О формах казахской народной поэзии» // <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Sagyndykova.....2.....13.pdf>
19. Сафарғалиев М.Г. Распад Золотой Орды / УЗМГУ Вып. IX. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 276 с.
20. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М.: Наука. Издательская фирма Восточная литература, 1993. 168 с.
21. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.
22. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
23. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме» / Факсим., пер., транск., текст. прим., исслед. В.П. Юдина. Комм. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. С. 14–56.

Сведения об авторе: Айболат Кайрслямович Кушкумбаев – главный научный сотрудник Научного центра гуманитарных исследований «Евразия» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, профессор, доктор исторических наук (010008, ул. Мунайтпасова, 7, Астана, Казахстан); kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

**“Altynnan Sokkan ak ordan...”:
about the Term “Ak Horde” in the Heroic Epic “Er Edige”**

A.K. Kushkumbayev
(L.N. Gumilev Eurasian National University)

The article examines the question of the use of the term “Ak Orda” (“White Horde”) in an epic of the Turkic peoples – “Er Edige”, which focuses on the deeds of the Golden Horde beklerbek Edigei at the turn of the 14th–15th

centuries. As examined historical material shows, the heroic cycle of Edigei formed in the 15th–16th centuries and widely circulated among the Nogays, Kazakhs, Tatars, Bashkirs, Karakalpaks, Turkmens and other peoples. Currently, there are about 40 variants of this dastan. The author has made a comparison of historical information contained in the Kazakh and Tatar versions of the epic and referring to the concept of the “Ak Horde”. On the basis of comparison it has been concluded that this term was strongly associated by the steppe population of Dasht-i Kipchak with the camp (political center) of the Golden Horde khans located in the Volga region. Historical data of the epos are fully consistent with reliable research findings resulting from a thorough analysis of oriental sources, which implies that the “Ak Orda” (“Altun Tash”, “Golden Horde”, “Boz Horde”) was the center of the capital of the Golden Horde khans located on the banks of the Volga (Edil).

Keywords: Ak Orda, Edigei, Golden Horde, Kok Horde, Boz Horde, zhyr.

REFERENCES

1. *Babalar sozi: Zhyz tomduk. Batyrlar zhyry* [The Words of Their Ancestors. One hundred volumes. The heroic epic]. Zhaupty shygarushy K. Alpysbaeva. Astana: Foliant, 2006. Vol. 39. 448 p.
2. Valihanov Ch.Ch. Idige (dzhir). Vstuplenie [Idige (dzhir). Introduction]. *ZIRGOOJe. Sochinenija Ch.Ch. Valihanova* [Ch.Ch. Valikhanov's Writings]. Izdany pod red. N.I. Veselovskogo. Vol. XXIX. St. Peterburg: Printing house of Head department of destinies, 1904, pp. 223–264.
3. Valihanov Ch.Ch. Pis'mo professoru I.N. Berezinu [A Letter to Professor I.N. Berezin]. *Sobranie sochinenij v pjati tomah* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main edition. Kazakh Soviet encyclopedia, 1984, Vol.1, pp. 163–172.
4. Valihanov Ch.Ch. O formah kazahskoj narodnoj poezii [About Forms of the Kazakh National Poetry]. *Sobranie sochinenij v pjati tomah* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main edition. Kazakh Soviet encyclopedia, 1984, Vol.1, pp. 280–286.
5. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 246 p.
6. *Er Edige*. K.I. Satbaevtyyn algy sozimen 1927 zhyly Məskeude zharijalangan basylym [Er Edige. Edition, published in 1927 in Moscow, with a foreword by K.I. Satpayev]. Almaty: Gylım Publ., 1995. 152 p.
7. Zhirmunskij V.M. *Tjurkskij geroicheskij jepos. Izbrannye trudy* [Turkic Heroic Epic. Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 727 p.
8. Zakirova I.G. *Narodnoe tvorcestvo perioda Zolotoj Ordy: mifologicheskie i istoricheskie osnovy* [National Creativity of the Golden Horde Period: mythological and historical foundations]. Avtoref. diss... dokt. filol. nauk. Kazan, 2011. 62 p.
9. *Idegej. Tatar halyk dastany* [Idegey: The Tatar National Epos]. Bajnazar Almenov rasemnare. Kazan: Tatars. book publishing house, 2006. 535 p.
10. *Idegej: Tatarskij narodnyj jepos*. Per. S. Lipkina. [Idegey: The Tatar National Epos]. S. Lipkin trans. Kazan: Tatars. book publishing house, 1990. 256 p.
11. Kljashornyj S.G., Sultanov T.I. *Kazahstan: letopis' treh tysjacheletij* [Kazakhstan: Chronicle of Three Millennia]. Alma-Ata: Rauan Publ., 1992. 376 p.
12. Kostjukov V.P. Ulus Dzhuchi i sindrom federalizma [The Ulus of Jochi and Syndrome of Federalism]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. 2007, no.1, pp. 167–207.
13. Kostjukov V.P. Ulus Shibana Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv. [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Ed. I.M. Mirgaleev. Kazan: Publishing house «Fen» of Academy of Science, 2010. 200 p.
14. Kychanov E.I. «Istorija dinastii Juan'» («Juan' shi») o Zolotoj Orde [“History of the Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”) on the Golden Horde]. *Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of Countries of Asia and Africa]. Ed. prof. B.N. Melnichenko, Assoc. B.M. Novikov. St. Petersburg: Publishing house Petersburg University, 2000, pp. 146–157.
15. Kushkumbayev A.K. «Altun bosagaly ak organi Sajyn-hanga saldy...» (kryl'evaja model' v voenno-politicheskoy organizacii imperii Dzhuchidov) [“Altun bosagaly ak organi Sajyn-hanga saldy...” (wing model in the military-political organization of the Jochid Empire)]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov: Sbornik nauchnyh statej* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Heirs: Collected articles]. Ed. A.K. Kushkumbayev. Astana: Folio, 2012, pp. 109–164.
16. Sabitov Zh.M., Kushkumbayev A.K. Ulusnaja sistema Zolotoj Ordy v XIII–XIV vekah: K voprosu o lokalizacii Ak-Ordy i Kok-Ordy [System of the Uluses in the Golden Horde in the 13th–14th centuries: To the Question of Localization of the Ak Horde and Kok Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review. Academic Journal], 2013, no. 2, pp. 60–72.
17. Sabitov Zh.M. Recenzija na monografiju: Uskenbaj K.Z. «Vostochnyj Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy jetnopoliticheskoy istorii ulusa Dzhuchi» [Review of the Monograph: Uskenbay K.Z. “The

Eastern Dasht-Kipchak in the 13th – early 15th centuries. Issues of Ethno-Political History of the Ulus of Jochi”]. *Nauchnyj Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2014, no. 4, pp. 145–157.

18. Sagandykova N.Zh. *Ch.Ch. Valihanov «O formah kazahskoj narodnoj poezii»* [Ch.Ch. Valikhanov “On the Forms of Kazakh Folk Poetry”]. Available at: <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Sagyndykova.....2.....13.pdf>

19. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [Dissolution of the Golden Horde] Vol. IX. Saransk: Mordovian book publishing house, 1960. 276 p.

20. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyj stroj Mongol'skoj imperii XIII v.: Problemy istoricheskoy preemstvennosti* [Political System of the Mongol Empire of the 13th century: Issues of Historical Continuity]. Moscow: Nauka. Eastern Literature Publishing Company, 1993. 168 p.

21. Uskenbaj K.Z. *Vostochnyj Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy jetnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Dasht-Kipchak in the 13th – early 15th centuries. Issues of Ethno-Political History of the Ulus of Jochi]. Ed. I.M. Mirgaleev. Kazan: Publishing house «Fen» of the Academy of Science, 2013. 288 p.

22. Fedorov-Davydov G.A. *Obshhestvennyj stroj Zolotoj Ordy* [Social System of the Golden Horde]. Moscow: MGU Publ., 1973. 180 p.

23. Judin V.P. *Ordy: Belaja, Sinjaja, Seraja, Zolotaja...* [The Hordes: White, Blue, Grey, Gold...] Utemish-hadzhi. «Chingiz-name» [Ötemish Hajji. “Chingiz-name”]. Fax., transcrip., text notes, research by V.P. Yudin. Comm. and indic. by M.H. Abuseitova. Alma-Ata: Gylym Publ., 1992, pp. 14–56.

About the author: Aibolat Kayrslyamovich Kushkumbayev – Chief Research Fellow, “Eurasia” Research Centre for Humanitarian Studies, L.N. Gumilev Eurasian National University, Professor, Dr. Sci. (History) (010008, Munaitpasov st., 7, Astana, Kazakhstan); kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

УДК 94

Источниковая база сочинения Мурада ар-Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» (золотоордынский период)

Э.Г. Сайфетдинова

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Статья посвящена анализу исторического сочинения Мурада ар-Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар вamuлукат-татар» («Известия и сведения о событиях в Казани, в Булгаре и татарских царях»), первое издание которого было осуществлено в 1908 году в Оренбурге. Книга на арабском языке, состоит из двух томов. О личности Мухаммада Мурада ар-Рамзи (1855–1934) было написано несколько статей, однако локального изучения творчества, а тем более перевод сочинения «Талфик ал-ахбар» на русский или татарский язык не был произведен до настоящего времени. В первом томе, в частности, раскрывается история Золотой Орды. Источниковая база сочинения обширна и представлена различными источниками, в описании истории Золотой Орды ар-Рамзи опирается больше на средневековые арабские источники, но также среди них есть сведения из произведений персидских, османских, татарских и русских авторов. Сведения ар-Рамзи о Золотой Орде не только передают сведения средневековых авторов, а также наполнены аналитическими высказываниями самого автора. Несмотря на то, что источниковая база сочинения, в основном уже известна и большинство ее материалов, касающихся истории Золотой Орды, доступны современным ученым, кроме, может истории Мирхонда и сочинений Могултая, Мунаджим-баши, которые не переведены на русский язык и тем самым исключаются в большинстве исследований. До настоящего времени значимость «Талфик ал-ахбар» несколько снизилась в связи с недостаточным количеством историков-арабистов, занимающихся исследованиями по проблемам истории Золотой Орды. «Талфик ал-ахбар» определенно представляет интерес для изучения истории татарского народа, также как и исторические книги Ш. Марджани. К сожалению, до сих пор, несмотря на большое количество исследований, эти книги, написанные на литературном арабском языке, не переведены и не могут быть доступны широкому кругу отечественных исследователей.

Ключевые слова: Мурад ар-Рамзи, «Талфик ал-ахбар», арабский язык, источники, история Золотой Орды.

Первое издание исторического сочинения Мухаммада Мурада ар-Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» («Известия и сведения о событиях в Казани, в Булгаре и татарских царях») было осуществлено в 1908 году в Оренбурге [9]. Современное издание вышло в печать в Бейруте (Ливан) в типографии издательства «Дар ал-кутуб ал-гильмия» в 2002 году [8].

Книга написана на арабском языке, состоит из двух томов. Структура «Талфик ал-ахбар», состоящая из введения, четырех глав и заключения, подчинена периодам, которые традиционно принято выделять в истории тюркских народов Поволжья. Во введении автор рассматривает древний период, в четырех главах домонгольский, золотоордынский, период Казанского ханства, период в составе Русского государства. В конце каждой главы помещен список мусульманских ученых Поволжья, Средней Азии и Кавказа. В заключение повествуется о крымских и казахских ханах.

О личности Мухаммада Мурада ар-Рамзи (1855–1934) было написано несколько статей [2, с.84–96; 5; 11, с.87], однако локального изучения творчества, а тем более перевод сочинения «Талфик ал-ахбар» на русский или татарский язык не был произведен до настоящего времени.

Мухаммад Мурад ар-Рамзи родился 10 октября 1854 года в деревне Альметьево Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Сармановского района Республики Татарстан). После окончания обучения религиозным наукам в Казани, в 1877 году отправился в путешествия по странам Востока, в г. Мекке примкнул к сторонникам учения накшбандийа, несколько раз приезжал в Россию. Приезжая в Россию он работал в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга, ездил по стране, собирал материалы для своего исторического труда. Вышедшая впервые книга «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи, Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» («Известия и сведения о событиях в Казани, Булгаре и о татарских царях») почти сразу подвергается цензурной кри-

тике. За эту книгу его приходилось переходить на нелегальное положение и скрываться от властей, поскольку он подвергался преследованиям. В 1915 году он был все же арестован и направлен в Сибирь. Ему удалось избежать ссылки и вернуться к семье, которая тогда проживала в Оренбурге. В 1919 году ар-Рамзи уехал в Чугучак (ныне г. Тачэн, Синьцзян-Уйгурского района КНР), где прожил до своей смерти в апреле 1934 года.

Исследование источниковой базы сочинения затруднена вследствие поверхностного отношения Мурада Рамзи к оформлению ссылочного аппарата. Как отмечает Н.Г. Гараева: «Определение полного объема использованных источников, необходимое для сравнительного сопоставления, осложняется тем, что оба историка (Ш.Марджани в большей степени, М. Рамзи – в меньшей) не всегда указывают автора или название сочинения, известия которого приводят» [2, с. 87]. Однако еще Г.Губайдуллин, критикуя труд Мурада Рамзи, подчеркивал: «М.Мекки (Рамзи – С.Э.), живя в мусульманских центрах, мог пользоваться некоторыми арабскими авторами в подлиннике, а иногда даже по неизданным рукописям» [3, с. 49]

Так или иначе, несомненно, нужно признать, что раскрывая золотоордынский период истории татарского народа, Мурад Рамзи обращал внимание на различные аспекты золотоордынской истории: внутривосточные, внешнеполитические связи, сообщения о городах, истории золотоордынских ханов и др.

В данной статье мы более подробно останемся на анализе источниковой базы сочинения «Талфик ал-ахбар» в рамках золотоордынского периода (начало XIII – конец XIV вв.)¹.

Источниковая база сочинения обширна и представлена различными источниками: в этот список входят средневековые арабские авторы, османские авторы, татарские авторы, русские историки.

Ар-Рамзи не указывает конкретное сочинение, лишь имя автора, среди имен средневековых арабских авторов: ал-Айни (у Тизенгаузена летописи Элайни), Аз-Захаби, Ал-Калкашанди, Ал-Макризи, Ал-Муфаддал, Ан-Нувейри, ал-Омари, Ибн Арабшах, Ибн Баттута, Ибн Васил, Ибн Касир, Ибн Халдун, Ибн Фурат, Ибн Шаддад, Рукн ад-дин Бейбарс.

Все вышеперечисленные имена упоминаются в сборнике материалов В.Г. Тизенгаузена, кроме имени Ибн Шаддада², который жил и творил еще до золотоордынской эпохи. Мурад ар-Рамзи указывает имя Ибн Шаддада в контексте описания отношений (войны) хана Берке и Хулагу.

В сочинении Мурада ар-Рамзи раскрывается имя и еще одного автора: Моголтай. В.Г. Тизенгаузен упоминает его в разделе «биография Элмелик эн-насыра и сочинение Моголтай». Представляя его Ибрагим Моголтай В.Г. Тизенгаузен отождествлял его с неким Алаэддином Моголтайем умершем в 762 году хиджры [10, с. 252]. У ар-Рамзи более подробные сведения: «Моголтай: он хафиз Алаэтдин Моголтай бин Калидж бин Абдалла ал-Бакачари ал-Хакари ат-Ту(ю)рки египетский правовед (факих) ханафитского толка. Родился в 689 году хиджры и умер в 762 году, Сююти перечисляет его произведения [8, с. 479].

Свое негативное отношение Мурад ар-Рамзи высказал в адрес средневекового арабского мыслителя Абу Фараджа ал-Малти [8, с. 355], в одной из частей под названием «Возвращаясь к Абу ал-Фараджу ал-Малти». Мурад ар-Рамзи считает его лжецом и его сочинение (речь скорее всего идет о «Всеобщей истории» Абу-л Фараджа), не заслуживающие уважения по трем причинам:

1) Абу-л Фарадж не основывал свои сведения, касающиеся Чингиз хана и его потомков на достоверных источниках, а только на своих предположениях и полученных посредством передатчиков;

2) Ложны сведения Абу-л Фараджа о том, что дочь Унк-хана (Онк-хана) была женой Чингиз хана, об этом нет каких-либо документальных источников;

3) Унк-хан (Онг-хан) был из племени Игор (возможно «уйгур» – Э.С.), которые придерживались христианской веры несторианского толка, т.е. он был кераитом (христианином) [8, с. 356].

Здесь скорее всего прослеживается некоторая религиозно-идеологическая полемика, ведь мы должны помнить, что ар-Рамзи прежде всего был богословом и религиозным деятелем, Абу-л Фарадж, согласно биографическим сведениям по своим религиозным убеждениям был христианином яковитского обряда, его прозвище известно нам как Бар-Эбрей.

¹ Доводит историю до времен правления последнего золотоордынского хана Ахмата (до 1481).

² Об этом см. подробнее: [4].

Среди разнообразных средневековых арабских источников в отдельную группу можно выделить: османские источники: Мурад ар-Рамзи называет имя хаджи Абу-л Гаффар эфенди. Речь идет о Абдулгаффаре Кырыми. В частности, мы сравнили сведения представленные у ар-Рамзи, касающиеся хана Сартака с текстом «Умдет ал-ахбар»[1, с. 64] и нашли там идентичные сведения.

Также в сочинении представлены сведения османского ученого Мунаджим-баша (Ахмад)³.

Особое почтенное отношение ар-Рамзи к личности Ш. Марджани, которого он представляет как наш достойный Марджани. Несмотря на мнение некоторых исследователей (В.А.Гордлевский, М.Х. Юсупов), которые считали Мурада ар-Рамзи компилятором Ш.Марджани, следует отметить, что цитирование Марджани в сочинении гораздо меньше, чем отсылок на слова Н.М. Карамзина.

Часто цитируются слова Н.М.Карамзина, хотя какой-либо библиографической справки на него не дано. Иногда ар-Рамзи вступает в полемику с мнением Карамзина, но при этом часто цитирует его, особенно в вопросе взаимоотношений Золотой Орды с Русью, что говорит о значимости труда Карамзина при написании сочинения «Талфик ал-ахбар».

В книге зафиксированы ссылки на сочинения: «Рауза ас- сафа» («Сад чистоты») Мирхонда и «Кашф зунун» Хаджи Халифы.

«Кашф аз-зунун ан ал-асами кутуб ва'л-фунун» («Раскрытие мнений относительно названий книг и отраслей наук») автор Кятиб Челяби (или Хаджи Халифа) представляет собой написанный на арабском библиографическо-энциклопедический труд, касающийся всей литературы мусульманского мира. Литературные сочинения расположены в алфавитном порядке и охватывают 14500 названий и 10000 имен авторов и комментаторов. В комментариях к произведениям отдельных авторов даются сведения о времени их написания, содержании и структуре, а также биографические сведения об авторе⁴.

Всеобщая история Мирхонда «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов») ⁵. Первые шесть томов носят компилятивный характер, седьмой посвящён современным автору событиям, поэтому имеет наибольшую ценность. В книге указано количество, использованных в работе источников, из них 15 – арабских, 25 – персидских. В самой книге Мирхонд обычно не делает ссылок на источники, поэтому нельзя сказать, имел ли он в руках перечисленные книги. Среди некоторых приведённых цитат имеются ссылки на книги, не дошедшие до нас, поэтому, несмотря на компилятивный характер книги, она имеет большое значение. В пятом томе рассказывается история рода Чингиз хана.

Таким образом, письменные источники, использованные Мурадом ар-Рамзи в историческом труде «Талфик ал-ахбар» разнообразны, в основном это средневековые восточные источники. Ар-Рамзи сохраняет традицию многих арабских книг, не дает ссылку на конкретный труд, что несомненно затрудняет поиск исходных данных и тем самым ставит под сомнение достоверность представленных в книге М. Рамзи сведений. Можно подчеркнуть, что все биографические данные на средневековых авторов взяты из энциклопедического словаря Хаджи Халифы «Кашф зунун» (в ссылке он указывает том и страницу). Что касается источниковой базы сочинения, то она в основном уже известна и большинство ее материалов, касающихся истории Золотой Орды, доступны современным ученым. Однако значение его в настоящее время может несколько снизиться в связи с расширением круга доступных источников. Сочинение «Талфик ал-ахбар» носит происламский характер, в вопросе формирования татарской нации проводит тюрко-мусульманскую линию в родословной золотоордынских ханов. «Талфик ал-ахбар» определенно представляет интерес для изучения истории татарского народа, также как и исторические книги Ш. Марджани. К сожалению, до сих пор, несмотря на большое количество исследований, эти книги, написанные на лите-

³ Мунеджимбаш Ахмед Деде. См. [7].

⁴ Сочинение Хаджи Халифы «Кашф аз-зунун» высоко оценено как на Востоке, так и на Западе. Впервые это произведение было издано в 7 томах в середине XIX века в Германии (Лейпциг) под редакцией Г. Флюгеля, в 1941 году переиздано в Турции (Анкара).

⁵ Мирхонд (полное имя – Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуд) (1433–1498) – историк, один из представителей школы придворных историографов, существовавшей при дворах Тимуридов. Мирхонд жил в Герате при дворе Тимурида Султана Хусейна Байкары. По предложению известного поэта Алишера Навои Мирхонд начал работу по составлению обширной всеобщей истории под названием «'Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа'».

ратурном арабском языке, не переведены и не могут быть доступны широкому кругу отечественных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Казань, 2014. 420 с.
2. *Гараева Н.Г.* Традиции татарской историографии XIX века и «Талфик ал-ахбар...» М.Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли. Казань, 1985. С. 84–96.
3. *Губайдуллин Г.* Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926. С. 49.
4. *Зайнулдин Д.Р.* Сведения Изз ад-дина Ибн Шаддада о Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. Казань, 2012. С. 13–20.
5. *Зайцев И.В.* Мурад Рамзи и Арминий Вамбери // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2001. № 3(4)
6. *Каримуллин А.Г.* Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. 320 с.
7. *Миргалеев И.М.* «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. 2010. С. 31–35.
8. *Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака-и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар. Бейрут, 2002. Т. 1. 738 с.
9. *Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака-и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар. Оренбург, 1908. Т.1. 744 с.
10. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1 Извлечения из арабских источников. СПб., 1884. 564 с.
11. *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981. 187 с.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельяновна Сайфетдинова – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); adulya2@yandex.ru

Source Base for Murad al-Ramzi's Writing “Talfik al-ahbar va talkih al-asar fi vakai Kazan va Bulgar vamulukat-tatar” (Golden Horde Period)

E.G. Sayfedinova
(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article analyzes the historical writings of Murad al-Ramzi “Talfik al-akhbar wa talkikh al-asar fi vakai Kazan va Bulgar vamulukat-tatar” (“Tidings and Information on Events in Kazan and Bolghar and about Tatar Tsars”), which first edition was made in 1908 in Orenburg. The book is written in Arabic and consists of two volumes. Several articles have been dedicated to the personality of Muhammad Murad al-Ramzi (1855–1934). However, his personality has not been studied locally, and all the more so his writing “Talfik a-akhbar” has not yet been translated into Russian or Tatar. In particular, in the first volume he considers the Golden Horde history. In his work, he uses a variety of sources. So, although in his description of the Golden Horde history he mainly uses the medieval Arab sources, he also draws information from the works of Persian, Ottoman, Russian and Tatar writers. Al-Ramzi not only retells the information of medieval authors on the Golden Horde, but also analyzes it. Despite the fact that most of the sources, which he used, are already known, his retellings both of the Mirkhond’s history and compositions of Mogultay and Munajim-bashi can be useful for modern scholars, since they have not yet been translated into Russian and therefore they are not used in the current studies. Until now, the importance of “Talfik a-akhbar” declined slightly due to the insufficient number of experts with knowledge of the Arabic language. Certainly “Talfik a-akhbar” is important for the study of the Tatar people’s history along with the historical books of Sh. Marjani. Unfortunately, despite the large number of studies, these books written in literary Arabic has not yet been translated and remain inaccessible for domestic researchers.

Keywords: Murad al-Ramzi, “Talfik a-akhbar”, Arabic sources, Golden Horde history.

REFERENCES

1. *Abdulgaaffar Kyrymi*. *Umdet al-ahbar. Kniga 1: Transkripcija, facsimile* [Umdet al-Akhbar. Book 1: Transcription, Fascimile]. Kazan', 2014. 420 p.

2. Garaeva N.G. Tradicii tatarskoj istoriografii XIX veka i «Talfik al-ahbar...» M. Ramzi [Traditions of the Tatar Historiography of the 19th century and “Talfik al-Akhbar ...” by M. Ramzi]. *Problema preemstvennosti v tatarskoj obshhestvennoj mysli* [The Problem of Continuity of the Tatar Public Thought]. Kazan', 1985, pp. 84–96.
3. Gubaydullin G. Razvitie istoricheskoi literatury u tjurko-tatarskikh narodov [Development of Historical Literature among the Turko-Tatar Peoples]. *Pervyj vsesojuz-nyj tjurkologicheskij s"ezd* [The First All-Union Turkological Congress]. Baku, 1926, p. 49.
4. Zajnuddinov D.R. Svedeniya Izz ad-dina Ibn Shaddada o Zolotoj Orde [Iz ad-Din Ibn Shaddad's (613 y.h./1217 – 684 y.h./1285) Information about the Golden Horde]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde Civilization]. Kazan', 2012. Vyp. 5, pp. 13–20.
5. Zajcev I.V. Murad Ramzi i Arminij Vamberi [Murad Ramzi and Arminij Vamberi]. *Gasyrlar avazy–Jeho vekov* [The Echo of the Ages]. 2001. № 3(4).
6. Karimullin A.G. *Tatarskaja kniga nachala XX veka* [Tatar Book of the beginning of the 20th century]. Kazan', 1974. 320 p.
7. Mirgaleev I.M. «Dzhamiad-Duvjel'» Munedzhimbashi Ahmeda dede: k voprosu ob izuchenii turekikh istochnikov po istorii Zolotoj Ordy [“Djami al-duval” by Munedjimbashi Ahmed Dede: About Question of Studying Turkish Sources on the Golden Horde History]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde Civilization]. Vyp. 3. 2010, pp. 31–35.
8. Ramzi M. *Talfik al-akhbar va talkikh al-asar fi vaka-i Kazan va Bulgar va muluk at-Tatar*. Bejrut, 2002. T. 1. 738 p.
9. Ramzi M. *Talfik al-akhbar va talkikh al-asar fi vaka-i Kazan va Bulgar va muluk at-Tatar*. Orenburg, 1908. T.1. 744 p.
10. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. T.1 Izvlechenija iz arabskikh istochnikov* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from Arab Sources]. St. Petersburg, 1884. 564 p.
11. Jusupov M.H. *Shigabutdin Mardzhani kak istorik* [Shigabutdin Marjani as a Historian]. Kazan', 1981. 187 p.

About the author: Elmira Gadelzyanovna Sayfedinova – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); adulya2@yandex.ru

Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди

Т.А. Акеров

(Институт этнологии

Международного университета Кыргызстана)

В данной статье автор анализирует сведения эпоса «Манас», приведенного в книге «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди XVI в., основываясь на новый и полный перевод источника на кыргызский язык. В работе автор приходит к выводу, что «Манас» С. Ахсикенди является самой древней его версией и никак не может представлять отрывок великого кыргызского сказания, как об этом утверждали раньше.

В версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди в основном охвачены исторические процессы IX–XVI вв. и отражены события, рассказанные Рашид ад-Дином, А. Джувейни, М. ибн Вали, Утемиш-хаджи, Абул Гази и другими о построении Чингиз-ханом Монгольской империи, его походе и захвате Средней Азии, формировании чингизидами государств Золотой Орды и Моголистана.

В статье анализируются разделы и сюжеты «Манаса», имевшие отношение к этнополитическим связям кeraitов и монголов в эпоху Чингиз хана; историческим, миграционным процессам и событиям, связанными с кыргызами и их союзниками кeraitами, канглами, кыпчаками, моголами в Золотой Орде и Моголистане в XIV–XIV вв.; союзническим отношениям Токтамыш хана с моголистанскими князьями Инга Торе, Камар ад-Дином с одной стороны, Токтамыш хана с племенным союзом аз-ширинов, кыпчаков, аргынов, бахринов и кыргызов с другой.

В статье автор попытался обозначить место и роль Золотой Орды, Моголистана, кeraitов, канглы, улусов Инга Торе и Салучи Булгачи в консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане в монгольский период.

Естественно, невозможно рассмотреть все стороны исторических, этнополитических, миграционных процессов, имевших отношение к истории Золотой Орды, Моголистана, кыргызов и других кочевых племен в рамках одной статьи. Однако, поднятые проблемы в данной статье могут стать предметом дискуссии в научной литературе и вызвать интерес к древнему эпическому произведению кыргызов, которое вполне достойно называться исторической эпопеей древних номадов Центральной Азии.

Ключевые слова: «Маджму ат-таварих», эпос, «Манас», Онг-хан, Золотая Орда, Токтамыш-хан, Инга Торе, кeraitы, кыргызы, племя, народ, миграция, консолидация, улус, Тянь-Шань.

Несмотря на полуполюгендарный и полуполюфантастический характер рассказа и напластований фактов и исторических событий, с первых дней обнаружения источника «Маджму ат-таварих», сведения С. Ахсикенди вызвали бурную дискуссию среди специалистов.

В.А. Ромодин, В.В. Бартольд считали его одним из ценных источников по изучению истории кыргызов и эпоса «Манас» [7]. О. Караев о ней писал: «Наряду с религиозными и фантастическими легендами, в рукописи приведены и описываются события и факты, имевшие место в IX–XVI веках. Есть сообщения о родоплеменных названиях кыргызов, а также их предводителей. Помимо этого повествуется о Манасе и его союзниках, выступавших против калмакских завоевателей. События, связанные с Манасом, разворачиваются на землях Тянь-Шаня, Жети-Суу и просторах Средней Азии. В рукописном источнике «Маджму-ат-таварих» нет фантастических сюжетов, подобных полету богатыря Манаса в облаках на крылатом коне. Манас, как и другие исторические деятели, изображен участником боевых сражений. В рукописи говорится о Манасе как об историческом лице» [6, с. 32–33].

В 1973 году В.А. Ромодин частично перевел сочинение «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди на русский язык. Им были переведены лишь отдельные эпизоды эпоса «Манас», где описывалась деятельность имама Ибрахима, рассказы о генеалогии кыргызских, кыпчакских племен и князя Инга Торе [7].

В 1996 году сочинение «Маджму ат-таварих» было полностью переведено на кыргызский язык известными знатоками фарси О. Соороновым и Молдо Сабыр Досболовым [1] Благодаря чему кыргызским ученым представилась возможность ознакомиться с полным содержанием «Маджму ат-таварих». В результате выяснилось, что в данном памятнике содержится не отрывки

из кыргызского сказания, как ранее полагали [8], а наоборот одна из древних версий эпоса «Манас», рассказывавшая хоть и с напластованием об истории кыргыз в средние века [2]. Соответственно это повысило актуальность проблемы, поставило перед наукой новые задачи, требования к источнику с последующим тщательным научным изучением его содержания.

Версия эпоса «Манас» записанная С. Ахсикенди по своему содержанию, охвату исторических событий, является оригинальным вариантом кыргызского сказания. В ней рассказывается, хотя и в эпической форме об отдельных периодах, отраженных также в средневековых исторических источниках. Особенно ярко освящены события монгольского периода. В источнике обнаруживается подтверждение сведений анонимного автора сочинения «Худуд ал-Алам» [10] о миграции кыргызов на Алтай и Тянь-Шань в эпоху Кыргызского каганата. Достаточно полно отражены события, рассказанные Рашид ад-дином [3, с. 40–88], Джувейни [3, с. 10–22], Махмудом ибн Вали [3, с. 622–641; 11, с. 108–109] и Утемиш-хаджи [9] и другими о построении Чингиз-ханом Монгольской империи, его походе и захвате Средней Азии, формировании государств Золотой Орды и Моголистана чингизидами. Складывается впечатление, что сказитель версии «Манаса» хорошо был осведомлен содержанием средневековых источников. В связи с чем его «Манас» больше напоминает форму книжного изложения сведений средневекового источника, представляя рассказ о монгольских завоеваниях в Средней Азии, о событиях в Золотой Орде и Моголистане, а также кочевых племен кыргызов, кыпчаков, керейтов, монголов, моголов в каракитайскую и монгольскую эпохи.

Версия эпоса «Манас» С. Ахсикенди в основном охватывает события IX–XVI вв. и состоит из множества мелких рассказов об исторических личностях, ханах, принцах, князьях, о событиях в Золотой Орде и Моголистане с участием кыргызов, кыпчаков, керейтов, моголов, которые находят подтверждения данными других исторических источников. Ниже мы попытались отобрать и привести отдельные рассказы и сюжеты, которые составляют основу версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди, представляющую одну из древних версий великого сказания.

В первом рассказе говорится о формировании Чингиз-ханом и его другом Онг-ханом Монгольского государства, о войнах Чингиз-хана и Онг-хана с Буйрук-ханом найманским. Согласно С. Ахсикенди Чингиз-хан и его друг Онг-хан керейтский совместными усилиями сформировали Монгольское государство. Во втором рассказе говорится об отношении Чингиз-хана с Джамухой, уничтожении государства Таян-хана найманского, провозглашении Чингиз-хана владыкой всех монгольских племен. Третий рассказ о дружбе Чингиз-хана с владыкой моголистанского племени онгутов Алугуш-дегином. Четвертый является одним из основных разделов эпоса «Манас». Он целиком посвящен походу Чингиз-хана и Онг-хана керейтского в Среднюю Азию. Онг-хан руководил правым и левым крылом его войска, а сыновья Чингиз-хана Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй принимали активное участие в захвате городов Средней Азии. По мнению Чингиз-хана, род Онг-хана происходил из потомственных царей, за что он заслуживал уважение. В источнике Онг-хан представлен как выходец из благородного племени «кара йетти» (могущественный род семь), что указывало на родство керейтов с аристократическим родом енисейских кыргызов эди или иди (семь) [11, с. 108–109]. После захвата Бухары, Чингиз-хан за большие услуги дарит Онг-хану Ташкент. В сказании Онг-хан представлен выходцем из страны Адыл (Итил), где ранее находились сначала земли печенегов, потом керейтов, а после Золотой Орды. По преданию, после смерти Онг-хана приемником хана стал его «сын» Токтамыш-хан. Царство было разделено между Токтамыш-ханом и Инга Торе, которые в сказании представлены как двоюродные братья. Первый правил в Золотой Орде, а второй в Моголистане [1, с. 35–82].

Отсюда, мы полагаем, что данный сюжет с одной стороны как бы подтверждает участие в походе Чингиз-хана в Среднюю Азию керейтов и кыргызов, с другой стороны дополняет данные дошедшие до нас исторических источников и генеалогических преданий о керейтах, потомках Онг-хана и кыргызах. Тождество этнонимов «кара йетти» и «иди» не только указывает на родство керейтов и енисейских кыргызов но и на то, что в «Манасе» С. Ахсикенди сохранилось истинное имя керейтов, значение которого рассказывалось в разных версиях генеалогических преданий о них, где указывалось об их происхождении от семи черных братьев или от черного барана и т.д.

Отметим, что сюжет о походе Чингиз-хана и Онг-хана в Бухару занимает центральное место в сочинении С. Ахсикенди. Онг-хан, который в действительности умер еще задолго до похода Чингиз-хана на Среднюю Азию, представлен в качестве родоначальника тюрко-монгольских племен. Очевидно, чрезмерное возвышение его роли было связано в первую очередь с этническим

возрождением тюрко-монгольских племен, входивших в состав Монгольской империи. После захвата Бухары и Самарканда Чингиз-хан разделил свою империю между своими четырьмя сыновьями. В связи с этим тюрко-монгольские племена были разделены между улусами чингизидов, а керейты, служа верой и правдой Чингиз-хану, смогли сформировать свое владение Тайбуга на Алтае. Следовательно, тюркские племена кыргызы, кыпчаки, канглы, керейты Саяно-Алтайского края и Тянь-Шаня с помощью имени Онг-хана, пытались возродиться, обосновать свое благородное происхождение, чтобы быть полноправными подданными в новых владениях и государствах чингизидов Центральной Азии.

В пятом рассказе говорится об отношении Онг-хана и сына Каркыры Джакыпбека, правителя кыргызов. Онг-хан постоянно оказывал поддержку и помощь молодому Джакыпбеку, правителю владения Каркыра¹. Центр его владения находился в Кара Кыштаке в долине р. Таласе. Однажды, калмыки во главе с Чунча напали и захватили его резиденцию Кара Кыштак. Онг-хан оказывал помощь Джакыпбеку, выделив 10 тысяч могольского войска, но оно было разбито. Тогда Онг-хан лично выступил против калмыков, выдворил их из Каркыры и вновь возвратил Джакыпбеку его ставку Кара Кыштак. После, он возвращается к себе в Ташкент. Далее говорится, что от Чунчи калмыка родился Жолой, от Джакыпбека родился Манас, а от Онг-хана Токтамыш-хан, а от Халоку (Алооке) – Абакган [1, с. 35–45].

С. Ахсикенди рассказывает о совместном походе Токтамыш-хана и Инга Торе и их борьбу за Тянь-Шань и Ферганскую долину с калмыками. Основные боевые действия проходили в долине р. Талас. В источнике также говорится о том, что Токтамыш-хан, объединив военные отряды владений Бахрин и Каркыра, из Кулана продвинулся через верховья Таласа на место битвы [1, с. 44, 45, 46, 47, 68, 69].

Шестой раздел посвящен истории Золотой Орды и Моголистана, где по эпосу правили потомки Онг-хана керейтского Токтамыш-хан и Инга Торе, которые выступали как продолжатели дел своих великих предков Чингиз-хана и Онг-хана. В исторических источниках отмечается важная роль керейтов и канглы в политической жизни Моголистана. Махмуд Чурас информировал, что если же могольское войско шло на север или на запад, то право идти впереди войска принадлежало эмирам правой руки. Место на краю правой руки распределялось между эмирами (рода) чурас, народа тухтуй и главой керейтов. Такие же привилегии были у племени канглы-бекчиков. Чурасы постоянно оспаривали у канглы-бекчиков право идти на краю, как на охоте, так и во время военных действий [4, с. 439].

В седьмом рассказе описывается период дворцовых интриг в Золотой Орде. С. Ахсикенди рассказывает об участии и роли племен союза аз-ширин, кыпчак, бахрин, кыргызов в появлении на политической арене Токтамыш-хана. По С. Ахсикенди Токтамыш хан, моголистанский князь Инга Торе, Салучи-Булгачи, кыпчаки области Джете, бахрины, указаны как верные союзники Манаса кыргызов, а золотоордынские ханы и князья Пулад-хан, мангыт Йамгурчи, Сарай Мамай – в качестве их главных противников. Решающее сражение сторон происходит в Яике, т.е. на Урале [1, с. 52–54]. Манас выходит на поединок с Пуладом и ранит его. Во втором поединке Манас ранит Жолая, а его союзник Темиркожо (Айкожо) сразил копьем Пулада, а затем отрубил ему голову. Союзники, одержав победу, возвратились в свою резиденцию – город Манассию [1, с. 52–54]. Вышеприведенный сюжет эпоса отражает события, рассказанные Ибн Вали о походе Пулад-хана во владения мятежных кыргызских племен в 1407 году, живших рядом с бахринами. Разбив их силы, хан, поручил охранять пределы границ с кыргызами баринам (бахринам) [5, с. 108–109].

В восьмом рассказе описывается борьба Токтамыш-хана и его союзников моголистанского князя Инга Торе, кыргызского правителей Манаса, Салучи Булгачи, Ак Тимур Кыпчака, Ульмас Кулана кыпчакских, бахринских князей и других за Моголистан с могольскими князьями Камар ад-дином и Ильяс Кожо [1, с. 46–83].

Как известно, в 1203 году керейты, а в 1206 году енисейские кыргызы были покорены Чингиз-ханом. В 1218 году Чингиз-хан уничтожив найман, организовал поход в Среднюю Азию, в котором участвовали и керейты с кыргызами. В 1218 году кыргызы поддержали туматов и мятежного принца найманов Кучлука, восстав против монголов. Джучи-хану пришлось заново их покорять. В последующем мы знаем, что например, по китайским источникам алтайские земли

¹ «Худуд ал-Алам» сообщает, что область Каркар (а) хан принадлежит «... кимакам и жители ее напоминают по своим обычаям кыргызов» [2, с. 50].

Золотой Орды назывались областью Кыргыз. Признание кыргызами власти ханов Золотой Орды, особенно Токтамыш-хана отражает реальные события времен противостояния Токтамыш-хана с Аксак Тимуром, когда моголы выступали на стороне хана Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксикенди Сайф ад-Дин. «Тарыхтардын жыйнагы» (Мажму атут таворих) [Текст] // «Акыл» / Под ред. М. Досболова, О. Сороонова. Бишкек, 1996. 126 с.
2. Акеров Т. А. Кыргыз: этногенез и история [Текст]. Бишкек, 2014. С. 356.
3. Джуманалиев Т.Д. Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана (XIII–XVIII вв.) [Текст]. Бишкек, 2007. Т. 2. 704 с.
4. Джуманалиев Т.Д. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья с древности и до конца XVII века [Текст]. Бишкек, 2007. 548 с.
5. История кыргызов и Кыргызстана [Текст]. Бишкек, 2000.
6. Караев О.К. Ранние сообщения о Манасе. Оригинальная версия. [Текст] // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». Бишкек, 1995. С. 32–33.
7. Материалы по истории киргизов и Киргизии [Текст] / под ред. В.А. Ромодина. М., 1973. Вып.1. 283 с.
8. Материалы по истории киргизов и Киргизии [Текст]. Бишкек, 2002. Ч. I. 315 с.
9. Утемиш-Хаджа. Чингиз-наме [Текст]. Алма-Ата: Гылым, 1992. 298 с.
10. Худуд ал-Алам». Рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. [Текст]. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
11. Худяков Ю.С. Кыргыз на просторах Азии [Текст]. Бишкек, 1995. 188 с.

Сведения об авторе: Табылды Абдраманович Акеров – директор Института этнологии Международного университета Кыргызстана, кандидат исторических наук (720001, пр. Чуй, 255 (ул. Турусбекова, 89), Бишкек, Кыргызстан); akttar@mail.ru

The Golden Horde in the Legendary Work “Majmu al-Tawarikh” by S. Akhsikendi

T.A. Akerov

(Institute of Ethnology, International University of Kyrgyzstan)

The author analyses the data from the version of the “Manas” epic contained in the book “Majmu al-tawarikh” by S. Akhsikendi of the 16th century based on the new complete translation of the source in the Kyrgyz language. The author concludes that the S. Akhsikendi’s version of “Manas” represents the oldest one, so it cannot be an extract of the great Kyrgyz epic, as it has been asserted before.

Basically, the S. Akhsikendi’s version of “Manas” displays historical processes of the 9th–16th centuries and the events described by Rashid al-Din, Juvayni, M. Ibn Wali, Ötemish Hajji, Abul Ghazi and other authors: creation of the Mongol Empire by Chinggis Khan, his campaign and seizure of Central Asia, formation of the Chinggisid states of the Golden Horde and Mogolistan.

The article analyzes the topics and themes of “Manas” related to: ethno-political relations of the Keraites and Mongols during the era of Chinggis Khan; historical and migration processes as well as events related to the Kyrgyz and their allies – the Keraites, Kangly, Kipchaks, Moguls in the Golden Horde and Mogolistan in the 13th–14th centuries; allied relations of khan Tokhtamish with the Mogolistan princes Inga Tore and Qamar al-Din on the one hand, and his relations with a tribal alliance of az-Shirins, Kipchaks, Argyns, Bakhrins and Kyrgyz on the other side.

The author of this article tried to determine the place and role of the Golden Horde, Mogolistan, Keraites, Kangly, uluses of Inga Tore and Saluchi Bulgachi in the consolidation of Kyrgyz tribes in the Tien Shan during the Mongol period.

Of course, it is impossible to examine all aspects of historical, ethno-political and migration processes related to the history of the Golden Horde, Mogolistan, Kyrgyz and other nomadic tribes in the frames of one article. However, the problems discussed herein may become the subject of debate in the academic literature and arouse interest in the ancient epic works of the Kyrgyz worthy to be called a historical epic of ancient nomads of Central Asia.

Keywords: “Majmu al-tawarikh”, epic, “Manas”, Ong Khan, Golden Horde, Toktamish khan, Inga Tore, Keraites, Kyrgyz, tribe, people, migration, consolidation, ulus, Tien Shan.

REFERENCES

1. Ahsikendi Sajf al-Din. «*Taryhtardyn zhyjnagy*» (*Mazhmu atut tavorih*). «Акыл», (pod red. M. Dosbolova, O. Soroonova). Bishkek, 1996. 126 p.
2. Akerov T.A. *Kyrgyzy: jetnogenez i istorija* [The Kyrgyz: Ehnogenesis and History]. Bishkek, 2014. 356 p.
3. Dzhumanaliev T.D. *Hrestomatija po srednevekovoj istorii Kyrgyzstana (XIII–XVIII vv.)* [Readings in Medieval History of Kyrgyzstan (13th–18th centuries)]. Bishkek, 2007. Vol. 2. 704 p.
4. Dzhumanaliev T.D. *Ocherki politicheskoj istorii kochevnikov Pritjan'shan'ja s drevnosti i do konca XVII veka* [Essays on the Political History of the Prityanshane Nomads from Ancient Times to the end of the 17th century]. Bishkek, 2007. 548 p.
5. *Istorija kyrgyzov i Kyrgyzstana* [History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Bishkek, 2000.
6. Karaev O.K. Rannie soobshhenija o Manase. Original'naja versija [Early Reports about Manas. Original version]. *Jepos «Manas» kak istoriko-jetnograficheskoj istochnik. Tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvjashhennogo 1000-letiju jeposa «Manas»* [The Epic "Manas" as a Historical and Ethnographic Source. Abstracts of the International Research Symposium dedicated to the 1000th Anniversary of the Epic "Manas"]. Bishkek, 1995, pp. 32–33.
7. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan] (pod red. V. A. Romodina). Moscow, 1973. Is.1. 283 p.
8. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Bishkek, 2002. Ch. I. 315 p.
9. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Alma-Ata: «Gylym», 1992. 298 p.
10. Hudum al-Alam. *Rukopis' Tumanskogo* [The Tumansky Manuscript]. S vvedeniem i ukazatelem V. Bartol'da. Leningrad: AN SSSR Publ., 1930.
11. Hudjakov Ju.S. *Kyrgyzy na prostrorah Azii* [The Kyrgyz in the Asian Expanse]. Bishkek, 1995. 188 p.

About the author: Tabyldy Abdramanovich Akerov – Head of the Institute of Ethnology, International University of Kyrgyzstan, Cand. Sci. (History) (720001, Chui ave., 255 (Turusbekov st., 89), Bishkek, Kyrgyzstan); akttar@mail.ru

УДК 001: 930-057.4

Крымоведение и крымоведы в научной судьбе академика А.Н. Самойловича

А.А. Непомнящий

(Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского)

На основе неизвестных документов Архива Академии наук, Российского этнографического музея и других архивохранилищ восстановлен вклад в организацию научного крымоведения лидера советского довоенного востоковедения Александра Николаевича Самойловича (1880–1938). Проанализирована экспедиционная деятельность ученого по программе Музея императора Александра III, положившая начало формированию крымско-татарской коллекции Российского этнографического музея. Значительный массив информации о крымских научных «скитаниях» А. Н. Самойловича содержат его письма к московскому востоковеду Владимиру Александровичу Гордлевскому, сохранившиеся в личном архивном фонде последнего. Воссоздан перечень крымских деятелей, которые контактировали и сотрудничали с А. Н. Самойловичем в различные этапы его деятельности. Прослежена его непростая судьба, непосредственно связанная с волной террора на полуострове. Богатейшее научное наследие А. Н. Самойловича, в том числе и рукописные труды, представляют огромный интерес для современных исследователей края. Ведь заслуги Александра Николаевича в области тюркологии признаны как отечественными, так и зарубежными исследователями. К сожалению, часть его сочинений остается неизвестной для научной общественности, т. к. рукописное наследие ученого до сих пор полностью не собрано и не изучено.

Ключевые слова: А. Н. Самойлович, крымоведение, востоковедение, биобиблиография.

До последнего времени [21] оставалось малоизвестным научное наследие в области изучения истории и этнографии народов Крыма выдающегося отечественного тюрколога Александра Николаевича Самойловича (1880–1938). Для воссоздания полной биографической канвы и истории крымоведческих штудий востоковеда мы располагаем обширным рукописным собранием двух его личных архивных фондов, которые отложились соответственно в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [29] и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [73]. Первый фонд (конфискованные чекистами при аресте академика бумаги, которые впоследствии были переданы в архив) является более репрезентативным и содержит кроме рукописей трудов и эпистолярия непосредственно биографические документы (анкеты, свидетельства, удостоверения). Дополнительные биобиблиографические материалы А. Н. Самойловича выявлены нами в фонде Всеукраинской академии наук: заполненная им анкета для членов Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (1928 г.) [14] и письмо А. Н. Самойловича в правление Киевского филиала Всеукраинской научной ассоциации востоковедения, написанное 2 марта 1928 года с благодарностью в адрес Историко-этнографического отдела за избрание его членом-корреспондентом [15]. Особенный интерес представляет и неопубликованная работа Василия Владимировича Бартольда (1869–1930) «Научная деятельность А. Н. Самойловича в 1902–1927 гг.» [70]. Значительный массив информации о крымских научных «скитаниях» А. Н. Самойловича содержат его письма к московскому востоковеду Владимиру Александровичу Гордлевскому, сохранившиеся в личном архивном фонде последнего.

А. Н. Самойлович родился 17 декабря 1880 года в городе Нижний Новгород, в семье директора гимназии. По окончании с серебряной медалью Нижегородского дворянского института, который приравнивался к классической гимназии, юноша поступил на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по арабско-персидско-турецкому разряду. В это время на факультете работали видные ученые, чьи научные интересы, помимо прочего, были непосредственно связаны с изучением Крыма: В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. Д. Смирнов. Так, уже в студенческие годы крымская ориенталистика попала в поле внимания Александра Николаевича [27; 30]. Он был любимым учеником известного русского языковеда-тюрколога Платона Михайловича Мелиоранского (1868–1906). После его кончины А. Н. Самойлович, благодаря протекции В. В. Бартольда, стал также учеником известного тюрколога, этнографа В. В. Радлова. В письме к А. Н. Самойловичу от 17

сентября 1906 года В. В. Бартольд сообщал: «В. В. Радлов в разговоре со мной, по собственной инициативе, выразил готовность, если Вам угодно, после Вашего возвращения заняться с Вами. Если бы Вы спросили моего совета, я рекомендовал бы Вам воспользоваться этим предложением. Отрицательные стороны взглядов В. В. Радлова [вероятно, имеются в виду взгляды В. В. Радлова на грамматику тюркских народов, не находившие поддержки у многих его современников из научных кругов – А. Н.] Вам хорошо известны и поэтому для Вас неопасны; по своему знанию языка и бытовых условий Средней Азии он и теперь, как в то время, когда он занимался с Мелиоранским и со мною, может быть полезен для всякого юного тюрколога» [10].

По окончании университетского курса А. Н. Самойлович был оставлен в качестве магистранта на кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к профессорскому званию. Свою научную деятельность он начал как туркменовед.

В этот период устанавливаются научные связи А. Н. Самойловича с будущим крупнейшим представителем московской школы тюркологов Владимиром Александровичем Гордлевским (1876–1956). В письме от 2 октября 1908 года А. Н. Самойлович сообщал ему:

«Я получил Ваше письмо как раз на другой день после беседы, которую имел с Н. Н. Мартиновичем на ту же тему, что мне весьма желательно завязать прочные связи с московскими тюркологами, для какой цели я склонен был бы прямо проехать в Москву. С большим удовольствием, значит, узнал из Вашего письма, что желания наши встретились, и известие о Вашем скором приезде в Петербург меня очень обрадовало» [9, с. 84].

С 1907 года в должности приват-доцента столичного университета А. Н. Самойлович преподавал турецкий язык и литературу, читал лекции по введению в тюрко-татарские языки, вел семинар по чтению орхоно-енисейских памятников. Темой своей магистерской диссертации исследователь избрал туркменскую историческую поэму XIX века. Не согласимся, однако, с утверждением Н. Ф. Благовой, что в данный период ученого интересовала исключительно история среднеазиатско-тюркской литературы и история литературных языков [10, с. 84]. Уже в это время в кругу научных интересов молодого ориенталиста четко вырисовывается крымоведение. Причиной такого внимания к этнографии и истории полуострова стала географическая и языковая близость турецкой и крымскотатарской тематики.

В 1909 году на страницах популярного историко-этнографического журнала «Живая старина» А. Н. Самойлович опубликовал библиографические «Материалы для указателя литературы по загадкам турецких племен» [49]. Как известно, работа над любым указателем литературы требует многолетних штудий в данной области и свободного владения литературой. С 1910 (с 7 мая) до конца 1911 года Александр Николаевич направляется Русским музеем в Турцию «для научных исследований» [32].

В научной литературе об А. Н. Самойловиче сложилось стойкое и, добавим, искаженное представление, будто в начале XX века исследователь как этнограф занимался только изучением узбеков [1]. А между тем именно с 1910 по 1915 год он состоял секретарем Отделения этнографии Русского географического общества, принимал участие в редактировании печатного органа этой научной организации – журнала «Живая старина», был членом Сказочной комиссии Отделения и секретарем Комиссии по составлению этнографической карты России. Ученый входил в состав отделов этой Комиссии по языку, по жилищам и постройкам, по хозяйственному быту, по одежде и украшениям, по народному искусству [13]. Таковы – столь разнообразны и пока неустоявшиеся – были в этот период научные интересы А. Н. Самойловича.

Одной из первых работ ученого, непосредственно связанных с крымским фольклором, стала публикация им крымскотатарской песни про Порт-Артур [47], известной также и среди караимов Крыма. Песня была сообщена А. Н. Самойловичу караимкой из Бахчисарая [72]. Текст песни этнограф поместил на языке оригинала. Он был составлен семислоговыми четверостишиями, соединенными общим припевом.

Увлечение крымскотатарской фонетикой, близкой турецкой, постепенно переросло в научный интерес. Когда у Александра Николаевича появилась потребность непосредственных поездок по краю, он воспользовался приглашением Таврического губернского земства в 1912 и 1913-м годах организовать курсы для крымско-татарских учителей [35].

Заметим, что А. Н. Самойлович гораздо более других тюркологов занимался полевыми исследованиями. Во время своих экспедиций он добывал новый материал – языковой, рукописный, фольклорный, этнографический, а затем посредством приемов высококвалифицированной обра-

ботки выявленные документы и собранные фольклорные памятники вводились им в научный оборот. Это соответствовало специфике того типа ученых-востоковедов, к числу которых принадлежал А. Н. Самойлович. Этот тип исследователей он сам характеризовал как ученых, у которых «научный интерес сочетается с любовью к странам и народам Востока» [42, с. 163].

Все свободное время в Крыму А. Н. Самойлович посвящал сборам материалов по программе Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Он записывал образцы караимского, крымскотатарского, крымчакского фольклора и изучал особенности этих языков. Увлеченный своим делом, ученый быстро устанавливал дружеские контакты с информаторами из числа крымских татар. Определенную роль играло и свободное владение им многими тюркскими языками. 22 октября 1912 года он писал Владимиру Александровичу Гордлевскому, что в Санкт-Петербурге у него «нет вовсе друзей, которых, наоборот, так скоро нахожу, втираясь в мусульманскую среду. Питерскую жизнь приходится скрашивать воспоминаниями о летних скитаниях, во время которых имеешь возможность жить сердцем» [9, с. 90].

В это время А. Н. Самойлович познакомился с организатором научного крымоведения Арсением Ивановичем Маркевичем, который ввел его в местную научную среду [20]. В 1912 году Александр Николаевич стал членом наиболее авторитетного в Крыму научного сообщества – Таврической ученой архивной комиссии. На ее заседаниях он неоднократно выступал с сообщениями о результатах своих исследований в Тавриде. Так, 19 мая 1912 года краевед познакомил крымских любителей истории и этнографии со своими соображениями о собрании татарских пословиц члена Комиссии Али Абдурефиевича Боданинского (1865–1920). Александр Николаевич вместе со своим учеником, студентом Санкт-Петербургского университета П. А. Фалёвым, взялся за научное редактирование собранного А. А. Боданинским материала. Из всей массы пословиц они выделили те, которые получили распространение именно на Крымском полуострове, и подготовили их к печати [23]. Затем сборник крымскотатарского фольклора был существенно дополнен пословицами, собранными членом ТУАК Османом Мурасовым. Интересный, но необработанный фольклорный материал О. Мурасова также редактировали А. Н. Самойлович и П. А. Фалёв. Сборник увидел свет в 1914 году [11].

В отчете о командировке в Крым 1912 года А. Н. Самойлович писал, что, воспользовавшись живым интересом А. А. Боданинского к этнографии своего народа, он ознакомил «интеллигентного крымского татарина» с приемами научной транскрипции памятников народной словесности и составил для него краткую программу этнографического изучения крымских татар. В ней особое внимание было обращено на всестороннее изучение цеховых организаций крымских татар в Бахчисарае и Карасубазаре и на необходимость составления подробного описания техники производства ремесел в этих городах.

В этом же году в Бахчисарае А. Н. Самойлович познакомился с представителями крымскотатарской интеллигенции, в том числе с выдающимся просветителем крымскотатарского народа, издателем-редактором газеты «Терджиман» (она выходила в Бахчисарае одновременно на русском и крымско-татарском языках, название означает «Переводчик») Исмаилом Гаспринским. И. Гаспринский подарил этнографу свои педагогические и историко-литературные труды. С этого времени и до смерти И. Гаспринского в 1914 году они переписывались – обменивались научной информацией, спорили о проблемах тюркологии [74]. Интересным для А. Н. Самойловича было знакомство с переводчиком Османом Нури-Асан-Оглу Акчокраклы (1879–1938), который в знак дружбы преподнес ему рукописный османский сборник и любезно позволил приобрести у него крымскотатарские и турецкие рукописи. Постоянным спутником А. Н. Самойловича в его поездках по Крыму был известный в крае земский учитель из Бахчисарая Ягья-эфенди Байбуртлы. Он собирал для ученого образцы народной словесности. В поездках в Карасубазар А. Н. Самойловича сопровождал преподаватель татарского языка Симферопольской татарской учительской школы А. Ч. Муфтизаде [67].

На страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» А. Н. Самойлович в эти годы опубликовал ряд сообщений, связанных с историей и этнографией крымских татар [39; 55; 61]. Основной темой, которой ученый занимался во время своих поездок и которая стала объектом описания в данных публикациях, – распределение диалектов крымских татар. А. Н. Самойловичу удалось собрать материалы, значительно уточняющие классификацию диалектов тюркских народов Крыма академика В. В. Радлова [26]. Когда последний после сравнительного исследова-

ния фонетики тюркских языков предложил свою классификацию, он обладал неизмеримо большим по сравнению с учеными предыдущего периода объемом сведений об этих языках и диалектах. Вместе с тем в его схеме около одной трети диалектов были отнесены к неисследованным или вообще оставлены без характеристики. Исследования В. В. Радлова, между тем, стали в тюркологии первым исчерпывающим для своего времени сравнительным описанием фонетики тюркских языков на базе значительного диалектологического материала с элементами историзма [19]. В говоре горных и степных крымских татар Крыма В. В. Радлов большое значение приписывал южно-тюркскому диалекту. По наблюдениям же А. Н. Самойловича, в Симферопольском уезде и в предгорных аулах преобладал северо-тюркский диалект. Это позволило исследователю значительно дополнить материалы, собранные В. В. Радловым во время его путешествия по Крыму в 1886 году, о чем Александр Николаевич сообщил в статье «О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов». Эта малоизвестная статья ориенталиста была опубликована в издании Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы [54].

Следующей задачей, которую ставил перед собой А. Н. Самойлович во время поездок по Крыму в 1912–1913 годах, являлся сбор материалов по народной словесности крымских татар и о цеховых мусульманских организациях. Главное внимание востоковед уделил фольклору степных уездов Крыма – наименее исследованному в этнографическом плане району, записал несколько ногайских песен. Собранный им материал о крымскотатарских ремесленниках, их внутренней организации, уставах цехов, праздниках был необходим исследователю для сопоставления с подобными организациями в Туркестане и Турции. Содержательный доклад ученого о результатах научной поездки был заслушан на заседании ТУАК 5 июня 1913 года. Он сообщил крымским краеведам, что, прежде всего, интересовался вопросом «о распределении диалектов крымских татар». Собранный материал позволил ученому сделать поправки к классификации, предложенной академиком В. В. Радловым. Систематизированные А. Н. Самойловичем сведения были, по его мнению, достаточными для составления карты мелких подговоров в Крыму.

Задачей своего ученого путешествия столичный тюрколог определил также и «собрание материалов по народной словесности», по причине слабой разработки этого вопроса. Этнограф записал ряд песен о переселении татар в Турцию, комических, колыбельных. Еще одним вопросом, которым занимался А. Н. Самойлович, было изучение цеховых мусульманских организаций в Бахчисарае и Карасубазаре. Учитывая, что в Турции такие организации уже распались, изучение их остатков в Крыму имело важнейшее значение для науки. Александр Николаевич заметил, что не успел сделать описание материальной стороны цеховых организаций (инструментов), и предложил заняться этим сюжетом «местным татарам». Докладчик познакомил собрание с уставом хлебопекарного цеха, сравнил его с другими подобными уставами (цехами кожевников, землевладельцев) в Крыму и Туркестане [25].

По мнению В. А. Гордлевского, именно А. Н. Самойлович, «наезжая в последние годы в Крым, поднял в Комиссии интерес к изучению этнографии, лингвистики и народной словесности крымских татар» [12].

Во время пребывания в Симферополе в 1912 и 1913 годах А. Н. Самойлович ознакомился с собранием восточных рукописей Таврической ученой архивной комиссии. В «Известиях» Комиссии он поместил подробное описание, анализ и перевод на русский язык крымскотатарской рукописи «Дестан-Эхвали-Крым» – песни о крымских событиях 1855–1856 годов, связанных с массовой эмиграцией крымских татар в Турцию в годы Крымской (Восточной) войны [60]. Подвергая критической оценке печатный вариант русской фонетической транскрипции этой песни, предложенный в 1910 году студентом Лазаревского института восточных языков в Москве А. А. Олесницким [24], А. Н. Самойлович проанализировал дестан со стороны правильности рифм и представил полный фонетический анализ песни.

Собранные предметы крымскотатарского быта и культуры были переданы А. Н. Самойловичем в Этнографический отдел Русского музея (сейчас – Российский этнографический музей) [17]. В 1919 году ученый, видимо, продал крымскотатарский кисет из личного собрания Музею антропологии и этнографии [16].

Интересуясь ходом изучения региона, А. Н. Самойлович, конечно, не пропускал новинок историко-краеведческой литературы о Крыме. На наиболее значимые он откликался заметками в научных изданиях. Так, анализируя первый выпуск сборника «По Крыму», изданного Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы, в частности, публикацию сотрудника Эт-

нографического отделения Русского музея императора Александра III М. Н. Дубровского «Жилище крымских горных татар», Александр Николаевич отметил, что в XX веке непреложной истиной для этнографа должно быть знание им языка изучаемого народа. Отсутствие этих знаний у М. Н. Дубровского привело к существенным недоработкам и неточностям. Интересны для истории развития исторического краеведения в Крыму замечания А. Н. Самойловича о развитии этнографии в крае, помещенные в этой статье. Он заметил: «Как известно, этнография в Крыму, этом природном этнографическом музее, до сих пор остается в загоне». В укор местным исследователям он поставил факт отсутствия в Крыму специализированного этнографического музея [63]. В рецензии на один из лучших путеводителей по Крыму, изданный в 1914 году Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы, А. Н. Самойлович выделил не совсем удачный очерк «Население», составленный В. Ф. Нейенкирхеном. Конкретные замечания, сделанные А. Н. Самойловичем по поводу неточностей в описании быта и культуры народов Крыма, свидетельствуют о хороших знаниях автором рецензии тонкостей крымской этнографии [64].

Работая в Петрограде, ученый не прерывал связей со своими корреспондентами в Крыму. Учитель бахчисарайской земской школы Ягья-эфенди Наджи Сулейманович Байбуртлы постоянно присылал ему записи образцов устного народного творчества крымских татар. А. Н. Самойлович оперативно откликнулся на наиболее оригинальные находки статьями в периодических изданиях. В публикации «Песни крымских татар во вторую Отечественную войну» [59] в русской фонетической транскрипции, согласно произношению крымских татар, этнограф представил две песни. Первая – о выступлении на войну бахчисарайского эскадрона Крымского конного полка, вторая – о высылке из Крыма на материк турецко-подданных крымских татар, признанных военнопленными.

По заданию и на средства Этнографического отдела Русского музея императора Александра III летом 1916 года А. Н. Самойлович совершил очередную этнографическую поездку в Крым. Наиболее полным достоверным источником об этом научном путешествии крымоведа является его отчет о поездке, представленный для руководства Русского музея императора Александра III. Документ выявлен нами в Научном архиве Российского этнографического музея (фонд Этнографического отдела Русского музея императора Александра III) [36, л. 10–36].

Полный маршрут его научного путешествия охватывал также Поволжье и Кавказ: Петроград – Ярославль – Кострома – Казань – Самара – Оренбург – Ташкент – Красноводск – Баку – Тифлис – Владикавказ – Крым. А. Н. Самойлович отмечал: «Мне не пришлось тратить время на то, чтобы сблизиться с населением и снискать его доверие, так как, помимо предуведомления в «Терджимане», я оказался известным населению по своей деятельности на курсах для татарских учителей в 1912 и 1913 года, устроенных земством» [36, л. 17]. А. Н. Самойлович выделил в отчете, что ему «всячески содействовали» в «организации намеченной этнографической поездки А. И. Маркевич, председатель Губернской земской управы Харченко и заведующий отделом народного образования Таврической губернской земской управы Л. С. Вагин».

Свои этнографические экскурсии Александр Николаевич неизменно совершал с Ягьей-эфенди Байбуртлы. До выезда в районы Евпаторийских и Перекопских степей ученый несколько дней провел в Бахчисарае, где общался с крымскотатарским художником-декоратором Усеином Абдурефиевичем Боданинским (1877–1938) и его братом этнографом Али Абдурефиевичем Боданинским, чей сборник пословиц А. Н. Самойлович редактировал ранее. Гость из Петрограда долго изучал собранную братьями Боданинскими коллекцию крымско-татарских рукописей [36, л. 18].

Во время поездки по степному Крыму А. Н. Самойлович составлял этнографические зарисовки и исторические справки о населявших полуостров народах, уделяя основное внимание особенностям быта и культуры крымских татар. Он сделал подробные описания характерных нюансов поведения, одежды, быта женщин Бахчисарая [36, л. 20–28]. В итоге были собраны материалы об именах крымских татар, их обычаях, нарядах, играх, а также записаны памятники устного народного творчества: пословицы, загадки, скороговорки, легенды и разновидности песен [36, л. 29]. Эти этнографические наблюдения представляют несомненный интерес для истории изучения Крыма.

С итогами своей этнографической экспедиции в Евпаторийский и Перекопский уезды в 1916 году А. Н. Самойлович познакомил членов Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, перед которыми он выступил с докладом «Об этнографическом изучении Крыма» [45]. Столичный ученый призвал активизировать работу по изучению народов Крыма, находившуюся, по его мнению, все еще «в зачаточном состоянии». «Моя кратковременная поездка по

крымской степи летом 1916 года, – писал позже А. Н. Самойлович, – убедил меня в том, что пора открытий еще не прошла для этого уголка нашего Отечества» [66].

Своим экспедициям А. Н. Самойлович, по выражению Игнатия Юлиановича Крачковского – «поездочный человек», придавал исключительное значение. Используя опыт, приобретенный во время работы на курсах крымскотатарских учителей, Александр Николаевич в 1916 году закончил подготовку учебника крымскотатарского языка. Именно полевые наблюдения и записи легли в основу изданного в 1916 году на средства Таврической земской управы в Петрограде «Опыта краткой крымско-татарской грамматики» [57]. Автор отметил отсутствие непреходящих граней между отдельными частями речи, подчеркнул их «текучий» характер. При описании грамматического строя крымскотатарского языка А. Н. Самойлович, придерживаясь строго грамматического принципа, дал оригинальную классификацию частей речи. Вопросы развития крымскотатарской морфологии были предметом занятий краеведа и в дальнейшем.

Уже признанный знаток народов Средней Азии и Крыма, Александр Николаевич со свойственной ему скромностью утверждал, что «не обладает никаким весом даже среди молодых наших востоковедов» [71, л. 14]. Нельзя не отметить, что творчество А. Н. Самойловича достаточно критично воспринимал известный крымовед-тюрколог, профессор столичного университета В. Д. Смирнов. Василий Дмитриевич дал отрицательный отзыв на диссертацию А. Н. Самойловича и отказался быть оппонентом (осень 1913 г.). 18 ноября 1914 года Александр Николаевич писал В. А. Гордлевскому: «28 марта я подал на факультет свою диссертацию, которой ни Вы, ни кто другой ни в Москве, ни где бы то ни было, кроме Петрограда и Парижа, еще не видел, – и вот только 22 ноября, т. е. через 8 месяцев, факультет заслушает отзыв о ней проф. В. Д. Смирнова и сделает соответствующее постановление. По слухам, отзыв будет «резко отрицательный». Эти слухи доходят до меня еще с начала сентября. Так разве это не дает права хоть на голове ходить?! Отзывы академиков Радлова, Залемана, Бартольда, Коковцева – совершенно обратные Смирнову. Так разве тут разберешь что-нибудь?» [9, с. 87].

Противостояние Смирнов – Самойлович можно объяснить принадлежностью этих ученых к разным научным школам. В работе «Труды, научные взгляды и заветы П. М. Мелиоранского», содержащей подготовительные материалы к некрологу П. М. Мелиоранского, А. Н. Самойлович четко размежевал две школы: «I. Школа Казем-бека: Березин, Смирнов, Катанов; II. Школа Бётлингга: 1) Ильминский, Мелиоранский, 2) Радлов» [31]. Однако негативное отношение В. Д. Смирнова к наработкам А. Н. Самойловича, его попытки опубликовать несколько критических материалов, скорее всего, следует трактовать как противостояние поколений – «юных ориенталистов» и «почтенных муаллимов».

В тревожном 1917 году А. Н. Самойлович традиционно совершил летнюю поездку в Крым, в Евпаторию. Он собирал тамги, вырезанные на могильных камнях, на старых татарских кладбищах [37]. Свои мысли о крымскотатарском этносе ученый изложил в написанной в этом же году статье «Несколько заметок о российских мусульманах», которая осталась неопубликованной [28]. Работа проникнута идеей интернационализма, равенства народов огромной страны. В Петрограде историк обрабатывал и материалы, связанные с крымско-татарскими ярлыками XVI–XVII веков [68].

В суровые 1918–1920 годы, не имея возможности предпринимать дальние поездки, ученый для сбора фольклорного материала тюркских народов пользовался своими знакомствами в Петрограде и Москве. В это время он продолжал публиковать записанные им ранее фольклорные памятники. В статье «Крымско-татарские скороговорки» [48] востоковед проанализировал два типа скороговорок. Первый – слова при быстрой речи невольно заменяются другими, причем замена обращала скороговорку в грубо неприличную. Второй – при быстром произношении язык совершенно заплетался и скороговорки становились произносимыми. Все варианты были записаны краеведом летом 1916 года со слов Яхгьи Байбуртлы и преподавателя бахчисарайского земского училища Джелила Меинова (1881–1938) в Бахчисарае, а также со слов степных татар в Евпаторийском уезде. Ученый считал важным «самый факт существования скороговорок. Наряду с некоторыми другими произведениями народной словесности скороговорки свидетельствуют о том, как далеко простирается наблюдательность непросвещенных народных масс, улавливающих и отмечающих такие явления, в данном случае – в области человеческой речи, которые становятся достоянием науки иногда лишь в весьма позднее время».

А. Н. Самойлович принял революционные изменения в стране и приложил все силы, чтобы найти свое место в новом обществе. Но все же он тяжело переживал разрушение досоветских ака-

демических традиций в науке. В письме к академику-востоковеду Василию Владимировичу Бартольд от 22 января 1921 года он сетовал на «невыносимо неинтересно сложившуюся» для него за последние годы жизнь в Петрограде [71, л. 16]. Характерно, что на 1919 и 1920 годы у А. Н. Самойловича приходится по одной публикации, в 1921-м – вообще ни одной печатной работы. А ведь в это время Александр Николаевич не мог пожаловаться на скуку. Он совмещал профессорскую деятельность в Петроградском университете, работу в Восточном отделе Генерального штаба с преподаванием в московском Институте восточных языков. Осенью 1920 года А. Н. Самойлович избирается проректором (а с 1922 г. – ректором) во вновь открытом в Петрограде Институте живых восточных языков, где он также преподавал турецкий и узбекский языки. С 1922 года ориенталист совмещал работу в петроградских вузах со службой в Народном комиссариате по иностранным делам в качестве консультанта отдела Востока. «Возможность живой деятельности» представилась ученому в Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской республиках, куда он был командирован Наркоминделом РСФСР с марта 1921 по январь 1922 года [3, с. 245].

Отметим, что при такой нагрузке в области организации науки и учебной работы у Александра Николаевича наблюдается непроходящий интерес к работам коллег в области крымоведения. Так, в обзоре «Востоковедение в Ленинграде», опубликованном в 1924 году, – характеристика результатов этнопалеологической экспедиции в Крым Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943) [41], в частности привезенной ученым для Этнографического отдела Русского музея коллекции крымско-татарских вещей.

Признанием заслуг ученого в области тюркологии стало избрание А. Н. Самойловича 6 февраля 1925 года членом-корреспондентом АН СССР по Отделению исторических наук и филологии [18, с. 1008]. В «Записке об ученых трудах А. Н. Самойловича» академики В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский и С. Ф. Ольденбург, рекомендуя коллегу Академии наук, отмечали, что «характерное свойство его работ – умение находить краткие и ясные формулы для обширных категорий фактов, всегда с точным указанием той сферы, на которую распространяется предлагаемое им обобщение» [8].

Таким образом, ученый практически безболезненно «вписался» в послеоктябрьскую тюркологию. В 20-е годы XX века Александр Николаевич принимал деятельное участие в обсуждении и решении проблем латинизации алфавита для тюркских языков, его унификации и упрощения. Особое внимание при этом он уделял разработке теоретических основ новой письменности и координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков. Являясь одним из инициаторов проведения Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (проходил с 25 февраля по 5 марта 1926 г.), А. Н. Самойлович предложил основные вопросы повестки дня съезда: о новом алфавите; о литературном языке для тюркских народов; о научной терминологии; об объединении усилий в деле становления и издания школьных пособий. Стенографический отчет съезда содержит его сообщение о диалектах в «обще-турецком языке», где А. Н. Самойлович поделился воспоминаниями о встречах и беседах с И. Гаспринским [53], а также доклад «Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков» [65].

В 20-е годы ученый опубликовал ряд крымоведческих работ, где наравне с этнографией и историей крымских татар рассматривалась этнография и история караимов и крымчаков [44; 50; 52; 56; 57]. С 12 января 1929 года А. Н. Самойлович – академик АН СССР по Отделению гуманитарных наук [18].

Чрезмерная научная нагрузка, тяжелые нравственные переживания ученого последних лет привели к заболеванию сердца и нервному расстройству. Во второй половине 20 – начале 30-х годов XX века Александр Николаевич сочетал напряженную научно-общественную деятельность с отдыхом в Кисловодске. Он справедливо считал, что ученые «не только ради самих себя, но и в интересах нашей работы должны устраивать перерывы не только для отдыха, но и для лечения, не дожидаясь момента, когда болезнь громко о себе заговорит» [71, л. 39].

Многочисленные исследования А. Н. Самойловича по истории литературных языков Крыма, основанные на использовании как памятников художественной литературы, так и официальных документов, попутно сформировали ценные наработки о различных аспектах истории средневекового Крыма [22]. Так, в 1932 году появилось его историческое исследование о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках [51]. Основным источником послужили ярлыки крымских ханов. Ученый доказал, что уже в XIV веке пчеловодство в Крыму не только существовало, но крымский мед пользовался известностью далеко за пределами полуострова (в частности, в Золотой Орде).

А. Н. Самойлович упомянул, что при изучении данного вопроса помощь ему оказали его давние знакомые – крымские коллеги-краеведы А. И. Маркевич и О. Н.-А. Акчокраклы.

Непосредственно с историческим краеведением Крыма связаны и написанные А. Н. Самойловичем биографические очерки об историках, занимавшихся изучением истории и этнографии полуострова, – И. Н. Березине, В. В. Радлове, В. Д. Смирнове [40; 6948, с. 161–172].

С 1930-го по 1933-й год А. Н. Самойлович являлся академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР. С начала 1934 года ученый возглавлял Институт востоковедения АН СССР [12, с. 8–27].

В 30-е годы XX века, занимая высокие ученые должности, Александр Николаевич находил время для переписки со своими друзьями-краеведами Крыма: жителем Карасубазара Н. Шейхом-Заде, который работал над изданием сборника крымскотатарских пословиц и поговорок [34], директором Крымского научно-исследовательского института языка и литературы А. Н. Батырмурзаевым, А. И. Маркевичем [33]. Арсений Иванович Маркевич отправил А. Н. Самойловичу для рецензии несколько своих последних исследований. Их судьба, как и местонахождение многих рукописей А. Н. Самойловича, остается неизвестной.

Постоянные научные контакты А. Н. Самойлович поддерживал и с выдающимся крымским тюркологом, директором Восточного музея в Ялте Якубом Меметовичем Якубом-Кемалем. При непосредственном участии ленинградского академика было подготовлено к изданию исследование Я. М. Якуба-Кемалю о тюрко-татарской рукописи XIV века «Нехджу-ль-Ферадис. Рукопись увидела свет уже после закрытия Восточного музея и увольнения Я. М. Якуба-Кемалю. С предисловием А. Н. Самойловича она была издана образованным позже Ялтинским объединенным музеем краеведения. Не исключено, что именно участие маститого ориенталиста в издании спасло книгу. Александр Николаевич отметил в предисловии, что уже многие годы связан совместной исследовательской работой и дружескими отношениями с крымскотатарской творческой интеллигенцией. Рукописные находки экспедиций Восточного музея, по его мнению, являлись «новым, блестящим доказательством успешного развития научной работы, производимой самими крымскими татарами в разных частях Крымской республики» [62]. Блестящий знаток тюркских средневековых литературных памятников, ученый отметил значение данного литературного памятника как исторического источника для изучения истории Крымского юрта Золотой Орды.

В 1934 году А. Н. Самойлович был одним из организаторов III Всекрымской языковой конференции. В духе времени он выступил на ней против искажений ленинско-сталинской национальной политики. «Конференция дала в своих решениях установку на единый в фонетико-морфологическом отношении литературный крымско-татарский язык и конкретизировала основные черты этого языка» [51], выступила за искоренение диалектов в языке.

19 октября 1934 года Арсений Иванович Маркевич писал по этому поводу в Киев Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко: «Сейчас здесь акад[емик] А. Н. Самойлович на конференции по выработке татарской орфографии и политической терминологии. Был у меня, но ничего важного из свидания с ним я не получил. Все имеет характер чего-то случайного, а не прочного» [75].

Одной из последних работ А. Н. Самойловича стал «Отзыв о научных трудах Н. К. Дмитриева», выявленный нами в личном архивном фонде Николая Константиновича.

Пик творческой и организаторской деятельности А. Н. Самойловича пришелся на время разгула сталинских репрессий в стране. В начале октября 1937 года Александр Николаевич был арестован по обвинению в пантюркизме и шпионаже в пользу Японии, создании контрреволюционной буржуазно-националистической организации, борющейся за отторжение национальных окраин от СССР и подчинение их влиянию японского империализма [6].

Даже в грозном 1937 году арест академика в СССР был событием экстраординарным. Это звание одно из немногих давало определенные гарантии. Набиравшие в стране все большие обороты великодержавные тенденции требовали укрепления такого института, как Академия наук. Безусловно, играла роль и международная известность ее членов. Иногда репрессивная машина уничтожала всю научную школу, созданную тем или иным академиком, а его самого не трогали. Именно так получилось с П. К. Коковцовым, Ф. И. Щербатским. К тому же арест академика требовал личного согласования с И. В. Сталиным. Известны случаи, когда вождь не давал санкцию на арест, считая того или иного ученого нужным для государства (например академиком В. И. Вернадского и Н. С. Курнакова, материалы по «Делу славистов» на которых уже были заведены) [7].

Сегодня можно лишь предполагать, почему был уничтожен именно Александр Николаевич Самойлович, не связанный ни с какими партийными оппозициями. Ходившие в академических кругах слухи о том, что он пострадал как дворянин и дальний потомок украинского гетмана, не имеют подтверждения в следственном деле. С ним удалось поработать в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации исследователю биографии А. Н. Самойловича кандидату филологических наук, языковеду-тюркологу Федору Дмитриевичу Ашнину (1922–2000). Да и людей дворянского происхождения среди академиков было немало. Более правдоподобным является «турецкий след» его ареста. Ведь А. Н. Самойлович поддерживал тесные связи с турецкими учеными и неоднократно посещал эту страну. Однако, как свидетельствуют опубликованные документы следственного дела А. Н. Самойловича, эти вопросы, хоть и были упомянуты следствием, занимают в нем периферийное место [7, с. 9–20]. К тому же в 1937 году советско-турецкие отношения оставались хорошими.

В обвинительных документах академик не случайно именуется «японским шпионом», а все его немногочисленные научные и личные связи с японскими коллегами выставлены на первый план. В августе-сентябре 1937 года была репрессирована большая группа сотрудников Института востоковедения АН СССР – специалистов по Японии, Китаю, Корее, Монголии, Тибету. Крупный масштаб развернутого дела против японской разведки требовал выявления руководителя «разветвленной агентурной сети», научных сотрудников, якобы работавших на Японию. При этом кандидатура директора Института подходила более всего.

Вот текст обвинительного заключения по следственному делу № 14242 по обвинению Самойловича Александра Николаевича по ст. 58–1 п. «а» и 58–8, 11 УК РСФСР:

«Самойлович А. Н., будучи студентом Факультета восточных языков Петербургского университета (1899–1903 гг.), познакомился с вольнослушателем того же университета японцем Уэда.

С 1906 г. Уэда был чиновником японского генконсульства в Петербурге, он использовал свою прежнюю связь с Самойловичем, обработал последнего и в 1907 году завербовал его в агентуру японской разведки. Самойлович, работая над изучением тюркских языков под влиянием пантюркистов Радлова и др., развивал идеи пантюркизма. Это использовал Уэда и дал ему задание проводить определенную работу в пользу японцев на идеологическом фронте.

Самойлович это задание выполнил.

После Октябрьской революции 1917 года Самойлович продолжал сотрудничать с японской разведкой, установил контрреволюционную шпионскую связь с резидентом японской разведки Воробьевым.

Совместно с Воробьевым Самойлович производил контрреволюционную работу по разрыванию буржуазно-националистического движения среди тюркских народов.

Всю научно-исследовательскую работу по изучению тюркских народов Самойлович организовал с целью подготовки кадров контрреволюционеров буржуазных националистов.

В 1935–36 гг. Самойлович создал контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию. Создавая эту организацию, он ставил задачу объединить все буржуазно-националистические элементы для организованной борьбы с существующим строем за отторжение национальных окраин от СССР и подчинения их влиянию японского империализма.

Для осуществления поставленных контрреволюционных задач одним из методов контрреволюционной организации был террор.

Самойлович также передавал японцам шпионские сведения.

Виновным себя признал.

На основании изложенного Самойлович Александр Николаевич, 1880 года рождения, уроженец гор. Горького, украинец, гражданин СССР, беспартийный, лингвист (востоковед), действительный член Академии наук СССР, обвиняется в том, что:

1. В 1907 г. был завербован в японскую разведку.
2. В царское время по заданию на идеологическом фронте проводил определенную работу в пользу японцев.
3. После Октябрьской революции 1917 года в своей научной деятельности воспитывал буржуазных националистов.
4. В 1935–36 гг. создал контрреволюционную буржуазно-националистическую террористическую организацию.
5. Передавал японцам шпионские сведения, т.е. участвовал в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58–1 п. «а» и 58–8, 11 УК РСФСР.

В соответствии с изложенным Самойлович Александр Николаевич подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1-го декабря 1934 г.» [7, с. 11–12].

Из «Заключения» видно, что первоначальное обвинение в шпионаже дополнилось обвинениями в терроризме (58–8) и участии в контрреволюционной организации (58–11). Хотя ученый реально был связан с Турцией, а не с Японией, следствие ориентировалось именно на «японский след». Академика заставили рассказать обо всех японцах, которых он когда-либо знал или видел, а он мог вспомнить лишь упомянутого выше Уэда, с которым общался еще в досоветское время, и неизвестных ему даже по фамилии сотрудников японского консульства в Ленинграде, которых он в 30-е годы встречал на приемах. Этого было достаточно для сочинения версии о «передаче шпионских сведений» в Японию.

В «Заключении» упоминается крупнейший российский тюрколог, учитель А. Н. Самойловича, академик Василий Васильевич Радлов. «Пантюркистом», кстати, он не мог быть уже потому, что являлся немцем по происхождению. На его счастье, он умер еще в 1918 году. Другая упомянутая личность – Павел Иванович Воробьев (1892–1937) – видный ленинградский востоковед-маньчжуровед, китаист, монголист; среди ленинградских востоковедов 20–30-х годов он одним из немногих состоял в партии, благодаря чему занимал руководящие посты, в том числе ректора ленинградского Института живых восточных языков и директора Русского музея. В середине 30-х годов XX века некоторое время П. И. Воробьев являлся заместителем А. Н. Самойловича по академическому Институту востоковедения, но в 1936 году был послан в Монголию в качестве секретаря Ученого совета, т.е. фактически руководителя монгольской науки [7, с. 13–14].

Теперь познакомим читателя с текстом самого приговора:

«ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Диввоенюриста т. Никитченко

Членов: Военных юристов 1 ранга тт. Кандыбина и Климина

При секретаре Военном юристе 3 ранга т. Козлове

В закрытом судебном заседании в городе Москве 13 февраля 1938 года рассмотрела дело по обвинению: Самойловича Александра Николаевича, 1880 пр., быв. Действительного Члена Академии Наук СССР – в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1-а, 58–8 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Самойлович А. Н. начиная с 1907 года являлся агентом японских разведывательных органов, а после Октябрьской социалистической революции в 1917 году в России Самойлович продолжал сотрудничать с японской разведкой и имел контрреволюционную связь с резидентом японской разведки Воробьевым и на территории Советского Союза проводил контрреволюционную работу по созданию антисоветского движения среди тюркских народов. В 1935–36 гг. Самойлович создал контрреволюционную националистическую организацию, которая ставила своей задачей отторжение национальных окраин от СССР и подчинение их влиянию Японии. Выполнение изложенного выше имело в виду путем применения террористических методов борьбы [так в тексте. – А. Н.] в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Таким образом, установлена виновность Самойловича в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–1а, 58–8 и 58–11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

Приговорила:

Самойловича Александра Николаевича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1/ХІІ 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий Никитченко
Члены Кандыбин, Климин» [7, с. 16].

13 февраля 1938 года состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной Коллегии Верховного суда СССР, на которой в течение 15 минут было рассмотрено дело по обвинению академика А. Н. Самойловича в названных «преступлениях». Он был приговорен к «высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Рис. 1. Александр Николаевич Самойлович

А. Самойлович.
Темноградъ, 16 сентября 1916 года

Рис. 2. Автограф А.Н. Самойловича

Отчет
прив.-доц. А. Самойловича
о поездках летом 1916 года в Поволжье
и Крым с этнографическими целями,
на средства Этнографического Общества
Русского Музея Императора Александра III.

Этнографический Обществу поручено ^{исполн.} про-
вести сборы 1) среди татар Казанского
края и 2) среди крымских татар Евпато-
рийского и Стереконского уездов. Я направ-
ился в Казань чрез Космополы, где оста-
новился на несколько дней по личным
делам. Этой остановкой я воспользо-

Рис. 3а. Отчет А.Н. Самойловича о поездках в Поволжье и Крым

собрал для ознакомления с крайне мало
 въ литературѣ казанскихъ обитателѣмъ
 мѣстн. Татарской слободы, принявша
 край къ городу Казани. Мѣстныя двѣ
 слободы, нѣкогда сѣбно обрусѣвши, не
 родственно казанскимъ татарамъ. Мы
 думаемъ, что око татарскаго прокурора.
 Предложеная обнародованіе результатовъ своего
 путешествія Татарской слободы в мѣстн-
 кой мѣстн, в отъѣздѣ в Казань, и
 отъѣздѣ, что у мѣстнаго мурзы, ослѣ-
 доженнаго отъоса мѣстнаго вѣдомства
 многоградискии наблюденій и свѣдѣній,
 мѣстнаго какъ мѣстнаго чужака предъ
 махметовою. По сообщенію этого мурзы,

Рис. 36. Отчет А.Н. Самойловича о поездках в Поволжье и Крым

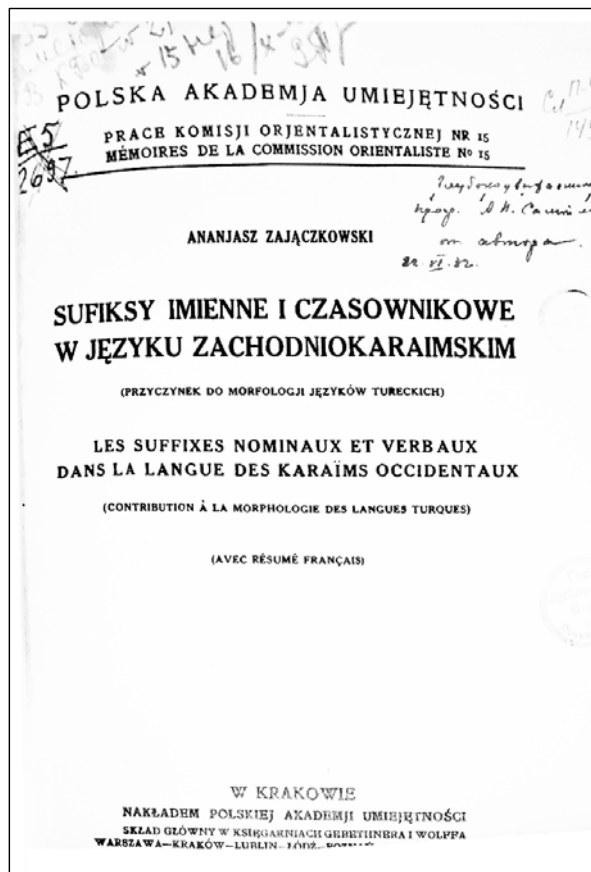

Рис. 4. Титульный лист работы А. Зайончковского по караимской филологии

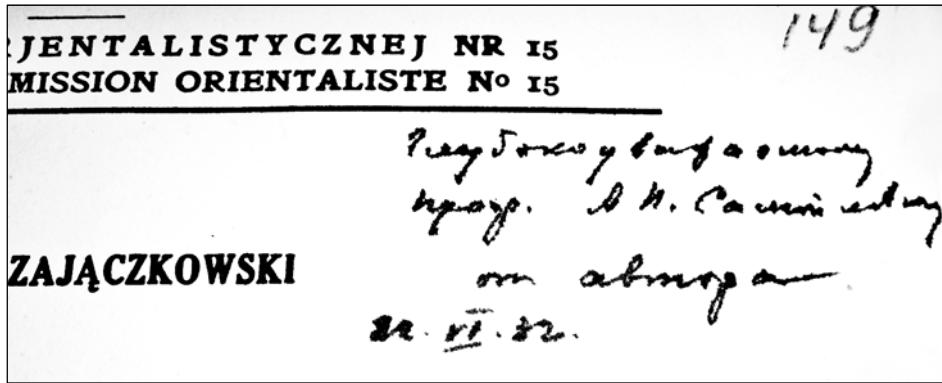

Рис. 5. Дарственная надпись А.Н Самойловичу, сделанная А. Зайончковским

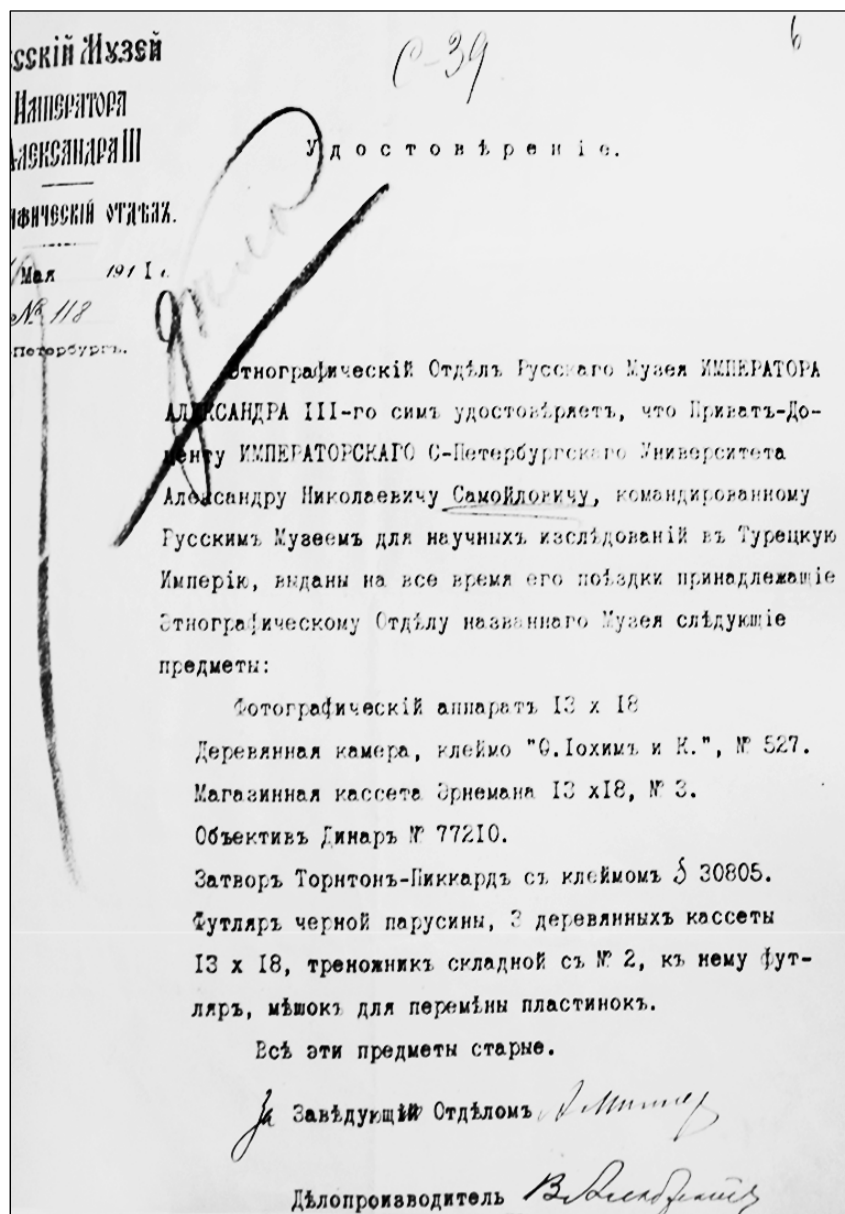

Рис. 6. Удостоверение А.Н. Самойловича, выданное Русским музеем

Рис. 7. Усеин Абдуревиевич Боданинский

Рис. 8. Журнал с автографом А.Н. Самойловичу 31 октября 1913 года

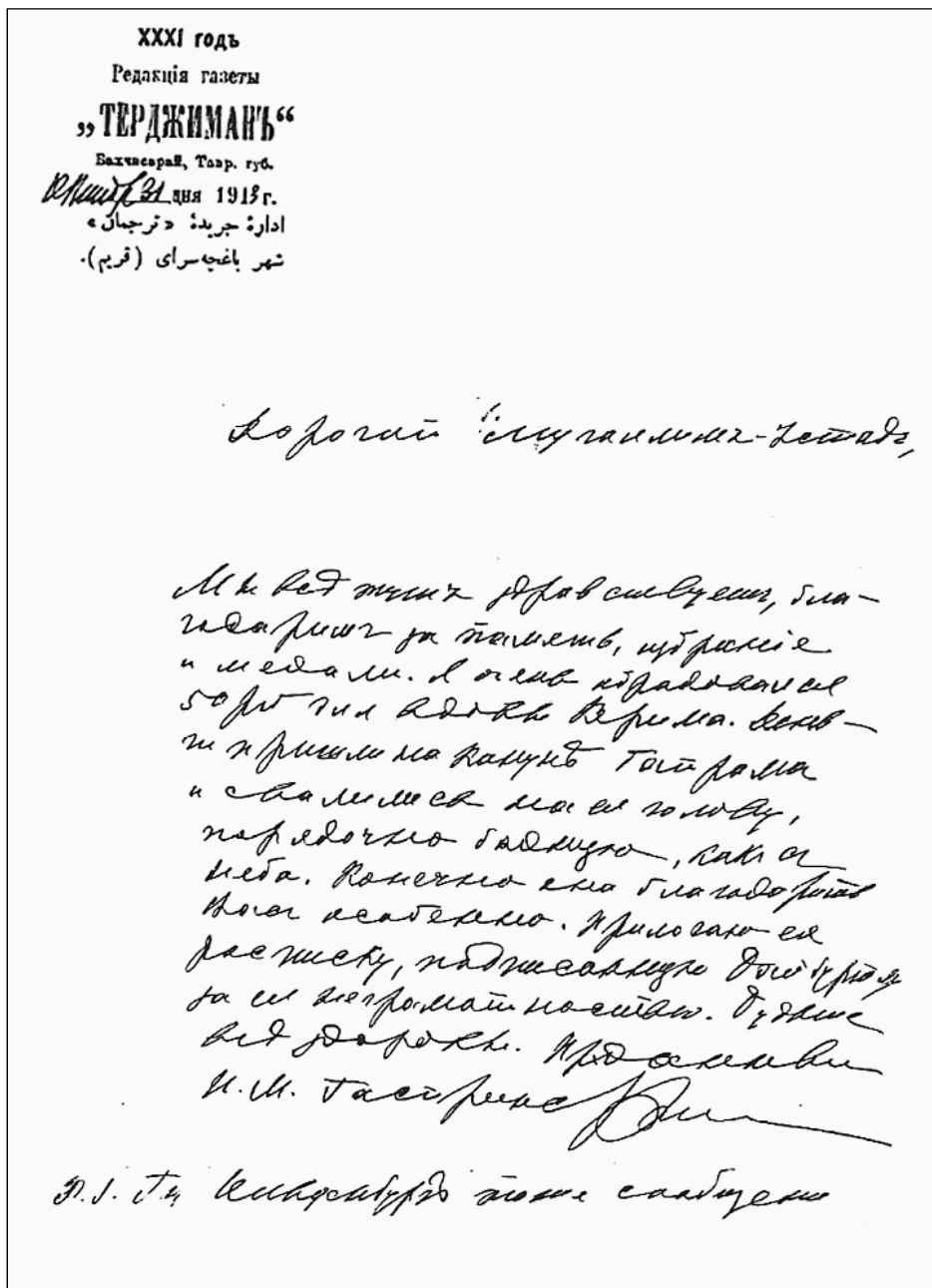

Рис. 9. Письмо И. Гаспринского А.Н. Самойловичу 31 октября 1913 года

Зарегистрировано под № **4069.**

1. Эти бланки предназначены для предметных списков, которыми должны быть обязательно сопровождаемы всякого рода посылки, заключающие в себя приобретенные (свертнувши) для Отдела коллекции.

2. При этом безусловно необходимо: а) при слать отправляемых вещей поименовывать на накладной, в графах—наименование груза,—ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ и б) точно адресовать: С.-Петербург, вл. Этнографический Отдел, Русского Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. (См. Сборн. желѣзнодорож. постан., 19 августа 1902 г., № 65).

Постановлениемъ Совѣта отъ „25“ Августа 1916 г. (журн. № 361.)
 выдано ^{1000 руб. экз. экз.} *А. Н. Самойлову* 1200 руб.

РУССКИЙ МУЗЕЙ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
23 СЕНТЯБРЯ 1916
№ 2355

ОТЧЕТЪ

въ израсходованіи аванса въ **1200** руб. — коп.

Коллекція собрана въ **Таврической** губ. руб.

уезды: **Евпаторійскій и Терекотскій**

села: **Дачиджарь, Буюкъ Асъ, Камодун и др. Еван.**

народность **стенные крымскіе татары**

Всего приобретено **музыкальн. вещи (31)** предметовъ.

Израсходовано:

На покупку коллекцій	441.435	р. — к. ✓
На фотогр. принадлежности	—	р. — к.
На накладные расходы по командировкѣ	500	р. — к. ✓
Всего 941.435		р. — к. ✓
Перерасходъ	—	р. — к.
Остатокъ	258.765	р. — к. ✓

Подпись собирателя **А. Самойловича**

Адресъ **Темроградъ, Рошинская, 23**

23. сентября 1916 г.

Коллекція принята **23. Сентября 1916 г. А. Зюбичъ.**

Хранитель **А. М. Шереметъ**

Отчетъ утвержденъ Советомъ Отдела отъ **8. Октября 1916 г. (журн. № 364).**

Секретарь Совета **Г. М. Шереметъ**

Коллекция в суммах 1200 руб. (Всего приобретено 31 предмет) принята в Рошинскую, Буюкъ Асъ, Дачиджарь от А. Самойлова 23. сентября 1916 г. при участии А. Зюбича. А. Н. Самойлов

Рис. 10. Финансовый отчет А.Н. Самойловича о командировке в Таврическую губернию

Только 18 лет спустя, 25 августа 1956 года, приговор Военной Коллегии от 13 февраля 1938-го в отношении А. Н. Самойловича был отменен и ученого реабилитировали.

Первая посмертная научная биография Александра Николаевича Самойловича была составлена Ф. Д. Ашным в 1963 году [3, с.243–264], как и «Список трудов А. Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем» [5].

Богатейшее научное наследие А. Н. Самойловича, в том числе и рукописные труды, представляют огромный интерес для современных исследователей края. Ведь заслуги Александра Николаевича в области тюркологии признаны как отечественными, так и зарубежными исследователями [76]. К сожалению, часть его сочинений остается неизвестной для научной общественности, т. к. рукописное наследие ученого до сих пор полностью не собрано и не изучено.

В конце 60-х годов XX века планировалось издание трехтомника избранных сочинений тюрколога. Инициатива исходила от Комиссии по истории филологической науки при Отделении литературы и языка АН СССР. Предполагалось, что первый том будет включать труды по истории

литературы и фольклору тюркских народов (60 названий), второй – труды по тюркским языкам (54 названия) и третий – труды по этнографии (38 названий), труды по истории востоковедения (45 названий), рецензии (56 названий). Однако в течение 70-х годов XX века шла работа лишь над подготовкой лингвистического тома сочинений академика, которой занимался биограф и исследователь научной и научно-организационной деятельности А. Н. Самойловича Ф. Д. Ашнин и один из учеников академика – В. Д. Аракин. Смерть последнего в 1983 году окончательно оборвала надежды на издание данного собрания трудов А. Н. Самойловича.

В связи с развитием востоковедческого направления в современном историческом крымоведении вызвало интерес и переиздание трудов ученого, связанных с изучением полуострова. Оно было предпринято в 2000 году и приурочивалось к 120-летию со дня рождения академика [43]. В 2005 году в серии «Классики отечественного востоковедения» переизданы ранее опубликованные труды ученого и его архивные материалы по вопросам тюркского языкознания, филологии, руники [69]. Многочисленные тюркологические разработки ученого, оставшиеся в рукописи, еще ждут своего исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон С. М. А. Н. Самойлович – этнограф // Тюркологический сборник, 1974. М.: Наука, 1978. С. 169–197.
2. Архив Российской академии наук, ф. 1568, оп. 1, д. 120, л. 1–3.
3. Ашнин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Народы Азии и Африки. М., 1963. № 2. С. 243–264.
4. Ашнин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович. 1880–1938 // Тюркологический сборник, 1974. М.: Наука, 1978. С. 8–27.
5. Ашнин Ф. Д. Список трудов А. Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литературы о нем // Тюркологический сборник, 1974. М.: Наука, 1978. С. 263–292.
6. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Архивные документы о гибели академика А. Н. Самойловича // Восток. М., 1996. № 5/6. С. 153.
7. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М.: Восточная литература, 2002. С. 7–8.
8. Бартольд В., Ольденбург С., Крачковский И. Записка об ученых трудах А. Н. Самойловича // Известия Российской Академии наук: Сер. 6. Ленинград, 1924. Т. 18, № 12/18. С. 553–555.
9. Баскаков Н. А. А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому // Советская тюркология. Баку, 1973. № 5. С. 84.
10. Благова Г. Ф. А. Н. Самойлович как ученый-тюрколог // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. (Классики отечественного востоковедения). С. 15.
11. Боданинский А. А., Мартино Э. Л., Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар / Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалёва. Симферополь, 1914. 67, [2] с.
12. [Гордлевский В. А.] [Библиографическая заметка о № 50 «Известий Таврической ученой архивной комиссии»] // Этнографическое обозрение. М., 1914. Вып. 1/2. С. 244.
13. Иванов С. Н. Тюркология в Ленинградском университете // *Turcologica*, 1986: К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 141–152.
14. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского, ф. 10, оп. 1, д. 24641, л. 1.
15. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского, ф. 10, оп. 1, д. 24642, л. 1.
16. Каталог коллекций Отдела Европы МАЭ / Подг. Т. В. Станюкович и др. // Сборник Музея антропологии и этнографии / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Ленинград: Наука, 1982. Вып. 38: Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. С. 201.
17. Крымские татары: Каталог коллекций // Гос. музей этнографии народов СССР; Сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова. Л., 1989. С. 6, прил. табл.
18. Летопись Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2007. Т. 4: 1901–1934 / Отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. С. 1008.
19. Насилов Д. М. А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков // Советская тюркология. Баку, 1973. № 5. С. 77–78.
20. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 58–61. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3).
21. Непомнящий А. А. Кримознавство в орієнталістичній спадщині О. М. Самойловича // Східний світ. 2006. № 2. С. 69–78.

22. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2008. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. С. 311–344. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).
23. Непомнящий А. А. П. А. Фалёв – исследователь этнографии народов Крыма // Етнічна історія народів Європи: Зб. наук. праць / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 1999. С. 50–53.
24. Олесницкий А. А. Песни крымских турок: Текст, перевод и музыка // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1910. Вып. 32. XII, 150, 10 с.
25. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 5 июня 1913 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 293–295.
26. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1896. Ч. 7: Наречия Крымского полуострова. XVIII, 408, 527 с.
27. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 118, оп. 1, д. 613, л. 1–6.
28. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 641, оп. 1, д. 105, л. 1–128.
29. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, 377 единиц хранения.
30. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, д. 1, л. 1–2.
31. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, д. 149.
32. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, д. 5, л. 1.
33. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, д. 223, л. 1–6.
34. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 671, оп. 1, д. 316, л. 1.
35. Российский этнографический музей, ф. 1, оп. 2, д. 512.
36. Российский этнографический музей, ф. 1, оп. 2, д. 513, л. 10–36.
37. Самойлович А. Н. // Этнография. М.-Л., 1926. № 1/2. С. 341.
38. Самойлович А. Н. III Всекрымская языковая конференция // Экономика и культура Крыма. Симферополь, 1934. № 9/12. С. 26.
39. Самойлович А. Н. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем // ИТУ-АК. Симферополь, 1913. № 50. С. 205–221.
40. Самойлович А. Н. В. В. Радлов как турколог // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела имп. Русского географического об-ва. Санкт-Петербург, 1914. Т. 15, вып. 1 (1912 г.). С. 23–33.
41. Самойлович А. Востоковедение в Ленинграде // Новый Восток. М., 1924. № 6. С. 508–511.
42. Самойлович А. Н. И. Н. Березин, как турколог (1818–1918) // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Л., 1925. Т. 1. С. 161–172.
43. Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме / Сост. и ред. Е. Г. Эмирова; вступ. ст. А. А. Непомнящего. Симферополь: Доля, 2000. 296 с. (Источник знаний).
44. Самойлович А. Н. К вопросу о наследниках хазар и их культуры // Еврейская старина. 1924. Т. 11. С. 200–210.
45. Самойлович А. Н. К вопросу об этнографическом изучении Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1916. Симферополь, 1917. С. 130–134.
46. Самойлович А. Н. К истории крымско-татарского литературного языка // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1927. № 7. С. 27–33.
47. [Самойлович А. Н.] Крымская песня про Порт-Артур // Живая старина. СПб, 1910. Вып. 1/2. С. 129–131. Изд. под псевд.: С-ч А.
48. Самойлович А. Н. Крымско-татарские скороговорки // Сборник Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Российской Академии наук. Петроград, 1918. Вып. 1. С. 197–200.
49. Самойлович А. Н. Материалы для указателя литературы по загадкам турецких племен // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 2/3. С. 79–83.
50. Самойлович А. Н. Название дней недели у турецких народов // Яфетический сборник / Яфетический ин-т РАН. Петроград, 1923. № 2. С. 98–119.
51. Самойлович А. Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV – XVII веках // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Ленинград, 1932. Т. 1. С. 123–128.
52. Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // ИТОИАиЭ. Симферополь, 1927. № 1(58). С. 141–144.
53. Самойлович [А. Н.] [О диалектах в обще-турецком языке] // Первый Всесоюзный тюркологический съезд 25 февраля – 5 марта 1926 г.: Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 328–329.
54. Самойлович А. Н. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1916. Симферополь, 1917. Т. 6. С. 118–124.
55. Самойлович А. Н. Об изменении в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 49. С. 133–138.
56. Самойлович А. Н. Объяснено ли название «Крым»? // ИТОИАиЭ. Симферополь, 1929. № 3 (60). С. 61–62.

57. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики / Таврическое губ. земство. Петроград, 1916. 104 с.
58. Самойлович А. Н. Памяти проф. В. Д. Смирнова // Восток. М.; Петроград, 1923. № 3. С. 207–209.
59. Самойлович А. Н. Песни крымских татар во вторую Отечественную войну // Живая старина, 1914. Петроград, 1915. Вып. 3/4. С. 409–420.
60. Самойлович А. Н. Песнь о крымских событиях // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 50. С. 81–98.
61. Самойлович А. Н. Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 49. С. 139–141.
62. Самойлович А. Н. [Предисловие] // [Якуб-Кемаль Я.] Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-ферадис». Симферополь: Крымгосиздат, 1930. С. 3. Подп.: Кемаль Я.
63. [Самойлович А. Н.] [Рецензия] // Живая старина, 1914. Петроград, 1915. Вып. 1/2. С. 224–225. Изд. под псевд.: С-ч А. Рец. на кн.: По Крыму / Крымское об-во естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1914. Вып. 1.
64. [Самойлович А. Н.] [Рецензия] // Живая старина, 1914. Петроград, 1915. Вып. 1/2. С. 225–226. Изд. под псевд.: С-ч А. Рец. на кн.: Крым: Путеводитель / Крымское об-во естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1914.
65. Самойлович [А. Н.] Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков // Первый Всесоюзный тюркологический съезд 25 февраля – 5 марта 1926 г.: Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 131–139.
66. Самойлович А. Н. Среди крымских татар летом 1916 г. // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54. С. 74–75.
67. Самойлович А. Н. Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар. (Отчет о командировке в 1912 г.) // Известия Русского комитета для изучения Среднего и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении: Сер. 2. Санкт-Петербург, 1913. № 2. С. 54–74.
68. Самойлович А. Н. Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Известия Российской Академии наук: Сер. 6. Петроград, 1917. Т. 6, № 15. С. 1277–1278.
69. Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов. Москва: Восточная лит-ра, 2005. 1053 с. (Классики отечественного востоковедения).
70. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 68, оп. 1, д. 255, л. 1–4.
71. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 68, оп. 2, д. 219, л. 14.
72. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 782, оп. 1, д. 9, л. 17.
73. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 782, оп. 1: Рукописи трудов [1908–1933 гг.], 17 единиц хранения; оп. 2: Переписка (1900–1930), 49 единиц хранения.
74. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 782, оп. 2, д. 14, л. 1–5.
75. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины, ф. 542, оп. 1, д. 193, л. 33.
76. Minorsky V. Oriental studies in the USSR // Journal of the Royal Central Asian Society. London, 1943. Vol. 30, fasc. 1. P. 86.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Непомнящий – заведующий кафедрой региональной истории и специальных дисциплин Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, профессор, доктор исторических наук (295033, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); dr.aan@mail.ru

Crimean Regional Studies and Crimean Historians in Scientific Fate of Academician A.N. Samoylovich

A.A. Nepomnyashchiy
(V.I. Vernadsky Crimean Federal University)

Based on unknown documents from the Archive of the Academy of Sciences, Russian Ethnographic Museum and other archives the author traced the contribution in organization and further development of Crimean regional study by Alexander Nikolayevich Samoylovich (1880–1938) – the leader of the Soviet Oriental studies in the pre-war period. This article provides an analysis of expedition activity of this scientist in the framework of the program of the Museum of Emperor Alexander III, which contributed to formation of the Crimean Tatar collection of the Russian Ethnographic Museum. Letters addressed to a Moscow orientalist Vladimir Alexandrovich Gordlevsky preserved in the personal archives of the latter contain basic information about the Crimean research “wanderings” of A.N. Samoylovich. The author compiled a list of the Crimean academics who have contacted and cooperated

with A.N. Samoylovich in different stages of his activities. The author followed his difficult fate directly related to the wave of terror in the peninsula. The richest academic heritage of A.N. Samoylovich, including his hand-written works, represents an enormous interest for the contemporary researchers of the region. Both domestic and foreign researchers recognize Alexander Nikolayevich's research achievements in Turkic studies. Unfortunately, some of his works remains unknown to research community, since the hand-written heritage of the scholar is still not completely collected and studied.

Keywords: A.N. Samoylovich, Crimean regional studies, Oriental studies, bio-bibliography.

REFERENCES

1. Abramzon S.M. A.N. Samoylovich – etnograf [A.N. Samoylovich – An Ethnographer]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkological Collection], 1974. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 169–197.
2. *Arkhiv Rossiyskoy Akademii Nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 1568, op. 1, d. 120, l. 1–3.
3. Ashnin F.D. Aleksandr Nikolaevich Samoylovich (1880–1938). *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. Moscow, 1963. № 2, pp. 243–264.
4. Ashnin F.D. Aleksandr Nikolaevich Samoylovich. 1880–1938. *Tyurkologicheskiy sbornik, 1974* [Turkological Collection, 1974]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 8–27.
5. Ashnin F.D. Spisok trudov A.N. Samoylovicha (s ukazaniem retsenziy na nikh) i literatury o nem [List of the Works by A.N. Samoylovich (indicating the reviews on them) and Literature about Him]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 1974* [Turkological Collection, 1974]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 263–292.
6. Ashnin F.D., Alpatov V.M. Arkhivnye dokumenty o gibeli akademika A.N. Samoylovicha [Archive Documents about the Death of Academician A.N. Samoylovich]. *Vostok* [The Orient]. Moscow, 1996. № 5/6, pp. 153.
7. Ashnin F.D., Alpatov V.M., Nasilov D.M. *Repressirovannaya tyurkologiya* [Repressed Turkology]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2002, pp. 7–8.
8. Bartol'd V., Ol'denburg S., Krachkovskiy I. Zapiska ob uchenykh trudakh A.N. Samoylovicha [Notes on the Research Works by A.N. Samoylovich]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]. Ser. 6. Leningrad, 1924. Vol. 18, № 12/18, pp. 553–555.
9. Baskakov N.A. A.N. Samoylovich v pis'makh k V.A. Gordlevskomu [A.N. Samoylovich in His Letters to V.A. Gordlevsky]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. Baku, 1973. № 5, p. 84.
10. Blagova G.F. A.N. Samoylovich kak uchenyy-tyurkolog [A.N. Samoylovich as a Scholar-Turkologist]. Samoylovich A.N. *Tyurkskoe yazykoznanie. Filologiya. Runika* [Turkic Linguistics. Philology. Runes]. Moscow, 2005. (Klassiki otechestvennogo vostokovedeniya [Classics of Russian Oriental Studies]), p. 15.
11. Bodaninskiy A.A., Martino E.L., Murasov O. *Poslovitsy, pogovorki i primety krymskikh tatar* [Proverbs, Sayings and National Signs of the Crimean Tatars]. Pod red. A.N. Samoylovicha i P.A. Faleva. Simferopol', 1914. 67, [2] p.
12. Gordlevskiy V.A. Bibliograficheskaya zametka o № 50 «Izvestiy Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii» [A Bibliographic Note about Issue 50 of the “Notes of Tauride Scientific Archival Commission”]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review]. Moscow, 1914. Vyp. 1/2, p. 244.
13. Ivanov S.N. Tyurkologiya v Leningradskom universitete [Turkology at the Leningrad University]. *Turcologica, 1986: K vos'midesyatiletiiyu akademika A. N. Kononova* [Turcologica, 1986: To the 80th Anniversary of Academician A.N. Kononov]. Leningrad: Nauka Publ., 1986, pp. 141–152.
14. *Institut rukopisey Natsional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo* [Institute of Manuscripts of Vernadsky National Library of Ukraine], f. 10, op. 1, d. 24641, l. 1.
15. *Institut rukopisey Natsional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo* [Institute of Manuscripts of Vernadsky National Library of Ukraine], f. 10, op. 1, d. 24642, l. 1.
16. Katalog kollektsiy Otdela Evropy MAE [Catalogue of Collections of the MAE European Division]. Podg. T.V. Stanyukovich i dr. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya AN SSSR. Leningrad: Nauka, 1982. Vyp. 38: Pamyatniki kul'tury narodov Evropy i Evropeyskoy chasti SSSR [Cultural Monuments of Peoples of Europe and the European part of the USSR], p. 201.
17. Krymskie tatory: Katalog kollektsiy [The Crimean Tatars: Catalog of Collections]. *Gos. muzey etnografii narodov SSSR* [State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR]. Sost. E.G. Torchinskaya, E.B. Kochetova. Leningrad, 1989, p. 6, pril. tabl.
18. *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk* [Annals of the Russian Academy of Sciences]. St.Petersburg: Nauka Publ., 2007. Vol. 4: 1901–1934. Otv. red. E. I. Kolchinskiy, G. I. Smagina, p. 1008.
19. Nasilov D.M. A.N. Samoylovich o klassifikatsii tyurkskikh yazykov [A.N. Samoylovich on the Classification of the Turkic Languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. Baku, 1973. № 5, pp. 77–78.

20. Nepomnyashchiy A.A. Arseniy Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya [Arseny Markevich: Pages of History of the Crimean Regional Studies]. *Biobibliografiya krymovedeniya* [Bio-Bibliography of the Crimean Regional Studies]. Vyp. 3. Simferopol': Biznes-Inform, 2005, pp. 58–61.
21. Nepomnyashchiy A.A. Krimoznavstvo v orientalistichnyy spadshchini O.M. Samoylovicha [The Crimean studies in Oriental Heritage of O.M. Samoylovich]. *Skhidnyy svit* [World of Orient]. 2006. № 2, pp. 69–78.
22. Nepomnyashchiy A.A. Krymskie marshruty rukovoditelya sovetskogo vostokovedeniya: A.N. Samoylovich [Crimean Routes of the Leader of the Soviet Oriental Studies: A.N. Samoylovich]. *Podvizhniki krymovedeniya* [The Devotees of the Crimean Studies]. Simferopol': SGT, 2008. Vol. 2: Taurica Orientalia, pp. 311–344. (Biobibliografiya krymovedeniya; Vyp. 12).
23. Nepomnyashchiy A.A. P.A. Falev – issledovatel' etnografii narodov Kryma [P.A. Falev: A Researcher of Ethnography of the Crimean Peoples]. *Etnichna istoriya narodiv Evropi* [The Ethnic History of the European Peoples]. Zb. nauk. prats'. Kyivs'kiy nats. un-t im. Tarasa Shevchenka. Kyiv, 1999, pp. 50–53.
24. Olesnitskiy A.A. Pesni krymskikh turok: Tekst, perevod i muzyka [Songs of the Crimean Turks: Text, Translation and Music]. *Trudy po vostokovedeniyu, izdavaemye Lazarevskim institutom vostochnykh yazykov* [Works of Oriental Studies Published by Lazarev Institute of Oriental Languages]. Moscow, 1910. Vyp. 32. XII, 150. 10 p.
25. Protokol zasedaniya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii ot 5 iyunya 1913 goda [Protocol of the Meeting of Taurian Scientific Archival Commission on June 5, 1913]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of Taurian Scientific Archival Commission]. Simferopol', 1913. № 50, pp. 293–295.
26. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury severnykh tyurkskikh plemen* [Samples of the Turkic Northern Tribes' Folk Literature]. Sankt-Peterburg, 1896. Ch. 7: Narechiya Krymskogo poluostrova [Idioms of the Crimean Peninsula]. XVIII, 408. 527 p.
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [The Russian State Archive of Literature and Art], f. 118, op. 1, d. 613, l. 1–6.
28. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts] (RNB OR), f. 641, op.1, d. 105, l. 1–128.
29. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op. 1, 377 edinits khraneniya.
30. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op. 1, d. 1, l. 1–2.
31. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op. 1, d. 149.
32. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op. 1, d. 5, l. 1.
33. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op.1, d. 223, l. 1–6.
34. *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisey* [The National Library, Department of Manuscripts], f. 671, op.1, d. 316, l. 1.
35. *Rossiyskiy etnograficheskiy muzey* [The Russian Ethnographic Museum], f. 1, op. 2, d. 512.
36. *Rossiyskiy etnograficheskiy muzey* [The Russian Ethnographic Museum], f. 1, op. 2, d. 513, l. 10–36.
37. Samoylovich A.N. *Etnografiya* [Ethnography]. Moskva; Leningrad, 1926. № 1/2, p. 341.
38. Samoylovich A.N. III Vsekrymskaya yazykovaya konferentsiya [The Third Crimean Linguistic Conference]. *Ekonomika i kul'tura Kryma* [Economics and Culture of the Crimea]. Simferopol', 1934. № 9/12, p. 26.
39. Samoylovich A.N. Bakhchisarayskiy pevets, poet, letopisets i meteorolog Khabibulla-Kerem [A Bakhchisaray Singer, Poet, Historian and Meteorologist Habibullah Kerem]. *ITUAK*. Simferopol', 1913. № 50, pp. 205–221.
40. Samoylovich A.N. V.V. Radlov kak turkolog [V.V. Radloff as a Turkologist]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela imp. Russkogo geograficheskogo ob-va* [Proceedings of Troitskosavsk-Kyakhta Department of the Amur Department of the Imp. Russian Geographical Society]. St. Peterburg, 1914. Vol. 15, vyp. 1 (1912 g.), pp. 23–33.
41. Samoylovich A.N. *Vostokovedenie v Leningrade* [Oriental Studies in Leningrad]. *Novyy Vostok* [A New Orient]. Moscow, 1924. № 6, pp. 508–511.
42. Samoylovich A.N. I.N. Berezin, kak turkolog (1818–1918) [I.N. Berezin as a Turkologist (1818–1918)]. *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Rossiyskoy Akademii nauk* [Notes of the Orientalists' College at the Asian Museum of the Russian Academy of Sciences]. Leningrad, 1925. Vol. 1, pp. 161–172.
43. Samoylovich A.N. *Izbrannye trudy o Kryme* [Selected Works about the Crimea]. Sost. i red. E.G. Emirova. Vstup. st. A.A. Nepomnyashchego. Simferopol': Dolya, 2000. 296 p. (Istochnik znaniy [A Source of Knowledge]).
44. Samoylovich A.N. K voprosu o naslednikakh khazar i ikh kul'tury [On the Issue of Successors of the Khazars and Their Culture]. *Evreyskaya starina* [Jewish Antiquity]. 1924. Vol. 11, pp. 200–210.

45. Samoylovich A.N. K voprosu ob etnograficheskom izuchenii Kryma [On the Issue of Ethnographic Studies of the Crimea]. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Enthusiasts], 1916. Simferopol', 1917, pp. 130–134.
46. Samoylovich A.N. K istorii krymsko-tatarskogo literaturnogo yazyka [On the History of the Crimean Tatar Literary Language]. *Vestnik Nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Kazan', 1927. № 7, pp. 27–33.
47. Samoylovich A.N. Krymskaya pesnya pro Port-Artur [A Crimean Song about Port Arthur]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Sankt-Peterburg, 1910. Vyp. 1/2, pp. 129–131. Izd. pod psevd.: S-ch A.
48. Samoylovich A.N. Krymsko-tatarskie skorogovorki [The Crimean Tatar Tongue Twisters]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii imeni imperatora Petra Velikogo pri Rossiyskoy Akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology Named after the Emperor Peter the Great at the Russian Academy of Sciences]. Petrograd, 1918. Vyp. 1, pp. 197–200.
49. Samoylovich A.N. Materialy dlya ukazatelya literatury po zagadkam turetskikh plemen [Materials for Literature Index on the Riddles of the Turkish Tribes]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. St. Peterburg, 1909. Vyp. 2/3, pp. 79–83.
50. Samoylovich A.N. Nazvanie dney nedeli u turetskikh narodov [The Weekdays Names among the Turkish Peoples]. *Yafeticheskiy sbornik* [Japhetic Collection]. Yafeticheskiy in-t RAN. Petrograd, 1923. № 2, pp. 98–119.
51. Samoylovich A.N. Nekotorye dannye o pchelovodstve v Krymu v XIV–XVII vekakh [Some Information about Beekeeping in the Crimea in the 14th–17th centuries]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, 1932. T. 1, pp. 123–128.
52. Samoylovich A.N. Neskol'ko popravok k izdaniyu i perevodu yarlykov Tokhtamysh-khana [Several Amendments to the Publication and Translation of the Tokhtamish Khan's Yarlyks]. *ITOIAiE*. Simferopol', 1927. № 1(58), pp. 141–144.
53. Samoylovich A.N. O dialektakh v obshche-turetskom yazyke [About the Dialects of the Pan-Turkish Language]. *Pervyy Vsesoyuznyy tyurkologicheskiy s'ezd 25 fevralya – 5 marta 1926 g.: Stenograficheskiy otchet* [The First All-Union Turkological Congress of 25th February – 5th March 1926: Verbatim Report]. Baku, 1926, pp. 328–329.
54. Samoylovich A.N. O materialakh Radlova po narodnoy slovesnosti krymskikh tatar i karaimov [About Radlov's Materials on Folk Literature of the Crimean Tatars and Crimean Karaites]. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody* [Notes of the Society of Naturalists and Nature Enthusiasts], 1916. Simferopol', 1917. T. 6, pp. 118–124.
55. Samoylovich A.N. Ob izmenenii v 12-letnem zhivotnom tsikle u nekotorykh turetskikh plemen [On the Change in the 12-year Animal Cycle among Some of the Turkish Tribes]. *ITUAK*. Simferopol', 1913. № 49, pp. 133–138.
56. Samoylovich A.N. Ob»yasneno li nazvanie «Krym»? [Whether the Name of “Krym” Has Been Explained?]. *ITOIAiE*. Simferopol', 1929. № 3 (60), pp. 61–62.
57. Samoylovich A.N. *Opyt kratkoy krymsko-tatarskoy grammatiki* [An Experience of the Brief Crimean Tatar Grammar]. Tavricheskoe gub. zemstvo [The Taurian Province Council]. Petrograd, 1916. 104 p.
58. Samoylovich A.N. Pamyati prof. V. D. Smirnova [In Memoriam of Prof. V.D. Smirnov]. *Vostok* [Orient]. Moskva, Petrograd, 1923. № 3, pp. 207–209.
59. Samoylovich A.N. Pesni krymskikh tatar vo vtoruyu Otechestvennyuyu voynu [Songs of the Crimean Tatars during the Second Patriotic War]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1914. Petrograd, 1915. Vyp. 3/4, pp. 409–420.
60. Samoylovich A.N. Pesn' o krymskikh sobytiyakh [Songs about the Crimean Events]. *ITUAK*. Simferopol', 1913. № 50, pp. 81–98.
61. Samoylovich A.N. Predvaritel'noe soobshchenie o novom spiske sokrashcheniya «Semi planet» Mukhammeda Riza [Preliminary Report on a New Copy of the Abbreviation of “Seven Planets” by Mohammed Riza]. *ITUAK*. Simferopol', 1913. № 49, pp. 139–141.
62. Samoylovich A.N. Predislovie [Preface]. Yakub-Kemal' Ya. *Tyurko-tatarskaya rukopis' XIV veka «Nekhdzhu-l'-feradis»* [A Turkic-Tatar Manuscript of the 14th century “Nehdzu al-feradis”]. Simferopol': Krymgosizdat, 1930, p. 3. Podp.: Kemal' Ya.
63. Samoylovich A.N. Retsenziya [Review]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1914. Petrograd, 1915. Vyp. 1/2, pp. 224–225. Izd. pod psevd.: S-ch A. Rets. na kn.: Po Krymu [Along the Crimea]. *Krymskoe ob-vo estestvoispytateley i lyubiteley prirody* [Crimean Society of Naturalists and Nature Enthusiasts]. Simferopol', 1914. Vyp. 1.
64. Samoylovich A.N. Retsenziya [Review]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1914. Petrograd, 1915. Vyp. 1/2, pp. 225–226. Izd. pod psevd.: S-ch A. Rets. na kn.: Krym: Putevoditel' [The Crimea: A Travel Guide]. *Krymskoe ob-vo estestvoispytateley i lyubiteley prirody* [Crimean Society of Naturalists and Nature Enthusiasts]. Simferopol', 1914.
65. Samoylovich A.N. Sovremennoe sostoyanie i blizhayshie zadachi izucheniya turetskikh yazykov [Current State and Immediate Tasks of Studying the Turkish Languages]. *Pervyy Vsesoyuznyy tyurkologicheskiy s'ezd 25*

fevralya – 5 marta 1926 g.: *Stenograficheskiy otchet* [The First All-Union Turkological Congress of 25th February – 5th March 1926: Verbatim Report]. Baku, 1926, pp. 131–139.

66. Samoylovich A.N. Sredi krymskikh tatar letom 1916 g. [Among the Crimean Tatars in Summer 1916]. *ITUAK*. Simferopol', 1918. № 54, pp. 74–75.

67. Samoylovich A.N. Sredi stavropol'skikh turkmenov i nogaytsev i u krymskikh tatar. (Otchet o komandirovke v 1912 g.) [Among the Stavropol Turkmens and Nogays and Crimean Tatars (report on the research travel in 1912)]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednego i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, arkhologicheskoy, lingvisticheskoy i etnograficheskoy otnocheniyakh* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Historical, Archaeological, Ethnographical and Linguistic Aspects of the Middle and Eastern Asia]: Ser. 2. St. Peterburg, 1913. № 2, pp. 54–74.

68. Samoylovich A.N. Tiyish' (tish') i drugie terminy krymsko-tatarskikh yarlykov [Tiyish' (tish') and Other Terms of the Crimean Tatar Yarlyks]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]: Ser. 6. Petrograd, 1917. Vol. 6, № 15, pp. 1277–1278.

69. Samoylovich A.N. *Tyurkskoe yazykoznanie. Filologiya. Runika* [Turkic Linguistics. Philology. Runes]. Sost. i otv. red. G.F. Blagova, D.M. Nasilov. Moscow: Vostochnaya lit-ra, 2005. 1053 p. (Klassiki otechestvennogo vostokovedeniya) [Classics of Russian Oriental Studies].

70. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 68, op. 1, d. 255, l. 1–4.

71. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 68, op. 2, d. 219, l. 14.

72. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 782, op. 1, d. 9, l. 17.

73. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 782, op. 1: Rukopisi trudov [1908–1933 gg.], 17 edunits khraneniya; op. 2: Perepiska (1900–1930), 49 edunits khraneniya.

74. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 782, op. 2, d. 14, l. 1–5.

75. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv-muzey literatury i iskusstva Ukrainy* [The Central State Archive-Museum of Literature and Arts of Ukraine], f. 542, op. 1, d. 193, l. 33.

76. Minorsky V. Oriental studies in the USSR. *Journal of the Royal Central Asian Society*. London, 1943. Vol. 30, fasc. 1, p. 86.

About the author: Andrey Anatolievich Nepomnyashchiy – Head of the Department of regional history and special disciplines, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor, Dr. Sci. (History) (295033, prosp. Vernadskogo, 4, Simferopol, Russian Federation); dr.aan@mail.ru

Маяк в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подольи и Северного Причерноморья)

О.В. Белецкая
(Осичковская ООШ, Украина)

Статья посвящена одному из населенных пунктов Северного Причерноморья – Маяку в постзолотоордынское время (XIV–XVI вв). Важное место в работе уделяется идентификации и локализации замка, а также прослеживается его история с первого известного упоминания в источниках (1432 г.), когда земля (вплоть до Днестра) юридически входила в Великое княжество Литовское (в составе Подольи), а затем в Польское государство. Относительно небольшое количество сохранившихся актовых источников (1432, 1469 гг.), ханских ярлыков (1506, 1540 гг.) и несколько хорографических работ, в том числе «Описание Татарии» М. Броневского и «Описание Старой и Новой Польши» Станислава Сарницкого позволило прийти к выводу, что Маяк занимал важное стратегическое положение. Он находился на левом берегу р. Днестр (недалеко от его устья, там где ныне – с. Маяки Беляевского района Одесской области, Украина), возле него была международная переправа, которая соединяла Молдавское княжество и земли Причерноморья, через него проходил путь с Польского государства в Татарию. Скорее всего, поэтому он был зафиксирован в картах Г. Меркатора и В. Гродецкого. Татарское название – Мияк-Баба-Султан, а также наличие упоминания в источниках о массовом захоронении здесь праведников, дает возможность считать это место святым для мусульманского мира.

Ключевые слова: Подолье, Северное Причерноморье, Золотая Орда, Польское государство, Великое княжество Литовское, Маяк, историческая география, татары, ярлыки.

Современный Юг Украины изобилует татарскими древностями¹. Исследуя историческую географию Золотой Орды, В.Л. Егоров указал на семь татарских городищ Днестровско-Днепровского междуречья: Маяк, Великая Мечетня, Безымянное, Солоное, Аргамакли-Сарай, Ак-Мечеть и Балыклей [13, с. 82–83; 14]. Однако на сегодняшний день исследователями выделено уже гораздо больше населенных пунктов, имеющих отношение к татарской истории – это и Качибей, и Каравул, и Саврань и многие другие [9; 10; 11; 22], которые также заслуживают более глубокое изучение. Несмотря на то, что относительно Маяка не сохранилось ни одного письменного источника XIV в., сложилось устойчивое представление, что Маяк был золотоордынским городищем. Откуда и почему взялось такое утверждение? Какие источники освещают историю этого населенного пункта? Что они содержат? Цель данного исследования ответить на поставленные выше вопросы.

Из источников будут задействованы акты, нарративные и картографические материалы. Из актовых документов, в первую очередь, хотелось бы отметить так называемые «Список городов Свидригайла» 1432 г. [23] и «*Divisio Buczaczkych*» – акт о разделе земель семьи Бучацких [31]. В них имеются первые письменно зафиксированные упоминания о Маяке, когда он официально считался литовским (подольским), а позже польским замком. К актовым источникам принадлежат также ханские ярлыки Менгли-Гирея литовскому князю Сигизмунду (ок. 1506 г.) и Сахип-Гирея польскому королю Сигизмунду 1540 г. [7] Особенностью этого вида источников является то, что Маяк здесь преимущественно указывается с другим населенным пунктом – Качибей (Хаджибей).

Из хорографических работ следует выделить три польских источника, в которых упоминается Маяк. Это «Перечень некоторых путей Южной Украины», составленный скорее всего для дипломатов Речи Посполитой, «Описание Татарии» Мартина Броневского (1578 г.) и хорография Станислава Сарницкого (1585 г.).

Рассмотрим более детально каждый источник относительно наличия информации о Маяке. Первый документ хранится в Главном архиве древних актов в Варшаве, а именно в Архиве За-

¹ Выражаю слова благодарности В.П. Гулевичу (г. Киев) и С.А. Белецкому (г. Одесса) за оказанную помощь в поисках источников и материалов.

мойских [43]. В 2009 г. его опубликовал о. Ю. Мыщык [6, с. 59]. Однако обратил внимание исследователей Причерноморья на него И.В.Сапожников [27; 28]. Он же пришел к выводу, что это не один источник, а два (первый – «Путь из Сангрода до Полей диких, где татары своих обычаевые (*sic!*) пастбища имеют» и другой – «Мечети в полях, по-татарски кешени») и датировать его нужно не сер. XVII в. (как это сделал о.Ю.Мыщык), а серединой XVI в.

Классическая работа «Описание Татарии» польского посла Мартина Броневского к крымскому хану (1578 г.) известна всем историкам, занимающимся южноукраинскими и крымскими древностями XV–XVI вв.[32; 3]. Интересна она и нам. Здесь имеются сведения о татарских городищах, важных переправах (бродах) через реки и другие топонимические наблюдения посла. Из хорографических работ следует отметить труд польского историка Станислава Сарницкого, составленный в 1585 г. и опубликованный в 1712 г. [40]. Выполненное им описание местности наводит на мысль, что, скорее всего, он видел воочию Днестр. Так, он указывает: «*Но то, что Овидий называет Тирой* (совр. р. Днестр. – О.Б.) *медленной, я не могу не удивиться. Или он никогда ее не видел, или он что-то другое, наверное, Тирой называет. Известно также то, что скорость нашего Днестра превосходит многочисленные реки*» = «*Sed quod Ovidius tardum Tyram vocat, non possum demirari. Vel eum nunquam vidit, vel aliud certe Tyram vocat, quam nos hodie vocamus. Constat enim velocitate notrum Nestrum multa flumina anreire*») [40, с. 1910]. Также нам придется воспользоваться работой (хотя хронологически она выходит за рамки нашего исследования) турецкого путешественника Эвлия Челеби [30]. Именно этому автору принадлежит первые упоминания о татарских древностях на территории Маяка.

Из картографических материалов интересны работы Герарда Меркатора (1554, 1630 гг.) [24, с.423; 38; 39], а также карта Вацлава Гродецкого (1602 г.) [33], на которых изображена крепость Маяк. Археологические исследования местности не проводились [13, с. 82].

Историография изучения Маяка не велика. В 70-х годах XIX в. эту местность исследовал профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун. Он же первым ввел в научный оборот использование работ М. Броневского и С.Сарницкого относительно Маяка. В результате он пришел к выводу, что Маяцкий замок мог находиться вблизи Днестровского лимана [2, с.175]. Другой профессор Новороссийского университета – А.И. Маркевич – соединял «Хаджибей-Маяк» и видел в нем один населенный пункт, отождествляя его с Качибеем, предшественником Одессы [18, с. 22].

В первой половине XX в. изучением Маяка занимался украинский ученый Ф.Е. Петрунь. Он использовал все доступные ему источники, в том числе рукописные карты, источники татарского происхождения, а также российские военные материалы, хранящиеся в Ленинской Публичной библиотеке и документы из фондов Военного-Ученого Архива в Москве [21]. Его работы не потеряли актуальности и по сей день.

Внимание Маяку уделил В.Л. Егоров [13, с.82]. Ссылаясь на Ф.Е. Петруню, автор указал, что Маяк существовал на месте переправы через Днестр и предположил, что этот населенный пункт располагался на караванной дороге, ведущей с востока к Аккерману (Белгороду), что и подтвердилось находкой о. Ю. Мыщыка [6, с.59; 27; 28]. В начале XXI в. Маяк стал предметом внимания Т.Г. Гончарука, О.Е. Мальченка, И.В. Сапожникова, Е.А. Радзиховской, О.В. Белецкой [7, с. 16; 17, с. 198; 28; 2, с. 61, 74–75; 24, с. 422–428].

Так же нужно напомнить, что до наших дней сохранился один весьма важный источник для изучения рассматриваемого региона – воспоминания дьякона Троицко-Сергиева монастыря Зосимы о его пути в Святую Землю в 1419 г. Составляя свой «итинерарий» о поездке он указал: «И поидохом въ *поле татарское* (здесь и везде по тексту выделение и курсив наш – О.Б.) и идохомъ 50 миль дорогою татарскою, еже зовется: на великий долъ, и обретохомъ реку велику под Митиревыми Кышинами, еже зовется Нестръ; тутъ бяше *перевозъ* и порубежье волоское. Об ону страну Волохове перевозъ емлють, а о сую страну великаго князя Витофтовы и тамгу емлють и темъ ся обои делять. И оттоле 3 дни до Бела града, по воложской стране; и пребыхомъ въ Беле граде 2 недели. Оттуду 9 версть до моря. На самом *устье Нестра* столпъ стоять, еже зовесь *Фонарь*, и ту бяше пристань корабленая» [15, с. 2–3].

Если в устье Днестра, да еще и Фонарь, все это наталкивает на мысль, что речь идет о территории, на которой сейчас расположено село Маяки Беляевского района Одесской области. Вполне возможно, что он существовал уже под именем Маяк, однако в памяти монаха Зосимы зафиксировалось в первую очередь не само название, а его смысл.

Рис. 1. Фрагмент карты Вацлава Гюдрецкого. *Godreccio W. Poloniae Litvaniaeq[ue] Descriptio*, 1602
 // Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах.
 Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 102–103

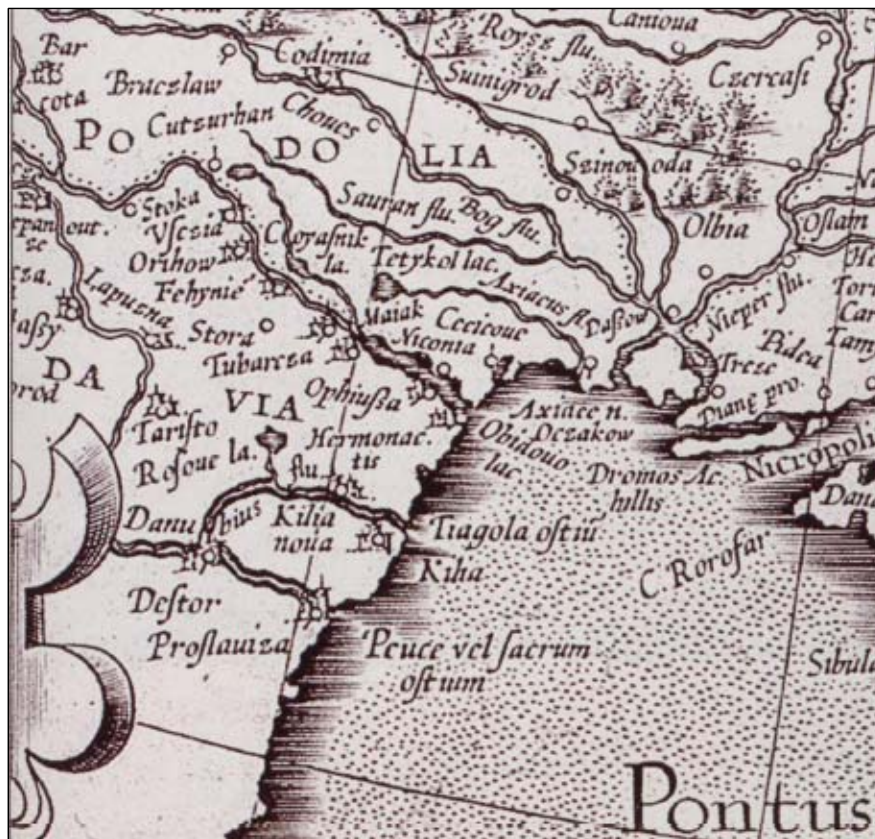

Рис. 2. Фрагмент карты Г. Меркатора. *Mercator G. Russia cum Confinijs*, 1630
 // Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах.
 Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 144–145

И второй момент, на который хотелось бы обратить внимание. Эта причерноморская земля в описываемое иноком Зосимой время, скорее всего, принадлежала великому князю литовскому Витовту, поскольку в скором времени Маяк фиксируется как подольский замок литовского князя Свидригайла. Речь идет о так называемом «списке городов Свидригайла» 1432 г. [23] В нем перечислены подольские замки: «*Item in terra Podoliensi castra Cirkassi Zwinihrod Sakolecz Czarnygrad Kaczakeyow Mayak Karawull Daschaw in metis Caffensibus*» [23, с. 120]. Для сравнения польская версия: “*W ziemi Podolskiej zamki Czirkassy Zwinihrod Sakolecz Czarnygrad Kaczakenow Mayak Karawull Doszau...*” [41, с. 330–331]. Поскольку составитель документа поместил его между *Kaczakeyow* и *Karawull*, которые можно соответственно локализовать с территориями современной Одессы и устьем Днестра (там, где ныне Карагвольский залив), то это дает повод искать его именно в этой области. Кроме того в 1432 г. Маяк, как подольский замок, входил в состав Великого княжества Литовского и принадлежал *de jure* князю Свидригайлу [16; 1; 37; 5; 34; 23].

Несмотря на то, что Маяк не фигурирует в привилее польского короля Владислава Варненчика (1434–1444) подольскому генеральному старосте Теодорику Бучацкому от 1442 г., в котором указаны его причерноморские держания («*наши замки Каравул на р. Днестр, Чарнигрод, где обозначенная р. Днестр впадает в море, и Качибеев, который расположен на морском берегу со всеми городками, портами, таможенями*» = «... *castra nostra Carawl super Dniestr fluvio, Czarnigrod, ubi Dniestr fluvius dictus mare intrat et Caczbieiw in litore maris sita, cum omnibus oppidis, portibus, theloneis...*» [44; 45; 8, с.26; 42, с.330; 19; 2, с. 211, 257–258; 36; 9; 10], однако он есть в так называемом «Разделе состояния Бучацких» (“*Divisio Buczaczkych*”) 1469 г.

Согласно этому документу, он был составлен родными братьями подольским воеводой и Коломойским старостой Михалом из Бучача, Якубом Бучацким из Подгайче и Яном из Бучача. В «разделе» указывается, что замки должны остаться за старшим сыном Теодорика Бучацкого – Михалом:

«*Bona vero seu castra, que iacent in portibus et confiniis et supe vel citra fluvium Dnyast marinis videlicet Carawl Caczybyeyow Mayak Czarnygrad Balabky cum omnibus villis, teloneis, portibus, marinis et piscaturis uter que ipsorum in solidum uti fruereetur et indivise tenebunt usque ad exemptionem eorundem plenarium per Regiam Maiestatem...*» [31, с. 330].

«Имения же или замки, которые [находятся возле] впадения реки Днестр, порт и границы и выше и по эту морскую сторону, а именно Каравл, Качибейов, Маяк, Чарнигрод, Балабки со всеми селами, таможенями, портами, морскими и рыбными (местами) [пускай] в полную сумму пользуется и нераздельно держит вплоть до освобождения (выкуп) их полного через Королевское Величество...»

Вернемся к документу 1432 г. До сих пор среди исследователей нет единогласия как читать и интерпретировать Маяк в данном документе – как *Kaczakeyow* – *Mayak* (А.И. Маркевич, Я. Куртыка) [18, с. 22; 35, с. 164–166] или *Mayak-Karawull* (Ф.К. Брун) [4, с. 175–175]. Третья группа исследователей склонна видеть в его названии отдельное самостоятельное географическое название – *Mayak*. Рассмотрим поочередно каждую версию.

Поскольку некоторые названия из «списка городов Свидригайла» переключаются с ханскими ярлыками, целесообразно провести их сравнительный анализ. В ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому князю Сигизмунду (ок. 1506 г.), в котором он пишет, что еще его отец хан Хаджи Гирей дал великому князю: «Подолскую тму, со всеми входы и з данми, и з землями и водами; Каменецкую тму... Браславскую тму... Сокалскую тму... Звинигород... Червкасы... *Хачибиев Маяк* с землями и водами...» [7, с. 14], «Хачибиев Маяк» указаны вместе. Это дало основание предположить, что речь идет об одном населенном пункте – Качибее, находящемся в рассматриваемый период на территории современной Одессы [2, с. 85–86]. Еще в XIX в. А.И. Маркевич писал, что «Хачибиев Маяк» – это Хаджибеевский маяк, который существовал до конца XVIII в., а может и позднее [2, с. 22 etc]. Однако, как возражает Т.Г. Гончарук, А.И. Маркевич не знал, что турецкий маяк в Хаджибее был построен в середине XVIII в. вместе с крепостью «Ени Дунья» и подкрепил свое утверждение одним из документов XVIII в.: «По последним дошедшим до нас известиям... Енидунья не иное что есть, как починка бывшего в том месте в древние времена небольшого замка с построением одной высокой башни на постановление *фонаря* для безопасности мореплавателей и входа судов в тамошний залив...» [7, с. 77–78]. Тот же комментатор документа утверждает, никаких упоминаний о существовании маяка в Хаджибее до 1765 г. нет [7, с. 16].

Если А.И. Маркевич соединял «Хаджибей-Маяк» в одно целое и видел в нем один населенный пункт, то Ф.К. Брун в «Списке городов Свидригайла» (*«Item in terra Podoliensi castra Cirkassi Zwinhrod Sakolecz Czarnygrad Kaczakeyow Mayak Karawull Daschaw in metis Caffensibus»* [23, с.120; 41, с.330–331]) увидел «*Maiak-karawul*» [4, с.174]. Он написал, «если же отмеченное в списке слово *karawul* вовсе не означало сторожевую башню ... то и в таком случае замок Маяжский мог находиться близ Днестровского лимана...» [4, с.175]. На наш взгляд, версия весьма убедительна. Однако, это было два разных населенных пункта. И если несуществующий нынче Караул был расположен в устье реки Днестр на берегу Днестровского лимана и Карагвольской затоки, то Маяк мог быть немного севернее по Днестру, как раз там, где нынче с. Маяки. Здесь уместно вспомнить рассуждения Т.Г. Гончарука о том, что у украинцев слово «маяк» означает и караул, и укрепление, и сторожевую башню на суше [7, с.16].

Поскольку возле современной Одессы есть три населенных пункта, в названии которых так или иначе присутствует слово «маяк» (это с. Старые Маяки Ширяевского района; с. Маяки Беляевского района Одесской области и г. Маяки в Молдове), то один из этих пунктов, по мнению историка, скорее всего, и должен быть Качибиевым маяком – южным форпостом Литовской державы в первой половине XVI века [7, с.16]. Вместе с тем, утверждение Т.Г. Гончарука оспаривает И.В. Сапожников, который считает, что возле каждого порта должен быть маяк. И Маяк в Хаджибее в 1784 г. подробно описал Анре-Жозеф де Лафитт-Клаве, а в 1791 г. его видел Франц Павлович де Волан, но уже в руинах [26].

Итак, исследуемый населенный пункт Маяк, скорее всего, занимал важное географическое положение, если он sporadически попадает в литовско-польские документы, а также фиксируется в ханских ярлыках, на пример, в ярлыке 1540 г.: «Сокол со тмами и з водами и з землями, Звенигород также и з землями и з водами, Брацлавль со тмою и з доходы, Качибиев маяк и з землями и з водами» [7, с.21]. Более того, некоторые ученые, используя ретроспективный анализ ханских ярлыков, пришли к выводу, что Маяк существовал уже в конце XIV в. [21, с. 159].

Маяк также упоминается в документах XVI века. В одном из них – «Путь из Сангорода до Полей диких, где татары свои обычаевые пастбища имеют» – есть следующее: «Из Сангорода² шесть дней хода до Маяк (Majag [около Днестра], так же от колодца до колодца [переходами] по четыре – пять миль)» [28, с.110]. Это хронологически первый источник, в котором есть указание на татарское прошлое населенного пункта. Кроме того, оно находилось на пути из Польши к крымскому хану, т.е. занимал важное стратегическое положение.

В «Мечети в полях, по-татарски кешени» указаны мечети в полях. Не понятно, почему составитель документа указал, что они «по-татарски кешени», ибо, как известно, кешенями называются места захоронений³. Маяк здесь не указан, однако из более поздних документов известно, что и мечеть и мусульманские погребения здесь были.

Следующий документ – «Описание Татарии» посла Мартина Броневского от польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мехмеду II Гереею в 1578 г. Рассказывая о причерноморской земле, путешественник записал:

«Ex adverso itaque Majaci trajectus ille Bialogrodo navibus in campum Bialogrodensem, & Oczacoviensem superatur. Militem quondam Maiacum ibi fuisse fabulantur; ac in eo loco Nestro traiecto in ripam lapidei parietes ruinosi, & quasi quaedam ruinae apparent; eam ruinam Turrim Neoptolemi fuisse Strabo refert» [32, с. 259; 3].

«А напротив, таким образом, Маяжская переправа, [через которую из] того Белгорода (г. Белгород-Днестровска – О.Б.) кораблями в Белгородские и Очаковские поля [можно переплыть], возвышается. Рассказывают, что воин какой-то [по имени] Маяжум здесь был; а также в этом месте Днестровского переезда [видны] на берегу каменные развалившиеся стены; и как-будто какие-то руины появляются; Страбон передает, что это были развалины башни Неоптолема»

² Речь, скорее всего, идет о г. Самборе на Днестре Львовской области. Об идентификации этого населенного пункта см. [28, с.112].

³ Интересные наблюдения относительно этимологии слова «кешени» есть в работах Я.Р. Дашкевича и Н.Д. Руссева. [11; 25].

Из приведенного отрывка следует, что возле Маяка была переправа через Днестр: «*Majaci trajectus*» или «*Nestro traiecto*». Притом она, очевидно, была на возвышенном месте. Автор также записал легенду названия местности, а именно от имени какого-то воина Маякум. И если М. Броневский связал развалины на месте Маякской переправы с античной башней Неоптелема, то мы выскажем иное предположение, а именно, что это были руины городища золотоордынских времен. В свое время исследователь татарской Украины Ф.Е. Петрунь также связал это сообщение Броневского («*in ripam lapidei parietes ruinosi, & quasi quaedam ruinae apparent*») с остатками материальной культуры в Маяках [21, с. 159].

И, наконец, в «*Descriptio veteris et novae Poloniae*» Станислава Сарницкого (1585 г.) название Маяк не упоминается, однако в разных местах хорограф рассказывает о причерноморских землях и Днестре, а так же о 10 его главных притоках (*Lipa, Stripa, Sereth Podolicim (sic!), Zbrucz, Smotricz, Ujicza, Row, Ladaua, Dzwan, Rusava* [40, с. 1910]).

Описывая Видово озеро, Сарницкий указывает, что оно берет начало у Тираса, который расположен у приморских степей:

«*Nam credibilis est Ovidium Tyram vidisse ibi alicubi circa maritimos campos, quum ad lacum suum Vidovo Iesioro proficisci volebat*» [40, с. 1910].

«В самом деле вероятнее всего есть то, что Овидий желал видеть Тирас возле приморских степей, так как его озеро – Видово озеро – берет начало».

Немного ниже Сарницкий опять ведет речь об озере Овидия:

«*Ovidii lacus Inter Hypanim & Tyram, sed vicinior ostiis Tyra. Cernitur ibi murus quidam plumbo compactus, qui in mare medio milliari porrigitur. Dicuntque Vitoudum eousque in mare equo descendisse, dominium sibi maris Sarmatici vendicans*» [40, с. 1913].

«*Озеро Овидия* Между Гипанисом (совр. р. Южный Буг) и Тирасом (совр. р. Днестр), но ближе к устью Тираса. Распознается здесь крепкая стена [слоем] свинца [покрытая], которая в море полмили простирается. И говорят, что Витовт в море конем вступил, господство себе над Сарматским морем (Черное море) требующий».

Днестровский лиман С. Сарницкий именует то озером Овидия (*Ovidii lacus*), то Видовым озером (*Vidovo Iesioro*). Поэтому Ф.К. Брун был прав, когда писал, о том, что «Днестровский лиман свое ... название ... скорее получил в память этого счастливого завоевателя (Витовта. – О.Б.), нежели по имени злосчастного поэта римского (Овидия. – О.Б.)» [4, с. 176]. Но на этом повествование хорографа о причерноморских землях не закончилось. Перечисляя топонимы на букву “V”, он упоминает *Vidove iezioro*.

«*Vidove iezioro... Russii Ovidii lacum hunc fuisse, dum exularet, affeverant... Nam sal Scythium ex aqua illius lacus conficitur*» [40, 1928].

«*Видово озеро* Русские (?) сообщают, что озеро Овидия было с тех пор, как [Овидий] жил в изгнании... Действительно, соль скифами из воды того озера изготавливается».

Здесь уместно сделать два замечания. Первое, «русских» С. Сарницкий называет *Russii* вместо традиционного *Ruthenii*; и второе, местное население вслед за Овидием хорограф называет *Scythium*, т.е. скифами. Хотя, может быть также, что так он именуется татар. В таком случае, он является первым, кто рассказывает о соляном промысле татар на Видовом Озере. Известно, что в рассматриваемой местности татары занимались добычей соли. В частности, это видно из переписки и многочисленных договоров польского короля и крымского хана: «Теж купцы его милости, Коруны Польское и Князства Вликого Литовского, мають добровольне в Качибиеве соль братии и, мыта водлуг давного обычаю заплативши, до Киева и до Луцка и до иньших городов *соль прибавляти за сторожею людей царевых*. А естли бы в Качибиеве которая ся шкода подданным короля его милости *от людей царевых* [стала], ино цар мает тые шкоды королю его милости платити» [12]. Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, насколько важен был выход к морю для Сарницкого, а также для Польской Короны, если ему так много уделяется места на страницах его труда. Следует отметить, что Маяк также неоднократно изображался на картах XVI–XVII в. Это карты Герарда Меркатора 1554 г. и две карты 1630 гг. [24, с. 423; 38; 39], а также карта Вацлава Гродецкого (1602 г.) [33].

Вот практически все документы XV–XVI в., в которых, так или иначе, упоминается населенный пункт. Так, откуда же взялось утверждение, что Маяк был золотоордынским городищем. Для ответа на поставленный вопрос придется выйти за хронологические рамки работы и прибегнуть к помощи ретроспективного анализа. Итак, обратимся к более позднему источнику, например, к воспоминаниям турецкого государственного деятеля Эвлия Челеби, который проезжал по этим землям в 1650-тые годы. Что же сообщает нам путешественник? Первое, что возле Маяка есть переправа через Днестр. Этот важный географический факт – *переправу*, которая упоминается в труде М. Броневского, подметил также намного позже и исследователь татарских древностей Бужско-Днестровской степи Ф.Е.Петрунь [21, с. 159]. И именно поэтому все остальные Маяки, которые существуют и поныне на территории современной Одесской области, отпадают при локализации.

У Эвлия Челеби читаем: «татары называют это место Мияк-гечит. Это опасная переправа на берегу р.Днестр, по тому что река здесь подобна морю» [30, с. 66–68]. Так же оно запомнилось ему тем, что это святое местопоклонения татар под названием Мияк-баба-султан и «в переводе на татарский это значит «Масляная Баба»» [30, с. 67]. Челеби указал, что во время его поездки здесь было здание «над каменным строением большой купол, который до сих пор там находится. А рядом похоронено много тысяч мучеников и праведников» [30, с. 67]. Хотя исследователь и не называет слово «кешени», вместе с тем, думается, что речь идет именно о них. Вот именно поэтому, скорее всего, Маяк относится исследователями к золотоордынским городищам. Мусульманские святыни (в частности, могилы святых праведников) занимали и занимают важную роль в жизни татарского общества [29].

И еще одно ценное указание Челеби – это то, что в древние времена «недалеко от Мияк-Баба-султан существовала *крепость*. Следы этого сооружения можно увидеть и сейчас» [30, с.68]. То же отметил и Ф.Е.Петрунь, указывая на выгодное географическое расположение населенного пункта, которое впоследствии отразилось в том, что в 1791 г. «русские, часовой секты, тут поселяясь, построили себе часовню из камня ... татарской мечети и из развалин других мусульманских строений» [21, с. 160]. Эти сведения он взял с «Хронологическо-исторического описания церкви епархии Херсонской и Таврической». Из приведенных выше данных явствует, что поселение Маяк было татарским. Здесь обитало татарское население, которое имело мечеть и другие строения. Книга Эвлия Челеби ценна также тем, что дает возможность установить татарское (золотоордынское?) название – Мияк – Баба – Султан.

Так же Ф.Е. Петрунь указал, что в районе изучаемого нами Маяка был маяк, и существовал он не для моряков (!), а для переправы [21, с.159]. И в подтверждение своей мысли он навел данные, взятые с карты 1775 г., где есть надпись в устье Днестра: «перевоз через Днестр и бывшая старая мечеть» [21, с.159; 20].

Подводя итоги, укажем, что Маяк фиксируется как замок и переправа на берегу Днестра на протяжении XV–XVI вв. в актовых документах, хорографических работах и картографических материалах. Археологические данные отсутствуют. Татарское название Мияк-баба-султан или Мияк-гечит зафиксировано в «Книге путешествий» Эвлия Челеби, так же как и сообщение о том, что во время его путешествия (сер. XVII в.) там было «похоронено много тысяч мучеников и праведников». Через Маяк проходил путь из Польского королевства в Крымское ханство. Возле него была переправа (лат. *trajectus*) через Днестр. И вполне возможно именно потому Маяк указывается практически во всех ханских ярлыках. И если в будущем найдется документ, содержащий информацию, что в Маяке был таможенный пункт, то это лишь подтвердит наше предположение о том, что таможи на Днестре создавались именно на переправах, где река была мелкая и можно было перегонять главный товар с Молдавского княжества – скот (быки, лошади). Сопоставительный анализ дает возможность утверждать, что Маяк, хотя и не фиксируется в документах XIV в., однако, вполне возможно, уже существовал как Мияк-Гечит, или Мияк-Баба-Султан в середине указанного века, т.е. в золотоордынское время, а с конца XIV в. стал фиксироваться в ханских ярлыках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрияшев А.М. Свидригайло великий князь русский и литовский. Харьков, 1875.
2. Білецька О. В. Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса, 2004.
3. Броневский М. Описание Крыма / Пер. И.Г. Шершеневича, коммент. Н.И. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1865. Т. 6. С. 333–367.
4. Брун Ф. Судьбы местности, занимаемой Одессой // Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по истории географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 175.

5. Бучинський Б. Кілька причинків до часів вел. князя Свитригайла (1430–1433) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1904. Т. 76. С. 117–142.
6. Гваньїні О. Хроніка про татарську землю / Упорядник Ю.Мицик. Запоріджжя, 2000. С. 59.
7. Гончарук Т.Г. Історія Хаджибея (Одеси) 1415–1795 рр. в документах. – Одеса, 2000.
8. Грушевський М.С. Барське староство. Історичні нариси (XV–XVIII ст.) (Репринтне издание: Грушевський М.С. Барское староство, исторические очерки (XV–XIV вв). К., 1894) / Післямова, примітки та покажчики М.Г. Крикуна. Львів, 1996. С. 26.
9. Гулевич В.П. Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Гаджі Гірея (1442–1466) // Український історичний журнал. К., 2014. № 6. С. 4–28.
10. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. Вып. 1. Казань, 2013. С. 110–147.
11. Дашкевич Я. Р. Степові держави на Поділлі та Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 10. 2006. С. 112–121.
12. Договор польского короля с ханом Сагип-Гиреем. 1540 г. // Русская историческая библиотека. Юрьев, 1914. Т. 30: Литовская Метрика. С. 79.
13. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. д.и.н., проф. В.И. Буганов. М., 1985. С. 82–83.
14. Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татар архелогиясе. Казан, 2001. № 1–2 (8–9). С. 126–166.
15. Книга глаголая Ксенох, сиречь Странник, Зосимы диакона о пути Иерсолимском до Царя града и до Иеросалима// Православный Палестинский сборник. Вып. 24. Спб., 1889.
16. Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской / Пер. с нем. Спб., 1835.
17. Мальченко О. Укріплені поселення Брацлавського, Київського і Подільського воєводств (XV–середина XVII с.). К., 2001.
18. Маркевич А.И. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Одесса, 1894. Т. 17. С. 1–72.
19. Михайловський В. Привілей короля Владислава III на Кам'янецьке староство для Теодорика з Бучача 1442 р. // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні науки. Кам'янець-Подільський, 2003. Т. 11. С. 44–58.
20. Національна бібліотека України ім. В.І.Вернадського. Генеральная географическая карта реки Днепра от вершины до города Херсона со впадшею в него всею рекою Сожею, и протчих рек, с стоящими на берегах оных городами, местечками, селами и деревнями... / соч. под командою Савы Коковцова в 1784 г. с промерами глубин, внесен[ых] с карты... 1775 г. описи Пустошкина. Б.м.: [б.и.], [1784]. 1 к.: цв.; 65x100 см. Рукоп., цв.
21. Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько–дністрянського степу // Східний світ. 1928. №6. С.155–171.
22. Пилипчук Я.В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV в. // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. № 7. С. 294–307.
23. Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики / Отв. ред. А.И.Груша. М., 2014. С. 111–125.
24. Радзиховская Е.А., Боренко А.С. Крепость князя Витовта у Гильбера де Ланнуа и приднестровские топонимы средневековых карт//Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. С. 422–428.
25. Руссев Н.Д. Молдавия в темные века: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов// Stratum Plus. Спб.-Кишинев, 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 379–407.
26. Сапожников И.В. История края: сколько лет Одессе // Черноморский маяк. № 51. 2015. 29 июля.
27. Сапожников И.В. Новый архивный документ середины XVI века по истории Северного Причерноморья и Кучубея – предшественника Одессы // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Збірник наукових статей та матеріалів. Праці Державного архіву Одеської області. Т. IV. Одеса: Друк, 2001. С. 176–186.
28. Сапожников І.В. Нове письмове джерело сер. XVI ст. з історії та археології Північного Причорномор'я // Київська старовина. К., 2002. № 5. С. 110–119.
29. Соболева О. Мусульманські святині Криму: походження та складові культу поклоніння // Краєзнавство. К., 2012. № 3. С. 33–41.
30. Челебі Е. Книга подорожі: Північне Причорномор'я / Пер. з рос. С.О. Карлічук, Л.В. Кушнір. Упор. В.Г. Кушнір. Одеса, 1997.
31. Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego. – Lwów, 1887. Т. XII. № 3428. S. 330.
32. Bronovius M. Tartariae descriptio. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topografico atque politico illustratae. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeriana, 1630. P. 259.
33. Godreccio W. Poloniae Litvaniaeq[ue] Descriptio, 1602 // Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 102–103.
35. Halecki O. Ostatnie lata Swidrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

36. Kurtyka J. Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 r. // Rocznik Przemyski. 2004. T. XL. Zesz. 4. Historia. №36. S. 164–166: “Chadżibejów i Majak”.
37. Kurtyka J. Z dziejów królów szczytni organizacji militarnej Podolu XV i początku XVI w. (wokół nadania starostwa podolskiego Teodorykowiz Buczacław 1442 r.) // Rocznik Przemyski. 2007. T. XLIII. Zesz. 1. Historia wojskowości. S. 3–52;
38. Lewicki A. Powstanie Swidrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892.
39. Mercator G. Russiacum Confinijs, 1630 // Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 144–145.
40. Mercator G. Tavrica Chersonesus. Nostra aetate Przecorpca et Gazara dicitur, 1630 // Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 140–141.
41. Sarnicius S. Descriptio veteris et novae Poloniae cum di visione eiusdem veteri et nova // Długossus I. Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, in lucem prodeunt et cum praefatione Henrici L. B. ab Huysen. T. 2. Francofurti et Lipsiae, 1712. P. 1873–1944.
42. Skarbiec diplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi, Litewskiej i ościennych im krajów / Wyd. I. Daniłowicz. Wilno, 1860. T. 2. S. 330–331.
43. Zbiór dokumentów małopolskich / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś. Wrocław, 1975. Cz. VIII. S. 330.
44. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. № 2905. K. 17–18.
- 44 AGAD w Warszawie. Tzw “Metryka Litewska IV B. Sygn. 17. K. 217–217v. Tytuł: Geor(gius) Jaslowieczky cast(ellanus) Cam(eneczensis); castra Carawl, Czarnigrod, Caczibieiw.
45. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Teki Naruszewicza. T. 17. № 155. S. 555–556.

Сведения об авторе: Ольга Валерьевна Белецкая – учитель Осичковской ООШ III ст., кандидат исторических наук (с. Осички, Савранский р-н, Одесская область, Украина); podoliana@yandex.ru

Mayak in the 14th–16th centuries (materials for study of the Historical Geography of Podolia and the Northern Black Sea Region)

O.V. Beletskaya
(Osichki village school, Ukraine)

The research deals with the study of one of the Northern Black Sea region's settlements – Mayak – during the 14th–16th centuries. Much attention is given to the identification and localization of this castle. The author traced its history from the first mention in the sources (1432) when the area up to the Dniester River was legally included to the Grand Duchy of Lithuania (as part of Podolia Region), and then to the Polish Kingdoms. There is a relatively small number of the surviving documentary sources. These are the Lithuanian-Polish sources (1432, 1469), khan's yarliqs (1506, 1540) and several chorographical works including “Description of Tartaria” by M. Bronevsky and “Description of the Old and New Poland” by S. Sarnitsky. The analysis of these sources leads to the conclusion that Mayak was located on an important strategic place. It was situated on the left bank of the Dniester River (near its mouth, now it is village Mayaki in Belyaevka district of the Odessa region, Ukraine). Mayak was also located near the traject that connected the Moldavian Principality and the Northern Black Sea Region. The way passed through it from the Polish Kingdoms to the Tartary. It was recorded on the B. Grodetsky and G. Merkator's maps. It has been identified the Tatar name of the castle – Miyake Baba Sultan. References in the sources that the mass grave of the righteous was located here allows us to assume that this was a holy place for the Muslim world.

Keywords: Podolia, Northern Black Sea Region, Golden Horde, Polish Kingdom, Grand Duchy of Lithuania, Mayak, historical geography, Tatars, yarliqs.

REFERENCES

1. Andrijashev A.M. *Svidritajlo velikij knjaz' russkij i litovskij* [Svidrigaylo, Grand Duke of Russia and Lithuania]. Har'kov, 1875.
2. Bilec'ka O.V. *Podillja na zlami XIV–XV st.: do vitokiv formuvannja istorichnoi oblasti* [Podillia Region at the turn of the 14th–15th centuries: On the Beginnings of Formation of the Historical Region]. Odesa, Astroprynt, 2004. 416 p.
3. Bronevskij M. *Opisanie Kryma* [Description of the Crimea]. Per. I.G. Shershenevicha, komment. N.I. Murzakevicha. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1865, Vol. 6, pp. 333–367.

4. Brun F. Sud'by mestnosti, zanimamoj Odessoj [The Fates of Area Where Is Odessa Now]. Idem. Chernomor'e. Sbornik issledovanij po istorii geografii Juzhnoj Rosiii [The Black Sea Region. The Collection of Studies about the History of Geography of the Southern Russia]. Odessa, 1879, pp. 160–188.
5. Buchins'kij B. Kil'ka prichinkiv do chasiv vel. knjazja Svitrigajla (1430–1433) [Several Comments to the Time of Grand Prince Svydrygailo]. *Zapiski Naukovogo tovaristova imeni Shevchenka* [Notes of the Schevchenko Academic Society]. 1904, Vol. 7, pp. 117–142.
6. Gvan'ini O. *Hronika pro tatars'ku zemlju* [Chronicle of the Tatar Land]. Uporjadnik Ju. Micik. Zaporizhzhja, 2000. 59 p.
7. Goncharuk T.G. *Istorija Hadzhibeja (Odesi) 1415–1795 rr. v dokumentah* [The History of Hadzhibey (Odessa). 1415–1795. Documents] Odessa, 2000. 372 p.
8. Grushevs'kij M.S. *Bars'ke starostvo. Istorichni narisi (XV–XVIII st.)* [The Starostvo of Bar. Historical Essays]. (Reprintnoe izdanie: Grushevs'kij M.S. Barskoe starostvo, istoricheskie ocherki (XV–XVI vv). – K., 1894). Pisljamova, primitki ta pokazhchiki M.G. Krikuna. L'viv, 1996. 623 p.
9. Gulevich V.P. Krim's'ke hanstvo j Pivnichne Prichornomor'ja v period pravlinnja Gadzhi Ĭireja (1442–1466) [The Crimean Khanate and the Northern Black Sea Region during the rule of Haci I Geray]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal* [Ukrainian Historical Journal], 2014, no 6, pp. 4–28.
10. Gulevich V.P. Severnoe Prichornomor'e v 1400–1442 gg. i vozniknovenie Krymskogo hanstva [The Northern Black Sea Region in 1400–1442 and the Origin of the Crimean Khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2013, no. 1, pp. 110–147.
11. Dashkevich Ja. R. Stepovi derzhavi na Podilli ta Zahidnomu Prichornomor'ї jak problema istorii Ukraїni XIV st. [The Steppe States on Podillya and Western Black Sea Littoral as a Problem of the History of Ukraine in the 14th century]. *Materialy ta doslidzhennja z archeologii' Prykarpattja ta Volyni* [Materials and Studies on the Archaeology of the Pre-Carpatia and Volyn]. L'vov, Instytut ukrai'noznavstva im. I. Kryp'jakevycza, 2006, is. 10, pp. 111–121.
12. Dogovor pol'skogo korolja s hanom Sagip-Gireem. 1540. [The Treaty of Polish King with Khan Sagip Giray, 1540]. *Russkaja istoricheskaja biblioteka* [Russian Historical Library]. Jur'ev, 1914, Vol. 30.
13. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [The Historical Geography of the Golden Horde of the 13th–14th centuries]. Otv. red. d.i.n., prof. V.I. Buganov. Moscow, 1985. 244 p.
14. El'nikov M. Pamjatniki perioda Zolotoj Ordy Nizhnego Podneprov'ja: istorija izuchenija, itogi i perspektivy [Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper Region: History of the Study, Results and Prospects]. *Tatar arheologijase*. Kazan, 2001, no 2 (8–9), pp. 126–166.
15. Kniga glagolemaja Ksenoh, sirech' Strannik, Zosimy diakona o puti Ierosolimskom do Carja grada I do Ieroalima [The Book of Deacon Zosima Named Ksenoch, i.e. Wanderer, on the Way to Jerusalem as far as to Constantinople and to Jerusalem]. *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik* [Orthodox Palestinian Collection]. Is. 24. Saint-Petersburg, 1889.
16. Kocebu A. *Svitrigajlo, velikij knjaz' litovskij, ili dopolnenie k istorijam Litovskoj, Rossijskoj, Pol'skoj i Prusskoj* [Svydrygailo, the Grand Duke of Lithuania, or Addition to the History of Lithuania, Russia, Prussia and Poland]. Per. s nem. SPb, 1835. 296 p.
17. Mal'chenko O. *Ukripleni poselennja Braclavs'kogo, Kiivs'kogo i Podil's'kogo voevodstv (XV– seredina XVII s.)* [The Fortified Settlements of Bratslav, Kyiv and Podolian voivodships (15th – the middle of the 17th centuries)]. K., 2001. 380 p.
18. Markevich A.I. Gorod Kachibej ili Gadzhibej – predshestvennik goroda Odessa [Town Kaczybey or Hadzybey – A Predecessors of the City of Odessa]. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 189, Vol.17, pp. 1–72.
19. Mihajlovs'kij V. Privilej korolja Vladislava III na Kam'janec'ke starostvo dlja Teodorika z Buchacha 1442 r. [The Privilege of King Vladislav III for Teodoryk of Buchach in the Captaincy of Kamianec]. *Naukovi praci Kam'janec'-Podil's'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. Istorichni nauki* [Research Papers of Kamenets-Podolsk State Pedagogical University. Historical Sciences]. Kam'janec'-Podil's'kij, 2003. V. 11, pp. 44–58.
20. *Nacional'na biblioteka Ukraїni im. V.I. Vernads'kogo* [Vernadsky National Library of Ukraine]. General'naja geograficheskaja karta reki Dnepra ot vershiny do goroda Hersona so vpadshuju v nego vseju rekoju Sozheju, i protchih rek, s stojashhimi na beregah o nyh gorodami, mestechkami, selami i derevnjami... / soch. pod komanduju Savy Kokovcova v 1784 g. s promerami glubin , vnese[n]y[h] s karty... 1775 g. opisi Pustoshkina [The General Geographical Map of the Dnieper River ...]. B. m.: [b. i.], [1784].
21. Petrun' F. Nove pro tatars'ku starovinu Boz'ko–dnistrjans'kogo stepu [Recently on the Tatar Past of the Bug-Dniestr Steppe]. *Shidnij svit* [The World of Orient], 1928, no 6, pp. 155–171.
22. Pilipchuk Ja.V. Jemir Dmitrij. Ulus Dzhuchi i Central'no-Vostochnaja Evropa v XIV v. [Amir Demetrius. The Ulus of Jochi and Central-Eastern Europe in the 14th century]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde Civilization]. Kazan, 2014, is.7, pp. 294–307.
23. Polehov S.V. «Spisok gorodov Svidrigajla». Datirovka i publikacija [The List of Towns of Svydrygailo. Dating and Publication]. *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki* [The Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. Otv. red. A.I. Grusha. Moscow, 2014, pp. 111–125.

24. Radzihovskaja E.A., Borenko A.S. Krepost' knjazja Vitovta u Gil'bera de Lannua i pridnestrovskie toponimy srednevekovyh kart [The Fortress of Duke Vytautas by Hilbert de Lannou and Transnistrian Place Names on Medieval Maps]. *Drevnee Prichernomor'e* [The Ancient Black Sea Region]. Odessa, 2011, pp. 422–428.
25. Russek N.D. Moldavija v temnye veka: materialy k osmysleniju kul'turno-istoricheskikh processov [Moldavia in the Dark Ages: Materials to Understanding the Cultural and Historical Processes]. *Stratum Plus*. SPb.–Kishinev, 1999. no 5: Neslavjanskoe v slavjanskom mire, pp. 379–407.
26. Sapozhnikov I.V. Istorija kraja: skol'ko let Odesse [History of the Region: How Old Is Odessa?]. *Chernomors'kij majak* [The Lighthouse of the Black Sea], no 51, 2015, 29 July.
27. Sapozhnikov I.V. Novyj arhivnyj dokument serediny XVI veka po istorii Severnogo Prichernomor'ja i Kuchubeja – predshestvennika Odessy [A New Archival Document of the middle of the 16th century on the History of the Northern Black Sea Region and Kuchubey – A Predecessor of Odessa]. *Arhiv. Dokument. Istorija. Suchasnist': Zbirnik naukovih statej ta materialiv. Praci Derzhavnogo arhivu Odes'koj oblasti* [Archive. Document. History. Modernity: Collected articles and materials. Papers of the State Archive of Odessa Region]. Vol. IV, Odessa, 2001, pp. 176–186.
28. Sapozhnikov I.V. Nove pis'move dzerelo ser. XVI st. z istorii ta arheologii Pivnichnogo Prichernomor'ja [A New Written Source of the middle of the 16th century on the History and Archaeology of the Northern Black Sea Region]. *Kiivs'ka starovina* [The Kyiv' Antiquity]. K., 2002, no. 5, pp. 110–119.
29. Soboleva O. Musul'mans'ki svjatini Krimu: pohodzhennja ta skladovi kul'tu pokloninnja [The Muslim Shrines of the Crimea: Origin and Formation of the Workshop Cult]. *Kraeznavstvo* [Regional Studies]. K., 2012, no 3, pp. 33–41.
30. Ćelebi E. Kniga podorozhi: Pivnichne Prichernomor'ja [Book of the Travel: Northern Black Sea Region]. Transl. from Russian S.O. Karlichuk, L.V. Kushnir. Odessa, 1997. 84 p.
31. *Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego*. Lwów, 1887. T. XII. № 3428. S. 330.
32. Bronovius M. *Tartariae descriptio. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topografico atque politico illustratae*. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeriana, 1630.
33. Godreccio W. Poloniae Litvaniaeq[ue] Descriptio, 1602. Vavrichin M., Dashkevich Ja., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnih kartah. Kinec' XV st. – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Old Maps. The late 15th century to the mid–17th century]. K., 2006, pp. 102–103.
34. Halecki O. *Ostatnie lata Swidrygielły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka*. Kraków, 1915. 315 p.
35. Kurtyka J. Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 r. *Rocznik Przemyski*. 2004. Vol. XL. Zesz. 4. Historia. №36. S. 164–166
36. Kurtyka J. Z dziejów królew szczyzni organizacji militarnej Podolu XV i początku XVI w. (wokół nadania starostwa podolskiego Teodorykowiz Buczacław 1442 r.). *Rocznik Przemyski*. 2007. Vol. XLIII. Zesz. 1. Historiawojskowości. pp. 3–52.
37. Lewicki A. *Powstanie Swidrygielły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną*. Kraków, 1892. 389 p.
38. Mercator G. *Russia cum Confinijs*. Vavrichin M., Dashkevich Ja., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnih kartah. Kinec' XV st. – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Old Maps. The late 15th century to the mid–17th century]. K., 2006, pp. 144–145.
39. Mercator G. *Tavrica Chersonesus. Nostra aetate Przecopjca et Gazara dicitur*, 1630. Vavrichin M., Dashkevich Ja., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnih kartah. Kinec' XV st. – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Old Maps. The late 15th century to the mid–17th century]. K., 2006, pp. 140–141.
40. Sarnicius S. *Descriptio veteris et novae Poloniae cum di visione eiusdem veteri et nova*. Długossus I. *Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, in lucem prodeunt et cum praefatione Henrici L. B. ab Huysen*. T. 2. Francofurti et Lipsiae, 1712. pp. 1873–1944.
41. *Skarbiec diplomatow papiezkich, cezarskich, królewskich, księżęcych, uchwał narodowych, postanowien rożnych wladz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi, Litewskiej i ościennych im krajow*. Wyd. I. Daniłowicz. Wilno, 1860. Vol. 2. pp. 330–331.
42. *Zbiór dokumentów małopolskich*. Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś. Wrocław, 1975. Cz. VIII. 330 p.
43. *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie*. №2905. K. 17–18.
44. *AGAD w Warszawie*. Tzw “Metryka Litewska IV B. Sygn. 17. K. 217–217v. Tytuł: Geor(gius) Jaslowieczky cast(ellanus) Cam(eneczensis); castra Carawl, Czarnigród, Caczibieiw.
45. *Biblioteka Czartoryskich w Krakowie*. Teki Naruszewicza. Vol. 17. № 155. S. 555–556.

About the author: Ol'ga Valer'evna Beletskaya – teacher, Osichki village school, Cand. Sci. (History) (village Osichki, Savranskiy district, Odessa region, Ukraine); podoliana@yandex.ru

УДК 355/359(=512.1)

Вопрос Северо-Западного Причерноморья в истории Золотой Орды

Я.В. Филичук*(Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины)*

Данная статья посвящена вопросам истории причерноморских степей конца XIII в. – середины XV в. Цель данного исследования состоит в анализе причин и следствий крушения Улуса Ногая и возникновения румынских князев. Новизной данного исследования является решение спорных вопросов истории Улуса Джучи: времени вхождения Буджака в состав Молдавии, статуса Аккермана в составе Молдавского княжества, отсутствия присутствия Улуса Джучи в Северинском банате. Улус Ногая не перестал существовать после смерти своего основателя. Он существовал как политическая структура по крайней мере до Узбека, которая управлялась Джучидами. Токта пошел на вынужденные меры, создав болгаро-татарский и русинско-татарский кондоминаты в Карпато-Дунайском регионе. Северинский банат не ходил в состав Улуса Джучи. Земли Мунтении также почти не входили в состав татарских владений. Венгерская экспансия привела к миграции большого количества валахов на восток. Территория Молдавии увеличивалась за счет завоевания татарских земель. Валахия приняла скромное участие в разделе золотоордынских земель. Аккерман попал под власть Молдовы в 70-х гг. XIV в. Татары Буджака стали подданными молдавского господства с 90-х гг. XIV в. Аккерман пользовался автономией в составе Молдавии. Килия и Ликостомо были не геноэскими, а татарскими владениями, где находились итальянские торговые фактория.

Ключевые слова: Улус Джучи, татары, валахия, Молдавия, Валахия, венгры, кондоминат, Северинский банат.

Одним из интереснейших вопросов истории Улуса Джучи являются его отношения с болгарями и романскими князьями. Контроль над Карпато-Дунайским регионом был одним из ключевых вопросов во время существования Улуса Ногая. После падения Улуса Ногая Северо-Западное Причерноморье утратило прежнюю важность для политики Улуса Джучи. Нельзя сказать, что проблема совсем не разрабатывалась. Вопросы существования кондомината в Карпато-Дунайском регионе посвящены работы В. Гюзелева, П. Павловым, И. Коноваловой и Н. Руссева [4; 12; 13; 16]. Взаимодействие Молдавии с татарами исследовано П. Параской, Н. Руссевым, В. Спинеем и И. Вашари [17; 21; 22; 40; 41; 42]. На протяжении XIV–XV вв. несколько стран соревновались в борьбе за контроль над Северо-Западным Причерноморьем. В данном исследовании мы рассмотрим причины и последствия появления восточнороманских князев в этом регионе.

В конце XIII в. очень много в регионе Центрально-Восточной Европы и на Балканах зависело от позиции Джучида Ногая, который в причерноморском регионе фактически создал государство в государстве. Это обусловило противостояние с центром. Токта развязал войну, которая в конечном итоге закончилась его смертью. Но у Ногая остались сыновья владевшие землями. После того, как погиб Ногай среди его прежних подданных наметился раскол. Тека (Теке, Муке) хотел покориться Токте и сохранить за собой улус [26, с. 115–116, 160; 27, с. 72; 14, с. 142; 39, 77; 23, с. 61]. Однако это вызвало реакцию Чаки. Он убил Теку, а его владения отдал своему зятю Тунгузу. Однако этот эмир, видя безвыигрышное положение Ногаида, готовил заговор. Чака был вынужден укрываться в земле асов. От местных аланов Чака получил подкрепление и разбил войско Тунгуза и Таза. Эти эмиры отправили послов к Токте с прошением стать их сюзереном. Токта принял его и отправил на помощь Тунгузу и Тазу своего брата Бурлюка. Не имея возможности противостоять превосходящим силам Чака бежал в страну Улаг. Эти улаги были болгарями, поскольку было сказано, что Тарнун (Тарну) это столица Улага [4, с. 23.; 26, с.116–117, 160–161, 384; 14, 142–143; 20, с. 79–81; 2, с. 55–56; 39, s. 78; 23, с. 61]. Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мисри и Ан-Нувайри сообщали, что бояре обратились к Тодору Светославу, чтобы он покончил с Чакой, поскольку выдачи Чаки желает Токта. Если же болгары не разобрались бы с Чакой, то на них бы пошел войной Токта [26, с. 117, 161; 39, s. 78]. Абу-л-Фида сообщал, что болгарский царь захватил Чаку в плен и приказал его казнить [12, с. 72]. Похожую информацию сообщали Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мисри и Ибн Халдун. Чаку был взят под стражу в Тырново, а после санкции Токты его убили. Голову Чаки отправили в Крым для Токты [4, с. 25]. И. Коновалова делает важное за-

мечание, что болгарский царь повел себя не как независимый правитель, а как вассал хана. Он сначала бросил его в тюрьму, а после согласования с Токтой казнил [12, с. 98; 2, С. 57; 23, с. 61].

Тури (или Турай) вошел в доверие к Сарай-Буге и предложил ему разделить власть убив при этом Токту. Заговор был неудачным поскольку Сарай-Буга сообщил об этих планах своему брату Бурлюку. Нужно сказать, что после смерти Ногая Токта отступил в свои владения. Предлога для продолжения войны у него не было. Владения Ногая должны были стать наследством его сыновей, однако вражда между ними нивелировала возможность сохранения власти в их руках. Война с Тунгузом и Тазом тоже расшатывала силы Ногаидов. Примечательно, что только после заговора Тури и Сарай-Буги Токта распределил владения Ногаевого Улуса среди Ильбасара, Сарай-Буги, Тукель-Буги. Сближение Тури и Сарай-Буги могло состояться только при личном контакте этих правителей, а это обозначало, что Тури правил какой-то областью в прежних владениях отца. Только при условии отсутствия прямых наследников Ногая Токта мог полностью занять владения его улуса [26, с. 118–119, 161; 14, с. 143–148; 20, 81; 16, с. 117; 2, с. 57; 39, с. 78–79]. Бурлюк сообщил о готовящейся измене [26, с. 118, 162]. Токта двинулся против заговорщиков, которые были убиты при его личном присутствии [26, с. 119, 162; 20, с. 81]. После смерти Тури у Токты были развязаны руки для расправы с внуками Ногая. Именно поэтому Кара-Кисек бежал из Буджака к соседям [26, с. 119, 162; 2, с. 58]. Ногаев Улус как составная часть Улуса Джучи и отдельная административная единица продолжал существовать и после 1299–1300 гг. [30, с. 167]. Сначала его правителем был Сарайбуга (брат Токты). После того как заговор Тури и Сарай-Буги был раскрыт, Токта назначил правителем западного улуса Тукель-Бугу. К Тукель-Буге был приставлен Курумшевич Янджи. Потом этот улус получил сын Токты Ильбасар [26, с. 115–119, 161–162, 383–384]. Во времена Узбека в этом регионе упоминались полководцы Тайтак и Тоглу-Тархан. Они были назначены Узбеком эмирами наиболее западных улусов. К сожалению, их имена зафиксированы только в византийских хрониках [38, с. 293]. Ниже от них по иерархии находились тысячники, сотники и десятники [21]. По данным ан-Нувайри братья Токты Ильбасар и Бурлюк умерли еще в 1307/1308 г. [26, с. 162]. Влияние Улуса Джучи ощущалось в Подунавье и после смерти Ногая и его сыновей. В регионе продолжал чеканку монетный двор Искачи. Земли Карпато-Дунайского региона в большинстве своем перешли к болгарскому царю Тодору Светославу, который оставался вассалом улуса Джучи [12, с. 92–104].

Падение Улуса Ногая обусловило миграцию алан на Балканы. Прежние подданные Чаки остались без хозяина. В 1302 г. аланы попросили разрешения переселиться во владения византийского императора. Ромеи дали позитивный ответ и аланы в количестве 10 тыс. воинов смогли переселиться в византийские земли через Болгарию [5, с. 197–201; 42, р. 108; 16, с. 116]. Некоторая часть аланов осела в Болгарии. Они помогали болгарам в обороне Пловдива (1323 г.) и Видина (1365 г.) [16, с. 117]. Те аланы, которые перешли на службу к Византии, были поселены Андроником Палеологом в Малой Азии для того, чтобы служить как пограничники против турок. Однако они в первом же бою были разбиты и, опустошая владения ромеев, вернулись в Европу [5, с. 197–201]. В Европе они снова были призваны на службу к императору и должны были выступить против каталонцев, но уклонились от стычки. Никифор Григора сообщает, что массагеты (аланы) имели тайные приглашения от европейских скифов (Улуса Джучи) [5, с. 219–221; 42, р. 108.]. В 1306–1311 гг. Хиландарский монастырь на горе Афон разорился каталонцами, турками, татарами и аланами [42, р. 109]. Стефан Урош II Милутин принял турок, татар и алан к себе на службу. Они приняли участие на стороне короля в его войне против Стефана Драгутина [42, р. 110].

В. Егоров считал Северинский Банат самой западной частью Улуса Ногая, а Мунтению составной частью владений Ногая [11, с. 48–49]. Т. Сэлэджан считает, что венгры утратили контроль над Северином после 1285 г. Но такой взгляд уже устарел. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют утверждать, что даже в момент своего расцвета Улус Ногая никогда не включал эти территории. Тут необходимо привлечь актовый материал. В грамоте от 2 июля 1247 г. король Бела IV дарил госпитальерам земли влашских кнезатов Иоанна и Фаркаша (Лупа). Госпитальерам приписывалось воевать против схизматиков и язычников. В 1247 г. венгры аннексировали соседние с Северинским банатом владения. Оба кнезата находились на территории Олтении. Третий кнез принадлежал Литовою. В него входил комитат Хацег и terra Lutua. От 1247 и до 1272 г. Литовой платил дань венграм. Восстание против венгров было обусловлено передачей венгерским королем земли Хацег Иоахиму Гюткеледу. В Хацеге и Мехадии новый хозяин соорудил два замка. Венгрия готовилась к аннексии третьего по счету кнезата. Литовой восстал и хотел вернуть себе Хацег, а

также вероятно занял Олтению. Такие действия владов вызвали незамедлительную реакцию венгров. Хацег в 1276 г. был превращен в комитат во главе с Петром Абой. Магистр Дьёрдь Бакса сын Шимона был отправлен для подавления восстания владов. В 1278 г. он был назначен баном Северина, а в 1279 г. выступил в поход из замка. В битве с Дьёрдем Бакса погиб кнез владов Литовой, а его брат Бербат попал в плен. Ласло IV Кун взял с владов большой выкуп за Бербата. За успехи в борьбе против владов Дьёрдь по грамоте от 8 января 1285 г. получил в свое владение села в земли Шарош. Четвертым романским кнезатом было владения Сенеслава на территориях средневековых уездов Арджеш и Мусчел. Северинский банат не был владением татар, а был приграничной областью Венгрии. Позже во владениях Сенеслава возникла венгерская приграничная марка. В правление короля Андраша III на территорию бывшего кнезата Сенеслава прибыл Негру Водэ. С этим полулегендарным правителем связана история становления румынской государственности. Негру Водэ было не именем, а кличкой этого человека и буквально значило Черный Воевода. Этот правитель имел владения в комитате Фегераш, а потом возглавил приграничную марку с центром в Кымпулунге. Предполагают, что именем этого человека было Тохомер. Он был назван отцом Басараба и православным (схизматиком) по вероисповеданию. Тохомер, как и его сын Басараб, был кыпчаком по происхождению, который вследствие контактов с владями принял православие [42, р. 146–148, 151–152; 27; 10, с. 371–373; 36, р. 23–43; 25, с. 173–176].

В «Сказании вкратце о молдавских господарях» сказано, что старые и новые римляне помогли венгерскому королю Владиславу победить татар Немейта, которые пришли с Прута и Молдавы. В битве на Тисе румынские союзники победили татар. Немейтом в молдавской хронике является Ногай. Правда, ему были приписаны действия которые на самом деле осуществил Телебуга. При описании вторжения войска Улуса Джучи указано, что оно перешло горы Ардяла (Трансильвании) перед тем сразился с римлянами на Тисе [17, с. 55–56]. В молдавских источниках граница татарских владений отчетливо связывается с Прутом и никак не западнее. В описании переселения людей Драгоша в «Сказании вкратце о молдавских господарях», что пастухи из Ардяла, который зовется Марамуреш охотились на тура, перешли горы и остановились на реке Молдавы. Григоре Уреке сообщал о пастухах венгерских гор, которые поселились под горой. Позже к ним были приглашенные ими люди из Марамуреша. Симеон Даскал добавил к тексту Григоре Уреке эпизод со встречей с русином Ецко. Григоре Уреке относил переселение людей Драгоша к 1359 г. Николай Костин же относил их к 1299 г. Никто из молдавских хронистов не указывал на опасное соседство со стороны татар. Силы Ногаевого Улуса были подорваны враждой с имперским центром и как во время Курумыши и Бурундая являлись задворками Рах Mongolica [17, с. 50–51, 56].

Некоторую пользу для себя от падения Улуса Ногай вынесло Второе Болгарское Царство. Г. Бретяну считал, что в правление в Болгарии Тодора Светослава Дугайско-Днестровское междуречье продолжало находиться под властью хана. Ученый предположил, что Тодору Светославу было подарено право собирать пошлины в городах Северо-Западного Причерноморья и иметь там гарнизоны. Болгарская власть в этом регионе по мнению румынского ученого была лишь эпизодом. Конец болгарского владычества совпадает со смертью болгарского царя в 1322 г. Одним из главных последствий поражения Ногай П. Ников считал переход Бессарабии под власть болгар. Болгарский исследователь считал это благодарностью Токты Тодору Светославу за помощь против потомков Ногай. Такого же мнения придерживаются Г. Владимиров и П. Павлов. Отношения с Токтой классифицированы как вассальные. Сюзеренитет татар над Болгарией сохранился, но сама степень зависимости была незначительной. Мнение П. Никова относительно принадлежности Бессарабии разделяли Л. Полевой, Н. Мохов и П. Параска. В. Спинея же считал, что татары продолжали владеть Днестровско-Дунайским междуречьем. И. Коновалова и Н. Руссев считали, что власть татар над Карпато-Дунайским регионом после гибели Ногай ничуть не пошатнулась [4, с. 26; 12, с. 93–94, 101–102; 13, с. 34–35, 36–37; 16, с. 118–119].

В. Егоров считал, что после гибели Ногай власть Улуса Джучи в регионе сохранилась только в Прутско-Днестровском междуречьем. Ал-Умари приводил слова купца Мухаммеда ал-Карбали который доезжал до Аккермана и страны булгар. Другой купец Хасан ал-Руми указывал на Аккерман как на пограничный город Улуса Джучи. Абу-л-Фида называя Исакчу мусульманским городом тем не менее не называл его татарским, а Аккерман был назван городом страны болгар и тюрок. К стране болгар и тюрок был также отнесен Сару-Керман. Исакча указана как город принадлежащий к стране ал-афлак и подчиняющийся Константинополю. В. Спинея считал этот город исламизированных волжских булгар. Термин ал-булгар у Абу-л-Фиды действительно применялся

только к волжским булгарам, дунайских болгар было названо ал-авлак. Однако устные сведения купцов, собранные Абу-л-Фидой, по мнению И. Коноваловой и Н. Руссева, могли и не учитывать книжную традицию. По мнению В. Гюзелева, термин тюрки обозначал у Абу-л-Фиды мусульман и татар, а термин болгар обозначал дунайских болгар. Исакча упоминалась как город в стране валахов и подвластный Константинополю. Очевидно, в сведениях о подчиненности Исакчи Константинополю нашло отображение церковное подчинение епархии Вичины Константинопольскому патриарху. Реальная политическая власть должна была принадлежать болгарам. Земли между Днестром и дунайскими устьями были населены татарами и болгарами. В документах Оффиции Газарии от 1316 г. описан конфликт между генуэзцами и болгарами. Итальянская администрация предлагала эвакуировать генуэзскую колонию, как из города в котором произошел конфликт (Mavrocastro, то есть Аккермана), так и из других владений Тертеридов. В документах ордена францисканцев есть сообщение о монахе Анджело де Сполето, который был убит болгарами. Об этом говорят разные списки этого документа составленные в 1314–1329 и 1339–1343 гг. Другие документы ордена францисканцев составленные около 1320–1330 гг. относят Вичину и Маурокастро к Тартарии [26, с. 235–237; 13, с. 38–40; 4, с. 26–27; 16, с. 115–116; 11, с. 193; 37, р. 54].

На картах П. Весконтэ 1311–1320 гг., Дж. да Кариньяно начала XIV в., Г. Солери 1385 г. татарские владения отмечены на север от Дуная, [4, с. 27; 12, с. 94; 13, с. 41]. Болгарская власть до Днестра зафиксирована на картах А. Далорто 1325 г., братьев Пицигиани 1367 г. и Каталонском атласе 1375 г. [12, с. 94]. На анонимной карте от 1351 г. есть надписи *Bulgaria* и *Provincia Bulgaria* расположенные по оба берега Дуная. В Каталонском атласе 1375 г. Болгария также размещена по оба берега Дуная [4, с. 27]. Власть болгар в этом регионе закончилась со смертью Тодора Светослава в 1322 г. [12, с. 94].

Ибн Баттута даже не считал Болгарию отдельным государством, а включал ее в состав Улуса Джучи [26, с. 303–305]. Ал-Муффадал локализовал владения Джучидов от Булгара до Константинополя [26, с. 198]. Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад б. Али ал-Калкашанди считал страну Улаг одним из округов Улуса Джучи. Интересно, что в этой стране были названы города Тырнав (Тырнов) Исакча. Очевидно, что в эпоху Узбек-хана почти вся Добруджа входила в состав Болгарии [6, с. 290]. В целом восточные географы были склонны игнорировать факт существования независимого болгарского государства, представляя болгар как подданных Джучидов. Ибн Баттута упоминал о Баба-Салтуке как о последнем городе принадлежащим туркам. Название города было связано с мусульманским святым Сара-Салтуком, который в XIII в. основал в Добрудже мусульманскую общину. Кроме Баба-Салтука он упоминал поселения Махтули и ал-Фаника. Н. Руссев сопоставляет Баба-Салтук с Бабадагом в Добрудже. Относительно же Исакчи исследователь пришел к мнению, что Вичина и Исакча это два разных названия одного города. Недалеко от Тулчи был найден Узунбаирский клад где было 200 византийских и 20 тыс. джучидских монет. В нотариальном акте от 8 августа 1290 г. Лукиано Гатилузио в Каффе получил всего 6125 аспров для того чтобы закупить товар в Вичине. Вичина была значительным татарским центром и таким образом ее можно отождествить с Сакджой (Искачей) в восточных источниках. Абу-л-Фида характеризовал Сакджу как город который в большинстве населения мусульмане. Но он несколько лукавил. Известно, что в Вичине находилась резиденция митрополита, который в 1337–1338 гг. жаловался, что город принадлежит язычникам, то есть мусульманам. Относительно локализации Вичины, то около этого вопроса идут споры. Абу-л-Фида размещал его в устье Дуная. Н. Руссев считал возможной локализацию Вичины около Измаила [22, с. 95–97].

Тенденция включать Болгарию в состав Улуса Джучи или называть ее среди земель подвластным Джучидам характерна и для части европейских географов. В «Описании Восточной Европы 1308 г.» Болгария считалась данником Джучидов [4, с. 25; 12, с. 95–96]. По данным буллы Иоанна XXII от 26 февраля 1318 р. владения Узбека простирались от Варны до Сарая [12, с. 96]. Антонио Узодимаре считал Болгарию провинцией Улуса Джучи, однако западная граница владений татар по мнению географа начиналась от Вичины [29, с. 227]. На карте братьев Пицигиани 1367 г. есть надпись, что Сарай резиденция императора Узбека, а его империя обширна и начинается в провинции Болгария и в городе Вичина [13, с. 41]. На Каталонском атласе 1375 г. отмечены имена Узбека и Джанибека и отмечено, что их империя начинается в Болгарии и заканчивается городом Органцио (Хорезм) [4, с. 29]. Интересно, что на картах братьев Пицигиани и Каталонском атласе надписи никак не соотнесены с значками которые обозначают принадлежность территорий. По

этим значкам граница Болгарии проходит не по Нижнему Дунаю, а по Днестру [13, с. 41–42]. Хазарская кустодия католического викариата Аквилонской Татарии включала Вичину [17, с. 73].

И. Коновалова и Н. Руссев указывают, что власть одной только Болгарии до Днестра указана только на карте А. Далорто. Исследователи пришли к мнению о болгаро-татарском кондоминиуме в регионе [13, с. 42; 4, с. 27]. Интересно, что на картах А. Дулчерта над Аккерманом и Вичиной был поставлен татарский флаг [4, с. 30]. По мнению В. Егорова, граница между Улусом Джучи и Болгарией проходила по Дунаю [11, с. 46]. В. Гюзелев считает, что в состав Болгарии входили некоторые города Бессарабии, которые были позже включены в состав Улуса Джучи ханом Узбеком [4, с. 26–28].

Отдельно нужно сказать о сведениях, которые свидетельствуют о присутствии русинов Галицко-Волынского государства в регионе. Могущество Галицко-Волынской державы было отмечено в источниках. В «Описании Восточной Европы 1308 г.» упомянуто о стране Рутения, которая является соседом Болгарии и в которой правит князь многих людей Лев. Границы Рутении и Болгарии должны были находиться где-то в Дунайско-Днестровском междуречье, поскольку на Аккерман распространялась церковная юрисдикция Галицкой митрополии. Романовичи, как и Тодор Светослав платили ежегодную дань татарам [34, р. 40–41; 24, с. 120–137]. То есть кроме болгаро-татарского кондоминиума был еще и русинско-татарский кондоминиум в Северном Причерноморье. В «Мученичестве Иоанна Нового», которое написал Григорий Цамблак, перед 1330 г. указано, что татарин (Персин в тексте) хотел чтобы Иоанн перешел в ислам и отрекся от христианства. Иоанн отказался, за что претерпел муки и умер. Это позволяет утверждать, что кроме русинской и болгарской администрации в Аккермане были сильны позиции татар [4, с. 29].

Генуэзские фактории находились в ряде городов, что отнюдь не означало из принадлежности генуэзцам. В «Списке городов русских» Вичина (Сакджи, Исакча), Килия, Енисала упомянуты как владские и болгарские города [4, с. 30]. Вичина в 1337–1338 гг. принадлежала татарам. Ранее, между 1330 и 1332 г., она принадлежала ромеям. До этого времени она находилась под контролем ромеев. Митрополий Макарий сообщал о том, что город попал в руки язычников. В 1337–1338 г. пираты под командованием бея Айдына Умура совершил рейд на Килию. Он воевал против татар и их валашских союзников. В греческом кодексе указано, что немного после 1343 г. Вичина была населена христианами, но подчинялась варварам. В 1351 г. в Вичине появилась генуэзская фактория. В 1359 г. епископия Унгро-Влахии переехала из Вичины в Валахию. Следовательно где-то около этого времени Вичина была подчинена Валахии. Килия, как и Вичина, была основана ромеями и зависела от Константинопольского патриархата. Генуэзцы появились в Килии только в 50–60-х гг. XIV в. Важными были сведения документов Антонию ди Понцо, генуэзского нотариуса Килии. Он называл по имени трех тысячников – Кою, Конакобея и Менгли-Бугу. Предполагалось, что город перешел под власть валахов. Предполагаются разные даты перехода Килии под валашскую юрисдикцию (1361, 1388–1390, 1394–1395, 1402, 1403, 1405 гг.). Колония в Килие находилась около владений добруджанского деспота Добротицы. Однако тот не осмеливался напасть на город, пока он находился под властью татар и только вредил генуэзской торговле в регионе, захватывая генуэзские судна. Еще в 1360 г. Килия была генуэзской колонией под татарской властью. По мнению Д. Делетанта, Килия перешла под власть татар около 1341 г., а до того в 1318–1323 гг. была под юрисдикцией константинопольского патриарха. В 1341 г. на Килию с моря напал союзник ромеев – правитель турецкого бейлика Айдын Умур-бег. Около Килии находился населенный пункт татар Явария. Килия находилась в районе Килия-Веке в румынской части дельты Дуная. В начале XV в. Килия принадлежала Молдавии. Третим городом было Ликостомо. Ликостомо переводился с греческого как Волчье Устье. Ликостомо локализируют напротив современного Вилково около села Периправа на румынской стороне. Ликостомо (Ликостомион) был крепостью на острове. Похоже, что его статус был похож на положение Килии. Эти города играли важную роль. В 70-х гг. XIV вв. тут продавали рабов из татар. Одним из них был принявший христианство Георгий из Каффы [21; 22, с. 97–98; 37, р. 516–523].

Венгры наращивали свое присутствие в регионе. Сын Тохомера Басараб назывался в грамоте от 26 июля 1324 г. не иначе как «воевода наш заальпийский» (Альпами называли еще Южные Карпаты). Басараб стал вассалом Карла Роберта после 1321 г. Установление власти венгерского короля в регионе произошло после того как победил Теодора и Иоанна Вейтехов, которые пользуясь борьбой за власть между магнатами и королем, фактически стали самостоятельными правителями Северинского баната. Теодор Вейтех был союзником видинского деспота Михаила Шишмана. В конце

1321 или в начале 1322 гг. королевские войска взяли замок Мехадия, где укрывался Иоанн Вейтех. В грамоте от 18 июня 1325 г. Басараб был назван неверным короне. На протяжении 1324–1330 г. бан Северина не упоминался в венгерских источниках. Однако в 1326 г. венгры отразили атаку татар в этом регионе. В венгерских документах сообщается под 1327 г., что комит Брашова Шаломон оказывал сопротивление врагам креста, еретикам и схизматикам. В 1331 г. папа римский Иоанн XXII сообщал о блестящей победе над врагами креста. В этом случае упоминается победа венгров над русинами в Верхнем Потисье [17, с. 74–78; 7, с. 533–534]. В 1332 г. Иоанн XXII предлагал епископу Эстергома рассмотреть вопрос о восстановлении католической епископии в Милкове [17, с. 46]. Но он оставался нерешённым пока в Улусе Джучи правил Узбек. По данным папской буллы Карл Роберт готовил поход против схизматиков и еретиков. Королю также приписывалось намерение идти походом в засушливую местность (то есть в степи, против татар) [3, С. 18].

Каштелян Дионисий Сечи в 1329 г. оборонял от врагов короны замок Мехадю. В документе от 27 марта 1329 г. Басараб был назван среди врагов Карла Роберта. В этом списке кроме Басараба, упоминались правители сербов, болгар и татар. В битве при Посаде 9–12 ноября 1330 г. Басараб использовал помощь татар против венгров и кыпчаков. Басараб проводил самостоятельную политику. В 1323 г. он был союзником болгар в войне с Византией, а в 1330 г. предоставил Михаилу Шишману вспомогательный отряд для войны с сербами. Вместе с татарами влахи послали вспомогательный отряд в 3 тыс. человек. В 1331 г. при помощи Басараба болгарским царем стал Иван Александр, в 1331–1332 гг. валахи были союзниками болгар в войне против Византии. Перед началом новой войны венгров с влахами Северинский Банат находился под контролем Басараба. После кампаний наследника Карла Роберта Лайоша (Людовика) I Великого валахи потеряли контроль над Северинским Банатом [36, р. 23–43; 25, с. 176–178].

Смерть Узбек-хана в 1341 г. застала Улус Джучи в зените своего могущества. Однако такое золотое спокойствие было обманчиво. После смерти этого великого хана в отношениях с соседями Улус Джучи не всегда оказывался сильной стороной. Венграм удалось переломить ситуацию только после смерти Узбека и победы комита секеев Эндре Лакцифи над татарским правителем Атламышем в 1345 г. В этой битве погибли венгры Давид Шуки и Янош Патвароци. По сведениям Яноша Кюкюллеи люди Атламышя после поражения были вынуждены бежать в далёкое поморье к другим татарам, то есть в Буджак. Анонимный венгерский минорит называет Атламышя (Атламышя) вторым после хана [1, с. 24–25]. Естественно это было не совсем так. При Джанибеке доминировали эмиры упомянутые ал-Мухибби. Но в этом списке не было Атламышя. Это значит, что он был только одним из эмиров без особенного политического влияния [26, с. 347–350]. В 1347 г. король Лайош I сообщал Папе Римскому о том, что епископия в Милкове восстанавливается. Победа Эндре Лакцифи привела к вытеснению татар из восточных районов современной Румынии [17, с. 46].

Венгерская победа открыла путь для румынской колонизации просторов Карпато-Дунайского региона. Не можно сказать, что валахов в регионе не было. В конце XIII в. на этих территориях уже существовала земля валахов и русинов. Рашид ад-Дин упоминал о стране Караулаг. Валахи находились в Восточном Прикарпатье еще во времена Ласло IV Куна. В «Сказании вкратце о молдавских господарях» сбереглась память о князях Романе и Влахате, как о первых правителях. Так или иначе они должны были подчиняться татарам. Именно их земля должна была носить название страна валахов и русинов. В топонимии Молдавии сохранились названия Баскауцы и Баскачаны. Баскауцы были зафиксированы в цинуте Дорохой, а также в Башеу и Жижии. В юридическую практику княжества Молдова вошли тюркские термины тархан и тамга. Названия многих сел имело корень татар. На территории Молдавии находились большие золотоордынские поселения Шехр ал-Джедид (Старый Орхей) и Костешты. Татарское наследство давало о себе знать на территории Молдавии [21; 41, р. 460–461, 463].

Валахи из Марамуреша хлынули на территорию будущей Молдовы. Первые влахи появились в регионе еще во время правления Ласло IV Куна. В 1347 г. Папа Клемент VI в письме архиепископу Калоча предлагал восстановить Милковскую епископию. В этом регионе находился валах Драгош. В 1359 г. венгерский король Лайош отправил войско валахов Драгоша против валахов Богдана. Лайош в утвердительной грамоте от 20 марта 1360 г. утверждал Драгоша как правителя Молдовы. Среди заслуг этого правителя было возвращение Молдовы под власть венгров. Богдан уже бунтовал против венгров в 1343 г. Влахи Молдавии восставали против венгров в 1342, 1349, 1364 гг. В грамоте Лайоша от 2 февраля 1365 г. Молдавия предоставлялась Балку сыну Саса. И

Драгош и Балк были лояльны Венгрии. К. Чиходару предполагал, что в результате нескольких побед одержанных венграми в 1352–1353 гг. на территории Молдовы образовалась приграничная марка. П. Панаитеску считал ее составной частью Венгрии. Ш. Горовей считал, что территория Молдавии на протяжении около ста лет находилась под властью Венгрии. Драгоша он считал должностным лицом пришедшим в Молдавию после венгров. В. Сенкевич считал, что после разделения между поляками и венграми земель Галицкой Руси земля от Карпат до Днестра образовала военную марку во главе с Драгошем. В 1358 г. венгры получили выход к Дунаю через коридор от Брашова до Бреилы. В 1368 г. валахи сражались против войска воеводы Миклоша из Трансильвании. Вместе с валахами против венгров сражались молдаване. П. Параска считал, что князь Богдан вынудил венгерского ставленника Балка бежать из Молдавии. По мнению Н. Руссева, Богдан утвердился как господарь только в 1365 г. Богдан в 60-х гг. XIV вв. занял Шехр ал-Джедид и предпринял шаги к подчинению Нижней Страны, то есть районов около Дуная. Богдан в 40-х гг. XIV в. был вассалом татар благодаря чему долгое время был неуязвим для Лайоша I, переходя при возможности на территории подконтрольные Улусу Джучи. «Великая Замятня» в Улусе Джучи позволила Богдану стать независимым правителем. Б. Черкас считает, что в 1363–1365 гг. Богдан отгеснил татар на западе за реку Серет, а на юге – за реку Бык. Таким образом, границы Молдавского государства стали проходить в районе современного Кишинева. Татары потеряли важный город – Шехр ал-Джедид (Орхеюл Веке, Старый Орхей). К моменту венгерского наступления молдаване имели тыл на востоке [21; 31, с. 84; 37, р. 527–528].

Важным аспектом является статус Аккермана в контексте отношений Улуса Джучи со своими соседями. На карте Пьетро Весконте 1320–1321 город назван Монкастро и над ним флаг Джучидов. На портолане Марино Санудо 1321 г. Маурокастро обозначен джучидской тамгой и полумесяцем. На карте Перрино Весконте 1327 г. Мокастро и флаг Джучидов. На карте Франческо де Чезаниса 1421 г. Монкастро и флаг Джучидов. На карте Иоанна де Вилладестеса 1428 г. Монкастро и флаг Джучидов. То есть почти все картографы считали Аккерман татарским городом. Только на карте Джованни де Кариньяно начала XIV в. Аккерман обозначен как генуэзский город. Но конечно речь не¹ идет о том, что Аккерман принадлежал генуэзцам. У них в городе была только фактория. [4, с. 29–30]. На итальянских картах XIV в. Аккерман упоминается как город принадлежащий Улусу Джучи [4, с. 26.; 12, с. 94, 101–102; 13, с. 34–35, 36–37].

В Аккермане были найдены татарские монеты 60-х гг. XIV в. О. Горка считал, что после Синеводской битвы литовцы взяли Аккерман. По его предположению, они отвоевали его у Деметрия, который владел улусом между дельтой Дуная и Бугом. Н. Руссев предполагал, что к 1374 г. молдаване под предводительством Юрия Кориатовича достигли Аккермана. Б. Черкас указывает, что в 1374 г. литовцы сражались с войсками Темирэза в этом регионе. Основанием для утверждения о продвижении Кориатовичей к Черному морю являются сведения Никоновской летописи и Рогожского летописца. Вполне возможно, что Аккерман принадлежал молдаванам уже при господаре Юрие Кориатовиче [21; 32, с. 86–87].

В 1386 г. два генуэзца приехали в Маврокастро из Каффы. Город принадлежал молдавским князьям Петру и Константину Мушатам. Эту дату И. Вашари считал временем перехода власти над городом от татар к молдаванам. Как сюзерен молдавских господарей Владислав-Йогайла имел власть над Аккерманом в 1387 г. Петр Мушат в начале 90-х попробовал восстать, но в 1393 г. был вынужден признать зависимость от Польши. В 1395–1396 г. молдавские контингенты приняли участие в войне поляков против тевтонцев. Сюзеренитет над Молдавией позволил полякам активно использовать торговый путь из Львова в Аккерман. В 1390–1391 гг. при посредничестве молдавского господаря вассалом Йогайлы стал валашский господарь. В 1387 г. регион по Дунаю ниже Бреилы принадлежал Петру Мушату. В грамоте 1433 г. Владислава-Йогайла господарю Илье подтвердились границы Молдавии и Польши от Поля Болохова по Днестру до моря. Эта грамота подтверждала условия вассального договора 1387 г. молдавского князя с польским королем. Молдаване признали свою зависимость от Польши сразу же после удачного похода поляков на Королевство Руское. Владислав Опольский потерял власть над Галичиной, а молдавские господари боялись за свои земли. Молдавский господарь должен был выставлять своих воинов на помощь полякам. Молдавских монет 90-х гг. на Нижнем Дунае не было обнаружено. Кроме поль-

¹ В. Темушев опубликовал в Интернете заметку об Аккермане – Темушев В. Политическая принадлежность Белгород-Днестровского в XIV в. <http://www.hist-geo.net/index.php?p=58&more=1&c=1&tb=1&pb=1>

ско-молдавского договора единственным доказательством молдавского господства на Буджаком были сведения молдавских грамот. В начале 90-х гг. XIV в. Роман I Мушат титулировал себя «господарем земель от гор до моря» [42, р. 162–165; 21; 37, р. 525–526].

Скорее всего, татарская власть в регионе продержалась до правления молдавского господаря Романа Мушата. Еще в 1388 г. Мухаммед Нешри отмечал присутствие в регионе Кутлуг-Буги и Яндже-бия. На бывшие татарские владения также претендовала Валахия. В валашской грамоте времен Мирчи Старого (27 декабря 1391 г.). Владения валашского господаря обозначались «от гор до татарских стран». «Татарскими странами» в данном случае должны были обозначаться Буджак и район Дунайской дельты. В грамотах Михаила и Радула Прасноглава указывалось, что их границы доходили до берегов Дуная и до Великого (Черного) моря и к татарским странам. В Месемврийской хронике указано, что занятие Варны 2 февраля 1399 г. было связано с действиями «безбожных татар». Татары на север от Дуная фиксировались генуэзскими документами и Мехмедом Нешри. Однако, Ибн Арабшах упоминал о том, что есть мусульманские пленники Кара-Богдан у румынцев (православных). Поскольку Богданом называлась Молдавия, то логично заключить, что татары Буджака и Нижнего Дуная оказались в зависимости от молдаван. Станислав Сарницкий зафиксировал в Нижнем Подунавье орду добруджанских татар [15; 16, с. 94]. Отношения Валахии с татарами неясны. При переселении людей Актау Мирча Старый был вынужден пропустить сквозь свои владения тумен этого правителя. Лаоник Халкондиол отметил этот факт. Отношения татар Актау с Мирчей были во всяком случае нейтральными. П. Панаитеску считает, что татары пребывали на территории владений Мирчи Старого с его на то согласия. В 1406–1408 гг. оба берега устья Дуная находились под властью валашского господаря. Земли на север от Килии находились под властью Молдавии, а сама Килия около 1400 г. принадлежала Валахии и находилась на границе с Молдавией. В то же время в грамоте сказано, что Мирча граничил с татарами. Возможно, в грамоте указано на тех татар, которые подчинились Молдавии [8, с. 203, 208; 37, р. 528–530].

В «Валашской хронике» земли около Аккермана обозначены как земля ногайская. Да и сам Аккерман обозначен как входивший в эту землю. В целом Аккерман мог позволить себе вести политику, которая не всегда согласовывалась с политикой молдавского господаря. Это было автономное владение в составе Молдавии [21]. Похоже, что Аккерману чтобы не повторить судьбу Костешт и Шехр ал-Джедида (Старого Орхья) пришлось признать власть молдавских господарей. Правда, в силу своего географического расположения, Аккерман мог чувствовать себя более независимо. В Молдавии было значительное количество своих татар. Мустафа ал-Хусаини, сообщал, что часть татар ушла в Рум (к османам), а вторая осела в Лакурбунде и их называют Кара-Бугдан [28, с. 215].

Аккерман упоминался в связи с правлением в Молдавии Юрия Кориатовича. В 1374 г. его провозгласили молдавским господарем. Он предоставил Якше Литавору Зубровцы за службу село Зубровцы. Грамота была дана в Бырладе. Относительно подлинности грамоты Юрия Кориатовича Якше Литавору румынские историки ставили вопрос о том, не сфальсифицирована ли она П. Хашдеу. Н. Руссес и В. Темушев писали, что подлинность этой грамоты под большим сомнением. Румынскую позицию поддерживал П. Параска считая грамоту безусловным фальсификатом. Он возражает против того, что Юрий Кориатович был молдавским господарем, но не отрицает его военных действий против татар. Он считал, что в 1374 г. Бырлад еще не был молдавским. Б. Черкас считает грамоту подлинной. В. Темушев считал, что Аккерман полностью принадлежал Джучидам. Молдавские бояре убили Юрия Кориатовича, не желая укрепления власти Кориатовичей в Молдавии. Вслед за этим последовал конфликт. Немецкий францисканец сообщал, что литовцы воевали с валахами. Этими валахами были молдаване. Об литовском князе на троне Молдавии свидетельствуют сведения хроники Мацея Стрыйковского и Быховца, а также Слуцкой и Супрасальской летописей. Нужно сказать, что Штефан Великий в письме великому князю Александру напоминал о общей борьбе первых литовских и молдавских правителей. В 1402 г. другой молдавский господарь считал себя вассалом Витовта. Между 1367–1369 гг. молдавский воевода Лацко женился на литовской княжне Анне. По договору в Люблау в 1412 г. Молдавия считалась вассалом Польши [21; 17, с. 106–109; 35, с. 12; 15, с. 20]. Ясно, что после смерти Юрия Кориатовича началась война между молдаванами и Кориатовичами. Кампания 1377 г. было неудачной для Кориатовичей [40, р. 31–32; 35, с. 12]. Возможно, впервые Аккерман стал молдавским владением именно при Юрии Кориатовиче, а Петр и Константин Мушаты только унаследовали власть над

городом. Следовательно, Роман I, называя себя правителем территорий от гор до моря, мог иметь в виду свое владычество над Аккерманом. Татарские правители Буджака конца XIV в. были слишком слабыми, чтобы противостоять молдаванам [21].

Однако татары смогли продержаться некоторое время благодаря восстановлению единства Улуса Джучи Токтамышем. Этот хан проводил активную внешнюю политику направленную против соседей. В 1380–1381 гг. поход Токтамыша на Подолье лишил Кориатовичей их степных владений и восстановил господство Джучидов в регионе. Однако походы Токтамыша не коснулись Молдавии. В 70-х гг. сын Богдана Лацко организовал католическую епископию в Серете. После 1372 г. Молдавия некоторое время была в зависимости от Венгрии, которая окончилась сразу после смерти Лайоша Великого в 1382 г. Расторжение династической унии Польши и Венгрии освободили Молдавию от венгерского владычества. В 1387 г. Молдавия признала себя вассалом Польши. Приблизительно в это время или немногим ранее молдавский господарь укрыл у себя бежавшего из Улуса Джучи Василия сына Дмитрия Донского. Все эти факты говорят против татарского владычества над Молдавией. Возможно, дань татарам за Молдову Владислав II – Ягайло платил аналогично дани с Галчины. Но против такой возможности свидетельствует то, что в ярлыках крымских ханов великим князям литовским которые еще были по совместительству и королями польскими не упомянуты молдавские земли, как те с которых должны были платить дань. Войны Токтамыша с Тимуром снова расбалансировали татарскую власть над регионом. В 1397–1398 гг. Витовт присоединил к владениям Великого Княжества Литовского Днестровско-Днепровское междуречье. Крепость Святого Иоанна построенная на перевозе через Днепр около Тавани обозначила государственную границу в регионе [33; 28, с. 212–216; 30, с. 167–169; 15, с. 7–22].

После смерти Едигея и в 1419 г. литовцы снова активизировали черноморское направление своей политики. В 1421 г. Витаутас предпринял масштабное предприятие. Напротив Аккермана он построил Черный замок. Жильбер де Ланноа сообщал о литовском воеводе Гедигольде. Б. Черкас предполагает, что к времени основания крепости Черный Город Витовт добился от татар Днестровского-Днепровского междуречья признания своей власти. Интересно, что сооружению крепости Черный Город мешали генуэзцы, поляки и молдаване, но не татары. То есть временем повторного подчинения Витаутасу причерноморских татарских кочевий можно считать 1419–1420 гг. [31, с. 50–52]. В привилее Штефана Великого львовским купцам от 3 июля 1460 г. упоминались литовцы и татарское мыто в Белгороде-Днестровском. Этот город проявлял своеволие и хотел опереться на какого-то татарского царевича. Интересно, что в 1462 г. Стефан Великий заявлял, что у него находятся сыновья Саид-Ахмеда [42, р. 156–160; 21; 9, с. 93].

Сведения молдавской грамоты о своеволии жителей Белгорода-Днестровского позволяют поставить вопрос о роли литовцев в этих отношениях. Мацей Меховский сообщал, что у слияния Днепра и Буга стоял замок Дзассов, где находился предел литовских владений. Сообщалось также, что владения литовцев простирались до Белгорода (Аккермана). В ханских ярлыках литовским князьям упоминались поселения в Северо-Западном Причерноморье. В Списке городов Свидригайла упоминались «in terra podoliensi-circassi Zwinihrod, Sakolecz, Czarnygrad, Kaczakenow Mayax, Karawull, Doshau im metis Caspen». К черкасско-подольской земле были отнесены как города Подолья, так и земли Киевщины, и причерноморские города. В ярлыках город Дашев отнесен к группе городов степной полосы. В ярлыках он сразу упомянут после Черного города. Михалон Литвин указывал на то, что Дашев еще называют Очаковым. Польские картографы Гродецкий и Ваповский на своих картах указывали отдельно Очаков и Дашев. Также это мнение было зафиксировано в картах Пограбия и Ортемия. Все карты указывали Дашев при слиянии Южного Буга и Днепра, на правом берегу Южного Буга. Гастальди и Меркатор локализовали Дашев на левом берегу Южного Буга [18; 19].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Разгром Улуса Ногай дестабилизировал ситуацию в Карпато-Дунайском регионе. Чтобы достичь баланса сил Токта был вынужден пойти на беспрецедентный шаг, отдав Северо-Западное Причерноморье под власть своих вассалов – князей Галицко-Волынской Руси и царей Болгарии. Регион между Днестром, Карпатами и Дунаем были кондоминиумом татар и русинов, татар и болгар. Приход к власти Узбека и его экспансия на запад разрушила существующий баланс. Нарушение существующего порядка привело к усилению позиций венгров и возникновению Княжества Валахия. Северинский банат никогда не входил в состав Золотой Орды, а битва под Романом открыла путь для переселения из Марамуреша предков молдаван. Переход Аккермана под власть молдаван стоит датировать 70-ми гг. XIV вв. Ак-

керман находился в составе Молдавии на правах особого владения и при спорах с метрополией мог использовать татарский или литовский фактор. Литовские поселения на степной территории между Днестром и Днестром представляли собой литовские форпосты в татарском мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вашари И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 22–30.
2. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Петроград: Русская Государственная Академическая Типография, 1922. 64 с.
3. Возний І. Політичний розвиток території Північної Буковини напередодні входження її до складу молдавського воєводства // Русин. № 4 (22). Кишинев: Общественная организация Русь, 2010. С. 14–27
4. Гюзелев В. Очерци върху историята на българския североизток и черноморието (край на XII- началото на XV век). София: Борина, 1995. 143 с.
5. Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Под ред. бакалавра Шалфеева П. Т.1. (1204–1341). СПб.: С-Петербургская Духовная Академия, 1862. XVI, 564, [1] с.
6. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды // Тюркологический сборник, 2001: Золотая Орда и её наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 261–302.
7. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 3. К.: Наукова думка, 1993. 586 с.
8. Десей О. Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской империи во времена Йылдырыма Баязида // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 202–209.
9. Зайцев И.Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.
10. Златарски В. История на българска държава през средните векове. Т.3. Второ българско царство. България при Асеневци. София: Марин Дринов, 1994. 633 с.
11. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
12. Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М.: Наука, 1991. С. 5–115
13. Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. О политическом положении региона днестровско-дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 33–45.
14. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды. Волгоград: Издательство Волгоградского Государственного Университета, 2003. 178 с.
15. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. Кишинев: Штиинца, 1987. 465 с.
16. Павлов П., Владимиров Г. Златната Орда и българите. София: Военно издателство, 2009. 178 с.
17. Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования молдавского феодального государства. Кишинев: Штиинца, 1981. 178 с.
18. Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дныстрианського степу // Східний Світ. № 6. К., 1928. С. 155–175.
19. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі // Східний Світ. № 2. К., 1928. С. 170–187.
20. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. СПб.: Евразия, 2010 408 с.
21. Руссев Н. Молдавия в темные века: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // StratumPlus. №5. СПб.-Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 1999. с. 379–407.
22. Руссев Н. Д. Золотая Орда на Нижнем Дунае // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2009. С. 90–103
23. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Издание мордовского университета, 1960. 276 с.
24. Скочиляс І. Аспрокастрон-Білгород –кафедра Галицької Митрополії у XIV ст. // Ruthenica. №8. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 120–137.
25. Сэлэджан Т. Румынское общество в раннем средневековьи // История Румынии. М.: Издательство «Весь Мир», 2005. С. 121–190.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.І: Извлечения из сочинений арабских. СПб. : Издано на иждивении С.Г. Строганова, 1884. XVI, 563, [1] с.
27. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.ІІ: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработ. А. А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 305 с.
28. Тоған З. В. Восточно-европейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 209–225
29. Тодорова Е. Вичина, Килия и Ликостомо. // Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна: Георги Бакалов, 1981. С. 217–243.

30. Черкас Б.В. Поход Токтамыша на Великое Княжество Литовское // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 167–169
31. Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.
32. Черкас Б. Синьоводська битва 1362 року. Історичний нарис. К.: Видавничо-поліграфічний центр Київський Університет, 2012. 127 с.
33. Шабульдо Ф. М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры // Lietuvos istorija. Nuo normanu iki Napoleono. Вильнюс: Vaga, 2001. С. 95–106.
34. Anonymi descriptio Europae Orientalis “Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia. Bohemia” / Ed. O. Gorka. – Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1916. XLIII, 71 S. Available at: <http://www.bookprep.com/read/mdp.39015008980636>
35. Babinskas N. Политические отношения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430–1447 гг. // Revista de Istorie a Moldovei. № 3. Iulie–septembrie. – Chisineu: Institutul de Istorie, 2008. P. 3–15
36. Cîrciumaru R. Negru-Vodă and Dragoș. Legend and Historical Truth at the beginning of the Romanian Statehood // Codrul Cosminului. Suceava: Universitatea «Ștefan cel Mare», 2009. № 15 (1). P. 23–43
37. Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the mouth of Danube in the Fourteenth Century // The Slavonic and East European Review. Vol. 62. № 4 (October). 1984. P. 511–530.
38. Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. L, 683 s.
39. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland 1223–1502. Leipzig: O. Harrasowitz Verlag, 1943. 554 S.
40. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 277 P.
41. Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute. Istros Publishing House, 2003. 546 p.
42. Vasary I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XVI, 230 p.

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского Национальной Академии наук Украины, кандидат исторических наук (01001, ул. Грушевского, 4, каб. 210, Киев, Украина); bachman@meta.ua

Question of the Northwestern Black Sea Region in the Golden Horde History

Ya.V. Pilipchuk

*(A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine)*

This paper is dedicated to the history of the Northern Black Sea steppes in the end of the 13th – mid-15th centuries. The purpose of this study is to analyze the causes and consequences of the collapse of the Nogai ulus and the emergence of the Romanian knezats. The novelty of the present study is represented by an attempt to resolve controversial issues of the history of the ulus of Jochi: dating of the Budjak inclusion in Moldavia, Ackerman's status within the Principality of Moldavia, decline in the influence of the ulus of Jochi in the Banat of Severin. The ulus of Nogai not ceased to exist after the death of its founder. It existed as a political structure ruled by the Jochids at least until the reign of Uzbek-khan. The Danube-Dniester region was in the common ownership of Bulgaria, Galicia-Volyn State and the Golden Horde in first quarter of the 14th century. The State of Galicia-Volyn and the Second Bulgarian Empire were vassals of the Jochids. The Tatars regained a dominant position in the region during the reign of Khan Uzbek. However, after the death of Khan Uzbek amirs were no longer able to resist external threats. Migration of Wallachians to the east led to the formation of principalities of Wallachia and Moldavia, which occupied part of the Golden Horde possessions. Akkerman came under the rule of Moldova in the 1370s. The Tatars of Budjak became subjects to Moldovan ruler in the 1390s. Akkerman enjoyed autonomy within Moldova. Chilia and Licostomo were in possession of the Golden Horde, where Genoese trading post was situated. In the 1390s–1420s vacuum of power in the Golden Horde allowed Vytautas to become master of steppe lands between the Dniester and Dnieper. The Lithuanians built advanced posts in the steppes and Tatars were in the service on Gediminovichs.

Keywords: ulus of Jochi, Tatars, Wallachians, Moldavia, Wallachia, Hungarians, condominium, Banat of Severin.

REFERENCES

1. Vásáry I. Tatarskie pohody vengerskogo korolya Lajosha Velikogo [The Tatar Campaigns of Hungarian King Lajos I the Great] *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2010. Vol. 3, pp. 22–30.
2. Veselovskiy N.I. *Khan iz temnikov Zolotoy Ordy Nogay i ego vremya* [Khan from the Golden Horde Commanders of Tümen. Nogai and His Time]. Petrograd: Russkaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipographia, 1922. 64 p.
3. Voznyi I. Politychnyi rozvytok terrytoriyi Pivnichnoyi Bukivyny naperedodni vkhodzhennya yiyi do skladu Moldavskogo vovodstva [Political Development of the Northern Bukovina Territories on the Eve of Their Inclusion into the Moldovan Voivodship]. *Rusyn* [Ruthenian]. 2010. № 4 (22). pp. 14–27
4. Gyuzelev V. *Ocherki vrhu istoriyata na b'lgarskiya severoiztok i Chernomoriето (krajna XII – nachalotona XV vek)* [Essays on the History of the Bulgarian Northeast and Black Sea Coast (end of the 12th – early 15th centuries)]. Sofiya: Borina, 1995. 143 p.
5. Nichephorus Gregoras. *Rimskaya istoriya, nachinayucheyasya so vzyatiya Konstantinolya latinyanami. T.1.(1204–1341)* [Roman History Beginning with the Capture of Constantinople by the Latins]. Pod red. bakalavra Shalfeeva P. St-Peterburg: S-Peterburgskaya Duhovnaya Academia, 1862. XVI, 564, [1] p.
6. Grigoryev A.P., Frolova O.B. Geographicheskoe opisanie Zolotoy Ordy u al-Kalkashandi [Geographical Description of the Golden Horde by al-Qalqashandi] *Tyurkologicheskii sbornik, 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie* [Turcological Collection: The Golden Horde and Its Legacy]. Moscow: Vosthochnaya literatura, 2002, pp. 261–302.
7. Hrushevskiy M.S. *Istoriya Ukrayiny-Rusy* [History of Ukraine-Rus']. Vol. 3. K.: Naukova Dumka, 1993. 586 p.
8. Decei A. Obosnovaniye Aktava iz Zolotoy Ordy v Ottomanskoj imperii vo vremena Yildyryma Bayazida [Finding a Lodgement by Aktav from the Golden Horde in the Ottoman Empire during the Reign of Yildirim Bayezid] *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2010. Vol.3, pp. 202–209
9. Zaytsev I.L. *Mejdu Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.). Ocherki.* [Between Moscow and Stambul. The Jochid States, Moscow and Ottoman Empire (early 15th – first half of the 16th centuries). Essays]. Moscow: RUDOMINO, 2004. 216 p.
10. Zlararski V. *Istoriya na b'lgarska drzhava prez srednite vekove. T.3. Vtoro b'lgarsko tsarstvo. B'lgariya pri Asenevici* [History of the Bulgarian State in the Middle Ages. Vol. 3: The Second Bulgarian Empire]. Sofiya: Marin Drinov, 1994. 633 p.
11. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1985. 245 p.
12. Konovalova I.G. Arabskie istochniki XII–XIV vv. po istorii Karpato-Dnesrtovskih zemel [Arab Sources of the 12th–14th centuries on the History of the Carpathian-Dniester Lands]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. 1990* [The Most Ancient States on the Territory of USSR]. 1991, pp. 5–115
13. Konovalova I.G., Russev N.D. O politicheskom položenii regiona dnesrovsko-dunayskih stepey v pervoy treti XIV v. [On the Political Situation in the Region of Dniester-Daniube Steppes in the first half of the 14th century] *Sotsialno-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Moldavii perioda feodalizma* [The Social-Economic and Political History of Moldavia during the Epoch of Feudalism]. Kishineu: Shtiinca, 1988, pp. 33–45.
14. Myskov E.P. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy, 1236–1312.* [Political History of the Golden Horde, 1236–1312]. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2003. 178 p.
15. *Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knyazhestva* [Essays on the History of Foreign Policy of Moldavian Principality]. Kishineu: Shtiinca, 1987. 465 p.
16. Pavlov P., Vladimirov G. *Zlatnata Orda i B'lgariya* [The Golden Horde and Bulgaria]. Sofiya: Voenno Izdatelstvo, 2009. 178 p.
17. Paraska P.F. *Vneshnepoliticheskie usloviya obrazovaniya Moldavskogo feodalnogo gosudarstva* [Foreign Policy Conditions for the Formation of the Moldovan Feudal State]. Kishineu: Shtiinca, 1981. 178 p.
18. Petrun F. Nove pro tatarsku staroovynu Bozko-Dnistrianskogo stepu [New about Tatar Antiquity of Steppes in the Pivdennyi Bug and Dniester Bassins]. *Skhidnyi Svit* [World of the Orient]. 1928. № 6, pp. 155–175.
19. Petrun F. Khanski yarlyky na ukrajinski zemli [Khans' Yarlyks in the Ukrainian Lands]. *Skhidnyi Svit* [World of the Orient]. 1928. № 2, pp. 170–187.
20. Pohekayev R.Yu. *Tsari ordynskie* [Tsars of the Golden Horde]. St-Peterburg: Eurasia, 2010. 408 p.
21. Russev N.D. *Moldavia v temnye veka: materialy k osmysleniyu kulturno-istoricheskikh processov* [Moldavia during the Dark Ages: Materials for Understanding of the Cultural-Historical Processes]. *Stratum Plus*. 1999. № 5, pp. 379–407.
22. Russev N.D. *Zolotaya Orda na Nizhnem Dunae* [The Golden Horde on the Lower Dunay]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2009. Vol.2, pp. 90–103.
23. Safargaliyev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [Dissolution of the Golden Horde]. Saransk: Izdaniye mordovskogo universiteta, 1960. 276 p.

24. Skochylyas I. Asprocastron-Bilgorod – kathedra Galytskoyi Mytropolii u XIV st. [Asprocastron-Bilgorod – Cathedra of the Galician Metropolitan in the 14th century]. *Ruthenica*. 2009. №8, pp. 120–137.
25. Seledjan T. Rumynskoe obshchestvo v rannem srednevekovye [Romanian Society in the Early Middle Ages]. *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow: Izdatelstvo «Ves Mir», 2005, pp. 121–190.
26. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyachihsya k istorii Zolotoy Ordy. T.I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskih* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. I: Extracts from Arab Sources]. St-Peterburg: Izdano na izhdivenii S.G. Stroganoffa, 1884. XVI, 563, [1] s.
27. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyachihsya k istorii Zolotoy Ordy. T.II: Izvlecheniya iz persidskih sochineniy, sobrannyh V.G. Tizengauzenym i obrabotanyh. A. A. Romaskevichem i S.L. Volinym*. [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II: Extracts from Persian Sources]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. 305 p.
28. Togan Z.V. Vostochno-evropeyskaya politika Timura [Eastern-European Policy of Tamerlan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2010. Vol. 3, pp. 209–225.
29. Todorova E. Vichina, Kiliya i Likostomo [Vicina, Chilia and Licostomo]. *B'lgarski srednevekovni gradove i kreposti. T. 1: Gradove i kreposti po Dunav i Chernom more* [Bulgarian Medieval Cities and Fortresses. Vol. 1: Cities and Fortresses in Danube Basin and Black Sea Littoral]. Varna: Georgii Bakalov, 1981, p. 217–243.
30. Cherkas B.V. Pohod Toktamysya na Velikoe Knyazhestvo Litovskoe [Campaign of Tokhtamish against the Grand Duchy of Lithuania]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkah Mejdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma*. Kazan, 29–30 marta 2011 g. [Warfare of the Golden Horde: Problems and Perspectives of Study. Proceedings of Round Table Held in the Framework of the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011]. Kazan: OOO «Foliant», Instytut istorii im. Sh. Marzhani AN RT, 2011, pp. 167–169.
31. Cherkas B. *Stepovyi shchyt Lytvy. Ukrayinske viysko Gedemynovychiv (XIV–XVI st.): naukovopopulyarne vydannya* [The Steppe Shield of Lithuania. Ukrainian warriors of the Gedeminoviches (14th–16th centuries)]. K.: Tempora, 2011. 144 p.
32. Cherkas B. *Syniovodska bytva 1362 roku. Istorychnyi narys*. [The Blue Water Battle in 1362. Historical Essay]. K.: Vydavnycho-poligrafichnyi centr Kyivskiyi Universytet, 2012. 127 p.
33. Shabuldo F.M. Vitovt i Timur: protivniki ili strategicheskiye partnery? [Vithautas and Timur: Enemies or Strategic Partners?]. *Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono*. Vilnius: Vaga, 2001, pp. 95–106.
34. *Anonymi descriptio Europae Orientalis “Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia. Bohemia”*. Ed. O. Gorka. Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1916. XLIII, 71 p. Available at: <http://www.bookprep.com/read/mdp.39015008980636>
35. Babinskas N. Polticheskiye otnosheniya Velikogo Knyazhestva Litovskogo (VKL) i Moldovyv 1430–1447 hh. [Political Relations between Grand Duchy of Lithuania (GDL) and Moldova in 1430–1447]. *Revista de Istorie a Moldovei*. 2008. № 3. Iulie–septembrie, pp. 3–15
36. Cîrciumaru R. Negru-Vodă and Dragoș. Legend and Historical Truth at the beginning of the Romanian Statehood. *Codrul Cosminului*. 2009. № 15 (1), pp. 23–43
37. Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the mouth of Danube in the Fourteenth Century. *The Slavonic and East European Review*. 1984. Vol. 62. № 4 (October), pp. 511–530.
38. Hammer-Purgstall J. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. L, 683 p.
39. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland 1223–1502*. Leipzig: O. Harrasowitz Verlag, 1943. 554 p.
40. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute. Istros Publishing House, 2003. 546 p.
41. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 277 p.
42. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XVI, 230 p.

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Junior Researcher at the Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Cand. Sci. (History) (01001, Grushevsky st., 4, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

УДК 94(477.75)"1470/1490"

Контакты Гиреев с Москвой в 1470-х – начале 1490-х гг.: аспект выезда к «неверным»

Б.Р. Рахимзянов

(Институт истории им. Ш.Марджани
Академии Наук Республики Татарстан)

В статье исследуется один из этапов начального периода «сотрудничества» Москвы с Джучидами Степи, оказавшимися по тем или иным причинам в затруднительном положении. Этот этап охватывает временной отрезок 1470–1480-х гг. (до 1491 г., когда было сделано первое документально зафиксированное обращение к великому князю как к распределителю юртов).

Окончательное разделение в середине XV века прежде единой империи – Улуса Джучи – на наследные ханства и орды не привело к решению фундаментальной проблемы, поразившей джучидскую династию Сарая: политическая нестабильность, вызванная стремлением некоторых лидеров решать вопросы наследования открытым военным противостоянием, поразила *Pax Mongolica*. Практически во всех наследных государствах борьба за трон, зачастую дополняемая внешним вмешательством, продолжала оставаться скорее правилом, чем исключением. Как результат этого, Степь продолжала изобиловать Джучидами-беглецами, которые перемещались из одного ханства в другое. Некоторые из них являлись изгнанными правителями, которые намеревались мобилизовать силы для ответного удара по своим противникам. Другие, напротив, были неудачливыми претендентами на трон, мечтавшими уже о спокойном убежище в каком-либо соседнем государстве. Третьей группой были рядовые татары, которых что-либо не устраивало в политике их предводителей, ставшие вследствие этого «казаками», которые передвигались по Степи в поисках новых лидеров и лучших перспектив.

В это время действия Москвы уже были вполне добровольными и осознанными в своей политике привлечения к себе тех персон Степи, положение которых можно описать как «истому» – состояние усталости, утомления, иначе говоря, как «неверемя» – временную неудачу, фиаско. На данном этапе Москва осознала, что из «истомы» своих недавних противников вполне можно извлечь политические бонусы. Акцент делается не на фактографической стороне вопроса, а на аналитике ситуации в целом.

Ключевые слова: Золотая Орда, татарские ханства, Крымское ханство, Московское государство, Джучиды, Гирей, татарские выезды.

Окончательное разделение в середине XV века прежде единой империи – Улуса Джучи – на наследные ханства и орды не привело к решению фундаментальной проблемы, поразившей джучидскую династию Сарая: политическая нестабильность, вызванная стремлением некоторых лидеров решать вопросы наследования открытым военным противостоянием, поразила *Pax Mongolica*. Практически во всех наследных государствах борьба за трон, зачастую дополняемая внешним вмешательством, продолжала оставаться скорее правилом, чем исключением. Как результат этого, Степь продолжала изобиловать Джучидами-беглецами, которые перемещались из одного ханства в другое. Некоторые из них являлись изгнанными правителями, которые намеревались мобилизовать силы для ответного удара по своим противникам. Другие, напротив, были неудачливыми претендентами на трон, мечтавшими уже о спокойном убежище в каком-либо соседнем государстве. Третьей группой были рядовые татары, которых что-либо не устраивало в политике их предводителей, ставшие вследствие этого «казаками», которые передвигались по Степи в поисках новых лидеров и лучших перспектив [5, л.47]. Все они находили жизнь в открытой Степи трудной и опасной.

Правители Московского великого княжества были хорошо осведомлены о продолжающихся неурядицах в татарском мире. Начиная с 1470-х годов официальные лица, курирующие татарские дела в Москве, зачастую уже сами выходили на степных династов, испытывавших проблемы, склоняя последних на переезды к себе.

Персоны, на основе политической судьбы которых в период 1470-х – начала 1490-х гг. я делал свои аналитические обобщения, это крымские ханы Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей и его братья Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей и Айдар б. Хаджи-Гирей, сын Айдара султан Даниял б. Айдар б. Хаджи-Гирей, а также сын Хаджи-Гирея султан Уз-Тимур (Издемир) б. Хаджи-Гирей, племянник

Менгли-Гирея султан Девлеш б. Даулет-Яр б. Хаджи-Гирей. Их истории не раз становились предметом исторического исследования [см. по этому поводу: 4, с. 272–313; 1, с. 118–128; и особенно: 2, с. 170–173]. Потому я сочту возможным не останавливаться на фактографической стороне вопроса, а сразу перейду к аналитике ситуации в целом.

Не исключено, что часто инициатива выезда исходила не от московского великого князя, а от самих Гиреев, особенно если ранее они являлись крымскими ханами. Учитывая рассматриваемый период (1470–1480-е гг.), когда зависимость от Орды (того, во что она постепенно превращалась – конгломерат ханств) у Москвы еще далеко не была преодолена, это более чем вероятно. Московские дипломатические источники не акцентировали на этом внимание по причине невыгодного положения Москвы, которое проступало через эту ситуацию. А.Л. Хорошкевич отмечала: «На заре русско-крымских отношений инициативной стороной в переезде на Русь выступали сами крымцы» [4, с. 275].

Политика Москвы по отношению к выезжим Гиреям была весьма гибкой – она принимала и поддерживала высокий статус приезжих гостей только до тех пор, пока их собственные амбиции не выходили из фарватера московской политики. Как только это происходило, ее меры в отношении Джучидов были крайне жесткими. Далее статус уже не спасал потомков Саина.

Видимо, в переписке с Гиреями московская сторона пользовалась неким шаблоном, специально заготовленным для обсуждения нюансов переселения и размещения Джучидов в Московию [5, л.66]. Этот формуляр был весьма важен, так как он сообщал потенциальным эмигрантам из степного мира, каких перспектив в отношении с великим князем они могли бы ждать в случае, если они решатся на переезд. Также формуляр с определенной степенью допущения показывал союзникам великого князя намерения последнего по отношению к потенциальным иммигрантам из Степи, а также и отношения с уже пребывавшими в Московское княжество Джучидами.

Термины, обозначавшие природу пребывания Джучидов в вотчине великого князя – а именно обозначавшие то, что они *фактически* делали в Московии, – были абсолютно нейтральными с политической точки зрения [5, л.67]. Джучидов «звали» [3, с. 99] или «брали» («взяли») [3, с. 17–18] в Московское государство, Джучиды «ехали» [3, с. 216–217] к великому князю, приходили вне своего желания ради «опочива» [3, с.100], или Джучид «содержался с» великим князем («к себе взял и держал есмь его у себя», «к тебе послал») [3, с. 17–18, 126]. В переводах с татарских грамот приезд царевичей изображается как добровольный акт независимых политических деятелей; характер их пребывания на Руси вообще не определяется [4, с. 278]. Хану, а равно и другим представителям верхов крымского общества обещали: «добровольно приедешь, добровольно куды восхочешь пойти – пойдешь, а нам тебе не держати». На данном этапе своего сотрудничества с татарскими государствами Москва попросту не могла удерживать у себя этих персон против их воли – в силу своего все еще подчиненного положения в позднесолотордынском мире.

Можно сказать, что в последней трети XV века великий князь предлагал обещание пристанища. Он обещал не быть враждебным, но обеспечивать безопасность и материальную поддержку, и, как в случае с Менгли-Гиреем, разрешал хану право отъезда в случае его желания. Мы нигде не находим какого-либо обсуждения того, для чего же Джучид прибывает в Московию: для службы великому князю? Для управления своим улусом? Или ни для того, ни для другого? В последней трети XV века мы можем констатировать только заверения московской стороны в том, что Джучид получит в Московском великом княжестве прибежище и материальную поддержку [5, л.67–68].

В 1470-х – начале 1490-х гг. Москва начала уже осознанно завлекать к себе потомков Чингиз-хана, переживавших не лучшие времена в Степи. В это время действия Москвы уже были вполне добровольными и осознанными в своей политике привлечения к себе тех персон Степи, положение которых можно описать как «истому» – состояние усталости, утомления, иначе говоря, как «неверемья» – временную неудачу, фиаско. На данном этапе Москва осознала, что из «истомы» своих недавних противников вполне можно извлечь политические бонусы. По всей видимости, в это время курирующие татарские дела официальные лица уже пришли к мысли о возможности добровольного (со стороны Москвы) пожалования этих персон русскими городами, выдаваемыми как средство содержания Чингизидов. Однако в отношениях с представителями Большой Орды и Крымского ханства данная практика не получила широкого распространения.

Москва старалась заполучить к себе лиц, политический статус которых в Степи был очень высок. Это были Джучиды, которые либо реально правили в каком-либо позднесолотордынском

юрте, либо приходились ближайшими родственниками правителям ханств. Вероятно, высокий политический статус приводил к тому, что практически мало кто воспользовался приглашениями московского великого князя. Положение и амбиции высшей прослойки поздnezолотоордынских государств, которые еще не забыли времен безусловного господства над «русским улусом», видимо, не позволяли им рассматривать предложения от своего бывшего данника всерьез, либо они рассматривали их только тогда, когда их «истома» была особенно сильна. Спокойное пребывание на «политической пенсии» в Московии, также как и положение марионетки московского правителя, их явно не устраивало.

Единственным исключением из этой тенденции является старший брат Менгли-Гирея Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей, бывший ханом в Крыму, затем потерявший этот престол и переехавший в Московское княжество, где он получил трон Касимовского ханства. Он единственный (если не считать его брата Айдара) в этот период принял приглашение великого князя и согласился на постоянное пребывание под его опекой. Однако, во-первых, он все же получил наиболее престижный татарский юрт Москвы – Касимовское ханство, имевшее особое положение среди других «мест», выделявшихся татарской элите в Московском княжестве (остальные московские юрты выдавались ему, видимо, как своеобразный «довесок» к статусному владению, по выражению А.В. Белякова). Во-вторых, выбор у него был крайне невелик – оставаться в Крыму он не мог по причине опасения за свою жизнь; он мог выбирать между Великим княжеством Литовским, Стамбулом и Москвой. Стамбул отпадал по причине тесной связи между османами и Менгли-Гиреем: Нур-Даулет опасался своей выдачи в Крым. Почему он выбрал не Великое княжество Литовское, а Москву, сказать трудно; возможно, он каким-то образом просчитал, что причии выдавать его Менгли-Гирею у Ивана III меньше, чем у короля Казимира IV. Не исключено, что сыграло свою роль и то, что его «испомещали» именно в Касимове – месте, имевшем давние татарские традиции, в том числе и династические.

Мотивы Москвы в контактах с Гиреями были понятны – угрожая имевшимися в ее распоряжении потомками Чингизхана, она собиралась (и реально делала это) воздействовать на политику соседних государств, в частности Крыма [подробнее см.: 1, с.124–128]. Мотивация Гиреев состояла, по всей видимости, в необходимости временного пристанища для накопления сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с. <http://www.tatknigafund.ru/books/1897>
2. *Рахимзянов Б.Р.* Московско-поздnezолотоордынские связи в 1470–1480-х гг.: кого приглашала к себе Москва? // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 170–173.
3. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К, 1884. Т.41. 558 с.
4. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. – начало XVI в. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
5. *Kennedy C.* The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries. PhD. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard University, 1994. 238 sheets.

Сведения об авторе: Булат Раимович Рахимзянов – старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); bulatrain@mail.ru

**Contacts of the Crimean Gireys with Muscovy during the 1470s – early 1490s:
An Aspect of the Departure to the “Infidels”****B.R. Rakhimzyanov***(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

This article analyses one of the first periods of the ‘cooperation’ between Muscovy and Crimean Gireys, who became fugitives due to the problems in their homeland. This period covers the 1470s, 1480s and early 1490s.

The final division of the ulus of Jochi in the middle of the 15th century into hereditary khanates and hordes did not solve the fundamental problem of the Jochid dynasty of the once united Empire: political instability caused by the desire of some leaders to solve succession issues through open military confrontation, divided the *Pax Mongolica*. The struggle for the throne often complemented by outside intervention continued to be the rule rather than the exception in almost all hereditary states. As a consequence, the Steppe continued to abound with the Jochid fugitives who move from one khanate to another. Some of them were former rulers in exile intending to mobilize forces to fight back against their opponents. Others, on the contrary, were unlucky contenders for the throne seeking a peaceful refuge in some neighboring state. The third group consisted of the ordinary Tatars dissatisfied with the policy of their leaders and preferring to become the “Cossacks” moving across the steppe in search of new leaders and the best prospects.

Muscovy used different ways to get involved to the system of the Tatar khanates. One of them was to invite the Tatar elite to reside in the Muscovite territory. This article is not an exhaustive history, but rather an analytical study.

Keywords: Golden Horde, Tatar khanates, Crimean Khanate, Muscovy, Jochids, Gireys, Tatar departures.

REFERENCES

1. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo, 2009. 207 p. Available at: <http://www.tatknigafund.ru/books/1897>
2. Rakhimzyanov B.R. Moskovsko-pozdnezolotoordynskie svyazi v 1470–1480-kh gg.: kogo priglashala k sebe Moskva? [Relations between Muscovy and Later Golden Horde during the 1470s–1480s: Whom Invited Muscovy?]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [Medieval Turkic-Tatar States. Collection of Articles]. 2012, no. 4, pp. 170–173.
3. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collected Works of the Imperial Russian Historical Society]. SPb., 1884: (Tip. F. Eleonskago i K). Vol.41. 558 p.
4. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV v. – nachalo XVI v.* [Rus' and Crimea: From Union to Confrontation. The end of the 15th – beginning of the 16th centuries]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 336 p.
5. Kennedy C. *The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries*. PhD. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard University, 1994. 238 sheets.

About the author: Bulat Raimovich Rakhimzyanov – Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); bulatrain@mail.ru

УДК 97(470)

К истории Судебных реестров Крымского ханства

Э.Э. Абибуллаева

*(Мемориальный музей Исмаила Гаспринского,
Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник;
Крымский научный центр Института истории им. Ш.Марджани АН РТ)*

Кадияскерские тетради или Судебные реестры являются одним из важных письменных источников XVII – XVIII вв. В своё время в эти нормативные документы вносились все периодические дела, подлежащие ведению кадиев (судей). В них содержатся протоколы всевозможных судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, описи имущества, духовные завещания, правительственные распоряжения по финансовой части и благоустройству, сметы общественных сооружений и построек: мечетей, крепостей; фонтанов; караван сараев, медресе и т.п. Кроме всего вышеперечисленного в этих документах содержится достаточно информации о членах правящей династии, лицах государственного аппарата

Исследовательская работа над этими письменными источниками началась в XIX веке. Впервые о них, как о ценных источниках изучения истории Крымского ханства, высказался профессор В.Д. Смирнов. Летом в 1886 г. он побывал в Крыму и ознакомился с местными архивами. Как пишет сам В.Д. Смирнов: «...в Симферопольском губернском архиве находится целая залежь рукописей на татарском языке, которая содержит в себе чрезвычайно богатый материал для иллюстрации бытовой истории Крымского ханства, ожидающей учёной разработки <...>».

Впервые материалы из Судебных реестров были использованы в статье «Историческая судьба крымских татар», автором которой был молодой учёный, родом из крымских греков – Ф. Хартахай.

В январе 1887 году в Крыму начала свою работу Таврическая учёная архивная комиссия (ТУАК). В работу комиссии входило: сбор, хранение, изучение и публикации наиболее интересных документальных памятников, непосредственно касающихся истории края. Именно на страницах ИТУАК (Известия Таврической учёной археологической комиссии) за 1889 г. № 8 была напечатана исследовательская статья Мурат бей Биарсланова под названием «Выписи из кадияскерского сакка (книга) 1017–1022 хиджры 1608/9–1613 г.хр.лет), хранящегося в архиве Таврического губернского правления». После Мурат бей Биарсланова, с 1894 года по 1896 год в Известиях Таврической Учёной Архивной Комиссии, публикуется обширный труд Ф.Ф. Лашкова, «Исторический очерк крымско-татарского землевладения», основанный в значительной степени на неисследованных архивных материалах, в частности Судебных реестрах и ярлыках Крымских ханов. Начиная с 1996 г., работу М. Биарсланова и Ф.Ф. Лашкова продолжили турецкие исследователи.

Ключевые слова: Крымское ханство, Судебные реестры, уникальный источник, выявление, исследование, оригиналы, хранение.

Для детального изучения некоторых аспектов истории Крымского ханства, Кадияскерские тетради или Судебные реестры являются одним из важных письменных источников XVII–XVIII вв. В своё время в эти нормативные документы вносились все периодические дела, подлежащие ведению кадиев (судей). В них содержатся протоколы всевозможных судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, описи имущества, духовные завещания, правительственные распоряжения по финансовой части и благоустройству, сметы общественных сооружений и построек: мечетей, крепостей; фонтанов; караван сараев, медресе и т.п. Кроме всего вышеперечисленного в этих документах содержится достаточно информации о членах правящей династии, лицах государственного аппарата.

Содержащаяся информация, зафиксированная некогда в Судебных реестрах, является особенно важной и для исследования социально-экономической жизни Крымского ханства, так как эти документы позволяют в наиболее развернутой степени составить картину повседневной жизни средневековых городов того периода, описать жизнь кварталов, выявить занятия горожан и социальную структуру городского общества.

Цель и задачи статьи: проследить хронологию изучения и выявления этих документов; рассмотреть научное наследие исследователей, отразить вопросы, которые их интересовали.

Исследовательская работа над этими письменными источниками началась в XIX веке. Впервые о них, как о ценных источниках изучения истории Крымского ханства, высказался профессор

В.Д.Смирнов. Летом в 1886 г. он побывал в Крыму и ознакомился с местными архивами. Как пишет сам В.Д. Смирнов: «...в Симферопольском губернском архиве находится целая залежь рукописей на татарском языке, которая содержит в себе чрезвычайно богатый материал для иллюстрации бытовой истории Крымского ханства, ожидающей учёной разработки <...>. Этих дефтерей около сотни, хотя кем-то и когда-то выставленные на них номера показывают, что их было гораздо больше. В них содержатся копии всевозможных официальных документов, вписанных целиком или в сокращённых извлечениях. Больше всего в них имеются резюме различных актов. Но, кроме того, там есть и духовные завещания, и нотариальные записи, и правительственные распоряжения, касательно внутреннего благоустройства и по части финансовой, строительные сметы, подворные переписи населения с обозначением доходных имуществ и т.д. Немало также данных для изучения положения рабов в Крымском ханстве» [10].

Первые материалы из Судебных реестров были использованы в статье «Историческая судьба крымских татар» автором, которой был молодой учёный, родом из крымских греков – Ф. Хартахай. В своей статье, опубликованной в 1867 году во II-томе (с.149–150) журнала «Вестник Европы» Ф. Хартахай ссылаясь на материалы Судебных реестров, кратко изложил положение о бракоразводных делах, о порядке наследования в Крымском ханстве, отмечая, что гражданское судопроизводство, со всеми его обрядами и формами, сходно с мировыми учреждениями, и что юридический обычай запрещает отдавать дочерей замуж против их воли [11, с. 149].

В январе 1887 года в Крыму начала свою работу Таврическая учёная архивная комиссия (ТУАК). В работу комиссии входило: сбор, хранение, изучение и публикации наиболее интересных документальных памятников, непосредственно касающихся истории края. Когда члены ТУАК призывали крымчан приносить свои документы из личного архива в дар или для снятия копии, Мурат бей Биарсланов (хорошо образованный человек, дворянин, один из бахчисарайских помещиков), служивший официальным переводчиком Таврического губернского правления сразу же откликнулся на призыв <...> и активно включился в работу ТУАК. По поручению комиссии он начал разбор и описание 119 кадиаскерских книг, уцелевших после пожара 1736 г. в Бахчисарайском дворце и лежавших без движения с 1802 года в Губернском архиве. По предложению Ф.Ф.Лашкова, в начале 1889 г. М. Биарсланова избрали в члены ТУАК [6, с. 41]. В дальнейшем, именно на страницах Известий Таврической учёной археологической комиссии (ИТУАК) за 1889 г. № 8 была напечатана исследовательская статья Мурат бей Биарсланова под названием «Выписи из кадиаскерского сакка (книга) 1017–1022 хиджры 1608/9–1613 г.хр.лет), хранящегося в архиве Таврического губернского правления». В 1890 г. в № 9 и № 10 ИТУАК вышли следующие две части вышеуказанной статьи с переводом и комментариями дел из Судебных реестров [4].

В целом во всех трёх изданиях ИТУАК М. Биарслановым было опубликовано двенадцать текстов судебных решений, а также одно письмо – повеление крымского хана Селима Гирея. В своих комментариях относительно переведённых текстов автор более-менее подробно останавливается на отдельных аспектах Мусульманского судопроизводства (шариата), упоминая разные его разделы. В частности об «ильми эль-фараиз» (термин, применяемый в мусульманском судопроизводстве: *наука о праве наследования или наука о праве на наследство*) [14, с. 429].

После Мурат бей Биарсланова, с 1894 года по 1896 год в Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии, публикуется обширный труд Ф.Ф. Лашкова, «Исторический очерк крымско-татарского землевладения», основанный в значительной степени на неисследованных архивных материалах, в частности Судебных реестрах и ярлыках Крымских ханов [5].

Видного крымского историка-ориенталиста и археографа Федор Федоровича Лашкова более всего привлекала абсолютно неразработанная в то время социально-экономическая история Крымского ханства. Исследованию этого вопроса были посвящены две наиболее фундаментальные новаторские разработки историка: «Сельская община в Крымском ханстве» и «Исторический очерк крымско-татарского землевладения» (указанная выше). Автор в своей работе ввел в научный оборот материалы 25 кадиаскерских дефтерей – судебных книг, где во времена Крымского ханства велись записи решений судов, в том числе по земельным вопросам. В книге так же опубликованы тексты восьми дефтерей» [7].

На самом деле задавшись целью собрать воедино документы, отражающие историю крымско-татарского землевладения, автор помещает в первой части своего труда сначала ханские ярлыки и султанские ферманы из крымского архива, а затем, во второй и третьей частях – документы на землевладение (20 худжетов – договоров-соглашений, 37 илямов – судебных решений и 13 му-

халлефатов – актов разделения наследства), содержащиеся в реестрах. Причина меньшего числа мухаллефатов заключается в том, что он выбирал только те из них, в которых речь идет о наследовании земли [1].

Очень интересные факты оставил Ф.Лашков относительно описания и сохранения этих документов: «По внешности эти книги <...> из плотной бумаги, около восьми вершков длины и четырёх вершков ширины (34.05 x 17.05 см – Э.А.), от 100 до 300 листов толщины, в кожаных переплётках. Каждая имеет надпись того кадиаскера, которому принадлежала, и носит дату правления того или другого хана. С внутренней стороны дефтер – журнал, в который кадиаскер записывал совершаемые им разные крепостные акты, документы, обязательства и куда заносил вкратце решения свои по тем или другим спорам и тяжбам, а равно духовные завещания и разделы имущества. <...> таких книг должно было бы много сохраниться из ханского архива, ибо несмотря на полное уничтожение ханского архива (при взятии Бахчисарая Минихом в 1736 г. ханский архив и библиотека погибли), последнему ханскому казнодарю Мегмет-аге удалось сохранить часть вышеозначенных дефтеров и передать их в распоряжение русского начальства. Когда засим в 1799 году открыта была первая комиссия для разбора поземельных споров в Крыму, то эти книги были потребованы из архива новороссийского Губернского Правления, где они хранились, и таковых оказалось 122 (100 – собственно кадиаскерских, остальные 22 – кадийские, преимущественно Бахчисарайского и Гезлевского (Евпаторийского) каймаканств)» [3, с. 200].

Относительно сохранившейся коллекции Судебных реестров можно отметить следующее: в 1905 году по инициативе В.Д. Смирнова ввиду научной важности коллекция кадиаскерских тетрадей из Симферопольского губернского архива в количестве 122 тетрадей были переданы в Российскую Императорскую Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека) [2, с.19]. Отдельные сведения о судебных реестрах сохранились в протоколах заседаний Таврической ученой археологической комиссии (ТУАК), по которым можно проследить факты их обнаружения и дальнейшего использования. На страницах ТУАКа за 1899 г. т. 29 на заседании от 20 апреля 1899 г, член комиссии Абляким – эфенди Куламет – оглу сообщает, что в мечети, находившейся в д. Азиз вблизи Бахчисарая, имеется большое количество книг и рукописей на арабском и татарском языках, и что среди них могут находиться важные исторические материалы. По решению комиссии, необходимо было более детально рассмотреть рукописи и подготовить по ним сообщение к следующему заседанию [8, с. 80].

20 июня 1899 года Абляким – эфенди Куламет – оглу подготовил следующий отчет, в котором речь шла о книге кадийских решений (судебный реестр) Мангупского кадилыка, за время с 1097 по 1111 г. магометанской эры (*примечания Э.А.*, т.е. 1685 (6) – 1699 (10) гг.), принадлежащей шейху Селями в Бахчисарае. Отмечая, что книга является копией решений кадиаскера, Абляким – эфенди даёт информацию о содержании: «Дела в ней касаются разделов имущества, освобождения рабов, мелких тяжб, – между татарами и греками, татарами и караимами, – а также в книге имеются распоряжения ханского правительства, например: об освобождении деревни Айгуль, в виду их бедности, от податей, о строгом исполнении религиозных обрядов, хождения в мечеть и нравственном воспитании детей (Девлет Гирея, сына Хаджи-Селим Гирея, 1111 г.), о сооружении мечети в Узенбаше и пр. многие дела дают ясное понятие о том времени, когда православные греки теряли свою веру и народность, принимали магометанство и становились татарами. Это прежде всего видно изимён упоминаемых в разных актах лиц: например, вот имена некоторых крестьян деревни Богатыр: Тодор сын тимура; Яни сын Афтачи; Тимурка сын Гаврила, Алагоз сын константина, Михаил сын Биата, Тохтамыш сын Бюльбюль, Арслан сын Христудила <...>; жители деревни Керменчик: христианин Агроч сын Салака, Кириак сын Татарбея. В одной и той же семье одни были христиане, другие магометане; например, христианин из д. Ай-Георги Бийгельди, сын Бийберди судился с женою своего брата Хангельди Гюльбке, дочерью Трандафила; мусульманка Фатьма дочь Гавриила, просила, чтобы из её дома унесли крест, оставшийся после её отца, и этот крест был перенесён в дом христианки Вения, дочери Мухаммеда; или родные братья – Сеит и Магомед мусульмане, Топ и Бебий – христиане; Джантемир сын Дмитрия, христианин, сестра его Сайме – мусульманка, другая же сестра и пять братьев все христиане, хотя имена их: Бехтемур, Тимур-бек, Баубе, Джанбек, Шахтемур и т.п.

<...> Интересно дело за 1103 х. (1691/2 г. – Э.А.) о разделе имущества между пятью детьми Хаджи-Гирея произведенном Девлет-Гиреем.

Среди судебных дел встречаются в книге и особые записи; например, 1109 г. 20 шевваля (1697/ 8 г. – Э.А.) было перед обедом большое землятресение; или: мы слышали, что 1106 х. (1694/5 г. – Э.А.) 16 зильгидже в четверг, русские войска, под командой Шереметева, в числе 80.000 человек окружили Таганскую крепость, которая сдалась 22-го зульгидже (Г.Таган взят в 1695 году)». По решению комиссии было постановлено следующее: ввиду интереса представляемой разбираемой кадийских решений, просить правителя дела Комиссии и члена её Аблякима – эфенди Куламет-оглу отправиться в Бахчисарай к шейху Селями и просить о пожертвовании означенной книги в музей Комиссии, или приобрести её у него за деньги [8, с. 92]. Точных сведений о том, был передан или закуплен этот экземпляр судебного реестра в музей Таврической ученой археологической комиссии, нет.

Ахмет-Незихи Туран, исследовавший эти письменные источники, указывает, что некоторые дефтеры передавались в ханский дворец и в своё время были зарегистрированы Усеином Боданинским, первым директором Музея Тюрко-татарской культуры (ныне ГБУ РК Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник). Как отмечает, далее А.Н. Туран: «У. Боданинский, составивший самый ранний каталог Архива ханского дворца (в 1928 г.), имеющийся сегодня в нашем распоряжении, сообщает шифры двух дефтеров: первый, за номером 507, датированный 1193–1194 / 1779–1780 годами, записан под именем Эс-сейида Ахмеда Эфенди и относится ко времени Шахин Гирей хана (его язык ошибочно указан как «крымскотатарский»); второй, за номером 508, датированный 1022–1047/1613–1638 годами, относится ко времени трех ханов: Джанбека, Бахадыра и Мехмед Гирея. Далее, А.Н. Туран отмечает: «особое значение имеет тот факт, что эти сведения относятся ко времени после 1890 года, поскольку после этой даты сообщений о новой передаче дефтеров в С.Петербург или какое-либо другое место нет. Если быть кратким, их сегодняшнее местонахождение неизвестно» [1]. Действительно, на сегодняшний день в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника экземпляров этих судебных реестров, к сожалению не выявлено.

Фактом остается то, что исследовательская работа над этими документами и многими другими, связанными с историей Крымского ханства, начавшаяся в начале 90-х годов XIX века продолжалась до конца 1920-х гг. В 1930-е годы, когда наиболее квалифицированные исследователи подверглись репрессиям, изучение и работа над источниками Крымского ханства в целом, стала приостанавливаться, а в последующие годы и вовсе прекратилась. Только в 1996 году работу М. Биарсланова и Ф.Ф.Лашкова продолжили турецкие исследователи. Весомый вклад в изучение и исследование Судебных реестров Крымского ханства внес Халил Иналджик. В 1994 году он побывал в Крыму и работал с сохранившимися крымскими архивами, а в 1996 году в научном альманахе “Belleten” была опубликована его статья под названием «Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu» (Выявление Судебных реестров Крымского ханства) [1]. Вслед за ним в 2000–2002 годах в Крыму с фотокопиями Судебных реестров (Кадияскерские тетради) работает Ахмет Незихи Туран – профессор университета Кырыккале. Статьи Турана А.Н, под названиями: «Судебные реестры Крымского Ханства после их обнаружения» и «Черты повседневного быта народов Крыма (17–18 вв.)», были опубликованы в журнале «Культура народов Причерноморья» за 2002 г. № 43. Ряд статей касающихся изучения Судебных реестров Тураном А.Н, были так же изданы в Турции в 2003 и 2009 годах («Kırım Şerhiye Sicilleri, Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında notlar» 2003, «Bağçasaray köleleri 17–18 yüzyıllar» 2009). Как пишет автор, материалы для этих статей извлечены им были из микрофильмов: 61-го тома ханских реестров, хранящихся в библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе (Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Республиканская крымскотатарская библиотека имени Исмаила Гаспринского). По рассмотренным реестрам, Туран А.Н. составил таблицу цен на продукты питания, предметы бытового пользования и т.д. в Бахчисарае 1665–1751 гг. Составленный список интересен еще и тем, что в нём указаны разные сорта сельскохозяйственных культур, которые выращивали в то время в Крымском ханстве [15, с. 199].

В 2004 году в журнале «İslâm Araştırmaları Dergisi» № 11, была опубликована статья Ахмета Джихана и Фехми Йылмаза – «Kırım Kadı Sicilleri», в которой авторы дают описание и обзорную информацию 50-ти Судебных реестров (тетрадей), хранящихся в Российской национальной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ) [13].

Следующий исследователь из Турции – Омер Быйык в своей работе «Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774)» в 2007 году, также использовал материал из этих нормативных документов, в

частности связанный с городом Бахчисараем и его сооружениями, указанными в Судебных реестрах [12].

Исследовательская работа Зейнеп Оздем изданная в Анкаре в 2007 году, под названием «Kırım Karasubazarda sosiyο-ekonomik hayat (17. Yuzyılsonlarından 18. Yuzyılortalarına kadar)» в большей части посвящена социально-экономической жизни города Карасубазара в XVII–XVIII веках, в которой так же использовалась информация из сохранившихся Судебных реестров, относящихся к Карасубазарскому кадилыку [15].

Крымский исследователь Рустемов О.Д., изучавший на протяжении нескольких лет эти нормативные акты в 2013 году опубликовал ряд статей, посвященных стилистике, особенностям и становлению языка периода Крымского ханства: «Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилей», изданная в Киеве в журнале «Сходознавство» № 64; «Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского ханства, изданная в Симферополе в журнале «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского» в № 2. Т.26 (65) [9].

Делая выводы к вышесказанному, следует отметить, что изучение и исследование этих источников, требует упорства, времени, знания османского языка и арабской графики, сложность так же заключается в переводе текстов, транслитерации и адаптации их на современный язык. Учитывая тот факт, что в Турции специалистов свободно читающих и понимающих османский язык гораздо больше, чем в Крыму, образовавшийся пробел по изучению материалов из Судебных реестров с 2000 г. был пополнен именно турецкими исследователями. Очевидно и то, что каждый исследователь, извлекая материалы этих нормативных документов, использовал в своих научных трудах, то, что более всего вызывало интерес для самого автора научной работы, но на сегодняшний день остается ещё большое количество неизученных аспектов истории времён Крымского ханства, которые зафиксированы в этих источниках.

Проследив хронологию изучения и выявления Судебных реестров, можно утверждать, что сохранилась лишь часть некогда существовавшего большого архива этих нормативных документов. Например, профессор В.Д. Смирнов, в 1886 году пишет о целой залежи этих рукописей; Ф. Хартахай в 1867 году упоминает о 200 тетрадах; Мурат бей Биарсланов в 1887 году, по поручению комиссии работает уже со 119-ю кадиаскерскими книгами (Судебные реестры), уцелевшими после пожара 1736 г. в Бахчисарайском дворце и лежавшими без движения с 1802 года в Губернском архиве; Ф.Ф. Лашков в 1889–1890 гг. работал со 122 (100 – собственно кадиаскерскими и 22 – кадийскими, преимущественно Бахчисарайского и Гезлевского (Евпаторийского) каймаканств. Учитывая эти данные, сложно, что-либо сказать о том сохранились ли экземпляры, с которыми работали исследователи досоветского периода. Известно то, что в 1905 году по инициативе В.Д. Смирнова из Симферопольского губернского архива в количестве 122 тетрадей в Российскую Императорскую Публичную библиотеку, ныне – Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ) были переданы оригиналы этих документов. В Государственном бюджетном учреждении культуры Республики Крым «Республиканская крымскотатарская библиотека имени Исмаила Гаспринского» в отделе рукописей хранятся фотокопии 61-го реестра. Как отмечает Н.Абдульвапов: «ровно половина тех, что были переданы в Санкт-Петербург, судьба остальной части копий, если таковые были, нам не известна» [2, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмет Незихи Туран*. Судебные реестры крымского ханства (после их обнаружения). Перевод Н. Сеитягъев. Режим доступа: <http://turkology.tk/library/191>
2. Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Составление, вступительная статья, комментарии Н.Р.Абдульваапа. Симферополь: «Доля», 2007. 160 с., илл.
3. *Блюменфельд Г.Ф.* Крымско-татарское землевладение; Лашков Ф.Ф. Сельская община в Крымском ханстве; Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения / Автор проекта и составитель, примечания – В.Н. Прокопенков. Симферополь: «ООО «Фирма «Салта «ЛТД», 2011. 590 с., ил.
4. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. №9. С. 41; 1890. №9. С.68, №10.С.74.

5. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1895. № 22. С. 82–115; № 23. С. 118–129; 1896. № 24. С. 72–137; № 25. С. 89–158; 1897. № 26. С. 24–154.
6. Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: издательство «Доля», 2005. 576 с.: ил с. 41
7. *Непомнящий А.А.* Федор Лашков – историк и личность // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2009. № 24. С. 180–195.
8. Протокол заседания Таврической учёной архивной комиссии от 20 июня 1898 г. // ИТУАК. 1899. Т.29. С. 79–100. Абяким Эфенди, сообщающий, что дефтер находится в руках жителя Бахчисарая по имени Шейх Селями, передаёт некоторые сведения из соответствующего дефтера (с. 91).
9. *Рустемов О.Д.* Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджий // Сходознавство № 64. Институт Сходознавства им. А.Ю. Крымского, НАН Украины. Киев, 2013. С.108–116; Источники по изучению становлению официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского ханства // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т.26 (65). №2. Филология. Симферополь, 2013. С.232–238.
10. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т.1. С. 541.
11. *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы Т. II. Санкт-Петербург, 1867. С.149–150.
12. *Втик Ömer.* Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774). Izmir, 2007.
13. *Cihan Ahmet ve Yılmaz Fehmi.* Kırım Kadı Sicilleri // Islâm Araştırmaları Dergisi, Sayı 11.2004. S. 131–176.
14. *Develioğlu Ferit.* Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lugat eski ve yeni harflerle. Ankara, 2009.
15. *Özdem Zeyneb.* Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17. Yüzyıl sonlarından 18. Yüzyıl ortalarına kadar. Türk tarih kurumu basımevi. Ankara, 2010. 207 s.

Сведения об авторе: Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – заведующая Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (298405, ул. Речная, 133, г.Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (298405, ул. Басенко, 57 «Л», г.Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); shemsannur@mail.ru

To the History of the Judicial Registers in the Crimean Khanate

E.E. Abibullaeva

*(Ismail Gasprinsky Memorial Muzeum;
Crimean Research Center, Sh.Marjani Institute of History of AS RT)*

Kadiasker notebooks or Judicial Registers are the most important written sources of the 17th–18th centuries. In those times, everything that should be examined by the (kadiy) judges, were entered into those normative documents. There were the records of proceedings on civil and criminal cases, a distraint of property, wills, financial state orders, the estimation of public buildings and constructions: mosques, castles; fountains; caravanserais, madrasa and so on. Except of the above mentioned, in the documents there was a sufficient amount of the information about the members of the ruling dynasty, state person machinery. Research work on those written sources began in the 19th century. First to speak of it, as of a valuable source of information to learn the history of the Crimean Khanate, was professor V.D. Smirnov. In summer of 1886 he visited the Crimea and examined local archives. As professor V.D. Smirnov writes himself: “there, in Simferopol guberniya’s archives, is a whole deposit of manuscripts written in the Crimean Tatar language, they contain extremely rich material, which illustrates social history of the Crimea Khanate, and which is waiting for the scientific research works”.

For the first time, the materials from the judicial registers were used in the article “Historical Destiny of the Crimean Tatars”, written by the young researcher, a Crimean Greek by nationality – Ph. Khartakhai. In January 1887, Tavrida Scientific Archive Committee (TSAC) started its work in the Crimea. The task of the committee was: to collect the materials, to preserve the materials, to study the publications of the most interesting documents concerning the history of the region. It happened so, that on the pages of ПТААК (Proceedings of Tavrida Academic Archeological Council) for 1889, №8, there was published the article written by Marat bey Biarslanov under the title “Extracts from kadiasker sakka (book) of 1017–1022 AH, 1608/9–1613 of Christian chronology, which were kept in the archives of Tavrida guberniya’s governing body”. After Marat Biarslanov, beginning from 1894 up to 1896, in the “Proceedings of Tavrida Academic Council” was published a very extensive work of Ph.Ph. Lashkov: “Historical Sketch of the Crimean Tatar Landownership”, which is, to considerable degree, based on the never studied archive materials, particularly, on judicial registers and yarliqs of the Crimean Khanate.

Research works by M. Biarslanov and Ph.Ph. Lashkov were continued by the Turkish researchers beginning from 1996.

Keywords: Crimean Khanate, Judicial Registers, unique source, identification, study, originals, storage.

REFERENCES

1. Akhmet Nezikhi Turan. *Sudebnye reestry krymskogo khanstva (posle ikh obnaruzheniya)* [Court Register of the Crimean Khanate (after their discovery)]. Perevod N. Sei-tyag»yaev. Available at: <http://turkology.tk/library/191>
2. *Bakhchisarayskaya knizhnaya kolleksiya v Rossiyskoy natsional'noy biblioteke. Ukazatel' rukopisnykh i staropechatnykh knig, peredannykh v 1976 g. iz Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya v Gosudarstvennyuyu Publichnyuyu biblioteku im. M.E. Saltykova Shchedrina* [Bakhchisaray Book Collection in the Russian National Library. Index of manuscripts and early printed books transferred in 1976 from the Bakhchisaray Historical and Archaeological Museum in the M.E. Saltykov-Shchedrin State Public Library]. Sostavlenie, vstupil'nyaya stat'ya, kommentarii N.R. Abdul'vaapa. Simferopol': «Dolya», 2007. 160 p., ill.
3. Blyumenfel'd G.F. *Krymsko-tatarskoe zemlevladienie* [The Crimean Tatar Landownership]; Lashkov F.F. *Sel'skaya obshchina v Krymskom khanstve* [The Rural Community in the Crimean Khanate]; Lashkov F.F. *Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya* [Collection of Documents on the History of the Crimean Tatar Landownership]. Avtor proekta i sostavitel', primechaniya – V.N. Prokopenkov. Simferopol': «OOO «Firma «Salta «LTD», 2011. 590 p., ill.
4. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Simferopol', 1889, № 9, p. 41; 1890, № 9, p. 68, № 10, p. 74.
5. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Simferopol', 1895, № 22, pp. 82–115; № 23, pp. 118–129; 1896, № 24, pp. 72–137; № 25, pp. 89–158; 1897, № 26, pp. 24–154.
6. *Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture* [Crimean Tatars: Readings on ethnic history and traditional culture]. Avt.-sost. M.A. Aradzhiuni, A.G. Gertsen. Simferopol': izdatel'stvo «Dolya», 2005. 576 p.: ill. p. 41.
7. Nepomnyashchiy A.A. Fedor Lashkov – istorik i lichnost' [Fedor Lashkov: A historian and person]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Legacy of the Crimea], Simferopol, 2009. № 24, pp. 180–195.
8. Protokol zasedaniya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii ot 20 iyunya 1898 g. [Minutes of the Meeting of Tauride Scientific Archive Commission on June 20, 1898]. *ITUAK* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. 1899, Vol. 29, pp. 79–100. Ablyakim Efendi, soobshchayushchiy, chto defter nakhoditsya v rukakh zhitelya Bakhchisaraya po imeni Sheykh Selyami, peredaet nekotorye svedeniya iz sootvetstvuyushchego deftera (s.91).
9. Rustemov O.D. Vnutrennyaya stilistika bakhchisarayskikh sidzhiley [Internal Style of Bakhchisaray Sidzhils]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. № 64. Institut Skhodoznavstva im. A.Yu. Krymskogo, NAN Ukrainy. Kiev, 2013, pp.108–116; Istochniki po izucheniyu sta-novleniyu ofitsial'no-delovogo stilya krymskotatarskogo yazyka epokhi Krymskogo khanstva [Sources for the Study of the Formation of Official Style of the Crimean Tatar Language during the Era of the Crimean Khanate]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo [Memoirs of V.I. Vernadsky Tauride National University]. Vol. 26 (65). № 2. Filologiya. Simferopol', 2013, pp. 232–238.
10. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte]. Moscow, Izdatel'skiy dom «Rubezhi XXI», 2005. Vol. I. 541 p.
11. Khartakhay F. Istoricheskaya sud'ba krymskikh tatar [Historical Destiny of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. Vol. II, Sankt-Peterburg, 1867, pp.149–150.
12. Bıyık Ömer. *Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774)*. Izmir, 2007.
13. Cihan Ahmet ve Yılmaz Fehmi. Kırım Kadı Sicilleri. *İslâm Araştırmaları Dergisi*, Sayı 11. 2004, pp. 131–176.
14. Develioğlu Ferit. *Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lugat eski ve yeni harflerle*. Ankara, 2009.
15. Özdem Zeyneb. *Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17. Yüzyıl sonlarından 18. Yüzyıl ortalarına kadar)*. Türk tarih kurumu basımevi – Ankara, 2010. 207 p.

About the author: Elmira Ebazerovna Abibullaeva – Director of the Ismail Gasprinsky Memorial Muzeum of the Crimean Republican Institution “Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Muzeum-Reserve” (298405, Rechnaya st., 133, Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); Junior Research Fellow at the Crimean Research Center, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (298405, Basenko st., 57 «L», Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); shems-annur@mail.ru

УДК 477-924.86+93 + 904

Конский шлем XIV – начала XV вв. из собрания Национального музея истории Украины

Е.А. Попельницкая

(Национальный музей истории Украины)

Статья посвящена атрибуции конского защитного шлема из собрания Национального музея истории Украины, выявленного в курганном захоронении в Среднем Поросье (Южная Киевщина). А. Кирпичников и Е. Черненко датировали находку первой половиной XIII в. и связывали с тюркским племенным объединением Черных клобуков. М. Горелик предположил, что указанный цельнокованный трехчастный шлем относится к «ближневосточному типу» и изготовлен в Египте или Сирии времен мамлюкского султанта. К предметам «мамлюкского» импорта причисляют шлем из Ромашек также Ю. Кулешов и Е. Абызова, как и меч с Райгородского городища Донецкой обл. и клинок из погребения у с. Каирка Херсонской обл.

В пользу датирования шлема XIV–XV вв. свидетельствуют представленные в мировых музейных собраниях трехчастные шлемы из Египта, Сирии и Малой Азии, наиболее ранние из которых изготовлены в начале XV в. К тому же, Г. Федоров-Давыдов считал, что верхней хронологической границей курганных захоронений Поросья (которых на сегодня известно свыше 100) является XIV в., о чем свидетельствуют археологические находки, выявленные в некоторых курганах. Поэтому не следует ограничивать время возведения курганов в этом историческом регионе татаро-монгольским нашествием. Если же предположить, что захоронение с конем, выявленное в с. Ромашки, было впускным (сооруженным в насыпи кургана, возведенного в более раннюю историческую эпоху), означенное погребение могло быть более поздним, чем XIV в., но совершенным с использованием такого пережитка язычества, как сакральная жертва коня.

Ближайшим аналогом конского шлема из собрания НМИУ является трехсоставное конское оголовье из Музея изящных искусств в Лионе (Франция), датированное началом XV в. Указанный шлем можно связывать с поздними кочевниками второй половины XIII – XIV вв., возможно, начала XV в. Традиция погребения в курганной насыпи на периферии Половецкой степи, возможно, сохранялась и после исламизации Золотой Орды.

Ключевые слова: снаряжение коня, Золотая Орда, степная Украина, археология, Национальный музей истории Украины.

В Национальном музее истории Украины хранится защитная железная маска коня, выявленная предположительно в 1899 г. археологом В. Хвойкой в кургане в с. Ромашки (сейчас – Ракитнянского р-на Киевской обл.). Позднее В. Хвойка вспоминал, что в 1899 г. исследовал в указанном селе группу курганов, расположенную на возвышении между оградой сельской церкви и крутым речным берегом и окруженную оплывшим валом и рвом. Среди курганов размерами (22 x 11 м) выделялась «Большая могила», как ее именовали местные жители. В ее насыпи были выявлены четыре погребения западной ориентации в дощатых гробах: три принадлежали мужчинам, одно – подростку или молодой женщине.

Из предметов погребального инвентаря В. Хвойка упоминает серебряную серьгу с лунницей, бронзовый нательный крест, красные сафьяновые сапоги с железными подковами и «неплохой сохранности» остатки одежды с узелковыми пуговицами и шестью бронзовыми застежками-крючками.

Ориентированные на запад захоронения в деревянных домовинах были выявлены и под остальными курганными насыпями указанного могильника. Погребенных сопровождали серебряные серьги с «S»-видными концами, серебряные и бронзовые перстни, бронзовые поясные пряжки [40, с. 10–11].

В 1899 г. краткий анонимный отчет (автором которого, предположительно, был археолог Н. Беляшевский) о раскопках курганного могильника в с. Ромашки опубликовал журнал «Киевская старина»: *«Весной текущего года В. Хвойкой были вскрыты несколько курганов ... у с. Ромашки ... погребения, расположенные под невысокими насыпями, гораздо более позднего происхождения (чем погребения Черняховской археологической культуры II–V ст., исследование которых было главной целью раскопок В. Хвойки в с. Ромашки. – Авт.); судя по найденным при скелетах предметам, их можно приурочить к XIII–XIV вв. ... это серебряные височные кольца,*

ручные кольца из витой проволоки, пряжки, бусы с зернью и т.п. Особенно интересными оказались раскопки одной могилы, выдававшейся среди других своими размерами. В насыпи могилы встречено несколько погребений... при мужском скелете найден железный ножик, остатки сафьяновых сапог с двумя железными подковками и куски шелковой материи от платья с очень оригинальной бахромой, состоящей из плетеного шнура с подвешенными же плетеными шариками; у женского скелета (определенного В. Хвойкой как детский. – Авт.) на груди найден бронзовый крест-тельник, у виска – серьга с привеской в виде небольшой лунницы и, по-видимому, другая серьга, плохо сохранившаяся, состоящая из нанизанных на проволоку бус... [42, с. 173].

Как видим, ни В. Хвойка, ни автор заметки в «Киевской старине» не упоминают о находке захоронения с конским шлемом. Можем предположить, что этот предмет или был найден позже, или автор раскопок не уделил ему внимания. Возможно, что захоронение с конем раскопал не В. Хвойко, а местные жители, позднее передавшие (продавшие?) находку киевскому археологу.

В 1905 г. находки из с. Ромашки (шнуры и бронзовые застёжки от одежды, бронзовые и серебряные кольца, серьги, кресты, подковы от сапог) поступили в Киевский художественно-промышленный и научный музей, коллекции которого стали основой собрания Национального музея истории Украины [3].

Путеводители по музею (в частности, изданный в 1908 г.) упоминают и «...железный головной убор лошади найденный при погребении всадника вместе с лошадьёю при с. Ромашки Васильковского у[езда] Киевской губернии», переданный в музей киевским меценатом Б. Ханенком, финансировавшим многие экспедиции В. Хвойки [23].

Фотографию указанного конского шлема без указания места находки, но со ссылкой на коллекции киевского музея в 1968 г. выявили в Научном архиве Института археологии НАН Украины в личном архиве В. Хвойки археологи А. Кирпичников и Е. Черненко. Исследователи опубликовали этот предмет (который они считали утерянным), обратив внимание на схожесть Ромашкинского шлема с турецкими и другими восточными аналогиями XV–XVI ст. Отсутствия таких деталей как прикрытие ушей, многочисленных уступов и граней, гравированного декора дало повод исследователям считать это конское оголовье более ранним, датировать его первой половиной XIII ст. и связывать с Черными клобуками [24; 25, с. 30, рис. 14].

Несколько позже М. Горелик предположил, что шлем из Ромашек изготовлен в Сирии или Египте времен мамлюкского султаната: «...Что же касается оголовья из Киевского исторического музея ... Интересно, что в начале своей статьи А.Н. Кирпичников и Е.В. Черненко ... отметили близость рассматриваемого оголовья ближневосточным образцам XV в., но дальнейший ход рассуждения увел их в сторону... нет никаких оснований полагать, что оголовье из Киева относится к другому региону и эпохе, нежели большая группа стальных оголовий, в точности повторяющих киевский экземпляр. Дж. Джорджетти, опубликовавший оголовье из Сан-Марино, относит его к мамлюкскому государству XV в. Г.Р. Робинсон, опубликовавший доспехи из музея Штибберта во Флоренции и Дж.К. Стоун, также опубликовавший оголовье этого типа и отнесший их к XV в., считают их турецкими, что не удивительно, так как позднемамлюкское оружие практически не отличают от раннеосманского. Наконец, опубликованное Майером оголовье снимает всякие сомнения: совершенно идентичное по форме киевскому, оно имеет великолепное, тушированное золотом оформление, включающее надпись, содержащую имя Мукбиля ар-Руми, мамлюкского эмира Дамаска первой половины XV в. Дате надписи ... не противоречит орнамент, ее время и место подтверждаются и мамлюкским знакомвысокого ранга – изображением чаши на щечниках и на налобнике ... Оголовье из ГИМ, относящееся к этому же типу, украшенное чеканной подтреугольной фигурой наверху, подобной фигуре, тушированной на оголовье коня Мукбиля ар-Руми. Т.о., боевое оголовье из Киева не имеет никакого отношения ни к Черным клобукам (кочевникам Поросья), ни тем более к Древней Руси ... Если же и связывать его с погребением ... воина и коня, то с некоторой натяжкой можно предположить, что это было захоронение литовца-язычника, поскольку в первой половине XV в. эта территория входила в состав Великого княжества Литовского. Местное славянское население было давно христианским, а литовцы лишь в конце XIV в. начали массами христианизироваться. Языческий же обряд захоронения с конем издавна был характерен для литовцев. Все это, конечно, не более как гипотеза. В любом случае оголовье из Киева, сделанное в Сирии или Египте, в данной ситуации можно считать бытовавшим ... в Золотой Орде, откуда он попал в район Киева случайно ли, при набеге, либо как трофей литовского воина или дар» [15].

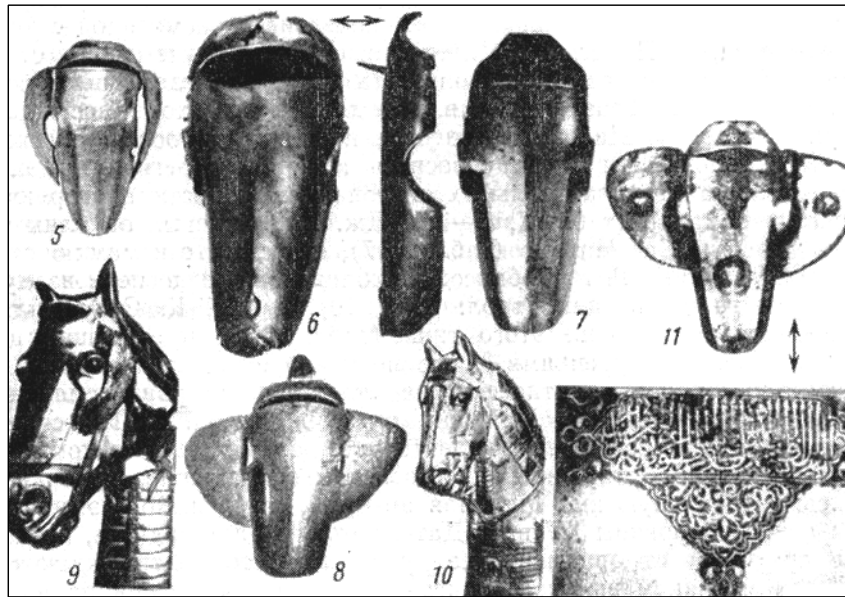

Рис. 1.* Иллюстрация из статьи М. Горелика [15, табл. X]

М. Горелик допускал присутствие в золотоордынское время в Поросье и северокавказских черкесов, о чем, по его мнению, свидетельствуют «...характерные для адыгских памятников XIV–XVI вв. северо-западного Предкавказья и Прикубанья металлическая оковка щита и перекрестье сабли», найденные в кургане у с. Яблоновка Белоцерковского р-на Киевской обл.[35].

Присутствие подобных предметов вооружения в Поросье исследователь связывал с переселением туда завоеванных монголами адыгов. По мнению М. Горелика, это могло произойти со второй половины XIII ст. (когда Поросье контролировалось беклярбеком Куремсой) и до отвоевания у Орды великим литовским князем Ольгердом Южной Киевщины в 1362 г. Подводя итоги, М. Горелик отмечал, что «... специфика западноприкубанского варианта золотоордынской культуры ... не столько в культуре местных этносов ... (к началу монгольского завоевания она была сравнительно нивелированной кипчаками на всей территории юга Восточной Европы): огромную роль сыграли контакты ... с местными итальянскими колониями и Египтом. Ордынская культура (Северного Кавказа. – Авт.) вобрала в себя и европейские, и египетские элементы (в виде готовых изделий, тканей); именно область Прикубанья-Приазовья ... была регионом, откуда пра-влящий класс Египта – мамелюки постоянно получал необходимое пополнение»[17; 18].

Исторический регион Поросье, откуда происходит указанный конский шлем, с севера и юга ограничивают реки Стугна (вдоль которой возведены т. н. «Змиевы валы») и Рось, на берегах которой в древнерусское время возникла защитная линия из крепостей Торческ (впервые упомянута летописями под 1093 годом), Юрьев, Роставец и Володарев, Богуславль, Стеблев и Корсунь; место впадения р. Роси в Днепр защищали крепости Родень и Канев.

Исследователи отождествляют Торческ с городищем, расположенным между современными селами Ольшаница и Шарки Ракитнянского р-на, Юрьев – с г. Белая Церковь, Роставец – с с. Раставица, Володарев – с пос. Володарка, Богуславль – с г. Богуславом, Стеблев – с одноименным селом, Корсунь – с г. Корсунем-Шевченковским, Родень – с с. Пекари Каневского р-на.

Село Ромашки, где выявлен конский шлем, расположено на высоком правом берегу р. Гороховатки в 14 км южнее ее места впадения в Рось – недалеко от остатков городища, отождествляемого с Торческом.

Поросье являлось «буферной зоной» между Южной Киевщиной и степью, где кочевали номады. С X ст. в Поросье расселялись федераты киевских и черниговских князей – летописные Черные клобуки, объединявшие тюркские племена торков, коуев, турпеев, каепичей, бастиев, берендеев, печенегов и гузов. В середине XII ст. в Поросье появились половцы. Возглавляли Черно-клобуцкий союз племен, по-видимому, представители киевского княжеского дома: в 1190 г. в

* Рис. 2–5 к статье см. на цв. вклейке.

Торческе правил Ростислав – сын киевского князя Рюрика и внук по матери половецкого хана Беглюка. Присутствием в гарнизонах летописных «берендейских городов» славяно-тюркского населения исследовательница С. Плетнева объясняет наличие в материальной культуре Поросья элементов христианства [39, с. 145–146, 165–166].

Примером подобного культурного симбиоза, возможно, являются находки из кургана, в 1894 г. раскопанного около г. Таганча (сейчас – одноименное село в Каневском р-не Черкасской обл.). Под курганной насыпью в деревянном гробу в сопровождении оседланного коня и оружия (шлема, кольчуги, колчана со стрелами, сабли, гири-кистеня) был похоронен знатный воин, этническое происхождение которого является предметом дискуссии. О высоком социальном статусе погребенного воина свидетельствуют найденный в захоронении деревянный жезл с серебряной оковкой, серебряная чаша и серебряный христианский медальон [39, с. 146].

Во второй половине XIII ст. Поросье, очевидно, вошло в золотоордынский улус Джучи. Посетивший Киев в 1246 г. францисканский монах П. Карпини отмечал, что застал там монгольских урядников, а на правом берегу Днепра – кочевья внука хана Джучи, темника Куремсы [37, с. 68–69]. К тому времени Черные клобуки и половцы откочевали из Поросья на территорию современной Венгрии [36, с. 14–36]. Вернулись спустя некоторое время, они продолжали жить в Южной Киевщине, сохраняя этнокультурную самобытность, выраженную в особенностях погребального обряда и комплекса бытовых предметов: снаряжения всадника, типов женских украшений и т.п.

По утверждениям восточных авторов, в конце XIV ст. Правобережье Днепра было улусом бека Хурмадая. Венецианец А. Контарини, в 1474 г. посетивший Киев, отмечал, что город находился на границе с Татарией. В XVI в. этот рубеж, по свидетельству посла германского императора Э. Лясоты, пролегал уже южнее – по р. Тясмин. Впрочем, как отмечает исследовательница Е. Русина, границы исторической Татарии нуждаются в уточнении [43, с. 23–25].

После татаро-монгольского нашествия Поросье с оборонными замками, расположенными в Каневе, Корсуне, Черкассах и Звенигороде, оставалось буферной зоной между Южной Киевщиной, Подолем и Южным Бугом, в бассейне которого (на р. Синюхе или Синие Воды) во времена ханов Узбека и Джанибека (первая половина XIV ст.) располагались ордынские кочевья. «Список русских городов», составленный в конце XIV ст., называет Канев и Корсунь «киевскими городами», в то время как Черкассы и Звенигород причисляет к «Подольской земле». Согласно «Повести о Подолье» 1430-х гг., «властителями» Подольской земли в середине XIV ст. были Кочубей, Кутлубей и Димитрий, предположительно возглавлявшие Крымскую, Перекопскую и Ямболуцкую орды. Кочуя в Северном Причерноморье, эти татарские эмиры контролировали территорию вплоть до «Диких полей» Южной Киевщины [55, с. 43].

По свидетельству польского автора XVI ст. М. Стрыйковского, поводом к битве на Синеих Водах 1362 г. стало стремление великого литовского князя Ольгерда господствовать над Южной Киевщиной и Подолем. Совершив поход вглубь золотоордынских территорий, в урочище Синие Воды (расположенном около современного с. Торговица Новоархангельского р-на Кировоградской обл.) литовская армия разбила объединенное войско Кочубея, Кутлубея и Димитрия. Итогом Синеводской битвы, по мнению исследователя Ф. Шабульдо, стало продвижение северных границ татарских кочевий из Поросья в Потясминье.

Наряду с военным противостоянием литовские князья проводили политику сближения с золотоордынскими ханами. В 1360-х гг. князь Ольгерд и беклярбек Мамай заключили союз, подтвержденный их наследниками – князьями Ягайлом и Витовтом, а также ханом Тохтамышем. Поскольку Киев, предположительно, был южнорусской резиденцией литовских князей, близлежащее Поросье могло служить местом встреч литовских и золотоордынских войск перед совместными военными операциями, например, походом 1380 г. Ягайла и Тохтамыша на Московское княжество [54, с. 67, 71–72, 84, 106, 116].

Ф. Шабульдо считал, что Поросье до конца 1390-х гг. пребывало в сфере экономических интересов Золотой Орды, доказательством чего служат находки там кладов монет хана Джанибека (1342–1357) и его преемников [54, с. 30–31].

Присоединение Поросья к Великому княжеству Литовскому стало возможным после карательного похода 1395 г. среднеазиатского правителя Тамерлана в Крым, Приазовье и Южную Украину, разрушения расположенных там золотоордынских городов и ослабления власти Золотой Орды на Днепровском Правобережье [54, с. 143]. Воспользовавшись этим, киевский князь Скригайло по приказу Витовта захватил замки в Черкассах, Звенигороде и Каневе. В 1398 г. Тохта-

мыш, изгнанный из Крыма ставленником Тимура – ханом Тимур-Кутлуком и темником Эдигеем, получил от Витовта земли по р. Тясмин [54, с. 145, 147].

В XV ст. Поросье оставалось «коридором», по которому Эдигей и крымский хан Менгли-Гирей в 1416 и 1482 гг. дошли до Киева. Один из «татарских шляхов», упоминаемый в грамоте 1597 г. польского короля Сигизмунда III, пролегал на противоположном от г. Белая Церковь берегу р. Рось, где начиналось Дикое поле [56, с. 92].

Село Ромашки, где был найден указанный конский шлем, возникло в последней четверти XVIII ст. на территории, которая вплоть до XVII ст. из-за постоянной угрозы со стороны Степи была слабо заселена. Одними из немногочисленных населенных пунктов этого региона были укрепленные города Ольшана и Рокитно (сейчас – с. Ольшаница и пгт Ракитное), окруженные лесным массивом Болгун (Bolhun), а также пасеками и хуторами местных землевладельцев [56, с. 118].

В 1527 г. у Ольшан князь К. Острожский разбил возвращавшихся из набега татар [57, с. 497]. Один из наиболее опустошительных татарских набегов на Черкащину и Южную Киевщину произошел в 1631 г., когда обезлюдели многие города и села [56, с. 94].

Возможно, что на беспокойном степном пограничье между реками Рось и Тясмин в конце XVI ст. продолжали жить потомки кочевников, в конце XIV – XV ст. перешедших в подданство Литвы. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют описи («люстрации») Каневского и Черкасского замков, в 1545 и 1552 гг. проведенные чиновниками Великого княжества Литовского: некоторые из упомянутых «люстрациями» землевладельцев и замковых бояр носили тюркские имена Балыш, Бут, Гусейн, Моксак, Ногай, Охмат, Толук.

«Люстрация» Каневского замка зафиксировала местное предание об основании г. Черкассы: «... князь великий литовский Гедымин, завоевавши над морем Кафу, и весь Перекоп, и черкасы пятигорские; и приведши черкасов часть с княгиней их, посадил их на Снепороде, а иных на Днепре, где теперь черкасы сидят» [34, с. 103]. Современная украинская историческая наука не рассматривает предание о переселении черкесов в Среднее Поднепровье настолько критично, как историки конца XIX в. [1, с. 55–56], и признает возможную роль «черкесского фактора» в формировании украинского казачества.

Объясняя происхождение этнонима «черкес», исследовательница М. Волкова писала: «Возникновение термина «черкес», этническая природа которого увязывается с тюркской средой, было связано с определенными политическими событиями XIII ст. В монгольской хронике «Сокровенное сказание» он зафиксирован в форме саркас(ут), сэркэс(ут). Впоследствии имя черкес появляется во всех исторических источниках: в середине XIII в. – в арабских, персидских и западноевропейских сочинениях; с конца XIII в. – в русских летописях. В «Истории Армении» в XIII в. в перечне кавказских народов фиксируется имя черкесы» [13, с. 21, 23].

Дефицит письменных источников о переселении в Украину иммигрантов с Северного Кавказа отчасти компенсируют антропологические материалы. Достаточно объемная и показательная остеологическая серия была собрана в 1989–1994 гг. в ходе археологического исследования кладбища конца XV – середины XVII вв. в г. Чигирине, расположенном неподалеку от бывших Черкасского и Каневского замков. В нескольких погребениях (всего их исследовано 260) были выявлены горшки и другая керамическая посуда. Умершие лежали в деревянных гробах или долбленых домовинах головой на запад, с руками, сложенными на груди или животе. Из исследованных останков 61 принадлежат мужчинам с крепким телосложением и развитым мышечным рельефом. По мнению антропологов, население средневекового Чигирина имеет много черт кавказско-балканского антропологического типа (к которому, в частности, принадлежат балкарцы и черкесы): высокий рост (в среднем 174–189 см), широкое средневysокое лицо, сильно выступающий нос с горбинкой. Кроме того, чигиринская серия имеет сходство с т.н. «сарматско-позднесалтовским типом», который, кроме украинских степей, присутствует на Северном Кавказе, в Южной Болгарии, в средневековом Крыму [19].

На присутствие в Каневско-Черкасском регионе (расположенном южнее Поросья) в позднем средневековье потомков населения золотоордынского времени указывают и некоторые памятники материальной культуры. К таковым, в частности, можно отнести пару серебряных «рогатых» височных привесок (напоминающих т.н. «серьги половецкого типа») из монетно-вещевогоклада XVI–XVII вв., выявленного в с. Малое Староселье Смелянского р-на Черкасской обл., расположенном на притоке р. Тясмин – Балаклее. Они представляют собой массивную дужку с нанизан-

ной крупной бусиной, имеющей вид куба, грани которого декорированы пирамидками с псевдозернью.

Одна из первых известных «серег половецкого типа» в 1894 г. была выявлена Н. Бранденбургом в курганном захоронении около с. Зеленки на берегу р. Росава (сейчас – Мироновского р-на Киевской обл.) [9, с. 21–22, № 30]. Исследовательница С. Плетнева связала эту находку с Черными клобуками [38, табл. 5], позже датировав ее «половецким временем» [45, с. 240, рис. 84; с. 261, рис. 84]. В другом курганном захоронении в с. Зеленках были обнаружены еще две височные привески схожей конструкции: кольцо с нанизанной биконической дутой бусиной, но без конических «рожек» [9, с. 19, № 24].

«Рогатые» привески из Староселицкого клада отличаются от серьги, найденной в кургане в с. Зеленки, более сложной конструкцией и техникой исполнения. Возможно, привеска из Староселья является более поздней стадией развития этого типа украшений. Непосредственными аналогами «рогатой серьги» из Староселицкого клада являются височные украшения из монетно-вещевых кладов XV–XVII вв. и погребений золотоордынского времени, выявленных в Молдове (в Кагуле, Бендерах, Сучаве, Енисале, Сахарне, Старом Орхее), куда после татаро-монгольского вторжения откочевала часть половцев и Черных клобуков. Сочетание в Староселицком кладе «рогатых» привесок с монетами XVI–XVII вв. наводит на мысль о том, что подобные украшения, бытовавшие в Каневско-Черкасском регионе с золотоордынского (возможно, с домонгольского) времени, «дожили» до позднего средневековья как часть традиционного костюма местного населения.

Другая пара височных привесок из Староселицкого клада (украшенные альмандиновыми вставками т. н. «серьги в виде знака вопроса») находят аналогии не только среди ювелирных изделий XIV–XV ст. с территории Украины, но и украшений Средней Азии, а также крымских татар [41].

Подводя итоги, следует отметить, что в Среднем Поросье, где был найден указанный конский шлем, и прилегающем к нему с юга Каневско-Черкасском регионе, возможно, до XVII ст. продолжали жить потомки Черных клобуков и половцев. Через Среднее Поросье в XV–XVII ст. также пролегли пути кочевников, двигавшихся в направлении Киевщины и Волыни.

Присоединив Поросье и Потясминье, Литовское государство, возможно, создало для защиты своих границ «буферную зону», аналогичную древнерусской. До появления на рубеже XV–XVI вв. при Каневском, Черкасском, Белоцерковском и Корсунском замках первых казацких формирований, контролировавших Черный шлях (соединявший Северное Причерноморье с Волынью и Подольем) [48], функцию стражи могли выполнять расселенные на границе с Диким полем черкесские отряды [10], выступавшие носителями золотоордынской материальной культуры, сформированной под влиянием стран Востока.

Наличие в одном из выявленных в с. Ромашки курганов нательного креста (сопровождавшего женское(?) погребение), возможно, свидетельствует о принадлежности захоронений немусульманам – поздним половцам или черкесам.

В этом контексте оригинально выглядит гипотеза М. Горелика о литовской принадлежности Ромашкинского захоронения с конем. Действительно, в курганах аукшайтов (в XIII–XIV ст. населявших современную Восточную Литву и Беларусь), наряду с человеческими останками выявлены свыше 1000 ингумаций коней. Защитные конские маски или налобники в этих погребениях отсутствуют, однако есть в наличии парадные уздечки с металлическими украшениями, бусины и бубенцы от сбруи и т.п. Об обряде погребения в сопровождении одного или нескольких коней упоминают немецкие хронисты XIV ст. П. Дюсбург [52] и Г. Вартбергский. Последний из них описывает похоронную церемонию великого литовского князя Альгирдаса (Ольгерда): «*В том же [1377] году ... умер Адъгарден, главный литовский король. При его похоронах, сообразно литовскому суеверию, было совершено торжественное шествие, с сожжением различных вещей и восемнадцати боевых коней*» [11].

Польский автор XVI ст. М. Стрыйковский так описал погребение великого литовского князя Гедимины (1341): «*... Потом его сыновья и все рыцари проводили его тело до Вильна, а там по княжескому обычаю приготовили ему могилу согласно языческим обрядам и тризнам, сложив огромный костер [из] смолистой сосны... Потом ... его убрали в праздничные одеяния ... и положили на кучу дров, [а рядом с ним положили] сабли, копья, сайдак с луком, соколов и хортов по паре, живого коня с седлом и связанного наивернейшего его любимца [служу]. Потом подождгли дрова, и столпившиеся вокруг рыцари по бывшему у них старинному обычаю с великой скорбью*

метали в огонь рысьи и медвежьи когти, доспехи и часть неприятельских трофеев, а также вместе с ним сожгли живыми трех пленных немцев в доспехах. Потом, когда тела сгорели, пепел и кости князя, слуги, коня и хортов, отдельно собрав их и заколов в гроб (сверток), похоронили в земле на том же месте» [46].

Однако, даже если в кургане у с. Ромашки, как считал М. Горелик, был погребен литовский воин-язычник, логичнее предположить, что на его коне должно было быть защитное оголовье не «ближневосточного типа», а европейский «шаффрон». Именно такой тип защитной маски, по мнению некоторых исследователей, изображен на печати литовского князя Тройдента Мазовецкого 1341 г. [53]. К тому же, в описаниях обрядов погребения великих литовских князей XIV ст. Гедимины и Ольгерда говорится о кремации коня, а в Ромашкинском кургане, судя по всему, конь (или его отсеченная голова) был захоронен по обряду ингумации.

Конечно, можно допустить, что контакты литовской кавалерии со степняками – сначала золотоордынцами, затем крымскими татарами – в той или иной степени повлияли на военное снаряжение литовского войска. К тому же, не следует забывать о существовании этнической группы литовских татар, получавших за службу от великих литовских князей земельные владения и титулы. Возможно, к ним принадлежали и упомянутые бояре Каневского и Черкасского замков, носившие тюркские имена.

Для определения хронологического периода бытования конского шлема, найденного в Ромашках, следует вспомнить историю датирования и атрибуции курганных погребений Поросья, 117 из которых (56 подкурганных и 61 впускное) в конце XIX ст. раскопал Н. Бранденбург. Большинство исследователей определяли эти захоронения как принадлежащие Черными клобукам [38, с. 5–7]. Г. Федоров-Давыдов выделил среди них «половецкую группу» с характерным вещевым комплексом, западной ориентацией погребений и наличием целой или фрагментированной туши коня [51, с. 5–6, 9]. Придерживаясь точки зрения, что после татаро-монгольского нашествия территория Поросья оставалась заселенной (о чем свидетельствуют археологические находки второй половины XIII–XIV ст., выявленные в некоторых курганах), Г. Федоров-Давыдов предложил для этого региона следующую периодизацию захоронений средневековых кочевников всопровождении коня: печенежско-торкский период (конец IX – XI ст.), половецкий (последняя четверть XI – XII ст.), татаро-монгольский (конец XII – начало XIII ст.), «золотоордынский» (вторая половина XIII–XIV ст.). В XV ст., по мнению Г. Федорова-Давыдова, курганный погребальный обряд в евразийской степи окончательно исчезает [51, с. 9, 145, 146, 227, 260–261].

При датировании шлема из НМИУ классификацией Г. Федорова-Давыдова сложно воспользоваться, поскольку неизвестно, в каком виде пребывали останки коня (целая туша или ее фрагменты) в кургане, раскопанном в с. Ромашки, и какой вещевой комплекс сопровождал это погребение. К тому же, если предположить, что захоронение с конем было впускным (размещено в насыпи кургана, возведенного в более раннюю историческую эпоху), в этом случае погребение из Ромашек может быть и «моложе» XV ст., когда, по мнению Г. Федорова-Давыдова, курганы перестали сооружать.

Среди предметов, в 1899 г. выявленных в «Большой могиле» в Ромашках, отчеты о раскопках упоминают артефакты, которые традиционно датируются «золотоордынским временем»: S-видные «серьги в виде знака вопроса» и шелковый галун с узелковыми пуговицами. Это позволяет в целом считать захоронения курганного могильника в Ромашках не ранее середины XIII ст. Особенно интересна находка упомянутого фрагмента галуна из шелкового шнура желто-зеленого цвета с пятью плетеными пуговицами, хранящегося в Национальном музее истории Украины. Этот предмет поступил в музей в 1905 г. одновременно с коллекцией археологического текстиля, собранной экспедицией В. Хвойки в с. Шарки во время исследований могильника городища древнего Торческа (Шаргорода) [26, с. 99]. Авторы публикации указанной коллекции отмечают, что этот «...узкий шелковый шнурочек с грушевидными привесками из этого же сырья (галун. – Авт.) ... пока что является уникальной находкой» [26, с. 103, табл. II–1,2; с. 107].

О том, что разрезная одежда с нагрудными галунными застежками характерна для древних тюрок, кочевавших в Евразийской степи от Китая до Ирана, Персии, Средней и Передней Азии, пишет исследовательница Т. Нестерова. Золотоордынским временем она датирует обнаруженные в захоронениях христианского храма г. Старый Орхей (Молдова) остатки двух кафтанов, украшенных горизонтальными рядами тесьмы с вязаными из позолоченного шнура узелковыми пуговицами [33].

О существовании в золотоордынское время традиции украшать галунные застежки одежды узелковыми пуговицами свидетельствуют и материалы из захоронений Северного Кавказа. По мнению исследователей, они принадлежат половцам, в XIII–XIV ст. составлявшим большинство населения золотоордынского Кавказского улуса. Застежки с узелковыми пуговицами сохранились на бешмете, происходящем из курганного могильника Джухта–2 (Ставропольский край), на рубашке и кафтане из пещерного склепа в с. Дзивгис (Северная Осетия) и одного из Белореченских курганов (Краснодарский край) [20, с. 68–69, 73–75].

Подобная одежная фурнитура «нюцца» (с кит. «пуговица») в технике узелкового плетения «чжунгоцзе», и сегодня изготавливается в Китае. Традиция использования в одежде вязаных из шнура пуговиц в Половецкой степи и прилегавших к ней районах известна со второй половины XIII ст., когда по Великому шелковому пути в разные регионы Золотой Орды начали поступать ткани и готовая одежда китайского производства [45]. Как считал исследователь Н. Соболев, «... до конца XIII в. Западная Европа не имела в своих коллекциях никаких китайских шелковых тканей. Во всех наиболее известных собраниях тканей, как Сане, Рим, Аахен, Кёльн, Трир и Зигбург, где имеются антинойские, сасанидские и византийские образцы, нет ни одного клочка китайской ткани. Зато начиная с 1300 г. они встречаются в изобилии в виде отдельных кусков и в виде целых далматиков и других облачений в ризницах Перуджи, Берна и целого ряда германских городов. Этот наплыв в Европу китайских тканей объясняется основанием Ильханидского царства при преемниках Чингисхана, когда монгольские завоевания, объединив всю Азию под своим владычеством, стерли границы отдельных государств и организовали оживленный товарообмен между Востоком и Западом» [44, с. 179]. Очевидно, в это же время население Половецкой степи, включавшей и степи современной Украины, получило возможность носить дорогую шелковую одежду китайского производства, украшенную вязаными из шнура пуговицами.

Что же касается вывода Г. Федорова-Давыдова о прекращении существования в XV ст. курганного погребального обряда, он верен в контексте процесса исламизации в XIV ст. населения Золотой Орды. Однако не следует исключать того, что в XIV–XV ст. у степных этносов, живших на периферии мусульманского мира, могли сохраняться пережитки язычества, выражавшиеся в использовании коня в качестве сакральной жертвы и использовании насыпей курганов предыдущих эпох для совершения впускных погребений.

О сохранении реликтов язычества сред тюрок Дешт-и-Кипчак (на периферии которого располагалось украинское Поросье) упоминает арабский путешественник Ибн-Баттута (1304–1377), отмечавший, что половцы и кипчаки как сторонники суфизма (мистико-аскетического течения ислама, в частности, распространенного в Крыму) длительное время не порывали с древними верованиями и тенгризмом. Существованием т. н. «народного ислама» исследователи объясняют использование в некоторых тюркских переводах религиозных текстов имени Тенгри (верховного божества тюркского пантеона) вместо слова «Аллах» [29, с. 64–74].

Признаки «раннемусульманского» погребального обряда (наличие невысокой курганной насыпи и следы ритуала «очищения огнем» в виде углей и остатков кострища), по мнению археологов, присутствуют в захоронениях кочевников Южного Урала и Казахстана. В них выявляют остатки тризны (кости овцы, коня или коровы), иногда – тушу коня или «замещающие» ее уздечку и стремяна. Погребальный инвентарь (если таковой имеется) представлен украшениями, оружием и «статусными» предметами: казаном, чашей, огнивом, ножом. У омусульманенных половцев сохранялась западная ориентация погребения, но голова умершего обращалась на юг, в сторону Мекки. Для «раннемусульманских» погребений характерно также наличие гроба или подстилающего покрытия из войлока, луба, бересты или досок [12, с. 40; 22].

Возможно, «раннемусульманскими» являлись захоронения, в 1893 г. исследованные Н. Бранденбургом в 30 км севернее с. Ромашки – в кургане, расположенном на берегу ручья у с. Гороховатка Кагарлыкского р-на Киевской области. Очевидно, курган был возведен в эпоху бронзы, о чем свидетельствует скорченное безинвентарное захоронение, выявленное в материке под насыпью. На глубине около 70 см в насыпи были исследованы два впускные погребения западной ориентации. Умершие лежали в вытянутом положении в деревянных гробах. Рядом располагались отрубленные конские головы с удилами и кости ног коня. Череп одного погребенного лежал на левом виске, у другого был обращен вправо. Из сопровождающего инвентаря выявлены изделия из железа (два копья, две пары стремян, детали уздечек, два овальных огнива, нож), остатки двух бронзовых и одной золотой круглых серег [9, с. 84].

В контексте вопроса о датировании некоторых курганов Поросья золотоордынским временем, возвращаемся к конскому шлему из Ромашек. Интересно, что кроме него, с территории Украины происходит и налобная пластина от трехсоставного конского оголовья, в 1920-х гг. найденная в Приазовье – в кургане возле г. Мариуполя [28, с. 428 (рис. 11:23), 431].

М. Горелик определил цельнокованный трехчастный (трехсоставной) тип шлема, аналогичный найденному в Ромашках, как «ближневосточный». Ромашкинский конский шлем состоит из пластинчатого налобника с выемками для ушей и отверстиями для глаз, подвижно соединенного с двумя пластинчатыми нащечниками, повторяющими анатомическую форму головы коня. Крепления, отсутствующие на Ромашкинском шлеме, по сохранившимся аналогиям XV–XVII вв. можно реконструировать как кожаные ремни, металлические шарниры или несколько рядов кольчужного полотна. Сквозные отверстия, пробитые по краям деталей шлема, очевидно, предназначены для крепления мягкой подкладки. Поскольку поверхность шлема покрыта коррозией, трудно судить о том, имеются ли на ней какие-либо надписи или декор, присутствующие на большинстве сохранившихся конских масок.

Как уже отмечалось, конские трехчастные маски в XV–XVII вв. бытовали в мамлюкском Египте, Сирии, османской Малой Азии. Синхронные им европейские налобники (в разных странах именуемые «chanfron», «Shaffron», «champion», «chamfron» или «chamfrein»), как и древнеримские конские налобные пластины, не имели подвижных нащечников [32].

Впервые шлем для защиты коня появился в Китае в середине I тыс. до н.э. Разновидностями древнейших конских масок были увеличенный налобник и трехчастная, имевшая несколько вариантов: ламинарный налобник – цельнокованные нащечники, ламеллярный налобник – ламинарные нащечники, цельнокованный налобник – нащечники из мягкого органического материала. На рубеже новой эры гунны распространили конский доспех из ламеллярной брони (сформировавшийся на основе китайской традиции) до Центральной Европы, где в это время бытовал римско-сарматский комплекс конского снаряжения.

Распространению конской маски во времена Тюркского каганата (простиравшегося от Маньчжурии, Монголии и Алтая до Средней Азии, Казахстана и Северного Кавказа), и позднее – в VII–IX ст., способствовали тюркские племена. Во второй половине XIII – начале XV ст. трехсоставные конские маски использовала тяжелая конница татаро-монголов и среднеазиатских Тимуридов, а, возможно – и золотоордынских беклярибеков Мамаю и Тохтамышу. В XV–XVII ст. этот тип защитного вооружения коня применялся в Египте и Османской империи [6; 7; 14; 16]. В Малой Азии трехсоставное конское оголовье бытовало до XVII–XVIII ст.: этим временем датируется латунный «шафрон» из Анатолии с надписью «Изготовлен при правлении эмира Юсуфа» из музея Метрополитен в Нью-Йорке. Там же экспонируется трехсоставной стальной турецкий «шафрон» 1450–1550-х гг., детали которого соединены кольчужным полотном [59].

На сайте «The World Museum of Man and Prehistory the history of man through the study of tools and weapons» представлена фотография трехсоставного конского шлема, который, судя по сопровождающему описанию, является наиболее ранним из известных на сегодняшний день. Однако его весьма широкое датирование (I ст. до н.э. – XII ст.) и весьма «туманная» атрибуция¹ не позволяют рассматривать этот артефакт в качестве эталона для сравнения [58].

Возможно, что именно шлем из Ромашек, как предполагали А. Кирпичников и Е. Черненко, является древнейшим из сохранившихся образцов конских масок подобного типа не только в Восточной Европе, но и в Евразийской степи. На сегодняшний день его ближайшим аналогом яв-

¹ An extraordinarily rare example of early Central Asian horse armor. It is possibly of Ghaznavid or Scythian (Saka) origin. This chamfron set was reportedly found with a cache of iron weapons and artifacts all related to a mounted warrior. Such items include several lance heads, axes, daggers and an early iron saber with two distinct cuts in the blade from apparent battle use. Even four crude iron horseshoes and some nails were found in association with this burial indicating that possibly, the horse was buried with the warrior. Prominent raised eye orbits on the chamfron match up to the eye cut-outs on the cheek plates as shown in the second photo above. There is a single large hole in the middle of the posterior half plate of the chamfron – perhaps for fastening to padding. Notice the outer mounting rings which would have been utilized to lash together the cheek pieces to the chamfron. Around each of the three sheet iron components are a series of small holes. These holes were most likely used to stitch the plates inside padded cloth or leather outer coverings which would have provided comfortable padding to the horse when worn, and additional modest protection from battle. The age is somewhat difficult to attribute on this set but the date is assigned based on the typologies of the other pieces found with it.

ляется трехсоставное конское оголовье из Музея изящных искусств в г. Лионе, датированное 1419 годом [60] и упоминаемое М. Гореликом [15].

Учитывая широкий ареал бытования трехсоставных конских масок, можно предположить, что Ромашкинский шлем, в частности, мог попасть на территорию Украины при продвижении в 1399 г. к Киеву войск союзника великого литовского князя Витовта – золотоордынского эмира Тохтамыша или во время карательного похода 1399 г. правителя Мавераннахра, Тимура. Ромашкинский шлем может также быть трофеем, захваченный войсками Тохтамыша во время походов 1380-х гг. в Закавказье, Западный Иран и Среднюю Азию.

Шлем из Ромашек мог попасть в Южную Киевщину в результате торговли с Ближним Востоком и Средней Азией, осуществлявшейся по разветвленной сети караванных путей, проходивших по югу Украины. Исследователи Ю. Кулешов и Е. Абызова причисляют шлем из Ромашек к выявленным в Украине предметам «мамлюкского» импорта, как и меч с Райгородского городища (расположенного возле с. Райгородок Славянского р-на Донецкой обл.) и клинок из погребения у с. Каирка Херсонской обл., имеющие куфические надписи, одна из которых упоминает имя эмира Гараса (Гийса?)-ад-Дина [31, с. 92, 97–99].

Предметы восточной торговли могли поступать в Поросье при посредничестве половцев, контактировавших с соплеменниками, жившими в Крыму, на Северном Кавказе, а также в мамлюкском Египте, армию которого, в том числе, пополняли выходцы с Южной Украины и Северного Кавказа. Египетский хронист Барад-ад-Дин ал-Айни (1361–1451) так говорил о мамлюкском войске: «...он (Чингисхан. – Авт.) разослал сыновей своих... Первый из них двинулся в страны северные... покорил жившие в них... племена кипчацкие, аланские, асские, авлакские, черкесские и русские... Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли сирийские и египетские. От них-то (и произошли) мамлюки...» [2, с. 476].

Византийский автор Никифор Григора (1295–1359) сообщал о пополнении египетской армии выходцами из Северного Причерноморья – «европейскими скифами», как невольниками, так и свободными: «В это время обращается к царю (Михаилу Палеологу. – Авт.) султан Египта и Аравии (Бибарс I. – Авт.), желая ... получить разрешение свободного пропуска по нашему проливу (Дарданеллы и Босфор. – Авт.) ... для египетских купцов... Проходя... в страны европейских скифов, обитающих у Азовского моря и на Дону, и то набирая у них добровольных перебежчиков, то покупая рабов у господ и детей у родителей, ... суда доставляли... египтянам скифскую военную силу» [50, с. 1–7].

Кроме невольников, в мамлюкском войске служили представители хорезмийских, половецких и черкесских аристократических родов, покидавших Золотую Орду из-за политической борьбы. После принятия в 1312 г. ханом Узбеком ислама мамлюкские формирования пополнялись свободными крымскими, кавказскими и южнорусскими половцами, сохранявшими в Египте собственный язык и традиции.

Исследователь С. Хотко отмечает, что одним из развлечений при дворе мамлюкского султана – черкеса(?) Баркука (1382–1399) были поединки всадников-копейщиков. Таранную копейную атаку египетские мамлюки в 1260 г. успешно применили в битве с монголами при Афн Джалуте [54]. Одним из условий проведения и рыцарских турниров, и копейных атак было наличие защиты передней части корпуса (конского доспеха или нагрудника) и головы коня (маски). Наличие тяжелой кавалерии способствовало распространению в Египте и Сирии, а затем – в Османской империи защитного конского снаряжения, в том числе и трехсоставных масок.

Контактам половцев Северного Причерноморья и Египта, помимо родственных связей, могли благоприятствовать также дипломатические и экономические отношения золотоордынских ханов и мамлюкских султанов Бибарса I (1260–1277) и Калауна (1280–1290), предположительно, происходивших из половцев или черкесов. Местом рождения султана Бибарса I арабские хроники второй половины XIII – первой половины XIV ст. называли кыпчакские степи. Исследователь XVIII ст. И. Тунманн считал родиной Бибарса крымский город Солхат (сейчас – г. Старый Крым) [49, с. 34]. Предположение о северопричерноморском (крымском) происхождении этого мамлюкского султана подвергли критике исследователи В. Сидоренко и А. Домбровский [21].

С середины XIII до середины XV ст. из Каира в столицу Золотой Орды были направлены около 50-ти посольств. В это же время золотоордынские ханы и члены их семей часто посещали египетскую столицу, поскольку в 1262 г. по просьбе Бибарса I византийский император Михаил Палеолог разрешил египетским кораблям беспрепятственно входить в Черное море. В 1262 г. по-

сольство Бибарса прибыло в крымский Судак, где встретилось с золотоордынским наместником, а затем отбыло к великому хану Берке [53]. О существовании морского сообщения Египта с Северным Причерноморьем писал византийский историк Пахимер (1242–1308): «... Будучи происхождением из команов, как один из попавших в рабство, он (султан Бибарс. – Авт.) разыскивал своих сородичей ... египтяне и прежде высоко ценили скифское племя, покупая в рабство людей из этого народа, в особенности же набирая из них войско; теперь же, когда скиф стал во главе верховной власти, скифское племя в особенности начало цениться в Египте как основа военной силы. А как скифские пленники ... могли быть доставлены, как путем вторжения в Черное море через пролив, то это возможно было лишь при согласии царя (византийского императора. – Авт.). Посему к нему отправляемы были неоднократные посольства с просьбой, чтобы идущие из Египта корабли без задержки проходили в Евксинский Понт и, закупив там за большую цену скифских юношей, возвращались домой...» [50, с. 1–7].

«Пиком» египетско-золотоордынских контактов, по свидетельствам арабских авторов мамлюкского Египта, стало правление ханов Берке (1209–1266), Узбека (1283–1341) и Джанибека (1342–1357). В это время в Золотую Орду поступали и крупные партии египетского оружия. Хронист ал-Калкашанди (1355–1418), описывая золотоордынских воинов времен хана Джанибека, отмечал, что их вооружение сходно с тем, что использовалось в Египте и Сирии [30, с. 73–97; 30, с. 92, 97, 98].

Подытоживая изложенное выше, отметим следующее. В Среднее Поросье шлем, выявленный в с. Ромашки, вероятнее всего, мог попасть не ранее второй половины XIII ст. Его датирование первой половиной XIII ст. не подтверждается археологическими материалами, свидетельствующими о преобладании в половецком войске легкой конницы, вооруженной луками и саблями. Из видов защитного вооружения известны лишь находки воинских панцирей и шлемов с металлическими масками. Ни в одном из курганных погребений в сопровождении коня «половецкого времени» не зафиксировано наличие конской брони. Конечно, можно предположить, что она изготавливалась из несохранившихся органических материалов, например, войлока. Но, поскольку даже отсутствие защиты корпуса коня предполагает защиту головы, малочисленность находок (на сегодня известно лишь две конские маски – целая и фрагментированная – и обе происходят с территории Украины) свидетельствует либо о полном отсутствии у кочевников Половецкой степи тяжелой конницы, либо о том, что защитные маски редко попадали в конские захоронения.

Поскольку указанный шлем, предположительно, происходит из впускного в курганный насыпь погребения, его можно связывать с поздними кочевниками второй половины XIII – XIV ст. Традиция погребения в курганной насыпи на периферии Половецкой степи, возможно, сохранялась и после исламизации Золотой Орды в XIV в.

В золотоордынское время население Среднего Поросья, где был найден шлем, при посредничестве поднепровских черкесов и поздних половцев имело возможность получать образцы точного оружия и воинского снаряжения. Эти политические и экономические контакты активизировались в правление золотоордынских ханов Берке (1257–1266), Узбека (1312–1341) и Джанибека (1342–1357), поддерживавших торговые и дипломатические отношения с мамлюкским Египтом.

В пользу того, что захоронения (в том числе и в сопровождении коня), в 1899 г. исследованные в с. Ромашки, датируются золотоордынским временем, свидетельствуют некоторые выявленные находки, в частности т.н. «серьги в виде знака вопроса» и остатки одежды с узелковыми пуговицами, сплетенными из шелкового шнура. XIII–XIV столетиями датирует погребальный инвентарь из Ромашкинских курганов и анонимный публикатор (киевский археолог Н. Беляшевский?) заметки об их раскопках в журнале «Киевская старина».

Как свидетельствует один из экспонатов Метрополитен-музея [59], трехчастные конские шлемы в Османской империи использовались до XVIII ст., поэтому нельзя исключить возможности попадания этой детали конского доспеха в Южную Киевщину и после XIV ст. (например, с конницей крымских татар, совершавших походы на Правобережную Украину вплоть до XVIII ст.), хотя это маловероятно.

Ближайшими аналогиями Ромашкинского шлема являются конские оголовья XV–XVII ст., происходящие из мамлюкского Египта и Османской империи. Более ранние экземпляры конских масок (кроме шлема с широкой датировкой и неясным происхождением, представленного на сайте «The World Museum of Man and Prehistory the history of man through the study of tools and

weapons»), неизвестны. Учитывая особенности конструкции шлема из Ромашек (не которые обратили внимание А. Кирпичников и Е. Черненко) можно считать находку из Поросья наиболее ранним из сохранившихся цельнокованых конских трехчастных шлемов и датировать XIV – началом XV столетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонович В. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. К.: Типография Е.Я. Федорова, 1885. Т. I. 351 с.
2. Ал-Айни, Бадар-ад-Дин Связки жемчужин. XXV. Из летописи Бедреддина Элайни / Пер. В.Г. Тизенгаузена // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
3. Археологический каталог, написан В.В. Хвойкой. 1-й том, книги I и II, с. 221, №№ 9123–9150 // Археологические фонды Национального музея истории Украины.
4. Біляєва С. Стан вивчення археологічних джерел досліджень в Україні // Східний світ (ж.). 2014. № 1. С. 5–12.
5. Бехайм В. Энциклопедия оружия (Руководство по оружейведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в. Часть I. Оборонительное оружие и снаряжение. Конская сбруя и конский доспех. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. 576 с.
6. Бобров Л., Худяков Ю. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2002. С. 106–168.
7. Бобров Л. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Мат-лы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конф. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2001. С. 412–414.
8. Борисов А. Городище поблизу села Шарки. Історія дослідження та сучасний стан // Місце і значення Поросья в історії України (IX–XVII ст.). Мат-ли наук.-практ. конф. Корсунь-Шевченківський державний історико-культурний заповідник, 28 листопада 2007 р. Корсунь-Шевченківський, 2007. С. 110–112.
9. [Бранденбург Н.Е.] Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга. 1882–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области войска Донского. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 235 с.
10. Бубенок О. Данные топонимии о миграциях адыгов на украинские земли в развитое и позднее Средневековье // Древняя и средневековая культура адыгов. Мат-лы международной науч.-практ. конф. (г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.). Ч. I. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 30–36.
11. Вартберг Генрих. Ливонская хроника // Чешихин-Ветринский Е.В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 83 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.livonia.veles.lv/chronicles/vartberg/.
12. Васильев Д. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007. 170 с.
13. Волкова М. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1974. 208 с.
14. Горбунов В. Тяжелооружённая конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1998. С. 102–128
15. Горелик М. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (мат-лы юбилейной науч.-практ. конф.). М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–276.
16. Горелик М. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Сб. статей. Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1987. С. 163–208.
17. Горелик М. Черкесы-Черкасы (археологический аспект) // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С. 41–43.
18. Горелик М. Погребение черкесского воина 2 пол. XIII – 1 пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. / Ін-т історії України НАНУ; Національний військово-історичний музей України. К., 2014. С. 73–88.
19. Горішній П. Козацький цвинтар у Чигирині: поховальний обряд, антропология, археологічний матеріал // Наукові праці історичного факультету Запорозького національного університету. Вип. XXVI. Запоріжжя, 2009. С. 209–213.
20. Доде З. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 136 с.
21. Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с.

22.Евглевский А. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной науч.-практ. конф. Луганск, 1990. С. 132.

23.Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича. Отдел археологии: краткий указатель предметов. Эпохи переселения народов и славянская. Коллекция, пожертвованная В.Н. и Б.И. Ханенко. Зал III. Витрина № 49. К.: Типо-литография «Прогресс», 1908. С. 37.

24.Кирпичников А., Черненко Е. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 62–65.

25.Кирпичников А. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–36. Л.: Наука, 1973. 140 с.

26.Клочко Л., Строкова Л. Текстиль з давньоруського могильника поблизу села Шарки // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження). Темат. зб. наук. пр. К.: Національний музей історії України, 2000. С. 99–110

27.Кравец В. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. С. 193–199.

28.Кравченко Э. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Stratum Plus. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 411–478.

29.Крамаровский М. Ибн Батута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 64–74.

30.Кулешов Ю. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 73–97.

31.Кулешов Ю., Абызова Е. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Мат-лы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 92–100.

32.Негин А. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 232 с.

33.Нестерова Т. Золотоордынское парное захоронение из каменной церкви в Старом Орхее // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 191–199.

34.Описание Каневского замка 1552 года (февраль-март) // Архив Юго Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волыньском генерал губернаторе. Акты о заселении Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. К.: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1886. С. 103.

35.Орлов Р., Моця А., Покас П. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Сб. науч. тр. К.: Наукова думка, 1985. С. 30–62.

36.Отрощенко В., Рассмакин Ю. Половецкий комплекс Чингульського кургану // Археологія (ж.). 1986. Вип. 53. С. 14–36.

37.Плано Карпини Джованни дель. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 461 с.

38.Плетнева С. Древности чёрных клобуков (Археология СССР. Свод археологических источников). – Вып. Е 1–19. М., 1973. 72 с.

39.Плетнёва С. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие / С.А. Плетнёва; Ин-т археологии РАН. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.

40.Поля погребений в Среднем Приднепровье (Раскопки В.В. Хвойки в 1899–1900 гг.). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 19 с.

41.Попельницька О. Нумізматично-речові скарби як історичні джерела (на прикладі скарбу XVI–XVII ст. з с. Старосілля) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. К.: Інститут історії України НАНУ, 2004. Число 11. С. 204–217.

42.Раскопки в с. Ромашки Васильковского у. Киевской губ. // Киевская старина (ж.) / Археологическая летопись. Исследования и раскопки. Т. LXV. К.: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1899. С. 173.

43.Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2005. 348 с.

44.Соболев Н. Очерки по истории украшения тканей. М.-Л.: Academia, 1934. 433 с.

45.Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М.: Наука, 1981. 303 с.

46.Стрыйковский Мачей. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси Мачей Стрыйковского. По изданию 1582 года. Раздел «О разорении Прусской земли Локетком с Гедимином и с венграми, о последней победе и убиении Гедимины под Фридбургом в году 1328». Т. I. Варшава, 1846 [Электронный ре-

сурс]: [Интернет-сайт] «Восточная литература». Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus7/Stryikovski_2/text11.htm.

47. Сычѳв Л., Сычѳв В. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. – М.: ИВ АН СССР, 1975. 172 с.

48. Томілович Л. Наддніпряньська ланка торгового шляху схід-захід в XIII – середині XVI ст. // *Vita Antiqua* (ж.). 1999. № 2. С. 215–222.

49. Тунманн И. Крымское ханство / Пер. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991. 92 с.

50. Успенский Ф. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // *Византийский временник*. Т. XXIV. Л., 1926. С. 1–16.

51. Федоров-Давыдов Г. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

52. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). Глава 7. Литовские племена. Аукшайты. Литва. М.: Наука, 1987. С. 387–395

53. Шлемы ВКЛ 14–15 век (дискуссия о конском шлеме) [Электронный ресурс]: [Интернет-сайт] «Тоже форум», 06.02.2012. Режим доступа: www.tforum.info/forum/index.php?showtopic=35048.

54. Хотко С. Черкесские мамлюки. Майкоп: Адыгейское республиканское книж. изд-во, 1993. 179 с. [Электронный ресурс]: [Интернет-сайт]. Абхазская интернет-библиотека. Режим доступа: http://apsnyteka.org/1622-khotko_s_tcherkesskie_mamliuki.html (дата обращения 28.08.2015 г.).

55. Шабильдо Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского / АН УССР, Ин-т истории. К.: Наукова думка, 1987. 183 с.

56. Rulikowski E. Opis powiatu Wasilkowskiego pod względem historycznym, obycajowym i statystycznym. Warszawa, 1853. 243 s.

57. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. VII. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1886. 960 s.

58. Inventory № 1033; Type: horse equipment; material: iron; period: 1st cent. B.C. – 12th cent. A.D.; provenance: Central Asia; measurements: (in cm) 54,2 x 22,8, cheek pieces 24,5 x 13,7 and 25,5 x 15. [Электронный ресурс]: [Интернет-сайт] The World Museum of Man and Prehistory: the history of man through the study of tools and weapons / Central Asia Iron Collection: sheet iron horse chamfron with separate cheek plates. Режим доступа: www.worldmuseumofman.org/display.php?... (дата обращения 28.08.2015 г.).

59. Accession Number: 21.102.3; Classification: Equestrian Equipment-Shaffrons; Date: 17th–18th centuries; Culture: Anatolian Medium: Gilt copper alloy (tombak), leather; Dimensions: Length, 20 3/8 in. (51.75 cm) Width, 22 1/4 in. (56.52 cm). Credit Line: Fletcher Fund, 1921. This shaffron is unusually complete and is one of the few examples to retain its original cheek plates. It is engraved with tulip designs and inscribed across the forehead «Made at the order of Emir Yusuf» [Электронный ресурс]: [Интернет-сайт] The Metropolitan Museum of Art / The Collection Online / Gallery 379 «Arms and Armor of Islamic Cultures» / Shaffron (Horse’s Head Defense). Режим доступа: <http://metmuseum.org/art/collection/search/33022> (дата обращения 28.08.2015 г.).

60. Mamluk chamfron. Français: Chanfrein mamelouk; Date: Mamluk period (1250–1517): circa 1419; Medium: hammered iron and gilt; Current location: Museum of Fine Arts of Lyon; Accession number: D377; Object history: Provenance: Egypt or Syria; Photographer Marie-Lan Nguyen [Электронный ресурс]: [Интернет-сайт] Museum of Fine Arts of Lyon / Mamluk_chamfron_MBA_Lyon_D377.jpg Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mamluk_chamfron_MBA_Lyon_D377.jpg (дата обращения 28.08.2015 г.).

Сведения об авторе: Елена Алексеевна Попельницкая – ведущий научный сотрудник Национального музея истории Украины, кандидат исторических наук (01001, ул. Владимирская, 2, Киев, Украина); elenac503@gmail.com

A Horse Helmet of the 14th – early 15th centuries from Collection of the National Museum of Ukrainian History

E. A. Popelnitskaya
(National Museum of History of Ukraine)

The article is dedicated to the attribution of the horse helmet from the collection of the National museum of history of Ukraine, discovered during excavations of a burial mound in the Middle Ros region (Southern Kyiv region). A. Kirpichnikov and E. Chernenko dated back this helmet to the first half of the 13th century and connected it to the Chorni Klobuky – a union of the Turkic tribes. M. Gorelick suggested that this forged three-part horse helmet belongs to the “Middle Eastern type” and was made in Egypt or Syria in the epoch of the Mamluk Sultanate. Along with this helmet Y. Kuleshov and E. Abyzova also ranked as subjects of the Mamluk import the sword from settlement of Raigorod in Donetsk region and the sword from burial near the village Kairka in Kherson region.

Samples of three-part helmets from Egypt, Syria and Asia Minor of the 15th–16th centuries are presented in the world's museums, the earliest of them made at the beginning of the 15th century. In addition, G. Fedorov-Davydov believed that the upper chronological boundary for barrow graves of Porosye (more than 100 are known today) is the 14th century. If we assume that the burial with a horse has been released in the mound of kurgan, that was built in an earlier historical period, this burial could be dated back to later than the 14th century, although it was committed with the use of such a relic of paganism as a sacred horse sacrifice.

The closest analogue to horse helmet from the National museum of history of Ukraine is a mask from the Museum of Fine Arts in Lyon (France), which is dated back to the beginning of the 15th century. This helmet can be associated with late nomads of the second half of the 13th–14th centuries, perhaps the beginning of the 15th century. Tradition to build burial mound on the periphery of the Polovtsian steppe could have survived after the Islamization of the Golden Horde.

Keywords: horse equipment, Golden Horde, steppe of Ukraine, archaeology, National Museum of History of Ukraine.

REFERENCES

1. Antonovich V. *Monografii po istorii Zapadnoy i Yugo-Zapadnoy Rossii* [Monographs on the History of Western and South-Western Russia]. Kiïv: Tipografiya E.Ya. Fedorova, 1885. T. I. 351 p.
2. Al-Ayni, Badr al-Din. Svyazki zhemchuzhin. XXV. Iz letopisi Bedreddina Elayni [Collar of Pearl. XXV. From the Chronicle of Badr al-Din al-Ayni]. Transl. by V.G. Tiesenhausen. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom I. *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from Arab Writings]. St. Petersburg, 1884. 564 p.
3. *Arkheologicheskiy katalog, napisan V.V. Khvoykoy* [Archaeological Catalogue Compiled by V.V. Khvoyka]. 1-y tom, knigi I i II, p. 221, №№ 9123–9150. Arkheologicheskie fondy Natsional'nogo muzeya istorii Ukrainy.
4. Bilyaeva S. Stan vivchennya arkheologichnikh dzherel doslidzhen' v Ukraini [State of Archaeological Sources' Study in Ukraine]. *Skhidniy svit* (zh.) [World of Orient]. 2014. № 1, pp. 5–12.
5. Bekhaym V. *Entsiklopediya oruzhiya (Rukovodstvo po oruzhievideniyu. Oruzheyne delo v ego istoricheskoy razvitii ot nachala srednikh vekov do kontsa XVIII v. Chast' I. Oboronitel'noye oruzhie i snaryazhenie. Konskaya sbruya i konskiy dospek)* [Encyclopedia of Weapons (Guide to the Weapon Study). Gun Making in Its Historical Development from the beginning of the Middle Ages to the late 18th century. Part I: Defensive Arms and Equipment. Horse Harness and Armor]. AO «Sankt-Peterburg orkestr», 1995. 576 p.
6. Bobrov L., Khudyakov Yu. Zashchitnoye vooruzhenie sredneaziatskogo voyna epokhi pozdnego srednevekov'ya [Defensive Armament of the Central Asian Warrior of the Late Middle Ages]. *Voennoye delo nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Nomadic Warfare of the Northern and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibir. gos. un-t, 2002, pp. 106–168.
7. Bobrov L. Vooruzhenie i taktika mongol'skikh kochevnikov epokhi pozdnego srednevekov'ya (XVII v.) [The Mongol Nomadic Weapons and Tactics of the Late Middle Ages (17th century)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii: Itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy: Mat-ly XLI Regional'noy arkheologicheskoy studencheskoy konf.* [Historical and Cultural Legacy of Northern Asia: Results and Perspectives of Studying at the turn of millennia: Proceedings of the XLI Regional archaeological and ethnographical student conference]. Barnaul: Izd-vo Altay. un-ta, 2001, pp. 412–414.
8. Borisov A. Gorodishche poblizu sela Sharki. Istoriya doslidzhennya ta suchasniy stan [Settlement near the Village Sharki. History and current state of research]. *Mistse i znachennya Porossya v istorii Ukraini (IX–XVII st.). Mat-li nauk.-prakt. konf. Korsun'-Shevchenkiv'skiy derzhavniy istoriko-kul'turniy zapovidnik, 28 listopada 2007 r.* [Role and Value of Porosye in the History of Ukraine (9th–17th centuries). Proceedings of Scientific and Practical Conference. Korsun-Shevchenko State Historical and Cultural Reserve, November 28, 2007]. Korsun'-Shevchenkiv'skiy, 2007, pp. 110–112
9. [Brandenburg N.E.]. *Zhurnal raskopok N.E. Brandenbura. 1882–1902 gg. Raboty v guberniyakh: Kievskoy, Poltavskoy, Khar'kovskoy, Kamenets-Podol'skoy, Ekaterinoslavskoy, Tavricheskoy, Chernigovskoy, Mogilevskoy, Novgorodskoy, Smolenskoj i v Oblasti voyska Donskogo* [Journal of Excavations by N.E. Brandenburg. 1882–1902]. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1908. 235 p.
10. Bubenok O. Dannye toponimii o migratsiyakh adygov na ukrainskie zemli v razvitoe i pozdnee Srednevekov'e [Toponymic Data on the Adyg Migrations in the Ukrainian Lands during the Epoch of Developed and Late Middle Ages]. *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. Mat-ly mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. (g. Nal'chik 16–20 oktyabrya 2013 g.)* [Ancient and Medieval Culture of the Adygs. Proceedings of the international scientific-practical conference (Nalchik, 16–20 October, 2013)]. Chast' I. Nal'chik: Izd. otdel KBIGI RAN, 2014, pp. 30–36.

11. Wartberg Heinrich. Livonskaya khronika [Livonian Chronicle]. Cheshikhin-Vetrinskiy E.V. *Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya* [Collection of Materials and Articles on the History of the Baltic Region]. T. II. Riga, 1879, p. 83. Available at: www.livonia.veles.lv/chronicles/wartberg/
12. Vasil'ev D. *Islam v Zolotoy Orde (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [Islam in the Golden Horde (historical and archaeological study)]. Astrakhan', 2007. 170 p.
13. Volkova M. *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and Tribal Names of the Northern Caucasus]. Moscow, 1974. 208 p.
14. Gorbunov V. Tyazhelovooruzhennaya konnitsa drevnikh tyurok (po materialam naskal'nykh risunkov Gornogo Altaya) [Heavily Armed Cavalry of the Ancient Turks (based on rock paintings of the Altai Mountains)]. *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* [Equipment of a Riding Horse in the Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Altay. un-ta, 1998, pp. 102–128.
15. Gorelik M. Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV v. [The Mongol-Tatar Defensive Armament of the second half of the 14th – early 15th centuries]. *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny (mat-ly yubileynoy nauch.-prakt. konf.)* [The Kulikovo Battle in the History and Culture of Our Motherland (proceedings of jubilee scientific and practical conference)]. Moscow: Izd-vo MGU, 1983, pp. 244–276.
16. Gorelik M. Ranniy mongol'skiy dospekh (IX – pervaya polovina XIV v.) [Early Mongolian Armor (9th – the first half of the 14th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii. Sb. statey* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia. Collected papers]. Novosibirsk: Nauka, Sibir. otd., 1987, pp. 163–208.
17. Gorelik M. Cherkesy-Cherkasy (arkheologicheskii aspekt) [Circassians-Cherkasy (an archaeological aspect)]. *XXII Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [XXII Krupnovsky Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus. Theses of reports]. Essentuki-Kislovodsk, 2002, pp. 41–43.
18. Gorelik M. Pogrebenie cherkesskogo voina 2 pol. XIII – 1 pol. XIV vv. v Poros'e [Burial of Circassian Warrior of the second half of the 13th – early 14th centuries in Porossye]. *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhennyya 2014: zb. nauk. pr.* [History of Ancient Weapons. Studies 2014: Collected research papers]. In-t istorii Ukraïni NANU; Natsional'niy viys'kovo-istorichnyi muzey Ukraïni. K., 2014, pp. 73–88.
19. Gorishniy P. Kozats'kiy tsvintar u Chigirini: pokhoval'niy obryad, antropologiya, arkheologichnyi material [The Cossack Cemetery near Chyhyryn: burial ritual, anthropology, archaeological material]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporoz'kogo natsional'nogo universitetu* [Research Works of the Faculty of History of Zaporizhzhya National University]. Vip. XXVI. Zaporizhzhya, 2009, pp. 209–213.
20. Dode Z. *Srednevekovyy kostyum narodov Severnogo Kavkaza. Ocherki istorii* [Medieval Costume of the Peoples of the Northern Caucasus. Essays on the history]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 136 p.
21. Dombrovskiy O., Sidorenko V. *Solkhat i Surb-Khach* [Solkhat and Surb-Khach]. Simferopol': Tavriya, 1978. 128 p.
22. Evglevskiy A. Vliyanie islama na polovetskiy pogrebal'nyy obryad v zolotoordynskoe vremya [Influence of Islam on the Polovtsian Burial Rite in the Golden Horde Period]. *Problemy issledovaniya pamyatnikov arkheologii Severskogo Dontsa. Tezisy dokladov oblastnoy nauch.-prakt. konf.* [Problems in the Study of Archaeological Monuments of the Seversky Donets. Theses of reports in the framework of regional scientific-practical conference]. Lugansk, 1990. 132 p.
23. *Kievskiy khudozhestvenno-promyshlennyi i nauchnyy muzey imeni Ego Velichestva Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha. Otdel arkheologii: kratkiy ukazatel' predmetov. Epokhi pereseleniya narodov i slavyanskaya. Kolleksiya, pozhertvovannaya V.N. i B.I. Khanenko* [Kiev Art, Industry and Scientific Museum of His Majesty the Emperor Nikolai Alexandrovich. Department of Archaeology: a brief index of subjects. The era of migration of peoples and the Slavic era. The collection donated by V.N. and B.I. Khanenko]. Zal III. Vitrina № 49. Kiïv: Tipo-litografiya «Progress», 1908. 37 p.
24. Kirpichnikov A., Chernenko E. Konskoe boevoe nagolov'e pervoy poloviny XIII v. iz Yuzhnoy Kievshchiny [Defensive Armament of a Horse Head of the first half of the 13th century from Southern Kyiv Region]. *Slavyane i Rus'* [The Slavs and Rus']. Moscow: Nauka, 1968, pp. 62–65.
25. Kirpichnikov A. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Equipment of Rider and Riding Horse in Rus in the 9th–13th centuries]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Vyp. E 1–36. L.: Nauka, 1973. 140 p.
26. Klochko L., Strokova L. Tekstil' z davn'orus'kogo mogil'nika poblizu sela Sharki [Textile from Ancient Burial Ground near the Village Sharki]. *Vikentiy V'yacheslavovich Khvoyka ta yogo vnesok u vitchiznyanu arkheologiyu (do 150-richchya vid dnya narodzhennya). Temat. zb. nauk. pr.* [Vikentij Viacheslavovich Khvoika and His Contribution to the National Archaeology (to the 150th anniversary of the birth). Thematic collection of research works]. Kiïv: Natsional'niy muzey istorii Ukraïni, 2000. S. 99–110
27. Kravets V. Rannemusul'manskie pogrebeniya kochevnikov v Srednem Podon'e [Early Muslim Burials of Nomads in the Middle Don Region]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy. Mezhvuzovskiy sb. nauch. tr.* [Archaeological Monuments of Eastern Europe. Interuniversity collection of research works]. Voronezh: Voronezh. gos. ped. un-t, 2001, pp. 193–199.

28. Kravchenko E. Pamyatniki zolotoordynskogo vremeni v stepyakh mezhdru Dneprom i Donom [Monuments of the Golden Horde Time in the Steppes between the Dnieper and Don]. *Stratum Plus. Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda* [Stratum Plus. The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, 2015, pp. 411–478.
29. Kramarovskiy M. Ibn Batuta o tyurkskom isleme [Ibn Battuta on the Turkic Islam]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2014. № 1(3), pp. 64–74.
30. Kuleshov Yu. Proizvodstvo i import oruzhiya kak puti formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya [Production and Import of Weapons as Ways of Formation of a Complex of the Golden Horde Arms]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sb. statey* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Vyp. 3. Kazan': Izd-vo «Fen» AN RT, 2010, pp. 73–97.
31. Kuleshov Yu., Abyzova E. Dva predmeta mamlyukskogo vooruzheniya s territorii Moldovy kak illyustratsiya putey formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya [Two Subjects of Mamluk Armament from the Territory of Moldova as an Illustration of the Ways of Forming a Complex of the Golden Horde Arms]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Mat-ly kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo zolotoordynskogo foruma (Kazan', 30 marta 2011 g.)* [The Golden Horde Warfare: problems and perspectives of studying. Materials of the round table held in the framework of the International Golden Horde Forum (Kazan, March 30, 2011)]. Kazan': OOO «Foliant», In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011, pp. 92–100.
32. Negin A. *Rimskoe tsermonial'noe i turnirnoe vooruzhenie* [The Roman Ceremonial and Tournament Weaponry]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 232 p.
33. Nesterova T. Zolotoordynskoe parnoe zakhronenie iz kamennoy tserkvi v Starom Orkhee [The Golden Horde Paired Burial from a Stone Church in Old Orhei]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sb. statey* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Vyp. 2. Kazan': Izd-vo «Fen» AN RT, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2009. S. 191–199.
34. Opisanie Kanevskogo zamka 1552 goda (fevral'–mart) [Description of Kanevsky Castle in 1552 (February–March)]. *Arkhiv Yugo Zapadnoy Rossii, izdavaemyy komissiey dlya razbora drevnikh aktov, vysochayshe uchrezhdennoy pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general gubernatore. Akty o zaselenii Yugo-Zapadnoy Rossii* [Archive of Southwestern Russia Published by the Commission for Analysis of Ancient Acts Highestly Founded and Attached to the Kyiv, Podolsk and Volyn Governor General. Acts on the Settlement of the Southwestern Russia]. Ch. VII. T. I. K.: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo, 1886. 103 p.
35. Orlov R., Motsya A., Pokas P. Issledovaniya letopisnogo Yur'eva na Rosi i ego okrestnostey [Researches of Annalistic Yuryev at Ros' and Its Environs]. *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arkhologiya). Sb. nauch. tr.* [Lands of Southern Rus' in the 9th–14th centuries (history and archaeology). Collection of research works]. Kii'v.: Naukova dumka, 1985, pp. 30–62.
36. Otroshchenko V., Rassamakin Yu. Polovets'kiy kompleks Chingul's'kogo kurganu [Polovtsian Complex of Chynhulsky Mound]. *Arkheologiya* [Archaeology]. 1986. Vip. 53, pp. 14–36.
37. Plano Carpini, Giovanni del. *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. Guillaume de Rubruk. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Journey to the Eastern Countries]. *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. Moscow: Mysl', 1997. 461 p.
38. Pletneva S. *Drevnosti chernykh klobukov (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Antiquities of the Chorni Klobuky (Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources)]. Vyp. E 1–19. M., 1973. 72 p.
39. Pletneva S. *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII veka): Ucheb. posobie* [Nomads of the Southern Russian Steppes in the Middle Ages (6th–13th centuries): Textbook]. S.A. Pletneva; In-t arkhologii RAN. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2003. 248 p.
40. *Polya pogrebeniy v Srednem Pridneprov'e (Raskopki V.V. Khvojka v 1899–1900 gg.)* [Fields of Burials in the Middle Dnieper Region (excavations by V.V. Khvojka in 1899–1900)]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1901. 19 p.
41. Popel'nits'ka O. Numizmatichno-rechovi skarbi yak istorichni dzherela (na prikladi skarbu XVI–XVII st. z s. Starosillya) [Numismatic and Material Hoards as Historical Sources (on example of a hoard of the 16–17 centuries from the village Staroselie)]. *Spetsial'ni istorichni distsiplin: pitannya teorii ta metodiki* [Special Historical Subjects: Theory and Methods]. Kii'v: Institut istorii Ukraïni NANU, 2004. Chislo 11, pp. 204–217.
42. Raskopki v s. Romashki Vasil'kovskogo u. Kievskoy gub. [Excavations in the village Romashki, Vassilkovsky District, Kievian Province]. *Kievskaya starina (zh.) / Arkheologicheskaya letopis'. Issledovaniya i raskopki* [Kievan Antiquities. Archaeological Annals. Researches and Excavations]. T. LXV. Kii'v.: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo, 1899, p. 173.
43. Rusina O. *Studii z istorii Kieva ta Kiivs'koï zemli* [Studies in the History of Kyiv and Kyiv Land]. Kii'v: In-t istorii Ukraïni NANU, 2005. 348 p.
44. Sobolev N. *Ocherki po istorii ukrasheniya tkaney* [Essays on the History of Tissues' Decoration]. Moscow–Leningrad: Academia, 1934. 433 å.

45. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya (Arkheologiya SSSR)* [Eurasian Steppes in the Middle Ages (Archaeology of the USSR)]. Moscow: Nauka, 1981. 303 p.
46. Strykowski Maciej. *Khronika pol'skaya, litovskaya, zhmujskaya i vsej Rusi Macheya Strykovskogo* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Ruthenia by Maciej Strykowski]. Po izdaniyu 1582 goda. Razdel «O razorenii Prusskoy zemli Loketkom s Gediminom i s vengrami, o posledney pobede i ubienii Gedimina pod Fridburgom v godu 1328». T. I. Varshava, 1846. Website «Vostochnaya literatura». Available at: www.vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text11.htm.
47. Sychev L., Sychev V. *Kitayskiy kostyum. Simvolika. Istoriya. Traktovka v literature i iskusstve* [Chinese Costume. Symbolism. History. Interpretation in Literature and Art]. Moscow: IV AN SSSR, 1975. 172 s.
48. Tomilovich L. Naddnriyans'ka lanka trgovogo shlyakhu skhid-zakhid v XIII – seredini XVI st. [Dnepr Section of the East–Western Trade Route in the 13th – mid 16th centuries]. *Vita Antiqua*. 1999. № 2, pp. 215–222.
49. Tunmann J. *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Per. N.L. Ernsta i S.L. Belyavskoy. Simferopol': Tavriya, 1991. 92 p.
50. Uspenskiy F. Vizantiyskie istoriki o mongolakh i egipetskikh mamlyukakh [Byzantine Historians on the Mongols and Egyptian Mamluks]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika]. T. XXIV. L., 1926, pp. 1–16.
51. Fedorov-Davydov G. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [The Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological monuments]. Moscow: Iz-vo MGU, 1966. 276 p.
52. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya (Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya v 20 tomakh)* [Finno-Ugric and Baltic Peoples in the Middle Ages. Archaeology of the USSR from ancient times to the Middle Ages in 20 volumes]. Glava 7. Litovskie plemena [Chapter 7. Lithuanian Tribes. Aukšaitis]. Aukshayty. Litva. Moscow: Nauka, 1987, pp. 387–395.
53. *Shlemy VKL 14–15 vek* [Helmets of GDL of the 14–15 centuries (discussion on a horse helmet)]. Website «Tozhe forum», 06.02.2012. Available at: www.tforum.info/forum/index.php?showtopic=35048.
54. Khotko S. *Cherkesskie mamlyuki* [The Circassian Mamluks]. Maykop: Adygeyskoe respublikanskoe knizh. izd-vo, 1993. 179 p. Website Abkhazskaya internet-biblioteka. Available at: http://apsnyteka.org/1622-khotko_s_tcherkesskie_mamliuki.html (accessed on 28.08.2015).
55. Shabul'do F. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Lands of Southwestern Rus' as a Part of the Grand Duchy of Lithuania]. AN USSR, In-t istorii. Kiiv: Naukova dumka, 1987. 183 p.
56. Rulikowski E. *Opis powiatu Wasilkowskiego pod wzgledem historycznym, obyczajowym i statystycznym*. Warszawa, 1853. 243 p.
57. *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. T. VII. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1886. 960 p.
58. *Inventory № 1033*; Type: horse equipment; material: iron; period: 1st cent. B.C. – 12th cent. A.D.; provenance: Central Asia; measurements: (in cm) 54,2 x 22,8, cheek pieces 24,5 x 13,7 and 25,5 x 15. Website «The World Museum of Man and Prehistory: the history of man through the study of tools and weapons» / Central Asia Iron Collection sheet iron horse chamfron with separate cheek plates. Available at: www.worldmuseumofman.org/display.php?... (accessed on 28.08.2015).
59. *Accession Number: 21.102.3*; Classification: Equestrian Equipment-Shaffrons; Date: 17th–18th centuries; Culture: Anatolian Medium: Gilt copper alloy (tombak), leather; Dimensions: Length, 20 3/8 in. (51.75 cm) Width, 22 1/4 in. (56.52 cm). Credit Line: Fletcher Fund, 1921. This shaffron is unusually complete and is one of the few examples to retain its original cheek plates. It is engraved with tulip designs and inscribed across the forehead «Made at the order of Emir Yusuf». Website The Metropolitan Museum of Art / The Collection Online / Gallery 379 «Arms and Armor of Islamic Cultures» / Shaffron (Horse's Head Defense). Available at: <http://metmuseum.org/art/collection/search/33022> (accessed on 28.08.2015).
60. *Mamluk chamfron*. Français: Chanfrein mamelouk; Date: Mamluk period (1250–1517): circa 1419; Medium: hammered iron and gilt; Current location: Museum of Fine Arts of Lyon; Accession number: D377; Object history: Provenance: Egypt or Syria; Photographer Marie-Lan Nguyen. Website Museum of Fine Arts of Lyon / Mamluk_chamfron_MBA_Lyon_D377.jpg. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mamluk_chamfron_MBA_Lyon_D377.jpg (accessed on 28.08.2015).

About the author: Elena Alekseevna Popelnitskaya – Leading Researcher, National Museum of History of Ukraine, Cand. Sci. (History) (01001, Vladimirskaya str., 2, Kiev, Ukraine); elenac503@gmail.com

Каменное изваяние из Крыма (предварительное сообщение)

М.Г. Крамаровский
(Государственный Эрмитаж)

Сообщение посвящено находке редкой каменной стелы с изображением воина, найденной в 2014 г. неподалеку от Старого Крыма близ дер. Грушевка (старое название Суук-Салы). Иконография стелы, датированной концом XII – нач. XIII вв., восходит к древнетюркскому типу каменных изваяний времени каганатов. Единство мифологии, по-видимому, позволяет предположить и их семантическую идентичность. Носителями этой традиции, можно предположить, стали сельджуки-кочевники из Малой Азии, пришедшие в предгорья Восточного Крыма на раннем этапе становления Солхата – регионального центра Золотой Орды на полуострове. Миграционный процесс из Анатолии в Восточный Крым известен по письменным источникам. События датированы ок. 1256 г. В переселении участвовали всадники орды экс-султана Рума ‘Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (ум. в Крыму в 1280 г.), пришедшие с семьями из Добруджи. Орда Кей Кавуса II на несколько десятилетий была расселена вне городов в районах Крымского предгорья. Как памятник культуры, грушевская находка позволяет уточнить характер контактов Анатолии и Восточного Крыма в период угасания Румского султаната в Анатолии. Включение в образную систему крымской находки такой редкой детали, как округлые пряжки или бубенчики на «пелерине», подобные украшениям отворотов кафтана на изваянии из Корумды, введенном в научный оборот лишь во 2-й пол. XX века, лишней раз подчеркивает его подлинность. В результате было установлено, что иконография стелы из района Солхата-Крыма (конец XII – нач. XIII вв) представляет собой древнетюркский тип каменных изваяний эпохи каганатов.

Ключевые слова: р. Салы-су, дер. Грушевка, тюрки-огузы, Румский султанат, святилище, сельджуки Рума, орда ‘Изз-ад-Дина Кей Кавуса II, эпический герой.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот находки редкой каменной стелы с изображением воина. Изваяние найдено в районе Старого Крыма близ дер. Грушевка (старое название Суук-Салы) в 2014 г. Находка сделана при случайных обстоятельствах и представляет собой изображение воина анфас, вырубленное из блока мягкого известняка (см. **рис. 1** на цв. вклейке). Стела (в двух частях) обнаружена двумя разными находчиками. По информации одного из них, голова изваяния найдена на мелководье у высокого – северо-восточного – берега Грушевского водохранилища, образованного в результате запруды р. Салы-су (о месте обнаружения основной части стелы сколько-нибудь правдоподобных сведений получить не удалось).

Размеры изваяния: 150,5 x 40,0 x 14,5–16,0 см. Вопреки малой толщине каменного блока, *сидящая* фигура воина выполнена с попыткой объемного решения; в деталях преобладает низкий рельеф.

Высота головы, высеченной зацело с туловищем, 44,5 см. Скол пришелся на линию шеи, обозначенную ожерельем из продолговатых подвесок. Разлом сильно патинирован, что косвенно свидетельствует об относительно ранней порче памятника. Голова моделирована объемно, но малая толщина каменного блока привела резчика к предельному уплощению затылочной части. Герой безбород, с невысоким лбом и выступающими «монгольскими» скулами (обращает внимание их мягкая моделировка). Подбородок узкий европеоидный. Лицо с легкой ассиметрией. Украшено слегка приподнятыми сверху усами идеального героя, но без приостренных окончаний как на воинской маске конца XIII в. из комплекса близ с. Липовец, раскопанного О.Н.Макаревичем в 1892 г. [24, табл. 44, 45; 8, с.193; 15, с.50, 195]. Усы скрывают верхнюю губу, но рот чуть приоткрыт, обнажив ряд нижних зубов. Близкая иконография, учитывающая тип лица с узким подбородком – на защитной маске 2-ой пол. XV в. работы мастера Хамзы в Музее исламского искусства в Катаре (Доха. Западный Иран или Восточная Анатолия) [2, обложка]. Надбровные дуги и сросшиеся брови переданы невысоким рельефом в одну линию, переходящую в прямой чуть «утопленный» между выступами скул нос. Выпуклые большие глаза миндалевидной формы с закрытыми веками (без обозначения зрачков). В мочках ушей – крупные мужские серьги (диам. до 3,5 см) в виде уплощенных колец.

Прическа героя многослойна и сложна. «Шапка» волос (без детальной проработки) настолько сглажена, что голова на первый взгляд кажется оголенной. На затылке нижняя граница волос обозначена в форме фигурной скобки. За ее пределы выпущены две пары прядей, заплетенные в толстую косу, уложенную на спине; коса обозначена глубоким контррельефом. На высокой части головы (у темени) высечен пучок волос – «кичка» (?) в форме равноконечного креста. В отличие от несравненно более простых причесок героев древнетюркских изваяний, насчитывающих, как правило, семь тонких косиц до поясницы, персонаж стелы является обладателем одной, хотя и не слишком длинной косы. Возможно, в тюркской традиции количество кос – показатель *возрастного* статуса персонажа. Только из одной косы состоит и прическа юного *Заля* в сцене встречи со стариком *Бахманом* (тебризская ? миниатюра из Большого Шахнаме в коллекции Музея искусств и истории в Женеве, 1330-е годы), тоже [37, fig.215]. Одна коса нередко встречается и в прическе персонажей половецких изваяний.

Верхний кафтан героя – с продольным осевым разрезом и узкими длинными рукавами. Кромки разреза выделены двойным валиком. Предплечье и верхняя часть груди фигуры скрыты отворотами, скорее напоминающими пелерину. В области предплечий «пелерина» украшена двумя округлыми пряжками или бубенчиками. Полы кафтана скруглены и приоткрывают нижнее платье.

Герой в правой руке, согнутой под острым углом, держит перед грудью кубок на поддоне с двойной линией венчика. Внимание резчика традиционно акцентировано на манере удержания кубка большим и указательным пальцами. Фигура воина опоясана широким ремнем с пряжкой в виде рамки со скругленным краем и, вероятно, подвижным язычком; к поясу крепятся ножны с мечом или палаши. Ножны украшены перевитой лентой. Левая рука покоится на рукояти меча. Меч с прямым перекрестием и симметричным навершием рукояти, напоминающим сдвоенную волоту.

Лицевые поверхности изображения, включая верхнее платье и кубок, тщательно зашлифованы, но отдельные детали – подобие «пелерины» и нижнее платье героя – выделены зернистой фактурой, создающей контраст света и тени. Этот прием усиливает впечатление объема, что, учитывая небольшую толщину каменного блока, немаловажно.

Первоначально стела крепилась к стилобату тремя (железными?) шипами. От крепления остались пазы в основании стелы (диам. 2,3 см; глубина центрального паза до 15,8 см); два боковых – высверлены под углом около 35–40° в направлении к узким боковым граням каменного блока.

Итак, в изобразительной структуре памятника различаются, по меньшей мере, *два или даже три* иконографических блока, каждый из которых обладает собственной историей. *К первому и наиболее значимому семантически* – в пределах VI–VII вв. – относится кубок на ножке в правой руке, вознесенный к уровню груди героя. На древнетюркских изваяниях изобразительный блок с пиршественным кубком перед грудью – неизменный атрибут героя. Приведу в качестве примера только два ранних изваяния – из урочища *Тенгельбулак* (Южный Казахстан, северные склоны Каратау) [27, табл. III; 16, с. 80, 81; 35, р. 509], и *Корумды* (северо-восточный берег оз. Иссык-Куль) [27, табл. VIII, с. 90; 35, р. 509]. К этой группе, по оценке Я.А. Шера, относится наибольшее количество изваяний из Западного Казахстана, Семиречья, Южной Сибири, Сынцзяна и Монголии [27, с. 26; см. еще: 11]¹. Предполагается, что форма кубка на ножке приходит к тюркам раннего средневековья из Ирана, возможно, через Согд. Особенностью сосуда, изображенного на стеле, является усложненный венчик с двойной линией рельефа у края. Традиция кубков с богато украшенным венчиком у раннесредневековых тюрков подтверждается изображением на изваянии из Ванновки (Чимкентская область) [26, с. 186–188; 35, с. 509, abb. 43 a]. С согдийской изобразительной традицией связан и канон в трактовке кисти правой руки героя, поддерживающей пиршественный сосуд большим и указательным пальцами. Принято считать, что этот прием чаще встречается в Семиречье VI–VII вв. именно потому, что западные тюрки находились в тесных контактах с городским населением Согда [27, с. 69].

Винный кубок героя на изваяниях в тюркской традиции рассматривается исследователями как участие умершего в поминальном пиршестве [20]. Полагаю, что эта семантическая модель применима и к нашему случаю. Следует также учесть, что собственная пиршественная чаша у древних тюрков – это еще и маркер личности героя, он получает ее вместе с мужским именем [21,

¹ Учитывая огромность территории распространения древнетюркских изваяний в хронологических пределах с VI–VII до VIII–IX вв., исследователи группируют и описывают их по регионам: Семиречье и Казахстан [27; 11], Горный Алтай [19]; Тува [9]; Монгольский Алтай и Центральная Монголия [3; 4].

с. 83]. Соответственно, пьянящий напиток – источник мужества («... обладал свойством вселять мужество» [11, с. 64]).

Если принять наше наблюдение о креплении каменного блока на стилобате (см. выше), то можно предположить, что грушевское изваяние предназначалось для сакрального комплекса, возможно, святилища.

О других деталях нашей стелы. Рисунок завершения рукояти меча в виде сдвоенных волют напоминает форму наверший кинжалов скифской эпохи с бабочковидным перекрестием, датируемых в пределах VI – 1-ой пол. V вв. до н.э. [22, с. 55]. Разумеется, речь идет не об аналогии, или, тем более, линии исторической преемственности, но лишь о случае совпадения форм. Прямой аналогии навершию меча/палаша найти не удалось. А вот декор ножен с ленточным плетением и плотный захват рукояти широкого меча открытой ладонью руки можно видеть в европейской иконографии, например, изображении графа Экехарда в скульптурном декоре собора Наубурга (1250 г.) [30, p.41, fig.17].

В костюме изваяния из Крыма (в сравнении с семиреченскими) обращает внимание удивительное совпадение конфигурации ложной «пелерины» на стеле с отворотами кафтана на изваянии из Корумды. В обоих случаях в районе предплечий можно видеть изображение накладок (?) в виде кружков или бубенцов. Неизменной остается манера стилизации кисти руки с кубком у груди героя.

Второй блок иконографических деталей, имеющий датирующее значение и важный с точки зрения пространственной локализации ремесленной традиции, к которой принадлежит наша находка, опознается по покрою верхнего распашного кафтана с осевым разрезом и скругленными полами. Кафтан с осевым разрезом известен с X в. у древних венгров [10, с.170. табл. 56]. Но *скругленные полы* кафтана с осевым разрезом можно видеть преимущественно на изваяниях из стука тюркской знати из числа иранских сельджуков XI–XII ст. [29, p. 102, fig. 62]. Из датированных примеров назовем еще рельеф с изображением копейщика, поражающего дракона на портале караван-сарая XIII ст. в близ Мосула [28, fig.7]. Немалое количество подобного покрою верхнего халата можно видеть в других материалах из сельджукидской Анатолии [36, s.159–163, res.97,107, des.172, 173, 176, 178 и др.]. Закругленные полы приталенного кафтана дает и рисунок фигуры юноши на сельджукской чаше из *Хисн ал-Тинат* (XIII в.), что на пути из Северной Сирии в Анатолию [32, p.537–540]. Среди знаковых украшений сельджукского принца укажем на ожерелье из прямоугольных подвесок в декоре другой статуи из собрания Метрополитен [29, p. 102, fig. 63] тождественного ожерелью героя крымского изваяния. Кстати, «согдийская» манера удержания винного кубка большим и указательным пальцами правой руки, получив распространение в Египте XI в. [40, p.459], не исчезает, судя по граффити на сельджукской керамике из Солхата [17, с.188], вплоть до 1-ой пол. XIV в.

Итак, покроем верхнего платья героя крымской стелы со скругленными полами позволяет ***предварительно датировать нашу находку временем не ранее XII – нач. XIII вв., т.е. периодом сельджукского господства на Ближнем Востоке и в Малой Азии и локализовать ремесленную традицию, к которой принадлежит грушевская находка, Румом.***

В этой связи стоит вернуться к замечанию об оружии воина стелы. Знакомство сельджуков с оружием крестоносцев, потянувшихся на Ближний Восток после 1095г. (речи папы Урбана в Клермоне с призывом к «освобождению Гроба Господня») не может вызвать удивления: уже в 1190 г. рыцари Фридриха Барбароссы угрожали стенам Кони. Для нашего случая – это касается только ножен меча, украшенного лентой, но не самого меча. Шестью веками раньше гарды в виде прямого перекрестия характерны для типа т. н. длинных мечей V–VII вв. Западного Предкавказья [14, с. 91, рис. 62, 13, 45, 46]. Этот же признак можно видеть и на изображениях мечей VI в. на семиреченских изваяниях [27, с.41]. Не следует ли здесь видеть следствие совмещения двух традиций – ранней, восходящей к тюркам семиреченских изваяний, и поздней, европейской, времени крестовых походов.

Но что удивительно: доминирование иконографического блока с кубком, сложившееся в эпоху каганатов, остается неизменным и за давностью лет не потеряло своего семантического значения. По-видимому, отбор характерных деталей, относящихся к разным эпохам с шестисотлетним разрывом, связано с ***актуализацией генеалогического мифа о героическом прошлом тюрков-огузов***, пришедших в Иран, Ирак и Малую Азию во 2-ой пол. XI в. Следы этого мифа прослеживаются в декоре неполивной красноглиняной керамики Западного Ирана XII–XIII вв., оттиснутой в матрице – см., например, чашу с антропоморфными масками из коллекции в Кувейте [38, p. 141]. Чаша по-

добной формы, но из фаянса с подглазурными пятнами кобальта, была найдена в Биляре [5, с.126–139; 16, с.197, 198]. Тюркское начало в декоре чаши из Поволжья, помимо характера лиц, усиливает форма высоких головных уборов (с фигурами птиц), типологически сопоставимых с «коронай» Кюль-тегина (723г.), также украшенной изображением птицы [34, р.85–89, fig. 9.4]. По-видимому, идеологема старой тюркской иконографии, восходящая к доисламскому прошлому *западных огузов*, медленно переходящих к оседлости на территории Анатолии, оказалась уместна в сельджукское время именно благодаря исторической памяти о кочевническом прошлом тюрков на востоке Евразии времени Тюркских каганатов. Тюркская приверженность к высоким шапкам – царская шапка *калансува* упомянута в тексте ал-Бируни (973 – ок. 1050) – известна в Иране, по меньшей мере, уже с XI ст. в период борьбы сельджуков с Газневидами, когда Тогрыл стал султаном Нишапура. По ал-Бируни, имя владельца царской *калансува* – *Барахмакин* (в «Минералогии») или *Барахтегин* (в «Индии»). С.Г. Кляшторный показал, что в имени царя опознается тюркское – *Барахтегин* (от слова *барах/барак* в значении «лохматая собака») [13, с. 158–161]. Изображения высоких меховых шапок-папах как часть туркмено-огузского костюма встречаются в месопотамской миниатюре 1-ой пол. XIII в. и в гератской миниатюре XV в. [7, с. 94, 95]

Таким образом, антропоморфные маски группы *иранских чаш* XII – нач. XIII столетий, как я полагаю, отражают представление о самоидентификации какой-то части *пришлого на Ближний Восток тюркского* населения, в памяти которого все еще тлело представление о подвигах предков в степях Центральной Азии. Стоит вспомнить, что на низовом уровне сельджуки Малой Азии не слишком одобряли правящую династию за опору на иранскую традицию власти и тяготение к арабской духовности, десятилетиями оставаясь гетеродоксами (маловерующими мусульманами). Даже при дворе сельджукидов Рума еще в 1-ой четверти XIII столетия не была забыта старая степная традиция погребения героя с конем. Когда в 1210 г. в Конию привезли тело Гийас ад-дина Кай-Хусрау I, погибшего в борьбе с никейским императором Федором Ласкарисом, его сын и преемник 'Изз ад-дин Кай-Ка'ус, приказал захоронить отца *«по-тюркски»*: в усыпальницу (?) Кай-Хусрау поместили верхового коня, которого *по пятницам* (!) покрывали красным атласом [6, с. 57].

Мне представляется, что *изобразительная система новой стелы* из Крыма, где преобладает смысловой блок, *восходящий к древнетюркской иконографии*, вызвана сходными причинами. Иначе говоря, тип крымской находки и ее семантика определяется мифологемой историзма сельджуков-огузов, обосновавшихся в Малой Азии после битвы при Манцикерте (1071 г.), их представлениями о героике времени каганатов. Вероятно, в XII ст. огузскими элитами для поддержания памяти о корнях дедов оказалась востребована старая, но все еще не забытая иконография изваяний, восходящая к VI–VII векам. **Отсюда и «новая редакция» традиционного типа ритуальных статуй, но с реалиями собственного («сельджукского») времени.** Эkleктика в стилистике изображения при таком подходе в выборе опознавательных черт (базовых блоков) «исторического героя» становится неизбежной. Не случайно по стилю изваяние из Грушевки отличается как от западно-тюркских, так и восточно-тюркских параллелей.

Анатолийский вектор, с которым, как представляется, связано появление стелы в Крыму, проблема, требующая отдельного рассмотрения в контексте взаимоотношений Румского султаната с Таврикой в период конца XII – 1-ой пол. XIII вв. [см.: 18, с. 5–17].

Разумеется, с новой находкой появляется немало трудных вопросов. В основном они относятся к географии распространения редкого типа каменных изваяний и соответствующих святилищ, практически пока неизвестных ни в Малой Азии, ни в Крыму. Тем более что к северу от Черного моря у границ евразийского пояса степей и крымского предгорья с середины XI ст. появляются кыпчаки, обладавшие собственной традицией каменных изваяний. Половецкие святилища выявлены под Симферополем и в Евпаторийском районе (дер. Чокрак) [1, с.278, табл.2, 3], а сводка крымских находок половецких статуй убедительно представлена в корпусе С.А.Плетневой [25, с. 70,71].

Нельзя не признать, что взвешенную оценку историко-культурного значения новой находки в значительной степени затрудняет ее уникальность. Появление интересующего нас типа изваяний на востоке полуострова, вероятно, связано с сельджукской экспансией в Крым, отмеченной в первые десятилетия XIII века захватом Судака [31, р. 135]. Но было бы опрометчиво исключить и роль малых миграций на территорию полуострова в период упадка Румского султаната. Вспомним, что кроме оседлого населения в переселенческом процессе из Анатолии в Восточный Крым около 1256 г. участвовали и всадники орды экс султана 'Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (ум. 1280), пришедшие с семьями из Добруджи [39, р.639–667] и на несколько десятилетий расселившиеся в

районах предгорья вне городов. Дальнейшая работа по уточнению смысловых контекстов отдельных иконографических блоков стелы связана с деталями образа, вызывающими аллюзию качеств эпического героя. Среди них не только совмещенный барельеф бровей и носа, или больших глаз – деталей, являющимися, по наблюдениям Л. Ермиловой, «...калькой эпических формул, описывающих гримасу гнева», но также и таких атрибутов как сосуды и оружие. Все это свойственно образу героя-батыра и ассоциируется с представлениями о его эпической доблести [Ермилова 2004, с.69]. В нашем случае следует вспомнить еще и о загадочной крестообразной фигуре в прическе героя. В каком контексте следует рассматривать эту деталь? Является ли она реминисценцией несторианства, получившего широкое распространение среди тюркских племен в раннее средневековье и дожившего в Центральной Азии до XIV века, или служила символическим медиатором связи эпического героя с Высоким Синим Небом тюркской мифологии?

Случайная находка из района Солхата (с. Грушевка отстоит от Старого Крыма на расстоянии около пяти километров к юго-западу) актуализирует поиск поминального святилища периода начала сельджукского миграционного движения из Анатолии в Восточный Крым, активизация которого приходится на время включения Таврики в сферу монгольского влияния.

В заключении, кратко о сюжете подлинности памятника. Разумеется, историческая достоверность стелы окончательно утвердится с появлением родственных находок. Полагаю, их следует ждать, прежде всего, на территории Анатолии. Вместе с тем, представление скептиков о стеле как имитации скучающего импровизатора XIX в. не состоятельно – подделки существуют только в шлейфе известных образцов. Включение в образную систему крымской находки такой редкой детали, как округлые пряжки или бубенчики на «пелерине», подобные украшениям отворотов кафтана на изваянии из Корумды, введенном в научный оборот лишь во 2-й пол. XX века, лишний раз подчеркивает обоснованность подобного домысла. Крайне сомнительна и осознанная акцентация этого элемента в costume героя из-за отсутствия в украшении какого-либо содержательного смысла.

Итак, мы установили, что иконография стелы из района Солхата-Крыма, датируемой концом XII – нач. XIII вв., восходит к древнетюркскому типу каменных изваяний времени каганатов. Единство мифологии, по-видимому, позволяет предположить и их семантическую идентичность. Носителями традиции, можно предположить, стали сельджуки-кочевники из Малой Азии, пришедшие в предгорья Восточного Крыма на раннем этапе становления регионального центра Золотой Орды в Крыму еще около сер. – начала 2-й пол. XIII ст.

Как памятник культуры, грушевская находка позволяет уточнить характер контактов Анатолии и Восточного Крыма в период угасания Рума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам. МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
2. Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1–2 (2012 (4–5)).
3. Баяр Д. Каменные изваяния Центральной Монголии. Улаанбаатар, 1997 (монг.).
4. Баяр Д. Каменные изваяния Монгольского Алтая. Улаанбаатар, 1999. Вып.1 (монг.).
5. Валиulina С.И. Некоторые образцы фаянсовой посуды Биляра // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
6. Гордлевский В. Государство сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.
7. Горелик М.В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV веков //Mittelalterliche Malerei in Orient. Herausgegeben von Karin Ruhrdanz. Martin-Luther-Universitat Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beitrage (1.16). Halle (Saale) 1982.
8. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIII в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
9. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
10. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
11. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.
12. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция. По материалам культур древних и средневековых кочевников Евразии. Томск, 2008.
13. Кляшторный С.Г. Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1989.

14. Ковалевская В.Б. Западное Предкавказье / Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1981.
15. Королькова Е.Ф. Комплекс защитного вооружения: кольчуга, шлем и маска (из с. Липовец, аннотация) // Золотая Орда. История и культура. Каталог. СПб., 2005.
16. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001.
17. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012.
18. Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII–XIV вв. Симферополь, 2014.
19. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
20. Кызласов Л.П. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология, 1964, №2.
21. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков (1. древнейшие свидетельства об армии) // Российская археология, 1996, №3.
22. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // Свод археологических источников. Вып. Д 1–4. М., 1964.
23. Могильников В.А. Тюрки / Сибирские древности VI–X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1981.
24. Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–10. М., 1973.
25. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 4–2. М., 1974. Вып. Е4–2.
26. Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // Советская археология. 1989. № 3. С. 184–192.
27. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. «Наука» М.-Л., 1966;
28. Gierlichs J. An Unusual Portrayal of the Dragonslayer Motif in Medieval Islamic Art // 9th International Congress of Turkish Art. Ankara 1955. Vol.2.
29. Masterpieces from the Department of Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art. Ed. by Maryam D. Ekhtiar, Priscilla P. Soucek, Sheila R. Canby, and Navina Najat Haidar. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2011.
30. Oakeshot T. Records of the Medieval Sword. Woodbridge, 1964.
31. Peacock A.C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of ‘Alā’ al-Dīn Kayqubād // The Royal Asiatic Society, Series 3, 16, 2 (2006).
32. Redford S. Kinet Höyük’te Bulunan Bir Kase // Konya Kitabı, X. Özel Sayı Aralık 2007.
33. Rolle Renate. Haar- und Barttracht der Skythen // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
34. Skaff J.K., Honeychurch W. Empire Building before the Mongols. Legacies of the Turks and Uyghurs // Genghis Khan and the Mongol Empire. Ed. by William W. Fitzhugh, Morris Rossabi, William Honeychurch. Houston Texas, 2009.
35. Stark Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden 2008.
36. Süslü Özden. Tasvirleri Göre Anadolu Selçuklu Kiyafetleri. Ankara, 1989.
37. The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. Ed. by Linda Komaroff and Stefano Carboni. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2002.
38. Watson O. Ceramics from Islamic Lands. The al-Sabah Collection. Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. London, 2004.
39. Wittek P. Yazijioghlu ‘Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV, Part 3, 1952.
40. Byzantium / Ed. by R.Cormack and M.Vassilaki. London, 2008.

Сведения об авторе: Марк Григорьевич Крамаровский – ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций, доктор исторических наук (190000, Дворцовая площадь, 2, Санкт Петербург, Российская Федерация); solkhat@hermitage.ru

A Stone Sculpture from the Crimea (preliminary report)

M.G. Kramarovsky
(State Hermitage Museum)

This report is dedicated to the discovery of a rare stone stele depicting a warrior, found in 2014 close to the Old Crimea near the village Grushevka (formerly Suuk-Salah). The iconography of this stele dates back to the late 12th – early 13th centuries and belongs to the Old Turkic type of stone sculptures of the times of Khaganates. Appar-

ently, the unity with mythology suggests their semantic identity. It can be assumed that the bearers of this tradition were the Seljuk nomads from Asia Minor who arrived in the foothills of the Eastern Crimea at an early stage of Solkhat's development, the Golden Horde regional center of the Crimean peninsula. The migration process from Anatolia to the Eastern Crimea is known from written sources. These events date back to c. 1256. Nomads from the hordes of the former Sultan of Rum 'Izz al-Din Kaykaus II (died in the Crimea in 1280) moved with their families in the Crimea from Dobrudja. The horde of Kaykaus II settled for decades outside the towns, in areas of the Crimean foothills. As a cultural monument, archaeological finding in the village Grushevka allows us to specify the nature of the contacts between Anatolia and eastern Crimea during the period of decline of the Sultanate of Rum in Anatolia. Such rare items like round buckle or bells on the "cape" similar to decorations of kaftan lapels on the statue from Korumda (which became known only in the second half of the 20th century) emphasize the authenticity of this finding. As a result, it was found that the iconography of this stele dates back to the late 12th – early 13th centuries and belongs to the Old Turkic type of stone sculptures of the times of Khaganates.

Keywords: Sala-su river, village Grushevka, Oghuz Turks, Sultanate of Rum, sanctuary, Seljuks of Rum, horde of 'Izz al-Din Kaykaus II, epic hero.

REFERENCES

1. Aybabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkhologicheskim svidetel'stvam [Towns and Steppes of the Crimea in the 13th–14th centuries According to Archaeological Evidences]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Vyp. X. Simferopol', 2003.
2. Batyr. *Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* [Traditional Military Culture of the Eurasian Peoples]. № 1–2, 2012 (4–5).
3. Bayar D. *Kamennye izvayaniya Tsentral'noy Mongolii* [Stone Sculptures of Central Mongolia]. Ulaanbaatar, 1997 (mong.).
4. Bayar D. *Kamennye izvayaniya Mongol'skogo Altaya* [Stone Sculptures of the Mongolian Altai]. Ulaanbaatar, 1999. Vyp.1 (mong.).
5. Valiulina S.I. Nekotorye obraztsy fayansovoy posudy Bilyara [Some Specimens of Bilyar Earthenware]. *Problemy drevney i srednevekovoy arkhologii Volgo-Kam'ya* [Problems of Ancient and Medieval Archaeology of the Volga-Kama]. Kazan', 1999.
6. Gordlevskiy V. *Gosudarstvo sel'dzhukidov Maloy Azii* [Seljuk State in Asia Minor]. Moscow–Leningrad, 1941.
7. Gorelik M.V. Mongoly i oгуzy v tebrizskoy miniatyure XIV–XV vekov [The Mongols and the Oghuz in Tabriz Miniature of the 14th–15th centuries]. *Mittelalterliche Malerei in Orient*. Herausgegeben von Karin Ruhrdanz. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge (1.16). Halle (Saale) 1982.
8. Gorelik M.V. Ranniy mongol'skiy dospekh (IX – pervaya polovina XIII v.) [Early Mongol Armor (9th – the first half of the 13th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, 1987.
9. Grach A.D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Tuvy* [The Ancient Turkic Statues of Tuva]. Moscow, 1961.
10. Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv.: proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Oriental Metalwork of the 8th–13th centuries: Artworks of Oriental Toreutics on the Territory of the European Part of the USSR and Trans-Urals Region]. Moscow, 1976.
11. Ermolenko L.N. *Srednevekovye kamennye izvayaniya Kazakhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya)* [Medieval Stone Sculptures of the Kazakhstan Steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk, 2004.
12. Ermolenko L.N. *Izobrazitel'nye pamyatniki i epicheskaya traditsiya. Po materialam kul'tur drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [Visual Monuments and Epic Tradition. According to the Cultural Materials of Ancient and Medieval Nomads of Eurasia]. Tomsk, 2008.
13. Klyashtornyy S.G. Versiya drevnetyurkskoy genealogicheskoy legendy u al-Biruni [A Version of Ancient Turkic Genealogical Legend in al-Biruni]. *Srednevekovyy Vostok. Istoriya. Kul'tura. Istochnikovedenie* [Medieval East. History. Culture. Source Study]. Moscow, 1989.
14. Kovalevskaya V.B. Zapadnoe Predkavkaz'e [Western Ciscaucasia]. Severokavkazskie drevnosti [Antiquities of the Northern Caucasus]. *Arkheologiya SSSR. Step'i Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Archaeology of the USSR. Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Otv. red. S.A. Pletneva. Moscow, «Nauka» Publ., 1981.
15. Korol'kova E.F. Kompleks zashchitnogo vooruzheniya: kol'chuga, shlem i maska (iz s. Lipovets, annotatsiya) [Complex of Defensive Armament: Chainmail, Helmet and Mask (from the village Lipovec, summary)]. *Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura* [The Golden Horde. History and Culture]. Katalog. St. Peterburg, 2005.
16. Kramarovskiy M.G. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy* [The Gold of the Chinggisids: Culture Legacy of the Golden Horde]. St. Petersburg, «Slaviya» Publ., 2001.
17. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya* [A Man of a Medieval Street. The Golden Horde, Byzantium, Italy]. St. Petersburg, «Evraziya» Publ., 2012.

18. Kramarovskiy M.G. *Krym i Rumskiy sultanat vo 2-oy pol. XIII–XIV vv.* [The Crimea and Sultanate of Rum in the second half of the 13th–14th centuries]. Simferopol', 2014.
19. Kubarev V.D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [The Ancient Turkic Statues of Altai]. Novosibirsk, 1984.
20. Kyzlasov L.R. O naznachenii drevnetyurkskikh kamennykh izvayaniy, izobrazhayushchikh lyudey [On the Propose of the Ancient Turkic Stone Sculptures Representing People]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1964, №2.
21. Kyzlasov I.L. Materialy k ranney istorii tyurkov (1. drevneyshie svidetel'stva ob armii) [Materials for the Early History of the Turks (1. the earliest information on the army)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1996, №3.
22. Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov [Weapons of the Scythians]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources]. Vyp. D 1–4. M., 1964.
23. Mogil'nikov V.A. Tyurki [The Turks]. *Sibirskie drevnosti VI–X vv.* [Siberian Antiquities of the 6th–10th centuries]. *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Archaeology of the USSR. Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Otv. red. S.A. Pletneva. Moscow, «Nauka» Publ., 1981.
24. Pletneva S.A. Drevnosti Chernykh klobukov [Antiquities of the Cherni Klobuky]. *Arkheologiya SSSR* [Archaeology of the USSR]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* [Corpus of Archaeological Sources]. Vyp. E 1–10. Moscow, 1973.
25. Pletneva S.A. Polovetskie kamennye izvayaniya [Polovtsian Stone Sculptures]. *Arkheologiya SSSR* [Archaeology of the USSR]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* [Corpus of Archaeological Sources]. Vyp. E 4–2. Moscow. 1974.
26. Charikov A.A. Novye nakhodki srednevekovykh izvayaniy v Kazakhstane [New Findings of Medieval Sculptures in Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1989. № 3, pp. 184–192.
27. Sher Ya.A. *Kamennye izvayaniya Semirech'ya* [Stone Sculptures of Semirechye]. Moscow–Leningrad, «Nauka» Publ., 1966.
28. Gierlichs J. An Unusual Portrayal of the Dragonslayer Motif in Medieval Islamic Art. *9th International Congress of Turkish Art.* Ankara, 1955. Vol.2.
29. *Masterpieces from the Department of Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art.* Ed. by Maryam D. Ekhtiar, Priscilla P. Soucek, Sheila R. Canby, and Navina Najat Haidar. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2011.
30. Oakeshot T. *Records of the Medieval Sword.* Woodbridge, 1964.
31. Peacock A.C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād. *The Royal Asiatic Society, Series 3, 16, 2* (2006).
32. Redford S. Kinet Höyük'te Bulunan Bir Kase. *Konya Kitabı, X. Özel Sayı Aralık 2007.*
33. Rolle Renate. Haar- und Bartracht der Skythen. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine.* Schleswig, 1991.
34. Skaff J., Honeychurch W. Empire Building before the Mongols. Legacies of the Turks and Uyghurs. *Genghis Khan and the Mongol Empire.* Ed. by Wiliam W. Fitzhugh, Morris Rossabi, Wiliam Honeychurch. Houston Texas, 2009.
35. Stark Sören. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien.* Wiesbaden, 2008.
36. Süslü Özden. *Tasvirilere Göre Anadolu Selçuklu Kiyafetleri.* Ankara, 1989
37. *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353.* Ed. by Linda Komaroff and Stefano Carboni. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2002.
38. Watson Oliver. *Ceramics from Islamic Lands. The al-Sabah Collection.* Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. London, 2004.
39. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* Vol. XIV, Part 3, 1952.
40. Byzantium / Ed. by R.Cormack and M.Vassilaki. London, 2008.

About the author: Mark Grigor'evich Kramarovskiy – Leading Researcher, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection, Dr. Sci. (History) (190000, Dvortsovaya square, 2, Sankt Petersburg, Russian Federation); solkhat@hermitage.ru

УДК 94/902/904

К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму¹

А.Г. Герцен, В.Е. Науменко
(Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского)

В статье на основе новейших данных археологического изучения Мангупского городища и известных сведений эпиграфики рассматривается возможность выделения особого золотоордынского периода в истории памятника. Его хронология охватывает период второй половины XIV в. (около 1361–1395 гг.). Протекторат Золотой Орды выразился не только в фортификационной активности представителей ее администрации на городище, на что указывают строительные надписи с именами гекатонтархов Хуйтани и Чичикия, но и в некоторой «татаризации» вкусов местной элиты, о чем свидетельствует ряд украшений статусного круга из недавних раскопок Дворца и трехнефной базилики в центральной части Мангупского плато. В то же время основным языком населения столицы раннего княжества Феодоро оставался греческим. Здесь же сохранялась резиденция иерарха Готской митрополии, входившей в состав Константинопольской патриархии.

Археологические исследования Мангупа были начаты еще в середине XIX в. Широкомасштабные раскопки последних десятилетий позволили объяснить причину плохой сохранности и небольшой мощности культурного слоя на значительной площади памятника. Эта особенность стратиграфической ситуации связана с целым комплексом природно-географических и антропогенных факторов. В истории изучения Мангупа особое место занимает период княжества Феодоро. Для понимания особенностей формирования комплекса материальной культуры, присущего правящей верхушке княжества в XIV в., необходимо в целом рассмотреть вопрос о статусе раннего Феодоро в контексте международной обстановки в регионе. Постоянно растущее на Мангупе число археологических находок, связанных с изделиями золотоордынского культурного круга, в том числе статусного характера, делает гипотезу о некоем особом золотоордынском периоде в истории городища (около 1361–1395 гг.) заслуживающей пристального внимания. Настоящая статья в этом контексте может рассматриваться лишь как постановка научной проблемы, требующей серьезного специального рассмотрения.

Ключевые слова: Золотая Орда, княжество Феодоро, Юго-Западный Крым, Мангупское городище, гекатонтархи Хуйтани и Чичикий, хан Токтамыш, эмир Тимур, золотоордынское зеркало, поясной набор «белореченского типа», селадон, псевдо-селадон, кашинная керамика, нумизматика.

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Оно расположено на вершине изолированного плато высотой около 600 м над уровнем моря и общей площадью около 90 га, которое со всех сторон ограничено вертикальными скальными обрывами глубиной от 30 до 70 м. С севера Мангупское плато прорезано тремя глубокими ущельями (Капу-дере, Гамам-дере, Табана-дере) с далеко выступающими четырьмя мысами (Тешкли-бурун, Елли-бурун, Чуфут-Чеарган-бурун, Чамну-бурун). Только по дорогам и тропам, проложенным по дну ущелий, можно подняться на поверхность городища. В верховьях балок расположены мощные источники воды. Наличие последних, наряду с обширными размерами плато и высокой степенью его природной защищенности, являлось главными причинами использования памятника населением данного района Крымских предгорий на протяжении всего периода средневековья (Рис. 1).

Археологические исследования Мангупа были начаты еще в середине XIX в. С 1967 г. они приобрели систематический характер, направленный на решение трех наиболее важных задач [23, с. 24–25]. Во-первых, исследование наиболее крупных архитектурно-археологических комплексов городища, раскопки которых были начаты нашими предшественниками еще в конце XIX – начале XX вв. и остались, по разным причинам, не завершенными. Во-вторых, охранно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-04670 «Историческая топография «страны Дори» в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования».

археологическое изучение раннесредневековых могильников, отдельных храмовых и производственных комплексов в округе памятника. В-третьих, зондирование отдельных элементов Мангупской крепости, укреплений Главной (Внешней) линии обороны и поселений в верховьях балок, с целью получения сведения об их планиграфии, стратиграфии и хронологии. С 90-х гг. XX в. раскопки ведутся на широкой площади и сопровождаются достаточно оперативным введением в научный оборот полных результатов исследований крупных археологических объектов, либо отдельных групп полученного вещественного материала².

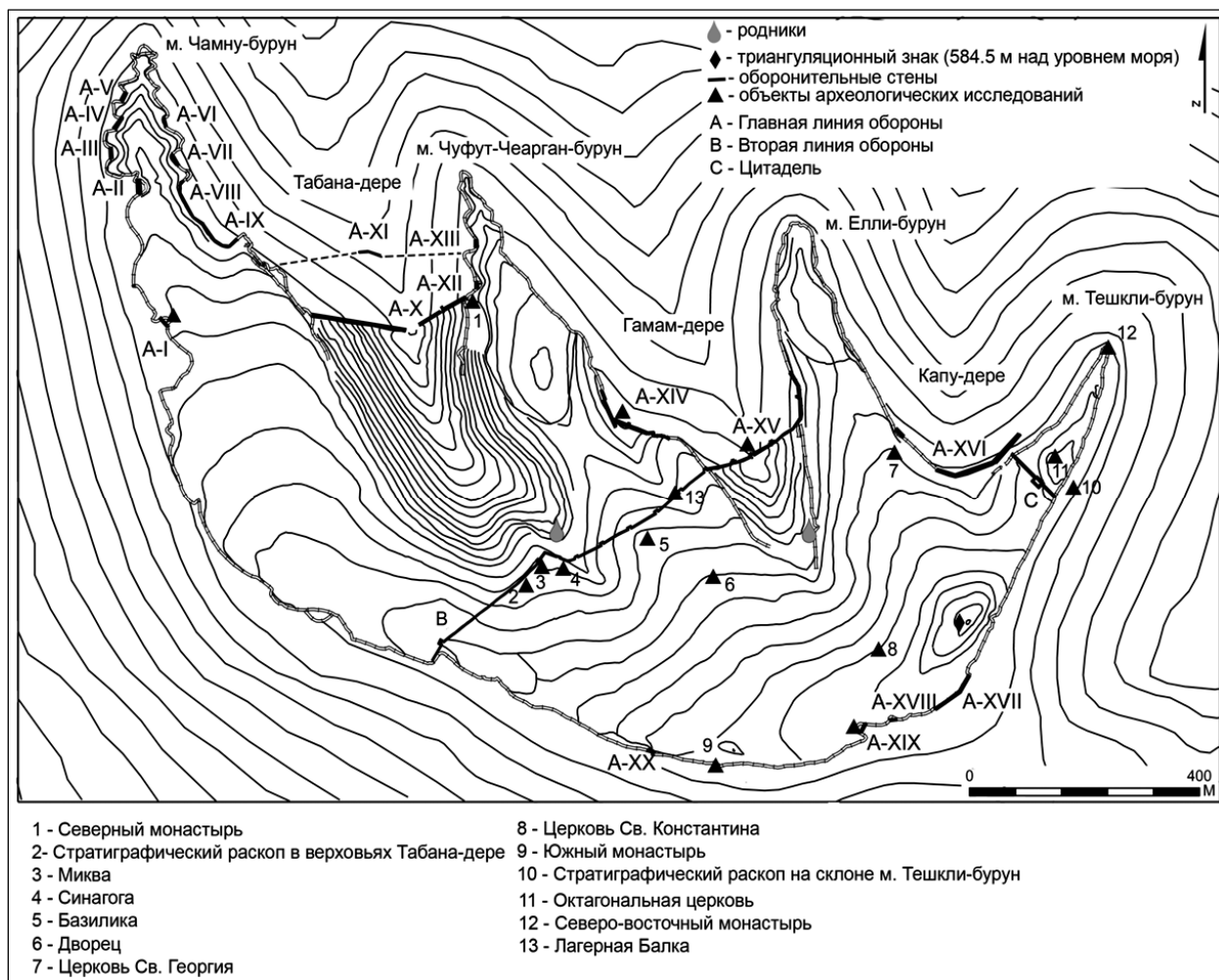

Рис. 1. Общий план Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований

Широкомасштабные раскопки последних десятилетий позволили объяснить, пожалуй, одну из главных проблем археологического изучения Мангупа, впрочем, характерную практически для всех «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Речь идет о плохой сохранности и небольшой мощности культурного слоя на значительной площади памятника. Эта особенность стратиграфической ситуации связана с целым комплексом природно-географических и антропогенных факторов – скальной «дневной поверхностью» на большей части крепостного полигона; обширным характером Мангупского плато, позволявшим его обитателям обживать в разное время новые территории, не возводя постройки на месте руин более ранней застройки; строительной активностью на городище в период княжества Феодоро (XIV–XV вв.), приведшей к фактическому уничтоже-

² Об истории археологического изучения Мангупа вплоть до начала 90-х гг. XX в. см.: 6, с. 89–102; 17, с. 212–246; 18, с. 305–321. Отметим также подробные историографические обзоры, предваряющие публикации результатов раскопок Дворца правителей княжества Феодоро в центральной части Мангупского плато и октагонального храма цитадели городища на м. Тешкли-бурун: [20, с. 228–234; 21, с. 388–396].

нию более ранних культурных напластований [14, с. 389–391; 16, с. 89–95]. Тем не менее, полученный в ходе исследований массив материальных источников, вместе с современной степенью изученности Мангупа, позволяет довольно уверенно выделить основные этапы его истории и составить ясные представления о стратиграфии и исторической топографии памятника в отдельные периоды существования.

Современная периодизация Мангупского городища, основанная на результатах многолетних археологических исследований памятника, с учетом его редких упоминаний в письменных источниках, а также немногочисленных данных эпиграфики, включает шесть основных этапов: докрепостной (позднеримский, конца III – середины VI в.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), хазарский (конца VIII – середины IX вв.), фемный (середины IX – середины XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и османский (1475–1792 гг.). Все они, на сегодняшний день, достаточно полно представлены либо в общей стратиграфии городища, либо рядом отдельных показательных комплексов или архитектурно-археологических объектов [10, с. 94–112; 25, с. 88–96]. Однако, что не менее важно, каждый из них отражает, в том числе, определенный спектр внешних военно-политических и этнокультурных контактов населения не только самого городища, но и всего Юго-Западного Крыма, средоточием которых являлся ранневизантийский Дорос, позднее Феодоро-Мангуп.

В истории изучения Мангупа особое место занимает период княжества Феодоро. Именно в это время возведенная еще в середине VI в. византийская крепость на вершине обширного Мангупского плато окончательно приобрело черты средневекового города с плотной квартальной застройкой, хорошо продуманной эшелонированной системой обороны и ярко выраженными архитектурно-топографическими доминантами на местности. Постепенно она превратилось в столицу одноименного государственного образования на территории всего Юго-Западного Крымского нагорья, игравшего важную роль в международной политике региона, о чем свидетельствуют, в том числе, дипломатические контакты либо династические союзы княжества с Трапезундской империей, Молдавским княжеством и Московским государством. Правда, предполагаемый брак сына московского князя Ивана III и дочери правителя Феодоро в 1474–1475 гг. так и остался не реализованным династическим проектом в связи с османским вторжением в Крым летом 1475 г. [47, р. 242–244]³.

Справедливости ради, следует заметить, что большая часть сказанного связано, находя надежное подтверждение в источниках, прежде всего, археологических, с периодом расцвета княжества (около 1425–1475 гг.). В это время завершается формирование системы обороны крепости. В тылу Главной линии обороны возводятся Вторая линия обороны, отсекавшая мысы-убежища от наиболее застроенной части городища, и цитадель на м. Тешкли-бурун. Внутри цитадели распланирована плотная городская застройка с хорошо выраженной архитектурно-топографической доминантой квартала – октагональным храмом [20, с. 225–247]. Еще один эталонный памятник периода расцвета Феодоро – дворец в центральной части плато [21, с. 387–412]. Жилая застройка 1400–1460-х гг. открыта в районе церкви Св. Константина, построенной в это же время [19, с. 389–403], участок культурного слоя середины – третьей четверти XV в. – на месте будущей синагоги, что указывает на начальный этап расширения территории поселения за счет верховий балки Табана-дере. Около середины XV в. здесь же начинает функционировать караимский некрополь [27, с. 556–560]. В пределах 20–70-х гг. XV в. действует Южный пещерный монастырь с фресковой росписью алтарной части [7, с. 37–41]. Можно лишь сожалеть о слабой опубликованности материалов из раскопок Большой базилики, которая, несомненно, продолжала оставаться кафедральным храмом Готской митрополии.⁴

³ Монография А.А. Васильева по-прежнему является наиболее удачной попыткой связного и максимально полного изложения политической истории княжества Феодоро, опирающейся, главным образом, на данные письменных и эпиграфических источников. Среди современных исследований по данной тематике отметим лишь наиболее важные работы Х.-Ф. Байера [2, с. 178–229], А.Г. Герцена [6, с. 138–155; 8, с. 366–386; 11, с. 562–578; 12, с. 226–239; 22, с. 96–105; 24, с. 118–128], В.П. Степаненко [41, с. 335–352; 42, с. 485–487], В.Л. Мыца [36] и М.Г. Крамаровского [31, с. 376–386; 32, с. 278–295; 33, с. 457–480].

⁴ Среди работ, дающих довольно ясное представление об основных категориях датирующего археологического материала из культурных горизонтов периода Феодоро на Мангупе, отметим публикации глазурованной керамики из раскопок Мангупской цитадели и находок на месте стратиграфического раскопа на юго-восточном склоне м. Тешкли-бурун [13, с. 261–263; 15, с. 378–393].

Менее известна и поэтому является предметом активной научной дискуссии ранняя история Феодоро, от начала его образования в первой половине – середине XIV в. и до разрушительного похода Тимура, состоявшегося, очевидно, не позднее середины 90-х гг. этого столетия. В настоящей работе представлен обзор имеющихся источников, эпиграфических и новейших археологических, который позволяет, несколько неожиданно, увязать историю княжества в XIV в. с золотоордынской экспансией на территории Крымского полуострова и поставить в целом вопрос о политико-административном статусе и характере внешних связей Феодоро в это время.

Как показывают археологические исследования городища, после почти 300-летней паузы, вызванной какой-то до конца не ясной военной либо природной катастрофой середины XI в. [9, с. 127–147], жизнь на Мангупском плато окончательно возрождается в первой половине – середине XIV в. Именно в это время на значительной части крепостного полигона ранневизантийского Дороса начинает формироваться поселение уже городского типа. Не позднее 60-х гг. XIV в. начинает формироваться ансамбль цитадели на мысе Тешкли-бурун. В центральной части плато восстанавливается и функционирует, почти в своих максимальных размерах, Большая трехнефная базилика. Вероятно, в это же время вблизи нее начинается складываться крупный общественный комплекс, окончательно переросший к 20-м гг. XV в. в дворец правителей княжества Феодоро.

Опираясь на сведения эпиграфики, о которых речь пойдет ниже, есть основания полагать, что в политическом отношении княжество, по крайней мере, во второй половине XIV в. находилось под протекторатом золотоордынской администрации в Крыму. В то же время основным языком коммуникации оставался греческий. В городе находилась резиденция иерарха, управлявшего Готской митрополией от имени Константинопольской патриархии. Следует заметить, что, если в период Латинской империи (1204–1261) между климатами Крымской Готии, территории зависимой ранее от Византийской империи, и Трапезундской империей еще существовали какие-то политические связи, выражавшиеся, главным образом, в уплате населением податей, то в XIV в. связь Феодоро с Трапезундом и с возрожденной в 1261 г. Романией сохранялась в основном в области церковных отношений.

Для понимания особенностей формирования комплекса материальной культуры, присущего правящей верхушке княжества в XIV в., необходимо в целом рассмотреть вопрос о статусе раннего Феодоро в контексте международной обстановки в регионе. Для его решения важное значение имеют два хорошо известных эпиграфических памятника, происходящих с территории Мангупского городища.

Первым из них является надпись 1361–1362 гг., обнаруженная еще в 1913 г. во время раскопок базилики [34, с. 9–14]. Она сообщает о работах по восстановлению Феодоро и строительству некоей Пойки, произведенных сотником (гекатонтархом) Хуйтани. Вторым эпиграфическим источником является фрагмент мраморной плиты, извлеченной в 1890 г. из вторичной кладки османского времени башни Второй линии обороны крепости в верховьях ущелья Табана-дере. Сохранилась правая половина надписи, смысл текста которой, в интерпретации Н.В. Малицкого, сводился к сообщению о возведении при хане Токтамыше (1376–1395) таким же сотником Чичиком какой-то важной постройки, вероятно, крепостной башни [34, с. 5–7].

Анализ текстов указанных эпиграфических памятников проводился в историографии неоднократно. Наиболее обстоятельно их содержание, с точки зрения известных фактов истории Мангупа золотоордынского времени, рассмотрены в работах Н.В. Малицкого, А.А. Васильева и Г.-Х. Байера [34, с. 5–14; 47, р. 182–188; 2, с. 182–187.]. В этой работе мы лишь констатируем, что обе надписи относятся к первому периоду жизни Мангупа в качестве административной резиденции княжества Феодоро. Следуя буквально смыслу надписи 1361–1362 гг., можно сделать вывод о том, что она сообщает об активном строительстве на плато, выразившимся в восстановлении Феодоро и строительстве «Пойки». По нашему мнению, речь в данном случае идет, во-первых, о ремонтных работах на Главной линии обороны крепости, во-вторых, о возведении нового фортификационного комплекса – цитадели на мысе Тешкли-бурун, которая имела отличное от города название [5, с. 44]. Практически все комментаторы надписи отмечали, что титулатура лиц, руководивших строительными работами, соответствует традиционной золотоордынской системе деления населения на десятки, сотни и т.д., что свидетельствовало об управлении городом администрацией, назначаемой властями Крымского улуса Золотой Орды. В ее составе могли быть как татары-мусульмане, так и местные христиане.

Однако, говоря о сохранении «византизации» местной культуры, нельзя не учитывать и влияния, идущего из глубин евразийской степи от северных соседей, которые политически на тот момент доминировали в Таврике. Это влияние сказывалось и на распространении в среде христианского населения Юго-Западного Крыма вещей золотоордынского культурного круга. Вряд ли это явление было массовым, скорее оно затрагивало в основном правящую верхушку, включенную в улусную управленческую структуру.

Увлечение «золотоордынской модой» в отношении выразительных сословных индикаторов убедительно демонстрирует инвентарь парного погребения (№№481 и 482), обнаруженного в ходе раскопок в центральном нефе Мангупской базилики в 2005 г. и изданного М.Г. Крамаровским [33, с. 457–473, рис. 1]. Захоронение стратиграфически датируется концом XIV – началом XV вв. Поясной набор, обнаруженный на погребенном мужчине, состоит из 16 предметов – пряжки с овальной рамкой приемника и прорезью для крепления шелковой (?) ленты основы, наконечника, двух фес-тончатых односторонних обоймиц с подвесками для крепления ножен оружия, большой двусторонней обоймицы с изображением всадника, четырех поперечных накладок с изображением узла «счастья» и семи подтреугольных накладок с цветочным узором (Рис. 2). Все детали выполнены из низкопробного серебра с позолотой, нанесенной способом амальгамирования. Близкая аналогия памятнику – поясной набор из кургана №8 Белореченского могильника на Северном Кавказе.

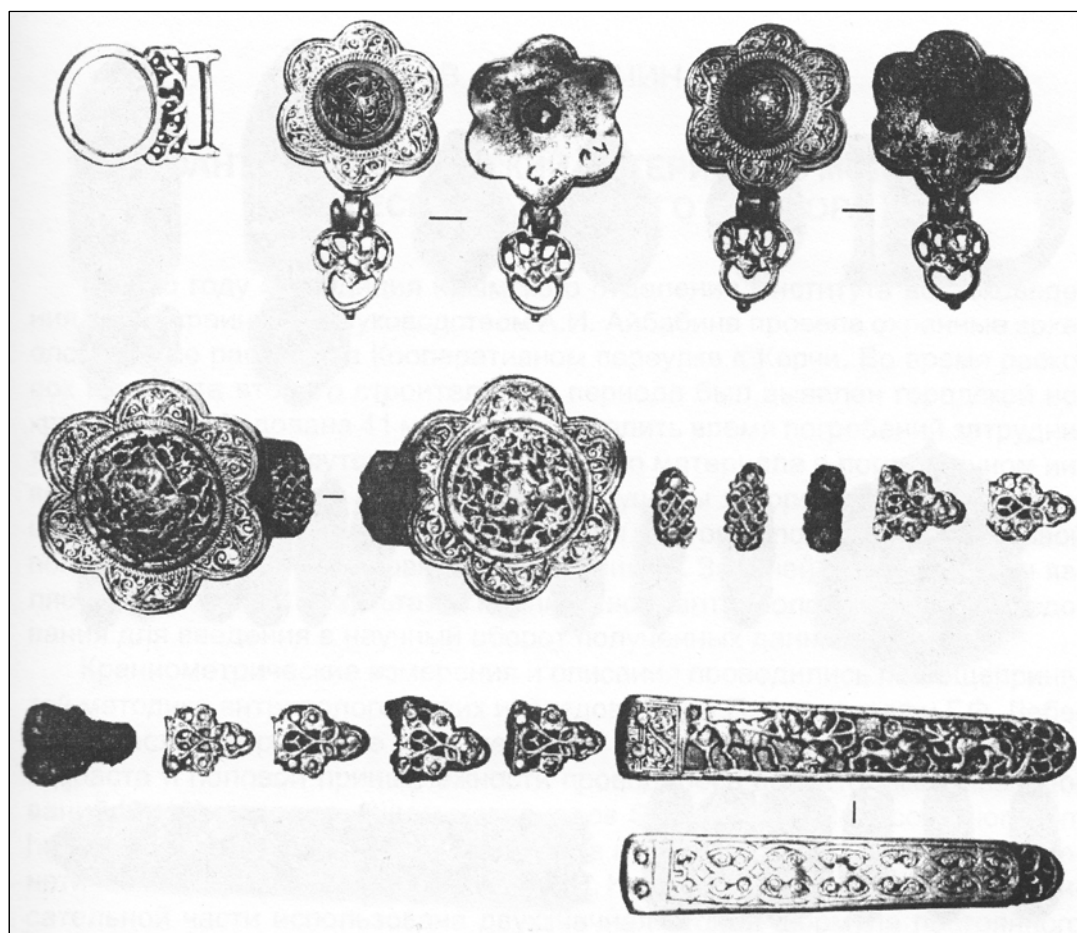

Рис. 2. Мангупское городище. Базилика. Погребение №482 (2005 г.).
Поясной набор конца XIV – начала XV вв. [33, с. 479, рис. 1]

Автор публикации отмечает «статусный» характер найденного поясного набора, в сравнении с подобным комплексом из так называемого «Симферопольского клада», имеющего «дворцовый» характер». Владелец мангупского пояса занимал явно более низкое место в улусной иерархии, возможно, соответствующее позиции «сотника».

Разумеется, бессмысленно ставить вопрос о личности погребенного мужчины в кафедральном храме Феодоро – Хуйтани или Чичикий? Это удел смелых популяризаторов и беллетристов. В дан-

ном случае, важнее другое. Обнаруженный поясной набор позволяет определенно судить о вкусовых предпочтениях местной правящей элиты, включенной в то же время в ордынскую административную систему. Вероятно, участие на ордынской стороне «хана Манлопского» в битве на Синих Водах в 1363 г. против армии Великого князя Литовского Ольгерда, многократно обсуждавшееся исследователями, получает теперь дополнительное материально-культурное обоснование.

О «татаризации» вкусов правящей в XIV в. христианской элиты Мангупа также выразительно свидетельствует находка типично «золотоордынского» зеркала во время раскопок княжеского дворца в 2008 г. [22, с. 98]. Оно представляет бронзовое изделие в форме круга диаметром 12,9–13,0 см с утолщенным краем, оформленных в виде восьми лепесткообразных фестонов. На оборотной стороне – рельефное изображение двух драконов с раздвоенной хвостовой частью. В центре рельефной стороны – петля для подвешивания (Рис. 3)*. Подобные зеркала хорошо известны на золотоордынских памятниках Поволжья и Поднепровья, где они датируются в пределах XIII–XIV вв. [44, с. 82, 116 (отдел Л, тип II; 40, с. 117, тип Л-II; 39, с. 226–228, рис. 1, 1)]. Отметим хорошее состояние артефакта, что свидетельствует о его достаточно долгом хранении в стабильных бытовых условиях, бережном сохранении, возможно, в кожаном чехле и передаче по наследству в пределах одной семьи.

С точки зрения датировки, важно отметить, что зеркало было обнаружено в археологическом комплексе с многочисленными фрагментами высококачественной красноглиняной полихромной глазурованной керамики с орнаментом в технике «сграффито» местного производства, явно принадлежащей к дворцовой «представительской» утвари. К примеру, по соседству с местом находки, из хронологически синхронного археологического контекста, происходили фрагменты глазурованной чаши с монограммой имени князя Исаака, предпоследнего феодоритского династа (1471–1474 гг., или начала 1475 г.). Типологически зеркало датируется, скорее, второй половиной XIV в., то есть ранним периодом истории княжества Феодоро. В культурный же слой дворца оно попало в период существования комплекса (около 1425–1475 гг.), во всяком случае, не позднее 70-х гг. XV в.

Говоря о массовых или, скорее, типичных археологических находках, связанных с золотоордынским импортом на Мангупе, следует обратить внимание еще на две группы материалов, происходящих, главным образом, из раскопок последних лет дворцового комплекса в центральной части городища. Прежде всего, на данные нумизматики. Из 434 монет, обнаруженных в ходе исследований памятника в 2006–2010 гг. около 20% (83 монеты) составляют номиналы Золотой Орды, датированные временем от правления хана Токты (1289–1313) до Токтамышша (1376–1395). Вероятно, именно они обеспечивали денежное обращение княжества в XIV в. По крайней мере, все попытки выделить местную княжескую чеканку Феодоро как интересующего нас периода, так и более позднего времени, пока не дали положительного результата⁵.

Еще одной категорией импортных вещественных находок, важных в контексте взаимоотношений Золотой Орды и Мангупа, являются фрагменты кашинной полихромной керамики и сосудов из селадона под монохромной светло-зеленой (либо сине-зеленой) глазурью. Если в отношении золотоордынского происхождения кашинной керамики сомневаться не приходится, и можно лишь сожалеть о крайней редкости и фрагментарности находок на городище, не позволяющей уверенно восстановить их полный облик и заставляющей пока воздержаться от каких-либо серьезных рассуждений до накопления достаточно презентабельной коллекции, то вопросы точной атрибуции и датировки поступления изделий из селадона на Мангуп требуют уже сейчас отдельного обсуждения.

Находки селадона на памятниках золотоордынского времени в Восточной Европе хорошо известны по раскопкам, главным образом, городских центров Поволжья и Северо-Западного Причерноморья, хотя они там и не являются массовым археологическим материалом [1, с. 28–29; 30, с. 95, рис. 36, 5; 43, с. 243–250; 26, с. 178–180, рис. 1–2; 35, с. 432–434, рис. 50, 1–9; 37, с. 155–164; 38, с. 115]. В это же время, как считается в историографии, в Золотой Орде появляются многочисленные местные подражания китайским селадонам, так называемые псевдо-селадоны. Правда, отличить их между собой на практике довольно трудно. К примеру, псевдо-селадоны имеют, по су-

* Рис. 3 к статье см. на цв. вклейке.

⁵ См., например, недавнюю работу М.М. Чорефа: 45, с. 368–380.

ти, кашинную подооснову, в остальном же (морфологически и по своему внешнему виду) ничем не отличаются от своих китайских прототипов.

Недавно опубликована небольшая коллекция образцов селадонов, найденных на городищах Руси [29, с. 134–136]. За пределами региона они редко встречаются на памятниках Закавказья, Болгарии и Крыма (Судак, Бахчисарай) [46, с. 372; 4, с. 144, обр. XLIII; 3, с. 535, рис. 9, 5; 28, с. 457–459, рис. 1–2]. В этой связи многочисленность коллекции изделий из селадона на Мангупе (всего насчитывает более 100 образцов, в том числе пять археологически целых форм), уступающей количественно в Восточной Европе лишь собранию из Булгара, не может не обращать на себя внимания в контексте темы нашей работы.

Несмотря на то, что большая часть мангупских находок селадона происходит из комплексов 1425–1475 гг., мы не исключаем отнесение начального этапа их поступления на городище и к золотоордынскому времени. Об этом, как кажется, свидетельствует два важных момента. Во-первых, большинство сосудов, в том числе 4 из 5 археологически целых формы, близки по кашинной подооснове, качеству и цвету глазури псевдо-селадонам Золотой Орды. Во-вторых, еще раз отметим относительную массовость находок этой группы археологического материала на Мангупе, сравнимую пока только с золотоордынскими крупными городскими центрами в Восточной Европе, что делает крайне гипотетичным представление о селадонах на городище как категории импортных изделий непосредственно китайского происхождения.

В заключении, важно отметить, что ранняя история столицы княжества Феодоро оставляет пока больше вопросов, чем определенных ответов. Тем не менее, постоянно растущее на Мангупе число археологических находок, связанных с изделиями золотоордынского культурного круга, в том числе статусного характера, делает гипотезу о некоем особом золотоордынском периоде в истории городища (около 1361–1395 г.) заслуживающей пристального внимания. Настоящая статья в этом контексте может рассматриваться лишь как постановка научной проблемы, требующей серьезного специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхья (золотоордынский период). Кишинев: Наука, 1981. 102 с.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 478 с.
3. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев-Судак: Академперіодика, 2004. Вып. I. С. 524–559.
4. Георгиева С. Керамика из дворца на холме Царевец // Царевград Търнов. Дворецът на Българските царе през Втората Българска държава. София: Наука, 1974. С. 65–114.
5. Герцен А.Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону: издательство Ростовского университета, 1989. С. 38–45.
6. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Симферополь: Таврия, 1990. Вып. I. С. 87–166.
7. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1995. 128 с.
8. Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. Симферополь: Таврида, 2001. Вып. VIII. С. 366–387.
9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Вып. 32. С. 127–147.
10. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. Вып. 34. С. 94–112.
11. Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро у иеромонаха Матфея // МАИЭТ. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2003. Вып. X. С. 562–589.
12. Герцен А.Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // Античная древность и средние века (АДСВ). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. Вып. 35. С. 226–240.
13. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилоз, 2005. С. 257–287.
14. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. Вып. 37. С. 384–432.

15. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Землякова А.Ю., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2006. Вып. XII. С. 371–494.
16. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (предварительное сообщение) // Боспорские чтения. Вып. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты. Керчь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2007. С. 89–96.
17. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник (БИАС). Симферополь: АНТИКВА, 2008. Вып. 3. С. 212–256.
18. Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967–1977 гг. // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 305–326.
19. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2009. Вып. XV. С. 389–431.
20. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа: вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Гос. Эрмитажа (ТГЭ). Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 227–253.
21. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 387–419.
22. Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь: Фонд «Боспор», 2010. С. 96–105.
23. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 24–25.
24. Герцен А.Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма Свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник: материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город Святого Климента». Севастополь: Телескоп, 2013. С. 118–128.
25. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // Боспорские чтения. Вып. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь: ООО «Керченская городская типография», 2015. С. 88–100.
26. Гудименко И.В. Китайский фарфор и глазурованная китайская керамика из раскопок золотоордынского Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: СтилоС, 2005. С. 178–182.
27. Кашовская Н.В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. Симферополь: ООО «Керченская городская типография», 2003. Вып. X. С. 556–561.
28. Коваль Ю.В., Волошинов А.В. Псевдоселадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: СтилоС, 2005. С. 457–461.
29. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 270 с.
30. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). Киев, 1986. 125 с.
31. Крамаровский М.Г. Перстень с родовым именем семьи Спинола, найденный на Мангупе // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Вып. 32. С. 376–386.
32. Крамаровский М.Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. Вып. 38. С. 278–295.
33. Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2009. Вып. XV. С. 457–480.
34. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной Академии истории материальной культуры (ИГАИМК). 1933. Вып. 71. С. 3–45.
35. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону (ИАИАИАНД). Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–473.
36. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
37. Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология (РА). 2003. № 2. С. 155–164.
38. Полубояринова М.Д. Торговля // Великий Болгар. Казань, 2013. С. 115.
39. Попандопуло З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитности степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X. С. 226–238.
40. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. Казань, 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.

41. Степаненко В.П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Вып.32. С. 335–353.
42. Степаненко В.П. К интерпретации Мангупской надписи ГЕКОНТАРХА(?) ТЦИТС... // МАИЭТ. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2008. Вып. XIV. С. 485–490.
43. Тихомолова И.Р. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Большие Кучугуры // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т.Х. С. 243–250.
44. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Издательство Московского университета, 1966. 275 с.
45. Чореф М.М. К вопросу о возможности денежной эмиссии в государстве феодоритов // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков: Майдан, 2013. Т.2. С. 368–380.
46. Шелковников Б. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья // СА. 1954. №21. С. 368–378.
47. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

Сведения об авторах: Александр Германович Герцен – декан исторического факультета ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского», доцент, кандидат исторических наук (295007, пр. Вернадского, 20, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); gertsenag@yandex.ru

Валерий Евгеньевич Науменко – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского», кандидат исторических наук (295007, пр. Вернадского, 20, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); byzance@rambler.ru

On the Question of Individualization of the Golden Horde Period in the History of Mangup Ancient Settlement in the Southwestern Crimea

A.G. Gertsen, V.E. Naumenko
(V.I. Vernadsky Crimean Federal University)

Based on the newest data of the archaeological research of Mangup ancient settlement and known information of epigraphy, this article examines the possibility of identification of a separate Golden Horde period in the history of the monument. Its chronology covers the period of the second half of the 14th century (c. 1361–1395). The Golden Horde protectorate is expressed not only in the fortification activity in the settlement by representatives of its administration (as indicated by the construction inscriptions with the names of ekatontarhes Huytani and Chichiky), but also in some “Tatarization” of the local elite tastes as evidenced by the number of elite decorations from recent excavations of the Palace and the basilica with three naves in the central part of the Mangup plateau. At the same time, the Greek remained the main language of population of the early capital of the principality of Theodoro. Here was also the residence of the head of Metropolia of Gothia formed part of the Patriarchate of Constantinople.

Archaeological research of Mangup was started already in the mid–19th century. The works of the last decades allowed to explain the cause of the poor state of preservation and small volume of the cultural layer at a considerable area of the monument. This feature of the stratigraphic situation is linked to a complex of natural geographical and human factors. The Theodoro principality period occupies a special place in the history of the study of Mangup. To understand the characteristics of the formation of the material culture complex characteristic of the ruling elite of the principality in the 14th century, it is necessary to consider the whole question of the status of early Theodoro in the context of the international situation in the region. Constantly growing number of archaeological findings on Mangup containing the Golden Horde elite items points to a particular Golden Horde period in the history of this settlement (c. 1361–1395), which deserves close attention. In this context, the present article simply represents a scholarly problem that requires serious and special investigation.

Keywords: Golden Horde, Principality of Theodoro, Southwestern Crimea, Mangup fortress, ekatontarhes Huytani and Chichiky, Toktamish khan, Timur, Golden Horde mirror, belt of “Belorechensk type”, celadon, pseudo-celadon, kashin pottery, numismatics.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Byrnya P.P., Nudel'man A.A. *Drevnosti Starogo Orkheya (zoloto-ordynskiy period)* [Antiquities of Old Orhei (Golden Horde period)]. Kishinev: Nauka Publ., 1981. 102 p.
2. Bayer Kh.-F. *Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro* [History of the Crimean Goths as an Interpretation of the Matthew's Tale of the City of Theodoro]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 478 p.

3. Baranov I.A. Kompleks tret'ey chetverti XIV v. v Sudakskoy kreposti [Complex of the third quarter of the 14th century in Sudak Fortress]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection]. Kiev v Sudak: Akadempriodika, 2004. Vol. I, pp. 524–559.
4. Georgieva S. Keramika iz dvortsa na kholme Tsarevets [Pottery from the Palace on Tsarevets Hill] *Tsarevgrad Tyrnov. Dvoretst na Bulgarskite tsare prez Vtorata Bulgarskata derzhava* [Tsarevgrad Tarnovo. The Palace of Bulgarian Tsars of the Second Bulgarian Empire]. Sofiya: Nauka Publ., 1974, pp. 65–114.
5. Gertsen A.G. Oboronitel'naya sistema stolitsy knyazhestva Feodoro [Defensive System of the Capital of the Principality of Theodoro]. Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. [The Northern Black Sea and Volga Regions in the Relations between East and West in the 12th–16th centuries]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1989, pp. 38–45.
6. Gertsen A.G. Krepostnoy ansambl' Mangupa [Castle Ensemble of Mangup]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: Tavriya, 1990. Vol. I, pp. 87–166.
7. Gertsen A.G., Mogarichev Y.M. *Peshchernye tserkvi Mangupa* [Cave Churches of Mangup]. Simferopol: Tavriya, 1995. 128 p.
8. Gertsen A.G. Po povodu novoy publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma [Regarding the New Publication of a Turkish Source on the Conquest of the Crimea]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: Tavriya, 2001. Vol. VIII, pp. 366–387.
9. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX–XI v. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun [Pottery of the 9th–11th centuries from a Residential Complex on the Cape Teshkli-burun]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. Vol. 32, pp. 127–147.
10. Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiyskoy kreposti k feodalnomu gorodu [Doros-Theodoro (Mangup): From the Early Byzantine Fortress to the Feudal City]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2003. Vol. 34, pp. 94–112.
11. Gertsen A.G. Opisanie Mangupa-Feodoro u ieromonakha Matfeya [Description of Mangup-Theodoro by Hieromonk Matthew]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2003. Vol. X, pp. 562–589.
12. Gertsen A.G. Moldaviya i knyazhestvo Feodoro v 1475 g. [Moldova and Principality of Theodoro in 1475]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2004. Vol. 35, pp. 226–240.
13. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Polivnaya keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa [Glazed Ceramics from the Excavation of Mangup Citadel]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Region in the 10th–18th centuries]. Kiev: Stilos, 2005, pp. 257–287.
14. Gertsen A.G., Naumenko V.E. K istorii tsitadeli Mangupa (po materialam arkhologicheskikh issledovaniy na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun) [To the History of Mangup Citadel (based on materials of archaeological research on the southeastern slope of the cape Teshkli-burun)]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2006. Vol. 37, pp. 384–432.
15. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Zemlyakova A.Yu., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup) [Stratigraphic Studies of the Southeastern Slope of the Cape Teshkli-burun (Mangup)]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2006. Vol. XII, pp. 371–494.
16. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkvi sv. Konstantina (predvaritel'noe soobshchenie) [Archaeological Research in the Area of the Church of St. Constantine (preliminary report)]. *Bosporskie chteniya. Vol. VIII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Svyatilishcha i sakral'nye obekty* [Bosporus Readings. Iss. VIII. The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Sanctuaries and Sacred Objects]. Kerch: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2007, pp. 89–96.
17. Gertsen A.G. Mangup glazami issledovateley i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX vv.) [Mangup through the Eyes of Researchers and Travelers (16th – early 20th centuries)]. *BIAS* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Simferopol: ANTIKVA, 2008. Vol. 3, pp. 212–256.
18. Gertsen A.G. Arkheologicheskie issledovaniya Mangupa v 1967–1977 gg. [Archaeological Studies of Mangup in 1967–1977]. *Khersonesskiy kolokol. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti V.N. Danilenko* [Chersonese Bell. Collection of research papers dedicated to the 70th anniversary of the birth and 50th anniversary of research activity of V.N. Danilenko]. Simferopol: SONAT Publ., 2008, pp. 305–326.
19. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkvi sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroyki (XV v.) [Archaeological Research in the Area of the Church of St. Constantine (Mangup): II Horizon of Construction (15th century)]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2009. Vol. XV, pp. 389–431.
20. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonal'naya tserkov tsitadeli Mangupa: voprosy khronologii i arkhitekturnoy kompozitsii [Octagonal Church of Mangup Citadel: Questions of Chronology and Architectural

Composition]. *TGE. T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII v.* [Proceedings of the State Hermitage. T. LIII. Architecture of Byzantium and Ancient Rus of the 9th–12th centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2010, pp. 227–253.

21. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskiy kompleks tret'ey chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [Archaeological Complex of the third quarter of the 15th century from Excavations of the Princely Palace in Mangup Settlement]. *TGE. T. LI. Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury* [Proceedings of the State Hermitage. T. LI. Byzantium in the Context of World Culture]. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2010, pp. 387–419.

22. Gertsen A.G. Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupa [The Golden Horde Mirror from Excavations of the Mangup Princely Palace]. *Otkroveniye drevnego Solkhata* [Revelations of the Ancient Solkhat]. Kerch: Fond «Bospor», 2010, pp. 96–105.

23. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Tri programmy arkheologicheskogo izucheniya Mangupa [Three Programs of Archaeological Study of Mangup]. *I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [I Bakhchisaray Academic Readings in Memoriam of E.V. Weimarn. Theses of reports and communications]. Bakhchisaray, 2012, pp. 24–25.

24. Gertsen A.G. O pervonachal'nom mestonakhozhdenii nadpisi s upominaniem khrama Svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro [On the Original Location of the Inscription Mentioning the Church of St. Constantine and Helena: Calamita or Theodoro]. *Klimentovskiy sbornik: materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arkheologiya: Khersones – gorod Svyatogo Klimenta»* [Clement Collection: Proceedings of the VI International Conference “Church Archaeology: Chersonesus – The City of St. Clement”]. Sevastopol: Teleskop, 2013, pp. 118–128.

25. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogen-nyy i prirodno-geograficheskiy kontekst [Stratigraphy of Mangup Ancient Settlement: Anthropogenic and Natural-Geographical Context]. *Bosporskie chteniya. Vol. XVI. Bospor Kim-meriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium* [Bosporus Readings. Iss. XVI. The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Geographical Environment and Society]. Kerch: OOO «Kerchenskaya gorodskaya tipografiya», 2015, pp. 88–100.

26. Gudimenko I.V. Kitayskiy farfor i glazurovannaya kitayskaya keramika iz raskopok zolotoordynskogo Azaka [Chinese Porcelain and Glazed Pottery from Excavations of the Golden Horde Azak]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Region in the 10th–18th centuries]. Kiev: Stilos, 2005. S. 178–182.

27. Kashovskaya N.V. Zаметки по иудейской эпиграфике Mangupa [Notes on the Jewish Epigraphy of Mangup]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: OOO «Kerchenskaya gorodskaya tipografiya», 2003. Vol. X, pp. 556–561.

28. Koval' Y.V., Voloshinov A.V. Pseudoseladon iz Bakhchisaraya [Pseudo-Seladon of Bakhchisaray]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Region in the 10th–18th centuries]. Kiev: Stilos, 2005, pp. 457–461.

29. Koval' V.Y. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII v.* [Oriental Ceramics in Rus'. 9th–17th centuries]. Moscow, Nauka, 2010. 270 p.

30. Kravchenko A.A. *Srednevekovyy Belgorod na Dnestre (konets XIII – XIV vv.)* [Medieval Belgorod on Dniester (the end of the 13th–14th centuries)]. Kiev: Nauka, 1986. 125 p.

31. Kramarovskiy M.G. Persten' s rodovym imenem sem'i Spinola, naydennyy na Mangupe [Ring with the Generic Name of Spinola Family Found in Mangupe]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. Vol. 32, pp. 376–386.

32. Kramarovskiy M.G. Sel'dzhukskie poyasa v Krymu i na Severnom Kavkaze v XIV v. (predvaritel'noe soobshchenie) [Seljuk Belts in the Crimea and the Northern Caucasus in the 14th century (preliminary report)]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2008. Vol.38, p. 278–295.

33. Kramarovskiy M.G. Mangupskaya nakhodka: sel'dzhukskie otrazheniya v Krymu i na Severnom Kavkaze [A Mangup Finding: Seljuk Reflections in the Crimea and Northern Caucasus]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2009. Vol. XV, pp. 457–480.

34. Malitskiy N.V. Zаметки по эпиграфике Mangupa [Notes on Mangup Epigraphy]. *IGAIMK* [Proceedings of the National Academy of History of Material Culture]. 1933. Vol. 71, pp. 3–45.

35. Maslovskiy A.N. Keramicheskiy kompleks Azaka. Kratkaya kharakteristika [Ceramic Complex of Azak. A Brief Description]. *IALAND* [Historical and Archaeological Studies in Azov and the Lower Don]. Azov, 2006. Vol. 21, pp. 308–473.

36. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty* [Caffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and Conflicts]. Simferopol: Universum, 2009. 528 p.

37. Poluboyarinova M.D. Kitayskiy seladon iz Bolgara [Chinese Celadon from Bolghar]. *RA* [Russian Archaeology]. 2003. № 2, pp.155–164.

38. Poluboyarinova M.D. Torgovlya [Trade]. *Velikiy Bolgar* [The Great Bolghar]. Kazan, 2013, p. 115.
39. Popandopulo Z.Kh. Srednevekovye zerkala gorodishcha Bol'shie Kuchugury [Medieval Mirrors from the Settlement of Bolshie Kuchugury]. *Staro-zhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu* [Antiquities of the Black Sea Litoral and Crimean Steppes]. Zaporizhzhya, 2002. T.X, pp. 226–238.
40. Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala zolotoordynskogo vremeni iz sobraniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan [Metal Mirrors of the Golden Horde Time from Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan, 2004. № 1–2 (12–13), pp. 111–156.
41. Stepanenko V.P. Vladeteli Feodoro i vizantiyskaya aristokratiya XV v. [The Lords of Theodoro and Byzantine Aristocracy of the 15th century]. *ADSV* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. Vol.32, pp. 335–353.
42. Stepanenko V.P. K interpretatsii Mangupskoy nadpisi GEKOTONTARXA(?) TTsITS... [On the Interpretation of Mangup Inscription GEKOTONTARXA(?) TTsITS...]. *MAIET* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol: TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2008. Vol. XIV, pp. 485–490.
43. Tikhomolova I.R. Farfor i fayans v keramicheskom komplekse gorodishcha Bol'shie Kuchugury [Porcelain and Pottery in Ceramic Complex of the Settlement of Bolshie Kuchugury]. *Staro-zhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu* [Antiquities of the Black Sea Litoral and Crimean Steppes]. Zaporizhzhya, 2002. T.X, pp. 243–250.
44. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordyn-skikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Monuments]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. 275 p.
45. Choref M.M. K voprosu o vozmozhnosti denezhnoy emissii v gosudarstve feodoritov [On the Possibility of Monetary Emission in the State of Theodorites]. *Narteks. Byzantina Ukrainensis*. Khar'kov: Maydan, 2013. T. 2, pp. 368–380.
46. Shelkovnikov B. Kitayskaya keramika iz raskopok srednevekovykh gorodov i pose-leniy Zakavkaz'ya [Chinese Ceramics from Excavations of Medieval Towns and Settlements in the Southern Caucasus]. *SA* [Soviet Archaeology]. 1954. № 21, pp. 368–378.
47. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

About the authors: Aleksandr Germanovich Gertsen – Decan of the Historical Faculty, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Associate Professor, Cand. Sci. (History) (295007, Vernadsky ave., 20, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation); gertsenag@yandex.ru

Valeriy Evgen'evich Naumenko – Associate Professor of the Department of Ancient History and Middle Ages, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Cand. Sci. (History) (295007, Vernadsky ave., 20, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation); byzance@rambler.ru

УДК 902.01

Торговые связи провинциального золотоордынского города (по материалам городища Самосделка)

*Е.М. Болдырева**(Государственный исторический музей)*

Городские объединения практически на всей территории Золотой Орды возникали на пустом месте и не имели предшествующих традиций оседлости. Золотоордынские города появлялись стихийно, чаще всего как скопление аристократических усадеб, состоящее из кочевников, осевших на землю и сопровождающих их лиц. Городище Самосделка – памятник о материалах которого пойдет речь, отличается от других городов Улуса Джучи. Этот город появился задолго до прихода монголов и образования государства Золотая Орда. Культурный слой городища, превышающий на некоторых участках 3-метровую глубину, площадь центральной части, составляющая более 2 кв.км., многокомнатные дома с системой канового отопления, редкая дорогая импортная статусная посуда из Средней Азии и стран Ближнего Востока говорят о высоком статусе и уровне развития города в домонгольское время. В золотоордынское время ситуация изменилась, город прекратил свое существование по причине быстрого повышения уровня Каспийского моря, приведшего к его запустению. Несмотря на короткий отрезок времени существования в раннеордынскую эпоху, город, существовавший на месте Самосдельского городища, активно контактировал не только с другими золотоордынскими городами, но и был вовлечен в международную торговлю. Об этом говорят результаты исследования поливной керамики, найденной в ходе раскопок на городище Самосделка.

Образцы импортной поливной посуды из Византии, Сирии, Ирана и стран Закавказья это наглядно демонстрируют. Вероятно, некоторые импорты, например византийские кувшины, попадали на городище Самосделка опосредованно, через столичные золотоордынские города, но и этот факт еще раз подтверждает высокую степень контактов между ними. А вот некоторые импорты из стран Ближнего Востока и Закавказья могли попадать в город на месте Самосделки напрямую, а уже потом переправляться по волжскому пути в Золотую Орду. Этот факт доказывает не только географическое положение городища, его можно считать самым первым остановочным и перевалочным пунктом при выходе из Каспийского моря, но в первую очередь это город с домонгольским слоем, а, следовательно, его торговые связи и контакты, существовали еще до прихода монголов, продолжили свое существование в золотоордынский период.

Ключевые слова: Золотая Орда, Самосделка, торговля, поливная керамика, импорт.

Городские объединения практически на всей территории Золотой Орды возникали на пустом месте и не имели предшествующих традиций оседлости. Золотоордынские города появлялись стихийно, чаще всего как скопление аристократических усадеб, состоящее из кочевников, осевших на землю и сопровождающих их лиц [15, с. 12]. Поселения образовывались в большом количестве, в первую очередь для выполнения роли административных и военных форпостов на новых территориях. По сведениям В.Л. Егорова в Золотой Орде насчитывается не менее 110 городов, существовавших в XIII–XIV вв. [7, с. 83].

Нижнее Поволжье известно своими крупными городами золотоордынской эпохи. Здесь, на берегу р. Ахтуба, находилась столица Золотой Орды – город Сарай. Наряду с городами столичного типа в пространстве поволжских степей возникали и небольшие поселения специального назначения: поселки строителей, временные стоянки, небольшие городки, выполнявшие роль перевалочных пунктов или переправ в торговых потоках.

О жизни в крупных столичных городах: их архитектуре, планировке, жилищах, коммуникациях, бытовых предметах, украшениях, посуде, их культурных связях и торговле известно много. Однако, по отношению же к мелким поселениям этот вопрос, за редким исключением, почти не рассматривался. Поэтому, актуальным и интересным становится вопрос изучения степени вовлеченности небольших городков в культурную жизнь и торговлю государства Золотая Орда и их роль в межгосударственных связях и отношениях.

Городище Самосделка – памятник о материалах которого пойдет речь, отличается от других городов Улуса Джучи. Этот город появился задолго до прихода монголов и образования государства Золотая Орда. Располагается он в дельте р. Волга, на одном из островов, образовавшихся в

результате разветвления устья р. Волга на множество мелких речек и протоков при впадении в Каспийское море. Очертания дельтовых островов, конечно, поменялись к настоящему времени, многие реки, ерики и протоки изменили свое направление или просто высохли, но границы городища Самосделка все еще видны по микрорельефу местности, в котором выделяются очертания пересохших рек, и возвышенностей (возможно укреплений), ограничивающих центральную часть города. Таким образом, к настоящему времени Самосделка представляет собой остров, окруженный в восточной части, действующим руслом р. Старая Волга, а с севера и северо-востока уже пересохшим руслом ерика Воложка. Западная и южная границы видны менее четко, так эта часть была долгое время затоплена водой [8, с. 13]. Культурный слой городища, превышающий на некоторых участках 3-метровую глубину, площадь центральной части, составляющая более 2 кв.км., многокомнатные дома с системой канового отопления, редкая дорогая импортная статусная посуда из Средней Азии и стран Ближнего Востока говорят о высоком статусе и уровне развития города в домонгольское время. Но городище Самосделка также подверглось монгольскому завоеванию, об этом говорят следы пожара на некоторых его участках, следы заброшенности и запустения некоторых домов домонгольского времени. Последствия этого события не были такими невосполнимыми, как для многих городов Закавказья или Хорезма, захваченных монголами. На городище Самосделка не прослеживается слоя полного запустения, наоборот, после этих событий городская жизнь восстанавливается довольно централизованно. Происходит масштабная перепланировка центральной части (особенно хорошо это прослеживается на раскопе №2), сносятся остатки заброшенных сооружений, поверхность выравнивается и нивелируется, а на ней строятся уже новые дома [5, с. 45]. Однако существовал город после этих событий недолго, монетного материала позднее первой трети XIV в. на городище практически нет, а несколько монет 60–70х гг. связываются исследователями с визитом на развалины или доживанием здесь маленькой группы людей [6, с. 150]. Об этой дате говорят и данные исследований почв, говорящие о резком повышении уровня Каспийского моря в XIV в., который привел к упадку и гибели поселения [1, с. 47].

Несмотря на короткий отрезок времени существования в раннеордынскую эпоху, город, существовавший на месте Самосдельского городища, активно контактировал не только с золотоордынскими городами, но и был вовлечен в международную торговлю. Об этом говорят результаты исследования поливной керамики, найденной в ходе раскопок на городище Самосделка.

Была создана база данных поливной посуды, это позволило провести работу по выявлению групп импортов, их количества и примерном времени их появления. Всего в базе данных содержится 2054 образца поливной посуды, там есть как мелкие обломки, так и практически целые сосуды. Керамика из верхних золотоордынских слоев была подвержена наибольшему разрушению, так как поверхностные слои более всего пострадали, как от воздействия воды, так и от антропогенных факторов. Однако, полный учет всех, даже мелких обломков и позволил не только выявить группы импортной керамики, но и их количество.

Первая группа посуды, о которой необходимо сказать, это четыре мелких обломка от двух разных кувшинов¹ византийского происхождения, датирующихся с конца XIII до 1-й половины XIV в. Находки керамики такого типа редки, но распространены на значительной территории. Известные экземпляры представляют собой небольшого размера кувшины на высоком полове поддоне с вертикальной ручкой, которая верхним своим краем крепилась к краю венчика, а нижним к плечу сосуда. Сосуды украшались гравировкой тонкими линиями, иногда в сочетании с выемчатой техникой (*champleve*). Несмотря на единичность находок ареал их распространения значителен: от Болгарии (Варна и Несебр) до степного Предкавказья и Нижнего Поволжья (Царевское городище). Единичные находки данной керамики есть и в Крыму: в Каффе, в Солхате и Херсонесе, а также в Приазовье (Азаке) и в Константинополе [10, с. 199–201, рис. 104, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Вторая группа находок – это блок Закавказской керамики, в количественном отношении она представляет собой выборку, не превышающую двух десятков фрагментов², происходящих с верхнего уровня раскопа №3, где пока исследованы только золотоордынские слои и из заполнения землянки №1 раскопа №1. Сама землянка существовала очень долго, в ней насчитывается не

¹ 2010-р-3-пол№1-1-п2, 2010-р-3-пол№1-1-п4, 2010-р-3-пол№1-1-п5, 2010-р-3-пол№1-1-п6.

² 2002-р-1-пол№138, 2004-р-1-1-пол№191, 2004-р-1-1-пол№187, 2004-р-1-1-пол№181, 2012-р-3-пол№3, 2012-р-3-пол№4, 2012-р-3-пол№5, 2012-р-3-пол№6, 2012-р-3-пол№7, 2001-р-1-пол№3, 2001-р-1-пол№16, 2001-р-1-пол№41, 2001-р-1-пол№56, 2010-р-2-пол№1-5-п8, 2012-р3-пол№1, 2011-р3-пол№241, 2012-р3-пол№250, 2001-р-1-пол№1, 2001-р1-пол№22.

менее VII строительных периодов [5, с. 100–102], причем предмонгольский и золотоордынский периоды, разграничиваются рухнувшей крышей [8, с. 16–17].

Данный тип керамики имеет ряд устойчивых признаков. По морфологическим особенностям – это крупные глубокие чаши на массивном дисковидном поддоне с вырезанной внутри него полостью. Венчик отогнут наружу, и имеет широкую горизонтальную площадку. В целом такая форма чаш характерна для многих городов Закавказья и без определенных изменений существовала в XII – 1-й пол. XIII столетия почти повсеместно [16, с. 256].

Горизонтальная поверхность венчиков таких чаш оформлена выгравированными треугольниками, которые поочередно заполнены зеленым, оливковым цветом и точками коричневого красителя. Такой способ декорирования находит аналогии в материалах Старой Ганджи и других городах Азербайджана [11, рис.24] в слоях XII первой половины XIII вв. Существование, раскопанных там, производственных комплексов датируется монетами в пределах 2-й пол. XII – нач. XIII в. [11, с.4]. Однако самые многочисленные находки чаш данной группы происходят из городища Орен-Кала в Азербайджане. Там они относятся к 6 и 7 группе керамики по классификации А.Л. Якобсона, где период их бытования определяется в пределах XII – 1-й пол. XIII в. [16, Табл. VII, IX, XXVII, рис. 3а]. Их обломки были обнаружены в топке одной из гончарных печей, раскопанных в ремесленном квартале городища Орен-Кала [12, с. 36, рис.10]. О местном производстве поливной керамики в Орен-Кале указывают еще и штампы-клейма на внешней стороне днищ поливных сосудов, оттиснутые по сырой глине. За первые несколько лет исследований клейменных сосудов там обнаружено более сотни, есть и находки самих матриц, при помощи которых оттискивались клейма. Клеймо в виде сетки [11, рис.38], два сосуда с которым обнаружены и в материалах Самосдельского городища встречается чаще всего именно на керамике из Орен-Калы. Они входят в группу клейм №3 по классификации А.Л. Якобсона [16, с. 289, рис. 9]. Подобные чаши есть и в Болгаре [13, с. 58, 60, вкл. ил. V, 1] и на городище Сарайчик в Казахстане [14, с. 174].

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что группа импортной керамики, появившаяся в Закавказье еще в предмонгольское время, продолжала экспортироваться в северном направлении и в начальную эпоху существования государства Золотая Орда.

Чуть большим объемом отличается выборка кашинной посуды золотоордынского времени: из 242 экземпляров кашинных сосудов и их обломков только 34 можно с уверенностью относить к золотоордынскому периоду. Согласно принятой в историографии традиции в зависимости от твердости и плотности частиц в составе кашинного теста выделяется три сорта кашина: твердый, мягкий и рыхлый и только последний является своеобразным маркером золотоордынской посуды. Такой кашин использовался не только на керамике, изготовлявшейся непосредственно в золотоордынских городах, но и на подконтрольных территориях других стран этого же времени [9, с.22]. Рыхлый кашин отличается рассыпчатостью «сахаристостью» структуры черепка, непокрытая поливной поверхность рассыпается при легком прикосновении и может раствориться при длительном пребывании в воде. Цвет рыхлого кашина, в основном, серый или белый, но встречается кашин розового или коричнево-красного оттенка. К самому началу ордынского времени может относиться и керамика из мягкого кашина, об этом говорят данные анализа керамики городища Самосделка. Внутри кашинной посуды выделяется две группы находок с надглазурным и с подглазурным декором. Надглазурный декор представлен сосудами с росписью люстром. Один из видов такой посуды – это сирийские люстры с прозрачной синей глазурью. В Самосделке всего три таких обломка³. Керамика с прозрачной синей глазурью и люстром получила большое распространение в XIII–XIV вв. на территории Сирии. Ее производство было налажено в Дамаске и продлилось до конца XIV в., когда Дамаск пострадал от Тимура. На протяжении XIII–XIV вв. данный тип керамики был довольно широко распространен, за что и получил в средневековой Европе название «дамасская керамика» по знаменитой вазе, украшенной надписями и подписью мастера Юсуфа из Дамаска [9, с.58; 17, р.55; 19, р.396, cat. R.1]. Еще шесть обломков принадлежат к иранским люстрам ильханского периода⁴. Тесто данных сосудов грубое и зернистое, сами сосуды имеют толстые стенки, а роспись на них выполнена с меньшей проработкой деталей. Изделия с указанным набором характеристик получили в историографии наименование «ильханских» люстров [17, р.76].

³ 2011-пол. №9.1.3; 2008-БН; 2006-БН.

⁴ 2010-пол. №1.2.п10; 2000-пол. №115; 2009-пол. №1.2.п3; 2009-пол. №1.2.п3; 2011-пол. №1.2.п9; 2002-БН.

Период распространения «ильханских» люстров может варьироваться в промежутке с середины XIII до середины XIV в.

Люстры, относящиеся к производству самих золотоордынских городов, представлены всего одним фрагментом венчика чаши из рыхлого бежевого кашина, где надглазурная роспись сочетается с подглазурной подцветкой фона синим красителем. Использование рыхлого кашина в сочетании росписью люстром по белому заглушенному фону характерно для золотоордынского времени [2, с. 106; 9, с. 22]. Сочетание этих характеристик, а также факт находки фрагмента при сборках подъемного материала позволяет предполагать датировку более поздним периодом, 1-й половиной XIV в.

Кроме золотоордынской посуды с надглазурной росписью люстром в материалах городища выделяется еще одна группа находок с подглазурным декором. Она представлена двумя основными видами: во-первых – это обломки сосудов с прозрачной поливой сине-голубых оттенков, под которой красителем сине-черного цвета нанесен орнамент из крестиков (стилизованных соцветий)⁵ и каплевидных фигурок, напоминающих ныряющих рыбок и др. Такие соцветия и рыбки на синем фоне являются своеобразной визитной карточкой керамических мастерских золотоордынских городов и датируются исследователями серединой – 2-й половиной XIV в. [9, с. 90]. Однако параллели этому орнаменту есть в ближневосточной люстровой керамике домонгольского времени [18, р. 126, ММА11], кроме того на территории Сирии известны в большом количестве сосуды с близкой росписью, датирующиеся айюбидским периодом [18, р. 84–86, w88–93].

Второй вид керамики из рыхлого кашина – это посуда с бесцветной поливой и беглой подглазурной росписью черным и синей подцветкой⁶. На одном обломке венчика чаши⁷ дополнительно создан рельеф из жидкого кашина. Такая роспись в сочетании с рыхлым кашинком безусловно говорит о золотоордынском производстве, но аналогии этой росписи тоже можно найти в керамическом производстве айюбидской Сирии, так как практически полные аналогии данной керамике прослеживаются в сирийских материалах [18, р. 159–161, ММА44–46].

Еще обломок венчика чаши можно отнести к золотоордынскому подражанию в кашине керамики из селадона⁸. Селадоновая посуда привозилась в Золотую Орду на протяжении всего времени ее существования в течение XIII–XIV вв. [3, с. 56–57], а подражания селадонам, вероятно, возникли чуть позже, когда в Золотой Орде уже было налажено собственное производство керамики.

Представленные материалы, не открывают новых, неизвестных ранее направлений, в сети межгосударственных связей Золотой Орды. Данная работа – это попытка выявить степень вовлеченности мелких городков в внутриордынскую и межгосударственную торговлю и прекрасные образцы импортной поливной посуды из Византии, Сирии, Ирана и стран Закавказья это наглядно демонстрируют. Вероятно, некоторые импорты, например византийские кувшины, попадали на городище Самосделка опосредованно, через столичные золотоордынские города, но и этот факт еще раз подтверждает высокую степень контактов между ними. А вот некоторые импорты из стран Ближнего Востока и Закавказья могли попадать в город на месте Самосделки напрямую, а уже потом переправляться по волжскому пути в Золотую Орду. Этот факт доказывает не только географическое положение городища, его можно считать самым первым останочным и перевалочным пунктом при выходе из Каспийского моря, но и в первую очередь это город с домонгольским слоем, а, следовательно, его торговые связи и контакты, существовавшие еще до прихода монголов, могли продолжить свое существование в золотоордынский период.

⁵ 2011-р-2-пол№209, 2011-р-3-пол№222, 2011-р-3-пол№229, 2011-р-3-пол№233, 2002-р-1-пол№175, 2002-р-1-пол№178, 2002-р-1-пол№180, 2002-р-1-пол№191, 2002-р-1-пол№193, 2002-р-1-пол№196, 2002-р-1-пол№198, 2002-р-1-пол№200, 2002-р-1-пол№201, 2002-р-1-пол№202, 2002-р-1-пол№204, 2012-р-3-пол№31, 2012-р-3-пол№32, 2011-пол№9-1-1, 2001-р-1-пол№37, 2001-р-1-пол№38, 2001-р-1-пол№42, 2001-р-1-пол№43, 2001-р-1-пол№67, 2010-р-2-пол№138, 2010-р-2-пол№9-20.

⁶ 2002-р-1-пол№140, 2002-р-1-пол№179, 2002-р-1-пол№189, 2004-р-1-1-пол№258, 2004-р-1-1-пол№258(a), 2004-р-1-1-пол№262, 2004-р-1-1-пол№259, 2001-р-1-пол№57.

⁷ 2001-р-1-пол№57.

⁸ 2010-р-2-пол№9-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Материалы Всероссийской научно-практической конференции Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань: Изд-во Астраханского университета, 2001. С.43–47.
2. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // Советская археология. М.: Наука, 1968, №4, с.95–109.
3. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник Московского университета. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1969, №2, с.46–59
4. Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе №2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. Астрахань: Изд-во Астраханская цифровая фотография, 2011. С.36–47.
5. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. Донецк: Донецкий национальный университет, 2003, Т.3, с.83–122.
6. Гончаров Е.Ю. Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. Астрахань: Изд-во Астраханская цифровая фотография, 2011. С.146–150.
7. Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды Государственный Исторический музей. М.: Изд-во Государственный исторический музей, 2002, вып. 135, с.79–84.
8. Зиливинская Э.Д. Раскоп №1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. Астрахань: Изд-во Астраханская цифровая фотография, 2011. С.13–35.
9. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
10. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
11. Левиатов В.Н. Керамика Старой Ганджи. Баку: Изд-во Азербайджанский филиал Академии наук СССР, 1940. 44 с.
12. Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956–1958 гг. (Раскоп IV) // МИА №133. Средневековые памятники Азербайджана. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. М.-Л.: Наука, 1965. Том III. С.26–46.
13. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С.28–108.
14. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика. Алматы: Изд-во ZUR advertising, 2008. 264 с.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 232 с.
16. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Материалы и исследования по археологии СССР, №67. Средневековые памятники Азербайджана. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. М.-Л.: Наука, 1959. Том I. С.228–301.
17. Caiger-Smith A. Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. Boston, London: Faber&Faber, 1985. 246 p.
18. Jenkins-Madina M. Rakka revisited: ceramics of Ayyubid Syria. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2006. 247 p.
19. Watson O. Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection. London: Thames & Hudson, 2005. 512 p.

Сведения об авторе: Екатерина Михайловна Болдырева – научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (109012, Красная пл., 1 Москва, Российская Федерация).

**Trade Relations of One Provincial Golden Horde City
(according to the materials of Samosdelka site)**

*E.M. Boldyreva
(State Historical Museum)*

Practically all urban centers on the Golden Horde territory appeared out of nowhere and had no previous sedentary tradition. The Golden Horde cities emerged spontaneously, most often as clusters of aristocratic estates founded by sedentarized nomads and persons who accompanied them. Settlement of Samosdelka, the monument,

which materials will be discussed here, differ from other cities of the ulus of Jochi. This city appeared long before the arrival of the Mongols and establishment of the Golden Horde State.

The cultural layer of this settlement exceeds the three-meter depth in some of its sections. The area of its central part covers more than 2 square kilometers. Multiroom houses with heating system as well as expensive dishes imported from Central Asia and the Middle East indicate a high status and level of development of this city in the pre-Mongol period.

In the Golden Horde time the situation changed. The city ceased to exist because of the rapid rise of the Caspian Sea level, which led to its abandonment. Despite the short time of existence during the early-Horde period, the city that existed at the site of Samosdelka settlement not only was in active contact with other Golden Horde cities, but also was involved in international trade. This is indicated by the research of glazed ceramics found during excavations in Samosdelka settlement. Samples of glazed pottery imported from Byzantium, Syria, Iran and the South Caucasus countries clearly demonstrate this. Trade relations and contacts of this city existed before the arrival of the Mongols, and continued to exist during the Golden Horde period.

Keywords: Golden Horde, glazed ceramics, trade, non-trade relations, import, provincial town.

REFERENCES

1. Bronnikova M.A., Zazovskaja Je.P., Arzhanceva I.A. Gorodishhe «Samosdelka»: predvaritel'nye rezul'taty i perspektivy kompleksnyh pochvenno-ladshaftnyh issledovanij [The Settlement of "Samosdelka": Preliminary Results and Prospects of Complex Soil-Landscape Researches]. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Arheologija Nizhnego Povolzh'ja na rubezhe tysjacheletij* [Proceedings of National Scientific-Practical Conference on Archaeology of the Lower Volga Region at the turn of millenia]. Astrakhan: Astrakhan University publ., 2001, pp. 43–47.
2. Bulatov N.M. Klassifikacija kashinnoj polivnoj keramiki zolotoordynskih gorodov [Classification of Kashin Glazed Ceramics of the Golden Horde Cities]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet Archaeology]. Moscow: Nauka Publ., 1968, №4, pp. 95–109.
3. Bulatov N.M. K voprosu o stanovlenii keramicheskogo remesla v zolotoordynskih gorodah [To the Question about Formation of Ceramic Crafts in the Golden Horde Cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Moscow: Moscow University publ., 1969, №2, pp. 46–59.
4. Vasil'ev D.V. Nekotorye rezul'taty issledovanij na raskope №2 [Some Results of Research on the Excavation No. 2]. *Samosdel'skoe gorodishhe: voprosy izuchenija i interpretacii. Sbornik nauchnyh statej* [Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation. Collection of research articles]. Astrakhan: Astrakhan digital printer Publ., 2011, pp. 36–47.
5. Vasil'ev D.V., Grechkina T.Ju., Zilivinskaya Je.D. Gorodishhe Samosdelka – pamjatnik domongol'skogo perioda v nizov'jah Volgi [Samosdelka Settlement: A Monument of the pre-Mongol period in the Lower Volga Region]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja. Polovecko-zolotoordynskoe vremja. Sbornik nauchnyh rabot* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Polovtsian and the Golden Horde Periods. Collection of research works]. Donetsk: DonNU Publ., 2003, Vol.3, pp. 83–122.
6. Goncharov E. Ju. Oчерk numizmatiki Samosdel'skogo gorodishha [An Essay on Numismatics of Samosdelka Settlement] *Samosdel'skoe gorodishhe: voprosy izuchenija i interpretacii. Sbornik nauchnyh statej* [Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation. Collection of research articles]. Astrakhan: Astrakhan digital printer Publ., 2011, pp. 146–150.
7. Egorov V.L. Osnovnye napravleniya razvitiya kul'tury Zolotoj Ordy [Main Directions of Development of the Golden Horde Culture]. *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka. Trudy GIM* [The Lower Volga Region and Contiguous Territories in the Middle Ages. Proceedings of the SHM]. Moscow: The State Historical museum publ., 2002, ed. 135, pp. 79–84.
8. Zilivinskaya Je.D. Raskop №1 [Excavation №1]. *Samosdel'skoe gorodishhe: voprosy izuchenija i interpretacii. Sbornik nauchnyh statej* [Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation. Collection of research articles]. Astrakhan: Astrakhan digital printer Publ., 2011, pp. 13–35.
9. Koval' V.Ju. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka* [Oriental Ceramics in Rus'. 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2010. 269 p.
10. Kramarovskij M.G. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoj Ordy* [The Golde of the Chinggisids. Cultural Legacy of the Golden Horde]. St. Peterburg: Slavija Publ., 2001. 364 p.
11. Leviatov V.N. *Keramika Staroj Gandzhi* [Ceramics of Old Ganji]. Baku: AzFAN publishing, 1940. 44 p.
12. Minkevich-Mustafaeva N.V. Raskopki remeslennogo kvartala na jugo-zapadnoj okraine Bajlakana v 1956–1958 gg. (Raskop IV) [Excavations of a Handicraft Quarter in the Southwestern Outskirts of Baylakan in 1956–1958]. *MLA №133. Srednevekovye pamyatniki Azerbajdzhana. Trudy Azerbajdzhanskoj (Oren-Kalinskij) arheologicheskij ekspedicii* [Medieval Monuments of Azerbaijan. Works of Azerbaijan (Oren-Kalin) Archaeological Expedition]. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1965. Vol. III, pp.26–46.

13. Poluboyarinova M.D. *Torgovlya Bolgara* [Bolghar Trade]. *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, trgovlya* [City of Bolghar: Culture, Art, Trade]. Moscow: Nauka Publ., 2008, pp. 28–108.
14. Samashev Z., Kuznecova O., Plahov V. *Keramika Sarajchika* [Saraichik Ceramics] Almaty: ZUR advertising publ., 2008. 264 p.
15. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [The Golden Horde Cities of the Volga Region] Moscow: Moscow university publ., 1994. 232 p.
16. Yakobson A.L. *Hudozhestvennaya keramika Bajlakana (Oren-Kala)* [The Baylakan Art Ceramics (Oren-Kala)]. *MIA №67. Srednevekoye pamyatniki Azerbajdzhana. Trudy Azerbajdzhanskoj (Oren-Kalinskoj) arheologicheskoy jekspedicii* [Medieval Monuments of Azerbaijan. Works of Azerbaijan (Oren-Kalin) Archaeological Expedition]. Moscow- Leningrad: Nauka Publ., 1959. Vol. I., pp. 228–301.
17. Caiger-Smith A. *Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world*. Boston, London: Faber & Faber Publ., 1985. 246 p.
18. Jenkins-Madina M. *Rakka revisited: ceramics of Ayyubid Syria*. New York: The Metropolitan Museum of Art Publ., 2006. 247 p.
19. Watson O. *Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection*. London: Thames&Hudson Publ., 2005. 512 p.

About the author: Ekaterina Mikhailovna Boldyreva – Researcher of the Department of archaeological monuments, State Historical Museum (109012, Red sq., 1, Moscow, Russian Federation).

К вопросу о «Мечети Менгли Гирея» в Салачике: источники, перспективы исследования и реставрации

Э.И. Сейдалиев

(Институт археологии Крыма)

В публикации приводятся основные сведения о так называемой мечети Менгли Гирея, остатки которой расположены в одном из районов старого Бахчисарая – Салачике. Дается краткий анализ истории изучения и источников. Предлагаются общие перспективные направления исследований комплекса общественных, культовых и административных построек второй столицы Крымского ханства.

В середине XV века первый крымский хан переносит свою столицу из золотоордынского города Солхат в Кырк-Ер. В настоящее время одна из его частей известна как Салачик. Согласно письменным источникам наследник Хаджи-Гирея, Менгли Гирей хан построил здесь мечеть. Присутствие мечети на территории Салачика была подтверждена Мартином Броневским и Эвлией Челеби, которые посетили столицу лично. Источники также отмечают, что она была построена на месте прежней мечети XIII века. В настоящее время только археологические исследования могут подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Расположенный здесь ханский дворец был окружен куллие – комплексом общественных зданий, характерных для мусульманских стран. Этот комплекс включал мечеть, медресе, баню, больницу, имарет, здание Дивана, благотворительные учреждения, айван. Длительные исследования территории Салачика подтвердили, что они действительно здесь находились. В советский период мечеть Менгли Гирея использовалась в качестве столовой психоневрологического диспансера. После ликвидации клиники, памятники Салачика были переданы под охрану Бахчисарайского заповедника. Были восстановлены некоторые памятники (Зынджырлы Медресе, Дюрбе Хаджи-Гирея, общественные бани). Сохранение мечети требует неотложных мер и сложных архитектурных и археологических исследований, с последующим восстановлением памятника. Эти работы позволили бы установить историческое развитие Салачика и способствовали бы сохранению уникального крымскотатарского памятника истории и культуры средневекового периода. Это также повлияло бы на последующее развитие туристического потенциала музейного комплекса, созданного в Салачике.

Ключевые слова: Крымское ханство, Менгли Гирей, мечеть, Бахчисарай, Кырк-Ер.

Салачик – район Бахчисарая, в средневековье часть Кырк-Ера – с 1449 г. второй после Солхата столицы Крымского ханства, расположен в восточной части современного Бахчисарая. Архитектурными доминантами Салачика на данный момент являются Зынджирлы-Медресе (Медресе Менгли Гирея), Дюрбе хана Хаджи Гирея, и Медресе Исмаила Гаспринского.

Считается, что Хаджи Гирей перенес сюда столицу, желая избавиться от некоей зависимости от беев Ширинских, древнего знатного рода игравшего значительную роль во внутренней и внешней политике Крымского ханства [6, с. 496]. По мнению И.В. Зайцева монетные эмиссии являются важнейшим подтверждением переноса столицы из Солхата в Кырк-Ер. В 1454 г. Хаджи Гирей чеканит монету в Кырк-Ере и параллельно в Солхате [6, с. 494–495]. Ряд исследователей считает Кырк-Ер местом владения беев Яшлавских [6, с.500]. Письменные источники располагают город в стране асов (алан) [9, с. 121], в отношении конфессиональном так же известно, что тут проживали мусульмане, христиане и иудеи [6, с.500]. Чаще всего речь идет о т.н. «верхнем городе» – получившим в современной историографии название Чуфут-Кале. В то же время частью древней столицы считается и местность у подножия Чуфут-Кале, за которой закрепилось название Салачик или Староселье. По мнению Н.А. Гаврилюк и А.М. Ибрагимовой, проводивших в данной местности исследования, вокруг ханского дворца, располагавшегося тут (Девлет-Сарай, у авторов Ашлама Сарай) строится «кюллие» – комплекс общественных зданий, характерных для мусульманских стран. В этот комплекс входят: мечеть, медресе, баня, больница, общественная кухня (имарет), здание дивана, богоугодные заведения, постоянный двор с айваном [4, с. 13–14]. Согласно проведенным тут археологическим исследованиям и данным письменных источников, местность в Салачике как раз и является таким комплексом общественных сооружений.

Впервые внимание ученых к комплексу построек в Салачике было обращено в 20-е гг. XX в. Первый директор Дворца и музея тюрко-татарской культуры У.А. Боданинский, составив список исторических памятников и городищ Бахчисарайского дворца-музея, включил туда и «комплекс памятников на территории Салачик». В 1926 г. медресе и мавзолей включены в список археологических объектов Крым ОХРИСА и Главнауки, считающихся национализированными [11, с. 17–

18, 63]. Интерес к объектам Салачика вернулся в 1991 г., когда в рамках программы по реставрации памятников мусульманской архитектуры были проведены археологические исследования рядом с дюрбе Хаджи Гирея [4, с. 16]. Следующий период исследований археологических памятников Салачика связан с началом реставрационных работ, проводимых тут по проекту ТИКА в 2007 году. Эти исследования предваряли археологические раскопки на территории между дюрбе хана Хаджи Гирея и Зынджирлы-медресе в 2003–2004 гг. и 2006–2007 гг., археологической экспедиций КРУ «БИКЗ» под руководством А.М. Ибрагимовой и Н.А. Гаврилюк. В 2006 г. был исследован по периметру мавзолеев Хаджи Гирея. В ходе исследований был обнаружен вход в подземную усыпальницу дюрбе. Угроза проникновения в склеп грунтовых вод и осенних дождей обусловили необходимость вскрытия мавзолея. В результате были обнаружены уникальные погребения, содержащие кроме костных останков так же и предметы материальной культуры, а именно остатки деревянных саркофагов, покрытых тканями, остатки кожаных изделий и т.д., которые в данное время находятся на хранении в ГБУ «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» [4, с. 17–28].

В ходе последующих исследований на территории Салачика, были обнаружены остатки средневековой бани – «хаммам». Дальнейшие исследования, по различным причинам, не отличались систематичностью и последовательностью. Поэтому в 2012–2013 гг. работы были начаты обновленным составом экспедиции Бахчисарайского заповедника под руководством Э.И. Сейдалиева (на тот момент заместителем генерального директора по научной работе), с привлечением практикантов из числа студентов специальности «История» Крымского инженерно-педагогического университета. Исследования были продолжены на участке между зданием предполагаемого археологического музея и асфальтированной стоянки. Участок раскопок был поврежден многочисленными строительными и земляными работами, а так же перебит шурфовками проводимыми в ходе предыдущих полевых сезонов. В ходе двухлетних исследований на площади раскопа были разбиты 3 условных квадрата. К концу исследований второго года ученым удалось выйти на предполагаемый уровень, хронологически соответствующий времени переноса столицы Крымского ханства из Солхата в Кырк-Ер, о чем свидетельствует монетный и керамический материал.

О комплексе построек в Салачике в разное время появлялись разные научные и научно-популярные публикации. Среди современных авторов следует назвать Н.Абдульваапова, А.М. Ибрагимову и Н.А. Гаврилюк, В.Ю. Ганкевича, И.А. Керимова и многих других [1, 2, 4, 5, 8]. Отдельно выходили публикации о надписях – тарихах медресе, мечети и дюрбе.

Кырк-Ер упоминается у многих средневековых и позднесредневековых авторов. Но описания Салачика, как такового, достаточно редки и неполны. Так следует отметить упоминание о местности Салачик у польского путешественника и дипломата Мартина Броневского: *«Дворцы, или дома ханские, находятся в середине Таврического полуострова. Там есть небольшой городок и первый каменный дом, в которых живет Хан, называется Бакчисарай, городок расположен между двумя горами; посредине его протекает маленький ручеек, от которого город получил название. Возле города построены каменная мечеть и гробницы ханов, из развалин христианских. Неподалеку также от города, из развалин греческих, выстроено монастырь магометанский, и многие татарские гробницы. В конце этого города есть другой город, называемый Салачик, с хорошими домами, построенными турецкими жителями. Ханский дворец, или дом, древними татарскими государями великолепно украшен зданиями, мечетями, гробницами и банями. Ханы, имея свободное время от занятий, нередко удаляются в этот дворец, с своими женами; потому что это место, или положение дворца, очень благоприятно для охоты. Там есть сады яблоней и других плодов, виноградники, прекрасные поля, орошаемые чистыми ручьями. Много гор и лесов, где видны развалившиеся здания, большие замки, города, в которых живут не многие или не живет никто»* [10, с. 345].

Относительно подробное описание Салачика оставил Эвлия Челеби: *«Это древний город, в нём всего три тысячи домов, крытых красной черепицей, с высокими трубами. Все здания каменной кладки, с каменными стенами, превосходные и украшенные, старой архитектуры. И множество комнат в пещерах под скалами, в которых в июле очень холодно, а в зимние дни – тепло. Всего там пять кварталов с пятью михрабами, а у пяти мечетей есть пять минаретов старой формы. Но в этом городе нет лавок, постоялого двора и бань, потому что близко город Бахчисарай. Как было сказано, раньше в этом городе Эски Саладжик было множество постоянных дворов, мечетей, бань и медресе. Теперь осталось большое медресе Менгли Гирей-хана. Над его высокой дверью четким почерком мустасими написан следующий тарих: «Приказал постро-*

ить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли Гирей-хан, сын Эль-Хаджи Гирей-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 956».

Недалеко от этого медресе осталась прекрасная светлая баня, с отличной водой, воздухом и зданием. Напротив этой бани, через дорогу – Древний дворец Джучи Гирей-хана. Как было сказано, прежние ханы жили в этом здании. Теперь этот дворец представляет собой каменное строение, маленькую крепость. Окружность его составляет двести шагов. По сторонам четыре башни, на запад выходят железные ворота. Внутри есть мечеть с двумя низенькими минаретами. Так как минареты маленькие, туда не может пролезть человек, и эзан прочесть невозможно.

На дороге, ведущей от дворца, есть высокий дворец правосудия. Там ханы проводили кёрююши, то есть собирали диваны. Этот дворец крыт досками, и на нём есть полумесяц из чистого золота. Теперь в этом дворце нет ничего, кроме оружейной. Там много вещей, некогда принадлежавших ханам. Дверь постоянно заперта, а над воротами располагается следующий тарих:

*«В этот благословенный час при помощи Помогающего
Построил и благоустроил этот дворец
Сын шаха и победоносное знамя рода Чингизидов –
Сахиб Гирей.
Эта красота появилась от Хиджры
В девятьсот сорок втором году и была закончена
В квартале Секбанов.
Год 924» [14, с. 87–88].*

Учитывая, насколько Эвлия Челеби точен в описаниях мечетей, а особенно их истории, кажется странным, что он не приводит истории этой мечети.

В то же время, по свидетельству Н.Абдульваапова в кадиаскерских тетрадах, есть упоминания об этой мечети. В документе речь идет о собственности в г. Гёзьлеве (Евпатория), которую хан Гази Гирей II оформил в виде вакфа для нужд «верхнего медресе» и «Мечети Менгли Гирей хана» в Салачике – «бир тюкян, бир ода (эснаф тюкянымы? – Н.А.) ве бир къвехане» – «один магазин, одна комната (помещение-склад? – Н.А.), одна кофейня» [2].

И.В. Зайцев приводит цитату из книги «Досуги крымского судьи» П. Сумарокова: «В Крымской истории, писанной на Татарском языке, упоминается, что около 1500 года по нашему счислению Хан Менгли-Герей выстроил в Бакчисарае медресе (училище) и мечеть». По мнению И.В. Зайцева П. Сумароков использовал для своего труда какую-то рукописную историю Крыма на татарском языке [7, с.235].

Об одной из древнейших мечетей Бахчисарая, а возможно и Крыма есть упоминание в отчете о «Второй учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии». В отчете об экскурсии говорится, что напротив Медресе Менгли Гирея – справа от нее, находится мечеть им же построенная. Автор пишет, что мечеть эта построена в один год с мечетью в Симферополе. Далее приводится дата постройки мечети с камня, который находился в окне флигеля мечети 914 г.х. (1508 г.). Автор отчета А.Н. Попов, приводя данные о мечети Менгли Гирея в Салачике, упоминает о некоей надписи, «снятой» с камня разрушенной мечети одним из «бахчисарайских мулл», согласно которой мечеть была построена в 671 г.х. (1274 г.) [12, с.59–60]. Надпись гласила: «Повелел построить эту мечеть Шов, сын Шобы, сын Рамазана, сын Муслима, сын Бахтана, а это ныне в месяце Реби-эль-эввел в 671 году». Сам же камень с этой надписью был использован на постройку «по оплошности». Справедливости ради стоит отметить, что дата 671 г. Хиджры соотносится с 1272–1273 гг. григорианского календаря. Если надпись эта достоверна, то вероятнее всего мечеть могла быть перестроена или отремонтирована при Менгли Гирее в 1508 г. Надпись хранилась в фондах гимназии, после чего была передана в архивы Таврической ученой архивной комиссии (далее ТУАК). После расформирования архивов и фондов ТУАК фондовые материалы были переданы в Центральный музей Тавриды, а архивные документы, вероятно и запись – в Государственный архив Республики Крым.

В статье А. Борзенко, А. Негри и Ф. Домбровского есть упоминания о надписи на стене этой мечети, расположенной около дюрбе Хаджи Гирея: «Близ сказанной гробницы есть мечеть, построенная, сколько можно судить по остатку надписи, Менгли-Гирей-ханом. Эта надпись, которой начальные слова стерты, находится на западной наружной стене мечети: "... Посещение Менгли-Гирей-хан"» [3, с. 526].

Есть сведения, что в XIX в. мечеть была подвергнута реставрации, и облик ее несколько изменился. В 1920 г. медресе было закрыто, и в его здании располагалось медицинское училище, в то же

время о судьбе мечети известно мало. В советское время мечеть использовалась как один из корпусов столовой психоневрологического диспансера размещенного на территории комплекса. В настоящее время, после передачи памятников Бахчисарайскому заповеднику, на территории Салачика был создан музейный комплекс. При поддержке ТИКА были отреставрированы медресе и дюрбе хана Хаджи Гирея, проведена музеефикация «Бани», которая, к сожалению, не была доведена до конца и требует доработки. Что же касается остальных построек комплекса кюллие, то пока из них была обнаружена лишь мечеть, состояние которой оценивается как критическое. Стены мечети еще до конца не освобождены от построек и изменений советского времени. Для дальнейшего развития комплекса как музейного объекта требуется проведение комплексных мер изучения, реставрации и музеефикации. Необходимо продолжить археологические исследования на территории Салачика. В отношении же мечети необходимы первоочередные противоаварийные работы, дальнейший поиск архивных материалов и проведение археологических исследований, которые помогут определить периодизацию строительных и ремонтных работ, проводившихся на памятнике, обнаружить местонахождение минарета или минаретов, уточнить место мечети в комплексе и топографию построек кюллие. После необходимых подготовительных работ с привлечением специалистов различных отраслей, должен быть подготовлен проект реставрации и музеефикации объекта, реализация которого так же должна быть проведена соответствующими специалистами. В ходе того, что 2015 г. был признан в Крыму годом Менгли Гирея, одним из важнейших вопросов является не только научные мероприятия, проводимые в честь этого крымского хана, но исследовательские и реставрационные работы на памятниках истории и культуры Крымского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваап Н. I Менгли Гирей хан джамиси // Янъы дюнъя. 2013. Октябрь 11, 18, 25.
2. Абдульваап Н. Девлет-Сарай джамиси // Янъы дюнъя. 2013. Октябрь 4.
3. Борзенко А., Негри А., Домбровский Ф. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. II. 1849. С. 489–528;
4. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Гирея (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев-Запорожье: Дикое поле, 2010. 176 с.
5. Ганкевич В.Ю. Крымскотатарские медресе (курс лекций). Симферополь: Доля, 2001. 76 с.
6. Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 494–505.
7. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост лит., 2009. 304 с.
8. Керимов И. А. Эдждатларымызнынъ ильк академиясы. («Зынджырлы медресе») // Ыылдыз. 2000. № 3. С. 72–75.
9. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. Т. VI. 1867. С. 333–367.
10. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с.
11. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1888. 131 с.
12. Сейдалиев Э.И. Отчет об археологических исследованиях в исторической части г. Бахчисарай. Бахчисарай, 2013–2014.
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: ДОЛЯ, 2008.

Сведения об авторе: Эмиль Исаевич Сейдалиев – заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета; научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма; старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (295007, пр.Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); codexcummanicus@gmail.com

To the Question of the “Mosque of Mengli Geray” in Salachik: Sources, Perspectives of Study and Restoration

E.I. Seydaliev

(Institute of Archaeology of the Crimea)

In the mid-15th century, the first Crimean khan moved his capital from the Golden Horde city of Solkhat to Kyrk-Er. Currently, one of its parts is known as Salachik. According to written sources, the heir of Haji-Geray, khan

Mengli Geray built a mosque here. Marcin Broniowski and Evliya Çelebi, who visited the capital in person, also confirm the presence of a mosque in Salachik territory. Sources also note that this mosque was built on the site of the former mosque of the 13th century. Nowadays only archeological research can confirm or refute this hypothesis. The khan's palace situated here was surrounded by Kullie – the complex of public buildings, which is distinctive for Muslim countries. This complex included mosque, madrasah, bathhouse, hospital, public kitchen (imaret), building of Divan, charitable institutions, Iwan. The long-term research of the territory of Salachik confirmed that some of them really were here. During the Soviet period the mosque of Mengli Geray was used as canteen of psycho-neurological clinic. After the liquidation of the clinic, the monuments of Salachik were placed under protection of Bakhchisaray Preserve. Some monuments (Zyndjyrly-madrasah, Turbe of Haji Geray, public baths) have been restored. The preservation of the mosque demands urgent operations and complex of architectural and archaeological research, followed by the restoration of the monument. These works would allow to determine the historical development of Salachik and preservation of this unique Crimean Tatar historical and cultural monument of medieval period. This would also influence the following development of touristic potential of the museum complex created in Salachik.

Keywords: Crimean Khanate, Mengli Giray, mosque, Bakhchisaray, Kyrk-Er.

REFERENCES

1. Abdul'vaap N. I Men'li Geray khan dzhamsi [The Mosque of Mengli Giray Khan]. *Yan'y dyun'ya*. 2013. Oktyabr' 11, 18, 25.
2. Abdul'vaap N. Devlet-Saray dzhamsi [Mosque of Devlet Saray]. *Yan'y dyun'ya*. 2013. Oktyabr' 4.
3. Borzenko A., Negri A., Dombrovskiy F. Bakhchisarayskie arabskie i turetskie nadpisi [Bakhchisaray Arab and Turkish inscriptions]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. II. 1849, pp. 489–528.
4. Gavriluk N.A., Ibragimova A.M. Tyurbe khana Khadzhi Geraya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.) [Turbe of Haji Giray Khan (based on archaeological research in 2003–2008)]. Kiev-Zaporozh'e: Dikoe pole, 2010. 176 p.
5. Gankevich V.Yu. *Krymskotatarskie medrese (kurs lektsiy)* [The Crimean Tatar madrasahs (lectures)]. Simferopol': Dolya, 2001. 76 p.
6. Zaytsev I.V. Kyrk-Yer/Kyrkor (Chufut-Kale) i rannaya istoriya Krymskogo khanstva [Kyrk-Er/Qyrqor (Chufut-Qale) and Early History of the Crimean Khanate]. *Ot Onona k Temze. Chingizidy i ikh zapadnye sosedi* [From the River Onon to Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbors]. Moscow, Izd. dom Mardzhani, 2013. S. 494–505.
7. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [The Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries: Ways of Development: manuscripts, texts and sources]. Moscow: Vost lit., 2009. 304 s.
8. Kerimov I.A. Edzhdatlarymyznyn» il'k akademiya. («Zyndzhyrly medrese»). *Ylydyz*. 2000. № 3, pp. 72–75.
9. Konovalova I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii* [Eastern Europe in the Writing of Arab Geographers of the 13th–14th centuries: text, translation, comments]. M., 2009. 223 p.
10. Opisaniye Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo. [Description of the Crimea (Tartariae Descriptio) of Martin Bronevsky]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Tom VI. 1867, pp. 333–367.
11. *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy ASSR: Issledovaniya i dokumenty* [Protection and Study of the Monuments of History and Culture in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: Research and Documents]. Avt.-sost. A.V. Khlivnyuk; pod red., vstup. st. A.A. Nepomnyashchego. Simferopol': SGT, 2008. 240 p.
12. Popov A.N. *Vtoraya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoy muzhskoy gimnazii v Bakhchisaray i ego okrestnosti* [The Second Field Trip of Simferopol Gymnasium in Bakhchisaray and Its Surroundings]. Simferopol', 1888. 131 p.
13. Seydaliev E.I. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v istoricheskoy chasti g. Bakhchisaray* [Report on Archaeological Research in the Historical Part of the City of Bakhchisarai]. Bakhchisaray, 2013–2014.
14. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlacheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of Travels]. Simferopol'. DOLYa. 2008.

About the author: Emil' Isaevich Seydaliev – Head of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University; researcher at the Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of the Crimea; Senior Research Fellow at Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (295007, Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation); codexcummanicus@gmail.com

Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане

Э.Д. Зиливинская

*(Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской Академии наук)*

М.Д. Калменов, М.Н. Сдыков

*(Западно-Казахстанский областной
центр истории и археологии)*

Западный Казахстан является относительно слабо изученным регионом Золотой Орды. До недавнего времени в нижнем течении Урала было зафиксировано всего два населенных пункта – городища Сарайчик и Тендыкское. В результате работ Уральской археологической экспедиции в начале 2000-х годов было найдено крупное городище Жайык, которое располагается недалеко от г. Уральска. Здесь были проведены широкомасштабные раскопки, в результате которых исследованы четыре большие усадьбы, общественная баня, производственные комплексы и два богато декорированных мавзолея.

В настоящее время раскопки продолжаются. В 2013 году на городище Жайык был исследован культовый погребальный комплекс. В центре его находился круглый башенный мавзолей. Такие мавзолеи известны в Иране, Азербайджане и Малой Азии. Широкое распространение они получили в средние века и новое время на территории Казахстана. Исследователи связывают происхождение башенных мавзолеев с курганообразными погребальными сооружениями кочевников. С двух сторон от мавзолея в Жайыке находились две маленьких постройки, а перед входом были вкопаны каменные стелы. Пространство вокруг комплекса было окружено оградой. Данный погребальный комплекс, расположенный в городском некрополе, несет в себе черты тесной связи с кочевой средой.

Ключевые слова: Западный Казахстан, города, культовый комплекс, башенные мавзолеи, надмогильные стелы, кочевнические традиции.

Золотая Орда, государство, занимавшее огромную площадь от Восточной Сибири до Дуная и от низовьев Амударьи до Волго-Камья, включало в себя регионы с различным культурно-историческим развитием. В нее вошли традиционно оседлые области, такие как Левобережный Хорезм, Южный Казахстан, Северный Кавказ, Крым, Пруто-Днестровское междуречье и Волжская Болгария. Однако большую часть территории занимали пустынные, степные и лесостепные пространства Северного и Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья и Приднепровья (Дешт-и-Кипчак). Население их состояло из кочевых и полукочевых народов, и там почти не существовало городов непосредственно в домонгольский период. К началу XIV в. ситуация кардинально меняется, и во всем степном поясе возникают многочисленные города и поселения. Наибольшая плотность их наблюдается в центре государства, в Нижнем Поволжье, где вдоль речных артерий существует сплошная зона оседлости [6].

Западный Казахстан является не самым урбанизированным регионом Золотой Орды. В.Л. Егоров характеризует Волго-Уральское междуречье как полупустынное и степное пространство, более пригодное для ведения хозяйства кочевого типа. В этой части государства было немного оседлого населения, и оно было сосредоточено исключительно на окраинах междуречья вдоль русел рек – Волги и Урала [6, с. 123]. На карте 1985 г. исследователь отмечает только два городища в нижнем течении Урала (Жайыка) – Тендыкское и Сарайчик. Такие представления о заселении Западного Казахстана в золотоордынский период сохранялись до начала 2000-х годов. В 2001 г. была организована совместная Уральская археологическая экспедиция, которая включала в себя специалистов Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Областного историко-краеведческого музея, а затем, созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского областного Центра археологии и истории.

В результате работ экспедиции было найдено крупное средневековое городище Жайык, расположенное недалеко от г. Уральска. Анализ картографических материалов XIV–XV вв. показал, что на некоторых картах на месте городища изображен населенный пункт. Так, на карте братьев Пицигани 1367 г. обозначен город Лайэти, расположенный на берегу Каспийского моря в устье р. Урала, а выше по течению еще два безымянных города. В настоящее время Лайэти отождествляется с городищем Актобе, лежащем восточнее г. Атырау. Выше по течению, в 50 км от Атырау находится городище Сарайчик. Второй безымянный город к северу от Сарайчика на правом берегу р. Урал может быть соотнесен с городищем Жайык [3, с. 118].

Возможно, Жайык изображен на известной карте 1562 г. капитана Антония Дженкинсона, в основе которой лежит более ранняя карта 1497 г. (Рыбаков, 1974. С. 23–24). На ней выше Сарайчика на правом берегу р. Яик мелким значком обозначен г. Шакафни (Шакашик) (рис. 1)*. Его также можно связать с городищем Жайык [3, с. 118].

Городище Жайык находится в 12 км к югу от г. Уральска в речной пойме. С юга и востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги (рис. 2). Площадь, на которой прослежены остатки сооружений, составляет около 8 га. Наиболее крупные постройки представляют собой холмики различной формы и размера высотой 0,3 – 0,6 м. В 2 км западнее городища находится некрополь города. Он расположен на Свистун горе, которая в этом месте имеет вид широкого плато и восточнее от реки Жайык, оканчивается так называемыми Меловыми Горками. Здесь видны остатки мавзолеев из сырцового и обожженного кирпича.

В начале 2000-х гг. были проведены широкомасштабные раскопки в различных частях городища. Результаты исследований Жайыка были опубликованы в виде монографии [2].

Город состоял из отдельных усадеб. Главные дома четырех усадеб были раскопаны полностью или частично. Все они были построены из сырцового кирпича и имели различную планировку. Прямоугольное в плане здание «Малой усадьбы» состояло из двух секций, в каждой из которых было три комнаты. В северной части находились прихожие, далее располагались жилые комнаты с суфами, канами и печкам, самыми южными в ряду были небольшие комнаты, служившие кладовками. Помещения в секциях соединялись скользящими проходами вдоль центральной стены, разделяющей здание. Здание явно построено по единому плану, секции зеркально симметричны, некоторые различия наблюдаются только в интерьере комнат. «Большая усадьба» состояло из трех комнат, примыкавших друг к другу в меридиональном направлении. Дом усадьбы № 3 представлял собой сильно вытянутую в широтном направлении постройку. Она раскопана частично, поэтому планировку ее можно определить только в общих чертах. В ней выделяются два блока помещений симметричных относительно меридиональной оси. Между ними находится обширный внутренний двор, в котором, возможно несколько позже, была отделена восточная часть, и были устроены хозяйственные помещения. Усадьба № 4 (Жг4) представляла собой обширный (30 x 30 м) комплекс, состоящий из 13 помещений, которые относятся к двум или более строительным периодам. Структура всего здания в целом достаточно произвольна, однако отдельные его части имеют вполне четкий законченный план [2, с. 72–85]. Исследование этих усадеб позволяет сделать заключение, что Жайык являлся типичным золотоордынским городом с усадебной планировкой.

Среди общественных сооружений была исследована большая баня-хаммам с подпольным отоплением. Баня имела крестообразную планировку, что свидетельствует о том, что она предназначена для зажиточных слоев населения. Такие бани являются неременным элементом развитых урбанистических центров. В восточной части городища раскопана печь для обжига кирпича. На некрополе были вскрыты два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами. В Малом мавзолее находилось одно погребение, а в гурхане Большого мавзолея их было 11. Скорее всего, он служил семейной (родовой) усыпальницей представитель социальной элиты прижайыкской части Золотой Орды [2, с. 103–104].

В 2012 г. решением Акима города Уральска Западно-Казахстанскому областному центру истории и археологии был передан земельный участок для организации музея-заповедника под открытым небом «Городище Жайык». В связи с этим решением были проведены охранно-оградительные мероприятия. При въезде на городище установлен стела-указатель. Исследования Жайыка продолжаются и в настоящее время. В 2012–2013 гг. экспедицией Западно-Казахстан-

* Рис. 1–8 к статье см. на цв. вклейке.

ского Центра истории и археологии раскопаны производственные комплексы: горн для обжига кирпича и печь для обжига извести. Также были расчищены и подготовлены к музеефикации кирпичные сооружения – мавзолей и баня-хаммам. В 2013 г. была исследована не раскопанная до этого времени часть бани и примыкающая к зданию территория, на которой располагались жилые дома рядового населения города.

Интересный археологический комплекс раскопан на некрополе городища. Еще в 2000-е гг. здесь было расчищено основание круглого в плане сооружения из сырцового кирпича. Назначение его определялось как «башня» [3]. Однако, единственный вид башни, который может быть в золотоордынском городе – это минарет. Никаких сторожевых башен в это время не строилось. Минаретом данное сооружение также быть не может, так как рядом с ним нет мечети или какого-либо культового сооружения. Кроме того, внутри минарета должна быть винтовая лестница, ведущая наверх, чего не было в данном сооружении.

В 2013 г. было принято решение провести раскопки круглого сооружения. Была выдвинута гипотеза о том, что оно является круглым в плане башенным мавзолеем. Раскоп был заложен в 300 м к северо-востоку от Большого мавзолея. До 2013 г. в этом месте располагался поле, где культивировались зерновые и бахчевые хозяйства. На современной поверхности в 170 м к востоку от проселочной дороги зафиксированы земляные насыпи высотой 0,5–0,7 м. Поверхность на этом месте имеет небольшой уклон в южную сторону. На этой площади отмечены находки обломков жженных кирпичей, а также шлаков от таких кирпичей. Местами имеются единичные находки фрагментов красноглиняной керамики.

До раскопок объект представлял собой грунтовую насыпь диаметром 15 м и высотой 0,5 м. После снятия верхнего горизонта были обнаружены контуры круглого сооружения. Толщина стен 2,20–2,25 м. Конструктивно стены сооружения представляли собой комбинированную кладку из жженного и сырцового кирпича, а в промежутке между ними присутствует забутовка из шлака и сырца (рис. 3–5). В ходе расчистки стало известно, что в архитектурной конструкции памятника сохранились лишь нижние ярусы кирпичной кладки. Высота ее – 3–4 слоя. Целые кирпичи в кладке не прослеживались, а по внешнему периметру шла кладка из мелких обломков шириной 30–40 см. На всю высоту стены сооружения не могли быть облицованы мелкими обломками. Либо этот ряд кладки был сделан только в нижней части для защиты цоколя здания, а выше стены были из сырца, либо на кладку из обломков в верхней части стен была положена кладка из целых обожженных кирпичей. Следующий ряд кладки был из сырцового кирпича прямоугольной формы. Размеры их 15 x 30 x 6 см, 17 x 32 x 6 см, 18 x 33 x 7 см. Из сырцов состоял и внутренний ряд кладки, обращенный в помещение здания. Между рядами сырцов находился промежуток, который был забутован обломками шлака и глиной.

В центре сооружения после снятия верхнего горизонта четко просматривались контуры круглой в плане камеры. В юго-западном секторе сооружения, внешняя стена была разрушена. Возможно, на этом месте имелось грабительский вход. В южном секторе сооружения обнаружены остатки сырцовой пристройки. От стены здания в направлении ЮВ и ЮЗ отходят две стенки из сырцового кирпича в один ряд. Расстояние между стенками 4,7 м. Западная стенка сохранилась на длину около 2 м, восточная, всего на 60 см. Между стенками находился плотный завал из жженного кирпича и сырца, поверхность которого располагалась на одном уровне. Предполагается, что это остатки пандуса, который был сделан перед входом в сооружение. Подобный пандус был сделан перед входом в многогранный башенный мавзолей на урочище Кривая Лука в Нижнем Поволжье [5, с. 283; 7, с. 121; 8, с. 116].

Внутри помещения сооружения было полностью завалено обломками сырцов и обожженных кирпичей. После расчистки завала помещение приобрело правильную круглую форму. Диаметр его 5,10 м. В середине помещения, на глубине 70 см были обнаружены кости нижней части человеческого скелета, лежащие не в анатомическом порядке. Дно могилы по нахождению костей человеческого скелета отмечается на глубине 125 см от современной поверхности. В ходе расчистки были обнаружены два человеческих черепа и остальные кости скелета. Кости были разбросаны по всему периметру погребальной камеры. Еще один череп был найден в 40 см к северу от внешней стены.

В 1,5 м к западу от внешней стены сооружения обнаружено пятно желтой глины, в котором находилось скопление обломков обожженного кирпича и сырцов. Пятно имело овальную форму размерами 2,5 x 2,8 м. Аналогичное скопление прослежено и в восточном секторе, в 3,60 м от

внешней стены сооружения. Размер его 3,40 x 2,80 м. Зачистка скоплений выявила небольшие искусственные углубления (глубина – 10–12 см), что наводит на мысль, о том, что первоначально в материке были вырыты углубления для выкладки сооружения.

К югу от основного сооружения, в 5–5,5 м от его фасада, в материке найдены пять ям, расположенных цепочкой. Ямы круглые в плане, диаметром 50–75 см, глубина из 40–50 см. Расстояние между ямами 1,5 – 2,5 м. Заполнение этих ям было стерильным и отличалось от материка только по цвету (рис. 3).

С южной и западной сторон от круглого сооружения, примерно в 5 м. от него при зачистке были обнаружены остатки сырцово-красной стены. В высоту стена сохранилась всего на 15–20 см. Толщина ее составляла 30–40 см. С западной и северной сторон также прослеживались остатки сырцов, лежащих в линию. Таким образом, скорее всего, сооружение по периметру было обнесено оградой из сырцового кирпича.

Можно попытаться дать интерпретацию раскопанному объекту. Вне всякого сомнения, он представляет собой крупный погребальный комплекс, в центре которого находится круглый в плане мавзолей диаметром 9,0 м. Круглые в плане башенные мавзолеи представляют одну из основных линий развития мусульманских погребальных сооружений. Впервые они появляются в Иране. Ранние мавзолеи Ирана (и связанных с ним регионов) делятся на две большие типологические группы: здания кубического объема, увенчанные куполом и башенные постройки. Башенные мавзолеи строились для правителей и других светских лиц. Квадратные в плане купольные постройки служили местом погребения и почитания духовных лиц – имамзода.

Самым ранним образцом башенного мавзолея является башня Гунбад-и Кабус. Мавзолей представляет собой круглую, слегка сужающуюся кверху башню под коническим куполом. Ствол расчленяют десять треугольных выступающих ребер, которые упираются внизу и вверху в покатый обреш. Здание опоясывают две надписи, на высоте 8 м под крышей. На них изображено имя Кабуса и время постройки мавзолея – 1006–1007 гг. Башня Кабуса представляет собой грандиозную постройку, не имеющую аналогов в средневековом зодчестве. Диаметр ее составляет 14,6 м, высота около 51 м, еще на 10 м в глубину уходит фундамент. Происхождение этого мавзолея достаточно туманно. Считается, что он был построен как фамильная усыпальница семьи перешедшей к исламу от зороастризма и тесно связанной с доисламскими традициями. Это подтверждается использованием как солнечного, так и лунного календаря в надписях на ней. В Иране известны и другие башенные мавзолеи. Это Гунбад-и Али (1056 г.) в Йазде, гробницы Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане, башня Тугрил-бека (1136 г.) в Рее, Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, мавзолей в Бестапе (XIII–XIV вв.) и Мавзолей в Радкане (1281 г.) [15, р. 34–42]. Башенные мавзолеи Ирана могут быть круглыми в плане, круглыми с гофрированными стенами и многогранными (рис. 6).

Башенные мавзолеи круглого плана и многогранные с высокими цоколями и без них являются преобладающим типом мемориальных построек в Азербайджане в XII–XIV вв. Л.С. Бретаницкий отмечает, что наибольшая их концентрация наблюдается в южных областях Азербайджана, тесно связанных с Ираном [4, с. 99]. Это мавзолей Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Моминехатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, мавзолей Гюлистан в с. Джуга (XII–XIII в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.), мавзолей в Барде (XIV в.) и др. (рис. 7: 1–4) [4, с. 96–199; 12, с. 80–104, 127–162].

Широчайшее распространение получили башенные мавзолеи в Малой Азии в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.), Юч Кюмбетлер и другие мавзолеи в Эрзеруме (XII–XIV вв.), Чифте Кюмбет в Ахлате (XIII в.) и др. (рис. 7: 5–8) [13, с. 306–311, 540–542; 14, с. 50–53].

На территории Казахстана также имеются башенные мемориальные постройки достаточно архаического облика. Это башни X–XI вв. Сараман-коса и Бегим-ана (Бегим-мунара) и Узынтам в Низовьях Сырдарьи (рис. 8: 1–3).

По поводу возникновения мемориальных памятников подобных форм существуют различные точки зрения, но все исследователи связывают их происхождение с кочевниками. Широко распространенной является гипотеза о трансформации в башенные постройки жилищ кочевников, таких как юрта (например, Е. Диц). Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в работах Г.А. Пугаченковой. Исследовательница высказала предположение, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним кургано-

образным надмогильным сооружениям [9, с. 57–77]. Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Рубрука пирамидки, водружаемых на курганах половцами [10, с. 101]. По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием [9, с. 69–74]. В дальнейшем пирамидальные и башенные поминальные памятники тюрок трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX – началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана [1, с. 222–231]. В основном, это небольшие постройки из сырцового кирпича, но иногда они достигают значительных размеров, как мавзолей Балтабека кожи в Восточном Казахстане, высота которого составляет 16 м (рис. 8: 4–9).

Подобное башенное сооружение является центром культурного комплекса в Жайыке. Диаметр Жайыкского мавзолея составляет 9 м. Значительная толщина стен (более 2 м) позволяет предположить, что здание было достаточно высоким. Его высота могла составлять 15 м и более. Для сравнения можно указать, что известная башня Сараман Коса имеет нижний диаметр 12 м, а высоту 15 м. Толщина стен ее – 1,6 м (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Сараман-Коса>).

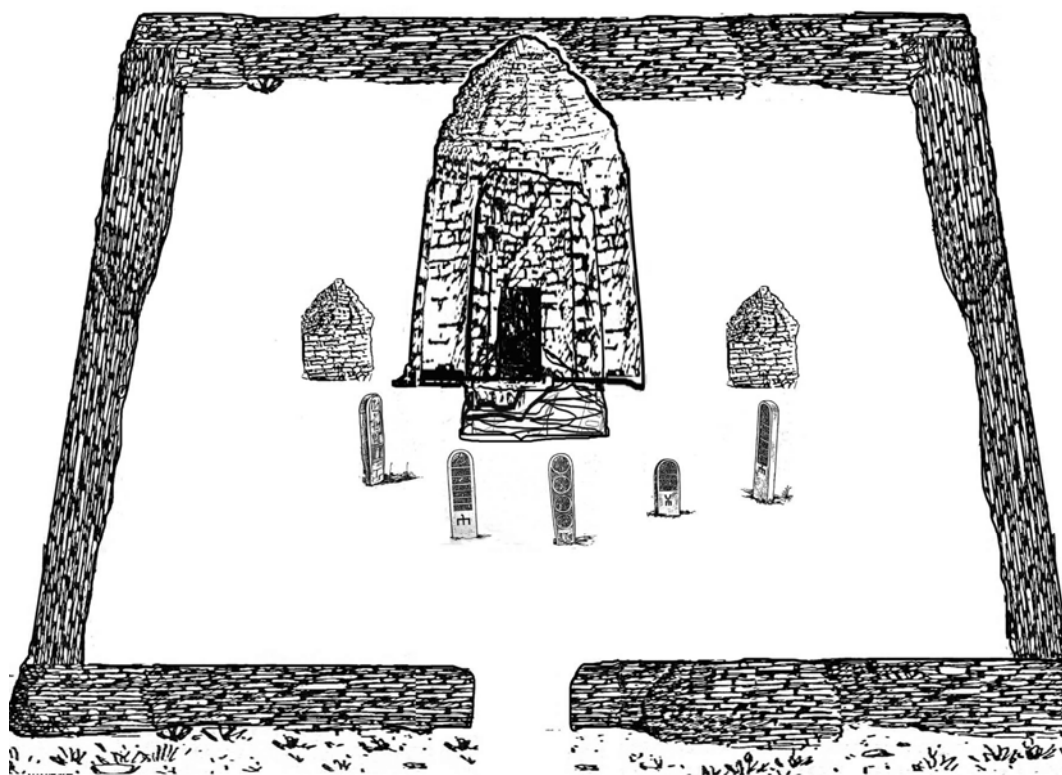

Рис. 9. Реконструкция культурного комплекса в Жайыке

Гораздо сложнее определить, формы небольших сооружений, расположенных с востока и запада от основного здания мавзолея. Судя по тому, что от них остались очень незначительные развалы, можно предположить, что они не имели большой высоты. Никаких следов захоронений в них также не обнаружено. Следовательно они выполняли чисто декоративную функцию. Можно предположить, что это были небольшие сплошные башенки, скорее всего, также с купольным завершением. Такие небольшие камеры бывают пристроены к основному погребальному сооружению. В них могут находиться захоронения, но в некоторых случаях они выполняют объемно-декоративную функцию [1, с. 277, 278]. На Жайыке сооружения малых форм поставлены не вплотную к мавзолею, а на некотором расстоянии от него.

Также необходимо интерпретировать ямы, находящиеся перед фасадом мавзолея. Все они имеют примерно одинаковые размеры и расположены не беспорядочно, а цепочкой, образующей полукруг перед входом в мавзолей. Можно предположить, что здесь были вкопаны каменные стелы (купылтасы). На то, что стелы были именно каменными, указывает тот факт, что в ямах нахо-

дился стерильный грунт. Если бы стелы были из дерева, в них непременно сохранились бы хоть какие-то остатки древесного тлена. Купылтасы являются самостоятельными формами погребально-культовой архитектуры, в то же время, как указывает С.Е. Ажигали, они могут являться частью единого композитного памятника [1, с. 319]. Исследователь приводит примеры, когда купылтасы устанавливаются снаружи мавзолея и образуют с ним единый комплекс [1, с. 364].

Таким образом, в результате работ 2013 г. на некрополе городища Жайык был исследован сложный погребальный комплекс. Центром его являлся круглый в плане башенный мавзолей значительной высоты. С двух сторон от него находились небольшие круглые в плане декоративные сооружения, скорее всего, с купольным завершением. Перед входом в мавзолей были поставлены каменные стелы-купылтасы. Сакральное пространство вокруг мавзолея и малых погребальных сооружений было обнесено стеной из сырцового кирпича (рис. 9).

Особо следует отметить, что данный погребальный комплекс, расположенный в городском некрополе, несет в себе черты тесной связи с кочевой средой. Прежде всего, сама форма башенного мавзолея с шатровым куполом восходит к кочевническим курганообразным погребальным сооружениям [9, с. 74]. В дальнейшем сырцовые башенные, конические и пирамидальные мавзолеи продолжают оставаться наиболее распространенным типом погребальных построек в степной зоне, населенной полукочевыми и кочевыми народами. Стелы-купылтасы также указывают на связь с кочевой средой. Как убедительно показал С.Е. Ажигали, этот тип надмогильных памятников возникает у кипчакских и огузских народов в результате трансформации деревянной резной коновязи в каменную резную стелу. Стела-купылтас, установленная на некрополе, олицетворяет характерную для большинства кочевых народов космическую жертву коня [1, с. 421–423].

В том же некрополе Жайыка, всего в 300 м от этого комплекса находились мавзолеи, архитектурные формы которых связаны с оседлым городским населением Золотой Орды. Постройки возведены в традициях зодчества Среднего Востока: они сложены из обожженного кирпича и богато декорированы изразцами. Причем, судя по находкам, декор был как внешний, так и внутренний. Снаружи стены были украшены поливными кирпичами и монохромными майоликовыми плитками, а внутри покрыты мозаиками из полихромных изразцов с подглазурной росписью и позолотой. По планировке оба мавзолея относились к многокамерным продольноосевым постройкам. Они состоят из небольшого прямоугольного в плане тамбурного помещения (зиорат-ханы) и квадратной усыпальницы (гур-ханы). Разница заключается в том, что Малый мавзолей был фасадным, а Большой имел выступающий портал. Такой тип планировки не известен в Средней Азии и Иране и является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев [8, с. 154–155].

Таким образом, постройки некрополя Жайыка отражают дуализм золотоордынского государства, составными частями которого являлись города с развитой урбанистической культурой и степи, в которых сохранялся традиционный кочевнический уклад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002, 652 с.
2. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: «Credo», 2005, 220 с.
3. Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Иночкин В.А., Кривобокова С.С., Сдыков М.Н. Уральск: древний и современный. Очерки истории. Уральск: «Полиграфсервис», 2012, 336 с.
4. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1966, 560 с.
5. Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2005, с. 281–303.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: «Наука», 1985, 246 с.
7. Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения городов Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 2, с. 119–140.
8. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество. М.-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
9. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 1 (ред. М.Е.Массон). Ашхабад: Типография Туркменского филиала Академии наук СССР, 1949, с. 57–75.

10. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гийлем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М.: «Мысль», 1997, с. 78–149.
11. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. Большая Карта Москвы Антония Дженкинсона 1582 г. М.: Наука, 1974, 112 с.
12. Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и стройматериалам, 1963, 550 с.
13. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
14. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Taschen, 1998. 238 p.
15. Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.
16. <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Сведения об авторах: Эмма Давидовна Зиливинская – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук, доктор исторических наук (1999), Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); eziliv@mail.ru

Мурат Дабылович Калменов – старший научный сотрудник Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, кандидат исторических наук (090000, пр. Достык, 184, Уральск, Республика Казахстан); arhcentr@mail.kz

Мурат Наурузгалиевич Сдыков – директор Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, профессор, доктор исторических наук (090000, пр. Достык, 184, Уральск, Республика Казахстан); arhcentr@mail.kz

Cult Complex of the 14th century on Zhaiyk Site in the Western Kazakhstan

E.D. Zilivinskaya

*(N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)*

M.D. Kalmenov, M.N. Sdykov

(West Kazakhstan Regional Center of History and Archeology)

Western Kazakhstan is a rather poorly studied region of the Golden Horde. Until recently, only two settlements, i.e. Saraychik and Tendykskoe, were identified in the lower reaches of the Ural River. The Ural archeological expedition found a large settlement of Zhaiyk near the city of Uralsk. Large-scale excavations in the early 2000s revealed four large estates, a public bath, industrial complexes and two richly decorated mausoleums.

At present, the excavations continue. In 2013, a cult funerary complex with a round tower mausoleum was investigated at Zhaiyk. Such tombs are known in Iran, Azerbaijan and Asia Minor and were widespread in Kazakhstan in the Middle Ages and modern times. Researchers relate tower mausoleums to burial mounds of the nomads. Two small buildings stood on both sides of the Zhaiyk mausoleum, and stone stelae were set in the ground in front of it. The complex was fenced off. This funerary complex, though located in the city necropolis, is closely related to the nomadic milieu.

Keywords: Western Kazakhstan, city, cult complex, tower mausoleums, funeral stelae, nomadic traditions.

REFERENCES

1. Azhigali S.E. *Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona)* [Architecture of the Nomads. The Phenomenon of the History and Culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)]. Almaty: «Gylym», 2002. 652 p.
2. Baypakov K.M., Smagulov E.A., Akhatov G.A. *Srednevekovoe gorodishche Jayyk* [The Medieval Zhaiyk Site]. Almaty: «Credo», 2005. 220 p.
3. Baypakov K.M., Erofeeva I.V., Inochkin V.A., Krivobokova S.S., Sdykov M.N. *Ural'sk: drevniy i sovremnyy. Ocherki istorii* [Uralsk: Ancient and Modern. Essays on the History]. Ural'sk: «Poligrafservis», 2012. 336 p.
4. Bretanitskiy L.S. *Zodchestvo Azerbaydzhana XII–XV vv. i ego mesto v arkhitekture Perednego vostoka* [Architecture of Azerbaijan of the 12th–15th centuries, and Its Place in the Architecture of the Near East]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1966. 560 p.
5. V.V.Dvornichenko, E.D. Zilivinskaya. *Srednevekovye pogrebal'nye sooruzheniya iz mogil'nika Krivaya Luka v Astrakhanskoj oblasti* [Medieval Burial Structures from the Burial Krivaya Luka in the Astrakhan Region].

Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]. Vol. 7. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta, 2005, pp. 281–303.

6. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries] Moscow: «Nauka», 1985. 246 p.

7. Zilivinskaya, E.D. K voprosu o formirovaniy pogrebal'nykh sooruzheniy naseleniya gorodov Nizhnego Povolzh'ya v zolotoordynskoe vremya [On the Formation of Burial Structures of the Lower Volga Region's Urban Population during the Golden Horde Period]. *Vestnik Moskovskogo univversiteta* [Bulletin of Moscow University], Seriya 8. Istoriya. 2009, no. 2, pp. 119–140.

8. Zilivinskaya E. *Arkhitektura Zolotoy Ordy. Chast' I. Kul'tovoe zodchestvo.* [The Architecture of the Golden Horde. Part I. Cult Monuments]. Moscow-Kazan': «Otechestvo», 2014. 448 p.

9. Pugachenkova G.A. K probleme vznikeniya shatrovykh mavzoleev Khorasana [On the Problem of the Emergence of Tent Mausoleums of Khorasan]. *Materialy Juzhno-Turkmenistanskoj arheologicheskoy kompleksnoj jekspedicii* [Materials of the Southern Turkmenistan Complex Archaeological Expedition], Vol. 1 (red. M.E. Masson). Ashkhabad: tipografiya Turkmenskogo filiala Akademii nauk SSSR, 1949, pp. 57–75.

10. Rubruk G. Puteshestviya v vostochnye strany. *Dzhovanni del' Plano Karpini. Istoriya mongalov; Gil'em de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany; Kniga marko Polo* [Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongals; Guillaume de Rubruk. Travel to the Eastern Countries; The Book of Marco Polo]. Moscow: «Mysl'», 1997, pp. 78–149.

11. Rybakov B.A. *Russkie karty Moskovii. Bol'shaya Karta Moskvy Antoniya Dzhenkinsona 1582 g.* [Russian Maps of Muscovy. Great Map of Moscow by Anthony Jenkinson 1582]. Moscow: «Nauka», 1974. 112 p.

12. Usseyinov M.A., Bretanitskiy L.S., Salamazade A. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana* [History of Architecture of Azerbaijan]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, arkhitekture i stroymaterialam, 1963. 550 p.

13. Hillenbrand R. *Islamic Architecture.* New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.

14. Stierlin H. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans.* Köln: Taschen, 1998. 238 p.

15. Stierlin H. *Persian Art & Architecture.* London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.

16. <https://ru.wikipedia.org/wiki>

About the authors: Emma Davidovna Zilivinskaya – Leading Researcher, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History) (119991, Leninsky Prospect, 32a, Moscow, Russian Federation); eziliv@mail.ru

Murat Dabylovich Kalmenov – Senior Research Fellow at the Western Kazakhstan regional center of history and archeology, Cand. Sci. (History) (090000, Dostyk ave., 184, Uralsk, Kazakhstan); arhcentr@mail.kz

Murat Nauruzgalievich Sdykov – Director of the Western Kazakhstan regional center of history and archeology, Professor, Dr. Sci. (History) (090000, Dostyk ave., 184, Uralsk, Kazakhstan); arhcentr@mail.kz

К вопросу о назначении здания Черной Палаты в городе Болгаре

Г.Ф. Валеева-Сулейманова
(Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

Статья посвящена изучению вопроса о назначении здания Черной Палаты в г. Болгаре, который до сих пор является актуальным, поскольку нет единого мнения ни о функции этого здания, ни о дате его постройки; большинством исследователей не принята существующая архитектурная реконструкция сооружения. Здание расположено в центре северной половины Булгарского городища, в 400 метрах к югу от Соборной мечети, является наиболее интересным по архитектуре из сохранившихся памятников. Объемно-пространственное решение Черной Палаты претерпело изменения в виду разрушений и неудачных реставраций. На основе анализа документальных материалов и ранее проводившихся исследований автор делает попытку обосновать назначение здания, как ханака или зикрхана (сама-хана) с расположением в ней захоронения одного из шейхов тариката. В статье проводится анализ планировки, объемно-пространственной композиции, архитектурной организации интерьера и его декора с точки зрения его функционального назначения и мистических смыслов суфийского учения. Планировка, объемно-пространственное решение и архитектурный декор Черной Палаты отражают церемониальную специфику зикра и эзотерические смыслы суфийского учения. Наличие подпольного склепа свидетельствует о захоронении духовного наставника – шейха и, возможно, его последователей, и о разграничении символических функций ханаки («дом мира» с небесным сводом) и усыпальницы. Тем не менее, совмещение зала для зикров и захоронения в одном здании позволяет отнести Черную Палату к культово-мемориальным памятникам.

Ключевые слова: золотоордынская болгарская архитектура, ханака, мечеть, мавзолей, зикрхана, сама-хана, суфизм, тарикат, шейх, зикр.

Один из выдающихся памятников золотоордынской болгарской архитектуры, великолепный образец средневекового зодчества и монументально-декоративного искусства – «Черная Палата», до сих пор не получил однозначного ответа по поводу его назначения. В исследованиях ученых он считался Судной палатой (П.С. Паллас, С.С. Айдаров), мечетью (И.Березин, А.П.Смирнов), мавзолеем (В.В.Егерев, Э.Д. Зиливинская), ханакой (Ф.Х. Валеев, А.П.Смирнов). В последнем по времени, посвященном Черной Палате исследовании, оно отнесено к центральному типу мавзолеев [10]. Не отрицая возможности использования его для захоронения и обращая внимание на многофункциональную специфику многих архитектурных форм в зодчестве мусульманских стран, особенно в таких зданиях, как ханаки [29, с. 12; 41], автор видит свою задачу в обосновании культово-мемориального назначения сооружения, предназначенного для суфийских радений.

Здание расположено в центре северной половины Булгарского городища, в 400 метрах к югу от Соборной мечети, является наиболее интересным по архитектуре из сохранившихся памятников. Свое название оно получило из-за цвета, покрытых черной сажей внутренних стен, поскольку использовалось монахами, устроенного на городище Успенского монастыря, под коптильню продаваемой ими свинины [20]. Официальная датировка относит памятник к середине 14 века [15, с.301]. Архитектор В.Егерев, исследовавший архитектурно-конструктивные и стилистические признаки Черной Палаты, отнес ее строительство к концу XII – началу XIII вв.; производивший обмеры Черной Палаты архитектор Р.М.Муртазин отнес постройку к XII–XIII вв. [14, с. 27].

Объемно-пространственное решение Черной Палаты претерпело изменения в виду разрушений и неудачных реставраций. Несохранившийся наружный объем имел размеры 15 на 16 метров. Сохранившийся центральный объем – 10 на 10 метров, его внутренние габариты – 7 на 7 метров. Здание относится к типу центрально-купольных: квадратное в плане 4-х ярусное сооружение увенчано куполом в виде неправильной усеченной полусферы. Зенит купола имел круглое сквозное отверстие, и общая высота здания достигает 12 м.

Вся постройка выполнена в туфе, за исключением отдельных конструкций, в частности углов, выложенных известняком. Первый этаж высотой 2,2 м, неосвещенный, имеет с северной сто-

роны вход со стрельчатым верхом, образуя цоколь здания. Оно отделялось от второго этажа деревянным балочным перекрытием. По мнению исследователей, это помещение было наземным склепом [8, с.12].

Высокий купольный зал второго этажа разделен на три яруса: дверные проемы по странам света и глубокие ниши на южной стене первого яруса; второй квадратный и третий – восьмигранный яруса имеют стрельчатой формы ниши с оконными проемами на каждой из их граней. Места перехода от квадратного основания к восьмерику конструктивно оформлены tromпами с остатками сталактитов, сталактиты же оформляют углы восьмигранного пояса при переходе к круглому основанию купола.

Наиболее раннее описание здания Черной Палаты было оставлено дяком А. Михайловым в 1712 г. в «Выписи с межевых книг Успенскому монастырю». Он сообщает о двух этажах здания: с одним входом на первом этаже и шести «двери» (включая оконные проемы – Г.Ф.) на втором, а также о «приделах» или пристроях к зданию [8, с. 9].

Академик П.С. Паллас в 1768 г. также обращал внимание на «комнаты» вокруг главного строения, ход к которым был снаружи. Он описал их: «на восточной стороне находятся три малые комнаты, на южной две побольше и в середине отделенные, а на западной стороне одна длинная комната», «на северной стороне главного строения, на которой сделан вход не видно следов побочных комнат» [8, с. 9].

В 1870-е гг. в здании Черной Палаты Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете был устроен музей древностей, что привело к определенным изменениям, которые, вероятно, были произведены и при приспособлении здания под коптильню. Оно пришло в аварийное состояние и капитальные работы по его восстановлению были осуществлены в 1884 г. под руководством архитектора Х.Г.Пашковского, однако, как писал А.П.Смирнов, это был скорее ремонт, нежели реставрация, «без соблюдения основных археолого-архитектурных требований» [19, с. 6]. При этом был заделан большой пролом на южной стене, разрушенные стрельчатые арки восстановлены кирпичом, а внутренняя ниша на стене, обращенная к югу, восстановлена полуциркульной аркой. Остатки стен от бывших пристроек не были восстановлены [14, с. 21].

Архитектурные обмеры и графические чертежи сохранившегося объема здания Черной Палаты, были произведены архитектором Р.М.Муртазиным в 1938–41-х гг. В 1997–87 гг. под руководством архитекторов С.С.Айдарова и Р.В.Билялова была осуществлена фрагментарная реставрация памятника. Однако она основывалась на развенчанной позднейшими исследователями идее о назначении этого памятника, как Судной палаты. О результатах такой реставрации негативно отзывались археологи. Р.Г.Фахрутдинов оспорил вид обходной галереи и лестницы, ведущие на второй этаж [25, с. 79].

Надо заметить, что принятая С.С.Айдаровым версия о назначении Черной Палаты опиралась на ведение П.Палласа, который ссылался на местных жителей, называвших ее судейским домом [8, с. 9]. С.Айдаров проводил аналогии с архитектурой здания Диван-хане из комплекса бакинского дворца Ширваншахов, которое некоторые относили к Судной палате. Однако его точка зрения была отмечена Ф.Х.Валеевым, обратившем внимание на несоответствие в планировке, объемно-пространственном решении и датировке (конец XV в.) здания Диван-хане и Черной Палаты [6, с. 140]. К тому же, большинство исследователей архитектуры Азербайджана отнесли здание Диван-хане к мемориальным сооружениям с подземным склепом [23].

Версии о Черной Палате, как о мечети, причем соборной, придерживался И.Н.Березин. Пристройки к зданию он отнес к помещениям для служителей мечети, и считал их необходимыми конструктивными элементами, выполнявшими роль контрфорсов [8, с. 10].

Мнение о Черной Палате, как мавзолее, среди архитекторов, разделял В.Егерев и большинство археологов. Из последних, изучавших Черную Палату, надо отметить Э.Д. Зиливинскую, собравшую обширный свод сравнительных материалов, касающихся назначения Черной Палаты, как мавзолея [10].

В.Егерев видел архитектурные аналоги Черной Палаты в Средней Азии (мавзолеи Саманидов в Бухаре, султана Санджара в Мерве и др.) в традициях домонгольского хорезмийского и сельджукского зодчества [8, с. 12–13]. Однако, начиная с XII в., в архитектуре среднеазиатских мавзолеев (Фахраддина Рази, султана Текеша в Ургенче, мавзолеи Узгента) выявляется выраженный входной портал, и в золотоордынскую эпоху, повсеместно утверждается тип портално-купольного мавзолея, о чем свидетельствуют и сохранившиеся здания мавзолеев города Болгара

(Ханская усыпальница, Большой и Малый мавзолеи), чего нельзя сказать об архитектуре Черной Палаты, относящейся к типу центрично-купольных сооружений.

Последовательное мнение о Черной Палате, как о ханаке (текие) высказал архитектор и искусствовед Ф.Х.Валеев [6, с. 140]. Он сравнил ее с более поздним по времени текие дервишей в Евпатории (Гезлев), находя с ним наиболее близкие аналогии. В плане гезлевское текие также представляет собой квадрат, кубический объем которого переходит в восьмерик и завершается куполом. Однако здесь худжры примыкают к центральной купольной части здания по всему периметру, полностью обрамляя зал и пространственно с ним соединяясь. В отличие от Черной Палаты, в которой доминирующую роль играет церемониальный купольный зал, и худжры (возможно вместе с пристроенными помещениями для тахарат – омовения), в планировку этого зала не вписываются, текие в Гезлеве отражает сложившийся в средневековой мусульманской архитектуре тип дервишской обители – ханаки.

Вообще, виды и типы суфийских зданий сформировались в исламской архитектуре к X в. В их числе были ханака, текие, рибаты, завия. Здания ханак в мусульманских странах (Египет, Турция, Средняя Азия, Крым и др.) отличаются квадратным планом, симметричной осевой планировкой, наличием высокого купольного зала, геометрическими формами объемов, строгостью и четкостью пропорций, что соответствует облику Черной Палаты.

В домонгольское время типичная планировка ханаки тяготела к центричности [26, с. 277–278]. С усилением роли суфизма, ее архитектурный облик менялся в сторону усложнения и обогащения. Тем не менее, главным, центральным местом или ядром в планировке ханаки оставался обширный купольный зал для проведения суфийских радений – зикров. Он был и местом для совершения намаза. В то же время, ханака, если и не была общественной мечетью, тем не менее, имела михраб для указания кыйблы и для исполнения действий, связанных с суфийским ритуалом. К ханакам пристраивали кельи – худжры для временного пристанища дервишей или же они были частью внутреннего пространства, как правило, располагаясь вокруг зикрханы.

В ханаке или поблизости от нее находилось захоронение шейха, то есть она одновременно выполняла и функцию усыпальницы. Обычно это происходило, когда определенное суфийское братство объединялось вокруг своего духовного наставника-шейха, выступавшего последователем основателя того или иного тариката, пропагандировало его имя и религиозно-мистический опыт, философию и образ жизни.

Таковую же функцию выполняло и завия – жилище шейха, муршида – духовного наставника, в котором он обучал своих последователей. На раннем этапе развития суфизма завия использовали, как ханаку. Появление завии связано с практикой учителя – одиночки, относящегося к тому или иному тарикату.

XI–XII вв. – время повсеместного распространения суфизма в Поволжье и, как известно, по письменным источникам, суфийские шейхи участвовали в миссионерской деятельности по распространению ислама на территории Волжской Булгарии и Золотой Орды. Первым из суфийских братств был тарикат Ахмеда Ясави (умер в 1166), близкий традициям тюркского кочевого мировоззрения и получивший широкую популярность в Поволжье с домонгольского времени [12, с. 69]. Крупными центрами этого тариката были Хорезм и Булгар. Появление в Поволжье тариката – кубравия, основанного Наджм ад-дином Кубра (1145–1221), относят ко второй половине XIII в. [12, с. 73].

Одни из немногих дошедших до нас имен булгарских суфиев XII–XIII вв.: Халид ал-Булгари (был жив в 1106 году) – кади (судья) г.Булгара, последователь тариката ясавия [7, с. 57]; шейх Хасан ал-Булгари (умер в 1299), последователь тариката кубравия [12, с. 72–73]. Последний похоронен в Бухаре, и его могила, получившая известность, как захоронение «Ходжа Булгари», была объектом паломничества [27, с. 145]. Как считают исследователи, местные суфии почти всегда являлись представителями традиционного ислама, и тюркский суфизм в форме тариката ясавия был частью официального вероучения [12, с. 70].

В Золотой Орде суфизм также был одной из официальных форм ислама. Например, золотоордынский хан Берке был последователем кубравии [21, т.1, с. 369, 478], хан Узбек – ясави в лице духовного отца Сайид Ата [21, т. 2, с. 207]. Суфии – дервиши упоминаются в ханских ярлыках (ярлык Тимур-Кутлука) среди названий должностных лиц и сословий [7, с. 82–83]. Как считает Дж.Тримингем, роль суфизма в Золотой Орде была значительной, но скорее, не в качестве пути мистического познания, а благодаря святым, которые наделялись сверх естественной силой, про-

являвшейся даже после их смерти и исходившей от их гробниц, воздвигнутых принявшими ислам монгольскими правителями [22, с. 81–82].

По сведениям Ибн-Баттуты, при выезде из Хорезма находилась завия, построенная на могиле шейха Наджм ад-дина Кубра» [21, т.1, с. 308–309].

Рядом с ней была расположена еще одна завия, шейхом которой был Джалал ад-дин ас-Самарканди. Описал он и ханаки, как опорные пункты в религиозной деятельности Золотой Орды, повидав их в гг. Солхате, Маджаре, Сарае, Ургенче и других местах.

Сохранившийся до нас мавзолеем Наджм ад-дина Кубра (первая четверть XIV в.), построенный над могилой основателя суфийского братства, использовался одновременно для собраний дервишей и был ханакой. Для последней были приспособлены два боковых купольных помещения Т-образного в плане сооружения, в то время, как мавзолеем находился в центре по оси север – юг, и высокий порталый вход в него был с южной стороны. Подобную же планировку и назначение имел мавзолеем-ханака, исследованный археологом А.Е.Алиховой в золотоордынском городе Мохши (Наровчат). Массивный порталый вход в здание находился с южной стороны, а вход в подземный склеп – с восточной. В отличие от предыдущего здания, в котором из трех залов два – использовались для радений суфиев, в мавзолеем-ханаке в Мохши, построенном в одно время с мавзолеем Наджм-ад дина Кубра, для радений могли использоваться, три купольных зала, по-скольку захоронение, как и в Черной Палате, находилось в склепе [11, с. 92–93].

Хронологически соответствующие времени и культурным традициям Золотой Орды ханаки были исследованы К.М. Байпаковым на территории Западного Казахстана в джагатайских городах Каялыке и Сауране. В отличие от домонгольских, они представляют собой более развитую структуру зданий с дополнительными помещениями, однако в их планировочной структуре центральное место занимает зал для радений. В Сауране квадратный в плане купольный зал ханаки с четырьмя нишами, через проходы в них соединялся с помещениями жилого и хозяйственного назначения. Ханака в Каялыке была построена при мавзолее [9, с.57–58, 192].

Казахстанские ханаки имеют важное значение, не столько с точки зрения архитектурной стилистики здания Черной Палаты, справедливо отнесенной Ф.Х.Валеевым к малоазийско-крымско-закавказской традиции [6, с. 141], сколько с точки зрения их функциональных и идеологических особенностей, поскольку носителями ислама в форме суфизма в золотоордынский период были, преимущественно, кочевые тюрки.

В виду разрушений и неудачных реставраций здания Черной Палаты сложно определить его первоначальную архитектуру, особенно это касается первого и второго этажей. Вход был в цокольный этаж, в то же время доступ к входным проемам второго этажа был возможен или через обходную галерею или через пристроенные некогда помещения. По версии С.С. Айдарова, с северо-западной стороны здания находился вход на галерею, а с северной стороны – главный вход в центральный объем. То есть пристроенные помещения были на уровне второго этажа здания. Получается, что два входа были через боковые помещения, и это совпадает с планировкой гезлевской ханаки, в которой в зал для радений можно было попасть через ниши из худжр.

Другое важное отличие с мавзолеем – наличие в них порталых входов, что не зафиксировано в планировочной композиции Черной Палаты. Кроме того, вход в болгарские мавзолеи устроен с южной стороны, в то время, как с дневной поверхности земли в Черную Палату можно попасть с севера – в склеп. И, конечно, к важным отличиям надо отнести, разрушенные помещения пристроенные к основному объему здания, что также характерно для планировки ранних построек ханак.

Еще один спорный момент в архитектурной композиции фасадов Черной Палаты. По мнению Р.М.Муртазина, входного проема на южной стене могло не быть. До ремонта здания в 1884 году на южной стене был большой пролом. Возможно, он был связан с разрушением михраба, как символа ислама. Во время ремонта пролом был заделан «частично кирпичом и частично камнем, находившимся там же, на месте разрушения» [14, с. 21]. С.Айдаров, Э. Зиливинская считают, что в южной стене Черной Палаты был порталый вход, при этом Айдаров предполагал, что по сторонам от него располагались дверные проемы в боковые помещения второго яруса пристроенных объемов.

Большинство исследователей придерживается мнения о том, что основной вход в купольный зал был с севера. Именно над стрельчатой нишей дверного проема северной стены обмерами Р.Муртазина зафиксировано специальное углубление, предназначавшееся для плиты с сурами из Корана, как это имело место над входом в Малый минарет и Соборную мечеть в Болгаре [14, табл. 2; 6, с. 140–141].

Вообще надо отметить, что никто из исследователей Черной Палаты, кроме С.Айдарова, не смог предложить гипотезу о том, как был устроен вход на второй ярус сооружения, который возвышался над землей, судя по рисунку братьев Чернецовых (1838 г.)*, почти что в полный рост человека. Бесспорно только то, что основное помещение, представленное высоким купольным залом, началось со второго этажа. Об этом свидетельствуют стены цокольного этажа, которые, в отличие от оштукатуренных плоскостей второго этажа, были в «грубом необработанном виде» [8, с. 11].

Для нас представляет интерес помещение второго этажа, которое формирует объемно-пространственную структуру здания Черной Палаты и отражает его функцию, как помещения, предназначенного для суфийского церемониала. Тайный смысл его непосредственным образом связан с погребением, по-видимому, шейха, имя которого нам неизвестно, но, бесспорно, крупного представителя одного из тарикатов, предположительно, ясавии.

Ярусность здания, его декор, используемые мотивы, наличие множества световых проемов, ослепительно белая облицовка стен с лепным орнаментальным декором свидетельствуют о влиянии идей, основанных на символично-аллегорическом знании. Оно зашифровано и в пространственной структуре Черной Палаты и в ее орнаментальных деталях.

Решение внешнего объема и внутреннего пространства здания обнаруживают единый замысел, основанный на рациональном и мистическом опыте познания сути явлений. Архитектурная организация интерьера находится в органическом единстве с центрической композицией экстерьера Черной Палаты. Кубический объем, основанный на квадратном плане, через восьмигранный пояс завершаются куполом, как символом небесной сферы.

Внутреннее пространство построено на ярусном членении по вертикали и принципе нарастания насыщенности декора по высоте помещения. На первом ярусе тимпаны обрамлений дверных проемов украшаются рельефными розетками в виде шести конечных звезд, на втором – тимпаны ниш и оконных проемов декорируются круглыми фестончатыми розетками, на третьем – боковые грани ниш и проемов декорированы трехчетвертными колоннами с капителями в форме цветка тюльпана. В местах перехода от четверика к восьмерику использованы полусферические тропы со сталактитами. В углах восьмигранного пояса для конструктивного перехода к круглому основанию купола устроены сталактиты. Завершается развитие по вертикали купольным сводом. Нарастающая по вертикали пластика интерьера усиливается за счет светотеневых эффектов, чему способствует световой проем в вершине купола. Пространство интерьера с завершением в форме купола, являющегося наиболее важным элементом в его символике, отражает микрокосм Мироздания.

Как известно, в Коране трехчастная модель мира отображена в качестве образа здания. Конструктивные элементы в нем, такие, как колонны, пол соотносятся с горами и равнинными землями. Верхняя часть – свод здания символизирует небесный сакральный мир. Нижняя часть – земной, профанический мир. Восьмигранный пояс Черной Палаты с восемью оконными проемами, это олицетворение священной ограды Рая, в который, как сказано в одном из Хадисов, ведут восемь дверей.

Пространство церемониального зала суфии трактовали, как модель Вселенной с Божественной сущностью, проникающей через свет в куполе [24, с. 310–320]. Вообще, символика света занимала важное место в учении суфиев, согласно которому само бытие, есть свет. Центр купола со световым проемом – символ единства мира, и в суфийском мировосприятии связан с вознесением Пророка к небесному престолу, духовным восхождением мистика к личной близости с Творцом [24, с. 310–320].

Световой проем в купольном своде Черной Палаты ассоциирует ее интерьер и со смысловой структурой юрты, увенчанной шаныраком, семантическое пространство которой тоже моделируется по линии «верх-низ». В вертикальном движении и ярусности Черной Палаты прослеживается иерархическая лестница на верхние ступени мистического познания. Это соотносится со ступенями восхождения суфия к Совершенству, к божественной сущности и со стоянками (макам) в устремлениях к единению с Аллахом.

Такие детали убранства, как цветочные розетки, мотивы тюльпана в завершениях капителей трехчетвертных колонок подчеркивают их метафорический смысл, связанный с образом Рая. Мотив тюльпана – тюркский символ возрождения природы и вечной любви, в данной интерпретации выступает мистическим символом любви к Творцу. Мотив шестиконечной звезды является символом эзотерических знаний и играет особую роль в суфийской нумерологии, связанной с произнесением имени Аллаха.

* Рис. 1–4 к статье см. на цв. вклейке.

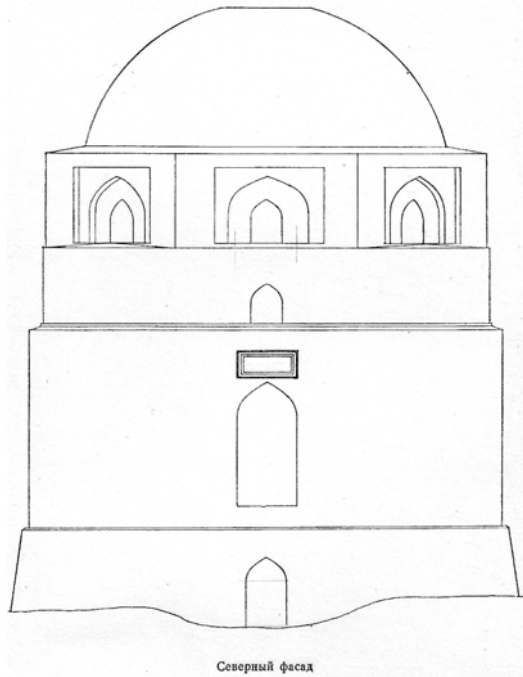

Рис. 5. Обмерный чертеж северного фасада
Черной Палаты. Р.М.Муртазин. 1951 г.
Fig. 5. Measurement draft of the Black Chambers
North facade. R.Murtazin. 1951

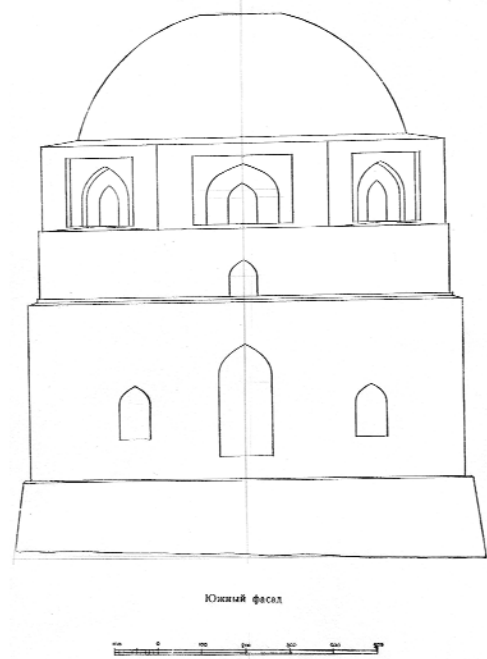

Рис. 6. Обмерный чертеж южного фасада
Черной Палаты. Р.М.Муртазин. 1951 г.
Fig. 6. Measurement draft of the Black Chambers
South facade

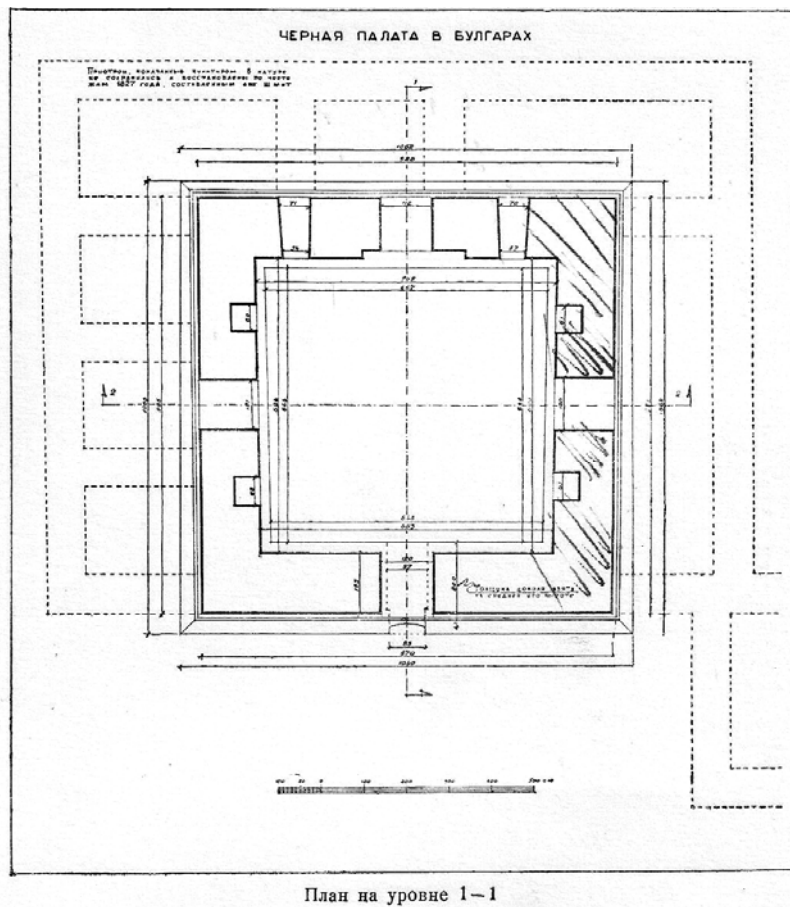
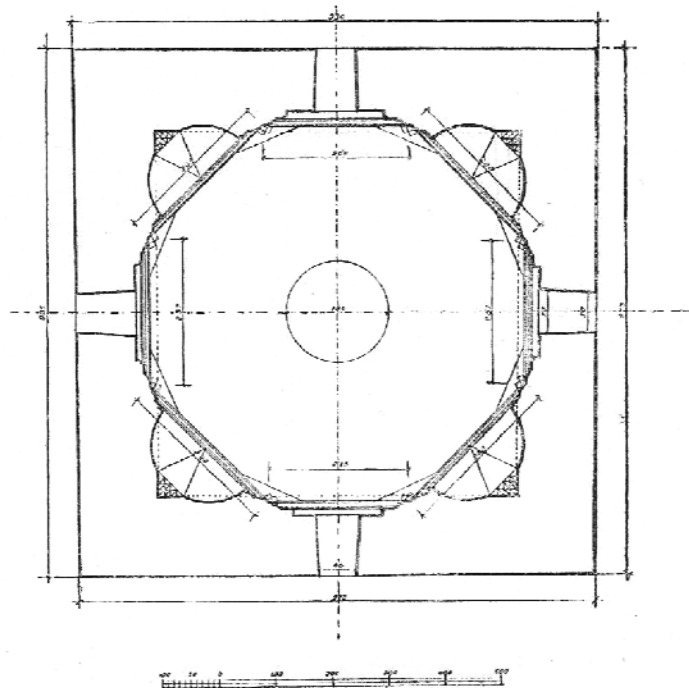

Рис. 7. План цокольного этажа. Обмеры и чертеж Р.Муртазина
Fig. 7. Plan of the socle. R.Murtazin's draft

План на уровне 2—2

Рис. 8. План восьмигранного яруса. Обмеры и чертеж Р.Муртазина
 Fig. 8. Plan of the octahedral circle. R.Murtazin's draft

ЧЕРНАЯ ПАЛАТА В БУЛГАРАХ

РАЗРЕЗ 2-2

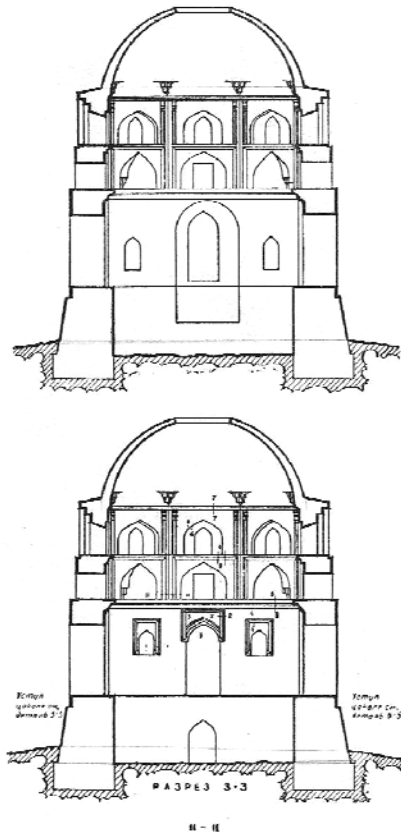

Рис. 9. Разрезы здания по южной и северной стене. Чертеж Р.Муртазина
 Fig. 9. Vertical sections by North and South side walls. R.Murtazin's draft

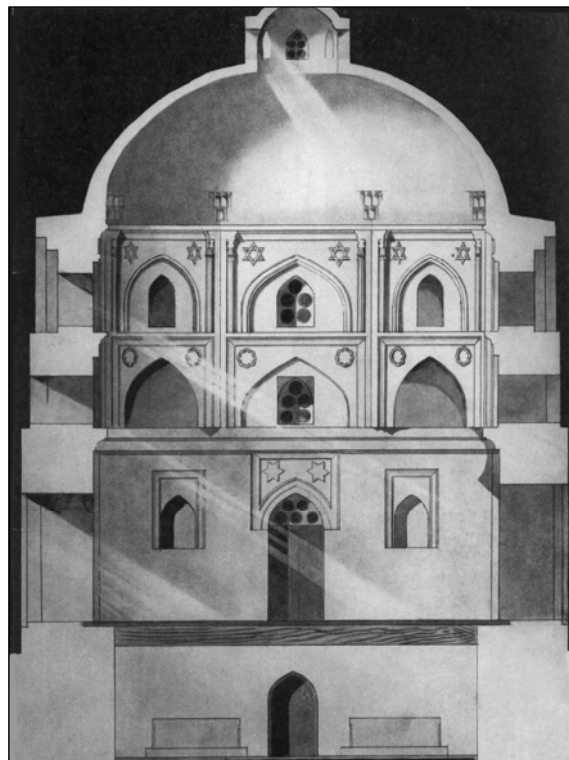

Рис. 10. Интерьер Черной Палаты. Вид на южную стену.
 Реконструкция Ф.Х.Валеева
 Fig. 10. Interior of Black Chamber. View to the South side wall. Reconstruction of F.Kh.Valeev

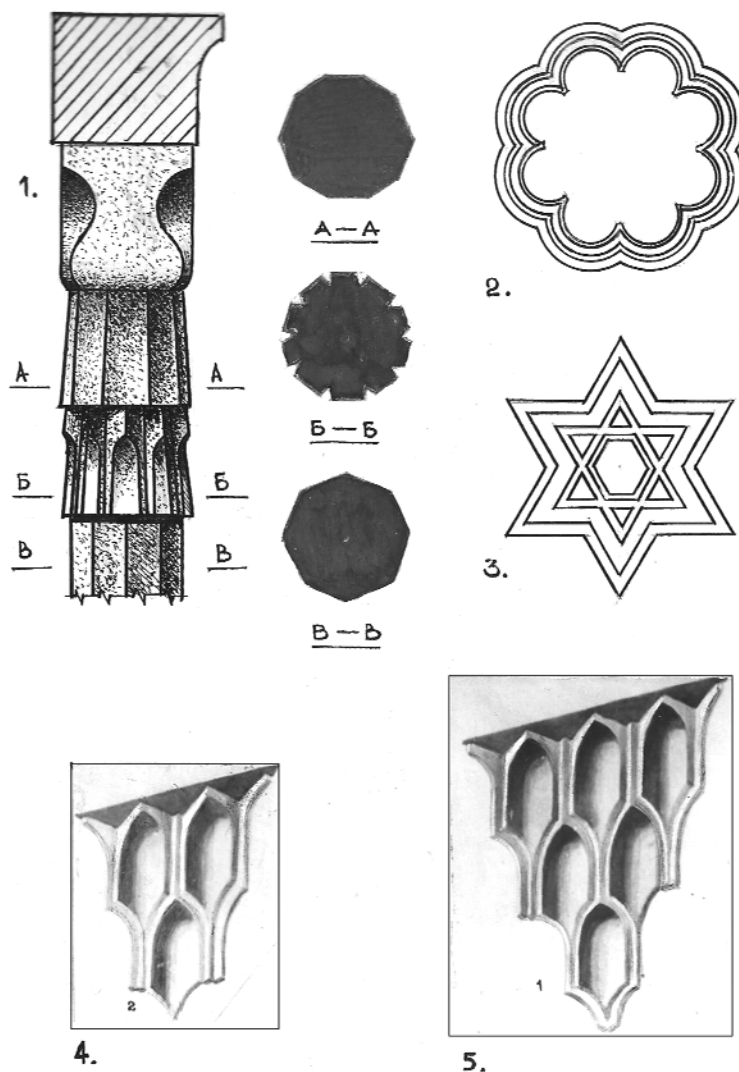

Рис. 11. Лепные архитектурные детали. Рисунки Ф.Х.Валеева
Fig. 11. Stucco modeled details. F.Kh.Valeev's drawings

В архитектуре и внутреннем пространстве ханакки отражались функции религиозного ритуала, который практиковал тот или иной суфийский орден. Каждый тарикат имел свои правила исполнения зикра – медитативного характера практики, связанной с произнесением коранических молитв и имен Аллаха. Как уже писали, в Волжской Булгарии были распространены идеи ясавии, с XIII в. появляются последователи кубравии. При исполнении зикра ясавиты кружатся, исполняя танец и выкрикивая «һу-һу» (Он-Он) [7, с. 90]. И тот и другой тарикат практиковали громкий зикр, отражением чего в архитектуре Черной Палаты можно считать высокий купольный зал, рассчитанный на хорошую акустику. Примечательно, что для зданий с залом, предназначенным для суфийских радений – зикрхана, встречается и другое название – сама-хана (sama' - khana), что буквально означает «дом слушания», дом, в котором слушаются божественные звуки [28, с. 9; 29, с. 41]. Сама-хана (зикрхана) является специальным местом для проведения церемонии зикра, и его отличительная черта – центричный купольный зал.

Обширный зал с купольным сводом является доминантой всей архитектурной композиции внутреннего пространства Черной Палаты. В этом одно из главных ее отличий от других, дошедших до нас, болгарских мавзолеев, имеющих невысокие сводчатые помещения и членение стен на два яруса. Черная Палата, в отличие от них, имеет членение внутренних стен на три яруса, обстоятельство, которое можно символически связать с тремя ступенями или уровнями совершенствования личности у суфиев.

Зал Черной Палаты, в его ослепительной белизне (белый цвет, как символ очищения) и гармонично структурированных узорных деталях имеет завораживающий вид. Используемые деко-

ративные гипсовые формы соразмерны, органично вписываются в членения интерьера. В основе композиционного решения плана лежит принцип симметрии и система пересекающихся осей (квадрата, креста и т.д.), соотносящаяся с системой «четырёх сторон света». Главное направление обозначено двумя оконными проемами на южной стене и, по версии автора, утраченной на ней михрабной нишей.

Вообще, указание направления – одно из главных свойств во всех культовых исламских зданиях. И хотя зикр, выполняется в движении по кругу, неизменно против часовой стрелки [29, с. 42], что не связано с определенным направлением, тем не менее, зикрхана выполняло и функцию зала для молитв, поскольку в нем не предусматривалось специального места для намаза [28, с.12]. Поэтому, почти всегда устраивался михраб, определяющий кыйблу. К тому же, при исполнении зикра шейх – глава конкретного сообщества суфиев по правилам садился у михраба. Ученики-мюриды рассаживались в круг.

Ханаки всегда сохраняют основу плана мечети, зависящую от совпадения осей [28, с. 12]. Пространство ханаки, например, у дервишей ордена Мавляви, было ритуально разделено по двум осям симметрии: вертикальной и горизонтальной. Горизонтальная линия также имела две оси. Одна являлась литургической осью здания и простиралась от входа до михраба. Другая, перпендикулярно пересекавшая ее ось, соединявшая в Черной Палате два других входа, соединяла правую и левую части зала. Левая и правая стороны в зале обозначают сверхчувственный мир и смертный мир соответственно. Правый – внешний мир, левый – внутренний. В зикрханах мюриды по правилам входили в одну дверь (правую), а шейх в другую – напротив нее. Это было безусловным, поскольку шейх, как «совершенный», онтологически разделяется от своих учеников [28, с.12]. Так можно объяснить наличие входов в каждой из стен Черной Палаты, на южной стене которой, по мнению автора, находился михраб.

Итак, планировка, объемно-пространственное решение и архитектурный декор Черной Палаты отражают церемониальную специфику зикра и эзотерические смыслы суфийского учения. Наличие подпольного склепа свидетельствует о захоронении духовного наставника – шейха и, возможно, его последователей, и о разграничении символических функций ханаки («дом мира» с небесным сводом) и усыпальницы. Тем не менее, совмещение зала для зикров и захоронения в одном здании позволяет отнести Черную Палату к культово-мемориальным памятникам. Остается выяснить, с кем связано захоронение и уточнить дату постройки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 5–150.
2. Айдаров С.С., Аксенова Н.Д. Великие Булгары. Путеводитель по Булгарскому историко-архитектурному заповеднику. Казань: ТКИ, 1975. 72 с.
3. Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата // Советская археология. 1973. №2. С. 226–238.
4. Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. 1852. Кн.3.
5. Булгары. Черная Палата. Обмеры архитектора Р.М. Муртазина. Казань: Татполиграф, 1951. 29 с., 15 табл.
6. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.
7. Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 131 с.
8. Егерев В.В. Черная Палата // Булгары. Черная Палата. Казань: Татполиграф, 1951. С.9–18.
9. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. 252 с.
10. Зиливинская Э.Д. Черная Палата в Болгаре: к вопросу об истоках архитектурной формы // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. 2011. Вып.13 (108). Т.19. 6 с.
11. Зиливинская Э.Д. Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2013. №6. С. 82–97.
12. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. Научные редакторы: Л.И. Алмазова, Г.Г. Идиатуллина, А.Г. Хайрутдинов. Учебное пособие. Казань: Росс. Исламский ун-т, 2010. 373 с.
13. Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгара // Советская археология. 1969. №1. С. 215–220.
14. Муртазин Р.М. Обмеры Черной палаты в Булгарах // Булгары. Черная Палата. Обмеры архитектора Р.М.Муртазина. Казань: Татполиграф, 1951. С. 19–29.

15. Надырова Х.Г. Черная Палата // Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии, 2014. С. 301.
16. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Изд. 2-е. СПб., 1975.
17. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1976. 115 с.
18. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Гос. ист. музей, 1951. 274 с.
19. Смирнов А.П. Черная Палата // Булгары. Черная Палата. Казань: Татполиграф, 1951. С.5–8.
20. Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.
21. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1884. 565 с.; Т.2. М.-Л., 1941. 563 с.
22. Тримингем Дж. Суфийские ордена в исламе. М.: Наука, 1989.
23. Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламадзе А.В. История архитектуры Азербайджана. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 395 с.
24. Удама Х. О проблеме значения в суфийских текстах // Ученые записки Тартуского университета. 1967. Вып. 198. С. 310–320.
25. Фахрутдинов Р.Г. Золотоордынский Булгар // Татарская археология. 2006. №1–2 (16–17). С. 64–82.
26. Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть 1. Берлин-Рига, 1996.
27. Мәржәни Шиһабеддин. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1989.
28. James Dickie (Yakqub Zaki). The Mawlawi Dervishery in Cairo // Art and Archeology Research Papers. 1979, June. P. 9–15.
29. Architecture of the Islamic World. London: Thames and Hudson, 1987. 288 p.

Сведения об авторе: Гузель Фуадовна Валеева-Сулейманова – главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, профессор, доктор искусствоведения (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); valeeva_art@mail.ru

To the Question of Purpose of So-Called Black Chamber in Bolghar City

G.F. Valeeva-Suleymanova
(*Sh. Marjani Institute of History,*
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article is dedicated to the arguable question of Black Chamber's setting, which is still being actual, because there is no consensus of opinions, as about the function, so about the date; the majority of scholars reprobate the present architectural reconstruction of the structure. The building is located in the center of the northern half of the Bolghar settlement, 400 meters south of the mosque; it is the most interesting of the surviving monuments by its architecture. The volume-spatial decision of the Black Chamber has undergone a change since the destruction and failed restorations. Basing on documentary sources and previous studies, the author attempts to justify the purpose of the building, and particularly of *khanaqah* or *zikkhkhana* (*sama'-khana*) with the location of one of the Sufi Sheikhs' burial within it. The article deals with the questions concerning the scheme, outside appearance of the structure, architectural organization of interior and its decoration in terms of its functionality and Sufi esoteric meanings. Despite the distinction of symbolic functions from the point of view of the ritual of *zikr*, the structure of the Chamber combines burial place and ceremonial hall; thereby it should be attributed to the monuments of religious memorial architecture. Planning, three-dimensional solution and architectural decoration of Black Chamber reflect the specifics of dhikr ceremonial and esoteric meanings of Sufi teachings. The presence of the underground crypt indicates the burial of a spiritual mentor – of a Sheikh and, perhaps, of his followers. It also indicates the delimitation of symbolic functions of *khanaka* ("house of peace" with the celestial vault) and tombs. Nevertheless, the combination both of the hall for dhikr and burial in the same building allow to attribute the Black Chamber to the cult-memorial monuments.

Keywords: Golden Horde Volga Bulgarian architecture, Khanaqah, Mosque, Mausoleum, Zikkhkhana, Sama'-khana, Dervishery, Tarikat, Sheikh, Zikr.

REFERENCES

1. Aydarov S.S. Issledovanie i restavratsiya pamyatnikov monumental'nogo zodchestva Bolgara [Research and Restoration of the Bolghar Monumental Architecture]. *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroystvo* [The City of Bolgar. Monumental Construction, Architecture, Landscaping]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 5–150.
2. Aydarov S.S. Aksenova N.D. *Velikie Bulgary. Putevoditel' po Bulgarskomu istoriko-arhitekturnomu zapovedniku* [The Great Bolghar. Bolghar Historical and Architectural Reserve Guide]. Kazan, Tatar Book Publ., 1975, 72 p.

3. Alikhova A.E. Mavzolei goroda Mokhshi-Narovchata [A Mausoleum of Mokshi-Narovchat City]. *Sov'yetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], 1973, no. 2, pp. 226–238.
4. Berezin I. Bulgar na Volge [Bolghar on Volga]. *Uchounye zapiski Kazanskogo Universiteta* [Scientific Notes of Kazan University], 1852. Vol. 3.
5. *Bulgary. Chernaya Palata* [Bolghar. Black Chamber]. Obmery architektoora R.M. Murtazina [Measurements of architect R.M. Murtazin]. Kazan: Tatpoligraf Publ., 1951. 29 p., 15 tables.
6. Valeev F.Kh. *Drevnee i srednevekovoe uskusstvo Srednego Povol'ya* [Ancient and Medieval Art of the Middle Volga Region]. Ioshkar-Ola, Mary Book Publ., 1975. 214 p.
7. Galiakhmetova G.G. *Islam v Zolotoy Orde: traditsii religioznogo opyta* [Islam in the Golden Horde: Traditions of Religious Experience]. Kazan, Inst. of History, 2007. 131 p.
8. Egerev V.V. Chernaya Palata [Black Chamber]. *Bulgary. Chernaya Palata* [Bolghar. Black Chamber]. Kazan: Tatpoligraf Publ., 1951, pp. 9–18.
9. Zilivinskaya E.D. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoy Ordy* [Essays on the Religious and Civil Architecture of the Golden Horde]. Astrakhan, Astrkhanskiy University Publ., 2011. 252 p.
10. Zilivinskaya E.D. Chernaya Palata v Bolgare: k voprosu ob istokah arkhitekturnoy formy [Black Chamber in Bolghar: To the Question about Origins of Architectural Form]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University], 2011. Is.13 (108). Vol.19, p. 6.
11. Zilivinskaya E.D. Kul'tovye postroiiki vremeni Uzbeka v Zolotoy Orde [Religious Buildings in the Golden Horde from the Time of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Papers], 2013, no 6, pp. 82–97.
12. *Istoriya musul'manskoy mysli v Volgo-Ural'skom regione* [The History of Islamic Thought in the Volga-Ural Region]. Uchebnoe posobie [Textbook]. Kazan: Russian Islamic University Publ., 2010. 373 p.
13. Krasnov U.A., Smirnov A.P., Khlebnikova T.A. Novye dannye po istorii goroda Bulgara [New Data about the History of Bolghar City]. *Sov'yetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], 1969, no 1. pp. 215–220.
14. Murtazin R.M. Obmery Chernoy Palaty v Bulgarah [Measurements of the Black Chamber in Bolghar]. *Bulgary. Chernaya Palata* [Bolghar. Black Chamber]. Kazan: Tatpoligraf Publ., 1951, pp. 19–29.
15. Nadyrova Kh.G. Chernaya Palata [Black Chamber]. *Tatarskaya enciclopediya* [Tatar Encyclopedia]. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia, 2014, p. 301.
16. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provinciyam Rossiyskoy imperii* [Travels to the Different Provinces of Russian Empire]. 2nd edition. St.Petersburg, 1975.
17. Pugachenkova G.A. *Zodchestvo Tsentralnoy Azii XV veka. Vedushii tendentsii i cherty* [Architecture of Central Asia in the 15th century. Leading trends and traits]. Tashkent, G.Gulyam Literature and Arts Publ., 1976. 115 p.
18. Smirnov A.P. *Volzhschie bulgary* [The Volga Bulgarians]. Moscow, State Historical Museum, 1951. 274 p.
19. Smirnov A.P. Chernaya Palata [Black Chamber]. *Bulgary. Chernaya Palata* [Bolghar. Black Chamber]. Kazan: Tatpoligraf Publ., 1951, pp. 5–8.
20. Smolin V.F. *Po razvalinam drevnego Bulgara* [On the Ruins of Ancient Bolghar]. Kazan, 1926.
21. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History]. Vol.1. St.Petersburg, 1884. 580 p.; Vol. 2. Moscow, Leningrad, 1941. 308 p.
22. Trimmingham J. *Sufiyskie ordena v islame* [Sufi Orders in Islam]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
23. Useynov M.A., Bretanitskiy L.S., Salamzade A.B. *Istoriya arhitektury Azerbaydjana* [The History of Azerbaidjan Architecture]. Moscow, Construction, Architecture and Building Materials Literature Publ., 1963. 395 p.
24. Udam Kh. O probleme znacheniya v sufiyskikh tekstakh [About the Problem of Meaning in Sufi Texts]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Scientific Notes of Tartus University], Tartus, 1967. Is. 198, pp. 310–320.
25. Fakhrutdinov R.G. Zolotoordynskiy Bulgar [The Golden Horde Bolghar]. *Tatarskaya archeologiya* [Tatar Archaeology]. 2006, no 1–2 (16–17), pp. 64–82.
26. Khmel'nitskiy S.G. Mejdou Samanidami i Mongolami. *Architectura Sredney Azii XI – nachala XIII vv.* [Between the Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia in the 11th – early 13th centuries]. Vol.1. Berlin–Riga, 1996.
27. Marjani Sh. *Mostafadel-akhbar fi akhvali Kazan va Bolgar* [Information about Kazan and Bolghar]. Kazan, 1989.
28. James Dickie. (Yakqub Zaki) / The Mawlawi Dervishery in Cairo. *Art and Archaeology Research Papers*. 1979, June, pp. 9–15.
29. *Architecture of the Islamic World*. London: Thames and Hudson, 1987. 288 p.

About the author: Guzel Fuadovna Valeeva-Suleymanova – Head Research Associate, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Professor, Dr. Sci. (Arts) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); valeeva_art@mail.ru

УДК 556.5

Колодцы и остатки оросительной системы (?) поселения «Железнодорожное–1»

Е.И. Нарожный, П.В. Соков
(ОАО «Наследие Кубани»)

В статье вводятся в научный оборот часть грунтовых ям, в 2012 году исследованных на поселении «Железнодорожное–1» (Крымский район Краснодарского края). Рассматривая их и оценивая как колодцы (глубина до 2,5 м и более). Между ними, в виде слабоизогнутой дуги располагалась грунтовая канава (до 0,5 м ширины и такой же глубины), прослеженная на 110 м с юга на север-северо-восток. Канава прерывается несколькими неглубокими ямами и выходит из них далее (принцип «сообщающегося сосуда»). Имея аналогии на Северном Кавказе еще в раннем железном веке, публикуемые артефакты представляются авторам как колодцы для воды, а канава, как остатки оросительной системы, позволяющей воде уходить в обоих направлениях. На фоне имевшей распространение в Золотой Орде, включая и Северный Кавказ, т.н. «чигирной системы» орошения (при помощи водоподъемного колеса), данная разновидность системы орошения была обусловлена наличием высокозалегающих грунтовых вод. Вместе с другими артефактами (орудия с/х, включая и детали пахотных орудий), это поселение, вместе с другими близко соседствующими с ними позволяет предполагать о возможности выращивания именно в данной округе зерна, часть которого затем вывозилась в Крым, а оттуда, согласно письменным источникам – на многочисленные рынки Южной Европы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Золотая Орда, поселения, орошение, зерновые культуры, торговля, Крым, Южная Европа.

Публикуемые археологические объекты происходят с территории поселения эпохи Золотой Орды «Железнодорожное–1» в Крымском районе Краснодарского края. Этот бытовой памятник, вместе с синхронным, но более обширным поселением «Железнодорожное–2» и связанным с ним обширным грунтовым могильником, были открыты в 2010 и исследовались в 2012 году. Все они близко соседствуют с третьим поселением этого же времени – «Железнодорожное», открытым еще в 1980-х годах и, вероятно, представляют собой единый археологический комплекс [1, с.329–331; 2, с.326–328; 6, с. 138–177; 7, с.407–410; 9, с. 374 – 376].

На поселении «Железнодорожное–1», в ходе охранно-спасательных археологических под будущую железнодорожную станцию, была вскрыта сплошная площадь в 12000 кв.м. Памятник частично перекрывает слой подстилающего его участка поселения эпохи раннего железа. На всей исследованной здесь площади, поселение дало солидный археологический материал, позволяющий уже сейчас делать хотя бы предварительные выводы.

Ныне поселение суммарно датировано отрезком времени вплоть до событий, связываемых с вторжением войск среднеазиатского эмира Тимура в Приазовье, что, в принципе, не стало основной причиной быстрого угасания жизни в данной округе. Судя по всему, поселение «Железнодорожное–1» не являлось густонаселенным пунктом. Несмотря на обширность занимаемой им территории, здесь отсутствуют жилые строения стационарного типа¹. Косвенно предположение подтверждают и выявленные на его территории два компактных могильника, впущенных в культурный слой поселения в последние годы его существования [6, с. 138–177; 7, с.407–410]. Уже сейчас возможно ставить вопрос о характере данного памятника, как «пригорода» или, что более реально, «сельскохозяйственной округи» близ расположенного поселения «Железнодорожное–2» (о нем см.: [1, с. 329–331]). На подобный характер восприятия данного археологического объекта указывают и другие, более многочисленные артефакты, среди которых была серия грунтовых ям, раскопанных в разных частях поселения. В данной публикации речь идет о четырех таких ямах, достаточно компактно сосредоточенных в одной части поселения, между которыми на протяжении более 100 м прослежены и остатки грунтовой «канавы», заглубленной в материк и иногда прерывающейся неглубокими грунтовыми ямами (Рис. 1), соединенными между собой этой канавой.

¹ Исключение составляет сильно разбитый в период Великой Отечественной войны развал единственного на весь раскоп турлучного строения, относящегося, вероятнее всего, к эпохе раннего железа.

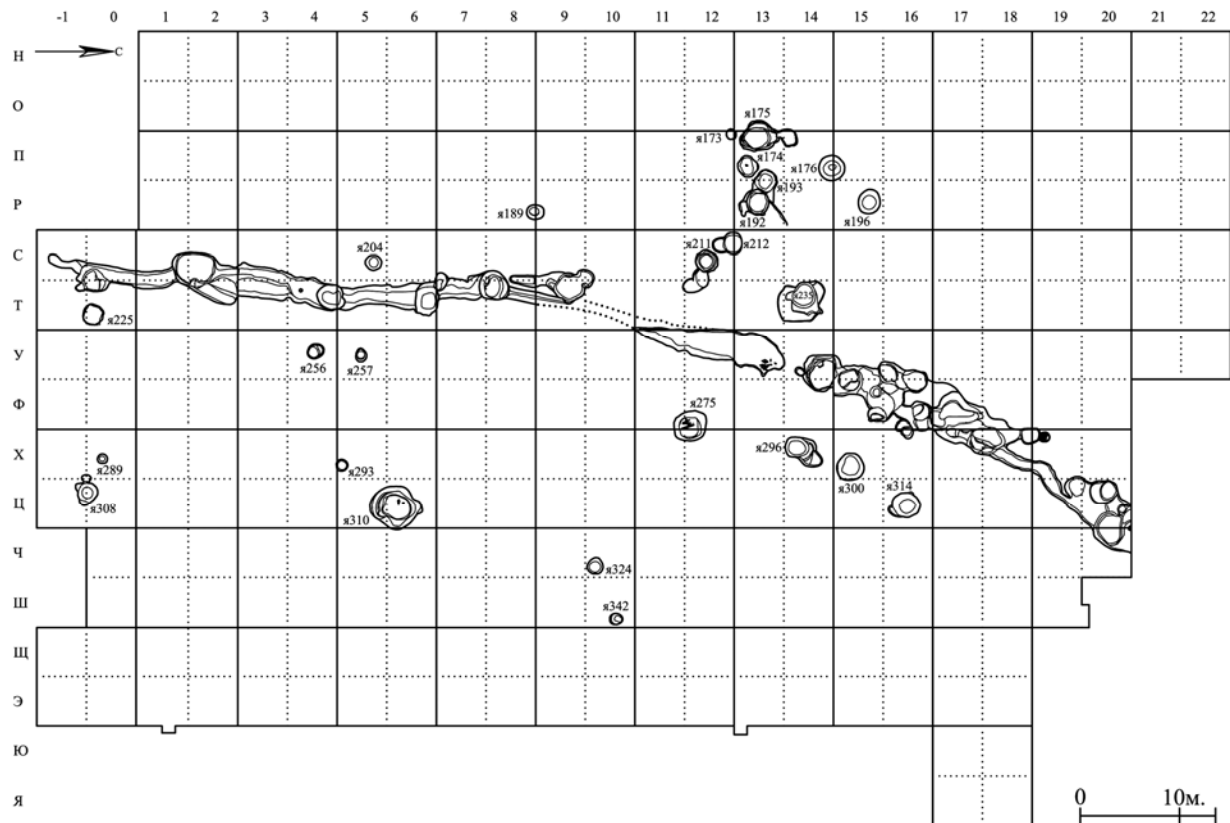

Рис. 1. План раскопа поселения «Железнодорожное-1» с обозначением «канавы» и колодцеобразных ям

Fig. 1. The plan of an archeological dig of settlement «Zheleznodorozhnoe-1» with the designation of the «ditch» and pits («wells»)

Первая из публикуемых ям – яма № 174 выявлена в квадрате (далее – кв.) П–13 (Рис. 1, Я.174; рис. 2,1), в его юго-восточной части на расстоянии 2,75 м – 4,93 м от юго-западного разметочного кола (азимут 70°) (Рис. 1; Я.174). Яма в плане округлой формы, слегка вытянута по линии запад – восток, в сечении усеченно-конической формы. Стенки ямы опускаются ко дну под небольшим наклоном. Верхняя часть этой ямы зафиксирована с уровня желто-коричневых суглинков, слабо насыщенных археологическими остатками, с включением белоглазки, донная часть ямы полностью впущена в материк. Дно ямы почти ровное с незначительным углублением в центральной ее части. Размер зафиксированной верхней части ямы 2,08 м × 2,2 м. Глубины ямы от R₀: уровень фиксации – -0,59 м – -0,66 м; донная часть – -3,13 м – -3,22 м (Рис. 2,1). Яма заполнена грунтом темно-серого цвета. В верхней части ямы (глубины -0,62 м, -1,17 м, -1,40 м от R₀) обнаружены три линзовидных заполнения грунта желтого цвета с размерами (верхняя – 1,45 м × 1,50 м мощностью 0,08 м; средняя – 0,56 м × 0,68 м мощностью 0,04 м; нижняя – 0,82 м × 0,74 м мощностью 0,07 м). В верхней части заполнения ямы были зафиксированы: 36 фрагментов керамики, из которых 32 от кружальных красноглиняных сосудов, 2 фрагмента от овальных в сечении ручек; 1 фрагмент стенки с ручкой, 29 фрагментов стенок с гладкой внешней поверхностью; 1 фрагмент подовальной в сечении ручки амфоры (верхний прилеп к венчику); 3 фрагмента доньев лепных сосудов (1 красноглиняное, 2 сероглиняных); 4 кости животных; 1 точильный камень; 1 фрагмент бронзового зеркала с рельефным крестовидно-арочным орнаментом (Рис. 6,7)*. Все находки из грунта, вероятно, являвшегося остатками культурного слоя, сползшего внутрь ямы после прекращения ее использования.

* Рис. 3–6 к статье см. на цв. вклейке.

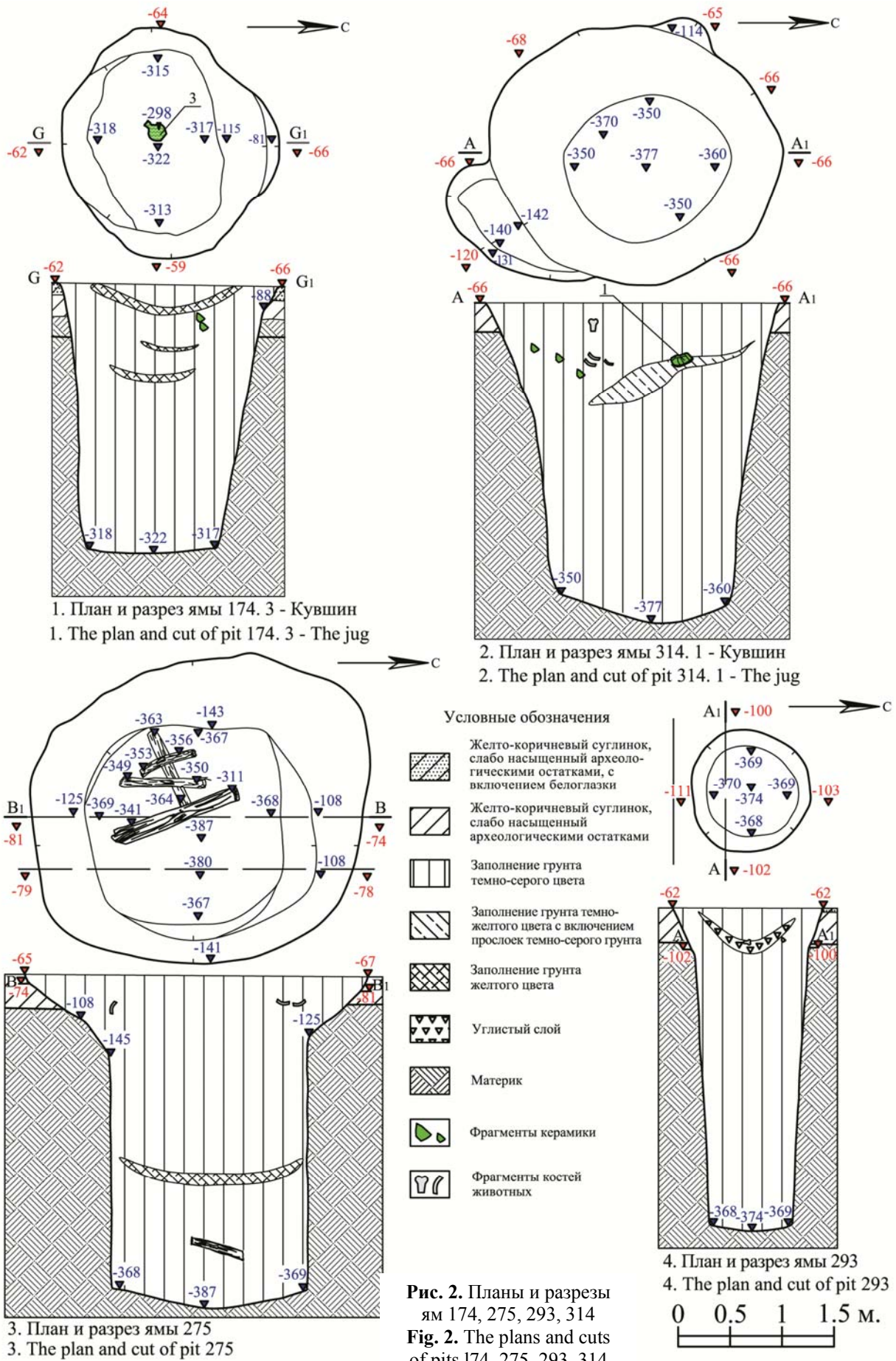

Рис. 2. Планы и разрезы ям 174, 275, 293, 314
Fig. 2. The plans and cuts of pits 174, 275, 293, 314

В нижней части этой же ямы, у самого ее дна был найден 1 гончарный одноручный кувшин со сливом, расположенным напротив ручки. Сосуд с высоким горлом, орнаментированный 4-мя сосцевидными налепами, расположенными крест-накрест ниже ручки². Высота сосуда – 21,6 см, диаметр дна – 8,5 см, диаметр максимального расширения тулова – 16,7 см. Еще 3 фрагмента венчиков кружальных красноглиняных сосудов (1 со сливом) и 1 фрагмент венчика кружального сеголиняного сосуда.

Начиная с глубины ямы в 0,5 м, яма активно заполнялась грунтовыми водами, в конечном итоге вынудившая использование мощной помпы для ее откачивания.

Яма № 275 (Рис. 1, кв. ФХ, № 275). Яма обнаружена в северо-восточном углу квадрата Ф–11, юго-восточном углу квадрата Ф–12, в северо-западном углу квадрата Х–11 и юго-западном углу Х–12, на расстоянии 9,74 м – 12,69 м от юго-западного разметочного кола квадрата У–11, азимут 60°, на расстоянии 3,97 м – 7,09 м от юго-западного разметочного кола квадрата Х–11 (азимут 0°). Центральная часть ямы расположена в стратиграфической бровке отчего яма разбиралась и фиксировалась по частям сначала в раскопе по линии Х, затем в раскопе по линии Ф и бровке. В плане, яма округлой формы, переходя в цилиндрический «ствол» с симметрично вогнутым дном. Стенки ямы полого опускаются до отметок -1,08 м – -1,45 м, а затем практически отвесно понижаются ко дну. В восточной стенке этот переход практически не выражен. В верхней части стенка имеет небольшой наклон, затем все ниже ко дну становится отвесней. Дно понижается в центральной части. Яма зафиксирована с уровня желто-коричневых суглинков, слабо насыщенных археологическими остатками. Большая часть ямы впущена в материк. Размер зафиксированной верхней части ямы по линии разрезов 3,18 м × 2,92 м. Глубины ямы от R₀: уровень фиксации на зачистке 3 пласта – -0,74 м – -0,85 м; донная часть – -3,67 м, -3,87 м (Рис. 2,3). Заполнение ямы – грунт темно-серого цвета. В центральной части заполнения ямы отмечена линза желтого грунта (мощность 0,12 м, размеры 1,77 м × 1,24 м). В верхней части заполнения ямы было обнаружено: 1 кремень (Рис. 6,6), 1 фрагмент железного гвоздя (Рис. 6,5), 1 металлический шлак, 1 фрагмент турлука, 33 кости животных. В средней части заполнения ямы было найдено 35 костей животных, 1 фрагментированный кружальный красноглиняный плоскодонный сосуд (Рис. 3,2) и несколько фрагментов от других, также гончарных сосудов, включая двуручный сосуд со сливом (Рис. 5,5–6). В общей сложности, в верхней и средней частях ямы находилось 102 фр. керамических сосудов из культурного слоя, частично сползшего внутрь ямы после прекращения ее использования или обвала. В нижней части заполнения ямы, в юго-восточном секторе, были расчищены 4 крупные деревянные плахи. Первая, самая крупная и ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток (толщина 0,6 м, длина 1,38 м, ширина 0,16 м), зафиксирована на уровне – -3,11 м – -3,41 м. Вторая, ориентирована по линии север-юг (толщина 0,4 м, длина 0,83 м, ширина 0,13 м), отмечена на уровне – -3,49 м – -3,50 м. Третья ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток (толщина 0,6 м, длина 0,56 м, ширина 0,09 м), найдена на уровне – -3,53 м – -3,56 м. Четвертая (толщина 0,5 м, длина 0,86 м, ширина 0,12 м), плохой сохранности, развалилась на 14 частей, отмечена на уровне – -3,63 м – -3,64 м. Располагалась под первыми тремя плахами, ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-юго-восток (Рис. 2,3). В ходе выборки грунта этой ямы, начиная с глубины в 0,5 м яма быстро заполнялась водой, постоянно откачивавшаяся при помощи помпы.

Яма № 293 (кв. Х–5, Я–293) (Рис. 1) обнаружена в юго-восточной части квадрата Х–5, на расстоянии 3,05 м – 4,23 м от юго-западного разметочного кола, азимут 83° (Рис. 6; 18–19; 940–941). Южная часть ямы расположена в бровке. Яма в плане округлой формы. Стенки ямы ровные, почти отвесно опускаются ко дну ямы. Дно понижается в центральной части. В верхней части ямы стенки расширяются, как было отмечено в бровке. Зафиксирована с уровня желто-коричневых суглинков, слабо насыщенных археологическими остатками, с включением белоглазки.

² Данный тип гончарной посуды с налепами нам хорошо известен по материалам охранно-спасательных исследований средневековых курганов курганного могильника «Молоканова Щель» под г. Геленджиком. Курганы исследовались Т.В. и А.В. Дмитриевым с участием авторов статьи. Материалы раскопок пока не опубликованы; предварительно связываются с погребальными комплексами заметной группы причерноморских кочевников-тюрок золотоордынского времени. Интересно, что и в самых ранних напластованиях поселения «Железнодорожное-1» (почти на уровне материка), были встречены значительное количество битой керамики, включавшей в себя и фрагменты от лепных сосудов. Некоторые из них, также, находят полные аналогии среди целых форм керамики курганов «Молокановой Щели». На нынешнем этапе понимания археологических материалов с обоих сравниваемых археологических объектов значительно усиливается предположение о связи кочевого населения Причерноморья с округой поселений в Крымском районе Краснодарского края на всем протяжении существования этих поселений.

Нижняя часть ямы впущена в материк. Размер зафиксированной верхней части ямы по сторонам света 1,13 м × 1,17 м. Глубины ямы от R₀: уровень фиксации на зачистке 4 пласта – -1,00 м – -1,11 м, в бровке -0,62; донная часть – -3,68 м – -3,74 м (Рис. 2,4). Заполнение ямы – грунт темно-серого цвета. В верхней части заполнения ямы была зафиксирована линза углистого слоя мощностью 0,12 м, размерами 0,92 м × 0,78 м. Углистый слой от краёв понижается к центру с уровня -0,65 м до -0,98 м от R₀. В верхней части заполнения ямы было обнаружено: 2 кости животных и 1 фрагмент дна кружального красноглиняного сосуда.

Яма № 314 (кв. Ц–16, Я. №314) (Рис. 1), была обнаружена в центральной части квадрата Ц–16, на расстоянии 9,30 м – 11,95 м от юго-западного разметочного кола (азимут 46°). В плане яма округлой формы, в сечении усеченно-конической. Стенки круто направляются ко дну ямы, уровень которого понижается в центральной части. На поверхности, в северо-западной части ямы зафиксирован небольшой «канальчик» параболической формы (размерами 0,76 м × 0,18 м), уровень дна которого от поверхности понижается к границам ямы. У поверхности в юго-восточной части ямы границы расширяются, образуя «нишу-ступеньку» вытянуто-капельной формы в плане, а в сечении подтрапещевидной. Уровень дна понижается с -1,40 м до -1,42 м к северо-западу, границам глубокой центральной ямы. Яма зафиксирована с уровня желто-коричневых суглинков, слабо насыщенных археологическими остатками. Нижняя часть ямы впущена в материк. Размер зафиксированной верхней части ямы по сторонам света 2,50 м × 2,82 м. Глубины ямы от R₀: уровень фиксации – -0,65 м – -1,20 м; донная часть – -3,50 м, -3,77 м (Рис. 2,3). Заполнение ямы – грунт темно-серого цвета. В верхней части заполнения ямы отмечена линза темно-желтого грунта с включением прослоек темно-серого грунта. Её уровень понижается к югу с -1,27 м до -1,88 м от R₀. Мощность линзы 0,27 м, размеры 1,70 м × 1,59 м. В центральной части линзы, на уровне -1,39 м от R₀ зафиксирован фрагментированный гончарный красноглиняный одноручный плоскодонный кувшин с туловом яйцевидной формы (Рис. 5,1). Его высота – 28,9 см, диаметр венчика – 9 см, диаметр максимального расширения тулова – 17 см, диаметр дна – 10 см, ширина ручки – 3,6 см, толщина стенки – 0,9 см). В верхней части заполнения ямы было обнаружено: 29 костей животных, 1 фрагмент ракушки створчатого моллюска; 43 фрагмента керамических сосудов, из них: 24 фрагмента кружальных красноглиняных сосудов: 1 фрагмент подовальной в сечении ручки, 23 фрагмента стенок с гладкой внешней поверхностью; 19 фрагментов лепных сероглиняных сосудов: 1 фрагмент дна, 18 фрагментов стенок с гладкой внешней поверхностью, а также 1 фрагментированный гончарный красноглиняный плоскодонный сосуд с частым рифлением (Рис. 5,2). На глубине в 0,5 м яма интенсивно наполнялась водой, откачивавшейся только при помощи помпы.

Все 4 ямы, судя по их форме, глубине и интенсивной наполняемости грунтовыми водами, вероятнее всего являлись колодцами – искусственно вырытыми ямами для «добычи» водных ресурсов. Устроены они, впрочем, как и в других случаях, в той части поселения, где дневная поверхность имела слабовыпуклую конфигурацию, едва заметно возвышаясь над окружающим ландшафтом. Судя по остаткам деревянных плах (Рис. 2,3), возможно, использовавшихся для укрепления стенок колодца, либо же, для оформления наземного деревянного «короба» или «сруб», ограничивавшего пространство вокруг колодезного углубления. Вполне вероятно, что при сооружении таких конструкций использовались и металлические «гвозди», подобно тому, который был извлечен из заполнения ямы-колодца №275 (Рис. 6,9). Ямы под колодцы были вырыты в нижней части культурного слоя, т.е., через некоторое время после основания данного поселения. Керамика из заполнения колодцев, осыпавшегося внутрь после прекращения их использования, типично золотоордынская. Аналогичное относится и к фрагментам зеркала с крестовидно-арочным орнаментом [8, с. 139–142], тип которых известен по находкам как среди погребального инвентаря кочевого, так и оседлого населения Золотой Орды, включая и их находки из культурных слоев городов золотоордынского Поволжья [12, s.90. Abb. 63].

Между отмеченными грунтовыми ямами-колодцами (Рис.1) располагались, в основном, хаотично и без какой-либо упорядоченности другие ямы значительно меньших размеров и глубины, функциональное назначение которых не всегда ясно. Между крупными ямами с юга на северо-северо-восток, в виде слабоизогнутой дуги, проходит неглубокая канава, прослеженная на расстоянии 110 м. Канава иногда соединяется с неглубокими грунтовыми ямами небольших размеров, входя в них, а затем, выходя и продолжаясь дальше на всем протяжении раскопанного участка. Интересно, что подобное сооружение, также напоминающее принцип «сообщающихся сосудов», нами было встречено и при археологическом изучении поселения позднекобанского времени «Кешрек–2» в Кабардино-Балкарии (ориентировочно, VII–VI в. до н.э.) [5, с.267–270].

На поселении «Железнодорожное-1», средняя часть этой «конструкции» занимает слабо возвышающуюся на дневной поверхности, часть поселения, понижаясь в обоих направлениях к окончанию канавы. Все четыре из публикуемых колодцев (по два с каждой стороны от канавы), расположены на разном удалении по отношению к канаве. Тем не менее, вода из колодцев, черпавшаяся видимо вручную, или же при помощи невысокого «журавля» и, возможно, переливавшаяся в грунтовую канаву, например, посредством деревянного желоба, могла транспортироваться в разные стороны от колодцев, причем, на дальние расстояния от самих колодцев. Рассматривая подобную возможность передачи воды для орошения (?) на значительные расстояния и, возможно, в различных направлениях от колодцев, мы склонны рассматривать публикуемые остатки водоснабжения, как остатки искусственной оросительной (?) системы, позволявшей орошением охватить максимально значительную площадь прилегающей периферии.

На территории Золотой Орды и, в пределах ее северокавказских владений следы использования оросительных систем хорошо известны. По наблюдениям Э.В. Ртвеладзе, на территории обширной сельскохозяйственной округи Маджарского городища существовала система т.н. чигирного орошения, предусматривавшая использование водоподъемного колеса, приводимого в движение силой тяглового скота и посредством соответствующей системы желобов, канав и каналов, «раздававшая» влагу на расстояние [11, с.5–16]. В окрестностях знаменитого Алхан-Калинского городища в Чечне, часть исследователей которого рассматривает его как одного из претендентов на роль ранней столицы (с X века) Алании – г. Магаса, уничтоженной после длительной осады конца 1230-х годов, также выявлены находки крупных сосудов, находящих аналогии среди дигирей [4, с. 525–542] – сосудов, крепившихся к водоподъемному колесу. Если предположение о том, что публикуемые нами грунтовые ямы – колодцы, являющиеся составной частью остатков оросительной системы поселения «Железнодорожное-1», то следует ставить вопрос и о существовании на территории Золотой Орды совершенно разных систем искусственного орошения.

Сельскохозяйственный характер всей серии поселений Крымского района (поселение «Железнодорожное», «Железнодорожное №№ 1, 2 и 3»), или наличия у них обширных сельскохозяйственных округ, подтверждают и другие артефакты, прежде всего, связанные с обработкой земли и сельским хозяйством. Среди них, хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные предметы – железные насошники, т.н. «мотыжки-тёсла», косы и серпы, выявленные как в культурных слоях поселений, так и среди погребального инвентаря синхронных им могильников. Вне всякого сомнения, подобный инвентарь заставляет не только характеризовать интересующие нас объекты, как зоны активного развития аграрных производств и животноводства, в рамках которых интенсивно развивалось не только пахотное земледелие, сопряженное с производством зерновых культур, огородничество и садоводство. В этом смысле особую актуальность приобретает сообщение средневековых источников об активной торговле хлебом, в особенности, «с последней четверти XIII века» который «шел в Византию и в Италию из южнорусских степей и с Кубани» [10, с.42]. Вполне вероятно, что эта серия поселений XIII – конца XIV – начала XV вв. [1, с. 329–331; 2, с. 326–328; 3, с. 329–343], исследовавшихся в 2012 году вполне реально окажется территорией, откуда (т.е. «с Кубани») и шла часть того самого хлеба, затем и отправлявшегося в Южную Европу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василенко Д.Э., Жеребилов С.Е., Тищенко И.Б. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН, 2014. С. 329–331.
2. Василенко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Предварительные итоги охранно-спасательных работ на поселении золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014. С.326–328.
3. Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь-Керчь: КОИВ им. А.Е. Крымского НАНУ, ЦАИ БФ «Деметра», 2014. С.329–343.
4. Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. Сборник памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН, 2008. С.525–542.
5. Нарожный Е.И., Савенко С.Н. Поселение «Кешпек-2» – новый бытовой памятник позднекобанского времени Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и

культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Магас. 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. Магас, 2010. С. 267–270.

6. Нарожный Е.И., Соков П.В. Могильник № 1 золотоордынского поселения «Железнодорожное-1» (предварительная публикация материалов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 14. Армавир; Краснодар, 2014. С. 138–177.

7. Нарожный Е.И., Соков П.В. Могильники №1 и №2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в г. Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 407–410.

8. Нарожный Е.И., Соков П.В. Фрагменты металлических зеркал с территории поселения «Железнодорожное-1» // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 15. Армавир-Краснодар, 2015. С. 139–142.

9. Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 374–376

10. После Марко Поло. Путешествия чужеземцев в страны трех Индий. Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и комментарии Я.М. Света. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. 240 с.

11. Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры Северного Кавказа XIII–XV вв. и ее взаимосвязей со Средней Азией: Автореф. дис. ... к.и.н. 07.00.02 Археология. Л., 1975. 26 с.

12. Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München: Verlag C.H. Beck, 1984. 192 s.

Сведения об авторах: Евгений Иванович Нарожный – заведующий сектором ОАО «Наследие Кубани», доктор исторических наук (350063, ул Красноармейская, 16, Краснодар, Российская Федерация); nasledie_kubany@mail.ru

Павел Вадимович Соков – главный специалист ОАО «Наследие Кубани», кандидат исторических наук (350063, ул. Красноармейская, 16, Краснодар, Российская Федерация); nasledie_kubany@mail.ru

Wells and Remains of Irrigation System in the Settlement “Zheleznodorozhnoe-1”

E.I. Narozhny, P.V. Sokov
(JSC “Heritage of Kuban”)

The article introduces into scientific circulation a part of ground pits studied in 2012 on the settlement «Zheleznodorozhnoe-1» (the Krymsk district of Krasnodar region), considering them and estimating as wells (with the depth of 2.5 m. and more). A ground ditch (up to 0.5 m. width and same depth) that was placed between them in the form of slightly curved arc, has been traced over 110 m from the south to the north-northeast. The ditch was interrupted by the several superficial pits and continued after them further (the principle of «communicating vessel»). Having analogies on the Northern Caucasus already in the early Iron Age, the published artifacts are presented by the authors as the wells for water, and the ditch – as the remains of irrigating system allowing water to circulate in the both directions. On the background of the so-called «chigimoy» system of irrigation (with the help of flash-wheel) that was widespread in the Golden Horde (including Northern Caucasus), this system of irrigation was conditioned by availability of high-lying ground waters. Together with the other artifacts (implements of agriculture, including also the details of the arable tools), this settlement with its neighborhoods allows us to suppose the possibility of cultivation of grain exactly in this district, a part of which was exported to the Crimea and, from there (according to written sources), to the numerous markets of Southern Europe.

Keywords: Northern Caucasus, Golden Horde, settlements, irrigation, grain crops, trade, Crimea, Southern Europe.

REFERENCES

1. Vasilinenko D.Je., Zherebilov S.E., Tishhenko I.B. Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo poseleniya «Zheleznodorozhnoe-2» v Krymskom rajone Krasnodarskogo kraja (predvaritel'noe soobshhenie) [Archaeological Researches of Medieval Settlement “Zheleznodorozhnoe-2” in the Krymsk District of Krasnodar Region (preliminary reports)]. *E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chtenija». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21–25 aprelja 2014 g.)* [E.I. Krupnov and Development of Archaeology of the Northern Caucasus. XXVIII “Krupnov Readings”. Proceedings of international scientific conference (Moscow, April 21–25, 2014)]. Moscow: IoA of RAoS, 2014, pp. 329–331.

2. Vasilinenko D.Je., Narozhnyj E.I., Sokov P.V. Predvaritel'nye itogi ohranno-spasatel'nyh rabot na poselenii zolotoordynskogo vremeni «Zheleznodorozhnoe-1» (Krymskij rajon Krasnodarskogo kraja) // E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. HHVIII «Krupnovskie chtenija» [Preliminary Results of Protective and Rescue Works on the Settlement of the Golden Horde time “Zheleznodorozhnoe-1” in the Krymsk District of Krasnodar Region (preliminary reports)]. *E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chtenija»*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21–25 aprelja 2014 g.)* [E.I. Krupnov and Development of Archaeology of the Northern Caucasus. XXVIII “Krupnov Readings”. Proceedings of international scientific conference (Moscow, April 21–25, 2014)]. Moscow: IoA of RAoS, 2014, pp. 326–328.

3. Majko V.V., Vasilinenko D.Je., Sokov P.V., Tishhenko I.B. Materialy k tipologii, hronologii i klejmeniju nekotoryh tipov vizantijskih amfor XIII–XIV vv. (po materialam Vostochnogo Kryma i Zapadnogo Zakuban'ja) [Materials to Typology, Chronology and Stamping of Some Types of Byzantine Amphorae of the 13th–14th centuries (basing on materials of the Eastern Crimea and Western Kuban)]. *Bosporskie issledovanija*. Vup. XXX [The Bosphorus researches. Iss. XXX]. Simferopol–Kerch. KOIV (the Crimea branch of A.E. Krymsky Institute of Oriental studies. NAoSou (National Academy of Sciences of Ukraine), Center of Archaeological researches BP «Demetra»). Simferopol: BP «Demetra», 2014, pp. 329–343.

4. Narozhnyj E.I. O nahodkah zolotoordynskogo vremeni s territorii Alhan-Kalinskogo gorodishha (Chechnja) [About the Findings of the Golden Horde Time from the Alhan-Kalinsky Settlement (Chechnya)]. *Drevnosti Juga Rossii* [The Antiquities of the Southern of Russia]. Sbornik pamjati A.G. Atavina. Moscow: IoA of RAoS, 2008, pp. 525–542.

5. Narozhnyj E.I., Savenko S.N. Poselenie «Keshpek-2» – novyj bytovoj pamjatnik pozdnkobanskogo vremeni Central'nogo Predkavkaz'ja [The Settlement “Keshpek-2”: A New Domestic Monument of the Late Koban Time in Central Ciscaucasia]. *Problemy hronologii i periodizacii arheologicheskikh pamjatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chtenija» po arheologii Severnogo Kavkaza. (Magas. 26–30 aprelja 2010 g.)*. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments and Cultures of the Northern Caucasus. XXVI “Krupnov Readings” on Archaeology of the Northern Caucasus (Magas. April 26–30, 2010). Theses of reports of international scientific conference]. Magas, 2010, pp. 267–270].

6. Narozhnyj E.I., Sokov P.V. Mogil'nik № 1 zolotoordynskogo poselenija «Zheleznodorozhnoe-1» (predvaritel'naja publikacija materialov) [The Burial №1 of the Golden Horde Settlement “Zheleznodorozhnoe-1” (preliminary publication of materials)]. *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza*. Vup. 14. [Materials and Researches on the Archaeology of Northern Caucasus. Iss 14]. Armavir; Krasnodar, 2014, pp. 138–177.

7. Narozhnyj E.I., Sokov P.V. Mogil'niki №1 i №2 zolotoordynskogo vremeni poselenija «Zheleznodorozhnoe-1» (Krymskij rajon Krasnodarskogo kraja) [The Burials №1 and №2 of the Golden Horde Time of the Settlement “Zheleznodorozhnoe-1” (Krymsk district of Krasnodar region)]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo Arheologicheskogo s'ezda v g. Kazani*. T. III [Proceedings of the IV (XX) all-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. III]. Kazan, 2014, pp. 407–410.

8. Narozhnyj E.I., Sokov P.V. Fragmenty metallicheskih zerkal s territorii poselenija «Zheleznodorozhnoe-1» [Fragments of Metal Mirrors from the Settlement “Zheleznodorozhnoe-1”]. *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza*. Vup. 15 [Materials and Researches on the Archaeology of Northern Caucasus. Nom. 15]. Armavir; Krasnodar. 2015, pp. 139–142.

9. Narozhnyj E.I., Sokov P.V., Tishhenko I.B. Ohranno-spasatel'nye issledovanija na gruntovom mogil'nike poselenija «Zheleznodorozhnoe-2» (Krymskij rajon Krasnodarskogo kraja) [Protective and Rescue Works on the Settlement of the Golden Horde time “Zheleznodorozhnoe-2” in the Krymsk District of Krasnodar Region]. *E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chtenija»*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21–25 aprelja 2014 g.)* [E.I. Krupnov and Development of Archaeology of the Northern Caucasus. XXVIII “Krupnov Readings”. Proceedings of international scientific conference (Moscow, April 21–25, 2014)]. Moscow: IoA of RAoS, 2014, pp. 374–376.

10. *Posle Marko Polo. Puteshestvija chuzhezemcev v strany treh Indij*. Perevod s latinskogo i staroital'janskogo jazykov, vvedenie i kommentarii Ja.M. Sveta [After Marco Polo. Journey of Foreigners to the Countries of Three Indies]. Moscow: «Nauka». The main redaction of Oriental literature, 1968. 240 p.

11. Rtveladze Je.V. *Iz istorii gorodskoj kul'tury Severnogo Kavkaza XIII–XV vv. i ee vzaimosvjazej so Srednej Aziej*. Avtoref. dis. ... k.i.n. 07.00.02 – Arheologija [From the History Urban Culture of the Northern Caucasus in the 13th–14th centuries and Its Interconnections with Central Asia. Abstract of dissertation of candidate of historical studies 07.00.06 – Archaeology]. Leningrad, 1975. 26 p.

12. Fedorov-Davydov G.A. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*. München, Verlag C.H. Beck. 1984. 192 p.

About the authors: Evgeny Ivanovich Narozhny – Director of the sector, Otkrytoe Aktsionernoe Obschestvo (OAO) «Nasledie Kubani» (Joint Stock Company «Heritage of Kuban»), Dr. Sci. (History) (350063, Krasnoarmeyskaya st., 16, Krasnodar, Russian Federation); nasledie_kubany@mail.ru

Pavel Vadimovich Sokov – Chief Specialist, Otkrytoe Aktsionernoe Obschestvo (OAO) «Nasledie Kubani» (Joint Stock Company «Heritage of Kuban»), Cand. Sci. (History) (350063, Krasnoarmeyskaya st., 16, Krasnodar, Russian Federation); nasledie_kubany@mail.ru

К вопросу о миграциях и прародине кыпчаков. Генетический аспект

В.Г. Волков

(Томский государственный педагогический университет)

В данной статье рассматривается взаимосвязь между распространением мужских генетических линий и носителей этнонима Кыпчак. В результате исследования была выявлена общая генетическая группа у современных носителей этого этнонима. Субклад R1b-M73 является общей генетической линией носителей этнонима кыпчак разных народов, в связи с тем, что он представлен в нескольких популяциях: у казахских, каракалпакских и башкирских кыпчаков. Другие общие генетические линии не выявляются. Это может указывать на то, что общий генетический предок основной группы носителей этнонима Кыпчак принадлежал к субкладу R1b-M73. Анализ генетических данных также позволяет установить место проживания этого общего предка. Также установлена генетическая связь между носителями этнонимов Кыпчак и Куман. Это согласуется с данными письменных источников о связях кыпчаков и куманов. На основе анализа генетических данных очерчивается ареал, который могли занимать генетические предки кыпчаков и родственные им группы в средневековье. Отмечается также корреляция между данными о распространении генетических групп, которые связаны с кыпчаками и данными письменных и археологических источников. Территория проживания этих групп совпадает с территорией, обозначаемой в письменных источниках как «Дешт-и Кыпчак». На основе анализа генетических данных делаются предварительные выводы о направлении миграций и прародине этих групп. Наиболее вероятно, что прародина генетических предков кыпчаков располагалась на территории Северо-Западного Китая. Данный вывод близок к выводам историков и археологов о первоначальной прародине кыпчаков.

Ключевые слова: кыпчаки, тюрки, генетика, археология, Южная Сибирь, Казахстан.

В настоящее время для изучения этногенеза различных популяций все чаще привлекаются данные генетических исследований, прежде всего исследования по распространению мужских (Y-хромосомных) и женских (митохондриальных) линий, а также аутосомных компонентов.

Генетические данные позволяют подтвердить или опровергнуть родство носителей одинаковых этнонимов. Если носители одинаковых или сходных этнонимов, особенно удаленные территориально, оказываются генетическими родственниками, можно с большой долей уверенности считать их общего предка по мужской линии носителем того же этнонима. Основываясь на генетических данных, можно датировать с некоторой степенью вероятности, когда жил общий предок этих двух групп и, также, где, на какой территории он проживал. Экстраполируя эти данные на данные археологии и палеоантропологии, появляется возможность связать носителей археологических культур с определенными этносами.

Этноним кыпчак встречается у разных тюркских народов. Генотипирование образцов показало, что носители этого этнонима у разных народов имеют разное генетическое происхождение по мужской линии. Южноалтайские кыпчаки принадлежат к гаплогруппе D, башкирские – R1a1 (субклад R1a1-Y2632) и R1b (субклад R1b-M73), кыргызские – C3, казахские (кыпчаки) – G, J2a и R1b, каракалпакские – R1b, R1a, C3c и J2a [46; 44; 41; 30, с.311 – 314].

История каждой гаплогруппы насчитывает несколько тысяч лет, но гаплогруппы разделяются на значительное число более мелких генетических линий (субкладов и кластеров), которые можно связать с определенными этносами и этнотерриториальными группами.

В данной статье нет возможности рассмотреть происхождение каждой группы и причины получения ими этнонима кыпчак. Отметим только одну особенность, которая выявляется при изучении разных генетических линий носителей одного этнонима. В большинстве случаев носители одного этнонима, если даже не являются потомками одного предка по мужской линии, происходят с одной территории. Скорее всего, именно на данной территории впервые возникает этот этноним, и формируется некоторая общность первичных носителей этого этнонима. И затем вместе с представителями этой общности, но одновременно, представителями разных генетических линий, это этноним распространяется на другие территории.

Несмотря на обилие разных генетических линий у носителей этнонима кыпчак, среди этих линий следует отметить, прежде всего, субклад R1b-M73, так как он присутствует в нескольких популяциях: у казахских, каракалпакских и башкирских кыпчаков [30, с.311 – 314; 46; 41]. Другие генетические линии, которые были бы общими для носителей этнонима кыпчак в разных популяциях, в данное время не выявлены. Большинство казахских кыпчаков и часть каракалпакских и башкирских кыпчаков принадлежат к специфической генетической линии (кластеру) внутри субклада R1b-M73, которая маркируется особым значением Y-STR-маркера DYS390, равного 19. Эта же линия со значительной частотой представлена у кумандинцев (40%) [46], одной из этнических групп северных алтайцев. К линии R1b-M93 (DYS390=19) принадлежат не все кумандинцы, а только представители сеоков куманды, тон и тастар [18]. Сеок тон еще в XIX веке указывался под двойным наименованием – тон-куманды [28, с.57], что позволяет считать этот сеок подразделением более крупного сеока куманды. Очевидная генетическая связь между носителями этнонима куманды и носителями этнонима кыпчак определенно указывают на связь кумандинцев с кыпчаками. Родство кумандинцев и кыпчаков предполагалось и ранее. Этноним кумандинцы напрямую связывали с другим именем кыпчаков – куманы (команы) [29, с. 85, 27, с.60].

Исходя из генетического родства и фактического совпадения этнонимов можно считать предков казахских, башкирских и каракалпакских кыпчаков и кумандинцев носителями того же этнонима – кыпчаки-куманы. Под именем половцев кыпчаки-куманы известны в русских летописях. И, соответственно, миграции представителей генетической линии R1b-M73 (DYS390=19) в большинстве случаев можно связать с миграциями кыпчаков-куманов-половцев.

И действительно, представители этой линии встречаются в основном на территориях, где отмечено присутствие кыпчаков. Кроме казахских, башкирских и каракалпакских кыпчаков и кумандинцев линия R1b-M73 (DYS390 = 19) встречается с низкой частотой у казахов, башкир, каракалпак, не являющихся носителями этнонима кыпчак или куман, а также у тубаларов, тоболо-иртышских татар, томских тюрков, тувинцев, монголов, марийцев, поволжских татар, турков, черкесов, кабардинцев, украинцев (в том числе у украинцев Молдовы) [46; 1; 38; 39]. Судя по косвенным данным, у ногайцев также представлена эта линия, и с достаточно высокой частотой [34, с. 15].

Представителей генетической линии R1b-M73 (DYS390=19) у разных народов можно разделить на несколько групп в зависимости от связи с этнонимом кыпчак. Одна группа представлена собственно носителями этнонима кыпчак (казахи-кыпшак, башкиры-кыпсак, каракалпаки-кыпчак), другая группа – представители тех родов, которые считались родственными кыпчакам или чья история связана с кыпчаками (куманы), третья – население тех местностей, где отмечены специфические топонимы, которые можно связать к кыпчаками.

В этом отношении интересны томские тюрки из Молчановского района Томской области. После проверки родословной на основе письменных источников выяснилось, что предки этих людей в XVIII веке числились ясажными людьми «татарской» Мало-Провской волости [9, л.262об.–263]. По материалам XVII–XVIII вв. Большая и Малая Провские волости указываются как татарские [13, с.28]. Г.Ф. Миллер указывает татарское название волости *буга-* или *buraning-aimak*, которое в русских документах было преобразовано в Провскую [23, с. 177]. Во многих тюркских языках слово *бура*, *бурэ*, *бори* обозначает волка [33, с. 219 – 222]. Не исключено, что название волости отражало самоназвание ее жителей, как и татарское название Шегарской волости – *Тегенја-аймак*, население которой причисляли себя к роду *Terenja* [23, с.177]. Следует отметить, что одним из главных племен кыпчаков был ильбари [4, с. 208, 235, 265, 286]. Этот этноним также связывают со словом, обозначающим волка [3, с.88 – 89]. Хорошо известно о широком распространении культа волка у кыпчаков [3, с. 89; 10, с. 312]. Таким образом, нет сомнений, что предки части населения Молчановского района Томской области еще относительно недавно были тюрками и, судя по косвенным данным, могли быть одной из групп кыпчаков.

Встречается линия R1b-M73 (DYS390=19) также у тувинцев, монголов, калмыков, тьяншанских кыргызов и уйгуров [43; 45], что может свидетельствовать о более древних, дотюркских миграциях представителей этой линии или о ранней истории генетических предков кыпчаков.

Рис. 1. Карта распространения линии R1b-M73 (DYS390 = 19)

В целом основная зона распространения R1b-M73 (DYS390 = 19) включает Центральный Казахстан, Южную Сибирь, Башкортостан, Монголию, Тыву, Кыргызстан. Наибольшая частота этой линии у кумандинцев и юго-восточных башкир.

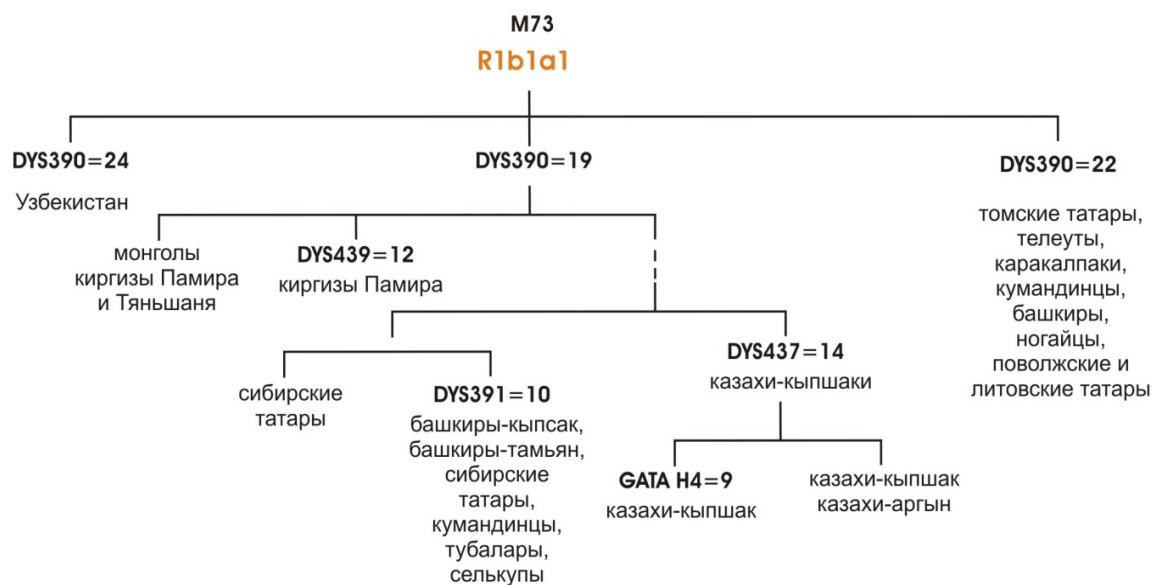

Рис. 2. Филогенетическое древо гаплогруппы R1b-M73

Линия R1b-M73 (DYS390 = 19) разделяется на несколько групп (рис. 2). По значениям Y-STR-маркёров выделяется отдельная группа, куда входят представители казахских племен кыпшак и аргын (Центральный Казахстан) [43]. В другую группу объединятся юго-восточные башки-

ры, тоболо-иртышские татары, кумандинцы и томские тюрки. Эту группу можно назвать северной. Судя по количеству мутаций, удалены от основных групп монгольская и киргизская группы.

Наибольшее разнообразие у групп из Казахстана и Монголии, что указывает на более древний возраст этих групп по отношению к другим группам, и вероятно, на более раннее появление линии R1b-M73 (DYS390 = 19) на этих территориях, чем в Южной Сибири, Башкортостане и Северном Алтае.

Рис. 3. Карта распространения разных групп линии R1b-M73 (DYS390=19)

Распространение представителей линии R1b-M73 (DYS390=19) в Европе и Азии совпадает с данными письменных источников о расселении кыпчаков.

С.М.Ахинжанов на основании историко-географических материалов показывает, что в X веке территория расселения кыпчаков охватывала пространство от Иртыша до Южного Урала и включала две основные области кимакского государства: Андар-аз-Кифчак и западные земли – область, примыкающая к восточным склонам Южного Урала. По мнению Ахинжанова, область Андар-аз-Кифчак локализуется в Центральном Казахстане, а область к северу и северо-востоку от Андар-аз-Кифчак (Йагсун-Иасу) занимали кимаки [4, с. 164].

После того, как кыпчаки заменили кимаков как доминирующую силу на землях бывшего кимакского государства, происходит расширение территории обитания кыпчаков.

Расселение кыпчаков с этой территории началось еще в IX в. и шло на запад через Тургайские степи к Волге и на юго-запад, к среднему течению Сырдарьи. В середине XI в. кыпчаки перешли Волгу и в 1054 г. под именем половцев появились в русских летописях. Проникли кыпчаки и на Мангышлакский полуостров. С середины XI в. кыпчаки становятся хозяевами всей степи от Иртыша до Волги. Именно в этот период из мусульманской географической терминологии исчезает название Меффазат ал-Гузия степь гузов и появляется новое название – Дешт-и Кыпчак – степь кыпчаков [4, с. 182, 184].

В современной исторической литературе под термином Дешт-и Кыпчак понимается обширную территорию от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная, занятую кыпчаками к началу XIII вв.

Западная часть этой территории, от Каспия до Дуная, в древнерусских источниках известна как «Половецкое поле», а кыпчаки названы половцами. В византийских и европейских источниках эта территория именуется Комания, а кыпчаки команями. Восточная часть, от Алтая до Каспия, в исторической литературе чаще обозначается как Восточный Дешт-и Кыпчак [37, с.12; 14, с.67–68; 2, с.17–18].

Географическая локализация западного Дешт-и Кыпчака («Половецкой степи») определена в работах С.А.Плетневой и других исследователей [25, с. 152–153, 231].

Южная граница Восточного Дешт-и Кыпчака соприкасалась с границей владений Хорезмшахов и доходила до озера Балхаш. Северная граница менее определена.

Археологические исследования выявляют на данной территории памятники, погребальный обряд которых характеризуется специфическими признаками. По мнению ряда археологов, эти памятники были оставлены кыпчаками. Разные исследователи выделяют разные признаки, которые, по их мнению, соответствуют погребальному обряду кыпчаков [26, с.46; 35, с.145; 17, с.53; 31, с.66; 32, с.107; 14, с.54, 60, 67; 24, с.126; 6, с.160; 7, с.114–130; 4, с.77–78; 36, с. 138–153; 21, с.11–13; 8, с.261; 15, с.41; 16, с.89; 1, с.59, 84; 11, с.40]. В.В.Горбунов даже предлагает назвать кыпчакской ту культуру, которая характеризуется специфическими элементами погребального обряда, и, которая, по его мнению, занимала территорию Барабинской лесостепи, Прииртышья, Северный Казахстан и достигавшей Южного Урала [11, с.40].

Несмотря на то, что археологи не пришли к единому мнению относительно тех признаков, которые выделяют памятники кыпчаков, тем не менее, географическое распространение тех памятников, которые археологии считают кыпчакскими, в большинстве случаев, не выходит за границы Дешт-и Кыпчака, за исключением некоторых районов. Прежде всего, это территория Кузнецкой котловины и Томского Приобья. Часть археологических памятников на этой территории также связываются с присутствием кыпчаков [24, с.126; 16, с.89]. И здесь же отмечается присутствие той генетической линии, которая, по нашему мнению, связана с кыпчаками.

Рис. 4. Карта распространения линии R1b-M73 (DYS390 = 19) и границ расселения кыпчаков по данным письменных и археологических источников к началу XIII века

Таким образом, археологические данные расширяют границы кыпчакского мира и подкрепляют связь определенной генетической линии с кыпчаками.

За пределами Дешт-и Кыпчака и территории расселения кыпчаков по археологическим данным, но где присутствуют также линия R1b-M73 (DYS390 = 19), оказывается территория Монголии и Кыргызстана. Как было указано выше, это самые удаленные от носителей этнонима кыпчак линии и присутствие этих линий на этих территориях может указывать на моменты первичной истории кыпчаков.

Распространение генетической линии R1b-M73 (DYS390 = 19) в Среднем Прииртышье, напротив, можно датировать более поздним временем. Миграция представителей данной линии на север произошло, вероятно, после вхождения этой территории в Улус Джучи и образования Сибирского ханства.

Таким образом, наблюдаются значительные корреляции между распространением линии R1b-M73 (DYS390 = 19) и территорией распространения кыпчаков по данным археологических и исторических источников (рис. 4). Ни одна из других генетических линий, наличествующих у современных носителей этнонима кыпчак и куман, не имеет такого распространения. Особенно это касается западных, европейских территорий.

Исходя из филогенетической структуры линии R1b-M73 (DYS390 = 19) (см. рис. 2) можно сделать предварительные выводы о месте возникновения этой линии и направлении миграции ее представителей.

Наиболее вероятно, что точка расхождения всех линий находится на территории Северо-Западного Китая, которая соприкасается с Монголией и Казахстаном и где протекает Черный Иртыш. Эту территорию можно считать прародиной генетических предков казахских, башкирских и каракалпакских кыпчаков и близких к ним групп.

Рис. 5. Предполагаемые миграционные пути линии R1b-M73 (DYS390 = 19)

Относительно изначальной прародины кыпчаков есть несколько версий. Одна из версий была предложена еще Б. Карлгреном. Согласно этой версии, этноним кыпчак (или кыйчак) идентифицировался с этническим наименованием цюйше (кюйше, цзюйше) хуннского времени. Этой версии придерживались многие видные исследователи (А.Н. Бернштам, Л.П. Потапов, Л.Н. Гумилёв, Б.Е. Кумеков, К.М. Шаниязов и др.) [5, с. 63; 12, с.19; 27, с. 143; 28, с. 170; 22, с. 10; 37, с. 32]. По мнению Д.Г.Савинова, племя цюйше проживало в Центральной Азии, наиболее вероятно в

Северо-Западной Монголии, в соседстве и динлинами и гяньгунями. Перенесение центра хуннского государства около 120 г. до н.э. в Монголию заставило гяньгуней переселиться на Средний Енисей, а цюйше – на Верхнюю Обь [32, с. 17–18].

Другая версия разработана С.Г. Кляшторным. По мнению С.Г.Кляшторного, кыпчаки являются потомками племени сеяньто, создавшими свое государство. Держава Сеяньто в IV–VII вв. занимала территорию между монгольским Алтаем и восточным Тянь-Шанем. После разгрома этого государства уйгурами, остатки народа сеяньто укрылись на Северном Алтае и приняли имя кыпчаков [19, с. 153–164; 20, с. 282].

Наиболее ранние известия о двух племенах, образовавших особое племя теле-сеяньто, «се и яньто», согласно китайским хроникам, восходят к IV в н. э., когда племя яньто было упомянуто среди гуннских племен, поселившихся в степях восточнее Ордоса [4, с. 50].

С.М.Ахинжанов локализует, основываясь на данных китайских источников, земли сеяньто (кыпчаков) на территории между отрогами Тянь-Шаня и юго-западных склонов Алтайских гор. Ранние этнические истоки их истории, по его мнению, следует искать на территории северо-западной Монголии и юга казахстанского Алтая и прилегающих к ним регионов.

Таким образом, локализация первичной родины кыпчаков согласно концепциям С.Г. Кляшторного, С.М.Ахинжанова и Д.Г.Савинова и других исследователей не противоречит, а напротив, согласуется с данными о локализации первичной родины генетических предков носителей этнонима кыпчак.

Миграция с этой территории той группы, которую можно считать генетическими предками кыпчаков, вероятнее всего, шла по Иртышу. Казахские кыпчаки выделяются в отдельную генетическую группу. Можно отметить, что казахские кыпчаки занимают территорию, которая соответствует области «Андар-аз-Кифчак», упомянутой в Худуд-аль-Алам [42, р. 100]. Б.Е.Кумекоев локализует эту область в северо-западной и западной части Центрального Казахстана, захватывая Южный Урал и северные окраины Приаральских степей. Название переводится В.Ф.Минорским как «внутренняя (область) Кифчака» [22, с. 65; 42, р. 309]. Таким образом, историю предков казахских кыпчаков можно связать с населением этой области.

Другая группа, в которую объединяются кумандинцы, томские тюрки, тоболо-иртышские татары, и, возможно, башкиры, в основном занимает территорию юга Западной Сибири. Часть этой территории занимала сrostкинская культура, северные районы которой, по мнению Д.Г.Савинова, были кыпчакскими по своему составу [31, с.56]. А.А.Адамов также считает, что памятники сrostкинской культуры Верхнего Приобья оставлены «тюркским, а точнее кыпчакским этносом» [1, с.85]. Изначальное формирование этой группы может быть связано с территорией Павлодарского Прииртышья, откуда ее представители продвигаются в Верхнее Приобье и далее в Кузнецкую Котловину и Томское Приобье, а также в Омское Прииртышье. Исследователями отмечаются близкие черты погребального обряда и керамики памятников Павлодарского Прииртышья конца I тысячелетия н.э. и Верхнего и Томского Приобья более позднего периода [24, с. 87, 121, 126].

Наличие этой генетической группы в составе томских тюрков согласуется с утверждением Д.Г.Савинова, что после распада кимакского государства часть кыпчакского населения продвинулась на территорию Томской области и завершила тюркизацию местного населения [32, с. 147].

Для установления более точного маршрута разных групп носителей этнонимов кыпчак и куман необходимо более полное генотипирование образцов. Уточнение направления дальнейших миграций разных ветвей «генетических кыпчаков», а также выделение близкородственных линий, позволит в будущем решить ряд моментов, проливающих свет на историю отдельных групп кыпчаков. Возможно, это позволит объяснить наличие общего этнонима у кумандинцев и населения западного Дешт-и Кыпчака, упоминаемых в европейских и византийских источниках под именем команов.

Вопрос о связях между определенными генетическими линиями с определенными этнонимами и археологическими культурами, тем или иным образом связанных с кыпчаками-куманами-половцами требует дальнейших исследований. Отсутствие генетических данных по некоторым тюркским популяциям, а также недостаточная степень генотипирования не позволяют восстановить точное направление миграций и этногенетические связи между популяциями юга Западной Сибири. И самое главное, для точного выявления происхождения носителей археологических культур необходимы данные исследований в области палеогенетики – генетики древнего населения. Будем надеяться, что в ближайшее время такие исследования будут проведены и историки и

археологи получают важный материал, позволяющий разрешить некоторые проблемы этногенеза тюркоязычного населения Южной Сибири, Казахстана, Южного Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
2. Арсланова А.А. Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII–XVIII вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С.4–20.
3. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 81–93.
4. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: «Гылым», 1995. 296 с.
5. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 256 с.
6. Боталов С.Г. Раннетюркская эпоха в Урало-Казахстанских степях // Бозок в панораме культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С.156–170.
7. Васюткин С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала: межвуз. науч. сб. Уфа: БашГУ, 1992. С.114–130.
8. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
9. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф.173. Оп.1. Д.85. Исповедная ведомость села Богородского 1792 г. Л.262об.–263.
10. Голден П.Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк: Донецкий национальный университет, 2008. С.309–340.
11. Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С.37 – 42.
12. Гумилёв Л.Н. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического об-ва. 1959. Т. 91. № 1. С.17–26.
13. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 251 с.
14. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: «Наука», 1988. 94 с.
15. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
16. Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.
17. Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1970. С.42–53.
18. Кастаракова В.М., Данилов В.М. Материалы по генеалогии кумандинцев. Личные архивы. 97 л.
19. Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1986. С.153–164.
20. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
21. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 200 с.
22. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.
23. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С.172–179.
24. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 351 с.
25. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.
26. Плетнёва С.А. Половцы. М.: «Ломоносовъ», 2010. 216 с.
27. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 444 с.
28. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. Л.: «Наука», 1969. 196 с.
29. Рубрук Вильгельм, Карпини Иоанн Плано. История Монголов // Путешествие в восточные страны СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. 232 с.
30. Сабитов Ж.М. К вопросу о гаплогруппах кыпчаков // Этногенез казахов: историко-генетический аспект. Алматы: ShejireDNA, 2014. С.311–321.

31. Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С.53–72.
32. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
33. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» /АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978. 349 с.
34. Схаляхо Р.А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: Анализ изменчивости Y-хромосомы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 24 с.
35. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
36. Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. № 12. С.138–153.
37. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1974. 340 с.
38. Харьков В.Н. и др. Сравнительная характеристика генофонда телеутов по данным маркеров Y-хромосомы // Генетика. 2009. Т. 45. № 8. С.1132–1142.
39. Cinnioglu C., King R., Kivisild T. et al. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia // Human Genetics. 2004. V. 114, pp.127–148.
40. Kirgiz DNA-project. Электронный ресурс. Доступ: <http://www.familytreedna.com/public/kirgiz/default.aspx>
41. KZ DNA-project. Электронный ресурс. Доступ: <http://www.familytreedna.com/public/alah/default.aspx>
42. Minorsky V. Hudud al-Alam. The regions of the world: a Persian geography, 372 A.H. – 982 A.D., translated and explained by V. Minorsky, London 1937 (2nd ed. rev.: С.Е. Bosworth, London 1970). lxxxiii, 524 p.
43. ML – база данных лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра (Москва).
44. National clans DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: http://www.familytreedna.com/public/Bashqort_Clans/default.aspx.
45. SMGF – Sorenson Molecular Genealogy Foundation Электронный ресурс. Доступ: <http://www.smgf.org>
46. TL – База Y-STR-гаплотипов лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики СО РАМН (Томск).

Сведения об авторе: Владимир Геннадьевич Волков – аспирант кафедры археологии и этнологии историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (634061, ул. Киевская, 60, Томск, Российская Федерация); vladimirgenvolkov@yandex.ru

On the Question of the Migrations and Homeland of Kypchaks. Genetic Aspect

V.G. Volkov
(Tomsk State Pedagogical University)

This article considers the relationship between the spread of paternal genetic lineages and carriers of the ethnonim Kipchak. The study identified a common genetic group among the modern carriers of this name. Subclade R1b-M73 is common genetic lineage of carriers of ethnonym Kipchak among different peoples, since this subclade is present in several populations: the Kazakh, Karakalpak and Bashkir Kipchaks. Other common genetic lineages are not being identified. This may indicate that the common genetic ancestor of the main group of carriers of ethnonym Kipchak belonged to subclade R1b-M73. Analysis of genetic data also allows to establish a location of a common ancestor. It has been also found a genetic relation between the carriers of the ethnonyms Kipchak and Cuman. This confirms the data of the written sources on the relative of Kipchaks and Cumans. Based on the analysis of genetic data, conclusions are made about the areas that might have been occupied by the genetic ancestors of Kipchaks and related groups in the Middle Ages. A correlation is noted between the data of spread of genetic groups which is associated with the Kipchaks and the data of written and archaeological sources. The territory inhabited by these groups coincides with the territory designated in written sources as «Dasht-i Kipchak.» Based on the analysis of genetic data, preliminary conclusions are made about the direction of migration and the homeland of these groups. It is most probable that homeland of the genetic ancestors of Kipchaks located in the North-West of China. This conclusion is close to the conclusions of historians and archaeologists on the location of the original homeland of Kipchaks.

Keywords: Kypchaks, Turks, genetics, archaeology, Southern Siberia, Kazakhstan.

REFERENCES

1. Adamov A.A. *Novosibirskoe Priob'ye v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th centuries]. Tobolsk-Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2000. 256 p.
2. Arslanova A.A. Kypchaki i termin Dasht-i Kypchak (po dannym persdskikh istochnikov XIII–XVIII vv.) [Kypchaks and the Term Dasht-i Kipchak (according to Persian sources of the 13th–18th centuries)]. *Natsional'nyy vopros v Tatarii dooktyabr'skogo perioda. Sbornik statey* [National Question in Tatarstan in Pre-October Period: Collected articles]. Kazan, 1990, pp. 4–20.
3. Akhinzhanov S.M. Ob etnicheskom sostave kipchakov srednevekovogo Kazakhstana [Ethnic Composition of the Kypchaks in the Medieval Kazakhstan]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1976, pp. 81–93.
4. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [The Kypchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty, Gylym Publ., 1995. 296 p.
5. Bernstam A.N. *Ocherki istorii gunnov* [Essays on the History of the Huns]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1951. 256 p.
6. Botalov S.G. Rannetyurkskaya epokha v Uralo-Kazakhstanskikh stepyakh [The Early Turkic Period in the Ural-Kazakhstan Steppes]. *Bozok v panorame kul'tur Evrazii. Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara.* [Bozok in the Panorama of Eurasian Cultures: Proceedings of the International field seminar]. Astana, 2008, pp. 156–170.
7. Vasyutkin S.M. K etnicheskoy istorii Yuzhnogo Priural'ya v XIII–XIV vv. [To the Ethnic History of the Southern Urals in the 13th–14th centuries]. *Materialy po arkheologii Yuzhnogo Urala. Sbornik statey* [Materials on Archeology of the Southern Urals: Collected articles]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1992, pp. 114–130.
8. Garustovich G.N., Rakushin A. I., Yaminov A.F. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kotsa IX – XV veka)* [Medieval Nomads of the Volga Region (end of the 9th – 15th centuries)]. Ufa, Gilem Publ., 1998. 336 p.
9. GATO – Ispovednaya vedomost' sela Bogorodskogo 1792 g. [Confessional Record of the Bogorodskoe Village of 1792]. *GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti)* [SATO (State Archive of Tomsk Region)]. F.173. Op.1. D.85. F.173. Inv.1. F.1. fols. 262^v–263.
10. Golden P.B. Religion among the Qipchaq of Medieval Eurasia. *Central Asiatic Journal* 42 (1998), pp. 180–186. (Russ. trans.: Golden P.B. Religiya kypchakov srednevekovoy Evrazii. Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T.6. Zolotoordynskoye vremya. Sb. nauchnykh rabot [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol.6. The Golden Horde period. Coll. research works]. Donetsk: Donetsk National University, 2008, pp. 309–340.
11. Gorbunov V.V. Protsessy tyurkizatsii na yuge Zapadnoy Sibiri v rannem srednevekov'e [The Processes of Turkization in the South of Western Siberia in the Early Middle Ages]. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri. Sbornik statey* [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia: Collected articles]. Barnaul, Altay State University Publ., 2003. vol.I, pp. 37–42.
12. Gumilev L.N. Dinlinskaya problema [The Dinlin Problem]. *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obschestva* [Proceedings of the Soviet Union Geographical Society]. 1959. vol.91, no.1, pp. 17–26.
13. Emelyanov N. F. *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu: (Sostav, zanyatiya i povinnosti)* [Population of the Middle Ob Region in Feudal Era]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1980. 251 p.
14. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnov Urale (XII–XIV vv.)* [Barrows of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th–14th centuries)]. Moscow, Science Publ., 1988. 91 p.
15. Ilyushin A.M. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat* [Barrows of Medieval Nomads of Bachat River Valley]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1993. 116 p.
16. Ilyushin A.M. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura* [Barrows of the Late Nomads Near the Mouth of Ur River]. Kemerovo, Kuzbass State Technical University Publ., 2012. 188 p.
17. Kadyrbaev M.K., Burnasheva R.Z. Pogrebenie kypchaka pervoy poloviny XIV veka iz mogil'nika Tasmola [A Kypchak's Burial of the first half of the 14th century from Tasmola Burial Ground]. *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana. Sbornik statey.* [On the Traces of Ancient Cultures of Kazakhstan: Collected articles]. Alma-Ata, Science of Kazakh SSR Publ., 1970, pp. 42–53.
18. Kastarakova V.M., Danilov V.M. *Materialy po genealogii kumandintsev. Lichnye arkhivy* [Materials for Genealogy of the Kumandins. Personal archives]. 97 p.
19. Klyashtornyy S.G. Kipchaki v runicheskikh pamyatnikakh [The Kypchaks in the Runic Monuments]. *Türcologica. Sbornik statey* [Türcologica: Collected articles]. Leningrad. 1986, pp. 153–164.
20. Klyashtornyy S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [The Steppe Empires of Ancient Eurasia]. Saint-Petersburg, Filological department of Saint-Petersburg State University Publ., 2005. 346 p.
21. Kostyukov V.P. *Pamyatniki kochevnikov XIII–XIV vv. Yuzhnogo Zaural'ya (k voprosu ob etnokul'turnom sostave ulusa Shibana).* Dis. kand. ist. nauk [Monuments of the Nomads of Southern Ural of the 13th–14th centuries (on the question of the ethnic and cultural composition of the Shiban's Ulus). Thesis kand. of hist. stud.]. Ufa, 1997. 200 p.
22. Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX – X vv. po arabskim istochnikam* [The State of Kimaks in the 9th–10th centuries according to Arab Sources]. Alma-Ata, Science of Kazakh SSR Publ., 1972. 156 p.

23. Miller G. F. Puteshestvie po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomsk do Naryma. 1740 goda [The Travel on the Water down of the Ob and Tom from Tomsk to Narym. 1740]. *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in Travel Notes by G.F. Miller]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograph Publ., 1996, pp. 172–186.
24. Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'ye v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk; Tomsk State University Publ., 1990. 134 p.
25. Pletneva S.A. *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV – XIII veka)* [The Nomads of Southern Russian Steppes in the Middle Ages (4th–13th centuries)]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003. 248 p.
26. Pletneva S.A. *Polovcy* [The Polovtsians]. Moscow, Lomonosov Publ., 2010. 216 p.
27. Potapov L.P. *Ocherki po istorii altaytsev* [Essays on the History of the Altaians]. Moscow, Leningrad, Science Akademiya of USSR Publ., 1953. 444 p.
28. Potapov L.P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev: Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Ethnic Composition and Origin of the Altaians: Historical and ethnographical essay]. Leningrad, Science Publ., 1969. 196 p.
29. Rubrouck, Guillaume; Plano Carpini, Gioavanni del. *Istoriya Mongolov / Puteshestvie v vostochnye strany* [History of the Mongols / Journey to the Eastern Countries]. Saint-Petersburg, A.S. Suborin Publ., 1911. 232 p.
30. Sabitov Zh.M. K voprosu o gaplogruppakh kipchakov [On the Question about Haplogroups of the Kypchaks]. *Etnogenez kazakhov: istoriko-geneticheskiy aspekt* [Ethnogenesis of the Kazakhs: historical and genetic aspect]. Almaty: Shejire DNA Publ., 2014, pp. 311–321.
31. Savinov D.G. Ob osnovnykh etapakh razvitiya etnokul'turnoy obschnosti kypchakov na yuge Zapadnoy Sibiri [On the Basic Stages of the Development of Ethno-Cultural Community of the Kypchaks in the South of Western Siberia]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri. Sbornik statey* [History, Archaeology and Ethnography of Siberia: Collected articles]. Tomsk, 1979, pp. 53–72.
32. Savinov D.G. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyurkskuyu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Epoch]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1984. 174 p.
33. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obschetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic Bases Beginning with the Letter "B"]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 349 p.
34. Skhalyakho R.A. *Genogeografia tyurkoyazychnykh narodov Kavkaza: Analiz izmenchivosti Y-khromosomy. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Genogeography of Turkic-Speaking Peoples of the Caucasus: An Analysis of the Variability of the Y-chromosome. Abstract of thesis kand. of hist. stud.]. Moscow, 2013. 24 p.
35. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde khans]. Moscow, Moscow State University Publ., 1966. 276 p.
36. Khudyakov Yu.S. O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovykh kypchakov [On the Origin of the Culture of Medieval Kypchaks]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai]. 2004. no.12, pp. 138–153.
37. Shaniyazov K.Sh. *K etnicheskoy istorii uzbekskogo naroda; Istoriko-etnograficheskoe issledovanie na materialakh kypchakskogo komponenta* [To the Ethnic History of the Uzbek People: Historical and Ethnographical Research Based on the Materials of Kypchak Component]. Tashkent, Science Akademiya of Uzbek SSR Publ., 1974. 340 p.
38. Kharkov V.N. et al. Sravnitel'naya kharakteristika genofonda teleutov po dannym markerov Y-khromosomy [Comparative Characteristics of the Gene Pool of Teleuts Inferred from Y-chromosomal Marker Data]. *Genetika* [Genetics]. 2009, vol.45, no.8, pp. 1132–1142.
39. Cinnioglu C., King R., Kivisild T. et al. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia. *Human Genetics*. 2004, vol. 114, pp. 127–148.
40. *Kirgiz DNA-project*. Available at: <http://www.familytreedna.com/public/kirgiz/default.aspx>
41. *KZ DNA-project*. Available at: <http://www.familytreedna.com/public/alash/default.aspx>
42. Minorsky V. *Hudud al-Alam. The regions of the world: a Persian geography, 372 A.H. – 982 A.D.*, translated and explained by V. Minorsky, London 1937 (2nd ed. rev.: C.E. Bosworth, London 1970). lxxxiii, 524 p.
43. *ML – Y-Chromosome STR Haplotype Reference Database of the Laboratory for Human Population Genetics of the Medical Genetics Research Center (Moscow)*.
44. *National clans DNA Project*. Available at: http://www.familytreedna.com/public/Bashqort_Clans/default.aspx.
45. *SMGF – Sorenson Molecular Genealogy Foundation*. Available at: <http://www.smgf.org/>
46. *TL – Y-Chromosome STR Haplotype Reference Database of the Laboratory for Evolutionary Genetics of the Institute for Medical Genetics, Russian Academy of Medical Sciences (Tomsk)*.

About the author: Vladimir Gennadievich Volkov – Post-graduate student, Department of Archaeology and Ethnology of the Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (634061, Kievskaya st., 60, Tomsk, Russian Federation); vladimirgenvolkov@yandex.ru

УДК 575.17

Этногенетические связи литовских татар: исторические корни литовско-татарского дворянства

С.В. Думин

(Государственный исторический музей,
Международная генеалогическая академия,
Российское Дворянское Собрание)

В.Г. Волков

(Томский государственный педагогический университет)

Ж.М. Сабитов

(Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева)

В статье представлены результаты генетического тестирования представителей татарских дворянских родов, потомков татар, поселившихся в Великом княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI в., известных как *литовские татары*. Эти данные позволяют уточнить родственные связи более 200 сохранявшихся к началу XIX века литовско-татарских родов, сделать выводы о особенностях формирования этой группы, сложившейся из представителей многих ордынских улусов. В результате исследования были выявлены основные генетические группы, уточнены и верифицированы данные родословных преданий и исторических источников. Были выявлены также генетические связи литовских татар с другими тюркскими популяциями. Генофонд литовских татар в основном представлен двумя группами, одна из которых связана происхождением с территорией Южной Сибири и Казахстана, вторая – с территорией Северного Кавказа.

Ключевые слова: литовские татары; литовско-татарское дворянство; генетические группы; генетические связи.

Татарские отряды участвовали в литовских походах в качестве союзников или наемников ещё при Гедимине, в частности, в 1320 г., во время его войны с крестоносцами [7; 35, s. 356–368]. В 1395 г. нашёл убежище в Литве разгромленный Тамерланом хан Токтамыш, в XV в. там же побывали его сыновья, в том числе царевич Джелаль ад-Дин (участник Грюнвальдской битвы 1410 г.), другие татарские царевичи, в том числе будущий крымский хан Хаджи-Гирей. Но и все они были союзниками, а не слугами литовских великих князей, и пребывание в Литве для них и для многих других князей и царевичей было лишь эпизодом в борьбе за власть над улусом Джучи [7; 12; 13].

Только с конца XIV – начала XV в. и до начала XVI в. постепенно оформляется группа собственно *литовских татар*, т. е. татар, осевших в Великом княжестве Литовском (далее: ВКЛ), поступивших там на службу, пожалованных землей, и в силу этого, как и другие местные служилые люди, обязанных ходить на войну по приказу великого князя.

Название *литовские татары* обусловлено исторически, обозначая всех татар, чьи предки ещё до 1795 г. жили на территории Речи Посполитой, прежде всего в ВКЛ, т.е. в современной Литве и Белоруссии, в некоторых районах Польши, а также Украины (село Ювковцы под Острогом). Потомки поволжских или крымских татар и других тюркских народов, поселившиеся на этой территории после 1795 г., к литовским татарам не относятся. Наименования «польские татары», «белорусские татары», используемые, соответственно, в Польше и в Белоруссии, как представляется, применимы лишь как локальные обозначения (хотя и отражают исторические процессы рутенизации, а затем и полонизации части этой группы; литуанизация части этих татар, отмеченная преимущественно на западе современной Литвы, – явление XX в.). В XVII в. литовских татар, переселившихся в турецкие владения, и их потомков называли также «липками». Термины «польские мусульмане», «литовские мусульмане», используемые по отношению к ним на рубеже XIX–XX вв., более или менее уместны лишь для периода XIV–XVIII вв. (когда именно вероисповедание определяло принадлежность к данной группе); позже на этой территории появляются мусульмане другого происхождения, с данной этнической группой не связанные. Поскольку все литовские татары пользовались шляхетскими правами, а впоследствии были признаны и в россий-

ском дворянстве [28], применяется также термин «татарская шляхта», отражающий исторический статус литовских татар («народ–сословие»).

Появление татар на службе великого князя Витовта польский хронист Ян Длугош и литовские исторические сочинения XV–XVII вв. датируют 1397 г., когда в окрестностях Вильно и Трок, на реке Ваке были поселены пленные, взятые во время похода за Дон [7]. Этот поход был направлен против улусов, враждебных Токтамышу. Витовт поселил пленных в окрестностях Вильно (совр. Vilnius) и Трок (Trakai), пожаловав им земли с обязанностью военной службы. На тех же условиях затем получали пожалования и довольно многочисленные добровольные переселенцы (царевичи, князья и рядовые воины–ордынцы). Всем этим татарам в ВКЛ была обеспечена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети. Важнейшей привилегией служилых татар стало право владеть крепостными крестьянами (и пожалованными, и приобретенными). Первоначально разрешались и смешанные браки (женильба татар–мусульман на христианках, причем потомство обычно сохраняло веру отцов); этими браками обычно объясняют и быструю утрату литовскими татарами родного языка (славянизация завершилась к середине XVI в.), и утверждение среди них уже к началу XVI в. обычая единобрачия. Благодаря своему привилегированному статусу татары, осевшие в ВКЛ, вошли в состав той группы его населения, на основе которой формировалось шляхетское сословие, и стали его составной частью (хотя из–за вероисповедания так и не получили политических привилегий шляхты, права участвовать в сеймиках и сеймах, выборах королей) [5; 27; 28].

Среди литовских татар были выходцы из Крыма, из Большой (Заволжской) орды, из ногайских племен. Довольно пестрым был и социальный состав татар, принятых на литовскую службу. Среди них мы находим и ордынских царевичей (солтанов) – сыновей и братьев ханов, и потомков младших линий Чингизидов – уланов (огланов), а также князей и мурз – представителей родовой и служилой знати, владевшей в Орде улусами (в ВКЛ они сохраняли свои титулы наравне с литовско–русскими князьями) [38], и рядовых ордынцев, простых воинов. Последние составляли основную массу служилых татар.

Служба литовских татар протекала в собственных хорунжествах или стягах; не только сами татары, но и покупатели, новые владельцы земель, прежде пожалованных татарам («татарцизн») вплоть до XVII в. были обязаны являться на военную службу по первому требованию короля под командованием татарских хорунжих и маршалков [11; 25].

Из каких же элементов сложилась эта группа, как протекал этногенез литовских татар? Долгое время этот вопрос не изучался специально. Фактически первую (скажем прямо, весьма неудачную) попытку предпринял во второй половине XIX в. один из представителей литовско–татарской знати, Матвей Туган–Барановский, помещик Ошмянского уезда. В заметках (посмертно опубликованных в 1896 г.) [37] он разделил литовских татар на три класса, по его утверждению, различавшиеся не только социальным статусом (к XIX в., впрочем, все они пользовались правами дворянства), но и племенным происхождением. К высшему классу он отнёс татар–помещиков, «потомков дагестанского племени», носивших (неофициально) титул мурз представителей знати (к которым причислил прежде всего свою семью); впрочем, среди «аристократических фамилий» Туган–Барановский называет и несколько родов, как он считает, ногайского происхождения (например, Давидовичи, Кенские). Вторую группу, по этой классификации, составляли потомки простых ордынских воинов из «заволжского племени», которые населяли татарские околицы, шляхетские сёла в Литве. И, наконец, к третьей, низшей, группе Туган–Барановский относит татар, живших в XIX в. в городах и местечках Белоруссии и Литвы, занятых огородничеством, а также ремеслом (выделкой кож) и извозом. Их он называет потомками пленных ногайцев, черемисов, буджаков, составив списки соответствующих фамилий¹ [37, s. 62–65]. К сожалению, даже если в отдельных случаях этим заметки зафиксировали реальную традицию, доверять им нельзя (о своей собственной семье автор сообщил абсолютно неправдоподобные сведения, о чём подробнее скажем ниже).

Тем не менее, эту классификацию принимает как данность польский этнограф Ю. Талько–Грынцевич, именно ею обосновав «племенную разнородность» «литовских мусульман, именуемых татарами» [36, s. 59–65]. Не оспаривая саму эту классификацию, в 1929 г. автор первого гер-

¹ В действительности социальный статус отдельных родов не был связан с их принадлежностью к тому или иному племени. Кроме того, татарское население городов и местечек Белоруссии и Литвы сформировалось в XVII–XX вв. из потомков обедневших служилых татар, переселившихся из татарских околиц.

бовника татарских семей в Польше С. Дзядулевич пишет, что «ногайцы, поселённые Витовтом над рекой Вакой в 1397 г., отличались первоначально от тех двух первых групп типом, языком и одеждой, а часто и занятиями», хотя и констатирует, что со временем различия между этими группами стёрлись, и внутри литовских татар отсутствуют какие-то этнографические различия [30, s.XVI–XVII]. Впрочем, в очерках по генеалогии отдельных семей он часто спорит с утверждениями Туган–Барановского, называя многих, отнесённых тем к «третьей категории», «потомками заволжанцев благородной крови» [30, s. 70, 102, 103, 210, 216 и др.].

Реальное состояние этой группы в действительности было иным. Литовские татары, получив от великих князей земли, уже в XV в. исполняли военную службу в собственных отрядах во главе с татарскими хорунжими и маршалками. В 1559 и 1631 гг., когда были проведены ревизии татарских имений Великого княжества Литовского, таких татарских хорунжеств насчитывалось шесть: Уланское (стяга Гродненского и Ошмянского), Юшинское (стяга воеводства Троковского), Найманское (стяга воеводства Виленского), Кондрацкое (стяга Мерешлянского, от большой околицы Мерешляны в Виленском воеводстве), Ялоирское и Барыньское (стяга воеводства Новогрудского, к которому в XVII присоединили и группу татар, владевших землями в пограничном с Россией Мстиславском воеводстве). Их возглавляли, соответственно, князья Уланы–Асанчуковичи, Юшинские, Найманы–Петровичи, Конграты, Ялоиры, мурзы Барыньские (последние в 1520-е гг. сменили во главе новогрудских татар потомков другого рода Уланов).

Итак, в середине XVI – начале XVII в. насчитывалось шесть княжеских родов, традиционно возглавлявших определённые татарские стяги – подчинённые им ополчения (сложившиеся к тому времени «границы» хорунжеств не совпадали с административным делением ВКЛ, возможно, это стало результатом земельных сделок, переселения татар, первоначально приписанных к тем или иным стягам, на новые места) [11]. Эти семьи, осуществлявшие военную и административную власть над остальными служилыми татарами, составляли ядро литовско-татарской аристократии. Но многие знатные семьи (например, Ширинские) своих хоругвей не имели.

Традиция, зафиксированная в ревизии татарских имений 1631 г., связывает с этими «фамилиями» и возникновение литовско-татарской военной организации. Ревизор Ян Кердей записал *«Эти фамилии не все вместе, а в разное время при предках Его Величества короля из Орды в Великое Княжество Литовское приведены, однако каждая фамилия со своим отрядом пришла, которым Их Величества короли в разных местах в Великом Княжестве Литовском благоволили дать содержание»* [17, л. 4].

На этом основании и учитывая то обстоятельство, что власть в каждом из стягов (должности хорунжих и маршалков) фактически переходила по наследству внутри определенных родов (от отца к сыну, от брата к брату и т.д.), в литературе утвердилось мнение, что эти хорунжества, возглавляемые татарскими князьями, представляли собой ордынские улусы, перенесённые в Литву, а сама военная организация литовских татар составляла *„миниатюрную копию кипчакской орды, с ее разделением на племена и роды, подчиненные власти наследственных начальников»* [33, s. 65]. На совпадение названий хорунжеств литовских татар – Юшинского, Найманского, Кондрацкого, Ялоирского, Барыньского, с названиями тюрко–монгольских родов *ушин (хушин, уйшун), найман, конграт, ялоир (джалаир), барын* впервые обратил внимание польский ориенталист А. Зайончковский [39]. Вывод об их генетической связи был сделан С. Кричинским [33, s. 57–66]. С 1980-х гг. этот тезис нашел активное развитие в многочисленных публикациях польского историка П. Боравского [25, s. 62–65; 26, s. 208–221]. Хорунжества рассматриваются как отряды ордынской знати, пришедшие с ней в Литву и в новых условиях оставшиеся в подчинении потомков улусных князей, т. е. как элементы ордынской военной организации, лишь перенесённые на литовскую почву.

Тем не менее, есть все основания полагать, что татарские хорунжества, несмотря на их «племенные» имена, в том виде, в каком их зафиксировали документы XVI–XVII вв., как военно–административные единицы, объединявшие группу служилых людей, подчинённых одному должностному лицу и составлявших один военный отряд, несомненно сложились в самой Литве, из личных отрядов татарской знати, в том числе больших групп ордынских татар–казаков, а также пленных татар, т.е. из различных элементов, и, следовательно, не являлись родовыми или племенными объединениями².

² Подробнее см.: [10].

Впрочем, среди татарской знати традиции племенного происхождения, связи с одноименными ордынскими, крымскими родами сохранялись ещё XVIII в. [29]. В некоторых случаях источники XVI в. прямо подтверждают родство знатных литовско-татарских родов с ордынскими знатными фамилиями, например, князей Бахтияровичей Сеитов с ногайскими князьями из рода мангыт, эмира Идегея (их потомки татары Тупальские, как и прочие потомки Идегея, употребляли титул сеитов и сохранили его в названии герба) [27, s. 137], или свидетельство крымского посла татарам Каражичам, что «род их Карачи–Кипчак княжеский, и они того роду»; их потомки, Полянские, в XVII в. сохраняли родовое прозвание Кипчак («Крыпчак») [9; 30, s. 251–252]. Иногда племенное происхождение отражалось в «родовых прозваниях», например, кроме угасшего рода князей Маликбашичей Ширинских [9], прозвание Ширин прибавляли к фамилии татары Монтуши (чья родословная, известная с начала XVI в.³, не позволяет связать их с династией карачаев, но прозвание может указывать на принадлежность предков к тому же крымскому улусу) [27, s. 74].

Некоторые семьи даже отразили такие родовые предания при доказательстве дворянства в России в начале XIX в. Так, Заблоцкие и Довгялло считали себя потомками ялоиров [27, s. 69–70, 74–75], Соболевские – конгратов (с родовым прованием Конкирант–Мурза) [8; 27, s. 99]⁴, Кричинские, сохраняли прозвание Найман–мурза или Мурза Найманский [27, s. 124, 128–129], Обулевици, возглавлявшие в конце XVI в. Кондрацкое хорунжество – Кондрат–Мурза [27, s. 126]; достаточно чётко прослеживаются родословные таких княжеских семей, как Уланы, Кричинские, Юшинские и т.д. Потомками Юшинских считали себя и некоторые другие семьи, например, Хазбиевичи; некоторые семьи возводили свою родословную к только что упомянутым Уланам.

Но большинство литовско-татарских родословных, представленных при доказательстве дворянства, обрывается на рубеже XVII–XVIII вв., и даже официальные «древа» аристократических, княжеских родов содержат немало путаницы⁵. Отчасти прояснил, отчасти ещё больше запутал литовско-татарскую генеалогию уже упоминавшийся С. Дзядулевич [30]. С одной стороны, используя многие неопубликованные источники, он сумел проследить (с разной степенью подробности) историю многих родов, в том числе и угасших до XIX в. Но его сведения о происхождении этих родов часто недостоверны и опираются лишь на совпадение фамилий XVIII–XIX вв. с патронимами татар, живших в XVI–XVII вв.; часто его утверждения лестны для описываемых семей, но вызывают сомнения или опровергаются источниками.

Разумеется, при изучении любой генеалогии основной проблемой является недостаток или отсутствие письменных источников. Родословные почти всех литовских татар до 1631 года сравнительно легко прослеживаются, прежде всего, на основании уже упоминавшейся ревизии татарских имений Великого княжества Литовского, в которой указаны владельцы земель в 1559 г. (по предыдущей ревизии), а затем их потомки (внуки, правнуки) в 1631 г. Впрочем, уже в это время часть татар переселилась на земли магнатов (большие группы служили князьям Радзивиллам, Яблоновским и др.) или в города и пригороды. После 1631 г. такие всеобъемлющие источники отсутствуют вплоть до 1795 г., когда после присоединения к Российской империи начались регулярные переписи, а татарская шляхта представила свои родословные в дворянские собрания, стали вестись и пополняться уездные дворянские списки.

В общей сложности дворянство в Российской империи и Царстве Польском доказали чуть больше 200 татарских шляхетских родов (учитывая и однофамильцев разного происхождения, и семьи общего происхождения с разными гербами) [27, s. 250]. Многие из них упоминали при этом о выезде предков в Литву «в древние времена из-за реки Волги» (любопытно, что указаний на вы-

³ Как и князья Маликбашичи–Ширинские на своих печатях, Монтуши изображали в гербе ключ [8; 27, s. 74].

⁴ К сожалению, тест одного из Соболевских, уже отправленный в лабораторию, ещё не обработан.

⁵ Так, князья Кричинские, потомки князей Кадышевичей Петровичей Найманов, чьи предки в XVI–XVII вв. возглавляли Найманское хорунжество, приняли фамилию от имени Кричин в Оршанском повете, которым владели не только их предки, но и семья, возглавлявшая Кондрацкое хорунжество, причём именно представитель последней, князь Мортуга Олишкевич, назван их родоначальником, отсюда и родовое прозвание Олишкевич, хотя при этом они устойчиво использовали титул мурз Найманских и Конгратами себя никогда не именовали. Но С. Дзядулевич, слабо знакомый с историей Золотой Орды и её племенными делениями, попытался выйти из этого противоречия, назвав «Конврата» сыном «заволжского татарина» Найман-бека «из рода Типиров» (?) [30, s. 164–167]. Эту путаницу устранили только исследования С.В. Думина [9; 13, s. 272, 277, 320; 27, s. 124].

езд предков из Крыма практически нет, за редкими исключениями)⁶, но эта формула отражала только общую традицию происхождения группы. (Рис. 1*).

К сожалению, для более позднего периода, примерно с конца XIX – начала XX в., изучение генеалогии также осложняется из-за отсутствия (исчезновения) большей части метрических книг местных мечетей и прекращения после 1917 г. деятельности сословных учреждений, которые вели учёт и потомков татарских дворянских родов.

Изучение этногенетических связей литовских татар с помощью генетического тестирования преследует несколько задач. Одна из них, более общая, – выяснение состава этой группы, выявление реальных (а не легендарных) корней отдельных родов и семей, что позволит значительно более уверенно судить о формировании литовских татар, как этнической группы. Решение этой задачи станет возможным после завершения нашей работы, поскольку выборки, хотя и дают некоторое представление об элементах, из которых эта группа формировалась, всё же не позволяют использовать эти первоначальные наблюдения для окончательных выводов.

Но есть и другие сюжеты и вопросы, ответ на которые может быть получен уже в ходе тестирования небольшого числа лиц, связанных документально подтверждённым родством. В этом случае можно с уверенностью подтвердить (или опровергнуть, что тоже возможно) реальное родство как представителей разных ветвей одного рода, так и семей, которые носят одну и ту же фамилию, но чьи родословные не возведены документально к общему предку. Среди литовско-татарских дворянских родов немало однофамильцев, что объяснимо в случае фамилии патронимического типа, сформировавшихся, как правило, в XVII в., в том числе от популярных мусульманских или старых тюркских имён, а также славянских имён (употреблявшихся наряду с мусульманскими) (Абрагимович, Абрамович, Александрович, Ассанович, Ахматович, Базаревич, Богданович, Ильясевич, Чимбаевич, Эльяшевич, Юзефович и т.д.). Кроме того, однофамильцами являлись некоторые семьи Кенских, Корицких, Смольских, Яблонских, Ясинских; иногда разные семьи принимали фамилии от одних и тех же или одноимённых деревень. В некоторых случаях можно предположить и общее их происхождение; но в этом случае ответ может дать только генетическое тестирование. Ещё одна, очень интересная возможность, – выяснить общее происхождение родов, которые носят разные фамилии, но при этом восходят к общему предку. В некоторых случаях такое общее происхождение отражено в исторических документах, иногда только предполагается (хотя и отмечено в некоторых генеалогических публикациях). И, наконец, сравнение результатов тестирования с имеющимися базами данных должно позволить установить более раннее происхождение различных родов, выявить их дальних родственников среди представителей других тюркских (и, возможно, не только тюркских) народов.

Первые результаты тестирования литовских татар, живущих в Подляшье (Белосток, Сокулка, Суховоля, а также татарские сёла Крушиняны и Богоники, возникшие после 1679 г. на землях, пожалованных татарским отрядам королём Яном Собесским) были опубликованы в 2005 г. группой польских генетиков из Белостокского медицинского университета [31]. Ими протестированы 125 человек и, как они считают, выявлен 101 гаплотип. К сожалению, исследование проводилось анонимно, и потому его результаты, хотя и интересны, но практически бесполезны для наших целей, тем более, что проводились только по 8 маркерам (такие тесты, разумеется, позволяют только исключить, а не подтвердить родство, общее происхождение и т.д.).

Генетический проект Polish tartars (Польские татары) [42] был создан Анджеем Байором (Польша) при участии Жаксылыка Сабитова (Казахстан). Параллельно тестирование литовско-татарских родов по инициативе С.В. Думина было начато в рамках проекта В.Г. Волкова Russian Nobility DNA (Российское дворянство) [40]. Затем по предложению С.В. Думина он и В.Г. Волков оформили отдельный проект Lithuanian Tatar Nobility – Литовское татарское дворянство [41].

При этом с Ж. Сабитовым была достигнута договорённость об участии тестированных во всех трёх проектах, что позволило обобщить результаты и совместно решать некоторые вопросы

⁶ Семья татар Довгялло (эту литовскую фамилию они, разумеется, приняли уже в ВКЛ), ещё 1744 в., когда представители старой татарской знати (князя Уланы) оспаривали их право на титул мурз, получили из Крыма, от мурз Ялоирских и Ширинских, свидетельство о принадлежности их предка, якобы выехавшего в Литву из земли «Алджи Сараим» в Крыму ещё при великом князе Витовте, к роду «Дзялоир» и право на «герб» (тамгу), именуемую «Кайшылы», которая и была оформлена затем по правилам европейской геральдики [8; 27, s. 72–73].

* Рис. 1–2 к статье см. на цв. вклейке.

финансирования. Большую организационную помощь в проведении тестирования оказали нам С. Мискевич, Р. Горяев и некоторые другие лица.

В настоящее время мы уже располагаем данными по 35 фамилиям (приводим их в исторической польской транскрипции): Achmatowicz; Aleksandrowicz (2 теста); Assanowicz; Bajraszewski; Bielak; Bohuszewicz (2 теста); Chalembek; Chazbijewicz; Gembicki; Ijasiewicz (2 теста); Jakubowski / Jakubauskas (2 теста); Juszyński; Kenski; Konarski; Krynicki; Lebiedź; Masłowski; Milkamanowicz (Milkomanowicz); Miskiewicz (Miśkiewicz); Mucharski; Muchla (4 теста); Murzicz; Radkiewicz; Rafałowicz; Rajecki / Rajeckas (2 теста); Ratkiewicz; Ryzwanowicz; Safarewicz; Smajkiewicz; Smolski; Szabanowicz; Szczucki; Szehidewicz; Tuhan–Baranowski (2 теста); Woronowicz (2 теста).

Степень генотипирования представителей литовско-татарских семей была различна. Изначально планировалось тестирование большинства из них на минимальном уровне, на 12 маркёров. При этом было признано целесообразным, по мере возможности, для каждого рода провести не менее двух тестов представителей разных ветвей, что должно было, в случае, если результаты совпадут, гарантировать с большой долей вероятности выводы относительно общего происхождения данного рода в целом. Сразу же были выделены несколько семей, чьи представители или их родственники были готовы оплатить тестирование на гораздо более «представительном» уровне.

Среди тестированных отмечено явное преобладание гаплогруппы R1a1–M198. Её представители (всего 13 родов) представлены разными субкладами. К субкладу R1a1–YР349 принадлежат представители рода Мухля (Muchla), Вороновичей (Woronowicz) и Байрашевский (Bajraszewski). К этому же субкладу, но другой линии, принадлежат Якубовские (Jakubowski, Jakubauskas, два человека). К субкладу R1a1–Z280 принадлежат Мухарские (Mucharski) и потомок рода Беляк (Bielak), семьи, уже в начале XIX в. католической, но документально возводившей себя к одному именованному татарскому роду.

К гаплогруппе R1a1 принадлежат также Александровичи (Aleksandrowicz, два человека, но, очевидно, представляющих два разных рода), Гембицкие (Gembicki), Ильясевичи (Ijasiewicz), Криницкие (Krynicki), Радкевичи (Radkiewicz) и Рафаловичи (Rafałowicz). К сожалению, принадлежность образцов к определенным субкладам R1a1 в данный момент определить не удалось. Также неясно, к каким субкладам относится Халембек (Chalembek) (Халембекам М. Туган-Барановский необоснованно приписывал «черкесское» происхождение, а С. Дзядулевич без особых оснований называет их потомками князей Юшенских, о них см. ниже) [30, s. 78–80] и житель Литвы, претендовавший на принадлежность к роду Туган-Барановских (что не подтверждено документально).

Наиболее вероятно, что представители этих родов принадлежат к субкладам R1a1–Z280 и R1a1–M458, с наибольшей частотой встречающихся у населения Центральной и Восточной Европы.

К гаплогруппе R1b, к двум разным её субкладам, принадлежат три семьи, связанные со старейшими татарскими поселениями в окрестностях Вильно (Вильнюса) и Трок (Тракая), на реке Ваке (совр. лит. Воке): Хазбиевич (Chazbijewicz), принадлежит к субкладу R1b–M73, а Мелех (Melech) и Рызванович (Ryzwanowicz) к субкладу R1b–Z2105. К тому же субкладу, очевидно, относятся и Конарские (Konarski).

К гаплогруппе G2a3b (G–P303) принадлежат профессор Джучи Туган–Барановский (Tuhan–Baranowski), документированный потомок этого рода, а также Богушевичи (Bohuszewicz, два представителя одного рода) и Мискевичи (Miskiewicz), причем на 12 маркёрах гаплотипы Богушевичей и Мискевичей совпадают.

Возвышение татарского рода Барановских относится к середине XVII в. и связана с воинскими подвигами в войнах с Швецией и Россией одного из его представителей, татарского ротмистра Давида Барановского [10, с. 250–251]. Добившись королевских пожалований и заняв видное место среди литовско-татарской старшины (в том числе возглавив татар Трокского воеводства), Барановские и в Польше конца XVIII в. и в Российской империи в XIX–XX вв. играли видную роль, достигая генеральских чинов и сохраняя сравнительно крупные имения [13, с. 250–252; 27, с. 154–156]. В этой семье в XIX в. бытовали легенды о родоначальнике «Туган-беке», «дагестанском князе», якобы командовавшем в ВКЛ в XV в. всеми татарскими отрядами [37], о подвигах предков в сражении под Грюнвальдом; в устном семейном предании появилась даже версия об их происхождении от царевича Тугана, сына хана Джучи. Все эти предания не подтверждаются источниками. Реальная родословная Барановских (прибавлявших с XVII в. титул «мурза Туганский») восходит к *Сюнчею Айдаровичу*, татарину–казаку ларскому (из селения Козаклары на

р. Ваке), сын которого *Байрашкача (Байрамходжа)* в 1559 г. владел после отца фольварком в татарской околице Крейваны в Трокском воеводстве; у его третьего сына *Мустафы Байрамгадзевича* остались сыновья *Касим* (в 1631 г. имел свой дом в Крейванах) и *Обдула, Адам* и *Щенский*, жившие в Дзешинках над р. Вердосой, где они уже записаны с фамилией Барановских [13, с. 250–252; 27, с. 154–156]. Тем не менее, семья эта принадлежала к числу обитателей старейших татарских сёл в Литве, и принадлежность к «кавказской» гаплогруппе G2a3, как ни странно, соответствует преданию о «дагестанском» происхождении.

К гаплогруппе J2a (J–M172) принадлежат представители 7 родов: Ассанович (Assanowicz), Масловский (Maslowski), Сафаревич (Safarewicz), Шабанович (Szabanowicz), Милькаманович / Милькоманович (Milkamanowicz, Milkomanowicz), а также уже упоминавшийся Юшинский (Juszyński) и, видимо, Раткевич (Ratkiewicz); Смайкевич (Smajkiewicz) принадлежит, вероятно, к гаплогруппе J2b.

Из этой группы лучше всего изучена родословная Юшинских, потомков древнего княжеского рода, с конца XV – начала XVI и до второй половины XVII в. наследственно возглавлявших татар Троцкого воеводства (последним этот пост занимал с 1661 г. князь Давид Мустафич Юшинский), а затем носивших звание татарских земских хорунжих Минского воеводства [27, с. 64–65].

К гаплогруппе N1c1 (N–M178) принадлежит Смольский (Smolski, из рода Смольских герба Лелива), к гаплогруппе N1b (N–P43) Ахматович (Achmatowicz), который тестировался в проекте Polishtartars [42].

К гаплогруппе Q (Q–M242) принадлежат представители 5 родов: Лебедзь (Lebiedz), Мурзич (Murzicz), Шегидевич (Szegidewicz, Szehidewicz), Раецкий (Rajeczki, Rajeckas, 2 теста), и Щуцкий (Szczucki). Из них трое первых принадлежат к субкладу Q1a3–L330, Раецкие к гаплогруппе Q1a2 (Q–M25), а Щуцкий – к Q1b.

Особый интерес представляло бы выявление среди литовских татар потомков золотоордынской ханской династии. К сожалению, существовавшие в ВКЛ прямые потомки крымских ханов и последнего хана Большой орды Шах–Ахмата давно угасли. Не выявлены пока и прямые, документированные потомки еще в XIX в. весьма многочисленных князей Уланов, Уланов–Малюшицких и Уланов–Полянских [9; 27, с. 157–160; 30], потомков золотоордынских огланов, младших членов династии. К тому же роду по официальной родословной восходит татарский род Богушевичей [27, с. 67]⁷, два представителя которых были тестированы. Оба они подтвердили общее происхождение, но не принадлежат к типичной для большинства тестированных в других проектах Чингизидов гаплогруппе C3; они – представители гаплогруппы G. Пока воздержимся от поспешных выводов; всё же следует сравнить тесты Богушевичей с представителями рода Уланов, если удастся их найти и привлечь к тестированию. Кроме того, уже взяты образцы у представителя другого рода, чья родословная также возводится к роду князей Уланов, – одной из нескольких существовавших в ВКЛ семей татар Корицких (их общее происхождение не исключено, но не доказано); возможно, их результаты, когда они будут получены, помогут пролить свет на этот вопрос.

Значительная часть тестированных не связана обозримым родством ни документально-генеалогически, ни генетически. Впрочем, о первоначальном составе татарских переселенцев более уверенно мы сможем судить, когда исследованием будут охвачены, по возможности, все существующие татарские роды, в том числе однофамильцы, формально, а часто и фактически, не связанные таким родством.

Наиболее полно при этом изучалась семья Мухля (Muchla) и Воронович (Woronowicz), к которым принадлежали предки С. В. Думина по материнской линии. По ним, соответственно, и были получены наиболее представительные результаты.

Род Мухля проследил родословную с начала XVIII в. Фамилия происходит от бытовавшего (хотя и мало распространенного) у литовских татар в XVI–XVII в. имени Мухлядин (Muchladzin), местной формы арабского имени Мохи-эд-Дин (в ВКЛ известна и его сокращённая форма Мухля, Muchla); соответственно, предки этой семьи первоначально должны были именоваться Мухлядиновичами, Мухлядзиновичами. Автор «Гербовника татарских семей в Польше» С. Дзядулевич называет предком Мухлей князя Мухлядзина Кульзимановича, королевского толмача (упоминаемо-

⁷ Предком их, по родословной, подкреплённой документами дела о дворянстве, был князь Богуш Шабанович Улан, известный и по независимым источникам, сыновья которого князь Якуб и Адам Богушевичи Уланы в середине XVII в. унаследовали от него родовое имя Улановичи в Минском воеводстве; потомки их именовались просто Богушевичами [27, с. 67].

го в 1559 и 1553 г.), потомка рода князей Юшенских, чьи предки и родственники наследственно возглавляли стяг татар Троцкого воеводства [30, s. 223]⁸. Однако прямая связь документально известных потомков князя Мухлядина⁹ и прямых предков Мухлей не прослеживается. Кроме того, это имя известно и ещё у нескольких литовских татар, живших в XVI–XVII вв., чьи дети носили патроним Мухлядиновичей. Так или иначе, установлено, что Юшинские принадлежат к гаплогруппе J2a, т.е. их общее с Мухлями происхождение не подтвердилось.

Первым документально известным на данный момент носителем этой фамилии является не названный по имени „pan Muchla”, в 1661 г. служивший товарищем (так называли рядовых шляхетского происхождения) в татарской хоругви коронного войска ротмистра Александра Кричинского [21, к. 235 v, 237v.]. В 1675–1676 гг. „pan Muchla” (тот же самый или иной представитель того же рода) был товарищем в татарской хоругви коронного войска под командованием Самуэля Корицкого [23, к. 25v, 27v., 29v, 31v] (Рис. 2).

Родовым гнездом этой семьи считается околица Сорок Татары в Троцком воеводстве, в 14 км от совр. Вильнюса, одно из первых в Литве татарских поселений (тамошние татары «испокон веков» принадлежали к Юшинскому хорунжеству, стягу татар Троцкого воеводства). По родословной, предок Мухлей *Богдан Шаганович Мухля* (сын Шагана и внук Юзефа–Александра Мухли), владелец части Сорок Татар, на которую в 1770 г. составил завещание¹⁰ (умер он в Белице, Лидский уезд, 5.10.1787 г.) [4; 27, s. 132], имел сыновей *Якуба*, *Мустафу*, *Александра* (живших в 1795 г. в Новогрудке) и *Яна*. Эти четверо вместе с сыновьями в 1819 г. доказали дворянство в Виленском дворянском депутатском собрании. На хранящемся в архиве этого собрания родословном древе Мухлей примерно того же времени указаны ещё два их брата: *Януш*, убитый «на войне» 1794 г. (т.е. во время восстания Костюшко, в котором татарские части польской армии активно участвовали), а также *Самуэль*, чьё потомство неизвестно. Но на древе пропущен ещё один их брат, *Газей* (действительно сын Богдана, именно так назван в переписи 1795 г.), который, живя с семьёй в Белостокском округе, там и оформил дворянские права в 1828 г. (предъявив свидетельство о единородстве от родного брата Мустафы, муллы в Новогрудке, доказавшего дворянство в 1819 г.) [4; 27, s. 133]. Но общая родословная, представленная ими в собрание, содержит неточности. В частности, в списке татар города Новогрудка 1795 г., где упомянуты также Якуб и Мустафа, Александр Мухля назван сыном не Богдана, а *Михала Мухли*, чья вдова (Michałowa Muchlina) с детьми жила там же в своём доме [4; 27, s. 132].

Мы тестировали представителей четырёх ветвей рода, происходящих: 1) от Мустафы Богдановича Мухли (Олег Мухля, Минск, Белоруссия), 2) от Газея Богдановича Мухли (Али Мухля, Ali Muchla, Гданьск, Польша), 3) от Александра Михайловича (формально Богдановича) Мухли (Эдвард Мухля, Edward Muchla, Edvardas Muchlia, Тракай, Литва); 4) четвертая ветвь (к которой принадлежит тестированный Адам Мухля (Adam Muchla, Сокулка, Польша) пока прослеживается лишь с конца XIX в. и ещё не присоединена к общему древу.

Тестирование, сначала на 12, потом на 37, на 67 и на 111 маркёров, подтвердило близкое родство ветвей Мустафы и Газея Богдановичей и достаточно близкое родство с ними четвёртой ветви (Адама Мухли). Третья ветвь, Александра Михайловича Мухли, как и ожидалось, оказалась с остальными в более дальнем родстве, но степень этого родства в генетическом плане трудно

⁸ Их предок *Тимирча*, в конце XIV в. толмач короля Казимира (оставил сыновей *Ходыра*, *Ильеса* и *Абрагима*, также не раз ездивших с литовскими посольствами в Орду), был, вероятно, братом *Хазбея*, прямого предка Юшинских; в 1525 г. король Сигизмунд I подтвердил татарскому хорунжему и маршалку князю Абрагиму Тимирчичу, «братьям» его князьям Хазбеевичам Юшенским и их братьям место предков их в старшинстве татарских княжеских родов ВКЛ выше князей Найманов Петровичей и князей Алчинов [9; 27, s. 64; 38, s. 643]. Упоминаемый Дзядулевичем князь Мухлядин Кульзиманович был сыном князя Кульзимана Ходыревича, внука Тимирчи, также маршалка и хорунжего татар Троцкого воеводства (Юшинского хорунжества) [4; 27, s. 131–132].

⁹ Он оставил сына князя Муху Мухлядиновича, внука князя Ахмета Мухича, и правнука князя Мортузу Ахметевича Муху, упоминаемого в 1631 и 1635 гг. в родовом имени Вака-Кульзимановичи под Вильно [4; 27, s. 132].

¹⁰ Это один из довольно редких примеров литовско-татарского частного документа, целиком написанного по-польски арабским письмом; сохранилось в деле о дворянстве Мухлей в Минском дворянском собрании [16].

точно определить. В любом случае, общий предок всех Мухлей жил относительно недавно, судя по накоплению количества мутаций от предкового гаплотипа – 350–400 лет назад.

Очень интересно ещё одно обстоятельство. Тесты семьи Вороновичей (два представителя двух ветвей рода, один на 37, другой на 111 маркёров) показало их общее происхождение с родом Мухлей, никак не зафиксированное в официальных родословных (которые у обоих родов доходят только до рубежа XVII в.–XVIII в.¹¹ Это был первый случай, когда тестирование позволило с уверенностью констатировать общее происхождение двух разнофамильных литовско-татарских дворянских родов, не зафиксированное документально. Кроме того, генетическим родственником Мухлей и Вороновичей оказался и С. Байрашевский (из слонимской ветви рода), чья предки уже в XVI в. владели частью имения Соболюньцы в Лидском уезде [27, s. 89–90].

Общее происхождение, принадлежность к субкладу R1a1–YР349, а также сравнение данных по семье Мухля с имеющимися базами позволяют уверенно проследить «доисторическую историю» генетических предков этого рода, когда-то живших в Южной Сибири, вероятнее всего, на Алтае. Ветвь Эдуарда Мухли (из ветви Александра Михайловича, которой принадлежал и родной дед С.В. Думина) удалось изучить более глубоко, благодаря полному Y-хромосомному генотипированию (тест Big Y). У Мухлей были выявлены «совпаденцы» не только внутри изучаемой группы, но и за пределами литовско-татарской популяции, в частности, на Алтае, в Киргизии и Казахстане. Более подробно происхождение этой генетической линии представлено ниже.

Можно поделить и некоторыми другими предварительными наблюдениями.

Предок Хазбиевичей Муслим-Миколай Хазбиевич, в 1670 г. владелец земли в татарской околице Рейжи в Трокском воеводстве (это крупное татарское поселение существует до наших дней), если верить родословной, был сыном татарского хорунжего князя Давида Мурзы Хазбиевича Юшинского (сына князя Хазбея Айсича, это был патроним) [27, s. 54–55]. Но протестированный Хазбиевич оказался представителем гаплогруппы R1b, а не J2a, как протестированный Юшинский.

Не совпали гаплотипы Радкевича (R1a1) и Раткевича (J2a), формально, очевидно, принадлежащих к одному роду.

Отмечено совпадение гаплотипа родов Мискевичей и уже упоминавшихся Богушевичей (в рамках гаплогруппы G2a3), что может указывать на общее происхождение, пока документально не подтверждённое. Как уже отмечалось, Богушевичи возводят свою генеалогию к одной из ветвей Джучидов, князей Уланов (потомков золотоордынских уланов), а родословная Мискевичей прослеживается с конца XVI в., что не исключает наличие у них чуть раньше общего предка).

Для того, чтобы точнее судить о происхождении каждого рода, необходимо, на наш взгляд, тестирование как минимум двух его представителей, находящихся между собой в как можно более отдалённом родстве. Совпадение данных позволяет сделать уже достаточно надёжный вывод об их общем родоначальнике. В подобных случаях (по семьям Мухлей, Вороновичей, Якубовских, Богушевичей, Ильясевичей, Раецких) мы можем более уверенно делать выводы о генетическом происхождении рода. Но не совпали результаты представителей родов Александровичей и Туган-Барановских. В случае двух Александровичей, хотя и относящихся к одной гаплогруппе, но не связанных обозримым родством, это может объясняться принадлежностью протестированных к двум разным родам этой фамилии, разного происхождения (что зафиксировано в делах о дворян-

¹¹ По родословной, первым известным предком Вороновичей был Михаил, хорунжий литовских войск, упоминаемый в 1700–1717 гг. Мы предполагали, что их родоначальником мог быть татарин Ворон, упоминаемый в 1561 г не в королевских владениях, а в числе мелких владельцев земель в имении Ивье (Ошмянский уезд), принадлежавшем магнатской семье Кишков: его потомки, носившие патроним и «дедичество» Вороновичей, упоминаются там же в 1597 и 1634 г. Но одновременно с ними известен и некий *Абрагим Сулиманович Ворон*, казак королевской надворной татарской хоругви, который в 1641 г. получил от короля Владислава IV привилей на 1 волоку земли в Камёнке (Каздубовское лесничество, Гродненский повет). Другой *Абрагим Ворона* в 1695 г. упоминается в числе татар, живших в Минске на землях князей Радзивиллов (он держал довольно большой участок, 11 моргов и 72 пренты, т.е. около 8 гектаров) [27, s. 84]. Ещё несколько не названных по имени Вороновичей упоминаются в списках татарских хоругвей коронного войска 1650–1670 х гг. Например, в 1656–1657 гг. пан Воронович на 3 конях служил в хоругви Михала Антоневиича [20, k. 56–57, 58, 59, 60–61, 62–63, 64–65, 66, 68, 70–71]. В хоругви ротмистра Юзефа Муравского с января 1657 по март 1660 г. служили «пан Ворон старый» и «пан Ворон молодой», каждый сам–друг, на 2 конях, с вооружённым слугой [23, k. 89v, 90v, 91v, 92–92v, k. 93–93v, 94, 95, 96, 97, 98, 99].

стве). В последнем же случае мы можем иметь дело с ошибочной самоидентификацией. Как уже отмечено выше, профессор Джучи Михайлович Туган–Барановский (+ 2015), чья принадлежность к роду подтверждена документально, принадлежал к гаплогруппе G. Другой тестированный, житель Литвы, претендовавший на происхождение из того же рода на основании семейной традиции, оказался представителем совсем другой гаплогруппы (R1a1). Впрочем, для окончательного вывода о происхождении рода, в случае несовпадения результатов, необходимо тестирование представителей других ветвей.

С другой стороны, сравнение данных литовско-татарского проекта с другими базами позволяет выявить и генетических потомков литовских татар, утративших традицию такого происхождения. Например, не доказана документально принадлежность к литовским татарам Кенского (Kenski), выходца из Восточной Пруссии. Его родословная прослеживается от предка-христианина, жившего в XVIII в. Но, исходя из принадлежности к редкой генетической линии (N1b-A), встречающейся в основном у тюркских народов, можно предположить, что Кенский является потомком известного литовского-татарского рода Кенских.

Также, в числе близких «совпаденцев» семьи Мухлей в программе FTDNA в США выявлен некто Будник (Budnik), потомок белорусского крестьянина, жившего в середине XIX в. в Лидском уезде. Его более ранняя родословная неизвестна, но данные тестирования (на 67 маркерах от 3 до 4 различий) не оставляют сомнений в кровном родстве с Мухлями (утрата родовой фамилии может объясняться не только внебрачным происхождением, но позднейшим «переименованием» после крещения предка и изменения его социального статуса). При этом можно с большой долей вероятности определить, к какой именно ветви рода он может принадлежать. На родословной схеме представлены генетические связи трёх литовско-татарских семей, Мухлей, Вороновичей и Байрашевских, с другими лицами, тестированными в программе FTDNA, среди которых два белоруса. Более удаленными генетическими родственниками являются казахи, южные алтайцы и киргизы. Но родство с последними относительное, так как если общий предок литовско-татарских семей этого субклада жил примерно в XVI веке, то общий их предок с казахами, киргизами и южными алтайцами жил, вероятно, более тысячи лет назад. (Более точные датировки пока не установлены).

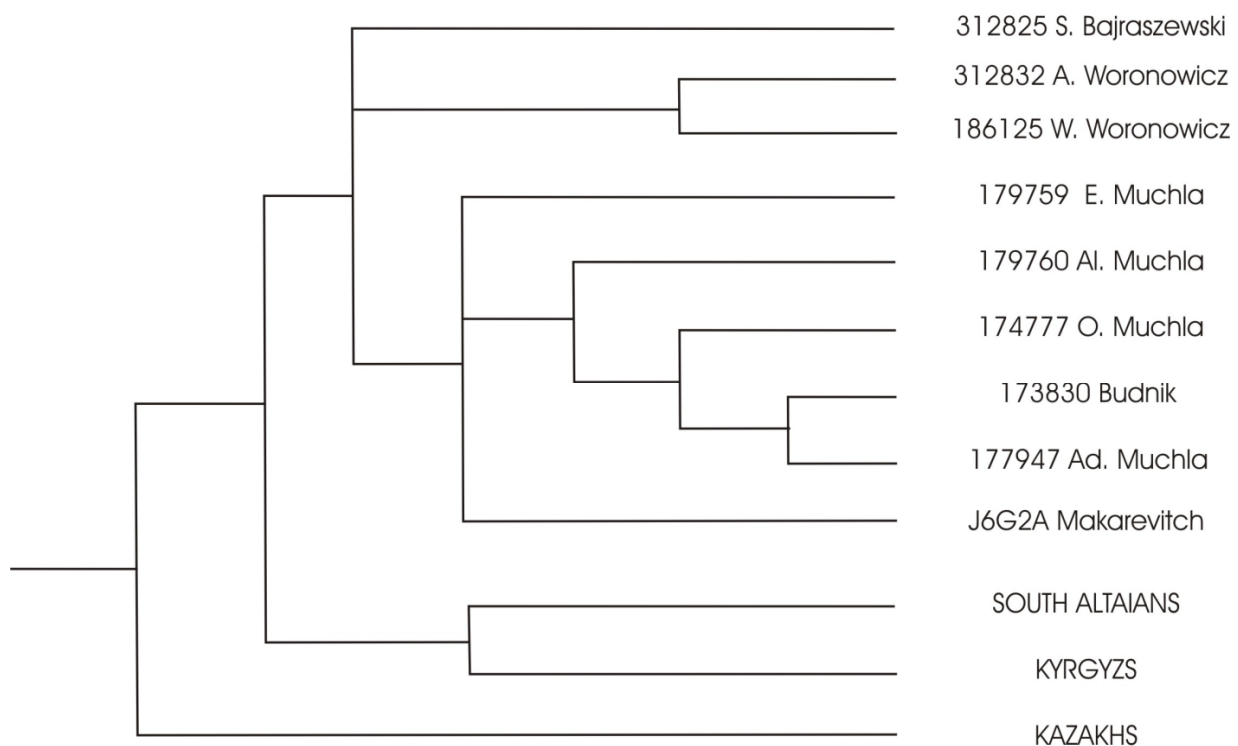

Рис. 3. Генетические связи Мухлей, Вороновичей и Байрашевских с другими лицами, тестированными в программе FTDNA

Исходя из анализа полученных в результате генотипирования гаплотипов можно сделать предварительный вывод о генетических связях польско–литовских татар с другими популяциями. Определенно вырисовываются два компонента, один из которых связан с населением Северного Кавказа и прилегающих территорий, второй с территориями Южной Сибири, прилегающей к Саяно-Алтаю.

Рис. 4. Направление миграций основных групп генетических предков литовских татар

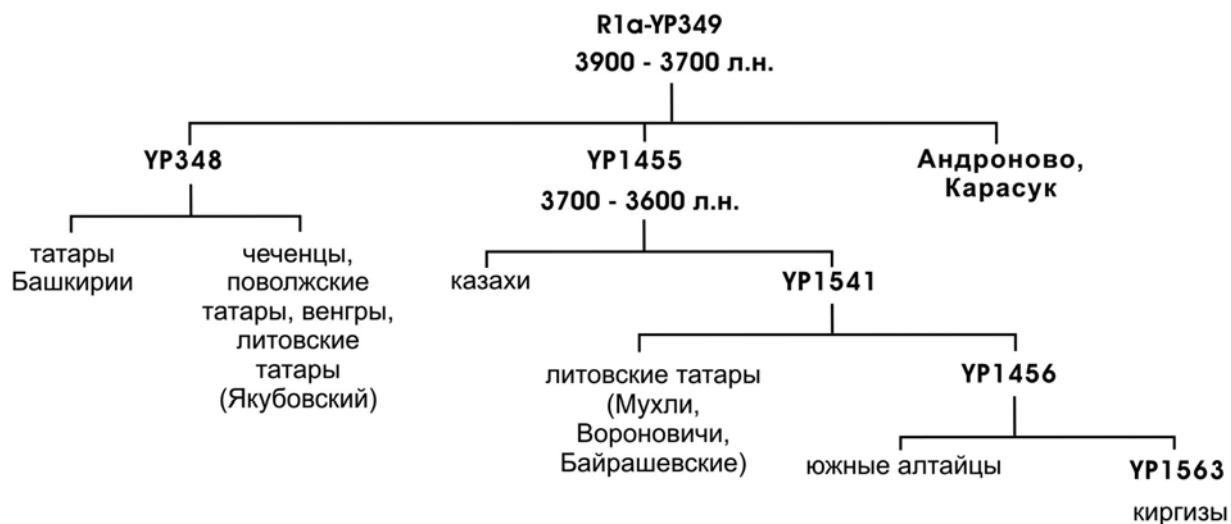

Рис. 5. Филогенетическое древо субклада R1a1–YP349

В первую группу входят представители гаплогрупп G1a3, Q1b и часть J2a. Две первые гаплогруппы составляют основную часть генофонда не только народов Северного Кавказа, но доминируют у других кавказских народов. Близкие гаплотипы встречаются у абхазов, чеченцев, ингушей, черкесов, осетин, аварцев, даргинцев и шапсугов [24].

Во вторую группу входят представители гаплогрупп R1a1 (субклад R1a1–YP349), Q1a3 (субклад Q1a3–L330), N1c1 (субклад N1c1–F4205), N1b, R1b (субклад R1b–M73) и часть представителей гаплогруппы J2a.

Для большей части представителей второй группы было проведено более полное генотипирование и поэтому выявлена их принадлежность к определенным субкладам, что позволяет говорить более уверенно об этногенетических связях с определенными популяциями Южной Сибири и Центральной и Средней Азии.

Одна линия субклада R1a1–YР349 распространена у южных алтайцев, тьяншанских киргизов, и в меньшей степени у казахов.

Представители другой линии встречаются у поволжских татар и венгров. Изначальное происхождение этих двух линий, несомненно, связано с территориями Южной Сибири и Казахстана. По данным генотипирования древней ДНК к этому субкладу принадлежат носители андроновской и карасукской культур [3; 14; 15; 19; 32].

Субклад Q1a3–L330 широко представлен в Сибири. Представители этого субклада составляют основу генофонда кетов, значительную часть генофонда селькупов и хантов. Отдельная линия этого субклада представлена у тувинцев, монголов, калмыков, сибирских татар, казахов [2; 43]. К этой же линии принадлежат и литовские татары.

Субклад N1c1–F4205 распространен у монголов, калмыков, бурят и казахов [2]. То же самое можно сказать о той линии гаплогруппы N1b, представленной у литовских татар [2].

Субклад R1b–M73 со значительной частотой представлен у кумандинцев, телеутов и юго-восточных башкир, также представлен у казахов (в основном род кыпшак), монголов, киргизов и сибирских татар [1; 18]. Литовские татары принадлежат к линии, которая определяется специфическим значением Y–STR–маркёров (DYS390=22). Эта линия доминирует у бачатских телеутов, живущих на территории Кузнецкой котловины, с меньшей частотой встречается у шорцев, сибирских татар, башкир и поволжских татар [1; 2]. Не вызывает сомнения, что происхождение этой линии связано с территорией Южной Сибири.

Гаплотипы некоторых представителей субклада J2 среди литовских татар сближаются с гаплотипами казахов Старшего и Среднего Жузов [2].

Чаще всего проявляется связь разных линий этой группы с казахами, что, видимо, указывает на направление миграционного маршрута генетических предков литовских татар.

Не совсем ясно, с какими территориями связано происхождение литовских татар, которые, судя по специфическим значениям Y–STR, принадлежат к субкладу R1b–Z2105. Этот субклад представлен как на Кавказе, так в Башкирии [1; 34]. У башкир этот субклад встречается с довольно высокой частотой.

Среди литовских татар выделяется еще одна группа, представленная гаплогруппой R1a1, точнее теми субкладами R1a1, которые встречаются почти исключительно в Европе. Это субклады R1a1–M458 и R1a1–Z280. Эти субклады представлены с высокой частотой у народов Центральной и Восточной Европы (поляки, словаки, чехи, литовцы, латыши, белорусы, украинцы, русские). Представлены эти субклады и у народов Поволжья (эрзя и мокша, марийцы, татары) (Tatarstan), а также на Северном Кавказе (черкесы) [25].

Часть литовских татар принадлежат к самой восточной линии субклада R1a1–Z280 (часть субклада R1a1–YР951), близкие гаплотипы встречаются среди поволжских татар, ногайцев и казахов, а часть к субкладу R1a1–M458, который, как указано выше, встречается и в Поволжье и на Северном Кавказе. Есть все основания считать, что литовские татары, принадлежащие к этим субкладам, могут, по большей части, являться также потомками переселенцев из западной части Великой Степи, а не потомками инкорпорированного в состав литовских татар местного населения.

Таким образом, мужской генофонд литовских татар представлен в основном двумя группами. Одна группа связана происхождением с территорией Северного Кавказа или шире Волго-Донского междуречья, а другая с территорией Южной Сибири и современного Казахстана.

Генетические данные согласуются с данными письменных источников, в том числе родословных; среди литовских татар выделяются потомки выходцев с Кавказа, и потомков тюрко-монгольских племен (уйшинов, найманов, джалаиринов, конгратов и др.), территория проживания которых локализуется в Монголии и, начиная с XIII века, в степях Казахстана.

Письменные источники указывают также на происхождение литовских татар от разных групп ногайцев и крымских татар. К сожалению, на данный момент не опубликованы гаплотипы ногайцев и крымских татар, что не позволяет показать этногенетические связи литовских татар с этими популяциями. Но происхождение части ногайцев и крымских татар чаще всего связывается также с тюрко-монгольскими племенами Великой степи. Исходя из этого, можно допустить, что

генетические предки литовских татар в определённые моменты своей истории входили в состав ногайцев и крымских татар.

Работа продолжается. Уже получены (но ещё не обработаны) образцы представителей ещё около 12 родов. Остается много проблем, не только проблема оплаты образцов, но и негативное отношение некоторых представителей литовских татар к самой идее генетического тестирования. Но будем надеяться, что публикация первых результатов проделанной работы, способствуя популяризации этих исследований, привлечёт к ним новых участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. База данных лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра (Москва).
2. База Y-STR-гаплотипов лабораторией эволюционной генетики НИИ медицинской генетики СО РАМН (Томск).
3. Волков В.Г., Харьков В.Н., Степанов В.А. Андроновская и тагарская культуры в свете генетических данных // Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б.Шатилова. Томск, 2012. Т. XVII. С. 147 – 166.
4. Думин С. В. *Мухля герба Рудница. Из родословных литовских татар* // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. 1995. Вып. 4–5 (48–49). С. 27–40.
5. Думин С.В. *Правовое положение литовских татар по Статуту 1588 года* // Третий Литовский Статут 1588 года. Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 400-летию Третьего Статута. Вильнюс, 1989. С. 217–229.
6. Думин С.В. *Ревизия Яна Кердея 1631 года (книга 12 переписей) как источник по истории литовских татар* // Исследования по истории Литовской метрики. Сб. научных трудов. М.: Ротапринт Института истории СССР АН СССР. 1989 [опубл.1990]. [Ч.] II. С. 228–251.
7. Думин С.В. *Служилые татары в Великом княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI в. (формирование группы)* // Наш радавод: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX в.». Гродно, 1991. Ч. 3. С. 439–448.
8. Думин С.В. *Татарская родовая геральдика в Великом княжестве Литовском* // Lietuvos Didziosios Kunigaikštys eskalbos, kultūros ir rastijs tradicijos. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. P. 311–332.
9. Думин С.В. *Татарские князья в Великом княжестве Литовском* // Acta Baltico-Slavica. Т. XX. 1989. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1991. S. 7–49.
10. Думин С.В. *Татары-казаки в Великом княжестве Литовском* // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 55–65.
11. Думин С.В. *«Татарцизна» в земельном праве Великого княжества Литовского* // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. Ч. 1. М.: ротапринт Института истории СССР АН СССР, 1990. С. 72–75.
12. Думин С.В., Канапацкий И.Б. *Беларускія татары: мінулае і сучаснасць* [Белорусские татары: прошлое и настоящее]. Мінск: Польша, 1993. 208 с.
13. Думин С., Садыков Г., Якубаускас А. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kulturoje / Литовские татары в истории и культуре*. Изд. 2-е, испр., доп. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. 432 с. (издание двуязычное, тексты параллельно на литовском и на русском яз.).
14. Исходные данные генотипирования образца носителя карасукской культуры RISE494 на сайте Европейского Биоинформационного Института (The European Bioinformatics Institute). Электронный ресурс. Доступ: <ftp://ftp.sra.ebi.ac.uk/vol1/ERA428/ERA428537/bam/RISE494.hg19.ftl.sort.rmdup.realign.md.bam>
15. Исходные данные генотипирования образца носителя карасукской культуры RISE495 на сайте Европейского Биоинформационного Института (The European Bioinformatics Institute). Электронный ресурс. Доступ: <ftp://ftp.sra.ebi.ac.uk/vol1/ERA428/ERA428537/bam/RISE495.hg19.ftl.sort.rmdup.realign.md.bam>
16. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 319 (Минское дворянское депутатское собрание). Оп. 2. Д. 3933 (дело о дворянстве татар Мухля).
17. РГАДА. Ф. 389. Д. 569 (Книга 12 переписей. Ревизия татарских имений Великого княжества Литовского 1631 г.).
18. Схаляхо Р.А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: Анализ изменчивости Y-хромосомы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Москва, 2013. 24 с.
19. Allentoft M.E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia, Nature, 522, 167–172 (11 June 2015). Электронный ресурс. Доступ: <http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/full/nature14507.html>

20. Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив древних актов) [далее: AGAD]. Archiwum Skarbu Koronnego [далее: ASK], Dział 85. (Rejestry popisowe wojska koronnego) [Смотровые списки отрядов польских коронных войск]. Sygn. 76 (mf 4611).
21. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 88 (mf 4623).
22. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 90 (mf 4625).
23. ASK. Dział 85. Sygn. 108 (mf 4643).
24. Balanovsky O., Dibirova K., Dybo A., Mudrak O., Frolova S., Pocheshkhova E., et al. Genographic Consortium. Parallel evolution of genes and languages in the Caucasus region // *Molecular Biology and Evolution*. 2011; 28: 2905–2920. Приложения: <http://mbe.oxfordjournals.org/content/28/10/2905/suppl/DC1>
25. Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // *Acta Baltico-Slavica*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XII. S. 133–167.
26. Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa: Iskry, 1986. 272 s.
27. Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego [Гербовник татарских семей Великого княжества Литовского]. Gdańsk: Związek Tatarów RP, 2006. 186 s. + 96 s. kolor. ill.
28. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. [Татарская шляхта в Великом княжестве Литовском и изменения в ее правовом положении в XVI–XVIII вв.] // *Roczniki Historyczne*. Rocznik LVII. 1991. S. 147–163 (польск. яз.).
29. Dumin S. Tradycje genealogiczne i legendy rodowe Tatarów litewskich [Генеалогические традиции и родовые легенды литовских татар] // *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Torun: Toruńskie Towarzystwo Naukowe, 2013. P. 61–89.
30. Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno: Skład główny w Polskim antykwariacie naukowym. Nakładem autora z zasiłkiem komitetu Funduszu Kultury Narodowej, 1929. 498 s.
31. Janica J., Pepinski W. et al. Y-chromosome STR haplotypes and alleles in the ethnic group of Polish Tatars residing in the Northeastern Poland // *Forensic Science International* 150 (2005). P. 91–95.
32. Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E. et al. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. 2009. vol.126. P. 395–410.
33. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej (Les Tatares lithuaniens. Esquisse d'une monographie historique et généalogique). [Warszawa, 1938]. Wyd. II. Gdańsk: Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, 2000. 278 s.
34. Myres N.M. et al. A major Y-chromosome haplogroup R1b Holocene era founder effect in Central and Western Europe // *European Journal of Human Genetics*. 2010 Aug 25. Приложения: <http://www.nature.com/ejhg/journal/v19/n1/suppinfo/ejhg2010146s1.html>
35. Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzemie pilnego doświadczenia. Warszawa: PIW, 1978. 763 s.
36. Talko-Hryncewicz J. Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy. Kraków: nakładem Księgarni Geograficznej „Orbis”, 1924. 128 s.
37. Tuhan-Baranowski M. O muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatara / Wyd. pośmiertne A. Krumana. Warszawa, 1896. 72 s.
38. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. 698 s.
39. Zajaczkowski A. Elementy tureckie na ziemiach polskich // *Rocznik Tatarski*. T. II. 1935. S. 203–211.
40. Russian Nobility DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: <https://www.familytreedna.com/groups/russian-nobility-dna/>
41. Lithuanian Tatar Nobility DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: https://www.familytreedna.com/public/Lithuanian_Tatar_Nobility/
42. Polish Tatars DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: <https://www.familytreedna.com/public/polishtatars/>
43. Uralic DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: <https://www.familytreedna.com/public/Finno-Ugric-DNA/>

Сведения об авторах: Станислав Владимирович Думин – ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, президент Российской генеалогической федерации, генеральный секретарь Международной генеалогической академии, вице-предводитель и герольдмейстер Российского Дворянского Соборания, кандидат исторических наук (111250, Москва, а/я 54, Российская Федерация) stanislaw.dumin@yandex.ru

Владимир Геннадьевич Волков – аспирант кафедры археологии и этнологии Историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (634061, ул. Киевская, 60, Томск, Российская Федерация); vladimirgenvolkov@yandex.ru

Жаксылык Муратович Сабитов – доцент кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, Ph.D. (философия) (010008, ул. Мунайтпасова, 5, Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

Ethnogenetic Relations of the Lithuanian Tatars: Historical Roots of the Lithuanian-Russian Nobility

S.V. Dumin

(State Historical Museum, International Academy of Genealogy,
Assembly of the Russian Nobility)

V.G. Volkov

(Tomsk State Pedagogical University)

Zh.M. Sabitov

(L.N. Gumilev Eurasian National University)

This article presents the results of a genetic analysis of the descendants of Tatar noble families who settled in the territory of Grand Duchy of Lithuania between the end of the 14th and beginning of the 16th centuries, and who are collectively known as the **Lithuanian Tatars**. The data obtained from this analysis clarify the kinship ties of more than 200 Lithuanian Tatar families that survived till the nineteenth century, and suggest new important conclusions about formation of this group, which originated in several of the successor states of the Mongol Empire. The analysis identifies the main genetic groups among this population as well as corrects and confirms accounts found in genealogical tales and historical sources. This study also reveals genetic relations between the Lithuanian Tatars and other Turkic populations as well as division of the gene pool of Lithuanian Tatars into two main groups: one having its origins in southern Siberia and modern-day Kazakhstan, and the other in the Northern Caucasus.

Keywords: Lithuanian Tatars, Lithuanian Tatar nobility, genetic groups, genetic relations.

REFERENCES

1. *Y-Chromosome STR Haplotype Reference Database of the Laboratory for Human Population Genetics of the Medical Genetics Research Center* (Moscow).
2. *Y-Chromosome STR Haplotype Reference Database of the Laboratory for Evolutionary Genetics of the Institute for Medical Genetics, Russian Academy of Medical Sciences* (Tomsk).
3. Volkov V.G., Khar'kov V.N., Stepanov V.A. Andronovskaya i tagarskaya kul'tury v svete geneticheskikh dannykh [Andronovo and Tagar Cultures in the Light of Genetic Data]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum of Local History and Folklife]. Tomsk, 2012. Vol. XVII, pp. 147–166.
4. Dumin S.V. Mukhlya gerba Rudnitsa. Iz rodoslovnnykh litovskikh tatar [The Muchla Family on the Rudnica Coat-of-Arms (on the Lithuanian Tatars)]. *Letopis' Istoriko-Rodoslovnogo Obshchestva v Moskve* [Chronicle of Historical & Genealogical Society in Moscow]. 1995. Issue 4–5 (48–49), pp. 27–40.
5. Dumin S.V. Pravovoe polozhenie litovskikh tatar po Statutu 1588 goda [The Legal Position of the Lithuanian Tatars in Accordance with the Statute of 1588]. *Tretiy Litovskiy Statut 1588 goda. Materialy Respublikanskoj nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 400-letiyu Tret'ego Statuta* [The Third Lithuanian Statute of 1588. Proceedings of the Lithuanian Scientific Conference, dedicated to the 400th anniversary of the Third Statute]. Vil'nyus, 1989, pp. 217–229.
6. Dumin S.V. Reviziya Yana Kerdeya 1631 goda (Kniga 12 perepisey) kak istochnik po istorii litovskikh tatar [The Land Survey Book of Jan Kierdej of 1631 (Survey Book no.12) as a Source for the History of the Lithuanian Tatars]. *Issledovaniya po istorii Litovskoy metriki. Sbornik nauchnykh trudov* [Studies on the History of the Lithuanian Metrica. A Collection of Research Papers]. Moscow: Rotaprint Instituta istorii SSSR AN SSSR. 1989 [Published: 1990]. [Part.] II, pp. 228–251.
7. Dumin S.V. Sluzhilye tatory v Velikom knyazhestve Litovskom v kontse XIV – nachale XVI v. (formirovanie gruppy) [Tatars in the Service of the Grand Duchy of Lithuania in the late 14th through early 16th century (the Formation of the Group)]. *Nash radavod: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po regional'noy istorii Vostochnoy Evropy «Kul'tura narodov Velikogo knyazhestva Litovskogo i Belorussii XIII – nachala XX v.»* [Our Ancestry. Proceedings of the International Scientific Conference on the Regional History of Eastern Europe: “The Culture of the Population of the Grand Duchy of Lithuania and Belarus in the 13th through 20th centuries”]. Grodno, 1991. Part 3, pp. 439–448.

8. Dumin S.V. Tatarskaya rodovaya gerald'ika v Velikom knyazhestve Litovskom [The Tatar Heraldry in the Grand Duchy of Lithuania]. *Lietuvos Didziosios Kunigaikstysės kalbos, kultūros ir rastijs tradicijos*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, pp. 311–332.
9. Dumin S.V. Tatarskie knyaz'ya v Velikom knyazhestve Litovskom [The Tatar Princes in the Grand Duchy of Lithuania]. *Acta Baltico-Slavica*. T. XX. 1989. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1991, pp. 7–49.
10. Dumin S.V. Tatary-kazaki v Velikom knyazhestve Litovskom [The Tatars-Cossacks in the Grand Duchy of Lithuania]. *Tatarskie murzy i dvoryane: istoriya i sovremennost': Sbornik statey* [The Tatar Murzas and Nobles: Past and Present. Collected articles]. Issue 1. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2010, pp. 55–65.
11. Dumin S.V. «Tatarshchizna» v zemel'nom prave Velikogo knyazhestva Litovskogo [The “Tatar Land (Tatarshchizna) in the Land Law of the Grand Duchy of Lithuania]. *Spornye voprosy otechestvennoy istorii XI–XVIII v. Tezisy dokladov i soobshcheniy Pervykh chteniy, posvyashchennykh pamyati A.A. Zimina. Moskva, 13–18 maya 1990 g.* [Controversial Questions of Russian History of the 11th–18th centuries. Abstracts and Précises from the First Conference dedicated to the memory of A.A. Zimin. Moscow, 13–18 May, 1990]. Part 1. Moscow: rotaprint Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1990, pp. 72–75.
12. Dumin S.V., Kanapatskiy I.B. *Belaruskiya tatary: minulaa i suchasnasts'* [The Belarusian Tatars: Past and Present]. Minsk: Polymya, 1993. 208 p.
13. Dumin S., Sadykov G., Yakubauskas A. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kulturoje / Litovskie tatary v istorii i kul'ture* [The Lithuanian Tatars in the History and Culture]. 2nd edition. Kaunas: Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012. 432 p. (published with parallel texts in Russian and Lithuanian).
14. Raw data of samples taken from the Karasuk culture RISE494, available at the website of the *European Bioinformatics Institute*: <ftp://ftp.sra.ebi.ac.uk/vol1/ERA428/ERA428537/bam/RISE494.hg19.flt.sort.rmdup.realign.md.bam>.
15. Raw data of samples taken from the Karasuk culture RISE 495, available at the website of the *European Bioinformatics Institute*: <ftp://ftp.sra.ebi.ac.uk/vol1/ERA428/ERA428537/bam/RISE495.hg19.flt.sort.rmdup.realign.md.bam>
16. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus], fond 319 (Minsk Assembly of Noble Deputies), op. 2, no. 3933 (dossier on the Muchla [Mukhla] Tatar family).
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389 (Lithuanian Metrica), no. 569 [Land Survey Book no.12. Audit of the Tatar manors of Grand Duchy of Lithuania].
18. Skhalyakho R.A. *Genogeografiya tyurkoyazychnykh narodov Kavkaza: Analiz izmenchivosti Y-khromosomy: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk.* [The Genogeography of the Turkic Peoples of the Caucasus: An Analysis of Variability of the Y-chromosome. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Biological Sciences]. Moscow, 2013. 24 p.
19. Allentoft M.E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 522, pp. 167–172 (11 June 2015). Available at: <http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/full/nature14507.html>
20. *Archiwum Główne Akt Dawnych* [The Central Archives of Historical Records in Warsaw]. [hereafter: AGAD]. *Archiwum Skarbu Koronnego* [further: ASK], dział 85 (Rejstry popisowe wojska koronnego) [the census registers of the Polish crown troops], sygn. 76 (mf 4611).
21. AGAD. ASK. Dział 85, sygn. 88 (mf 4623).
22. AGAD. ASK. Dział 85, sygn. 90 (mf 4625).
23. AGAD. ASK. Dział 85, sygn. 108 (mf 4643).
24. Balanovsky O., Dibirova K., Dybo A., Mudrak O., Frolova S., Pocheshkhova E., et al. Genographic Consortium. Parallel evolution of genes and languages in the Caucasus region. *Molecular Biology and Evolution*. 2011; 28, pp. 2905–2920. Appendices: <http://mbe.oxfordjournals.org/content/28/10/2905/suppl/DC1>
25. Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. *Acta Baltico-Slavica*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XII, pp. 133–167.
26. Borawski P., Dubiński A. *Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje*. Warszawa: Iskry, 1986. 272 p.
27. Dumin S. *Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego* [Armorial of the Tatar Families of the Grand Duchy of Lithuania]. Gdańsk: Związek Tatarów RP, 2006. 186 p. + 96 p. color. ill.
28. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. [The Tatar Nobility in the Grand Duchy of Lithuania and the Evolution of Its Legal Status in the 16th–18th centuries]. *Roczniki Historyczne*. Rocznik LVII. 1991, pp. 147–163.
29. Dumin S. Tradycje genealogiczne i legendy rodowe Tatarów litewskich [Genealogical Traditions and Patrimonial Legends of the Lithuanian Tatars]. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Tatary Velikogo knyazhestva Litovskogo v istorii, yazyke i kul'ture / The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Torun: Toruńskie Towarzystwo Naukowe, 2013, pp. 61–89.
30. Dziadulewicz S. *Herbarz rodzin tatarskich w Polsce* [Armorial of the Tatar Families in the Poland]. Wilno: Skład główny w Polskim antykwariacie naukowym. Nakładem autora z zasiłkiem komitetu Funduszu Kultury Narodowej, 1929. 498 p.

31. Janica J., Pepinski W. et al. Y-chromosome STR haplotypes and alleles in the ethnic group of Polish Tatars residing in the Northeastern Poland. *Forensic Science International* 150 (2005), pp. 91–95.
32. Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E. et al. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*. 2009. Vol.126, pp. 395–410.
33. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej* (Les Tatares lithuaniens. Esquisse d'une monographie historique et généalogique). [Warszawa, 1938]. Wyd. II. Gdańsk: Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, 2000. 278 p.
34. Myres N.M. et al. A major Y-chromosome haplogroup R1b Holocene era founder effect in Central and Western Europe. *European Journal of Human Genetics*. 2010 Aug 25. Appendices: <http://www.nature.com/ejhg/journal/v19/n1/supinfo/ejhg2010146s1.html>
35. Strykowski M. *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzemie pilnego doświadczenia*. Warszawa: PIW, 1978. 763 p.
36. Talko-Hryncewicz J. *Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy*. Kraków: nakładem Księgarni Geograficznej „Orbis”, 1924. 128 p.
37. Tuhan-Baranowski M. *O muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatara*. Wyd. pośmiertne A. Krumana. Warszawa, 1896. 72 p.
38. Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku*. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. 698 p.
39. Zajęzkowski A. Elementy tureckie na ziemiach polskich. *Rocznik Tatarski*. T. II. 1935, pp. 203–211.
40. *Russian Nobility DNA Project*. Available at: <https://www.familytreedna.com/groups/russian-nobility-dna/>
41. *Lithuanian Tatar Nobility DNA Project*. Available at: https://www.familytreedna.com/public/Lithuanian_Tatar_Nobility/
42. *Polish Tatars DNA Project*. Available at: <https://www.familytreedna.com/public/polishtatars/>
43. *Uralic DNA Project*. Available at: <https://www.familytreedna.com/public/Finno-Ugric-DNA/>

About the authors: Stanislaw Wladimirovich Dumin – Leading Research Fellow of the State Historical Museum (Moscow), the President of the Russian Federation of Genealogy, the General Secretary of the International Academy of Genealogy, the Vice-President and Chief Herald of the Assembly of the Russian Nobility, Cand. Sci. (History) (111250, Moscow, Post Box 54, Russian Federation); stanislaw.dumin@yandex.ru

Vladimir Gennadievich Volkov – Post-graduate student, Department of Archaeology and Ethnology of the Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (634061, Kievskaya st., 60, Tomsk, Russian Federation); vladimirevolkov@yandex.ru

Zhaksylyk Muratovich Sabitov – Associate Professor, Political Science Department, L.N. Gumilev Eurasian National University, Ph.D. (Philosophy) (010008, Munaytpasov st., 5, Astana, Kazakhstan); babasan@yandex.ru

Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы)¹

*Р.А. Схаляхо¹, М.И. Чухряева², А.Т. Агджоян²,
В.В. Запорожченко¹, Н.В. Маркина², Ю.М. Юсупов³,
Р.Р. Шайхеев³, Э.А. Почешхова⁴, Е.В. Балановская¹*

¹ ФГБНУ «Медико-генетический научный центр» РАМН

² ФГБУН Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН

³ ГБНУ «Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан»

⁴ ГБОУ ВПО «Кубанский государственный медицинский университет»

Цель. Изучение генофондов кубанских ногайцев и караногойцев в контексте популяций степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы).

Материалы и методы. Изучены две группы ногайцев: караногойцы (N=150) и кубанские ногайцы (N=90). Генотипирование всех популяций проведено по единой обширной панели маркеров Y-хромосомы (наследующейся по мужской линии): 56 SNP и 17 STR маркеров.

Результаты и обсуждение. При детальном изучении кубанских ногайцев и караногойцев выявлено 15 гаплогрупп (основных ветвей филогенетического древа Y-хромосомы), из них наиболее частыми оказались всего 6: **R1a1a-M198, I2a1-P37, J2a-M172, N1-LLY22, C-M130, R1b1a1-M73**. Проведены все основные виды анализа: статистический, геногеографический и филогенетический.

При увеличении выборки кубанских ногайцев (тщательно собранной) их «генетический портрет» практически не изменился: это указывает на объективность ранее полученного результата – неожиданного накопления у них гаплогруппы **R1a1a-M198**.

Геногеографическое сравнение ногайцев с популяциями смежных регионов указывает, что накопление гаплогрупп **I2a1** и **J2a** не связано с поздними контактами с соседними популяциями: необходим поиск иных источников их появления.

Филогенетический анализ гаплогруппы **N1** выявил генетическую близость караногойцев и казахов и позволили высказать гипотезу о генетическом следе башкиро-ногайской миграции на Северный Кавказ.

Многомерное шкалирование на основе генетических расстояний популяций Евразии выявило генетическое сходство кубанских ногайцев не с популяциями Европы, а с популяциями Евразийской степи.

Ключевые слова: генофонд, караногойцы, кубанские ногайцы, Y-хромосома, SNP, STR.

Введение

Реконструкция этногенеза народонаселения на основе изучения его генетического разнообразия является одной из наиболее интенсивно изучаемых проблем на стыке гуманитарных и естественных наук. Геногеографические исследования являются важным историческим источником для анализа миграционных процессов, поскольку позволяют отделить миграции населения от миграций культур и языковых заимствований. При изучении тюркских народов всегда приходится учитывать что многие из них не являются прямыми генетическими потомками древних тюрков, унаследовав лишь язык, но не генофонд. Две этнографические группы ногайцев – кубанские ногайцы Карачаево-Черкесии и караногойцы Дагестана – отражают наиболее позднюю волну тюркских миграций на Кавказе и лишь они представляют на Кавказе южносибирскую малую расу. Их генофонды изучены нами в контексте тюркоязычного населения Кавказа и народонаселения Евразии.

¹ При поддержке грантов РФФИ № 14-06-31331, № 13-06-00670.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили кубанские ногайцы Карачаево-Черкесии и караногайцы Дагестана: суммарно изучено N=240 образцов венозной крови, собранных в экспедициях 2006–2013 гг. под руководством проф. Е.В. Балановской и проф. Э.А. Почешховой. Выборка кубанских ногайцев (N=90) собрана не только в Ногайском и Абазинском районах, но также и в ряде других районов Карачаево-Черкесии. Выборка караногайцев (N=150) собрана в Кировском и Ногайском районах республики Дагестан. Для сравнения взят широкий массив популяций Евразии из базы данных нашего коллектива (www.genofond.ru). Генофонды кубанских ногайцев и караногайцев изучены по широкой панели 56 SNP (медленно мутирующих) маркерам и по 17 STR (быстро мутирующих) маркерам Y-хромосомы. Проведен статистический, картографический и филогенетический виды анализа. Для сравнительного анализа с народами Евразии использованы собственные и литературные данные базы данных Y-base, созданной под руководством О.П. Балановского (6, 236–250). База данных является в настоящее время наиболее обширной в мире по полноте представленной информации о населении Евразии, N=55 000). Использование столь полной информации о народонаселении Евразии позволило при сравнении генофондов отбирать только наиболее репрезентативную информацию. По таблицам частот гаплогрупп рассчитывались генетические расстояния по М. Нею [9, с.1–290] с использованием программы DJgenetic [6, с.236–250]. Матрицы генетических расстояний визуализировались методами многомерного шкалирования в программе Statistica 6.0 [StatSoft. Inc, 2001].

Результаты и обсуждения

Спектр гаплогрупп Y-хромосомы в популяциях ногайцев

При детальном изучении кубанских ногайцев и караногайцев выявлено 15 гаплогрупп, из которых наиболее часты шесть: **R1a1a-M198**, **I2a1-P37**, **J2a-M172**, **N1-LLY22**, **C-M130**, **R1b1a1-M73** (рис. 1). За счет наличия восточно-евразийских гаплогрупп **N1-LLY22** (9% у ногайцев и 21% у караногайцев) и **C-M130** (5% у ногайцев и 8% у караногайцев) их генофонды оказались отличными от других тюркоязычных этносов Кавказа и сходными с народами евразийской степи.

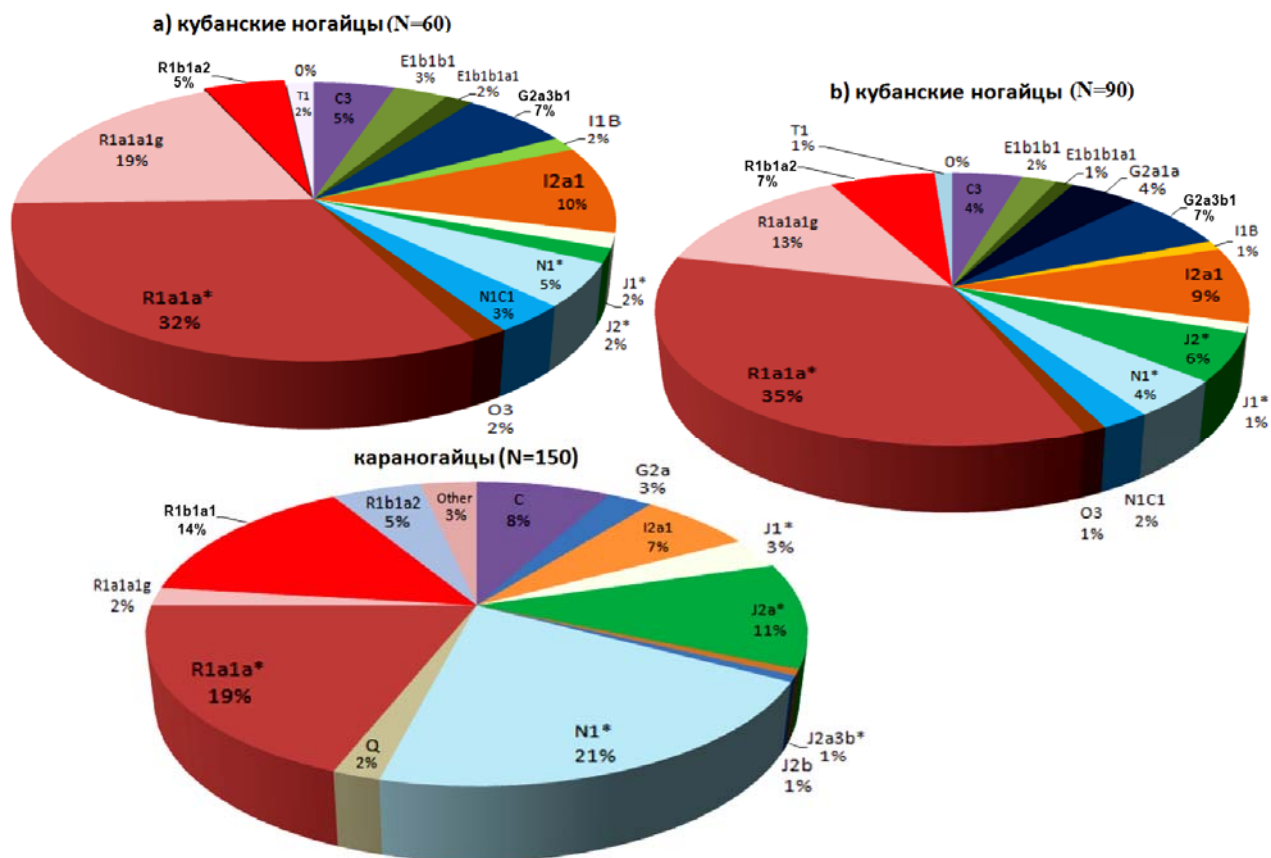

Рис. 1. «Генетические портреты» караногайцев и кубанских ногайцев (а – до увеличения выборки, б – после увеличения выборки)

Гаплогруппа R1a. В предыдущем нашем исследовании генофонда кубанских ногайцев [2, с. 45–47; 3, с. 11–15] эта гаплогруппа была обнаружена с неожиданно высокой частотой – 50%, причем «славянская» субветвь **R1a1a1g-M458** составляла лишь 18% из 50% **R1a1a-M198** (рис. 1 b). У караногайцев ее частота этой гаплогруппы оказалась значительно ниже – 22%, а «славянский» вариант **R1a1a1g-M458** у них практически отсутствовал. У других тюрков Кавказа эта гаплогруппа обнаружена с частотой 36% у карачаевцев и 24% у балкарцев, а с наиболее низкими частотами встречается у восточных тюрков (кумыков и азербайджанцев). В целом гаплогруппа **R1a1a-M198** является наиболее распространенной в Евразии и отличается от других гаплогрупп аномально широким географическим ареалом: доминирует в генофонде Восточной Европы, в горных районах Южной Сибири, Центральной Азии и в Северной Индии, а с низкими частотами встречается почти по всей Евразии – от Англии до Китая. Такая география согласуется с ареалом древнего индоиранского населения. Наибольшей частоты гаплогруппа **R1a1a-M198** достигает у народов Восточной Европы (например, у русских 55% [6, с. 242]). У не тюркоязычных народов Кавказа она в среднем составляет 6%, а наибольшая ее частота отмечена у черкесов (20%) [6, с. 236–250] и абазин (24%) [4, с. 54].

В филогенетический анализ этой гаплогруппы включены носители гаплогруппы **R1a1a*-M198** (за исключением «славянского» субварианта **M458**) из всех популяций Кавказа, тюркоязычного населения Сибири, Урала, Центральной Азии, а также ираноязычные таджики. Филогенетическая сеть подтвердила общность по гаплогруппе **R1a1a*-M198** кубанских ногайцев и караногайцев с популяциями евразийской степи. Важно подчеркнуть, что этот анализ накопление этой гаплогруппы у кубанских ногайцев определяется не эффектами дрейфа, а миграциями.

В параллельных исследованиях Уфимского научного центра гаплогруппа **R1a** у кубанских ногайцев зафиксирована со значительно более низкими частотами (25%) [12, с. 363]. Для выяснения причин расхождения в оценке частот этой гаплогруппы нашим коллективом были тщательно собрана новая выборка образцов кубанских ногайцев, что позволило создать новый «генетический портрет» кубанских ногайцев по более репрезентативной выборке – она в полтора раза больше первоначальной: 90 образцов (рис. 1b), вместо 60 (рис. 1a). Оба «генетических портрета» на рис. 1 (а и b) наглядно демонстрируют, что полученные ранее частоты практически не изменились. Следовательно, выявленная нами высокая частота **R1a** у ногайцев может быть признана объективным фактом. Для выяснения процессов, приведших к такому повышению частоты **R1a** в генофонде кубанских ногайцев, нами собраны выборки и проводится исследование родственных популяций ставропольских и астраханских ногайцев.

Гаплогруппа N1-LLY22 для этносов Кавказа не характерна, однако в популяциях караногайцев Дагестана она обнаружена с неожиданно высокой частотой – 20%. При построении филогенетической сети этой гаплогруппы мы включили в анализ и другие этносы из базы данных нашего коллектива, в том числе этногенетически родственных кубанских ногайцев (9% **N1-LLY22**).

Филогенетическая сеть носителей гаплогруппы **N1-LLY22** (включая вариант **N1c1-M178**) представлена на рис. 2*. Мы видим, что кластер–1 объединил башкир-кыпчаков, башкир-юрматинцев и балкарцев. Такая генетическая близость может объясниться тем, что кыпчаки и юрматинцы – это именно те башкиры, которые в период великого голода XVI века переселились на Кубань. Возможно, что мы обнаруживаем генетические следы башкиро-ногайской миграции на Северный Кавказ. Но возможна и другая гипотеза – генетическое сходство этих групп через родство с ранними булгарами VII века, которые проживали в широком ареале от Крыма до Северного Кавказа. Генеалогический возраст этого кластера – 1200±500 лет. Казахи и караногайцы вошли в кластер–2, генеалогический возраст которого составил 1700±600 лет.

Гаплогруппа I2a1-P37 (условно «европейская»), обнаруженная у кубанских ногайцев (10%), и караногайцев (7%), встречается также у других тюркоязычных популяций Кавказа, составляя у балкарцев 7%, у кумыков 2%, у карачаевцев 4%. Можно было бы предположить, что присутствие этой гаплогруппы является результатом взаимодействия с казачеством, однако у терских казаков эта гаплогруппа составляет всего лишь 8%, и у кубанских казаков ее частота также относительно невелика (17%) [1, с. 20]. Если учесть, что и у автохтонных народа Западного Кавказа – абазин – она встречается с частотой 8% [4, с. 54], становится очевидным, что необходим поиск иных вероятных источников появления этой гаплогруппы у ногайцев.

* Рис. 2 к статье см. на цв. вклейке.

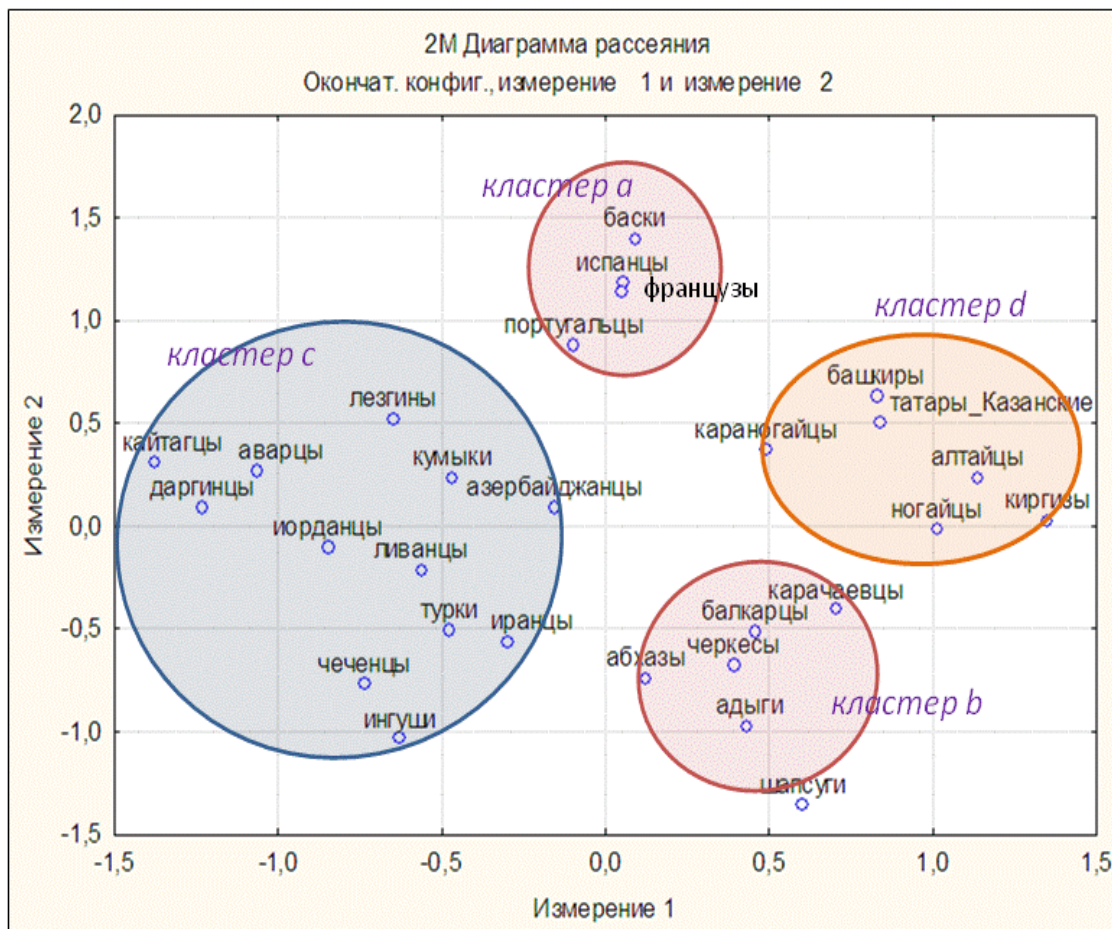

Рис. 3. Расположение изученных популяций в генетическом пространстве евразийской степи и смежных регионов, Европы и Передней Азии по совокупности 13 гаплогрупп Y хромосомы (величина стресса $S_0 = 0.174$, алиенации = 0.154)

Гаплогруппы J2a-M172, характерная для Кавказа, намного чаще встречается у караногайцев (12%), чем у кубанских ногайцев (2%). Среди тюрков Восточного Кавказа она встречается с частотой 22% у азербайджанцев и 12% у кумыков, при этом для других народов Дагестана она не характерна. Однако среди популяций Восточного Кавказа гаплогруппа **J2a-M172** распространена очень широко, достигая максимума у народов нахской группы: 79% у ингушей и 55% у чеченцев [5].

Центром происхождения гаплогруппы **J2a-M172** также считают Переднюю Азию и Ближний Восток [8, с. 366–367; 10, с. 1026–1031, 2004; 7, с. 133] с экспансией неолитического населения из ареала Ближнего Востока. В других популяциях Восточного Кавказа эта гаплогруппа редка. Однако анализ показывает, что высокий уровень данной гаплогруппы у караногайцев скорее всего является не результатом позднего взаимодействия с соседними кавказскими популяциями, а отражает более ранний пласт их этногенеза, связанный с другими миграционными процессами. Это подтверждается достаточно высоким уровнем гаплогруппы **J2a** у этнографически близких этносов: у чувашей Татарстана он достигает 20%, 15% у астраханских татар и ниже у татар Татарстана – всего 4% (Y-base).

Положение ногайцев в генетическом пространстве смежных регионов Евразии.

Сравнение кубанских ногайцев и караногайцев с широким кругом популяций Евразии показано на графике многомерного шкалирования (рис 3). Поскольку большинство взятых для сравнения популяций изучены другими коллективами по более узким панелям маркеров Y-хромосомы, поэтому для анализа пришлось сократить панель до общих 13 гаплогрупп. Выявлены четыре кластера популяций. Кубанские ногайцы и караногайцы вошли в кластер-d и оказались близки к другим тюркоязычным этносам Урала, Сибири и Центральной Азии. Европейские популяции расположились отдельно в кластере-а. Карачаевцы и балкарцы – географические соседи кубанс-

ких ногайцев – вошли в кластер-с вместе с другими этносами западного Кавказа. А соседние с караногайцами Дагестана популяции кумыков и не-тюркских народов Восточного Кавказа вошли в единый кластер с народами Передней Азии за счет высокого уровня гаплогрупп **J1**, **J2** и **R1b**. Это говорит о том, что генофонды караногайцев и кубанских ногайцев обнаруживают сходство друг с другом вопреки их географической отдаленности, тогда как для других тюрков Кавказа генетическое сходство согласуется с их географической близостью к нетюркоязычным народам Кавказа.

Выводы

1) Тщательное увеличение выборки кубанских ногайцев позволило создать новый «генетический портрет» кубанских ногайцев по более репрезентативной выборке. При этом это полученные ранее частоты генов практически не изменились, что позволяет признать объективным фактом накопление гаплогруппы **R1a** у кубанских ногайцев.

2) Геногеографическое сравнение ногайцев с другими популяциями смежных регионов дали основание утверждать, что накопление гаплогрупп **I2a1** и **J2a** не связано с поздними контактами с соседними популяциями: необходим поиск иных вероятных источников их появления.

3) Филогенетический анализ гаплогруппы **N1** выявил сходство генофондов караногайцев и казахов, а также позволил высказать гипотезу о наличии генетических следов башкиро-ногайской миграции на Северный Кавказ.

4) Многомерное шкалирование (на основе генетических расстояний) выявляет сходство генофондов кубанских ногайцев и караногайцев с популяциями Евразийской степи (чуваши и татары Татарстана, киргизы, башкиры).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балановский О.П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и Y-хромосомы // Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2012.
2. Схалыхо Р.А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: анализ изменчивости Y-хромосомы: Автореф. канд. дисс. М., 2013. 24 с.
3. Схалыхо Р.А., Почешхова Э.А., Теучеж И.Э., Дибирова Х.Д., Агджоян А.Т., Утевская О.М., Юсупов Ю.М., Дамба Л.Д., Исакова Ж.Т., Кузнецова М.А., Фролова С.А., Тагирли Ш.Г., Коньков А.С., Балановская Е.В., Балановский О.П. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 2. С. 34–48.
4. Теучеж И.Э., Почешхова Э.А., Схалыхо Р.А., Дибирова Х.Д., Агджоян А.Т., Утевская О.М., Кузнецова М.А., Шанько А.В., Коньков А.С., Чиковани Н.Н., Андриадзе Г., Богунов Ю.В., Епископоян Л.М., Балановская Е.В., Балановский О.П. Генофонды народов Западного Кавказа и Закавказья в евразийском контексте (по данным о полиморфизме Y-хромосомы) // Вестник Московского Университета. Серия XXIII «Антропология». 2013. № 2. С. 49–60.
5. Balanovsky O., Dibirova Kh., Dybo A., Mudrak O., Frolova S., Pocheshkhova E., Haber M., Platt D., Schurr T., Haak W., Kuznetsova M., Radzhabov M., Balaganskaya O., Druzhinina E., Zakharova T., Hernanz D., Zalloua P., Koshel S., Ruhlen M., Renfrew C., Wells R.S., Tyler-Smith C., Balanovska E. The Genographic Consortium. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // *Molecular biology and evolution*. 2011 Oct; 28(10). P. 2905–20. Epub 2011 May 13.
6. Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A., Kivisild T., Churnosov M., Evseeva I., Pocheshkhova E., Boldyreva M., Yankovsky N., Balanovska E., Villems R. Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context // *American Journal of Human Genetics*. 2008, 82(1). P. 236–250.
7. Cinnioglu C., King R., Kivisild T., Kalfoglu E., Atasoy S., Cavalleri G., Lillie A., Roseman C., Lin A., Prince K., Oefner P., Shen P., Semino O., Cavalli-Sforza L., Underhill P. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia // *Hum Genet*. 2004. Vol. 114(2) P. 127–148.
8. Di Giacomo F., Luca F., Popa L., Akar N., Anagnou N., Banyko J., Brdicka R., Barbujani G., Papola F., Ciavarella G., Cucci F., Di Stasi L., Gavrilu L., Kerimova M., Kovatchev D., Kozlov A., Loutradis A., Mandarino V., Mammi' C., Michalodimitrakis E., Paoli G., Pappa K., Pedicini G., Terrenato L., Tofaneli S., Malaspina P., Novelletto A. Y chromosomal haplogroup J as a signature of the post-neolithic colonization of Europe // *Hum Genet*. 2004. Vol. 115(5). P. 357–371.
9. Nei M. *Molecular Population Genetics and Evolution*. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1975. 290 p.
10. Semino O., Passarino G., Oefner P.J., Lin A.A., Arbuzova S., Beckman L.E., De Benedictis G., Francalacci P., Kouvatsi A., Limborska S., Marcikiae M., Mika A., Mika B., Primorac D., Santachiara-Benerecetti A.S.,

Cavalli-Sforza L.L., Underhill P.A. The genetic legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in extant Europeans: a Y chromosome perspective. *Science*. 2000 Nov 10; 290(5494). P. 1155–1159.

11. StatSoft, Inc. 2001. STATISTICA (data analysis software system), version 6. Режим доступа: www.statsoft.com.

12. Yunusbayev B., Metspalu M., Järve M., Kutuev I., Rootsi S., Metspalu E., Behar D.M., Varendi K., Sahakyan H., Khusainova R., Yepiskoposyan L., Khusnutdinova E.K., Underhill P.A., Kivisild T., Villems R. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations. *Molecular biology and evolution*. 2012 Jan; 29(1). P. 359–365. Epub 2011 Sep 13.

Сведения об авторах: Роза Арамбиевна Схалыхо – старший научный сотрудник ФГБНУ «Медико-генетического научного центра» РАМН, кандидат биологических наук (115478, ул. Москворечье, 1, Москва, Российская Федерация); shalyaho.roza@yandex.ru

Марина Игоревна Чухряева – научный сотрудник ФГБУН Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН (117312, ул. Губкина, 3, Москва, Российская Федерация); m.chukhryaeva@yandex.ru

Анастасия Торосовна Агджоян – научный сотрудник ФГБУН Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН (117312, ул. Губкина, 3, Москва, Российская Федерация); aagdzhojan@gmail.com

Валерий Владимирович Запорожченко – научный сотрудник ФГБНУ «Медико-генетического научного центра» РАМН (115478, ул. Москворечье, 1, Москва, Российская Федерация); valeryz2001@gmail.com

Надежда Вячеславовна Маркина – старший научный сотрудник ФГБУН Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, кандидат биологических наук (117312, ул. Губкина, 3, Москва, Российская Федерация); nadezda_markina@mail.ru

Юлдаш Мухамматович Юсупов – руководитель отдела ГБНУ «Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан», кандидат исторических наук (450000, ул. Гафури, 13/1, Уфа, Российская Федерация); Usupov.Uld@yandex.ru

Рустам Рамилевич Шайхеев – лаборант-исследователь ГБНУ «Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан», кандидат исторических наук (450000, ул. Гафури, 13/1, Уфа, Российская Федерация); gum-ufa@yandex.ru

Эльвира Аслановна Почешхова – профессор, ГБОУ ВПО «Кубанского государственного медицинского университета», доктор медицинских наук (350000, ул. Седина, 4, Краснодар, Российская Федерация); pocheshchova@mail.ru

Елена Владимировна Балановская – зав. лабораторией популяционной генетики человека, ФГБНУ «Медико-генетического научного центра» РАМН, профессор, доктор биологических наук (115478, ул. Москворечье, 1, Москва, Российская Федерация); balanovska@mail.ru

Nogay Gene Pools in the Context of the Population of Eurasian Steppe Belt (based on the markers of Y-chromosome)

**R.A. Skhalyakho¹, M.I. Chukhryaeva², A.T. Agdzhojan²,
V.V. Zaporozhchenko¹, N.V. Markina², Y.M. Yusupov³,
R.R. Shaykheev³, E.A. Pocheshkhova⁴, E.V. Balanovskaya¹**

¹ *Medical Genetic Research Center, Russian Academy of Medical Sciences*

² *Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences*

³ *Institute for Humanities Research of the Republic of Bashkortostan*

⁴ *Kuban State Medical University*

Purpose. Studying of gene pools of the Kuban Nogais and Karanogais in the context of populations of Eurasian steppe (by Y-chromosome markers).

Materials and methods. Two Nogai people groups – Qara Nogais (N = 150) and Kuban Nogais (N = 90) – were studied. Genotyping of uniform extensive panel of 56 SNP and 17 STR Y-chromosome markers (which is inherited on the male line) was carried out for all studied populations.

Results and discussion. The detailed study of the Kuban Nogais and Qara Nogais revealed 15 haplogroups (the main branches of Y-chromosome phylogenetic tree), the most frequent from them were only 6: R1a1aM198, I2a1-P37, J2a-M172, N1-LLY22, C-M130, R1b1a1-M73. All the main types of analysis was carried out: statistical, genogeographical and phylogenetic.

With the increasing of the Kuban Nogais samples their “genetic portrait” almost has not changed, which points to objectivity of previously received result – to unexpected accumulation of R1a1a-M198 haplogroupe among the Kuban Nogais’ gene pool.

Phylogenetic analysis of N1 haplogroups revealed genetic affinity between the Qara Nogai and Kazakh peoples. This allowed to present the hypothesis about a genetic trace of the Bashkir-Noghai migration to the Northern Caucasus. Statistical analysis has not revealed the similarity of the Kuban Nogais with populations of Europe, but with populations of the Eurasian steppe.

Keywords: gene pool, Qara Nogais, Kuban Nogais, Y-chromosome, SNP, STR.

REFERENCES

1. Balanovskiy O.P. *Izmenchivost' genofonda v prostranstve i vremeni: sintez dannykh o genogeogra-fii mitokhondrial'noy DNK i Y-khromosomy. Avtoref. dis. ... d-ra biol. nauk* [Variability of the Gene Pool in Space and Time: A Synthesis of Data on Genogeography of Mitochondrial DNA and Y-chromosome. Abstract of the thesis ... of Doctor of Biological Sciences].
2. Skhalyakho R.A. *Genogeografiya tyurkoyazychnykh narodov Kavkaza: analiz izmenchivosti Y-khromosomy: avtoref. kand. diss.* [Genogeography of the Turkic Peoples of the Caucasus: Variability of the Y-chromosome Analysis: abstract of Candidate dissertation]. Moscow, 2013. 24 p.
3. Skhalyakho R.A., Pocheshkhova E.A., Teuchezh I.E., Dibirova Kh.D., Agdzhoyan A.T., Utevskaia O.M., Yusupov Yu.M., Damba L.D., Isakova Zh.T., Kuznetsova M.A., Frolova S.A., Tagirli Sh.G., Kon'kov A.S., Balanovskaya E.V., Balanovskiy O.P. Tyurki Kavkaza: sravnitel'nyy analiz genofondov po dannym o Y-khromosome [The Turks of the Caucasus: A Comparative Analysis of the Gene Pools according to Data on the Y-chromosome]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Seriya XXIII. Antropologiya. 2013. № 2, pp. 34–48.
4. Teuchezh I.E., Pocheshkhova E.A., Skhalyakho R.A., Dibirova Kh.D., Agdzhoyan A.T., Utevskaia O.M., Kuznetsova M.A., Shan'ko A.V., Kon'kov A.S., Chikovani N.N., Andriadze G., Bogunov Yu.V., Episkoposyan L.M., Balanovskaya E.V., Balanovskiy O.P. Genofondy narodov Zapadnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya v evraziyskom kontekste (po dannym o polimorfizme Y-khromosomy) [The Gene Pools of the Peoples of the Western and Southern Caucasus in the Eurasian Context (according to the polymorphism of Y-chromosome)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Seriya XXIII «Antropologiya». 2013. № 2, pp. 49–60.
5. Balanovsky O., Dibirova Kh., Dybo A., Mudrak O., Frolova S., Pocheshkhova E., Haber M., Platt D., Schurr T., Haak W., Kuznetsova M., Radzhabov M., Balaganskaya O., Druzhinina E., Zakharova T., Hernanz D., Zalloua P., Koshel S., Ruhlén M., Renfrew C., Wells R.S., Tyler-Smit hC., Balanovska E., The Genographic Consortium. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region. *Molecular biology and evolution*. 2011 Oct; 28(10), pp. 2905–2920. Epub 2011 May 13.
6. Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A., Kivisild T., Churnosov M., Evseeva I., Pocheshkhova E., Boldyreva M., Yankovsky N., Balanovska E., Villems R. Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context. *American Journal of Human Genetics*. 2008. 82(1), pp. 236–250.
7. Cinnioglu C., King R., Kivisild T., Kalfoglu E., Atasoy S., Cavalleri G., Lillie A., Roseman C., Lin A., Prince K., Oefner P., Shen P., Semino O., Cavalli-Sforza L., Underhill P. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia. *Hum Genet*. 2004. Vol. 114(2), pp. 127–148.
8. Di Giacomo F., Luca F., Popa L., Akar N., Anagnou N., Banyko J., Brdicka R., Barbujani G., Papola F., Ciavarella G., Cucci F., Di Stasi L., Gavrila L., Kerimova M., Kovatchev D., Kozlov A., Loutradis A., Mandarino V., Mammi' C., Michalodimitrakis E., Paoli G., Pappa K., Pedicini G., Terrenato L., Tofanelli S., Malaspina P., Novelletto A. Y-chromosomal haplogroup J as a signature of the post-neolithic colonization of Europe. *Hum Genet*. 2004. Vol. 115(5), pp. 357–371.
9. Nei M. *Molecular Population Genetics and Evolution*. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1975. 290 p.
10. Semino O., Passarino G., Oefner P.J., Lin A.A., Arbuzova S., Beckman L.E., De Benedictis G., Francalacci P., Kouvatsi A., Limborska S., Marcikiae M., Mika A., Mika B., Primorac D., Santachiara-Benerecetti A.S., Cavalli-Sforza L.L., Underhill P.A. The genetic legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in extant Europeans: a Y chromosome perspective. *Science*. 2000 Nov 10; 290(5494), pp. 1155–1159.
11. StatSoft, Inc. 2001. *STATISTICA (data analysis software system)*, version 6. Available at: www.statsoft.com.
12. Yunusbayev B., Metspalu M., Järve M., Kutuev I., Rootsi S., Metspalu E., Behar D.M., Varendi K., Sahakyan H., Khusainova R., Yepiskoposyan L., Khusnutdinova E.K., Underhill P.A., Kivisild T., Villems R. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations. *Molecular biology and evolution*. 2012 Jan; 29(1), pp. 359–365. Epub 2011 Sep 13.

About the authors: Roza Arambievna Skhalyakho – Senior Research Fellow, Federal State Institution of Science “Medical Genetic Research Center”, RAMN (Russian Academy of Medical Sciences), Cand. Sci. (Biology) (115478, Moskvorech'e st., 1, Moscow, Russian Federation); shalyaho.roza@yandex.ru

Marina Igorevna Chukhryaeva – Research Fellow, Federal State Institution of Science “Vavilov Institute of General Genetics”, RAS (Russian Academy of Sciences) (117312, Gubkina st., 3, Moscow, Russian Federation); m.chukhryaeva@yandex.ru

Anastasiya Torosovna Agdzhoyan – Research Fellow, Federal State Institution of Science “Vavilov Institute of General Genetics”, RAS (117312, Gubkina st., 3, Moscow, Russian Federation), aagdzhoyan@gmail.com

Valeriy Vladimirovich Zaporozhchenko – Research Fellow, Federal State Institution of Science “Medical Genetic Research Center”, RAMN (115478, Moskvorech'e, st., 1, Moscow, Russian Federation); valeryz2001@gmail.com

Nadezhda Vyacheslavovna Markina – Senior Research Fellow, Federal State Institution of Science “Vavilov Institute of General Genetics”, RAS, Cand. Sci. (Biology) (117312, Gubkina st., 3, Moscow, Russian Federation); nadezda_markina@mail.ru

Yuldash Mukhammatovich Yusupov – Head of Department, State Institution of Science “Institute for Humanities Research of the Republic of Bashkortostan”, Cand. Sci. (History) (450000, Gafuri st., 13/1, Ufa, Russian Federation); Usupov.Uld@yandex.ru

Rustam Ramilevich Shaykheev – Laboratory Assistant Research, State Institution of Science “Institute for Humanities Research of the Republic of Bashkortostan”, Cand. Sci. (History) (450000, Gafuri st., 13/1, Ufa, Russian Federation); rum-ufa@yandex.ru

El'vira Aslanovna Pocheshkhova – Professor, State Budgetary Educational Institution “Kuban State Medical University”, Dr. Sci. (Medical Sciences) (350000, Sedina st., 4, Krasnodar, Russian Federation); pocheshchovaea@mail.ru

Elena Vladimirovna Balanovskaya – Head of the Laboratory of Human Genetics of Population, Federal State Institution of Science “Medical Genetic Research Center”, RAMN, Professor, Dr. Sci. (Biology) (115478, Moskvorech'e st., 1, Moscow, Russian Federation); balanovska@mail.ru

Популяционно-генетические исследования тюркских народов на современном этапе

Ж.М. Сабитов

(Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева)

В данной статье рассматривается изучение этногенеза тюркских народов методами популяционной генетики. Выделено три направления исследования: 1. Исследование аутомных маркеров. 2. Исследование полиморфизма Y-хромосомы у современных популяций. 3. Исследование полиморфизма Y-хромосомы у древних популяций. В статье рассмотрены результаты палеогенетических исследований таких народов как Хунну, Дунху, Скифы, население царства Чжоу (в Китае), представителей Ямной, Андроновской, Карасукской, Тагарской и других археологических культур.

Интересные данные по ямной культуре совпадают с современными популяциями бурзян и найманбаганалы. Данные по скифам, андроновской культуре совпадают с современными кыпчаками, табынами, еланцев, частью карачаевцев. Показатели по Карасукской культуре совпадают с некоторыми польско-литовскими татарскими семьями и современными кыргызскими племенами Он и Сол Канат (левое и правое крылья). Также представлены сведения по тестированию аутомных маркеров, а именно расчет времени начало генетического «смещения» разных популяций, положивших начало исследуемой популяции. Приведены времена «генетического смещения» таких народов как турки, балкарцы, чуваша, иранские азербайджанцы, татары, башкиры, казахи, уйгуры, узбеки, кыргызы, туркмены, кумыки, ногайцы. Представлены примеры того, как этногенетические исследования используются в ненаучных целях, точнее в процессах национального строительства при написании «национальных историй» разных народов. Описана ситуация использования генетических данных в национальном строительстве евреев, башкиров, венгров, русских. В статье рассмотрены мажорные гаплогруппы, встречающиеся среди разных тюркских родов: 1. башкирские рода: кыпчаки, табыны, гайнинцы, канглы, бурзяне, 2. казахские рода: кара-кыпчаки, бултын-кыпчаки, аргыны, коньраты (кунгираты), алшыны, уйсуну, найманы, табыны, керей, шанышкылы (катаган). 3. кыргызские рода, относящиеся к подразделениям Он канат (сарыбагыш, бугу, азык, черик, саяк, адигине, монгуш, солто и т.д.), Сол канат (кушчу, кытай, саруу, баасыз и т.д.), Ичкилик (канды, деелес, кыдырша, бостон, кесек, теит и т.д.).

Ключевые слова: полиморфизм Y-хромосомы, аутомные маркеры, этногенез, тюркские народы, Золотая Орда, палеодНК.

Современная популяционная генетика в целом и исследования полиморфизма Y-хромосомы в частности развиваются быстрыми темпами. Качественное развитие и удешевление технологий полного и частичного сиквенса Y-хромосомы делает эту технологию доступной для широких масс исследователей, при этом освобождая от необходимости содержать дорогостоящие лаборатории. На данный момент в научном мире признан стандарт BigY (появился в 2013 году), который позволяет установить родство по прямой мужской линии с минимальными погрешностями. Опубликованы всего две статьи с использованием этого стандарта. Первая изучала группу евреев-Ашкенази, вторая статья изучала популяции Казахских Аргынов. Кроме этого используя другие виды изучения полного сиквенса Y-хромосомы, были опубликованы другие работы с новыми вариантами филогенетических древ для одной или многих гаплогрупп. Тут стоит отметить, что помимо лабораторных работ, получающих «сырые» данные, очень важен и анализ показателей. Сегодня исследователи дошли до этого этапа, когда «вручную» это делать практически не возможно. К примеру, BAM-файл BigY одного образца в среднем занимает до 1 гигабайта информации, а данные одного Генома в среднем могут занимать до 400 Гигабайт информации. Сейчас одним из самых распространенных инструментов анализа информации является сайт www.yfull.com. Использование этого инструмента позволяет иерархизировать SNP-маркеры на основе общемировой базы данных, выделить приватные (характерные для этого человека и его ближайших родственников) и общие SNP-маркеры (характерные для каких-либо популяций и групп населения). Кроме этого данный инструмент позволяет извлечь более 400 STR-маркеров (предыдущий научный формат позволял исследовать 17–23 STR-маркеров). Чтобы было более ясно, стоит пересказать те результаты статьи, в которых на основе данных истории и казахских шежире был сделан вывод о

высокой степени достоверности Казахских шежире (устные генеалогии). Казахские Аргыны, согласно шежире, считают себя потомками Акжолы (Даир-ходжи), который имел двух сыновей: Кара-ходжу (от него происходят такие подроды как Куандык, Бегендык, Суюндык, Шегендык, Каракесек, Атыгай, Караул, Канжигалы, Басетиин, Тобыкты и др.) и Сомдыка (от него происходят Токал-Аргыны (или Томен и Жогарышекты) – «младшие Аргыны»). Нами были исследованы данные по более чем 240 казахам, принадлежащим к роду Аргын. Респонденты предоставили свое шежире для исследователей. Из них было выбрано 9 образцов ДНК, которые были проанализированы с помощью полного сиквенса Y-хромосомы (BigY). Стандартизированный тест BigY показывает, что одна однонуклеотидная замена («мутация») происходит примерно раз в 4 поколения. То есть мы можем датировать жизнь предка целого рода на основе качественной выборки, исследованной с помощью теста BigY. Результаты исследования Казахских Аргынов (к сожалению, не были исследованы Крымские Аргыны) позволяют датировать время жизни первого общего предка для этой популяции примерно 1355 годом (плюс минус 110 лет), что очень сильно коррелирует с данными шежире рода Аргын [41]. В среднем у каждого тестированного было около 5 частных SNP-мутаций, что в среднем дает примерно 20 поколений до первого общего предка. Это коррелирует с данными казахских шежире. Альтернативное популярное изложение статьи с редакцией авторов статьи было опубликовано в интернете [19]. Полученные результаты похожи на генеалогические таблицы, с той лишь разницей, что они в 4 раза короче («1 мутация на 4 поколения») и вместо реальных имен могут быть написаны однонуклеотидные замены в конкретных участках ДНК (или стандартизированные названия мутаций). Таким образом, для любителей генеалогических исследований появилась реальная возможность с огромной долей вероятности проверять те или иные гипотезы о генеалогии рода или конкретного человека.

Ранее исследованиям полиморфизма Y-хромосомы не хватало глубины ДНК-тестирования [23] [27]. Сейчас же, если говорить о полиморфизме Y-хромосомы, стоит отметить, что в методологическом плане данная научная дисциплина достигла определенного потолка, дальнейший прирост научного знания в этой отрасли будет происходить не из-за улучшения методов и методик, а из-за накопления научных данных.

Стоит также отметить, что одним из новейших направлений популяционно-генетических исследований является исследование аутомомных маркеров (то есть изучение генетического вклада всех предковых линий, а не только прямой мужской или прямой женской). Первичные результаты исследования аутомомных маркеров дают следующие результаты. Генетиками были датированы времена, когда смешались этногенетические компоненты в современных тюркских народах. Условно говоря, данная дата это примерное появление на свет народа (этногенетической общности) в генетическом плане (название). То есть народ мог сменить название или сохранить старое название от народа, который отличался этногенетически от него, но с этой даты («дата генетического смешения») данная общность не менялась кардинально в этногенетическом плане. Но тут стоит отметить, до сих пор малые выборки в этих исследованиях, а также малое количество данных. На данный момент данные исследования отстают от исследований полиморфизма Y-хромосомы.

Помимо чисто научных и методологических аспектов данной дисциплины стоит упомянуть и «политтехнологические» и «конструктивистские» аспекты популяционной генетики. Из теорий изучения национализма, мы знаем, что история всегда используется в политике как инструмент национального строительства. Как выразился Хобсбаум Э.: *«историки для национализма – это то же самое, что и сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем»* [21, с.332]. Как мы знаем, в новейшее время уровень доверия науке и ученым все больше растет. При этом еще с советских времен по негласной традиции уровень доверия к техническим наукам и ученым выше, чем доверие гуманитарным наукам и ученым-гуманитариям. Наиболее радикальные представители данной точки зрения делят науки на «естественные» и «противоестественные» (гуманитарные), говоря о том, что естественные науки описывают только факты и поэтому объективны, а гуманитарные науки насквозь субъективны. Более умеренные апологеты такого соотношения наук, говоря метафорически, сравнивают эти науки с фотографиями и рисованием. Фотографии более объективны по отношению к изучаемому объекту, в то время как рисунки зависят от мастерства художника, его заинтересованности, ангажированности и объективности. Но при этом стоит отметить, что, у фотографов есть парочка «приемов», позволяющее улучшить или ухудшить «получаемую картинку». На данный момент накопилось уже немало примеров, когда генетические исследования используются для легитимации тех

или иных аспектов национальной истории. Выпячивание или затушевывание тех или иных полученных генетических результатов используются для того чтобы показать более «красивую» в политическом плане картинку.

Самым первым примером является пример генетических исследований евреев-коэнов (по легенде они потомки Аарона, брата Моисея). Об этом уже писал Шломо Занд [11, с.477–484]. По своим гаплогруппам и своему генофонду, евреи являются одним из самых смешанных народов, чьи субэтноты отличаются между собой кардинально. Но если акцент сместить в пользу существования «Модального Гаплотипа Коэнов», то можно, таким образом, легитимировать те тезисы, которые говорят об историчности библейских событий и персонажей.

Другой пример это исследование венгерских ученых о родстве венгров (самоназвание мадяр) и казахских Мадияров. На основе схожести названий, венгерскими антропологами и генетиками была выдвинута гипотеза о родстве двух популяций. Полученные результаты показали, что большая часть Казахского рода Мадияр относится к гаплогруппе G1a [42], в то время как у венгров данная гаплогруппа напрочь отсутствовала [43]. Но, проведя статистический анализ генетических расстояний, авторы получили нужные результаты. По таблице генетических расстояний казахи оказались относительно близки венграм. Здесь был определен «статистический фокус», называемый «Small number of cases» (малая и нерепрезентативная выборка, искажающая или формирующая нужный результат). В данном виде анализа, подбор и отбор случаев очень сильно влияет на результат. Если бы в данный вид анализа внесли все популяции Евразии или хотя бы ввели большую часть европейских и тюркских популяций, то результат показал бы, что венгры мало имеют общего с казахами и казахскими Мадиярами. При этом они будут наиболее близки своим географическим соседям из Европы.

Как говорят генетики: «главная сенсация популяционно-генетических исследований это отсутствие каких-либо сенсаций», которые бы кардинально отличались от известных нам ранее результатов, к примеру, антропологических исследований. В ситуации с венграми этногенез понятен, небольшая группа угрозычных кочевников с определенным количеством тюркских племен покорилась местное автохтонное население Венгрии, которое коренным образом мало отличалось от населения Болгарии, Румынии, Словакии и т.д. Позже доминирующая элита смогла навязать свой язык большей части населения, сформировать свою национальную историю, тем самым закончив сложение венгерской нации. При этом вклад венгерских и тюркских кочевников в генофонд современных венгров относительно мал и не превышает 10 % населения, что подтверждают работы самих венгерских ученых [43].

Третьим примером ангажированности генетических исследований является работы уже не генетиков. К примеру, работы Муратова Б.А. [20], который доказывает древность башкирского этноса, называя их предков «туранцами», при этом игнорируя данные башкирских шежиры и историю разных родов, составляющих на данный момент, костяк башкирского народа [34]. К этому классу также относятся работы Суюнова Р.Р. [38].

Особняком стоят работы Клесова А.А. [17], талантливого популяризатора и доктора химических наук. Научная общественность не раз комментировала научные труды Клесова А.А. [7] [14]. Главной претензией по отношению к Клесову А.А. является то, что он фактически полностью отождествляет такие понятия как гаплогруппа R1a и «Арии». Причем абсолютно не понятно, почему именно гаплогруппа R1a1a1-M417, а не R1-M173 (общая для R1a и R1b) или R1a1a1b2-Z93, или R1a1a1b2a1-L657 являются арийской. Как мы писали выше, мутации происходят с регулярной частотой при этом, не понятно, почему Клесов А.А. считает, что мутация M417 является более важной в определении «арийскости», чем мутация M173, находящаяся на 4 уровня выше, или Z93, которая находится на два уровня ниже. При этом, Клесов А.А. отказывает родственным R1b (к ней относятся большая часть европейцев) в том, что те изначально говорили на индоевропейских языках, называя их язык прототюркским [16]¹. Судя по уточненным данным, гаплогруппа R1-M173 сформировалась 27 700 лет назад, гаплогруппа R1a1a1-M417 8 500 лет назад, R1a1a1b2-Z93 5 000 лет назад, а R1a1a1b2a1-L657 4 700 лет назад.

¹ Данный тезис понравился многим, причем в числе людей некритически поверившим в фантазии Клесова А.А. оказались и серьезные ученые. К примеру, антрополог Оразак Исмагулов [12, с.27–33].

Все эти мутации мало чем отличаются между собой, но при этом Клесов А.А. возносит на пьедестал одну мутацию (а также эквивалентные ей мутации), затушевывая мутации нижестоящие или вышестоящие по иерархии, что является признаком манипуляции.

Акцент на мутации M417 сделан намеренно, так как в этом случае можно условно назвать русских и славян ариями, так как это первая общая мутация для славян и тех ариев, кто вторгнулся в Индию в древности. Такой пример давно известен. Одним из таких примеров был мифологема, которую распространяли царедворцы Тамерлана, которые на основе реальных монгольских генеалогий тезис о близнецах Кабуле (предок Чингиз-хана) и Качули (предок Тамерлана), тем самым они показывали «особую родственность» двух кланов. Таких родственников Чингиз-хану было много, некоторые ближе, некоторые дальше, но при всем при этом манипуляции с «особым родством» двух кланов (Чингизиды и семья Тамерлана), непосвященным людям, казались «научными». При этом четко прослеживалась политическая цель, уравнивать две группы по престижу.

То же касается предков восточных славян и ариев. Арии известны по многим источникам. Символический капитал данного термина огромен, называя предков русских и восточных славян ариями, Клесов А.А. тем самым конструирует новый «арийский миф» о происхождении русских, хотя генетических потомков реальных ариев (индоиранцы), которые, скорее всего, относились к субкладу R1a1a1b2-Z93 или даже R1a1a1b2a1-L657, среди русских можно будет насчитать менее 1%.

Другим примером конструирования является «гипотеза» Клесова А.А. о том, что современные кыргызы происходят от славянина, бежавшего в период средневековья на восток [15]. Изучив субклады гаплогруппы R1a среди кыргызов, мы выявили, два субклада: R1a1a1b2-Z93 (Кыргызы группы Ичкилик), близкий к хакасам и части алтайцев, R1a1a1b2a2c-Z2125 (Кыргызы родов Адигине, Тагай, Саруу и т.д.), близкие другой группе алтайцев и польско-литовскому клану Мухлей. На самом деле, никакой близкой родственности кыргызов со славянами по субкладам нет.

В работах Клесова А.А. видны попытки конструирования дихотомии Мы (R1a, арии, русские) – Они (R1b, эрбины, европейцы), с претензиями на то, что европейцы переняли индоевропейский язык у ариев, а также забрали у носителей гаплогруппы R1a землю (Европу), которую те заселяли до прихода «чуждых эрбинов». При этом Клесов А.А. высказывает свои идеи в русле современной политики, утверждая, что «русские и украинцы – братья» [18]. Безусловно, стоит отметить, что такой тезис не научен и максимально примитивен для усвоения массами. Примитивная дихотомия «Братья или не братья» не может использоваться в научных изысканиях, в которых родство измеряется не двумя качественными антиподными характеристиками², а конкретными цифрами (к примеру, «генетические расстояния» и (или) TMRCA) и процентными соотношениями субкладов разных гаплогрупп.

Другим следствием «арийского» мифа Клесова А.А. будут чисто политтехнологические построения по отношению к тюркскому населению Российской Федерации. Среди тюркских народов Российской Федерации гаплогруппа R1a, а точнее ее азиатский субклад R1a1a1b2-Z93 широко распространена (у вышеупомянутых кыргызов доходит до 60%). Путем акцентирования внимания на этом факте (отдельно вырванный факт из общего контекста) можно конструировать мифологемы «Мы с вами одного рода и происхождения» для идеологической интеграции тюркских народов к русскому народу.

В работах Муратова Б.А. выдвигается другой «национальный миф о происхождении» для Башкирского Национального строительства. Здесь стоит отметить, что он на порядок слабее и менее конгруэнтен по сравнению с национальными мифами, выдвигаемыми Клесовым А.А. В этом мифе сознательно затушевывается «золотоордынский компонент» в этногенезе башкир. Делается это сознательно, дабы максимально идеологически «отдалить» современных башкир от «золотоордынских татар». Как мы показывали ранее Башкирское племя Бурзян, согласно письменным источникам (ал Калкашканди) и Шежире кочевало на юге, в Мангышлаке, возле Аральского моря на территории современного Казахстана (то есть Бурзяне одно из Золотоордынских племен), то же касается Майкыбиевичей, которые происходили из Сибири. Гирей, племя, из которого происходил аталык (воспитатель) основателя Крымской династии Гиреев, тоже является одним из ордынских племен. На что Муратов Б.А. пишет, что было два разных племени Гирей и Гэрэ, одни татары, другие башкиры. Хотя, судя по своим личностным впечатлениям, сложившимся в результате этногенетической экспедиции в район расселения данного племени и письменным

² Даже тезис «Все люди на земле братья» легко «доказать», если не указывать уровень родства.

источникам, это один род, часть представителей которого считают себя татарами, другая часть считает себя башкирами.

Стоит отметить, что широкое появление «национальных мифов о происхождении» на основе генетики отнюдь не новое явление. Ранее место генетики занимала физическая антропология. К примеру, существует широко распространенный «миф о происхождении казахов». Видный Казахстанский антрополог Оразак Исмагулов в свое время выдвинул концепцию об антропологической преемственности казахов от андроновцев. Здесь стоит отметить, что андроновцы были европеоидами, в то время как у современных казахов доля европеоидности, по данным Оразака Исмагулова, около 30% [13, с.218]. Андроновцы одни из предков казахов, но были и другие предки, чьи имена в этой концепции затушевывались (примитивизация научных данных неизбежный спутник построения любого мифа). Связано это было с тем, что, показывая антропологическую преемственность современных казахов от древнего населения Казахстана, вы фактически легитимируете права нации на данную территорию, посредством предоставления доказательств «кровного родства». Говоря метафорически, данный миф можно сравнить со следующей ситуацией: существует человек, у которого есть два дедушки и две бабушки, но он акцентирует все свое внимание на родстве с бабушкой по маме, потому что она в отличие от других предков оставила 14-комнатную квартиру в центре Москвы. У данного человека помимо того, что они владели примерно одной жилплощадью, общего с бабушкой мало (возможно, нос и манера говорить, а также «монгольское пятно»), но апелляция к бабушке имеет под собой четко установленные материальные выгоды, поэтому внук акцентирует внимание на общих чертах, чтобы отсечь претензии других наследников.

Еще одним примером использования популяционной генетики в символической борьбе национальных идеологий является статья на интернет-портале известного популяционного генетика Левона Епископосяна по поводу древней автохтонности армян на территории восточной части Армянского нагорья (что вплотную касается вопроса об исторической принадлежности Карабаха): *«Наши недруги в течение многих десятилетий без устали твердят, что армяне появились здесь якобы всего около 200 лет назад... Сегодня на основании результатов исследования международной группы ученых можно уверенно утверждать, что мы – генетические преемники, т.е. прямые биологические потомки того населения, которое проживало здесь минимум 4–5 тыс. лет назад, то есть в эпоху бронзы»* [10].

Прояснив ненаучные аспекты данной проблематики, стоит остановиться на современном состоянии научных исследований тюркских народов.

Можно выделить три основных направления генетических исследований тюркских этносов:

1. Современные исследования аутомных маркеров тюркских народов.
2. Палеогенетические исследования древнего ДНК популяций степной зоны Евразии.
3. Современные исследования полиморфизма Y-хромосомы тюркских народов.

1. В этом направлении пока делаются первые шаги. Ласточкой этих исследований стала совместная статья ряда популяционных генетиков «Генетическое наследие экспансии тюркоязычных кочевников в Евразии» [56]. В данной публикации на основе минимальных выборок, смогли вычислить время «смешения», то есть время появления на свет того этногенетического коллектива, который существует и поныне (до этого смешения существовали предковые популяции): У турок, балкарцев и чувашей этим периодом был 790–900 год н.э. У Иранских азербайджанцев данный период лежит между 1120 и 1230 годами. Период 1230–1340 годов был ключевым для таких народов как татары, башкиры, казахи, уйгуры. Около 1340 года сложились такие популяции Узбеки и Кыргызы. В период между 1340 и 1450 годами произошло образование туркменского этногенетического коллектива. В период между 1450 и 1560 годами был ключевым этапом для сложения кумыкского этноса. Около 1670 года сложился этногенетический коллектив под названием ногайцы. Здесь стоит сразу обозначить различие в сложении единого этногенетического коллектива сложившегося в определенном периоде и историю этнонима. К примеру, название ногайцы сложилось раньше. Ногайский этнос существовал и ранее 1670 года. В то время из-за разгрома и раскола Ногайской Орды численность ногайцев катастрофически снизилась, большая часть ногайцев могла войти в состав таких народов как каракалпаки, казахи, татары, башкиры и т.д. Оставшиеся ногайцы смогли выжить и именно с этого периода можно датировать сложение тех ногайцев, которые существуют и поныне. Что касается казахов, то этноним сложился только в XV веке, хотя этногенетический коллектив сложился раньше, чем этноним (изначально бывший экзоэтнонимом).

2. Палеогенетические исследования. Первые результаты палеогенетических исследований стали выходить в начале 2000-х годов.

2.1. Археологические культуры степной части Евразии бронзового века.

2.1.1. Среди представителей андроновской культуры. Из 8 протестированных 7 относятся к гаплогруппе R1a, которая имеет западноевразийское происхождение и 1 относится к гаплогруппе C, имеющий восточноазиатское происхождение [49]. Эти данные частично подтверждают данные лингвистов и антропологов об индоевропейском происхождении представителей андроновской культуры.

2.1.2. Ямная культура.

В июне 2015 года были опубликованы результаты исследований 7 представителей Ямной культуры (Самарская область). Все 7 принадлежат к гаплогруппе R1b1a, из которых один относится к субкладу R1b1a (видимо P297+), один к субкладу R1b1a2a (видимо L23+), еще 5 к субкладу R1b1a2a2 (видимо Z2103+) [46]. К последнему субкладу близки современные популяции башкирских бурзян и казахских баганалы-найманов.

2.1.3. В публикации Аллентофта в июне 2015 года были обозначены следующие данные:

2 образца из Синташты (2100–1800 лет до н.э.) относятся к гаплогруппе R1a, 4 образца Карасукской культуры (1400–900 лет до н.э.) относятся к гаплогруппам R1a (3 образца) и Q1a (1 образец), 3 образца Андроновской культуры относятся к гаплогруппе R1a, из 5 образцов ямной культуры, 4 принадлежат к гаплогруппе R1b, а еще один к гаплогруппе I2a, 2 представителя Межовской культуры (останки из Каповой пещеры) относятся к гаплогруппам R1a и R1b, из 3 образцов с Алтая (900/700 лет до н.э.–500/1000 г. н.э.) 1 относится к гаплогруппе J2a, а два образца к гаплогруппе Q1a [40].

Здесь результаты даны в общем виде, без уточнения субкладов. Биоинформатик Владимир Таганкин проанализировал исходные BAM-файлы и дополнительно предоставил данную информацию:

Образец RISE386 (Буланово, Синташта) «датирован 2298–2045 годами н.э., относится к субкладу Z2121/S3410+Z2124+, YP1460+. Положительный результат для снипа YP1460 противоречит отрицательным результатам родительского уровня: S23592- YP349- однако учитывая особенности выравнивания и очень плохое качество сиквенса, можно сказать что положительный результат имеет больший вес, чем отрицательные. Вероятно образец может относиться к субкладу YP1460, параллельному к Z2123. YP1460 является позитивным для киргизской ветви». Здесь стоит уточнить, что данный субклад предковый для киргизов, относящихся к потомкам Адигине и Тагая (Он канат и Сол канат) [25] [35].

RISE392 (Степное 7, Синташта). «датирован 2126–1896 годами до н.э. Здесь качество сиквенса лучше. Образец относится к ветви Z93>Z94>Z2124>Z2125>Z2123>Y877. Он имеет положительный результат по снипу Y877, который расположен на уровне R-Y875 Проверенные снипы этого уровня: Y939- Y877+. SNP Y877 обнаружен в двух научных образцах из популяции Телугу (Индия)».

Здесь стоит отметить, что близкими данному субкладу являются популяции пуштунов, индусов, башкирских кыпчаков и еланов, карачаево-балкарцев, башкирских Табынов (и Майкыбиевичей в целом) [8, с.58]

RISE512 (Кытматово, Андроновская культура), «датирован 1446–1298 годами до н.э. Все снипы ниже Z2124, охваченные севериванием, отрицательные. Y877 тоже в минусе. R-Z2124: Z2121/S3410+».

Судя по всему тупиковая ветвь, не оставившая потомства. Родственными для этого образца являются многие современные тюркские и южноазиатские популяции.

RISE495 (Арбан 1, Карасукская культура), «без датировки. Принадлежит субкладу R-S23592 (Z2124+ Z2125+ Z2122- Z2123-). Определен положительный YP349. Субклад является родительским к киргизской ветви».

Здесь стоит отметить, что под киргизской ветвью подразумевается ветвь потомков Адигине и Тагая (Он канат и Сол канат)

RISE494 (Сабинка 2, Карасукская культура), «датирован 1416–1268 годами до н.э. Сиквенс имеет очень малый охват с низким покрытием. Точно положительный для Z645. Положительное значение для YP521 конфликтует с отрицательным для Z2123. Если YP521+ правильный, то

образец может быть отнесен к субкладу Z645>Z93>Z94>Z2124>Z2125>Z2123>Y934>YP521. В настоящее время в этот субклад входит группа индусов и саудитов».

Здесь стоит отметить, что данная ветвь могла быть как и предковой для индусов и арабов (близкие к этому субкладу также башкирские еланы и табыны, а также карачаевцы), так и тупиковой, в которой независимо произошла мутация YP521+.

RISE492 Сабинка 2, «датирован 396–209 годами до н.э. M417+ имеет три противоречащих друг другу положительных SNP. R-YP1506 – ветвь объединяет пенджабца, алтайцев и киргизов из Таджикистана. Ветка параллельная к Z94. R-Y46 – индийцы. R-YP294 – Тоскания и Турция».

Возможны все три варианта. В первом варианте стоит отметить, что под кыргызами имеют ввиду кыргызов из подразделения Ичкилик.

RISE525 (Капова пещера, Межовская культура), «образец без датировки. Качество плохое и результаты весьма противоречивые. Может даже оказаться Z280 (Y11175+ противоречит Z283-). Ниже отчет по всем покрытым снипа R1a: R-YP541: YP546+ и R-Y11162: Y11175+».

Здесь образец в любом из двух случаев явно тяготеет к западноевропейским или восточноевропейским R1a (а не азиатским R1a как все предыдущие).

В конце стоит обозначить, что близость к индусам и арабам, отнюдь не означает, что только те популяции близки останкам. Это лишь констатирует тот факт, что на данный момент арабы и индусы более глубоко исследованы, чем тюркские и другие азиатские популяции.

2.1.4. Новые данные из препринта Яна Матиссона и соавторов, вышедшего 10 октября:

Поселение Хвалынк 2: 3 образца Самарской культуры (5200–4000 лет до н.э.) относятся к гаплогруппам R1b1-M415, R1a1-M459, Q1a-F2676.

5 образцов археологической культуры Полтавка (датировки укладываются в период 2925–2200 лет до н.э.): R1b1a2a-Z2105, R1b1a2-L773, R1b1a2a-L23, R1b1a2a-Z2105, R1a1a1b2a-Z94.

12 образцов Ямной культуры (3330–2143 лет до н.э.) (5 из них опубликовались ранее): R1b1a2-PF6482, R1b1a2-L482, R1b1a2a-Z2105 (4 образца), R1b1a2-PF6399, I2a2a1b1b-L699, R1b1a2a-CTS1078, R1b1a2-PF6434, R1b1a2a-L23, R1b1a2-PF6409.

Как мы видим 11 из 12 относятся к гаплогруппе R1b1a2-M269.

2 образца (2469–1900 лет до н.э.) из поселения Утевка 6 (Самарская область), археологической культуры Потаповка относятся к данным гаплогруппам P1-P284 (экзотический вариант), R1a1a1b-S441 (азиатский субклад R1a).

6 образцов Срубной культуры (1850–1200 лет назад) относятся к следующим субкладам: R1a1a1b2-Z93 (3 образца), R1a1-M459, R1a1a-L168, R1a1a1b2-Z2123.

Также были опубликованы исследованные ранее 2 образца (R1a-L62, R1a1a1b-S224) из Синташты (2298–1896 лет до н.э.) и один образец (R1a1a1b-S224) Андроновской культуры (1446–1298 лет до н.э.)

Также был опубликован один скиф (380–200 лет до н.э.) из поселения Надеждинка (Самарская область), относящийся к субкладу R1a1a1b2a2a-Z2123 [52].

2.1.5. Группа исследователей изучила 14 образцов палеодНК с Алтайских гор (Западная часть Монгольского Алтая). 13 из них относились к эпохе Бронзового века, а еще один из Энеолитического периода. Захоронения относятся к трем гаплогруппам: Q1a2a1-L54, R1a1a1b2-Z93 and C [47].

2.1.7. Захоронения в Западном Китае (Чэнбэй, столица провинции Цинхай (Кукунор)). Были исследованы 27 образцов из Чэнбэя эпохи династий Шан и Чжоу (примерная дата захоронений 1000 лет до н.э.). Были выделены 3 социальные группы и получены образцы 27 человек [57]

	Гаплогруппа N	Гаплогруппа Q1a1	Гаплогруппа O (O*, O2a, O3a, O3a3)
Аристократы	1	3	2
Общинники	0	8	8
Рабы	0	0	4

Мы здесь видим, большой процент относящихся к гаплогруппе Q1a1 среди высоких социальных групп. В то же время исконные китайские субклады, относящиеся к этой эпохе, тяготеют к менее престижным социальным группам. С учетом эпохи Чжоу, географии захоронений (Кукунор), и происхождения гаплогруппы Q1a1 (не автохтоны Китая, а мигранты с Запада, Севера и

Северо-Запада), мы можем резонно предположить, что гаплогруппа Q1a1-M120 маркировала чжоуское население, которое не было близко автохтонному Китайскому населению, а больше тяготело по происхождению к степным районам Евразии.

2.2. Исследования средневековых степных народов.

2.2.1. В 2003 году были получены результаты из хуннского могильника Эгин-гол, где были получены данные по 62 останкам. К сожалению несовершенство технологии в 2003 году не позволило получить данные о распределении гаплогрупп среди хуннов, но были получены данные по STR-маркерам [50], которые на основе предикторных значений гаплогрупп позволяли утверждать, что среди народа Хунну встречались такие гаплогруппы как C2a-F1756, R1a, O, R1b, Q, N, C2b-M407 и т.д.

Исследование данного захоронения были продолжены.

2.2.2. Из 4 образцов из Эгин-гола 2 относились к гаплогруппе N1-Tat, еще один к гаплогруппе Q-M242, последний четвертый образец относился к гаплогруппе C-M130. [53, с.138–140]

2.2.3. В 2010 году вышла статья Кима и соавторов, в которой приводились данные по трем останкам (2 мужчины, одна женщина) представителей народа Хунну. Из двух мужчин один относился к гаплогруппе R1a, а другой относился к гаплогруппе C3 [51].

2.2.4. В работе Канга и соавторов были проанализированы 3 образца из хуннского захоронения Барколь (Синцзян Уйгурский Автономный Округ), все они относятся к гаплогруппе Q-M3, которая распространена среди представителей Енисейской языковой семьи (к примеру, кеты) и среди коренных американских индейцев. Также предварительные данные по другим захоронениям говорят о том, что среди хунну распространены следующие гаплогруппы: Q-M242, N-Tat, C-M130, R1a1 [48].

2.2.5. В поселении Джингуцу (предположительно народ Дунху) в долине реки Западное Ляо Северо-Восточного Китая были получены результаты 12 человек принадлежащих к кочевой культуре бронзового века (1000–500 лет до н.э.) Все протестированные образцы относятся к гаплогруппе C-P53.1 [44], которая не сильно распространена среди современных популяций. Среди казахов этот субклад превалирует среди рода Кереит (хотя данные пока мало репрезентативны).

2.2.6. 6 образцов представителей народов Ди и Цяны (Кяны) из захоронения Тяньшань бэйлу Восточного Синцзяна (Синцзян-Уйгурский автономный округ КНР), 5 из них относятся к гаплогруппе N1-M231(xM128, xTAT), а еще один образец относится к гаплогруппе C-M216 (xM217, xM8, xM38) [45].

2.2.7. Исследования останков 6 средневековых алан Хазарского времени показали, что все 6 образцов относятся к гаплогруппе G2 [3, с.312–315].

2.2.8. Из трех представителей салтово-маяцкой культуры VIII–IX веков один относился к субкладу R1a1a1b2a2-Z95, второй к гаплогруппе G (к сожалению, не указаны положительные и отрицательные SNP-маркеры), а третий относился к гаплогруппе J2a-M410. Оба представителя сарматской археологической культуры II–III веков относятся к гаплогруппе J1-M267. Из двух представителей аланской культуры, первый образец IV века относится к субкладу R1a1a1b2a2-Z95, а второй образец V–VI веков относится к субкладу G2a-P15 [2].

2.2.9. Отдельно можно отметить публикацию по древнему ДНК Абулхаир-хана (хан Младшего жуза казахов 18 века) из захоронения Хан Молласы Актюбинской области [9]. Несмотря на сомнения некоторых специалистов, можно утверждать, что в данном захоронении лежит представитель рода Торе (Чингизиды), так как его образец совпадает с образцами потомков Абулхаир-хана и других представителей рода Торе. Это вкупе с историческими данными позволяет предположить, что в данном захоронении лежит Абулхаир-хан. Однако малая глубина теста (тестировалось всего 17 STR-маркеров) не позволяет генетикам точно сказать, лежит там Абулхаир-хан или другой представитель рода Торе (Чингизидов).

3. Полиморфизм Y-хромосомы у современных популяций

Упрощение таксономии (названия гаплогрупп) и филогенетического древа Y-хромосомы до вполне приемлемых сочетаний латинских букв и цифр дало два эффекта:

3.1. Упрощенную терминологию стали понимать большое количество людей, не имеющих специального популяционно-генетического образования. Широкое привлечение масс в интернет-эпоху при наличии коммерческих лабораторий помогло сделать качественный рывок в исследованиях, за счет краудфандинга, когда каждый человек инвестировал свои частные деньги ради исследования своего рода, субклада или гаплогруппы.

3.2. Данное знание из сугубо элитарного научного стало достоянием массовой культуры. Поэтому существует разное понимание данной темы: со стороны новичков и экспертов, которые смогли разобраться во всех хитросплетениях полиморфизма Y-хромосомы. Типичная ошибка новичка это полная идентификация гаплогруппы с языком, расой или древним народом. К примеру, неофиты называют гаплогруппу C2-M217 монгольской или монголоидной, а гаплогруппу R1a индоевропейской или «арийской» (причем гаплогруппа R1b относится ими же к «не-индоевропейцам»), забывая о том, что язык это социальный феномен, который не передается генетически, а формируется под воздействием социальной среды. При этом стоит также отметить обычное разочарование, с которым сталкиваются люди, которые когнитивно более сильно погрузились в изучаемую дисциплину. Изначально, большая часть исследователей, думает, что данная дисциплина станет «машиной времени», которая сможет реконструировать полностью историю. Но чем глубже погружается исследователь понимает, что многие красивые исторические мифы рушатся под напором генетических обоснованных опровержений. То есть наступает стадия, когда человек начинает понимать всю условность попыток изучить этногенез исключительно методами исследования полиморфизма Y-хромосомы. Изучение полиморфизма Y-хромосомы хороший прикладной метод исследования генеалогий отдельных родов. Но исследования этногенеза должно также базироваться на изучении аутосомных маркеров, а также на других антропологических (одонтология, дерматоглифика и т.д.) и генетических системах родства (изучение митохондриального ДНК, палеоДНК и т.д.).

При проведении популяционно-генетических исследований, очень важно привлечение специалистов-историков, которые могли бы формировать выборку и интервьюировать участников генетических исследований. Научная ценность таких междисциплинарных научных коллективов очень высока. Примером могут служить работы по казахам. С 1999 года (выход одних из первых работ по полиморфизму Y-хромосомы казахов) до 2009 года (выход первой статьи по казахам с учетом родоплеменной структуры), ни одна из работ генетиков не представляла особой научной ценности для историков из-за отсутствия исторической информации по респондентам.

Здесь стоит отметить, что описать полиморфизм Y-хромосомы можно в общих чертах. Но без глубокого знания истории и этнографии, а также без глубоких генетических исследований каждого тюркского народа, не возможно будет сказать ценную историческую информацию о происхождении того или иного народа. Поэтому, мы затронем те популяции, в генетико-генеалогическом изучении которых, у автора есть хороший уровень компетенции. Данные по оставшимся народам будут представлены в усеченной форме, либо из-за недостатка генетических данных, либо из-за недостатка компетенции по поводу генетико-генеалогического изучения данных тюркских народов.

К примеру, после хорошей статьи Спенсера Уэллса и соавторов 2001 года, изучение таких популяций как Узбеки и Туркмены не продвинулось сильно. Публикации по данным народам были, но они не учитывали этнографические данные и (или) родоплеменную структуру народа или ее части (как у узбеков). На данный момент из всех тюркских народов, сохранивших родоплеменную структуру, исследование с ее учетом, осуществляется только у башкир, казахов, кыргызов и каракалпаков.

Если затрагивать генетические данные по туркам, мы четко видим, что генетически тюркоязычные кочевники мало оказали влияния на население современной Турции. Данный случай очень похож на случай с Венграми, когда доминирующая малочисленная этническая группа завоевывает густонаселенные народы и ассимилирует автохтонное население.

Интересна ситуация у якутов, которые генетически представляют собой очень гомогенную популяцию (около 95% якутов относится к якутскому субкладу M2019 гаплогруппы N1c1 [1]). Но данный тюркский народ в плане гомогенности, скорее исключение, чем правило. Данные по тюркским народам Сибири публиковались ранее [4] [5] [6], как и данные по другим тюркским народам. Двумя недостатками большинства исследований являлись неглубокий анализ субкладов разных гаплогрупп, а также не исторический и качественный, а географический и количественный подход к изучению популяций. Это делает малоценными данные популяционно генетических исследований. И если игнорировать или мало использовать исторический бэкграунд у респондентов, мы можем прийти к неверным выводам, или к выводам, мало полезным для историков.

Поэтому мы не будем перечислять количественные результаты распределения гаплогрупп среди разных тюркских народов, а перечислим те тюркские популяции, по которым у нас есть

большие качественные исторические данные. Ранее мы затрагивали вопрос о постордынской аристократии в целом, и о татарских княжеских родах в частности [22], поэтому далее мы не будем рассматривать данный вопрос.

Ниже мы укажем доминирующие субклады среди разных родов и племен башкир (выборка более 120 человек), казахов (выборка более 600 человек) и кыргызов (выборка около 90 человек). Каракалпаков и ногайцев, мы не будем рассматривать в данной статье, несмотря на репрезентативную количественную выборку [24], так как ни один каракалпакский и ногайский род не представлен качественной репрезентативной выборкой.

Выборка по казахам, в контексте родоплеменного деления наиболее репрезентативна и публиковалась уже не раз [55] [37] [22].

Среди данных народов можно выделить следующие кластеры (ниже мы пишем данные по тем родам, по которым есть качественная (не количественная) опубликованная репрезентативная выборка с детальным описанием происхождения (генеалогия, шежире)):

1. Башкиры:

1.1. Кыпчаки (Суюн, Бушман, Карый и т.д.) относятся к субкладу R1a-Z2123 [8, с.58]

1.2. «Майкыбиевичи» (Табыны и близкие к ним рода) относятся к субкладу R1a-Z2123 [8, с.58]

1.3. Канглы относятся к гаплогруппе G1 [41]

1.4. Бурзяне относятся к субкладу R1b1a2-Z2103 [30]

1.5. Гайна относится к субкладу R1b1a2a1a1b3-U152 [36]

Информация по оставшимся родам нерепрезентативная.

2. Казахи

2.1. Кыпчаки (Узун, Колденен, Карабалык) относятся к субкладу R1b1a1-M73 [28].

2.2. Бултын-Кыпчаки (Мадьяр, Кулатай и др.) относятся к гаплогруппе J2-M172 [26].

2.3. Аргыны относятся к гаплогруппе G1 [41]

2.4. Конырат (Кунгират) относят к субкладу C2b-M407 [29]

2.5. Алшыны относятся к субкладу C2a-M48 [26]

2.6. Уйсуну относятся двум субкладам: подразделения Шакшам, Сары-Уйсун, Дулат, Албан, Суан, Шапрашты относятся к субкладу C2a-F4002 (старкластер), подразделение Сргелы относится к субкладу N1c1-F4205 [31] [26].

2.7. Найманы. У Найманов доминирует 3 субклада: Баганалы найманы относятся к субкладу R1b1a2-Z2103, Толегетай найманы (Каракерей, Тортуыл, Матай, Садыр) относятся к субкладу O3-M175, Сарыжомарт найманы относятся к субкладу C2a-M48 [54] [26].

2.8. Табыны. У Косеули (Тартулы) Табынов доминирует субклад R1a-Z2124, у Шомишты и Таракты Табынов доминирует гаплогруппа C2-M217 [32]

2.9. Керей относятся к субкладу C2a-F4002 (старкластер) [33] [39]

2.10. Шанышкылы (Катаган) относятся к субкладу C2a-F4002 (старкластер) [26], который есть у Уйсунунов и Кереев. Старкластер традиционно отождествляется с монгольскими нирунами (нирунскими родами).

3. Кыргызы

3.1. Он Канат и Сол Канат, потомки Аналхакка (потомки адигине и Тагая) относятся к субкладу R1a-Z2125 [25].

3.2. Часть кыргызских Ичкиликов относятся к субкладу R1a-Z93* [25].

Сама методика использования данных полиморфизма Y-хромосомы состоит в том, что полученные факты должны быть интерпретированы историками. К примеру, если между двумя популяциями есть родственная связь (совпадение субкладов) и время жизни первого общего предка имеет определенное значение, то историки должны найти объяснительную модель связи данных популяций.

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что при интерпретации данных нужно игнорировать ненаучные аспекты данной проблемы. При объяснении этногенеза любого народа нельзя объяснять его только на основе полиморфизма Y-хромосомы, стоит учитывать данные аутосомных маркеров, антропологии, дерматоглифики и других прикладных исторических дисциплин. Исследование полиморфизма Y-хромосомы хороший прикладной генеалогический инструмент, позволяющий проверять достоверность генеалогий и шежире, а также проследить связи между разными родами и установить происхождения каждого рода, не имея исторических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамов Д.* Заметки о гаплогруппах Y-хромосомы якутов // *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2010. Т. 2. № 1. С. 3–14.
2. *Афанасьев Г.Е., Ван Л., Вень Ш., Вэй Л., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К., Ли Х., Тун С.* Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты) // Тезисы докладов на Всероссийской научной конференции «Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии». М.: ИА РАН. 2015.
3. *Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К.* О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН. С. 312–315.
4. *Балаганская О.А.* Полиморфизм Y-хромосомы у тюркоязычного населения Алтая, Саян, Тянь-Шаня и Памира в контексте взаимодействия генофондов Западной и Восточной Евразии. Диссертация на соискание степени кандидата биологических наук: М., 2011. 160 с.
5. *Балаганская О.А., Балановский О.П., Лавряшина М.Б., Кузнецова М.А., Романов А.Г., Дибирова Х.Д., Фролова С.А., Захарова Т.А., Баранова Е.Е., Сабитов Ж., Нимадава П., Балановская Е.В.* Генетическая структура по маркерам Y хромосомы народов Алтая (России, Казахстана, Монголии) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 2. С. 25–36.
6. *Балаганская О.А., Балановская Е.В., Лавряшина М.Б., Исакова Ж.Т., Сабитов Ж.М., Фролова С.А., Романов А.Г., Дибирова Х.Д., Кузнецова М.А., Захарова Т.А., Pitcharran R., Урасин В.М., Балаганский А.Г., Баранова Е.Г., Балановский О.П.* Полиморфизм Y хромосомы у тюркоязычного населения Алтае-Саян, Тянь-Шаня и Памира в контексте взаимодействия генофондов западной и восточной Евразии // Медицинская генетика. 2011. Т. 10. № 3. С. 12–22.
7. *Балановская Е.В., Боринская С.А., Бужилова А.П., Волков В.Г., Герасимова М.М., Година Е.З., Дубова Н.А., Дыбо А.В., Епископосян Л.М., Касьян А.С., Кашибадзе В.Ф., Клейн Л.С., Козинцев А.Г., Курбатова О.Л., Маркина Н.В., Пежемский Д.В., Перевозчиков И.В., Соколов А.Б., Тетушкин Е.Я., Хартанович В.И., Чистов Ю.К., Шнирельман В.А., Юсупов Ю.М., Яблонский Л.Т.* ДНК-демагогия Анатолия Клёсова // 13 января 2015 года. Троицкий Вариант. № 170. С. 1–2. Available at: <http://trv-science.ru/2015/01/13/dnk-demagogiya-kljosova/>
8. *Волков В.Г., Каримов А.А.* Происхождение и родственные связи племени Танып по данным генетических исследований // История башкирских родов. Танып. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. Т. 6. С. 50–65.
9. *Джансугурова Л.Б., Бекманов Б.О., Красоткин Е.В., Булентаева З.А., Мусралина Л.З., Курманов Б.К.* Генетические исследования костных останков из некрополя «Хан молласы» // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы-Актобе. С. 357–361.
10. *Епископосян Л.* Армяне проживают на этой территории минимум пять тысяч лет. Available at: <http://www.golosarmenii.am/article/29669/armyane-prozhivayut-na-etoj-territorii-minimum-pyat-tysyach-let>
11. *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2011. 544 с.
12. *Исмагулов О.* Освещение узловых вопросов антропологического этнокультурного и этнолингвистического развития в многоотомной истории казахского народа // Материалы Международной научно-практической конференции «История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания». Алматы, 18 апреля 2013 г. Алматы, 2013. С. 27–33
13. *Исмагулов О., Сихымбаева К.Б., Исмагулова А.О.* Этническая дерматоглифика казахов. Алматы, 2007. 240 с.
14. *Клейн Л.С.* «Происхождение славян, версия биохимическая. Рецензия на книгу: Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории» // Российский Археологический Ежегодник. № 5. 2015. С. 651–654.
15. *Клосов А.А.* Об одной древней гипотезе происхождения кыргызов в свете ДНК-генеалогии // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2011. Т. 4. №12. С.2251–2262.
16. *Клосов А.* Основная загадка во взаимоотношениях индоевропейской и тюркской языковых семей и попытка ее решения с помощью ДНК-генеалогии: соображения нелингвиста // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. 2010. Т 3. № 1. С. 2–57.
17. *Клосов А.А., Пензев К.* Арийские народы на просторах Евразии. М., 2015. 352 с.
18. *Клосов А.А.* Русские и украинцы братья? Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Zl25L92hIFI>
19. *Маркина Н.* Полное секвенирование отдельной гаплогруппы измеряет мутации и выявляет миграции. Available at: http://генофонд.рф/?page_id=2536
20. *Муратов Б.А.* Этногенез башкир: историография и современные исследования. М., 2013. 267 с.
21. *Нации и Национализм.* М.: Практика, 2002. 416 с.

22. Сабитов Ж.М., Акчуринов М.М. Генеалогии (Шежире) и генетические данные по происхождению постордынской родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. № 6. 2014. С. 127–139.
23. Сабитов Ж.М., Балаганская О.А., Кузнецова М.А., Тажигулова И.М., Балановский О.П., Дубербаев Д.М. Возможности популяционной генетики в реконструкции этногенеза тюркских народов // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 237–244.
24. Сабитов Ж.М., Даулет Б. Гаплогруппы и гаплотипы 50-ти каракалпаков // The Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) Т. 3. №3 (2011) / Т. 4. № 1 (2012). С. 83–90.
25. Сабитов Ж.М., Даулет Б. Потомки Адигине и Тагая среди киргизов // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 4. № 2 (2012) / Vol. 5. № 1 (2013). С. 48–51.
26. Сабитов Ж.М. Жабагин М.К. Этногенез казахов с точки зрения популяционной генетики // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана, 2015. С. 375–379.
27. Сабитов Ж.М. Исследования полиморфизма Y-хромосомы в контексте истории: современное состояние дисциплины // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 33–42.
28. Сабитов Ж.М. К вопросу о гаплогруппах кипшаков // «Ұлы Даланың тарихы: түріктер мен моңғолдар» Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2014. С. 102–107.
29. Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении казахских коньратов // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 7. № 2 (2015). С. 7–13.
30. Сабитов Ж.М. О происхождении башкирского племени бурзян // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 6. № 2 (2014) / Vol. 7. № 1 (2015). С. 22–28.
31. Сабитов Ж.М. О происхождении казахских родов сары-уйсун, дулат, албан, суан, ысты, шапрашты, ошакты, сргелы // The Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) Т 3. №3 (2011) / Т. 4. № 1 (2012). С. 94–98.
32. Сабитов Ж.М. О происхождении казахского рода табын // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 4. № 2 (2012) / Vol. 5. № 1 (2013). С. 13–16.
33. Сабитов Ж.М. О происхождении Кереев с точки зрения популяционной генетики // The Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) Т. 3. №3 (2011) / Т. 4. № 1 (2012). С. 91–93.
34. Сабитов Ж.М. Рецензия на монографию Б.А. Муратова «Этногенез башкир: историография и современные исследования» // Золотоордынское обозрение. № 3. 2014. С. 215–227.
35. Сабитов Ж.М. Субклады гаплогруппы R1a среди киргизов // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 7. № 2 (2015). С. 1–6.
36. Сабитов Ж.М. Этногенез башкир с точки зрения популяционной генетики // The Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) 2011. Т. 3. №2. С. 35–41.
37. Сабитов Ж.М. Этногенез казахов с точки зрения популяционной генетики // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Vol. 4. № 2 (2012) / Vol. 5. № 1 (2013). С. 29–47.
38. Суюнов Р.Р. Гены наших предков (2-е издание). Т. 3, серия «Этногеномика и ДНК-генеалогия», ЭИ Проект «Суюн». Vila do Conde. Lidergraf. 2014. 250 с.
39. Abilev S., Malyarchuk B., Derenko M., Wozniak M., Grzybowski T., Zakharov I. The Y-chromosome C3* star-cluster attributed to Genghis Khan's descendants is present at high frequency in the Kerey clan from Kazakhstan // Human Biology: Vol. 84: Issue 1, Article 12.
40. Allentoft M., Sikora M., Sjögren K., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P., Ebel A., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grube G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Douglas Price T., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenov V., Orlando L., Sichevitz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature 522. P. 167–172 (11 June 2015).
41. Balanovsky O., Zhabagin M., Agdzhoyan A., Chukhrayeva M., Zaporozhchenko V., Utevska O., Highnam G., Sabitov Zh., Greenspan E., Dibirova Kh., Skhalyakho R., Kuznetsova M., Koshel S., Yusupov Yu., Nymadawa P., Zhumadilov Zh., Haber M., Zalloua P., Yepiskoposyan L., Tyler-Smith C., Balanovska E. Deep phylogenetic analysis of the Y-chromosomal haplogroup G1 reveals migrations of Iranic speakers between South-West Asia and the Eurasian steppe // PLoS ONE, Published: April 7, 2015. Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0122968>
42. Bíró A., Zalán A., Völgyi A., Pamjav H. Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary) // American Journal of Physical Anthropology. 2009. Т. 139. №. 3. P. 305–310.

43. *Bíró A., Fehér T., Bárány G., Pamjav H.* Testing Central and Inner Asian admixture among contemporary Hungarians // *Forensic Science International: Genetics*. 2015. T. 15. P. 121–126.
44. *Cui Y., Li H., Ning C., Zhang Y., Chen L., Zhao X., Hagelberg E., Zhou H.* Y Chromosome analysis of prehistoric human populations in the West Liao River Valley, Northeast China // *BMC Evolutionary Biology* 2013, 13:216.
45. *Gao S-Z., Zhang Y., Wei D., Li H-J., Zhao Y-B., Cui Y-Q., Zhou H.* Ancient DNA reveals a migration of the ancient Di-qiang populations into Xinjiang as early as the early Bronze Age // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 157, Issue 1. P. 71–80. May 2015.
46. *Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S., Risch R., Rojo Guerra M., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Werner Alt K., Reich D.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015 June 11; 522(7555). P 207–211.
47. *Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemmann J., Crubezy E., Ludes B.* Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // *Forensic Science International: Genetics*, 2014, № 12. P. 199–207.
48. *Kang L.L., Jin T.B., Wu F., Ao X., Wen S.Q., Wang C.C., Huang Y.Z., Li X.L., Li H.* Y chromosomes of ancient Hunnu people and its implication on the phylogeny of East Asian linguistic families // *Materials of American Conference of Human Genetics*. Boston, 2013. Posterabstracts. P. 235.
49. *Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics* (2009). Vol. 126. P. 395–410.
50. *Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B.* Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the EgiinGol Valley of Mongolia // *American Journal of Human Genetics* 73 (2003). P. 247–260.
51. *Kim K., Brenner C., Mair V., Lee K-H., Kim J-H., Gelegdorj E., Batbold N., Song Y-C., Yun H-W., Chang E-J., Lkhagvasuren G., Bazarragchaa M., Park A-J., Lim I., Hong Y-P., Kim W., Chung S-I., Kim D-J., Chung Y-H., Kim S-S., Lee W-B., Kim K-Y.* A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 142, Issue 3. P. 429–440. July 2010.
52. *Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N., Roodenberg S.A., Harney E., Stewardson K., Fernandes D., Novak M., Sirak K., Gamba C., Jones E.R., Llamas B., Dryomov S., Pickrell J., Arsuaga J.L., Bermúdez de Castro J.M., Carbonell E., Gerritsen F., Khokhlov A., Kuznetsov P., Lozano M., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Rojo Guerra M.A., Roodenberg J., Vergès J.M., Krause J., Cooper A., Alt K.W., Brown D., Anthony D., Lalueza-Fox C., Haak W., Pinhasi R., Reich D.* Eight thousand years of natural selection in Europe. Available at: <http://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2015/10/10/016477.full.pdf>
53. *Petkovski E.* Polymorphismes ponctuels de séquence et identification génétique: étude par spectrométrie de masse MALDI-TOF. Strasbourg: Université Louis Pasteur, 2006. Dissertation.
54. *Tarlykov P., Zholdybayeva E., Akilzhanova A., Nurkina Zh., Sabitov Zh., Rahypbekov T., Ramanculov E.* Mitochondrial and Y-chromosomal profile of the Kazakh population from East Kazakhstan // *Croatian Medical Journal* 2013. Vol. 54. P. 17–24.
55. *Turuspekov Y., Sabitov Zh., Daulet B., Sadykov M., Khalidullin O.* The Kazakhstan DNA project hits first hundred Y-profiles for ethnic Kazakhs // *Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2011. Volume 2. № 1. P. 69–84.
56. *Yunusbayev B., Metspalu M., Metspalu E., Valeev A., Litvinov S., Valiev R., Akhmetova V., Balanovska E., Balanovsky E., Turdikulova S., Dalimova D., Nymadawa P., Bahmanimehr A., Sahakyan H., Tambets K., Fedorova S., Barashkov N., Khidiyatova I., Mihailov E., Khusainova R., Damba L., Derenko M., Malyarchuk B., Osipova L., Voevoda M., Yepiskoposyan L., Kivisild T., Khusnutdinova E., Villems R.* The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads Across Eurasia // *PLoS ONE*, Published: April 21, 2015. Available at: <http://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1005068>
57. *Zhao Y.-B., Zhang Y., Li H.-J., Cui Y.-Q., Zhu H., Zhou H.* Ancient DNA evidence reveals that the Y chromosome haplogroup Q1a1 admixed into the Han Chinese 3,000 years ago // *American Journal of Human Biology*. November/December 2014, Vol. 26, Issue 6. P. 813–821.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – доцент кафедры политологии Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева, Ph.D. (философия) (010008, ул. Мунайпасова, 5, Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

Population-Genetic Studies of the Turkic Peoples at the Present Stage

Zh.M. Sabitov

(L.N. Gumilev Eurasian National University)

This article describes the study of ethnogenesis of the Turkic peoples according to the methods of population genetics. The author identifies three approaches to research: 1. The study of autosomal markers; 2. A study of polymorphism of Y-chromosome among modern populations; 3. Investigation of polymorphism of Y-chromosome among ancient populations. The article describes the results of genetic studies of such ancient peoples as the Hunnu, Donghu, Scythians, the population of Zhou realm (China), representatives of the Yamnaya, Andronovo, Karasuk, Taghar and other archaeological cultures.

Interesting data on the pit culture coincides with the modern populations of the Burzyan and Naiman-Baganaly. Data on the Scythians, the Andronovo culture matches with modern tribes of the Kipchaks, Tabyn, Elan, and part of the Karachais. Data on the Karasuk culture matches with some of the Polish-Lithuanian Tatar families and modern Kyrgyz tribes of On and Sol Kanat (left and right wings).

This article presents data on the testing of autosomal markers, namely the timing of the beginning of the genetic admixture of different populations, which marked the beginning of the population under study. The author presents the dates of “genetic admixture” of such peoples as the Turks, Balkars, Chuvashes, Iranian Azerbaijanis, Tatars, Bashkirs, Kazakhs, Uighurs, Uzbeks, Kyrgyzes, Turkmens, Kumyks, Nogais. He offers the examples of how the ethno-genetic studies are used in scientific purposes, more precisely in the process of nation building while writing the “national histories” of various nations. The author describes the situation of use of genetic data in the national construction of the Jews, Bashkirs, Hungarians, Russians. The article describes the major haplogroups occurring among various Turkic families: 1. Bashkir tribes: Kipchaks, Tabyn, Gaina, Kangls, Burzyan; 2. Kazakh tribes: Qara Kipchaks, Bultyn-Kipchaks, Argyn, Konyrat (Kungirats), Alshyn, Uysun, Naimans, Tabyn, Kerei, Shanyshkyly (Katagan); 3. Kyrgyz tribes relating to subdivisions of the On Kanat, Sol kanat, Ichkilik.

Keywords: Y-chromosome polymorphism, autosome markers, ethnogenesis, Turkic peoples, Golden Horde, ancient DNA.

REFERENCES

1. Adamov D. Zametki o gaplogruppakh Y-khromosomy yakutov [Notes on the Y-chromosome Haplogroups of the Yakuts]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2010. Vol. 2. № 1, pp. 3–14.
2. Afanasyev G.E., Wang L., Wen Sh., Wei L., Dobrovolskaya M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K., Lee H., Tun S. Khazarskie konfederaty v bassejne Dona (arkheologicheskie, antropologicheskie i geneticheskie aspekty) [The Khazar Confederates in the Don Basin (archaeological, anthropological and genetic aspects)]. *Tezisy dokladov na Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Estestvennonauchnye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii»* [Abstracts of the All-Russian scientific conference “Natural-Scientific Research Methods and the Paradigm of Modern Archaeology”]. Moscow, 2015.
3. Afanasyev G.E., Dobrovolskaya M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K. O kul'turnoy, antropologicheskoy i geneticheskoy spetsifike donskikh alan [On the Cultural, Anthropological and Genetic Specificity of the Don Alans]. *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow. 21–25 of April 2014 [E.I. Krupnov and Development of the Archaeology of the Northern Caucasus. XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference] Moscow, 2015, pp. 312–315.
4. Balaganskaya O.A. *Polimorfizm Y- khromosomy u tyurkoyazychnogo naseleniya Altaya, Sayan, Tyan'-Shanya i Pamira v kontekste vzaimodeystviya genofondov Zapadnoy i Vostochnoy Evrazii*. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata biologicheskikh nauk [Polymorphism of Y-chromosome among the Turkic-speaking Population of the Altai, Sayan, Tien Shan and Pamir Mountains in the Context of the Interaction of the Gene Pools of Western and Eastern Eurasia. PhD dissertation]. Moscow, 2011. 160 p.
5. Balaganskaya O.A., Balanovskiy O.P., Lavryashina M.B., Kuznetsova M.A., Romanov A.G., Dibirova Kh.D., Frolova S.A., Zakharova T.A., Baranova E.E., Sabitov Zh., Nimadava P., Balanovskaya E.V. Geneticheskaya struktura po markeram Y khromosomy narodov Altaya (Rossii, Kazakhstana, Mongolii) [Genetic Structure according to the Y-chromosome Markers among the Peoples of Altai (Russia, Kazakhstan, Mongolia)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series XXIII. Anthropology]. 2011. № 2, pp. 25–36.
6. Balaganskaya O.A., Balanovskaya E.V., Lavryashina M.B., Isakova Zh.T., Sabitov Zh.M., Frolova S.A., Romanov A.G., Dibirova Kh.D., Kuznetsova M.A., Zakharova T.A., Pitchappan R., Urasin V.M., Balaganskiy A.G., Baranova E.G., Balanovskiy O.P. Polimorfizm Y khromosomy u tyurkoyazychnogo naseleniya Altae-Sayan, Tyan'-Shanya i Pamira v kontekste vzaimodeystviya genofondov zapadnoy i vostochnoy Evrazii [Y-chromosome Polymorphism among the Turkic-speaking Population of the Altai-Sayan, Tien Shan and Pamir Mountains

in the Context of the Interaction of the Gene Pools of the Western and Eastern Eurasia]. *Meditinskaya genetika* [Medical Genetics]. 2011. Vol. 10. № 3, pp. 12–22.

7. Balanovskaya E.V., Borinskaya S.A., Buzhilova A.P., Volkov V.G., Gerasimova M.M., Godina E.Z., Dubova N.A., Dybo A.V., Episkoposyan L.M., Kas'yan A.S., Kashbadze V.F., Kleyn L.S., Kozintsev A.G., Kurbatova O.L., Markina N.V., Pezhemskiy D.V., Perevozchikov I.V., Sokolov A.B., Tetushkin E.Ya., Khartanovich V.I., Chistov Yu.K., Shnirel'man V.A., Yusupov Yu.M., Yablonskiy L.T. DNK-demagogiya Anatoliya Klesova [DNA demagoguery of Anatoly Klyosov]. 13 of January 2015. Troitskiy Variant. № 170, pp. 1–2. Available at: <http://trv-science.ru/2015/01/13/dnk-demagogiya-kljosova/>

8. Volkov V.G., Karimov A.A. Proiskhozhdenie i rodstvennye svyazi plemeni Tanyp po dannym geneticheskikh issledovaniy [The Origin and Kinship of the Tanyp Tribe according to Genetic Research]. *Istoriya bashkirskikh rodov. Tanyp* [History of the Bashkir Tribes. Tanyp]. Ufa? 2014. Vol. 6, pp. 50–65.

9. Dzhangugurova L.B., Bekmanov B.O., Krasotkin E.V., Bulentaeva Z.A., Musralina L.Z., Kurmanov B.K. Geneticheskie issledovaniya kostnykh ostankov iz nekropolya «Khan mollasy» [Genetic Studies of Skeletal Remains from the Necropolis “Khan Mollasy”]. *Aralo-Kaspiyskiy region v istorii i kul'ture Evrazii: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan* [The Aral-Caspian Region in Eurasian History and Culture: Proceedings of the II International Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of Kazakhstan's independence]. Almaty–Aktobe, pp. 357–361.

10. Episkoposyan L. *Armyane prozhivayut na etoy territorii minimum pyat' tysyach let* [The Armenians Have Lived in This Territory for at Least Five Thousand Years]. Available at: <https://www.golosarmenii.am/article/29669/armyane-prozhivayut-na-etoy-territorii-minimum-pyat-tysyach-let>

11. Zand Sh. *Kto i kak izobrel evreyskiy narod* [Who and How Invented the Jewish People]. Moscow, 2011. 544 p.

12. Ismagulov O. Osveshchenie uzlovykh voprosov antropologicheskogo etnokul'turnogo i etnolingvisticheskogo razvitiya v mnogotomnoy istorii kazakhskogo naroda [Lighting the Key Questions of Ethno-Cultural and Ethno-Linguistic Anthropological Development in the Multi-Volume History of the Kazakh People]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Istoriya Kazakhstana: innovatsionnye kontseptsii i periodizatsiya kak prioritet nauchnogo poznaniya»* [Proceedings of International Scientific-Practical Conference “History of Kazakhstan: The Innovative Concepts and Periodizations as a Priority of Scientific Knowledge”]. Almaty, 2013, pp. 27–33.

13. Ismagulov O. Sikhymbaeva K.B. Ismagulova A.O. *Etnicheskaya dermatoglyfika kazakhov* [Ethnic Dermatoglyphics of the Kazakhs]. Almaty, 2007. 240 p.

14. Klein L.S. Proiskhozhdenie slavyan, versiya biokhimicheskaya. Retsenziya na knigu: Klyosov A.A. Proiskhozhdenie slavyan. DNK-genealogiya protiv «normanskoy teorii» [The Origin of the Slavs; A Biochemical Version. Book Review: Klyosov A.A. The Origin of the Slavs. DNA Genealogy against the “Norman Theory”]. *Rossiyskiy Arkheologicheskiy Ezhegodnik* [Russian Archaeological Annual]. № 5. 2015, pp. 651–654.

15. Klyosov A.A. Ob odnoy drevney gipoteze proiskhozhdeniya kyrgyzov v svete DNK-genealogii [On One Ancient Hypothesis of the Origin of the Kyrgyz in the Light of DNA Genealogy]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii DNK-genealogii* [Bulletin of the Russian Academy of DNA Genealogy]. 2011. Vol. 4. № 12, pp. 2251–2262.

16. Klyosov A.A. Osnovnaya zagadka vo vzaimootnosheniyakh indoevropeyskoy i tyurkskoy yazykovykh semey i popytka ee resheniya s pomoshch'yu DNK-genealogii: soobrazheniya nelingvista [The Main Mystery Regarding the Relationship of Indo-European and Turkic Language Families and an Attempt to Solve It with the Help of DNA-Genealogy: Considerations of a Non-Linguist]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii DNK-genealogii*. [Bulletin of the Russian Academy of DNA Genealogy]. 2010. Vol. 3. № 1, pp. 2–57.

17. Klyosov A.A. Penzev K. *Ariyskie narody na prostorakh Evrazii* [The Aryan Peoples in the Expanses of Eurasia]. Moscow, 2015. 352 p.

18. Klyosov A.A. *Russkie i ukraintsy brat'ya?* [Are the Russians and Ukrainians Brothers?] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Zl25L92hIFl>

19. Markina N. *Polnoe sekvenirovanie otdel'noy gaplogruppy izmeryaet mutatsii i vyyavlyayet migratsii*. [Complete Sequencing of an Individual Haplogroup Measures Mutations and Reveals Migrations]. Available at: http://xn--c1acc6aafal1c.xn--plai/?page_id=2536

20. Muratov B.A. *Etnogenez bashkir: istoriografiya i sovremennye issledovaniya* [Ethnogenesis of the Bashkirs: Historiography and Contemporary Research]. Moscow, 2013. 267 p.

21. *Natsii i Natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002. 416 p.

22. Sabitov Zh.M., Akchurin M.M. Genealogii (Shezhire) i geneticheskie dannye po proiskhozhdeniyu postordynskoy rodoplemennoy aristokratii [Genealogies (Shezhires) and Genetic Data on the Origin of Post-Golden Horde Tribal Aristocracy]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. № 6. 2014, pp. 127–139.

23. Sabitov Zh.M., Balaganskaya O.A., Kuznetsova M.A., Tazhigulova I.M., Balanovskiy O.P., Duberbaev D.M. Vozmozhnosti populyatsionnoy genetiki v rekonstruktsii etnogeneza tyurkskikh narodov [Possibilities of Population Genetics in the Reconstruction of Ethnogenesis of the Turkic Peoples]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Politicheskajai social'no-jekonomicheskaja istorija Zolotoj Ordj*.

[Golden Horde Legacy: Proceedings of the International Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde]. Kazan, 2011, pp. 237–244.

24. Sabitov Zh.M., Daulet B. Gaplogruppy i gaplotipy 50-ti karakalpakov [Haplogroups and Haplotypes of 50 Karakalpaks]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. (Russian version). Vol. 3. №3 (2011) / Vol. 4. №1 (2012), pp. 83–90.

25. Sabitov Zh.M., Daulet B. Potomki Adigine i Tagaja sredi kirgizov [Descendants of Adigine and Tagay among the Kyrgyz People]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. Vol. 4. № 2 (2012) / Vol. 5. № 1 (2013), pp. 48–51.

26. Sabitov Zh.M. Zhabagin M.K. Etnogenez kazakhov s tochki zreniya populyatsionnoy genetiki [Ethnogenesis of the Kazakhs in Terms of Population Genetics]. *Voprosy konstitutsional'nogo stroitel'stva i rol' lidera natsii. III kongress istorikov Kazakhstana* [Questions of Institution-Building and the Role of Leader of the nation. III Congress of Historians of Kazakhstan]. Astana, 2015, pp. 375–379.

27. Sabitov Zh.M. Issledovaniya polimorfizma Y-khromosomy v kontekste istorii: sovremennoe sostoyanie distsipliny [Research of Polymorphism of Y-chromosome in the Context of History: The Current State of the Discipline]. *Golden Horde Review*. 2014. № 1, pp. 33–42.

28. Sabitov Zh.M. K voprosu o gaplogruppakh kipshakov [On the Question of Haplogroups of the Kipchaks]. *Uly Dalany tarikh: turikter men mongoldar* [The History of the Great Steppe: The Turks and the Mongols]. Astana, 2014, pp. 102–107.

29. Sabitov Zh.M. K voprosu o proiskhozhdenii kazakhskikh konyratov [On the Origins of the Kazakh Tribe Konyrat]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. Vol. 7. № 2 (2015), pp. 7–13.

30. Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii bashkirskogo plemeni burzyan [On the Origin of the Bashkir Tribe Burzyan]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. Vol. 6. № 2 (2014) / Vol. 7. № 1 (2015), pp. 22–28.

31. Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii kazakhskikh rodov Sary-uysun, Dulat, Alban, Suan, Ysty, Shaprashty, Oshakty, Srgely [On the Origin of the Kazakh Clans Sary-Uysun, Dulat, Alban, Suan, Ysty, Shaprashty, Oshakty, Srgely]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. (Russian version). Vol. 3. №3 (2011) / Vol. 4. № 1 (2012), pp. 94–98.

32. Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii kazakhskogo roda tabyn [On the Origin of the Kazakh tribe Tabin]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy* (Russian version). Vol. 4. № 2 (2012), pp. 13–16.

33. Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii kereev s tochki zreniya populyatsionnoy genetiki [On the Origin of the Kereys in Terms of Population Genetics]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. (Russian version). Vol. 3. №3 (2011) / Vol. 4. № 1 (2012), pp. 91–93.

34. Sabitov Zh.M. Recenzija na monografiju B.A. Muratova «Etnogenez bashkir: istoriografija i sovremennye issledovaniya» [Review on the B.A. Muratov's monograph “Ethnogenesis of the Bashkirs: Historiography and Contemporary Research”]. *Golden Horde Review*. 2014. № 3, pp. 215–227.

35. Sabitov Zh.M. Subklady gaplogruppy R1a sredi kyrgyzov [Subclades of Haplogroup R1a among the Kyrgyz People]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. Vol. 7. № 2 (2015), pp. 1–6.

36. Sabitov Zh.M. Etnogenez bashkir s tochki zreniya populyatsionnoy genetiki [Ethnogenesis of the Bashkirs in Terms of Population Genetics]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. (Russian version) 2011. Vol. 3. №2, pp. 35–41.

37. Sabitov Zh.M. Etnogenez kazakhov s tochki zreniya populyatsionnoy genetiki genetiki [Ethnogenesis of the Kazakhs in Terms of Population Genetics]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. (Russian version). Vol. 4. № 2 (2012) / Vol. 5. № 1 (2013), pp. 29–47.

38. Suyunov R.R. *Geny nashih predkov* [The Genes of Our Ancestors]. Volume 3, a series of «Ethnogenomics and DNA-Genealogy». EI Project «Suyun». Vila do Conde. Lidergraf. 2014. 250 p.

39. Abilev S., Malyarchuk B., Derenko M., Wozniak M., Grzybowski T., Zakharov I. The Y-chromosome C3* star-cluster attributed to Genghis Khan's descendants is present at high frequency in the Kerey clan from Kazakhstan. *Human Biology*. Vol. 84: Is. 1, Article 12.

40. Allentoft M., Sikora M., Sjögren K., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P., Ebel A., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Douglas Price T., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichevitz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 522, pp. 167–172 (11 June 2015).

41. Balanovsky O., Zhabagin M., Agdzhoyan A., Chukhrayeva M., Zaporozhchenko V., Utevska O., Highnam G., Sabitov Zh., Greenspan E., Dibirova Kh., Skhalyakho R., Kuznetsova M., Koshelev S., Yusupov Yu., Nymadawa P., Zhumadilov Zh., Haber M., Zalloua P., Yepiskoposyan L., Tyler-Smith C., Balanovska E. Deep phylogenetic analysis of the Y-chromosomal haplogroup G1 reveals migrations of Iranic speakers between South-

West Asia and the Eurasian steppe. *PLoS ONE*, Published: April 7, 2015. Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0122968>

42. Bíró A., Zalan A., Völgyi A., Pamjav H. Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary). *American Journal of Physical Anthropology*. 2009. T. 139. №. 3, pp. 305–310.

43. Bíró A., Fehér T., Bárány G., Pamjav H. Testing Central and Inner Asian admixture among contemporary Hungarians. *Forensic Science International: Genetics*. 2015. Vol. 15, pp. 121–126.

44. Cui Y., Li H., Ning C., Zhang Y., Chen L., Zhao X., Hagelberg E., Zhou H. Y Chromosome analysis of prehistoric human populations in the West Liao River Valley, Northeast China. *BMC Evolutionary Biology* 2013, 13, p. 216.

45. Gao S-Z., Zhang Y., Wei D., Li H-J., Zhao Y-B., Cui Y-Q., Zhou H.. Ancient DNA reveals a migration of the ancient Di-qiang populations into Xinjiang as early as the early Bronze Age. *American Journal of Physical Anthropology*. Volume 157, Issue 1, pp. 71–80, May 2015.

46. Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S., Risch R., Rojo Guerra M., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Werner Alt K., Reich D. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 2015 June 11; 522(7555), pp. 207–211

47. Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crubezy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative marker. *Forensic Science International: Genetics*, 2014, № 12, pp. 199–207.

48. Kang L.L., Jin T.B., Wul F., Ao X., Wen S.Q., Wang C.C., Huang Y.Z., Li X.L., Li H. Y chromosomes of ancient Hunnu people and its implication on the phylogeny of East Asian linguistic families. *Materials of American Conference of Human Genetics*. Boston, 2013. Posterabstracts, p. 235.

49. Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics* (2009), 126, pp. 395–410.

50. Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B.. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the EgiinGol Valley of Mongolia. *American Journal of Human Genetics* 2003, 73, pp. 247–260.

51. Kim K., Brenner C., Mair V., Lee K-H., Kim J-H., Gelegdorj E., Batbold N., Song Y-C., Yun H-W., Chang E-J., Lkhagvasuren G., Bazarragchaa M., Park A-J., Lim I., Hong Y-P., Kim W., Chung S-I., Kim D-J., Chung Y-H., Kim S-S., Lee W-B., Kim K-Y. A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia. *American Journal of Physical Anthropology*. Volume 142, Issue 3, pp. 429–440, July 2010.

52. Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N., Roodenberg S.A., Harney E., Stewardson K., Fernandes D., Novak M., Sirak K., Gamba C., Jones E.R., Llamas B., Dryomov S., Pickrell J., Arsuaga J.L., Bermúdez de Castro J.M., Carbonell E., Gerritsen F., Khokhlov A., Kuznetsov P., Lozano M., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Rojo Guerra M.A., Roodenberg J., Vergès J.M., Krause J., Cooper A., Alt K.W., Brown D., Anthony D., Lalueza-Fox C., Haak W., Pinhasi R., Reich D. *Eight thousand years of natural selection in Europe*. Available at: <http://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2015/10/10/016477.full.pdf>

53. Petkovski E. *Polymorphismes ponctuels de séquence et identification génétique: étude par spectrométrie de masse MALDI-TOF*. Strasbourg: Université Louis Pasteur, 2006. Dissertation.

54. Tarlykov P., Zhodybayeva E., Akilzhanova A., Nurkina Zh., Sabitov Zh., Rahypbekov T., Ramanulov E. Mitochondrial and Y-chromosomal profile of the Kazakh population from East Kazakhstan. *Croatian Medical Journal* 2013, 54, pp. 17–24.

55. Turuspekov Y., Sabitov Zh., Daulet B., Sadykov M., Khalidullin O. The Kazakhstan DNA project hits first hundred Y-profiles for ethnic Kazakhs. *Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2011. Vol. 2. № 1, pp. 69–84.

56. Yunusbayev B., Metspalu M., Metspalu E., Valeev A., Litvinov S., Valiev R., Akhmetova V., Balanovska E., Balanovsky E., Turdikulova S., Dalimova D., Nymadawa P., Bahmanimehr A., Sahakyan H., Tambets K., Fedorova S., Barashkov N., Khidiyatova I., Mihailov E., Khusainova R., Damba L., Derenko M., Malyarchuk B., Osipova L., Voevoda M., Yepiskoposyan L., Kivisild T., Khusnutdinova E., Vilems R. The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads Across Eurasia. *PLoS ONE*, Published: April 21, 2015. Available at: <http://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1005068>

57. Zhao Y.-B., Zhang Y., Li H.-J., Cui Y.-Q., Zhu H., Zhou H. Ancient DNA evidence reveals that the Y chromosome haplogroup Q1a1 admixed into the Han Chinese 3,000 years ago. *American Journal of Human Biology*. November/December 2014, Vol. 26, Is. 6, pp. 813–821.

About the author: Zhaksylyk Muratovich Sabitov – Associate Professor, Political Science Department, L.N. Gumilev Eurasian National University, Ph.D. (Philosophy) (010008, Munaytpasov st., 5, Astana, Kazakhstan); babasan@yandex.ru

УДК 908:01(477.75)

Книжная новинка:
Непомнящий А.А. История и этнография
народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)
(Серии: «Библиография крымоведения», вып. 25;
«Крым в истории и экономике России».
Симферополь: ООО «Антика», 2015. 936 с.)

Т.Ф. Хайдаров

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В 2015 г. было опубликовано новое крупное научно-справочное издание доктора исторических наук, сотрудника Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ, профессора А.А. Непомнящего. Этот труд завершает 15 летнее исследование корпуса историко-этнографического крымоведческого историографического наследия периода с 1921 по 1945 г., то есть преимущественно периода нахождения Крымской АО в составе РСФСР. Издание содержит обширную информацию об отдельных изданиях, статьях в центральных и местных журналах и газетах, а также рукописи неизданных работ крымоведов. Привлечен уникальный архивный материал из 35 хранилищ Российской Федерации, Украины, Чешской республики.

Вышедшая в 2001 г. первая часть указателя в основном охватывала досоветский период (1783–1920). Работа над ним из-за того, что в досоветский период составление библиографических сводов развивалось постоянно, хотя и не планомерно, к тому же в наличие у автора имелся целый корпус различных справочных изданий и содержащий более 10 тысяч записей капитальный библиографический справочник, не потребовала много времени. В отличие от него обработка материала для второй части, вследствие крайне ограниченного перечня использованных ранее учеными советского довоенного периода источников и литературы, потребовала более тщательной обработки имеющего историографического материала. Ситуация осложнялась, по признанию самого автора, тем, что в силу различных политических и идеологических коллизий 20-х – 30-х гг. XX в. основная часть историко-краеведческого наследия республики Крым этой эпохи до последнего времени оставалась неизвестна потенциальным исследователям. Введение их в научный оборот будет способствовать объективному, всестороннему освещению сложных исторических процессов, происходивших на полуострове в те противоречивые времена.

Всего в библиографическом указателе содержится порядка 8744 позиций работ опубликованных в период с 1921 по 1945 гг., и 1734 библиографических записей, дополняющих информацию первого тома. Информация представлена в алфавитном порядке на европейских языках. Представленный материал содержит информацию о месте, времени публикации, общем количестве страниц, инициалах авторов и подготовивших к печати редакторов. Главным критерием отбора публикаций для внесения в указатель стало наличие там информации по истории и этнографии крымских этносов и развитие культуры на полуострове. Все издания проверялись в других справочниках на корректность написания названия. Это позволило выявить несколько тысяч ранее не отмеченных в других библиографических указателях работ.

Несомненным достоинством работы А.А. Непомнящего является включение в список работ по истории и культуре народов Крыма ранее неизвестных многочисленных рукописей крымоведов. Сложность в работе с ними заключалась в том, что многие из них были разбросаны в десятках фондах архивных хранилищ России, Украины, Турции и ряда европейских стран. Это напрямую способствует реконструкции объективной картины развития крымоведения в указанный период. Изучение личной переписки историков-крымоведов позволило заполнить лакуны в представлениях о развитии историографии Крыма в советский период, открыть ранее неизвестные

имена, очертить основной круг исследовательской проблематики крымских исследователей и значительно расширить представление о научном наследии уже известных ранее крымских историков, археологов и этнографов.

Таким образом можно констатировать, что в результате многолетней исследовательской работы известного крымского историка, доктора исторических наук, профессора А.А. Непомнящего стала публикация уникального библиографического указателя. Его появление безусловно будет способствовать активизации интереса к Крыму и позволит раскрыть целый ряд страниц в истории полуострова.

Ключевые слова: Крым, историография и этнография советского периода, крымоведение, историческое краеведение, архивные фонды.

Сведения об авторе: Тимур Фаритович Хайдаров – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); timkh2000@yandex.ru

New Book: *Nepomnyashchiy A.A. History and Ethnography of the Crimean Peoples: Bibliography and Archives (1921–1945) (Series: “Bibliography of the Crimean Studies”, Iss. 25; “Crimea in the Russian History and Economics”. Simferopol: OOO “Antica”, 2015. 936 p.)*

T.F. Khaydarov
(*Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*)

A new major academic reference book of Professor and Doctor of Historical Studies A.A. Nepomnyashchiy, Fellow of the Crimean Research Center of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan has been published in 2015. This work completes the 15-years study of corpus of historical and ethnographical Crimean studies' historiographical heritage of the period from 1921 to 1945, that is predominantly of the period when the Crimean Autonomous Region was a part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. This publication contains extensive information about particular publications, articles in national and local magazines and newspapers as well as manuscripts of unpublished works of the Crimean studies' researchers. The author has used unique archival materials from 35 Russian, Ukrainian and Czech repositories.

In total, a bibliographic index contains 8744 titles of works published during the period from 1921 to 1945 and 1734 bibliographic entries complementing information of the first volume. The information is presented in alphabetical order in European languages. Submitted material contains information about the place and time of each publication, total number of pages, the initials of the authors and editors of publications. The main criterion for selection of publications for their inclusion in the index has been the availability within them of information on the history and ethnography of the Crimean ethnic groups and cultural development on the peninsula. All the publications have been checked in other reference books for the correct spelling of the title. This allowed to reveal several thousand of works that have not been previously listed in other bibliographies.

Keywords: Crimea, historiography and ethnography of the Soviet period, Crimean regional studies, historical regional studies, archival funds.

About the author: Timur Faritovich Khaydarov – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); timkh2000@yandex.ru

Список научных работ Э.С. Кульпина-Губайдуллина по проблемам истории Золотой Орды

1995

Взлет и падение Золотой Орды // Генетические коды цивилизаций. М.: Московский лицей, 1995. С. 55–73.

Путь России. М.: Московский лицей, 1995. 200 с. (*монография*).

Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 1 (1,0 п.л.).

1996

Россия в Евразийском пространстве // Вестник Евразии. 1996. № 1(2) (1,0 п.л.).

1998

Золотая Орда. Проблемы генезиса российского государства. М.: Московский лицей, 1998. 240 с. (*монография*).

1999

Эволюция славяно-тюркского суперэтноса // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1999. №3/4. С. 173–179.

2000

Смутное время – бифуркационный момент эволюции российской цивилизации // Поиск истоков. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. С. 73–84.

2001

Русь между Западом и Востоком. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 224 с. (*монография*).

Средневековый социально-экологический кризис в степях Восточной Европы // Степной бюллетень. Зима 2001. № 9. С. 18–24.

Средневековый социально-экологический кризис в степях Восточной Европы // Экология и почвы. Пушино; М., 2001. С. 102–110.

Цивилизационный феномен Золотой орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 74–88.

2002

Борьба за природные ресурсы // Природа и самоорганизация общества. М.: Московский лицей, 2002. С. 118–137.

Граница леса и степи в судьбе России // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 300–305.

Момент сомнения // Евразийство: проблемы осмысления (по итогам международной научной конференции 14–15 сентября 2002 г.). Уфа: Восточный университет, 2002. С. 132–144.

2003

Две смуты: опыт сравнения // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 96–107.

Природа в истории Российского государства // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всероссийской научной конференции (12 мая 2003 г.). Челябинск: ЮУрГУ, 2003 (1,0 п.л.).

2004

Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 80–94 (соавтор – К.Петкевич).

Лекция Э.С.Кульпина-Губайдуллина от 31 мая 2003 г. (Открытый университет, Чебоксары). М.: Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2004. С. 184–216.

Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 167–186.

2005

Демографические и миграционные процессы тюрков и славян в Восточной Европе XIV–XVII вв. // Восток. 2005. №4. С.14–24.

Эволюция российской ментальности. М.: ИАЦ Энергия, 2005. 188 с. (соавторы – Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М.) *(монография)*.

2006

Евразия: пусковой механизм эволюции // Человек и природа: из прошлого в будущее. М.: ИАЦ-Энергия, 2006. С. 7–74.

Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Издание второе, испр.. М.: КомКнига, 2006. 176 с. *(монография)*.

Золотая Орда: судьбы поколений (статья первая) // Восток. 2006. № 6. С. 26–41.

2007

Золотая Орда: судьбы поколений (статья вторая) // Восток. 2007. № 1. С. 44–55.

Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Издание третье. М.: КомКнига, 2007. 176 с. *(монография)*.

2008

Восточный ритм русской истории // Общественные науки и современность. 2008. №6. С. 60–73.

Журнальная версия монографии «Золотая Орда: судьбы поколений» // Полуостров (Украина, Крым, Симферополь). 2008. №№ 8–40 (7,6 а.л.).

Золотая Орда: судьбы поколений. М.: ИНСАН, 2008. 192 с. *(монография)*.

Из прошлого татар: расцвет цивилизации Золотой Орды // Научный Татарстан. 2008. №1. С. 22–38.

Монгольское государство и тюрки Улуса Джучи // Фаизхановские чтения. Н.Новгород: Медина, 2008. С.16–19.

Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с. *(монография)*.

Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 7–13.

2009

Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Издание четвертое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с. *(монография)*.

История Отечества. VIII–XVIII века: учебн. пособие. М.: МФТИ, 2009. 251 с. *(курс лекций)*.

О происхождении и специфике горожан Золотой Орды // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийский степей. Тезисы докладов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 128–138.

Специфика полиса и хоры в Золотой Орде и вызовы современности // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой орды (XIII–XV вв.). 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 54–59.

Экологические и экономические критерии цивилизованности Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 9–18.

2010

Золотая Орда: судьбы поколений. Спец. версия для серии «Библиотека газеты «Полуостров». Киев: ПЦ «Фолиант»; Симферополь: Полуостров, 2010. 208 с. *(монография)*.

О временных единицах измерения жизни социума // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 78–88.

2011

Золотая Орда: судьбы поколений. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 192 с. *(монография)*.

2012

Русь между Западом и Востоком = Rus między Zachodem i Wschodem: билингва польско-русский. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 232 с. *(монография)*.

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Правила для авторов смотрите на сайте ежегодника:

<http://civil.goldhorde.ru>

Instructions to authors look at the website of the Research Annual:

<http://civil.goldhorde.ru>

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
GOLDEN HORDE CIVILIZATION
№ 9. 2016

Научный ежегодник

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 04.05.2016 г. Формат 60×84 1/8
Усл. печ. л. 44,5 + 3,0 цв.вкл. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5. Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

Издания Центра исследований
Золотой Орды и татарских ханств
Института истории АН РТ на сайте:
<http://www.tataroved.ru/institut/cizc/1/>